

Третьи Пермские
научно-образовательные чтения
ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
РОМАНОВЫХ

Администрация губернатора
Пермского края

Правительство Калининградской
области

Правительство Республики
Татарстан

Фонд содействия возрождению
традиций милосердия и
благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество»

Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»

Институт всеобщей истории Российской Академии Наук

Пермский государственный архив социально-политической истории

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПОД СКИПЕТРОМ РОМАНОВЫХ

К 300-ЛЕТИЮ

ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РОССИИ

ИМПЕРИЕЙ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под редакцией

А.В. Громовой,

С.В. Неганова

КАЛИНИНГРАД – ПЕРМЬ – КАЗАНЬ

2022

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

П 44

Ответственные редакторы сборника:

А. В. Громова, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель
Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»

С. В. Неганов, директор Пермского государственного архива социально-политической
истории (ПермГАСПИ)

Редакционно-издательская группа:

М. А. Старкова, кандидат политических наук, заместитель директора ПермГАСПИ;

И. Ю. Федотова, начальник отдела научно-справочного аппарата ПермГАСПИ;

М. В. Софьина, кандидат исторических наук, заместитель начальника
научно-публикаторского отдела ПермГАСПИ, ответственный за выпуск;

О. Д. Затопляева, главный археограф ПермГАСПИ;

В. А. Шустова, архивист ПермГАСПИ

Рецензенты:

Л. В. Женина, кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой общего образования Института развития образования
Пермского края, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета;

С. М. Рязанов, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Пермского института ФСИН России

Оформление обложки: **О. П. Трушников**

П 44 Под скипетром Романовых. К 300-летию провозглашения России Империей: материалы международной научно-практической конференции (г. Калининград, 4 июня 2021 г.; г. Пермь, 14–15 июня 2021 г.; г. Казань, 22 июля 2021 г.) / под ред. А. В. Громовой, С. В. Неганова. – Пермь, 2022. – 720 с.

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Под скипетром Романовых. К 300-летию провозглашения России Империей», состоявшейся в городах Калининграде, Перми и Казани в июне – июле 2021 г. Организаторами конференции выступили Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», Администрация губернатора Пермского края, Правительство Калининградской области, Правительство Республики Татарстан, при содействии Института всеобщей истории РАН. Конференция проходила на базе Пермского государственного архива социально-политической истории, Балтийского федерального университета им. И. Канта и Казанского (Приволжского) федерального университета. В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской области, Пермского края, Республики Татарстан, Республики Крым, Омской, Ростовской и Воронежской областей, а также из Республики Узбекистан. В сборнике также традиционно опубликованы архивные документы, отражающие историю Дома Романовых. Книга предназначена историкам, философам, политологам, социологам, краеведам, специалистам архивных служб, археографам и всем читателям, интересующимся отечественной историей.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-85383-893-2

АО «ИПП «Уральский рабочий»

© Пермский государственный архив
социально-политической истории, 2022

Сессия I.

Калининград, 4 июня 2021 г.

Российская Империя: проекция на Запад

**Приветственное слово Р. В. Балашова,
заместителя полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Северо-Западном федеральном округе**

Высокоуважаемая Анна Витальевна, дорогие друзья. Позвольте от имени полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Александра Владимировича Гущана поприветствовать всех участников нашей конференции, поблагодарить всех тех, кто приложил усилия для того, чтобы это очень важное и в научном, и в политическом, и в гуманитарном смысле событие для нашего региона состоялось.

В прошлом году, когда мы с вами голосовали за внесение изменений в Конституцию, в ней появилась новая норма: «историческая правда», – и это касается не только истории, связанной с Великой Отечественной войной, потому что мы сейчас видим, что со стороны целого ряда западных государств ведется системная работа по дискредитации всей великой российской истории. Поэтому мы здесь сегодня, когда говорим о 300-летию Российской Империи... в самом начале нашей встречи говорили о самых разных аспектах деятельности династии Романовых, которые неразрывно связаны с историей нашей страны, с историей Империи: это и благотворительность, и культура, и просвещение.

И действительно, 300 лет назад благодаря гению Петра Россия вошла в число великих государств, мы стали великой державой, державой, которой не было и не будет равных в мировой истории. И для нас очень важно, что благодаря Елисаветинско-Сергиевскому обществу, благодаря всем вам, дорогие гости, мы формируем единое историческое пространство России, мы доносим нашу точку зрения, мы обмениваемся мыслями и делаем все необходимое для того, чтобы великая российская история, наши славные предки, наши славные деяния не были забыты, для того чтобы мы находили все новые и новые аспекты и грани их деятельности, доносили их до научного сообщества и, конечно, до жителей нашего региона, до жителей нашей страны.

Поэтому еще раз, дорогие друзья, позвольте поблагодарить всех участников и организаторов данной конференции. Спасибо.

Роман Викторович Балашов,
*заместитель полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Северо-Западном федеральном округе*

Приветственное слово
А. В. Ермака, министра по культуре и туризму
Калининградской области

Уважаемый Алексей Борисович, уважаемая Анна Витальевна, уважаемые коллеги! Спасибо большое за возможность выступить на сегодняшнем мероприятии. Я хотел бы построить свое короткое выступление на трех аспектах.

Первый аспект – это огромная благодарность, Анна Витальевна, Вам, Александр Александрович, Вам, Андрей Павлович, и, безусловно, Вам, Роман Викторович, то есть тем людям, благодаря которым это мероприятие состоялось, потому что вы взяли на себя львиную долю организационной и содержательной работы, поэтому – огромное спасибо вам.

Второй аспект, который я хотел бы отметить, – это то, что «Царские Дни» действительно уже выходят за рамки своего первоначального замысла. В общем-то, и в 2019-м году, когда мы их проводили, мы не рассматривали их исключительно как научное мероприятие или только как просветительское мероприятие, мы рассматривали их в аспекте в том числе и выставочной деятельности и развития туристического потенциала Калининградской области. И еще раз огромное спасибо, что Вы продолжаете, Анна Витальевна, эту работу, не забываете Калининградскую область – для нас это очень важно и, безусловно, приятно.

Коллеги здесь уже сказали о не то чтобы особом, но значительном и необычном положении Калининградской области, потому что на многих конференциях, круглых столах я вижу скептические улыбки коллег, когда мы говорим о Калининградской области в контексте Российской Империи, в контексте Романовых, но когда они начинают узнавать факты, которые связаны с Калининградской областью, о которых достаточно подробно Алексей Борисович сообщил, – это и Семилетняя война, и Наполеоновские войны, и Первая мировая война, то, конечно, сразу

скепсис сменяется удивлением, люди начинают, наоборот, интересоваться еще больше.

И в связи с этим – несколько предложений.

Мы сейчас ведем работу – многие, конечно, знают – по увековечению различных исторических событий, по приданию им определенного статуса. Это Гросс-Егерсдорфское поле, где мы использовали проект Российского военно-исторического общества «Маяки памяти» и сделали там соответствующий мемориал. Сейчас мы получили открытый лист на археологические исследования Гросс-Егерсдорфского поля (и уже предварительно обнаружили место захоронения павших солдат), для того чтобы провести необходимые археологические исследования и узнать больше об этом сражении.

Вообще, сам проект «Маяки памяти» у нас достаточно популярен, и мы активно его продвигаем на территории региона, но – Андрей Павлович сказал, что Калининградская область от года к году становится все более популярным местом для туризма – очень отрадно отметить, что самая популярная причина, по которой к нам приезжают, – это не море, потому что море у нас достаточно специфическое и отличается от Черного и Средиземного, а, подчеркну, самая главная причина, по которой к нам приезжают, – это историко-культурное наследие, это среда, в которую попадают туристы и благодаря которой они возвращаются.

У нас порядка 60 процентов туристов, – это возвратные туристы, которые приезжают второй, третий, четвертый раз, и они, безусловно, когда посетили наши самые популярные достопримечательности, «обращают взор» на такие места, которых, может быть, нет в известных путеводителях, но тем не менее они представляют очень серьезный историко-культурный интерес. Не случайно мы вошли в 2019 году в рейтинг «National Geographic», где заняли первое место именно как экскурсионный регион: не по пляжу, не по гастрономии, не по экологическим маршрутам, а именно по экскурсионке. Поэтому могу сказать, что здесь

у нас уже достаточно неплохие результаты, но потенциал далеко не исчерпан.

Андрей Павлович обоснованно затронул тему программы «Мы – россияне». Выскажу несколько предложений, и, может быть, впоследствии можно будет их обсудить.

Первое – это сделать «Императорский маршрут» базовым или одним из обязательных маршрутов для программы «Мы – россияне». Мы понимаем, что сейчас эта программа в основном ориентирована на Петербург и Москву, потому что это легче всего сделать логистически, но мы же не боимся барьеров, для нас легкие пути – это не наши дороги, мы, как правило, прокладываем дороги, по которым потом едут после нас. Поэтому, мне кажется, это была бы уместная инициатива, рассмотреть ее можно было бы, например, в рамках туристической выставки «Отдых», обсудить какие-то практические шаги по тому, как интегрировать маршрут в программу.

Затем, конечно, хотелось бы расширить программу Российского военно-исторического общества в контексте «Маяков памяти», потому что это очень удачное, очень яркое решение для того, чтобы сделать первый шаг к, скажем так, культивированию туристского интереса к тому или иному объекту. Мы каждый год участвуем в этой программе, работаем, ставим три, четыре, пять, иногда семь «Маяков памяти». Этого явно недостаточно, мы можем больше. Для этого у нас есть деньги, есть желание, и нам нужна со стороны федерального РВИО только рекомендация, что делать, чтобы эту тему развивать более интенсивно.

Еще одно предложение. У нас есть еще одна достаточно интересная история: мы субсидируем детские туры в Калининградскую область. Когда группы детей приезжают к нам, мы туроператорам субсидируем 10 тысяч рублей на один билет. И те туроператоры, которые выигрывают эти конкурсы у нас, у них в обязательном порядке в базовом туристическом пакете существуют экскурсии, связан-

ные с тем, что мы сейчас называем «Императорским маршрутом». То есть мы в рамках этого мероприятия подпишем соответствующее соглашение, сможем использовать брендинг и все необходимое, для того чтобы соответствовать названию «Императорский маршрут». Благодаря Сусанне Викторовне мы предварительную работу уже завершили, осталось только подписать соглашение.

По такому же принципу мы работаем сейчас с туроператорами по темам, касающимся Великого князя Александра Невского и местам пребывания Петра Первого: разработаны специальные экскурсии, они входят в базовый пакет для субсидируемого маршрута. Только тот туроператор, который имеет эти маршруты в своем пакете, может получить субсидию. Мне кажется, эту практику, что мы уже неоднократно обсуждали, можно было бы расширить на всю страну. В этом нет ничего сложного, этот проект мы называем «три в одном», суть его заключается в следующем: федерация субсидирует РСТ, регион субсидирует проживание и питание для туроператора, а родители либо какая-то институция, которая отправляет детей, оплачивают экскурсионную программу. Три таких шага могли бы позволить нам использовать потенциал детского туризма, а детский туризм – это очень важное направление: один ребенок генерирует потом три поездки взрослых. И, как правило, детям очень интересны именно историко-культурные аспекты, потому что они естественно, как губка, впитывают всю информацию, потом передают родителям, знакомым и так далее. Эту тему мы уже обсуждали с РСТ, в частности с Ольгой Санаевой, также с Зариной Догузовой и с Ольгой Борисовной Любимовой. Поэтому прошу, Анна Витальевна, поддержать эту инициативу.

Спасибо большое за внимание и за возможность выступить на мероприятии.

*Андрей Викторович Ермак,
министр по культуре и туризму
Калининградской области*

**Приветственное слово А. А. Федорова,
ректора Балтийского федерального университета
им. И. Канта**

Дорогие коллеги, дорогие друзья, у нас сегодня событие, в общем-то, очень позитивное и радостное, поскольку Анна Витальевна предложила начать день с молебна, это задало всем хорошее настроение, и я хочу пожелать, что такое настроение сегодня у всех и оставалось. Разрешите от лица Балтийского федерального университета приветствовать Анну Витальевну Громову, кандидата исторических наук, руководителя международного центра «Благодетельность в истории» Института всеобщей истории РАН, председателя наблюдательного совета Фонда содействия традициям милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». Для нас большая честь, что сегодня мы подписали соглашение, которое, думаю, положит начало многолетнему сотрудничеству и формированию просветительско-образовательной программы для студентов, аспирантов, преподавателей и продвижению идей русской государственности в западном регионе России и вообще, учитывая, что мы – федеральный университет, в Северо-Западном федеральном округе.

Думаю, что формат сегодняшней нашей конференции и многообразие представленных тем как раз и задает рамки этой будущей программы, она многообразна, многоуровневая, она дает возможность каждому найти там свое место

и действительно сформировать новые исследовательские темы на нашем историческом направлении. Хочу поблагодарить Анну Витальевну за эту идею и уверить, что мы со своей стороны в рамках наших полномочий действительно сделаем многое, чтобы эта программа стала не просто частью какого-то соглашения и существовала на бумаге, но – хорошей практической деятельностью по реализации образовательно-просветительских проектов.

Рад вас приветствовать.

*Александр Александрович Федоров,
доктор философских наук, профессор,
ректор Балтийского федерального университета
им. И. Канта*

**Приветственное слово
председателя Наблюдательного совета Фонда
содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество» А. В. Громова**

Глубокоуважаемые коллеги, гости и организаторы конференции, во-первых, от всей души хочу поблагодарить Алексея Борисовича за то, что эта конференция смогла состояться, ведь что бы мы ни говорили, чего бы мы ни желали, без финансовой поддержки того или иного мероприятия ничего произойти не может. Мне хотелось бы в первую очередь передать свои впечатления от пребывания на территории одного из старейших европейских университетов. Представьте себе – с середины XVI века здесь находился один из центров сохранения и развития европейской христианской культуры и передовой науки того времени. В новых геополитических условиях, когда христианские ценности находятся под угрозой, именно Россия и самая западная ее область становятся оплотом христианского цивилизационного наследия. И от того, как будет поставлена просветительская работа по сохранению исторической преемственности, отстаиванию исторической правды, гуманитарных ценностей, защите традиционной семьи и многих-многих других, уже более частных аспектов этой проблемы, будет зависеть наше будущее. И здесь роль Калининграда и Калининградского университета Канта может оказаться решающей.

В этих условиях крайне важно, чтобы как можно больше молодых ученых, студентов, аспирантов занимались гуманитарными исследованиями и умели осуществлять свою деятельность и в прикладной просветительской области. Необходимо, чтобы молодые историки, философы и богословы одновременно были просветителями, популяризаторами исторических знаний, миссионерами, и этому тоже нужно учить. Мы постараемся всемерно содействовать организации научных обменов, внедрять стипендиальные поощрения, премировать преподавательский состав и студентов познавательными путешествиями по России.

В течение последних лет Фонд ведет активную научную разработку национального туристического проекта «Императорский маршрут» в Калининградской области в тесном сотрудничестве с учеными, краоведами, представителями общественных патриотических организаций Калининграда и области. В ближайшие дни состоится подписание с губернатором Калининградской области Антоном Алихановым соглашения о сотрудничестве, что позволит обсуждать перспективы развития Императорского маршрута в практической плоскости. Одной из важнейших задач продвижения маршрута является увеличение новых точек показа – создание небольших музеев, установка мемориальных досок, памятных крестов и других мемориальных знаков в местах, связанных с визитами русских императоров, благотворительностью и ратным подвигом представителей Императорского Дома Романовых. Только что Алексей Борисович упомянул большое количество

воинских событий – места этих исторических сражений должны быть известны и посещаемы нашей молодежью.

Сегодня мы открываем нашу трехстороннюю научную конференцию «Российская Империя: проекция на Запад» в Калининграде – одной из самых важных стратегических точек на карте страны. Затем мы продолжим нашу научную дискуссию в Пермском крае и Республике Татарстан.

Как совершенно справедливо заметил Андрей Павлович, мы уже начали наше сотрудничество два года назад, дали хороший старт, но пандемия всех остановила... Мне хотелось бы поблагодарить наших коллег, которые еще в 2018-м году принимали участие в наших совместных мероприятиях и продолжали держать эту высокую планку до сегодняшнего дня. Я думаю, что у этой традиции проведения ежегодных научных форумов, посвященных истории Императорской России, есть прекрасные благоприятные перспективы.

Поэтому я призываю все участвующие стороны к планированию, чтобы на следующий год мы посвятили нашу конференцию юбилею Императора Петра Первого, для этого мы должны уже заложить определенные тематики в нашу работу.

От души желаю всем успехов и научных свершений.

*Анна Витальевна Громова,
председатель Наблюдательного совета Фонда содействия
возрождению традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»*

Доклады

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯНИЯ

Аннотация. В докладе рассматривается историческая роль Петра I, обусловленность его преобразований потребностями России; докладчик стремится сформулировать разумную историческую и одновременно духовно состоятельную точку зрения на Петра.

Ключевые слова. Петр Великий, Северная война, Российская Империя.

Фигура и деяния Петра Великого столь масштабны и неоднозначны, что вызывали, вызывают и будут вызывать споры. Западники и им подобные, считающие, что существуют единые законы исторического развития, в котором впереди идет Запад, а России следует скорее его догонять, – очень высоко оценивают Петра как раз за то, что он «прорубил окно в Европу» (слова А. С. Пушкина из поэмы «Медный всадник», 1833 г.) и немало перенял на Западе. Славянофилы и им подобные, считающие, что Россия самобытна и что у нее свой собственный путь развития, – ставят Петру в вину именно то, что он прервал естественный самобытный исторический путь России. Мировоззренческие течения западников (идеолог – историк Т. Н. Грановский) и славянофилов (идеолог – историософ А. С. Хомяков) сложились в царствование Императора Николая I и в том или ином виде, в той или иной степени под различными названиями существуют до сих пор.

Особо следует сказать о коммунистической точке зрения. Ленин считал, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 301). Такую точку зрения можно было бы посчитать констатацией, если бы из нее не выпирало ленинское неприятие, нелюбовь к исторической, православной «варварской Руси». В целом же Ленин негативно относился ко всем русским царям, ко всему «проклятому прошлому», за исключением бунтов против царской власти. Однако Сталин с середины 1930-х гг., сохраняя общее негативное отношение к Царям, допустил признание целого ряда заслуг Ивана Грозного и Петра I по укреплению государственности России, расширению ее территории. Такая «реабилитация» Ивана и Петра была обусловлена тем, что Сталин стремился исторически оправдать свою жесткую диктатуру, свои репрессии ссылками на соответствующие диктатуры и репрессии Ивана Грозного и Петра I, при этом подчеркивалась необходимость последних для развития страны. В постсталинский советский период репрессии Ивана Грозного снова подвергались критике, при этом их масштаб преувеличивался, а отношение к Петру I осталось примерно таким же.

Теперь постараемся сформулировать разумную историческую и одновременно духовно состоятельную точку зрения на Петра I. Что очевидно и неоспоримо – он создал Российскую Империю, великую державу с мощной современной армией и флотом, с многочисленными заводами и учебными заведениями, которые обеспечивали

армию и флот современным отечественным вооружением и русскими офицерами; он прорвался к морю, на Балтику, и создал там крупный порт, без чего (особенно в ту эпоху) было невозможно быстрое развитие торговли и экономики в целом. Цена этого: небывалое увеличение податей, как следствие – значительное падение жизненного уровня народа, настолько значительное, что народ вымирал: его численность сократилась на 20 %. Это даже сопоставимо с потерями России в Великую Отечественную войну.

При ознакомлении со многими книгами и учебниками у читателей возникает ощущение систематичности петровских реформ. Однако Царь Петр Алексеевич не получил систематического образования, он не мог составить продуманный систематический план преобразований, и такового не существовало. Существовало другое: общая цель преобразований – превращение России в великую мировую державу, для чего требовалось прорваться на море, выиграть прежде всего Великую Северную войну. Именно единая цель придавала систематичность и взаимосвязанность, последовательность и логичность его реформам, во всяком случае если смотришь на их комплекс с «высоты времени». Другое дело, что Петр шел путем проб и ошибок, которых было великое множество, но в итоге главная цель оказалась достигнутой – создана Империя. Редко когда реформаторам удается увидеть торжество своих замыслов, а Петр Великий увидел.

В результате победы в Северной войне Россия вышла на Балтийское море и стала великой европейской державой – Российской Империей. 300 лет назад, 22 октября 1721 г., Царь Петр Алексеевич по просьбе сенаторов

принял титулы Императора Всероссийского, Петра Великого и Отца Отечества.

Сам Петр Великий считал, что одолеть шведов в Северной войне можно было в три раза быстрее. Однако науке побеждать долго учились у шведов, да сам Петр подолгу жил на полюбившемся ему Западе и увлекся европейскими интригами в ущерб интересам России в этой войне. Одержанная победа потребовала более чем трехкратного увеличения всевозможных податей с народа: брали подушную подать, подати за бани, шапки, сапоги, огурцы и т. д. Народ погибал не столько от военных действий (тогда такие потери были сравнительно невелики), сколько от небывало тяжелой жизни, от запредельно высоких податей в условиях затянувшейся войны. И это при высокой тогдашней рождаемости.

Что касается Швеции, то она превращалась во второстепенную державу. Поражение Швеции стало отправной точкой в движении этой страны к ее сегодняшней благополучной жизни на задворках мировой исторической сцены.

Учитывая исторически сложившиеся размеры России, она может сохраняться (избегать завоевания своих территорий, расчленения) только как великая держава. Поэтому вектор государственной деятельности Петра является верным, соответствует интересам страны. Причем этот вектор определился до него, в этом же направлении стремились действовать Иван Грозный, Алексей Михайлович и даже царевна Софья, пытавшаяся завоевать выход на Черное море. Иван Грозный и Алексей Михайлович понимали необходимость прорыва на Балтику, пытались прорваться, однако потерпели неудачи. Поскольку несколько серьезных

попыток закончились неудачей, последовала страстная, сверхмобилизационная (со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями) попытка Петра I. Историческая потребность нашла своего героя.

Были альтернативы Петру I? Ни вдовствующая царица Наталья Кирилловна, ни царевна Софья не потянули стать альтернативой. То же можно сказать о царевиче Алексее Петровиче. А после такого вывода со всей очевидностью упираемся в закон, в традицию – Петр Алексеевич есть законный самодержец, прежде всего ему определять политику страны, а россиянам надлежит служить России и Царю.

Повторяю, Петр I – законный Царь, его государственные решения законны. Это главное. А затем уже можно говорить о личных особенностях этого человека, об ошибках, связанных с личными особенностями. Прежде всего такой Церковной реформы, упразднения патриаршества могло не быть. Могло не быть перехлеста во внешних заимствованиях на Западе. Могло не быть зачастую разнузданного, противоречащего христианскому благочестию и развратного образа жизни Царя. Могло не быть его крайней жестокости. Нельзя сказать, что только что перечисленное обязательно соответствовало вектору государственной деятельности Петра.

Однако Петр Алексеевич был таким, каким был. Ему очень много дано от Бога, от природы, от незаурядных родителей и предков. Мог бы и лучше распорядиться дарованным. Но то же самое можно сказать и о многих из нас.

Петр I был русским человеком, при всем том, что ему нравился Запад. А русский человек по природе своей,

по своему характеру склонен к максимализму, к перехлестам и увлечениям.

Возможно, страшные мучения при кончине нашли Петра как прижизненное искупление насилий над сыном, над первой женой, над вымирающим народом. Не об этом ли исповедовался Царь за шесть дней до кончины?

Петр не щадил других, однако и себя. Потому и шли проститься с ним сорок дней. Шли дворяне и рабочие, матросы и купцы. Да, драл три шкуры, но мог подойти и любому плотнику показать, как следует работать. И к самому Царю можно было подойти и найти поддержку в полезном для России деле. Он был Царем прежде всего тех, кто испытывал потребность послужить России. И сам беззаветно служил своей стране.

Не сотворил ли он себе кумира из России? Не вступало ли страстное служение Государству Российскому в противоречие с христианскими заповедями? Возможно, не без этого. Петр был верующим и атеистов считал безумцами. Однако он не жил сколько-нибудь глубокой внутренней духовной жизнью.

Когда сегодня приезжаешь в град Петров, в Санкт-Петербург, то там чувствуешь дыхание великой Российской Империи. Много рабочих умерло от тяжелых условий во время его строительства. Одновременно он строился с молитвами, с освящением каждого дома. И он освящен страданиями многих незаурядных людей, которых привлек и породил этот удивительно духовный город.

И еще одна мысль закрадывается в Петербурге. Кажется, что в таком линейно спланированном городе, в котором всегда знаешь, где находишься, и при таком тесном соседстве

бедности и роскоши, дворца и тюрьмы – в таком прямолинейном и контрастном городе не могло не произойти столь прямолинейной и примитивно односторонней революции...

Библиографический список

1. *Анисимов, Е. В.* Петр Великий. Личность и реформы. М. – СПб., 2009.
2. *Анисимов, Е. В.* Юный град: Петербург при Петре Великом. СПб, 2003.
3. *Баггер, Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований / пер. с дат. М., 1985.
4. *Беспярых, Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
5. *Брикнер, А. Г.* История Петра Великого. М., 1996.
6. История России. С начала XVIII до конца XIX века. Учебное пособие для вузов / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996.
7. *Ключевский, В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. М., 2002.
8. *Ключевский, В. О.* Исторические портреты. М., 1990.
9. *Костомаров, Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. М., 1995.
10. *Костомаров, Н. И.* Мазепа. М., 1992.
11. *Милюков, П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
12. *Павленко, Н. И.* Петр Великий. М., 2010.
13. *Павленко, Н. И.* Меншиков. М., 2005.
14. *Павленко, Н. И.* Царевич Алексей. М., 2008.
15. Петр Великий: pro et contra. СПб., 2003.
16. *Платонов, С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1997.
17. *Пушкарев, С. Г.* Обзор русской истории. СПб., 1999.
18. *Пушкин, А. С.* История Петра // Сочинения. Т. 9. М., 1958.
19. Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997.
20. *Сахаров, А. Н., Назаров, В. Д., Боханов, А. Н.* Подвижники России. М., 1999.

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (1741–1761 ГГ.)

Аннотация. Планы отделить Восточную Пруссию от остальных владений Берлина возникли в Петербурге в начале 40-х гг. XVIII в. Это решение служило цели ослабления великодержавных амбиций прусского короля Фридриха II. Сама Восточная Пруссия в итоге должна была либо стать частью Речи Посполитой, либо России. Лишение Фридриха II Восточной Пруссии и передача ее Речи Посполитой в обмен на другие территории в секретных протоколах русского двора в 1756 г. было названо одной из целей российского участия в Семилетней войне. В годы самой войны Петербург, заняв своими войсками эту провинцию, в международном соглашении добился согласия союзной Австрии на возможность закрепления за Россией Восточной Пруссии. Выход России из Семилетней войны при Петре III привел к возвращению Восточной Пруссии Фридриху II, и только Вторая мировая война привела к реализации российских планов середины XVIII в.

Ключевые слова. Елизавета Петровна, Фридрих II, Восточная Пруссия, внешняя политика России в XVIII в., международные отношения середины XVIII в., Семилетняя война.

Судьба территории, позднее получившей наименование «Восточная Пруссия», стала одной из главных озабоченностей российской внешней политики в царствование Императрицы Елизаветы Петровны.

Бывшая территория Тевтонского ордена, когда-то бывшая вассалом Речи Посполитой, давшая свое название объединенному с курфюршеством Бранденбург германскому государству Пруссия, оказалась в сфере российского внимания после того, как Прусское королевство, состоявшее из нескольких изолированных частей, при новом короле, молодом Фридрихе II, стремительно вошла в число европейских держав первого ранга, как назывались тогда европейские великие державы. В 1740 г. Фридрих II во главе подготовленной его отцом прусской армии вторгся в австрийскую Силезию и разгромил австрийские войска, захватив эту богатую и населенную провинцию. Прежде мощная Австрия, когда-то боровшаяся с Францией за гегемонию в Европе, была сокрушена неожиданно легко, что предопределяло коренное изменение сил в восточной половине Европы. Новая великая держава рождалась в той сфере Европы, которую Россия считала своей. Пруссия ранее двигалась в фарватере победителя шведов Петра I и вполне вписывалась в русскую картину зависимых от политики Петербурга небольших балтийских стран.

Теперь же Пруссия Фридриха II стала представлять угрозу российским союзникам по борьбе с Османской империей и поддержанию спокойствия в восточной половине Европы – Австрии и Саксонии, угрожала вытеснением русского влияния в Речи Посполитой, Швеции, Курляндии.

Избавиться от такой угрозы можно было только силой, и характерно, что изолированная от остальных владений Фридриха II и близкая к России Восточная Пруссия (тогда называвшаяся Бранденбургская Пруссия или Королевство Прусское) занимала место в военных планах русских сановников еще во времена недолгого регентства Анны Леопольдовны. 22 июля 1741 г. вице-канцлер граф М. Г. Головкин подал правительнице записку с мнением оказать совместно с другими союзниками военную помощь австрийцам против пруссаков, для чего следует отправить русский корпус силой около 30 тысяч человек в Восточную Пруссию, чтобы вынудить Фридриха II заключить мир [4, с. 287]. Но начавшаяся война со Швецией отменила планы оказания помощи Австрии, а в 1742 г., уже при Елизавете Петровне, Фридрих II в обмен на передачу ему Силезии заключил мир с австрийской государыней Марией Терезией.

В 1744 г., несмотря на мир, Фридрих II снова вторгся в австрийские владения, и именно тогда елизаветинский канцлер А. П. Бестужев-Рюмин пришел к мысли о необходимости сокрушения Пруссии как опасного геополитического конкурента и возвращения Берлина в число второстепенных государств, неспособных к активной агрессивной политике [1, с. 100–121]. Год канцлер безуспешно стремился убедить Елизавету Петровну в своей правоте, и только осенью 1745 г. императрица приняла точку зрения своего канцлера. В это время Фридрих II вторгся в Саксонию, наказывая ее за помощь австрийцам. Саксония была союзником России, ее курфюрст при помощи русских штыков ранее был посажен на престол Речи Посполитой. Ожидавшийся разгром Саксонии полностью подрывал бы позиции

Петербурга в Центральной и Восточной Европе. В октябре 1745 г. Елизавета Петровна после совещания со своими саванниками приняла решение двинуть войска на помощь Саксонии. Лучший российский военачальник фельдмаршал П. П. Ласси отправился в Прибалтику готовить войска, и перед отъездом его вызвала к себе императрица. Дальнейшее известно со слов английского посла графа Гиндфорда – Елизавета наедине спросила Ласси, что он думает о принятом решении. Ласси, после ссылки на то, что он всего лишь солдат и не его дело вмешиваться в политику, ответил, что, на его взгляд, решение правильное: пока Фридрих II владеет Силезией и особенно Восточной Пруссией, Россия находится в постоянной опасности, а потому следует отнять у нее последнюю и, если императрица решит не сохранять провинцию за собой, передать ее Польше [2, с. 360].

Петр Ласси, согласно работе С. Н. Нелиповича, высказался о предпочтительности захвата Восточной Пруссии еще во время самих совещаний о войне против Фридриха II [4, с. 318].

Однако это не первое упоминание в источниках о необходимости лишения Берлина контроля над Восточной Пруссией. Этот вопрос поднимался канцлером Бестужевым-Рюминым еще раньше, в октябре 1744 г., когда он продиктовал саксонскому резиденту и своему доверенному лицу Функе план союзного договора с морскими державами, Австрией и Саксонией с целью ограничения могущества прусского короля: если бы при конце войны Восточная Пруссия досталась Польше, то поляки должны были бы дать в обмен какие-нибудь пограничные округа со стороны Украины [8, с. 27] – но ирландец Ласси,

насколько можно судить, стал первым из русских влиятельных сановников, кто подумал о закреплении Восточной Пруссии за Россией.

Война с Пруссией тогда не началась – Фридрих II спешно подписал новый мир с Австрией и разгромленной им Саксонией, вернув саксонскому курфюрсту все занятые пруссаками земли. Однако принятый Елизаветой Петровной план сокрушения Пруссии продолжал действовать. Бестужев-Рюмин поддержал идею англичан (в условиях продолжавшейся войны союзной Пруссии Франции с англичанами и австрийцами в Западной Германии) подготовить в Прибалтике 37-тысячный корпус на случай нового нарушения Фридрихом II мирного договора с Австрией. В случае нападения Фридриха II на австрийские тылы или на принадлежавшее английскому королю в качестве родового владения курфюршество Ганновер русский корпус должен был вторгнуться в Восточную Пруссию. Как тогда считалось, от формально польского владения герцогства Курляндии, где был размещен русский корпус, прусский порт-крепость Мемель был всего на расстоянии восьмичасового солдатского марша.

Фридрих II знал о том, ради каких целей англичане и русские заключили конвенцию о содержании русского корпуса на английские субсидии, и мир не нарушил. В Петербурге снова пришлось ждать. При этом русские войска даже после завершения войны за Австрийское наследство в 1748 г. на случай любых неожиданных действий Фридриха II продолжали находиться в полной боеготовности, только переместившись из Курляндии в российскую Лифляндию.

В 1753 г., в условиях резкого обострения англо-прусских отношений, Лондон опять запросил у России подготовки крупного корпуса в Прибалтике в обмен на английские деньги. В апреле 1753 г. в Петербурге, снова после совещания важнейших сановников, Елизавета Петровна приняла решение согласиться на предложение Англии и готовиться к войне с Пруссией. Очень быстро острота англо-прусских противоречий спала, и англичане были больше озабочены масштабными столкновениями с французами в Америке, из которой война в любой момент могла перекинуться в Европу. В итоге Россия и Англия так и не смогли прийти к согласию о том, против кого же будет действовать русский корпус – против пруссаков, как хотели русские, или против французов, как хотели англичане [1, с. 266–294].

В 1756 г. война Англии и Франции перешла на континент. В этих условиях становилось ясным, что в стороне от нее не останутся остальные страны и Россия не может упустить шанс сокрушить Пруссию, оказав для этого помощь другому своему союзнику – Австрии, мечтавшей вернуть обратно Силезию и также обессилить Берлин навсегда.

На новых совещаниях русских сановников в присутствии императрицы в марте 1756 г. было принято решение о подготовке войны с Пруссией, основными целями которой были названы: «...ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; ...одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. – М. А.), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны... границ окружение» [5, с. 33].

Мы снова видим появление у русского двора плана изъятия Восточной Пруссии из-под власти Берлина. Как и в планах Бестужева-Рюмина в 1744 г., Восточную Пруссию планируется передать Польше в обмен на Курляндию и на неопределенные пограничные территории Речи Посполитой. В протоколах Конференции при высочайшем дворе, ставшей теперь постоянным органом высшего управления Россией для решения всех вопросов будущей Семилетней войны, не указаны причины появления тех или иных предложений в решениях – кто их высказал первым и как их восприняли другие сановники. Можно предположить, что инициатором внесения в российские планы Восточной Пруссии был канцлер Бестужев-Рюмин, уже высказывавший такую идею ранее.

Осенью 1756 г., уже в условиях начавшейся Семилетней войны, австрийский посол в Петербурге граф Эстергази, узнавший о планах территориального расширения России по итогам войны и присоединения Курляндии, сообщал в Вену, что, по словам вице-канцлера Воронцова, эта идея была «химической выдумкой» именно Бестужева-Рюмина [8, с. 573]. В России в целом представляли изъятие Восточной Пруссии из-под власти Фридриха II как средство лишения Берлина его могущества, как услугу всей Европе.

Русский двор в январе 1757 г. заключил с Австрией конвенцию о сотрудничестве в войне против Пруссии, одной из целей которой было получение австрийского согласия на планы последующего обмена Восточной Пруссии Польше на Курляндию. Мария Терезия не согласилась внести это на бумагу, но обещала содействовать таким планам устно.

При этом сама Мария Терезия очень заинтересовалась судьбой Восточной Пруссии, решив, что если она станет польским владением, то ее герцогом может быть ее младший сын Карл, и затем Восточной Пруссии запрещено было бы присоединяться к каким-либо германским государствам, а герцогский титул оставался бы всегда у младших членов австрийского дома [8, с. 588–590].

После отказа Марии Терезии подписать письменную гарантию помощи в переходе к России, 3 мая 1757 г. канцлер Бестужев-Рюмин и вице-канцлер Воронцов на заседании Конференции при Высочайшем дворе подали письменное мнение о том, что присоединить Курляндию как владение нейтральной страны будет достаточно сложно. Зато можно попытаться добиться того, что за помощь в войне против Фридриха II союзники сами согласились бы передать России какие-то территории, и тут Бестужев-Рюмин уже прямо назвал территории Восточной Пруссии как желаемое награждение от союзников: «И так пускай достались бы ее императорскому величеству одни приморские города Пруссии, они уже несравненную пользу принести могут. Англия имеет каменистый среди Гишпании Гибралтар. Ее императорское величество получила б почти всю польскую торговлю в свои руки, Курляндия заперта была б среди Риги и Мемеля, флоты и галеры могли б в случае надобности выходить в море ранее целыми месяцами» [6, с. 138–142] (порты Восточной Пруссии – незамерзающие, в отличие от российских Риги и Ревеля). Как видим, канцлера не волновало удаление восточнопруссских портов от остальных владений России – если Британия владеет Гибралтаром, то таким же Гибралтаром для России может быть Мемель или Пиллау. Фактически

здесь первый раз канцлер предложил подумать о присоединении какой-либо части Восточной Пруссии к России как самоцели, но каких-либо зримых результатов это предложение не принесло.

После занятия Восточной Пруссии русской армией зимой 1757–1758 гг. Петербург стал куда более настойчив и уверен в своих притязаниях, несмотря и на арест и ссылку канцлера Бестужева-Рюмина в результате придворных интриг в феврале 1758 г. Восточная Пруссия управлялась русскими губернаторами, для нее печатались деньги с портретами и вензелями Елизаветы Петровны, население было приведено к присяге на верность императрице. Российские офицеры, расквартированные в Кенигсберге, по словам мемуариста А. Т. Болотова, готовились надолго остаться в городе: «...как Кенигсберг мы себе прочили на должайшее время и, может быть, навек, то во все минувшее время помышляемо было уже о том, где б можно было нам сделать порядочную для всех россиян церковь» [3, с. 999] (имеется в виду Штайндаммская кирха, переданная православным для богослужения).

Получив устное обещание от Марии Терезии помочь закрепить по итогам войны за Россией Восточную Пруссию с целью ее обмена Польше, Петербург стал добиваться признания своих будущих прав на Восточную Пруссию от второго союзника по борьбе с Пруссией – французского двора. Версаль, не имевший прямых договоров с Россией, как мог уклонялся от таких гарантий, но в итоге заявил, что судьбу Восточной Пруссии русским следует обсуждать с Веной, а французский король поддержит общее решение. События на полях сражений, особенно сражение

при Кунерсдорфе 1759 г., предоставили новые аргументы в пользу русских прав на Восточную Пруссию.

21 марта 1760 г. Россия и Австрия заключили новую конвенцию о совместных действиях в войне против Пруссии. Целью войны по предложению русского двора было указана необходимость отобрать похищенные Фридрихом II территории, а также «надлежит положить и достаточные пределы силе такого государя, которого несправедливые замыслы никаких пределов не знают», для чего нужно отнять у него не только ранее австрийские Силезию и Гляц, но и Восточную Пруссию¹. Австрийцам прямо сообщили, что причина подписания новой конвенции – «доставить здешней империи Пруссию»² (Восточную). Мария Терезия теперь вынуждена была согласиться впервые зафиксировать на бумаге свои обязательства помочь Елизавете Петровне присоединить Восточную Пруссию. Австрийская государыня только настояла на том, чтобы это обязательство было связано с переходом Силезии и Гляца к Австрии, и оно было внесено в отдельный секретный артикул, чтобы не показывать его другим своим союзникам, прежде всего – Франции. В «Секретном и сепаратном артикуле, приложенном к конвенции», Австрия гарантировала, что окажет все необходимое содействие Елизавете Петровне, чтобы «Королевство Прусское, ныне ее оружием действительно уже завоеванное, уступлено было как справедливое награждение» [7, с. 301] (при условии закрепления за Австрией Силезии и Гляца). Также Вена и Петербург приложили к конвенции Декларацию, в которой Елизавета Петровна

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 1. 1760 г. Д. 8. Л. 167.

² Там же. Л. 417–418.

сообщала, что намерена вступить с Польшей в обоюдовыгодные переговоры по поводу Восточной Пруссии.

Мы можем увидеть, что русский двор добился своей цели и получил письменное согласие своего главного союзника на закрепление за Россией Восточной Пруссии. При этом Восточная Пруссия рассматривалась сторонами как средство обмена на территории польской короны, то есть Петербург все же не собирался присоединять ее навечно. Конечно, остается вопрос о том, что было бы, если бы Речь Посполитая отказалась от этого обмена – Восточная Пруссия была бы тогда уже российским владением и не вернулась бы к прежнему владельцу.

2 февраля 1761 г. русский двор сообщил французскому в отдельной ноте, что необходимо завершить войны против Фридриха II победой, чтобы избавиться навсегда от опасной угрозы всей Европе. Для этого прусские владения нужно расчлнить – передать Силезию и Глац Австрии, Магдебург и прусские амты в Лужице – саксонцам в компенсацию за убытки в этой войне, шведы получают территории в Прусской Померании, а Россия должна получить Восточную Пруссию. Она уже завоевана русской армией и не является частью Священной Римской империи. Восточная Пруссия не всегда принадлежала и предкам Фридриха II, бранденбургской династии Гогенцоллернов. Петербург просит часть владений Фридриха II не для того, чтобы увеличить территорию России, и даже не для того, чтобы компенсировать свои убытки в войне – российские границы достаточно далеки от границ Восточной Пруссии, и сама она – земля бедная и русской казне будет только в тягость. Поэтому Россия собирается передать ее Польше

в результате переговоров с Варшавой. Каких-либо препятствий со стороны Фридриха II планируемому присоединению Восточной Пруссии Россия не ожидает – для короля это небольшая потеря, земля малопродуктивная, озерная и болотистая¹.

8 июня 1761 г. русский двор отправил инструкцию своим представителям на намечавшийся международный конгресс в Аугсбурге, целью которого было бы урегулирование европейских дел после войны. Главной задачей российских представителей на этом конгрессе являлось обеспечение перехода к России Восточной Пруссии. Этот вопрос – обсуждение перехода к России Восточной Пруссии – выдвигался как условие русского участия в конгрессе. Если европейцы не станут это делать и решат заключить мир без участия России, то Петербург оставит за собой полную свободу действий в уже занятой русскими войсками Восточной Пруссии.

Дипломатам предписывались и запасные позиции, на случай, если все европейские страны при обсуждении судьбы Восточной Пруссии откажутся отдавать ее России. Тогда следовало потребовать от Фридриха II 12 млн талеров и до окончания выплаты сохранить Восточную Пруссию под контролем России. Если и это требование не будет принято, то тогда от Фридриха II требовалась выплата 1 млн червонных (1,5–2 млн рублей золотом) и передача России Эльбингского, Драгимского, Бютовского и Лауэнбургского уездов, которые формально принадлежали Польше, но находились в залоге у пруссаков. Эти уезды русский двор смог бы обменять Польше на иные ее территории. Последним

¹ АВПРИ. Ф. 93 (Сношения России с Францией). Оп. 1. 1761 г. Д. 66. Л. 98–108.

рубежом для русских представителей, то есть российским «ультиматумом», было согласие на выплату пруссаками 2 млн червонных и право на занятие портов Пиллау и Мемеля вплоть до полного расчета¹.

Таким образом, русский двор сохранил планы присоединения Восточной Пруссии до самой смерти Елизаветы Петровны. При ней Аугсбургский конгресс по ряду причин так и не начался, а Петр III отказался в нем участвовать, отозвал русских представителей, и в итоге Семилетняя война уже при Екатерине II закончилась двумя отдельными переговорами в Париже и Губертусбурге без участия России.

Резюмируя, можно сделать вывод, что именно лишение могущественного Прусского государства его отдельной восточной части было целью антипрусской политики правительства Елизаветы Петровны еще с 1745 г., а сама идея появилась на год раньше. Судя по всему, Петербург не собирався оставлять удаленную от остальных российских владений Восточную Пруссию за собой навечно, ее планировалось обменять Польше на Курляндию и пограничные территории Белоруссии и Правобережной Украины. Хотя можно отметить устойчивый интерес русских официальных лиц к незамерзающим портам Восточной Пруссии – Пиллау и Мемелю, сохранившийся, судя по инструкции дипломатам на Аугсбургский конгресс, до смерти Елизаветы Петровны. Не удалось найти никаких, даже секретных внутренних планов на удержание Восточной Пруссии за Россией навечно, тогда как стремление обменять ее на польские территории

¹ Там же. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 1. 1761 г. Д. 9. Л. 9–42.

оказалось внесено даже в секретный международный договор с Австрией.

Однако интересен сам российский план сокрушения военного могущества только недавно вышедшей в числе великих держав Пруссии. Из истории известно, что из-за политики Петра III и ее продолжения Екатериной II сохранивший свое могущество Берлин еще не раз вынудит российское государство вступить с ним в схватку. Западногерманский историк Й. Куниш считал вступление советских войск в Берлин в 1945 г. «драматическим апогеем» развития логики того лейтмотива сокрушения могущества прусского милитаризованного государства, который «Чудо Бранденбургского дома» лишь только отсрочило, хотя и на две сотни лет [10, s. 23]. Его соотечественник В. Баумгарт тоже отмечал удивительную схожесть русских планов 1756 г. и советских стремлений конца Второй мировой войны [9, s. 159], когда действительно от объединенной Берлином Германии с целью предотвращения дальнейшей экспансии прусского милитаризма были отрезаны значительные территории, включая те самые Померанию, Силезию и Восточную Пруссию, которые планировалось с той же целью отделить от Пруссии в Семилетнюю войну, которая завершилась совсем не так, как ожидалось еще за полгода до окончательного прекращения сражений. И этот неожиданный финал в итоге и породил две мировые войны, в которых Берлин снова сражался против русских, и русские снова входили в Восточную Пруссию, которая в итоге перестала быть немецкой.

Библиографический список

1. *Анисимов, М. Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.
2. Донесения и другие бумаги английских послов... // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898.
3. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. 1. СПб., 1870.
4. *Нелипович, С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.
5. Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 136. СПб., 1912.
6. Семилетняя война. Материалы о действиях русской Армии и Флота в 1756–1762 гг. М., 1948.
7. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией 1648–1762. СПб., 1874.
8. *Щепкин, Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758 гг. СПб., 1902.
9. *Baumgart, W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges: Zum gegenwärtigen Forschungsstand // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd. 11. 1972.
10. *Kunisch, J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München-Wein, 1978.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА И ЕЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ

Аннотация. В статье анализируются события второй четверти XVIII в., нашедшие отражение в исторической памяти населения Калининградской области.

Ключевые слова. Историческая память, Калининградская область, Императрица Елизавета Петровна.

Историческая память – сложнейший комплекс устойчивых и в то же время динамичных общественных представлений о прошлом народа и страны, формирующийся на протяжении длительного времени, охватывающего столетия и эпохи, представлений о пройденном пути, свершениях и ошибках, представлений, которые не прерывают, а только дополняют социальные катаклизмы и войны. Историческая память формируется во взаимосвязи с развитием социальных и государственных институтов, языка и культуры, как средств фиксации этой памяти. Социальные институты оказывают влияние на процесс формирования исторической памяти, исходя из своих представлений о прошлом и настоящем, государство стремится управлять этими процессами, преследуя собственные цели. В формировании исторической памяти участвует

и профессиональное сообщество историков, которое, в зависимости от формы государственного устройства и политической системы, может являться частью идеологического аппарата либо обладать определенной научной и общественной автономией. В создании исторической памяти определенную роль играют и институты культуры, которые интерпретируют ее в различных художественных формах. Таким образом создается история как стержень исторической памяти, как комплекс общественных представлений и как предмет науки. Роль исторической памяти и ее необходимость точно определил выдающийся русский историк В. О. Ключевский: «Предмет истории – то в прошлом, что не проходит, как наследство, урок, незаконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е., изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться...» [10, с. 375].

Россия на протяжении веков складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство, из регионов с различной исторической судьбой, сплавлявшихся в единое государственно-правовое и культурно-историческое пространство, поэтому в исторической памяти нашей страны присутствуют элементы региональной истории. Каждый из российских регионов уникален и своеобразен, эти уникальность и своеобразие обусловлены историческими, национальными, языковыми, конфессиональными факторами, обстоятельствами вхождения в состав России и т. д. Но только один из российских регионов на протяжении многих столетий был территорией,

входившей в состав сменявших друг друга германских государств – Тевтонского ордена, Герцогства Пруссия, Бранденбургско-Прусского государства, Королевства Пруссия. Германской империи, гитлеровской Германии. Это – Калининградская область.

Некогда на территории современной Калининградской области проживали племена пруссов, в XIII в. покоренные Тевтонским орденом. В XVI в. Тевтонский орден был секуляризирован последним великим магистром Альбрехтом Гогенцоллерном и превратился в герцогство Пруссия, в середине следующего столетия вошедшее в состав маркграфства Бранденбург (с 1701 г. – королевство Пруссия). В ходе Великой Отечественной войны, в январе–апреле 1945 г., советские войска успешно провели Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой 6–9 апреля был взят штурмом город-крепость Кенигсберг. Еще на Тегеранской конференции глав СССР, США и Великобритании была достигнута принципиальная договоренность о том, что после победы над гитлеровской Германией следует предотвратить возможность возрождения Германии как агрессивного милитаристского государства. В качестве одного из условий этого, как наказание Германии за агрессию, рассматривалась возможность отделения от Германии провинции Восточная Пруссия, имевшей важное стратегическое значение. Состоявшаяся 17 июля – 3 августа 1945 г. Потсдамская (Берлинская) конференция глав СССР, США и Великобритании среди прочего рассмотрела советское предложение о передаче СССР северной части Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом. Решением Потсдамской конференции

территория Восточной Пруссии была передана СССР и Польше, получившей две трети этой провинции. На территории, переданной СССР вскоре началось государственное строительство. 7 апреля 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об образовании Кенигсбергской области в составе РСФСР». В тот же день Совет Министров СССР, принял Указ «Об административном устройстве города Кенигсберга и прилегающего к нему района». В мае 1946 г. был создан гражданский местный орган государственной власти – Областное управление по гражданским делам, в районах области были созданы районные управления. Функции областного партийного органа выполнял Политотдел при Управлении по гражданским делам, районных партийных органов – соответственно, районные политотделы. В июле 1946 г. Кенигсберг и Кенигсбергская область были переименованы в честь умершего Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина в Калининград и Калининградскую область. Административно-территориальное устройство области было уточнено и дополнено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области».

Центральным элементом региональной исторической памяти были и остаются события Великой Отечественной войны, разгром противника на территории Восточной Пруссии и образование Калининградской области. Однако история Калининградской земли связана с российской историей, на территории нынешней Калининградской области разворачивались военно-политические события

общевропейского масштаба. Одним из таких событий была Семилетняя война 1756–1763 гг., в которой Россия сражалась с Пруссией в союзе с Австрией и Францией. В середине XVIII столетия Пруссия превратилась в могущественную военную державу, угрожавшую интересам многих европейских стран. Это определило создание против Пруссии военно-политического союза двух многовековых соперников – французских Бурбонов и австрийских Габсбургов. Если с Австрией Россию связывали установленные во второй четверти XVIII в. тесные военно-политические взаимоотношения, то с Францией она не имела никаких общих интересов, однако враждебное отношение к Пруссии заставило Российскую империю присоединиться к австро-французскому союзу. Главной причиной участия в войне России было стремление ослабить военное могущество государства Фридриха II, угрожавшего, как представлялось Елизавете Петровне и руководителю внешней политики России А. П. Бестужеву-Рюмину, интересам России. Цель войны была сформулирована Конференцией при высочайшем дворе – совещательным органом, учрежденным Елизаветой, – следующим образом: «Короля прусского до приобретения новой знатности не допускать, но паче силы его в умеренные пределы привести и одним словом неопасным его уже для здешней империи (России – Авт.) делать» [4, с. 103]. Существовало еще одно, не главное, но достаточно важное обстоятельство, повлиявшее на вступление России в войну против Пруссии, – личная ненависть Елизаветы Петровны к Фридриху II. Верующую Елизавету раздражал атеизм прусского короля. Кроме того, Фридрих II, как известно,

глубоко неприязненно относился к женскому полу. Так получилось, что в трех воевавших с Пруссией странах правили женщины. В Австрии на императорском троне восседала Мария-Терезия, во Франции правил Людовик XIV, но огромное влияние на политику оказывала его фаворитка – маркиза де Помпадур. Эти три особы постоянно являлись предметом весьма неприличных острот Фридриха, расходившихся по всей Европе. Елизавета Петровна об этом знала и относилась к прусскому королю соответственно. При дворе Елизаветы Фридриха, которого запрещалось называть по имени, именовали «иродом». В первый период войны боевые действия между Россией и Пруссией велись на территории Восточной Пруссии, в частности, современной Калининградской области. В июле 1757 г. русские войска, взявшие к тому времени Мемель, вступили в Восточную Пруссию. Русской армией, насчитывавшей до 50 тыс. человек, командовал не блиставший полководческими талантами фельдмаршал Степан Федорович Апраксин. В августе 1757 г. произошло сражение между русскими и прусскими войсками при Гросс-Егерсдорфе. На марше русские войска были внезапно атакованы 24-тысячным прусским корпусом фельдмаршала Левальда, но одержали победу, во многом благодаря инициативе и решительности одного из генералов – Петра Александровича Румянцева (в будущем – победителя турок, фельдмаршала и великого русского полководца). Дорога на Кенигсберг была открыта, но Апраксин повернул назад, отвел армию к Тильзиту, а затем покинул территорию Пруссии. Сам Апраксин объяснял свое отступление отсутствием продовольствия и фуража для русской армии и точных сведений

о противнике. В отечественной исторической литературе получило широкое распространение утверждение, что Апраксин принял решение об отступлении, узнав о плохом самочувствии Елизаветы Петровны и не желая, в случае ее кончины, подвергнуться немилости как победитель пруссаков со стороны наследника престола Петра Федоровича, считавшего войну с Пруссией нецелесообразной, а Фридриха II образцом для подражания. В отношении Апраксина, заподозренного в политических интригах, было начато следствие, во время которого он умер.

Как бы там ни было, в начале января 1758 г. русские войска под командованием В. В. Фермора вновь появились в Восточной Пруссии, не встретив сопротивления. По свидетельству очевидца событий, русского офицера А. Т. Болотова, «...вступили наши во все местечки и города без всякого сопротивления, и везде жителей приводили к присяге быть в подданстве и верности у нашей императрицы» [2, с. 331]. Вскоре русские войска подошли к Кенигсбергу, вблизи которого их встретили «...депутаты, присланные от Кенигсбергского правительства, с прошением от всего города и королевства, чтобы принято оное было под покровительство императрицы и оставлено при ее привилегиях...» [2, с. 331]. Русские войска вступили в город 22 (11) января 1758 г. Война ушла на Запад, а Кенигсберг и Восточная Пруссия оставались под властью России. Присяга на верность императрице Елизавете Петровне, принесенная жителями Кенигсберга и Восточной Пруссии, означала включение этой провинции в состав Российской Империи. Жизнь в Кенигсберге в те годы, по свидетельству того же

Болотова, отнюдь не напоминала мрачную атмосферу вражеской оккупации. Вступивший на престол Петр III прекратил войну с Пруссией, заключив с ней мирный и союзный договоры, по существу, подчинявшие Пруссию внешнюю политику России. Согласно договору, Россия возвращала Пруссии все захваченные у нее территории без всякой компенсации. Таким образом, Восточная Пруссия возвращалась в состав Прусского королевства, а русская армия должна была покинуть все занятые ею территории Пруссии. Уходя из Восточной Пруссии, русская военная администрация провела процедуру снятия присяги с жителей Кенигсберга и провинции. 28 июня 1762 г. Петр III был свергнут своей супругой Екатериной Алексеевной. Екатерина II, однако, не возобновила войну, но отказалась от односторонних обязательств по отношению к Пруссии и не восстановила прежних союзнических обязательств России по отношению к Австрии и Франции, поскольку чрезмерное ослабление Пруссии не входило во внешнеполитические планы Екатерины. Наученный горьким опытом войны с Россией, Фридрих похабных острот в адрес Екатерины II не отпускал, предпочитая им комплименты. В 1764 г. Екатерина посадила на польский престол одного из своих бывших фаворитов – Станислава Понятовского. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» отмечает, что кандидатурой Понятовского «...Екатерина доставляла себе немалое удовольствие вынудить у Фридриха Второго письмо с признанием, что присланные ему астраханские арбузы для него бесконечно дорого получать от руки, раздающей короны» [9, с. 38]. События Семилетней войны – героическая страница российской

истории. Русские войска не только одержали ряд побед над первоклассной прусской армией. Находясь в Восточной Пруссии и Кенигсберге, они проявили исключительное для XVIII столетия великодушие к населению завоеванной территории, убедительно опровергнув все мифы, или, как принято сейчас выражаться, «фейки» о варварстве и жестокости русских.

Первой советской научной публикацией, в которой после Великой Отечественной войны освещалась история Восточной Пруссии и Кенигсберга, явилась стенограмма публичной лекции крупнейшего советского историка-медиевиста Н. П. Грацианского, прочитанной 19 сентября 1945 г. в Лекционном зале в Москве. Автор достаточно подробно останавливается на пребывании русских войск и русской администрации в Восточной Пруссии, упомянув и о том, что провинциальные власти и сословия, в том числе университетская корпорация, добровольно вступили в подданство Российской Империи. Грацианский отмечает: «Провозгласив свободу религии, торговли и свободу передвижений, русские губернаторы Восточной Пруссии, обосновавшиеся в Кенигсберге, оставили на местах всех прежних чиновников и сохранили все прежнее управление. Спокойствие в новой русской провинции было полное. Армия никаких насилий над жителями не чинила, и население вело себя лояльно, будучи чуждо всяких «предерзостей» [3, с. 8]. Однако в самой Калининградской области в советский период к событиям минувших веков обращались фрагментарно. Например, в газете «Калининградская правда» от 23 сентября 1947 г. было опубликовано обращение руководства области к И. В. Сталину, в котором

говорилось, что «колхозники, рабочие МТС и совхозов, специалисты самой молодой в стране Калининградской области в текущем году впервые проводили сельскохозяйственные работы на исконно славянских землях, возвращенных в результате разгрома фашистской Германии ее настоящим хозяевам» [6, с. 2]. Впрочем, в периодической печати можно было встретить и другую версию происхождения пруссов. В «Калининградской правде» от 10 февраля 1950 г. утверждалось, что Калининградская область образована «...на землях бывшей Восточной Пруссии, которая издавна была населена литовским племенем пруссов» [7, с. 2]. События Семилетней войны на территории Восточной Пруссии с точки зрения идеологии также не представлялись чем-то значительным, поэтому не находили заметного отражения в культурном пространстве региона. К примеру, в 1958 г. в газете «Калининградская правда» в статье «Познакомьтесь с историей нашего края», посвященной экспозициям историко-художественного музея, отмечалось: «Очень мало уделено внимания победе русских в Пруссии в 1757 г. при Гросс-Егерсдорфе, да и вообще Семилетняя война (1757–1763) дана очень схематично, должное значение борьбы русских с милитаристской Пруссией в это время не раскрыто» [8, с. 3]. Очевидна идеологическая трактовка, но и с этих позиций событиям указанного времени в Калининградской области в последующие, 1960–1980-е гг., не уделялось существенного внимания. Такой подход был обусловлен и принятой в советское время оценкой периода правления и личности Елизаветы Петровны, которая характеризовалась как легкомысленная правительница, все время посвящавшая балам и прочим

развлечениям. «Елизавета меньше всего занималась государственными делами, зато не знала предела в мотовстве и в страсти к развлечениям. Своим фаворитам императрица уделяла гораздо больше внимания, чем государственным делам» [5, с. 270] – такова была типичная оценка Елизаветы в советской исторической литературе. В качестве положительного фактора ее правления рассматривалось разве что ликвидация «немецкого засилья» в армии и органах государственного управления. Не был распространен в отечественной историографии и жанр исторического портрета, за исключением разве что исторических портретов Ивана IV и Петра I. Надо отметить, что в СССР не существовало официальных формализованных запретов на изучение тех или иных вопросов отечественной истории или исторических личностей, но профессиональное сообщество историков вынуждено было действовать в принятых властью идеологических границах и идти в указанных идеологией направлениях научного поиска. На это, в частности, указывает автор выдержавшей несколько изданий научной исторической биографии «Елизавета Петровна» Е. В. Анисимов, говоря о себе в третьем лице. При обращении в одно из издательств «...ему, несмышленому, объяснили, что тема эта неприлична для занятий советского историка, что имя Елизаветы Петровны не может стоять на обложке советской книги. На наивный вопрос, какие же имена русской истории могут стоять там, было отвечено удивительным образом: «Иван Грозный, Борис Годунов и Петр Первый (причем последний – никак не “Великий”!)». Почему так, мне не объяснили, но думаю, что эти имена оказались

допущены на обложку, потому что числились в советском историческо-идеологическом пантеоне...» [1, с. 7–8].

Ситуация начала меняться только к концу 1980-х гг. В 1990–2000-е гг. был опубликован ряд научных трудов, посвященных Елизавете Петровне и ее времени, – статья В. П. Наумова «Елизавета Петровна» (журнал «Вопросы истории», 1993 г., № 5), книга Н. И. Павленко «Страсти у трона» (М.: Журнал «Родина», 1996), упомянутая выше книга Е. В. Анисимова, его же труд «Женщины на российском престоле» (СПб.: «Норинт», 2005), другие научные и публицистические издания. Новые условия позволили осветить и проблематику, связанную с действиями русской армии и России в Восточной Пруссии в период Семилетней войны. В 1990 г. Калининградским книжным издательством, с предисловием В. Антонова и комментариями А. Б. Губина и В. Н. Строкина, под названием «А. Т. Болотов в Кенигсберге: Из записок А. Т. Болотова, написанных самим их для своих потомков» были опубликованы выдержки из мемуаров А. Т. Болотова, посвященные жизни в Кенигсберге в период 1778–1762 гг. В 1991 г. в Калининграде вышла книга А. Б. Губина и В. Н. Строкина «Очерки истории Кенигсберга», в которой кратко освещен период истории Кенигсберга под властью России. Материалы, посвященные указанному периоду, начали появляться в местной периодической печати. Существенный вклад в изучение истории Восточной Пруссии в период Семилетней войны принадлежит калининградскому историку, профессору Г. В. Кретинину, автору вышедшей в 1996 г. в Калининграде книги «Под российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758–1762», в которой по существу впервые

на современной теоретико-методологической основе подвергнуты научному исследованию многие вопросы истории этого периода, связанные как с Восточной Пруссией, так и с Россией. «Русский» период восточнопрусской истории XVIII в. в полной мере отражен в обобщающих трудах по истории Восточной Пруссии, подготовленных калининградскими историками: в вышедшей в 1996 г. в Калининграде книге «Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки. Документы. Материалы», в опубликованном в 2002 г. также в Калининграде труде «Очерки истории Восточной Пруссии». История событий 1757–1762 гг., связанных с пребыванием русской армии в Восточной Пруссии, продолжает изучаться. В Калининградском областном историко-художественном музее, открытом в 1991 г. в новом здании, событиям 1757–1762 гг. в Восточной Пруссии уделено достойное внимание.

В настоящее время главными в исторической памяти региона, как и с самого начала существования Калининградской области, остаются события Великой Отечественной войны, Восточно-Прусской операции и штурма Кенигсберга, события, определившие историю новой советской, а теперь уже российской области, в которой выросло несколько поколений, считающих Калининградскую область своей малой Родиной. Но теперь к этим событиям добавилась память о подвигах русского оружия, о славных страницах нашей истории XVIII столетия, связанных с нынешней калининградской землей.

Библиографический список

1. *Анисимов, Е. В.* Елизавета Петровна. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 425 с.
2. *Болотов, А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. / А. Т. Болотов. – М., 1993. – Т. 1. 1738–1759. – 555 с.
3. *Грацианский, Н. П.* Кенигсберг. Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Н. П. Грацианского, прочитанной 9 сентября 1945 года в лекционном зале в Москве. – М., 1945. – 17 с.
4. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). – М., 1998. – 303 с.
5. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х сериях. В 12-ти т. Первая серия. Тома I–IV. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Издательство «Наука», 1967. – Т. III. – 747 с.
6. Калининградская правда. – 1947. – 23 сентября.
7. Калининградская правда. – 1950. – 10 февраля.
8. Калининградская правда. – 1958. – 8 января.
9. *Ключевский, В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. V. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зимина. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
10. *Ключевский, В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.

ЦЕСАРЕВИЧ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В 1815–1830 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается отношение российских правящих сфер к Царству Польскому. В центре внимания – фигура цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, который в 1815–1830 гг. был главнокомандующим польской армией, а также пользовался в Польше широкими неофициальными полномочиями.

Ключевые слова. Россия, Царство Польское, Великий Князь Константин Павлович, политическое устройство, польская армия.

Имя Великого Князя Константина Павловича, брата императоров Александра I и Николая I, тесно связано с историей Польши конца XVIII – первой трети XIX в. Будучи вторым сыном цесаревича Павла Петровича, Константин имел мало шансов когда-нибудь занять российский трон, поэтому рассматривался в роли кандидата на престолы проектируемых либо существующих государств. Так, Екатерина II планировала возвести внука на престол восстановленной Греческой империи. Константин выступал в качестве действующего лица и в проектах, имевших целью укрепить государственно-политическое устройство и международное положение Речи Посполитой. Планы установления в Польше наследственной монархии и избрания Константина Павловича наследником польского

престола разрабатывались и в окружении короля Станислава Августа, и представителями оппозиции во второй половине 1780-х гг. Затем король и ведущие польские политики обращались к ним в 1792 и 1794 гг., чтобы предотвратить II и III разделы Речи Посполитой, однако они были отвергнуты Екатериной II [31, р. XXXI, XXXIII–XXXIV; 24, р. 510–511; 38, s. 12–13; 11, с. 313–314; 1, л. 1–2; 37, s. 37–38, 43, 49–50, 166]. По разделам 1772–1795 гг. между Россией, Пруссией и Австрией в состав России вошли территории Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины, а также Инфлянты и Курляндия. В начале XIX в. идея восстановления Польского государства связывалась с Александром I, который сочувственно относился к польскому вопросу. Его ближайший сподвижник, товарищ министра иностранных дел князь А. Е. Чарторыйский в 1803 г. видел в качестве будущего польского монарха Константина Павловича. На его возможную кандидатуру указывал и Наполеон во время тильзитских переговоров в 1807 г. Но Александр не хотел получить польские земли из рук Наполеона ни для себя, ни для Константина [34, р. 139, 141, 152; 33, s. 50–52; 25, s. 535; 14, с. 214; 19, s. 11]. Образованное в том же году из территорий, отошедших по II и III разделам к Пруссии, Великое герцогство Варшавское в 1809 г. было расширено за счет принадлежавшей Австрии западной Галиции. В 1812 г. войска Герцогства приняли участие в походе на Россию, надеясь присоединить украинские и литовско-белорусские земли.

После поражения Наполеона Венский конгресс в 1815 г. по инициативе Александра I утвердил решение о создании из большей части территории Герцогства Варшавского автономного Царства Польского, которое вошло в состав

Российской Империи. Александру I пришлось столкнуться с оппозицией не только Австрии, Англии и Франции, недовольных территориальными приращениями России, но и собственных подданных. Представители дипломатических и придворных сфер, временной администрации Герцогства Варшавского тщетно пытались убедить императора в опасности воскрешения Польши [18, с. 470–471]. Царство Польское получило конституцию, считавшуюся одной из самых либеральных в Европе, правда, она оставляла монарху возможность лавирования. Царство управлялось наместником и собственным правительством, обладало двухпалатным сеймом (который должен был собираться раз в два года), чеканило свою монету – польский злотый. По мере отхода Александра I от либерального курса менялась и политика властей Царства Польского. В 1819 г. была введена цензура периодических изданий, которая затем распространилась и на книги. После выступления Калишской оппозиции на сейме 1820 г. парламентские сессии проходили нерегулярно, сейм собирался лишь дважды: в 1825 г., когда накануне созыва императором была утверждена дополнительная статья конституции о тайности его заседаний, и в 1830 г. В Царстве действовало несколько отделений тайной полиции, в конце 1821 г. были запрещены любые тайные организации. Впоследствии доказательства неискренности императора поляки видели в самых первых его назначениях на ответственные должности. Так, наместником вместо ожидаемого многими А. Е. Чарторыйского стал старый и больной генерал Ю. Зайончек. Сенатор Н. Н. Новосильцев, позднее демонстрировавший враждебность в отношении поляков, был назначен императорским

комиссаром при правительстве Царства Польского, хотя этот пост не оговаривался в конституции. Польскую армию возглавил Великий Князь Константин Павлович, еще в период Венского конгресса занимавшийся ее реорганизацией, который в действительности пользовался гораздо более широкими полномочиями.

Деятельность цесаревича в Польше можно разделить на два этапа: 1) 1815–1819 гг. и 2) 1820–1830 гг. Первый период был отмечен напряженной обстановкой в армии из-за стремления Константина избавиться от бывших наполеоновских офицеров, введения строгой дисциплины и желания привить в польских войсках русские военные порядки, а также негативным отношением цесаревича к самому Царству и его конституции. Пребывание в Польше Константин Павлович расценивал как своего рода ссылку. Во второй период позиция Великого Князя в польском вопросе существенно изменилась, что было обусловлено династической политикой Александра I. В результате заключения в 1820 г. морганатического брака с графиней Иоанной Грудзиньской (носившей после замужества титул княгини Лович) и отречения от прав на российский престол в 1822 г. Константин стал связывать свое будущее с Польшей [21, s. 75; 20, s. 50–54, 162–163; 36, s. 110–111; 23, s. 197–200; 26, s. 15–20, 129–132, 216–217; 32, p. 52–53, 60–66]. Великий Князь надеялся получить в качестве компенсации не только небольшое Царство Польское (где император, недовольный ходом работы сейма, в октябре 1820 г. предоставил ему «карт-бланш» для борьбы с оппозиционными проявлениями) [21, s. 90; 22, s. 246, 454], но и часть украинских, литовских и белорусских земель,

отошедших к России по II и III разделам, и управлять ими на законных основаниях, в качестве вице-короля. Согласно Генеральному акту Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г., Александр I оставлял за собой право дальнейшего расширения Царства Польского [5, с. 172]. Туманные обещания о будущем присоединении к нему западных губерний России звучали как в речи императора на открытии сейма 1818 г., так и в частных разговорах в польских домах [28, s. 24–26; 15, с. 6–7]. Однако ввиду отрицательного отношения к этим планам представителей российского правящего класса, считавших бывшие «польские» земли неотъемлемой частью империи [18, с. 477–478], Александр Павлович ограничивался полумерами. 1 июля 1817 г. был образован отдельный Литовский корпус под командованием Константина, который комплектовался уроженцами Минской, Гродненской, Виленской, Волынской, Подольской губерний и Белостокской области и имел особую форму, сходную с польской. Указом 29 июня 1822 г. цесаревич наделялся на этих территориях властью «главнокомандующего действующей армией», таким образом, они перешли под его управление в военном и административном плане [12, с. 438; 13, с. 309; 20, s. 78–79]. В самом же Царстве Великий Князь так и не получил официальных полномочий, помимо права учреждения в сентябре 1822 г. дипломатической канцелярии, которая стала, по сути, польским внешнеполитическим ведомством [2, л. 28–33; 32, р. 72–74; 35, р. 56–67]. Ранее, в том же году, в связи с усилением революционного движения в Европе Александр I планировал предоставить Константину Павловичу на определенный срок почти диктаторскую власть, но с существенными

оговорками, которой тот мог воспользоваться лишь с целью предотвращения беспорядков или каких-либо оппозиционных выступлений в Царстве. Константин, как и наместник Зайончек, находили это нецелесообразным, поскольку в силу данного императором «карт-бланша» Великий Князь и так неофициально обладал подобными полномочиями. В случае же обнародования данного указа действие польской конституции пришлось бы временно приостановить [10, с. 317–322, 333–344]. Тем не менее Константин оказывал заметное влияние на польскую политическую жизнь. Наместник Царства уступал Великому Князю во многих важных вопросах. Цесаревич воздействовал и на Административный совет, составленный из глав министерств и специально назначенных лиц. Особенно он вмешивался в прерогативы военного министра М. Гауке и министра внутренних дел и полиции Т. Мостовского. Министр финансов князь Ф. К. Друцкий-Любецкий должен был представлять ему доклады по финансовым вопросам, а императорский комиссар сенатор Н. Н. Новосильцев, тесно связанный с министром вероисповеданий и общественного просвещения С. Грабовским, – по культурным и образовательным проблемам [32, р. 68–69, 72]. В то время как Александр I в своей политике склонялся к более консервативному курсу, цесаревич постепенно свыкался с конституционными учреждениями. В отличие от Ю. Зайончека он выступал за созыв сейма в 1822 г., в соответствии с конституцией, однако победила противоположная точка зрения [10, с. 312–317, 331–333].

При Николае I полунезависимый статус Константина в Царстве Польском и, главным образом, в западных

губерниях подвергся пересмотру. Император, как и подавляющая часть российского общества, считал создание автономного Царства Польского политической ошибкой Александра I. После смерти в 1826 г. генерала Зайончека, вопреки конституции, не было назначено нового наместника, его функции перешли к Административному совету, в котором все большую роль стал играть пользовавшийся поддержкой Николая I министр финансов Ф. К. Друцкий-Любецкий.

Николай Павлович тяготился «удельным» положением Великого Князя и не поддерживал план инкорпорации западных губерний. В 1827 г. в связи с очередным рекрутским набором Николай I, несмотря на протесты Константина, принял решение комплектовать Литовский корпус частично рекрутами из великорусских губерний, в то время как новобранцы из западных областей должны были пополнить состав полков, расположенных в центральных губерниях империи [9, с. 184, 186–187, 190–191; 3, л. 4–10 об.]. Продемонстрировать свою позицию императору представлялось особенно важным на фоне процесса по делу польского Патриотического общества – тайной организации, ставившей своей отдаленной целью воссоединение бывших территорий Речи Посполитой и в 1824–1825 гг. поддерживавшей контакты с Южным обществом. Вопреки стремлению Великого Князя избежать репрессий, он под нажимом императора вынужден был в феврале 1826 г. начать следствие, но и позднее в личных письмах пытался найти оправдание для поляков [9, с. 28–29, 43, 46–49, 113; 21, s. 109–110; 26, s. 216–219]. И хотя в 1828 г. сеймовый суд отверг обвинение в преступной

цели организации и счел подсудимых виновными лишь в принадлежности к тайным союзам после запрета их деятельности, а Николай I в связи с планируемой коронацией должен был утвердить данный приговор, этот процесс оставил тяжелое впечатление в польском обществе.

Немногим полякам было известно действительное положение вещей [29, s. 210–211], с новым императором в первое время связывались определенные иллюзии, а недовольство в основном направлялось против Константина [21, s. 110; 26, s. 217]. Такая версия присутствовала и в ежегодных отчетах о настроениях в империи III Отделения собственной Его императорского величества канцелярии. В них использовались сведения и записки, полученные от известного писателя и издателя Ф. В. Булгарина, а также других, связанных с Друцким-Любецким, представителей дворянства белорусских и литовских земель, являвшиеся своего рода «компроматом» на Константина. В этих отчетах в мрачных красках изображалось нынешнее управление западными губерниями и Царством Польским, утверждалось, что оно сопровождается значительными злоупотреблениями и очень обременительно для местных жителей [16, с. 26–27, 39–40, 44–46; 19, s. 16; 27, s. 156, 158, 199].

Несмотря на попытку достижения политического компромисса с поляками, чему, по мнению Николая Павловича, могла способствовать его коронация в Варшаве в мае 1829 г., в обществе, недовольном нарушениями конституции и утратой надежд на расширение территории Царства Польского, постепенно усиливался рост патриотических настроений. Также большое влияние на ход событий, которые привели к восстанию, начатому 17 (29) ноября 1830 г.

учениками школы подхорунжих пехоты, студентами и молодыми литераторами во главе с П. Высоцким, оказали революции во Франции и Бельгии. Непосредственными причинами восстания стали готовившаяся Николаем I интервенция в Бельгию, в которой должны были принять активное участие польские войска, и арест ряда членов организации Высоцкого.

И в российском, и в польском обществе деятельность Константина Павловича в Польше, как правило, оценивалась критически. Современники и многие дореволюционные историки обычно не замечали перемен в его поведении, подчеркивая, что своими действиями он очень мешал нормальному развитию российско-польских отношений. Константина обвиняли в деспотизме в военной сфере, произвольном вмешательстве в распоряжения польских властей, напрасном раздражении польского общества, политической близорукости, поскольку он якобы не видел признаков надвигающегося восстания, и особенно за бездействие в начале выступления, когда его еще можно было остановить [4, с. 461–462; 6, с. 506; 8, с. 592; 17, с. 149; 7, с. 221–222; 29, s. 219–220; 30, s. 89–106]. Однако, как уже отмечалось в историографии, рассматривать это бездействие лишь как результат растерянности и страха «является упрощением». В интересах Великого Князя было подавить восстание силами самих поляков, чтобы не дать Николаю I предлога применить репрессивные меры в отношении Царства Польского [23, s. 209–210]. Расчет оказался ошибочным: польская армия, первоначально сохранив верность главнокомандующему, благодаря пропаганде среди солдат младших офицеров и унтер-офицеров

постепенно переходила на сторону восставших. Не оправдались надежды и на поддержку Константина гарнизонами провинциальных частей, поскольку по прибытии в столицу они также подверглись революционной агитации. 21 ноября (3 декабря) 1830 г. Константин вынужден был освободить от присяги оставшиеся верными ему польские войска и вместе с находившимся в Варшаве русским гвардейским отрядом стал двигаться в направлении границы с Россией для соединения с корпусом генерала Г. В. Розена [23, s. 210–219]. 13 (25) января 1831 г. польский сейм объявил о детронизации Николая I. После начала военных операций против поляков Великий Князь некоторое время командовал резервами действующей армии, однако император посчитал неудобным его присутствие в войсках. Восстание 1830–1831 гг. ознаменовало конец эпохи конституционного Царства Польского и политической карьеры Константина Павловича, который почти совпал с его реальной гибелью. Заразившийся холерой цесаревич скончался в Витебске 15 июня 1831 г.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1602.
2. АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9320.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1492.
4. *Давыдов, Д. В.* Сочинения. – Москва: Гослитиздат, 1962. – 611 с.
5. Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822 г., изданные Министерством иностранных дел. – Санкт-Петербург, 1823. Ч. 1. Т. 1. – 562 с.
6. *Зеланд, А. Л.* Воспоминания А. Л. Зеланда о польском восстании и войне 1830–1831 гг. // Русская старина. – 1892. – Т. 75.

7. *Каиштанова, О. С.* Персонификация власти: великий князь Константин Павлович в российской и польской историографии // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии / [отв. ред. Н. А. Макаров]; Институт славяноведения РАН. – Москва: Индрик, 2017. – С. 217–238.

8. *Колзаков, К. П.* Воспоминания К. П. Колзакова о пребывании русских в Польше и о революции в Варшаве. 1815–1830 // Русская старина. – 1873. – Т. 7.

9. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем: в 2 т. Т. I. 1825–1829 // Сборник императорского Русского исторического общества. – Санкт-Петербург, 1910. Т. 131. – 407 с.

10. *Писаревский, Г. Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам // Научные известия Смоленского государственного университета. – 1926. – Т. III. Вып. III.

11. Письма князя А. А. Безбородки // Архив князя Воронцова. – Москва, 1879. Кн. XIII. – С. 3–470.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ I). – Санкт-Петербург, 1830. Т. XXXIV. 1817. № 26.950.

13. ПСЗ I. Т. XXXVIII. 1822–1823. № 29.087, 29.088.

14. *Пресняков, А. Е.* Российские самодержцы. – Москва: Книга, 1990. – 461 с.

15. Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве. – [Варшава, 1818]. – 7 с.

16. «Россия под надзором»: отчеты III отделения. 1827–1869. Сборник документов / сост.: М. Сидорова, Е. Щербакова. – Москва: «Российский фонд культуры», «Российский Архив», 2006. – 706 с.

17. *Смит, Ф. И.* История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов: в 3 т. / пер. с нем. гв. штабс-капитаном Квитницким. – Санкт-Петербург, 1863. Т. 1. – 496 с.

18. *Филатова, Н. М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. – Москва: Индрик, 2010. – С. 469–518.

19. *Askenazy, S.* Bracia // Teki historyczne. – Londyn, 1960–1961. Т. XI. – С. 3–20.

20. *Askenazy, S.* Łukasiński: 2 t. – Warszawa; Lwów, 1908. Т. 1. – 417 с.

21. *Askenazy, S.* Rosja – Polska. 1815–1830. – Lwów; Warszawa, 1907. – 206 с.

22. *Askenazy, S.* Rozmowy w Belwederze // Askenazy S. Nowe wczasy. – Warszawa; Kraków, 1910. – С. 228–247, 448–454.

23. *Bortnowski, W.* Wielki Książę Konstanty podczas Powstania Listopadowego // *Studia i materiały do historii wojskowości.* – Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny, 1965. T. 11. Cz. 1. – S. 193–232.

24. *Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II et ses plus proches collaborateurs (1764–1796) / édition, introduction et commentaires:* Z. Zielińska, traduction de l'introduction et des commentaires: K. Zaleska. – Kraków: Arcana, 2015. – 723 s.

25. *Czartoryski, A. J.* Pamiętniki i memoriały polityczne, 1776–1809 / wybrał, oprac., wstępem i przypisami opatrzył J. Skowronek. – Warszawa: Instytut wydawniczy «Pax», 1986. – 777 s.

26. *Dylągowa, H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy 1821–1829. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. – 364 s.

27. *Głuszkowski, P.* Barwy polskości, czyli życie burzliwe Tadeusza Bułharyna. – Kraków: Universitas, 2018. – 445 s.

28. *Kołaczkowski, K.* Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego: 5 t. – Kraków, 1900. Ks. III. Od roku 1820–1830. – 140 s.

29. *Koźmian, K.* Pamiętniki: 3 t. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1972. T. 3. – 588 s.

30. *Kulik, M.* Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników // *Wolnomularstwo Narodowe – Walerian Łukasiński = Национальное масонство – Валериан Лукасинский.* – Warszawa: Instytut Historii PAN, Wydawnictwo Neriton, 2014. – S. 89–106.

31. *Mottaz, E.* Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. – Paris, 1897. – 298 p.

32. *Pienkos, A. T.* The imperfect autocrat: Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. – Boulder: East European monographs, 1987. – 186 p.

33. *Skowronek, J.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1969. – 383 s.

34. *Skowronek, J.* Le programme européen du prince Adam Jerzy Czartoryski en 1803–1805 // *Acta Poloniae Historica.* – 1968. T. 17.

35. *Thackeray, F. W.* Varieties of Diplomacy: Polish Foreign policy during the Congress Kingdom // *Imperial power and development: papers on pre-revolutionary Russian history. Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies / edited by D. K. Rowney.* – Columbus (Ohio): Slavica publishers, 1990. – P. 56–67.

36. *Tokarz, W.* Armia Królestwa Polskiego (1815–1830). – Piotrków, 1917. – 389 s.

37. *Zielińska, Z.* «O sukcesyi tronu w Polsce», 1787–1790. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1991. – 291 s.

38. *Zielińska, Z.* Potocki Roman Ignacy Franciszek (1750–1809) // *Polski słownik biograficzny.* – Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984. – T. 28/1. – S. 1–17.

А. А. Тесля

*Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета;
Центр исследований русской мысли
Института гуманитарных наук Балтийского
федерального университета им. И. Канта*

**«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»
В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. ГЕРЦЕНА
КОНЦА 1850-Х ГОДОВ И ПРОБЛЕМАТИКА
НАЦИОНАЛЬНОГО: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ¹**

Аннотация. «Польский вопрос» занимает одно из центральных мест в публицистике Герцена – не столько по объему, сколько по многообразию значений и последствий (в частности, позиция, публично занятая Герценом по отношению к польскому восстанию 1863 г., стоила ему, по крайней мере в расхожей трактовке, потери большей части общественного влияния). Однако она – как и публицистика Герцена в целом – не становилась до сих предметом специального исследования с точки зрения понимания Герценом «нации», процессов нациестроительства, связи национального с государственным и т. п. сюжетов политической философии и теории. В данной статье мы предпринимаем беглый анализ теоретических воззрений Герцена,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

нашедших отражение в цикле статей 1859–1860 гг. «Россия и Польша», и намечаем общую трактовку последующих изменений теоретической и публицистической позиции Герцена – как перспективу для дальнейших исследований.

Ключевые слова. Западничество, народничество, национализм, национальный исторический нарратив, русский социализм, славянофильство.

Проблематика «русской нации» и русского национализма в отечественной социалистической мысли по объективным причинам – периферийна [7, с. 6–62]. Однако периферийность не означает ни ее отсутствия, ни однозначности трактовок или отсутствия исторической динамики. В данной статье мы ограничимся лишь беглыми замечаниями по данной теме в публицистике Александра Ивановича Герцена (1812–1870) по польскому вопросу в конце 1850-х гг., позволяющими, на наш взгляд, наметить контуры более широкого подхода к теме.

Статьи, объединенные в цикл «Россия и Польша», впервые были опубликованы Герценом на страницах издаваемого им «Колокола» в 1859–1860 гг.:

(1) «Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне. (Письмо первое)», за подписью Искандер. – «Колокол», л. 32–33 от 1 января 1859 г., стр. 257–260;

(2) «Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне. (Письмо второе)», за подписью Искандер, с датой: 12 января 1859. – «Колокол», л. 34 от 15 января 1859 г., стр. 273–276;

(3) «Ответ на письмо из Польши», за подписью Искандер, с датой: Park House, Fulham, 10 февраля 1859. – «Колокол», л. 37 от 1 марта 1859 г., стр. 299–302;

(4) «Россия и Польша. Письмо к автору статей: *Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich*», за подписью Искандер, с датой: 10 марта 1860. – «Колокол», л. 65–66 от 15 марта 1860 г., стр. 539–544;

(5) «Россия и Польша. Второе письмо к автору статей: *Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich*», за подписью И-р, с датой: 10 марта 1860. – «Колокол», л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 555–558.

Объединены в один цикл они были автором при подготовке сборника «За пять лет (1855–1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера», Лондон, Вольная русская типография, 1860, стр. 109–192. Изменения, внесенные в текст при объединении в цикл, за исключением появления эпиграфа, совершенно незначительные.

Отметим, что эти статьи – первое развернутое высказывание по польскому вопросу на страницах «Колокола» [6, с. 154 и сл.]. В этом тексте – заметное изменение тона Герцена (неизменно, в том числе и в переиздаваемых письмах, обращавшего внимание именно на «тон»), в сравнении с текстами первой половины 1850-х: он говорит из ситуации успеха собственной деятельности – и относительной безуспешности польских эмигрантских изданий (что прямо подчеркивает в первом письме). Напомним, что первое письмо пишется в конце 1858 г. – т. е. в момент

наибольшей популярности герценовской пропаганды. И одновременно – надежд на широкий общественный консенсус, на активное осуществление радикальных преобразований со стороны власти, идущей вслед за передовой частью общества. В этой новой ситуации Герцен позволяет себе высказываться намного более властно и определенно по отношению к «польскому вопросу», чем ранее, – теперь польская эмиграция оказывается в его глазах во многом тем, кому следует искать союза с русскими, чем последним – изыскивать возможности соглашения с Польшей (тем более что целый ряд предварительных ходов и принципиальных жестов, направленных на примирение, – с русской стороны уже сделан).

Показательно, что статьи о Польше, в 1860 г. объединенные Герценом в единый цикл, вызвали со стороны польских публицистов фиксацию «расхождения путей». Так, автор анонимной статьи «Postępową myśl rosyjską wobec zadani polskich» («Русская прогрессивная мысль и задача поляков»), опубликованной в декабрьской книжке журнала «Przegląd Rzeczy Polskich» за 1859 г. (ответом на нее стали 4-е и 5-е письма «Россия и Польша»), констатировал:

«Мы вольно или невольно даже прогрессивную русскую мысль вынуждены будем отнести в разряд наших врагов».

Основанием к такому выводу послужил отказ Герцена рассматривать Польшу «как политический организм с интегральными частями старой Речи Посполитой – Русью и Литвой», согласно формулировке автора «Przegląd'a».

Герцен в этой серии публикаций претендует на соглашение, союз с польскими движениями – но именно союз, соглашение по значимым вопросам. Это подчеркивание автономии, самостоятельной логики политической позиции и политического движения и воспринимается как расхождение с польским движением – поскольку Герцен отказывается целиком встать на сторону последнего.

Отметим попутно, что здесь нет принципиального изменения позиции Герцена – более того, сопоставляя с его же текстами 1852–1857 гг., следует отметить, что Герцен скорее оказывается ограниченнее в своих суждениях. Как он сам и подчеркивает в первом письме – новая ситуация приводит к фиксации на конкретных вопросах (поскольку большие изменения поставлены в порядок дня). Он нацелен на поиск конкретного соглашения – уводя на второй план теоретические рассуждения предшествующих лет (так, например, почти не касаясь в письмах художественных набросков «польского» и «русского» характеров и т. п., к чему был склонен ранее). Этой рамкой для Герцена выступает социальный вопрос.

Наибольший интерес с теоретической точки зрения представляет вторая статья цикла – поскольку в ней Герцен дает эксплицитную трактовку своего понимания национального вопроса и отношений России и Польши.

Прежде всего, он отмечает, что столкновение России и Польши, требования Польши к России – носят принципиально другой характер, чем, например, Италии к Австрии. Поскольку во втором случае речь идет о требовании

национальном по отношению к политическому объединению, выстроенному по другому (имперскому) политическому принципу. Но, как заметит Герцен уже в четвертом письме, отделенном от второго годичным промежутком, Российская Империя является «империей чисто русской» [3, с. 46]. Она сама по себе является национальным образованием:

«Россия – такая же живая личность, как Англия, как Франция <...>. Россия, кроме своих окраин, представляет сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу» [3, с. 20].

Тем самым польско-русский вопрос оказывается вопросом о разграничении двух национальных сообществ – и сразу же переводится в плоскость территориального разграничения. Отметая критерии исторических прав, преданий и проч., равно как и национального самосознания образованного общества, – и одновременно указывая на отсутствие между «Польшей» и «Россией» естественных границ («ни цепи гор, ни больших рек» [3, с. 21]), Герцен апеллирует к двум критериям:

– во-первых, объективному – «народ исповедует православие, говорит языком, более близким к русскому, чем к польскому, <...> сохранил крестьянский быт, мир, сходку, общинное владение землей» [3, с. 21];

– во-вторых, субъективному – самоопределения и самосознания, поскольку перечисленные выше признаки выступают только основанием для предположения, что этот народ, «вероятно, захочет быть русским. Там, где народ

исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землей, там, вероятно, сочувствие с Польшей сильнее и он пойдет с ней» [3, с. 21].

Национализм и национальное государство выступает в этой логике как движение к свободе – преодоление прежних, не-свободных, не-естественных форм политического объединения – но предпочтение отдается федерализму, как дающему возможность решить проблему политического угнетения уже в рамках «свободного» политического сообщества, деспотизма централизации и т. д. Это позволяет в конце концов Герцену снять остроту вопроса о политико-территориальном разграничении – с одной стороны, апеллируя к свободному выбору самих народов, перенося вопрос в будущее и в ситуацию, где возможно будет свободное обсуждение, с другой – через стремление к федералистскому устройению.

Публикация Герценом серии статей «Россия и Польша» значима еще и постольку, поскольку две первых стали непосредственным поводом к написанию Н. М. Костомаровым открытого письма (за подписью «Украинец»). Опубликованное в л. 61 «Колокола» в 1860 г., оно было направлено на критику полемики между «Колоколом» и «Przegląd Rzeczy Polskich», как устраняющим из поля зрения, не признающим субъектности за Украиной. Следует отметить, что хотя Герцен формально отозвался на критику «Украинца» полным признанием его позиции, на деле как в тексте самих статей, так и в дальнейшем он неизменно продолжал толковать «Украину» как часть большой России.

Позднейшая динамика позиции Герцена будет не только довольно сложной (что вполне объяснимо его позицией политического публициста, когда многочисленные отзывы и суждения по конкретным вопросам, различия в акцентах и формулировках определяются прежде всего контекстом), но и вряд ли в интересующем нас аспекте, проблематике национального, могущей быть представленной в виде некоторой итоговой и непротиворечивой¹. И тем не менее некоторые линии изменения могут быть намечены:

– во-первых, во второй половине 1850-х отходит на второй план, а в 1860-е фактически исчезает «славянство» как потенциальный политический субъект² (лишь

¹ Не-доктринальность позиции Герцена многократно становилась предметом обсуждения, осмысляясь в диапазоне от «противоречивой» до «импровизации» как принципа/модели мышления [10, гл. 1].

² Это связано, на наш взгляд, еще и с тем обстоятельством, что «славянство» утрачивает актуальность для Герцена (как и для Бакунина), поскольку возникает возможность апеллировать как во внутреннем, так и в общеевропейском контексте непосредственно к России. В 1840 – начале 1850-х гг. революционный/радикальный потенциал России представлялся слабоактуализированным – для полновесного включения в радикальную европейскую традицию требовалась отсылка к какой-то большей общности, чье историческое присутствие и влияние не могло быть подвергнуто сомнению. В этом плане «славянство» оказывалось востребованным со стороны русских радикалов, позволяя выстраивать большую и разностороннюю генеалогию, начиная с чешских таборитов и вплоть до польских революционеров 1790-х и мятежников 1830–40-х гг. Аналогичную роль «славянство» играет в идеологии Кирилло-Мефодиевского общества – позволяя связать всемирно-исторический план с судьбой Украины, представить последнюю субъектом мировой истории [8].

Одновременно Герцен, в обращении к иностранной аудитории в первой половине 1850-х гг., пытается выстроить образ России как потенциального революционного субъекта. Цикл статей «О развитии революционных идей в России» стремится представить европейским читателям собственную русскую радикальную традицию, фактически являясь первым опытом историографии русского радикализма, конструируя его генеалогию. Общественное оживление второй половины 1850-х – 1860-х гг. и начавшиеся реформы придают этим усилиям убедительность, – и в той мере, в какой Россия все менее предстает как покорная «империя царей», обретает субъектность, в той же мере исчезает потребность в расширяющей рамке «славянства» для утверждения наличия освободительного потенциала.

в обстановке критского восстания 1867 г. Герцен несколько актуализирует эту тему, отзываясь о ней в частной переписке как о сугубо ситуативной – и в целом обусловленной его стремлением к некоторому сближению со славянофильством [9]);

– во-вторых, ослабевает, а с кризиса 1863 г., вызванного Январским восстанием в Царстве Польском и Западных губерниях, исчезает надежда на широкое общественное единство, то, что в текстах 1850-х гг. предстает как упование на образованное дворянство и «средние слои» как соединенных общей целью – в особенности после 1863 г. для Герцена речь идет о конфронтации с другими политическими позициями, которые обладают собственной весомой поддержкой в обществе и, более того, признаются преобладающими¹;

– в-третьих, во второй половине 1860-х гг. Герцен все более критично настроен к современным русским радикалам, как в лице «молодой эмиграции», так и к политической эволюции Бакунина и сближающегося с ним Огарева [4]. Но помимо критики современных радикалов, Герцен в последних текстах обращается к необходимости признания современных государств и государственных порядков

¹ В этом плане показателен спор с Утиным в 1863–1864 гг., когда Утин, выступая от лица «Земли и Воли», пытается представить ситуацию 1863 г. как поворот сугубо поверхностный, правительственный – осмысляя внутрироссийские публицистические выступления этого времени как инициированные властями, не имеющими широкой общественной поддержки. Напротив, Герцен, делающий из этого вывод о невозможности продолжения прежней политической линии, утверждает, что националистический поворот 1863 года является поворотом в общественных настроениях, не сводимым ни к пропаганде, ни к официальной и официозной журналистике [5].

реальностью, по крайней мере на ближайшую мыслимую перспективу – и, соответственно, межгосударственных взаимодействий. В третьем письме «К старому товарищу» (1869, опубл. посмертно) Герцен пишет:

«Из того, что государство – форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*... С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека <...>.

Да и будто какой-нибудь народ может безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция и Пруссия и пр.» [2, с. 584, 591]:

– в-четвертых, размежевание, затем перешедшее фактически в разрыв, с польской эмиграцией – к 1867 г. союз, существовавший с конца 1840-х гг., прекратил свое существование. В «Prolegomena», развернутом изложении Герценом своих убеждений, открывавшем французский «Kolokol», предметом критики оказывался и лозунг восстания 1830–1831 гг., на который ранее Герцен охотно ссылался и который многократно вспоминал – «за нашу и вашу свободу». Теперь он спрашивал: «Но какова та свобода, к которой стремимся мы? Та же самая ли?.. Поляки очень часто смешивают свободу с политической независимостью; последнюю мы имеем, о ней наша последняя забота – потерять ее мы не можем» [2, с. 71].

В принципе, по крайней мере два последних момента – признание, с одной стороны, государственной формы как «преходящей», но отнюдь не «прешедшей», актуальность государственной рамки хотя бы в силу

внешнеполитического контекста (и тем самым включение в план рассуждений межгосударственных отношений, проблемы территориального разграничения), а с другой – проблематичность взаимодействия, разноустремленность польского и русского революционных движений – могли бы привести Герцена к актуализации вопроса о критериях национальной идентичности, о границах «русского» и т. д. Однако эти потенциальные ходы размышлений так и оказываются нереализованными – национальное остается для Герцена на всем протяжении 1860-х гг. «прозрачным», само собой разумеющимся и одновременно «естественным». Устремленность к радикально иной перспективе, противопоставление наличного порядка, обреченного, несостоятельного в своих основах, способного к сколь угодно долгому существованию, но уже без внутреннего оправдания, – «радикальной революции» [2, с. 76], снимающей саму проблему национального государства, которая, парадоксальным образом, остается по существу за пределами рефлексии Герцена, – все это ведет к тому, что национальное оказывается для Герцена предметом описания (и тем самым конструирования), перечисления разнообразных национальных качеств и свойств, субстратом истории.

Позволим себе предположить, что в какой-то мере для Герцена определяющим оставался опыт наблюдателя «из центра», из Москвы 1820–1840-х гг. – где «другие» представляли контрастными, отчетливо отличимыми от «своих» и где «русскость» выступала «само собой разумеющейся», противопоставляясь «немцам» [1], «полякам» и т. д. Этот

опыт оказывался лишь укрепляем условиями эмиграции – с отчетливыми другими и широкой «русскостью», вне столкновений со сложными/неопределенными идентичностями пограничья – и одновременно с мышлением в национальных категориях как «естественных».

Библиографический список

1. *Вдовин, А. В.* «Немецкость» как интерпретационная метафора у А. И. Герцена // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели / Под ред. Л. Киселевой. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та. – С. 351–363.

2. *Герцен, А. И.* Полное собрание сочинений и писем. В 22 т. Т. XX. 1867–1868 гг. / Под ред. М. К. Лемке. – М., Петроград: Государственное издательство, 1923.

3. *Герцен, А. И.* Сочинения. В 30 тт. Т. XIV. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

4. *Козьмин, Б. П.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // Литературное наследство. – Т. 41–42: А. И. Герцен. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 1–48.

5. *Козьмин, Б. П.* Е. И. Утин – Герцену / Публ. Б. П. Козьмина // Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 607–690.

6. «Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857–1867. Систематизированная роспись статей и заметок / Под ред. Б. П. Козьмина. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957.

7. *Тесля, А. А.* Революционная версия русского национально-исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцена // Социология власти. – 2021, т. 33, № 2. – С. 59–79.

8. *Тесля, А. А.* Русские беседы: Соперник «большой русской нации». – М.: РИПОЛ Классик, 2018.

9. *Тесля, А. А.* 1867 год: Герцен как «непоследовательный славянофил» // Вопросы национализма. – 2021, № 1 (33). – С. 162–175.

10. *Хестанов, Р. З.* Александр Герцен. Импровизация против доктрины. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

**«ДЛЯ БЛАГА ФИНЛЯНДИИ»: ВЛАСТЬ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х ГОДОВ**

Аннотация. Итоги Крымской войны 1853–1856 годов оказали значительное влияние на политическое и экономическое развитие Финляндии, изменили ее положение в составе Российской империи, наметив новые тенденции развития и предоставив возможности для расширения финляндской автономии. Актуализированная в Великом княжестве Финляндском во второй половине 1850-х годов идея созыва сословного собрания находила ярких приверженцев среди интеллектуалов как финского, так русского обществ. В статье представлен анализ основных предложений, исходивших из среды финской и русской общественности, по изменению политики правительства Александра II в отношении Финляндии и обеспечению ее бесконфликтной интеграции в состав Российской империи, а также дальнейшее развитие на правах широкой автономии.

Ключевые слова. Российская империя, Великое княжество Финляндское, Александр II, национальная политика, Гельсингфорсский университет, Ф. Л. Шауман, С. И. Барановский.

Финляндия, ставшая частью России в результате русско-шведской войны 1808–1809 годов, получила права и возможности, которые создавали условия для более успешного и свободного развития финской нации и ее культуры в составе Российской империи. Автономия, предоставленная Великому Княжеству Финляндскому, отрыв финского народа от Швеции, грозившей ему слиянием и утратой самобытности, стимулировали процессы финского национального «пробуждения». В 1810–1820-е годы в среде финских интеллектуалов из феннофильского культурного течения оформляется национальное движение – фенномания, направленное на развитие финской культурно-языковой общности путем уравнивания прав финского языка со шведским во всех сферах административной и общественной жизни [5, с. 773]. Центром распространения движения стал Императорский Александровский университет, в котором наряду с финскими профессорами преподавали многие выходцы из центральной России, активно выступавшие за русско-финское сближение.

В первой половине XIX века российскому правительству было необходимо решать идеологическую задачу, состоявшую в формировании новой имперской идентичности у финнов как верноподданных российского императора. Финны должны были осознать себя полноценной нацией, что ускорило бы их отрыв от Швеции. Поэтому российская политика в отношении Финляндии осуществлялась в том числе и мерами, поддерживающими процессы финского национального возрождения. Так, в 1828 году при Гельсингфорсском университете были открыты курсы финского языка, а в 1831 году было основано

Финское литературное общество, ставшее впоследствии ведущим центром финского национального «пробуждения» и опубликовавшее «Калевалу» – финский национальный эпос. Следует отметить, что с 1831 по 1854 годы, на протяжении которых российской администрацией предпринимались попытки сближения России и Финляндии без принуждения, генерал-губернатором в крае являлся морской министр А. С. Меншиков, относившийся с уважением к финляндским органам власти. При нем сложилась наиболее удобная и действенная модель административного управления краем, произошло повышение статуса статс-секретаря до министра-статс-секретаря. Помощником статс-секретаря был назначен Александр Армфельт – человек, который на протяжении своей долгой служебной деятельности (более сорока лет) отстаивал интересы автономной Финляндии перед имперским центром [7, р. 106].

Под особым знаком русско-финского сближения прошло празднование двухсотлетнего юбилея Гельсингфорского университета в 1840 году. На торжествах красноречием особенно отличался лингвист и литератор, а с 1841 года профессор университета Яков Карлович Грот, поддерживающий тесные контакты со многими финскими научными и литературными деятелями. Именно его статс-секретарь по делам Великого княжества Р. И. Ребиндер предложил в качестве проводника имперской политики так называемую «феннизацию» в крае, заключающуюся в постепенном замещении места и значения у финнов шведского языка русским [2, с. 62]. Грот начал с организации отдельного собрания славянской литературы в университетской

библиотеке, а также активно внедрял в учебный процесс университета преподавание русского языка, обучение которому с его подачи приобретало принудительный характер. Принуждение вызывало у студентов ответную негативную реакцию, не добавляя интереса к изучению русского языка и вызывая конфликтные ситуации в университете.

Итоги Крымской войны 1853–1856 годов оказали значительное влияние на политическое и экономическое развитие Финляндии, изменили ее положение в составе Российской Империи, наметив новые тенденции развития и возможности для расширения финляндской автономии. В первые годы царствования Александра II была осуществлена серия преобразовательных мер, направленных на реформирование сфер управления, экономики и просвещения, разрабатываемых под руководством председателя экономического отделения Сената Финляндии – Л. Г. Гартмана. Как и генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Ф. Ф. Берг, Гартман последовательно выступал за сближение России и Финляндии, особенно в области торговой и промысловой деятельности, улучшения транспортной связи, снятия ограничений для развития финляндской промышленности. Программа преобразований, разработанная под руководством Гартмана, также предполагала создать противовес усилившейся власти генерал-губернатора в виде совета, который бы контролировал его деятельность. В результате в 1857 году удалось создать Комитет – коллегиальный орган при статс-секретаре, который в последующем стал «площадкой» для согласования интересов России в лице генерал-губернатора и Финляндии в лице статс-секретаря, соответственно.

В марте 1856 года новый император, приехав в Гельсингфорс, выступил в Сенате с программной речью, содержавшей план реформ в Финляндии с целью оживления экономики края и компенсации ущерба, причиненного Крымской войной. Преобразования, озвученные императором в программе, затрагивали сферы торговли и мореходства, предполагали строительство народных школ и новых железных дорог [8, р. 213]. Предпринятые во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов в рамках преобразовательной программы экономические меры дали существенный результат в короткие сроки. Устранение ряда ограничений (например, в лесопилении) дало толчок развитию сельского хозяйства, промышленности, сети железных дорог и шоссе. В дальнейшем были проведены реформы в системе народного образования, в 1858 году была создана первая средняя школа с преподаванием на финском языке. Поддерживая фенноманов, способствуя распространению финского языка, правительство Александра II продолжило политику поощрения процесса оформления национального самосознания финнов.

Однако осуществление новой программы преобразований во второй половине 1850-х годов требовало усиления положения Сената, созыва сословного собрания, что вызывало противодействие со стороны Ф. Ф. Берга, не желавшего осуществления наметившейся тенденции на ограничение полномочий генерал-губернатора. В свою очередь, актуализированная в Великом княжестве Финляндском идея созыва сословного собрания находила ярых приверженцев среди интеллектуалов как финского, так русского обществ, стимулировала новые споры о «финляндской

государственности», начало которым было положено еще в конце 1830-х – начале 1840-х годов в памфлетах профессора И. Вассера, считавшего, что финны заключили сепаратный договор с российским императором и из шведской провинции Финляндия превратилась в конституционно управляемое государство, основными законами которого выступают шведские Закон о форме правления 1772 года и Акт единения и безопасности 1789 года. Свою роль в развитии идей Вассера сыграли и другие видные фенноманы – поэт А. И. Арвидссон, профессор Й. Я. Нордстрем, Й. В. Снельман.

Феноманны созыв земских чинов в Финляндии рассматривали как первый шаг на пути к реформам, о чем некоторые из них заявили в своих публичных выступлениях на торжествах, организованных Гельсингфорским университетом в 1857 году по случаю коронации Александра II. В речи профессора Ф. Л. Шаумана подчеркивалось, что право земских чинов в Финляндии контролировать финансовое управление краем основывается на Законе о форме правления 1772 года и Акте единения и безопасности 1789 года. Выступление профессора было напечатано в газете Великого княжества «Helsingfors Tidningar». Вскоре начальником Третьего отделения В. А. Долгоруковым было сделано специальное распоряжение, «чтобы речь сия не была перепечатана» в русских газетах, о котором он уведомлял министра народного просвещения. Данное распоряжение было принято после разговора с императором. Представителей высшей российской власти смутило содержание речи профессора [3, л. 1]. Против Шаумана выступил и Гартман, обвинивший профессора чуть ли

не в подстрекательстве к восстанию. Историк Г. З. Юрье-Коскинен в своем выступлении сослался на слова Александра I о возведении Финляндии в «достоинство нации». Противоположную точку зрения представил профессор Й. Я. Нервандер, который считал, что «финны не составляют нации, ибо не имеют истории», Финляндия не выработала собственных форм управления, ведь всегда состояла под владычеством – сперва Швеции, а затем России. С ним был согласен профессор Гельсингфорсского университета В. Росенборг, который характеризовал основные законы Финляндии как «темные и двусмысленные в своих выражениях» и не дающие прав поставить Великое княжество Финляндское в один ряд с конституционными государствами [1, с. 26–27].

В этот период решительнее всех о необходимости изменений в финляндской политике правительства Александра II заявил русский ученый и изобретатель, профессор русского языка в Гельсингфорсском университете С. И. Барановский. В январе 1857 года С. И. Барановский подготовил на имя Императора Александра II специальную записку под названием «Задуманные думы», в которой выдвинул ряд предложений по изменению политико-административного положения Финляндии в составе Российской Империи [4]. Записка Барановского, хранящаяся в Секретном архиве Третьего отделения, была представлена императору: на ней имеется помета о Высочайшем повелении принять ко вниманию предложения ученого.

В записке профессор систематизировал свои социально-экономические и политические взгляды, а представить их лично императору решился, «считая осуществление

этих дум непререкаемым условием для прочного благосостояния России» [4, л. 1 об.]. Рукопись состоит из небольших «легких» очерков, каждый из которых затрагивает отдельную проблему внутривластного развития страны и содержит конкретные предложения автора, направленные на социально-политическое реформирование. Например, в первом очерке под названием «О властях» Барановский изложил свой план реформирования государственного аппарата империи. По мнению ученого, ввести в стране «надлежащий порядок управления» позволит «строгое разграничение трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащее взаимное отношение их между собою, а также к Государю и народу» [4, л. 3].

Наряду с комплексом социально-политических реформ для центральной России Барановский предлагал в своей записке меры, направленные на изменение политико-административного положения Великого княжества Финляндского. Широкий преобразовательный процесс, начатый в годы царствования Александра II, и актуализация на его фоне многих внутривластных вопросов вели к росту национально-освободительного движения на окраинах империи. Александр II унаследовал от отца многие внутривластные проблемы, нуждавшиеся в незамедлительном разрешении. Одной из наиболее острых являлась ситуация на окраинах и необходимость изменения национальной политики, выработки новаторских и даже экстраординарных, упреждающих подходов управления.

В полной мере осознавал эту проблему и профессор Барановский. В своих «Задушевных думах» он прежде всего

выступал за созыв сейма. По его мнению, совпадавшему с мнением финских либералов, повторный созыв сословного собрания крайне необходим в сложившихся условиях для решения важных вопросов государственного благоустройства [9, р. 287]. Ученый был вполне убежден в том, что незамедлительный созыв сейма будет иметь последствием «теснейшую связь Финляндии с Россией, пламенную преданность финляндцев к их законному Государю» [4, л. 18 об.] и не повлечет за собой каких-либо неприятностей.

Осведомленный о распространенных в высших правительственных кругах опасениях насчет того, что созыв сейма в Финляндии усилит проконституционные настроения в России и Царстве Польском, Барановский стремится убедить императора в обратном. Ученый отмечал, что сейму в Финляндии в сложившихся условиях придается исключительно совещательный характер, ведь он «ничего не постановляет, а только высказывает свои мнения» [4, л. 17 об.]. Законодательная власть, несмотря на упомянутый Барановским «коренной финляндский закон» (восходящий к Закону о форме правления 1772 года и Акт единения и безопасности 1789 года), принадлежит императору, но только с условием исполнения совещательной функции сейма, когда у основных сословий края есть возможность представлять перед самодержавной властью без ее ограничения сведения о своих нуждах. Здесь же ученый проводит мысль о том, что наладить успешную работу сейма позволит подготовительная мера. Он предлагал перед созывом сейма заблаговременно назначить особую комиссию, задача которой состояла в том, чтобы «предварительно приготовить

все вопросы, долженствующие разбираться на сейме, а также представить эти вопросы или часть важнейших из них на «свободный суд общественного мнения» Финляндии, дозволив ему свободно толковать о них [4, л. 19].

Явно симпатизируя административно-правовой системе княжества, его традициям конституционализма Барановский доказывал императору что разделение властей на этой территории оказывает общее положительное влияние на политическую культуру финских чиновников и правовое сознание всего населения Финляндии, выгодно отличающееся благодаря этому от центральной России «уважением к законам». В то время как в центре империи было необходимо срочно предпринимать меры по укреплению пошатнувшейся законности и авторитета права.

По мнению Барановского, большой вред окраине своей деятельностью наносит генерал-губернатор, который, если даже и хороший управленец, составляет «род власти, никак не гармонирующий со всем государственным устройством края» [4, л. 17]. Ученый явно критикует установившийся со времен Николая I принцип в административной системе княжества, согласно которому особа генерал-губернатора представляла собой «alter ego» императора [6, с. 149]. Генерал-губернатор пользовался большим доверием царя и располагал всеми необходимыми средствами управления. Барановский отмечал, что генерал-губернаторы в Финляндии как представители исключительно исполнительной ветви власти захотели стать «и законодателями, и судьями» и к тому же стремятся присвоить себе исключительно царское право неподсудимости. К тому же, присваивая себе не принадлежащие им права, генерал-губернаторы

в своих отчетах скрывали от императора истинное положение Финляндии и ее интересы [4. л. 17 об.].

Таким образом, «для блага Финляндии и для прочного укрепления ее за Россией» Барановский предлагал две основные меры. Первая из них состояла в ликвидации должности генерал-губернатора, чрезмерное усиление власти которого, по мнению ученого, наделало в крае много зла. Второе предложение Барановского соответствовало настроениям, господствовавшим в среде финляндской либеральной общественности, и заключалось в необходимости скорейшего созыва сейма.

Барановский не предлагал коренного изменения той властной вертикали в княжестве, которая была выстроена еще при Александра I и замыкалась непосредственно на особе самого императора, от которого напрямую зависело решение любых финляндских вопросов. Высказывая свою позицию в отношении Финляндии, Барановский стремился предложить наиболее компромиссный вариант решения вопроса о статусе Великого княжества Финляндского. В период, когда в финляндском обществе только начинались споры о том, является ли Великое княжество Финляндское самостоятельным государством, связанным с Россией через личную унию или «инкорпорированной провинцией», Барановский, поддерживая первую позицию, предлагал императору подтвердить особый государственно-правовой статус Финляндии во избежание конфликтных ситуаций в крае. Убедить императора в необходимости этого шага и развеять все его опасения должна была идея, которая красной нитью проходит через «Задуманные думы» Барановского. Она заключалась в том, что полноте

самодержавной власти императора ничего не может угрожать и ему необходимо только позволить доводить до себя мнение как финляндской, так и русской общественности через имеющиеся в распоряжении институционализованные формы, одной из которых на окраине выступал сейм.

Рассуждая о проблеме взаимодействия интеллектуалов и власти в Европе XIX века, французский философ Ж. Делез определил взаимный переход и сплетение практического и теоретического действия в этом процессе. В свою очередь, М. Фуко отмечал, что в XIX веке интеллектуалы служили носителями «совести», могли говорить истину тем и тогда, когда о ней еще не догадывались в высших правящих кругах, и от имени тех, кто не мог ее сказать. Следуя за рассуждениями философов, которые в полной мере применимы и к реалиям Российской Империи XIX века, можно смело утверждать, что идеи, выдвинутые С. И. Барановским в отношении реформирования административной сферы Финляндии, не только выражали чаяния и надежды окружавших русского ученого финских интеллектуалов, выступавших за дальнейшее расширение автономии, но также стали теоретическим подспорьем для практической деятельности правительства Александра II в отношении Великого княжества Финляндского.

Библиографический список

1. *Бородкин, М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб: 1905. С. 26–27.
2. *Вихавайнен, Т.* Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. – СПб: Нестор-История, 2012. – 248 с.
3. Дело о запрещении перепечатки и упоминаний в периодических изданиях речи профессора Гельсингфорского университета Шаумана по поводу коронавания Александра II, помещенной в газету «Helsingfors Tidningar» № 90 и 91 // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3984. Л. 5.
4. Записка Барановского С. Александру II «Задуманные думы» (о государственном переустройстве России) // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 78. Л. 19.
5. *Питкяранта, Р.* Даниэль Юслениус // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. – Хельсинки, 2004. – С. 772–776.
6. *Швейцер, Р.* Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899) // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. – М.: Модест Колеров, 2015. – С. 144–197.
7. *Kirby, D.* A Concise History of Finland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 364 p.
8. *Klinge, M.* Keisarin Suomi. – Espoo: Schildt, 1997. – 616 p.
9. *Jussila, O.* Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. – WSOY, Helsinki, 2004. – 832 p.

**«УКРЕПИТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СВЯЗЬ МЕЖДУ
ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ И ИМПЕРИЕЙ...»:
ПОПЫТКИ ИНКОРПОРАЦИИ ФИНЛЯНДИИ
В РОССИЙСКОЕ ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация. Стремление к унификации имперского пространства, реализовывавшееся российским самодержавием в последние десятилетия XIX века, не могло не затронуть наиболее обособленной окраины Российской империи – Великого княжества Финляндского. Стратегическая цель российского правительства состояла в предотвращении угрозы финляндского сепаратизма путем ограничения ее автономии и инкорпорации в имперское пространство. Данная программа начала реализовываться в Великом Княжестве в конце 1890-х гг. после вступления в должность генерал-губернатора Н. И. Бобрикова и была крайне негативно воспринята финляндской общественностью. Неудача попыток инкорпорации Финляндии в имперское пространство, завершившихся убийством генерал-губернатора, наглядно продемонстрировала тот факт, что к этому времени финляндская государственность, сформированная непосредственными усилиями русских монархов, была вполне готова к самостоятельному политическому существованию.

Ключевые слова. Российская империя, Великое княжество Финляндское, национальные окраины, унификация, русификация, автономия, Н. И. Бобриков.

Ужесточение имперской политики в отношении национальных окраин, происходившее в России в последние десятилетия XIX в., стало своеобразным административно-бюрократическим ответом на процессы национальной мобилизации, протекавшие на российских окраинах и выражавшиеся в формировании национальных интеллектуальных элит, усилении интереса к прошлому своих народов, стремлении к получению национального образования, развитию собственных литературных языков. Данные процессы становления национального самосознания вызывали обеспокоенность имперской администрации, небезосновательно усматривавшей в них зарождение идей национальной самостоятельности и сепаратизма.

Немаловажным фактором, оказавшим значительное влияние на правительственную политику по отношению к национальным окраинам, являлся поворот к реализации консервативно-охранительной концепции внутриполитического развития, в наибольшей степени проявившейся после вступления на престол Александра III. Одним из важнейших элементов этой доктрины была идея построения гомогенной и внутренне однородной национальной монархии. Самодержавная власть стремилась к унификации всех частей империи в административном, правовом и социокультурном аспектах, к укреплению управленческих связей между центром и периферией, к предотвращению и подавлению зарождавшихся идей

национальной самостоятельности, угрожавших целостности государства.

Данные стремления не могли не затронуть и наиболее самостоятельной и обособленной окраины Российской империи – Великого княжества Финляндского.

На протяжении длительного времени российские власти были вполне удовлетворены особым статусом Финляндии, которая обладала широчайшей автономией, проявляя при этом полную лояльность по отношению к императорской власти. Спокойные и верноподданные финны, сохранявшие верность престолу в условиях внешних угроз, таких как Крымская война, и внутренних окраинных повстанческих экстремумов 1830 и 1863 гг., на фоне «мятежных» поляков в глазах имперского правительства выглядели идеальными «иногородцами», наступление на автономию которых представлялось совершенно нецелесообразным. Именно желанием «наградить» лояльных финнов и тем самым сформировать некий образец взаимодействия верноподданной окраины и либерального имперского центра руководствовался Александр II, выступивший с программой широких реформ для Финляндии, для реализации которых осенью 1863 г. был созван сословно-представительский Сейм.

Политику Александра II первоначально продолжил и Александр III, предоставив в 1885 г. финскому сейму право законодательной инициативы. Однако общий курс российского правительства, направленный на унификацию национальных окраин, не мог не привести к изменению политики по отношению к Финляндии, которая выпадала из единого государственного пространства империи.

Исследователи, стремившиеся выявить причины резкого изменения правительственной политики в отношении Финляндии, в качестве одного из основных аргументов указывали на экономические факторы, связанные с быстрым развитием финляндской промышленности, продукция которой составляла серьезную конкуренцию российским товарам, а также на укрепление в княжестве экономических позиций Германии, которая постепенно занимает первое место в товарообороте Финляндии, вытесняя Россию даже в зерновом экспорте. Действительно, эти явления вызывали обеспокоенность в российских предпринимательских кругах, побуждая их требовать законодательной защиты их интересов [9, с. 281]. Однако, на наш взгляд, осознание экономических реалий в российских правительственных и общественных кругах вплоть до начала XX века было достаточно поверхностным, а степень влияний торгово-промышленных кругов на власть – минимальным, в силу чего не экономические, а именно политико-правовые и морально-психологические факторы выступали на первый план при разработке правительственного курса в отношении финляндской окраины.

Усиление гомогенизаторских тенденций в имперской политике России совпало с обострением «автономистского национализма» молодой финляндской нации, выразившегося в формировании национальной исторической мифологии, суверенизации национально-культурной идентичности и связанным с этим болезненным восприятием любых попыток имперских властей утвердить свое государственное присутствие в регионе, которые рассматривались как «угнетение» или «русификация». Утверждение

превосходства своего социально-экономического, политического и культурного строя над общеимперским, которое финляндский исследователь Т. Полвинен характеризовал как «национальное чванство», раздражали российские правительственные круги и общественность [10, с. 252]. Данная ситуация не могла не привести к ответной реакции со стороны властей, стремившихся утвердить свое суверенное право на обладание и самостоятельное управление данной территорией, а если потребуется, и на «вторичное завоевание» края, приобретенного силой русского оружия.

Значительное влияние на формирование правительственного курса, направленного на большую инкорпорацию Финляндии в состав Российской империи, сыграли военные. Инспекция Главного штаба, проведенная в Финляндии в 1886 г., выявила уязвимость русских северо-западных оборонительных рубежей, успешная оборона которых зависела во многом от благонадежности финского населения, в отношении которого у военных имелись серьезные сомнения. Российское военное руководство, указывая на массовую военную подготовку финляндцев, опасалось, что в случае их перехода на сторону противника они могут двинуть против России около ста тысяч солдат [6, л. 181 об.; 9, с. 369].

Наибольшее недовольство русских военных вызывало наличие в Финляндии собственных вооруженных сил, не входивших в состав российской императорской армии и являвшихся символическим атрибутом финляндского суверенитета.

Следует отметить, что вопрос о полной или даже частичной отмене финляндской автономии или упразднении финских органов управления не ставился даже наиболее

рьяными сторонниками укрепления государственных начал на территории княжества. Имперские власти стремились лишь подтвердить верховенство имперского законодательства и самодержавного принципа управления окраиной, а также ликвидировать самостоятельность отдельных сфер жизни княжества, инкорпорировав их в рамки общеимперских структур. Для обоснования законности и правомерности планируемых преобразований российские правоведы стремились опровергнуть представление о Финляндии как о самостоятельном государстве, связанном с Россией лишь «личной унией» в лице Монарха – Великого князя Финляндского, на котором настаивали финские юристы [14, с. 32–33].

Автором ряда проектов, направленных на изменения основных принципов управления окраиной, был финляндский генерал-губернатор Ф. Л. Гейден.

По его мнению, главной угрозой для русского господства в княжестве было сохранявшееся шведское культурное и политическое влияние, которое должно быть ослаблено, прежде всего, посредством покровительства развитию финской национальной идентичности.

Для вытеснения шведского культурного влияния он предлагал признать финский язык наравне со шведским официальным языком края, перевести на финский язык высшее и среднее образование в княжестве, продвигать фенноманов на административные и судебные посты. Генерал-губернатор был сторонником снятия таможенных ограничений, препятствовавших развитию русско-финляндской торговли.

Помимо этого, генерал-губернатор указывал на то, что «честь России безусловно требует», чтобы «при первой

возможности» русским подданным, проживавшим в Финляндии, были предоставлены в полном объеме без необходимости перехода в финляндское гражданство все те права, которыми пользуются «финляндские подданные» [13, л. 11 об. – 12].

Гейден отмечал насущную необходимость создания закона, четко «разъясняющего государственную связь Финляндии с прочими частями империи и самодержавные права Верховной Власти в крае», который окончательно бы закрепил за окраиной статус составной части Российской империи, в отношении которой действуют российские законы. Данное положение должно было подкрепляться рядом символических имперских маркеров на территории княжества [13, л. 24–25].

Помимо Гейдена с проектами последовательной инкорпорации Финляндии в российское имперское пространство выступали сенатор Н. А. Мансеин [7] и председатель комитета Министров Н. Х. Бунге [1].

Начало трансформации имперской политики в отношении Финляндии связано с деятельностью Особого совещания по составлению проекта преобразований в Великом Княжестве Финляндском, созданного в 1891 г.

Проводимые им мероприятия имели не столько практическое, сколько символически-политическое значение.

В 1890 г. вышел т. н. «почтовый манифест», упразднивший самостоятельность финляндского почтового ведомства, подчиненного общеимперскому Главному управлению почт и телеграфов. В 1891 г. был упразднен Комитет финляндских дел, а министру статс-секретарю Финляндии было предписано согласовывать представляемые

императору законопроекты, касавшиеся Финляндии, с центральными учреждениями империи. Тогда же была предпринята первая попытка внедрения русского языка в высшую административную сферу. Согласно принятому в июле 1891 г. постановлению, русский язык становился официальным языком документальных сношений генерал-губернатора с финляндским Сенатом и Сеймом.

Безусловно, назвать эти скромные меры «началом наступления на автономию Финляндии», несомненно, было бы большим преувеличением, однако и они вызвали недовольство и обеспокоенность финляндского населения, опасавшегося, что данные мероприятия являются лишь прелюдией для более решительных мер по русификации их страны.

Можно с уверенностью заявлять, что имперские власти, предпринимая шаги по символическому укреплению своего суверенитета над Финляндией, сами провоцировали возникновение отсутствовавших вплоть до начала XX в. сепаратистских настроений среди финнов, находившихся на стадии формирования своей национальной идентичности, когда любое внешнее давление на нее воспринималось крайне болезненно, как угроза самому существованию нации.

Попытка более решительной инкорпорации Финляндии в имперское пространство была предпринята после назначения в 1898 г. на пост генерал-губернатора Финляндии Николая Ивановича Бобрíkова, с именем которого финляндская историческая традиция связывает эпоху, получившую громкое наименование «первого периода угнетения».

Многие российские современники, не возражая против необходимости проведения в Финляндии ряда

государственных реформ, считали крайне неудачным данное назначение, поскольку Бобриков отличался откровенными антифинляндскими взглядами и конфронтационным мышлением.

С. Ю. Витте в своих воспоминаниях указывал на весьма примечательный эпизод, демонстрировавший восприятие Н. И. Бобриковым его нового поста. Когда Витте поздравил его с новым назначением, тот пожаловался на многие трудности, стоящие перед ним, сравнив свою миссию с миссией графа Муравьева-Виленского. Удивленный таким сравнением, Витте указал на то, что Муравьев был назначен в мятежный край, чтобы «погасить восстание, а Вы, при Вашем взгляде на положение Финляндии, назначаетесь туда для того, чтобы, видимо, породить там восстание...» [2, с. 578].

Началом реализации нового курса в отношении Финляндии стало принятие 3 февраля 1899 г. Манифеста, утверждавшего верховное право имперской власти на издание законов для княжества, касавшихся общегосударственных потребностей без одобрения Сейма. Самым большим недостатком Манифеста было отсутствие четкого разграничения между местным и общеимперским законодательством, что в наибольшей степени возмущало финнов и давало им основания для опасений перед чрезмерно расширительным его применением имперскими властями.

Манифест был крайне болезненно воспринят в Финляндии, население которой всячески демонстрировало его неприятие посредством различных публичных акций, включавших в себя демонстративные манифестации в честь Императора Александра II, подписную кампанию,

собравшую за десять дней более полумиллиона подписей под верноподданническим «всенародным адресом» Николаю II, в котором содержалось настойчивая просьба отменить действие Манифеста. Финские общественные деятели открыто призывали к пассивному сопротивлению российским властям, бойкоту всех русских учреждений. Данные акции проходили при полном попустительстве и даже сочувствии местных властей, что вызвало резкое недовольство со стороны Бобрикова, обвинявшего финляндских губернаторов в «преступном бездействии» [5, л. 1].

Помимо этого, Бобриков предложил программу «языковой русификации» Финляндии, охватывавшей административную и образовательную сферу. Данная программа предусматривала введение русского языка в администрацию, Сенат, высшие учебные заведения, а также издание официальной правительственной газеты на русском языке [3, с. 164]. В рамках реализации данной программы 7 июня 1900 г. был принят так называемый «Языковой манифест», в соответствии с которым делопроизводство в Великом княжестве должно было постепенно переводиться на русский язык [12, с. 628].

Усилия по внедрению русского языка в образовательную сферу Финляндии, отношение к которым даже в Петербурге было весьма неоднозначным, потерпели полный крах по причине плохой подготовленности реформы, нехватки преподавателей русского языка, а также массового бойкота русскоязычного обучения финскими учащимися и педагогами. Не принеся никакого положительного эффекта, они еще более усилили антирусские настроения в княжестве.

Важнейшим элементом инкорпорации Финляндии в состав империи должно было стать распространение на Княжество общегосударственной воинской повинности.

Несмотря на сопротивление многих членов Государственного Совета, 29 июня 1901 г. Император Николай II утвердил проект нового Устава о воинской повинности для Финляндии, по которому финские воинские формирования были распущены, а набираемые в Княжестве новобранцы должны были проходить службу в российских частях [2, с. 582].

Введение нового воинского устава, утвержденного на основании положений Манифеста 3 февраля 1899 г. без одобрения Сейма, было полной неожиданностью для Финляндии. Население открыто саботировало воинский призыв, проводимый в соответствии с новым Уставом.

Сопротивление «незаконному» с финской точки зрения призыву носило не только пассивный характер. В ряде местностей Великого княжества имели место серьезные волнения, для подавления которых власти были вынуждены прибегнуть к вооруженной силе. Наиболее сильные беспорядки произошли в Гельсингфорсе, где в ходе столкновений с возмущенными местными жителями было ранено несколько российских военнослужащих и казакам пришлось разгонять протестующих при помощи нагаек [4, л. 44].

По мнению Бобрикова, причина этих возмущений состояла не в страхе или нежелании финляндцев нести военную службу, а в «преступной пропаганде», которая «терроризировала» местное население. Генерал-губернатор отказывался признавать тот факт, что значительная часть финского населения к началу XX века обладала развитым

правосознанием и готовностью отстаивать свои права, не являясь простым пассивным объектом «злонамеренной» внешней агитации. Непонимание главой имперской администрации местных реалий и уровня политической культуры местного населения, узость и стереотипность бюрократического мышления, нежелание идти на компромисс – все это вело к эскалации конфликта и усилению изоляции верховной власти даже от тех административных ресурсов, которые должны были содействовать реализации правительственного курса.

Российские власти упорно отказывались видеть в финляндских протестах против попыток большей интеграции Княжества в состав империи признак формирования собственно финляндской идентичности, проецируя на нее реалии других западных окраин, где подобные протесты трактовались как «интрига» внешних политических сил.

Главным источником и инициатором антиправительственных выступлений в Финляндии признавался не «несчастный, но мирный и трудолюбивый финляндский народ», а шведская партия, входящие в которую «крамольники» отстаивают интересы, противные общегосударственным нуждам и благу самой Финляндии [4, л. 36]. «Простой» финский народ также противопоставлялся местной интеллигенции, якобы разжигавшей антироссийские настроения в корыстных политических интересах [8, с. 421].

Столкнувшись с упорным сопротивлением местного населения, генерал-губернатор пошел на обострение ситуации. В результате его настойчивых требований, поддержанных министром статс-секретарем и одновременно

министром внутренних дел В. К. Плеве, 20 марта 1903 г. вышло «Высочайшее постановление о мерах к сохранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия», предоставлявшее генерал-губернатору чрезвычайные права, включая право ареста и административной высылки из Княжества «лиц, признанных им вредными для государственного порядка или общественного спокойствия» [4, л. 66].

Данное постановление, фактически вводившее на территории Княжества режим чрезвычайного положения, еще больше консолидировало финское население, боровшееся за свои права, которые в условиях внешнего давления становились знаковым символом финской самобытности. Бобриковский режим произвел обратный эффект: вместо ожидаемой унификации и умиротворения финской окраины он превратил ее в очаг антиправительственного движения, справиться с которым привычными методами в условиях полного отсутствия административной и социальной поддержки имперские власти были не в состоянии.

Убийство генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, совершенное в финском Сенате 3 июня 1904 г. деятелем финского национального движения Э. Шауманом, многие современники считали вполне закономерным итогом «бобриковской системы».

Революционные события 1905–1907 гг., охватившие как Российскую империю в целом, так и ее финляндскую окраину, заставили царское правительство отказаться от интеграционного курса, проводимого по отношению к Финляндии, и пойти на серьезные уступки в ее пользу. 22 октября 1905 г. вышел так называемый «Ноябрьский

Манифест», согласно которому действие февральского манифеста 1899 г., закона о воинской повинности 1901 г. и других постановлений, ограничивавших автономию Финляндии, было приостановлено. Окраина одержала победу в борьбе с имперским центром за сохранение своей автономии, которая в период 1906–1907 гг. была еще более расширена и приведена в соответствие с наиболее передовыми учениями о конституционном правлении. Разрыв между политическим устройством окраины и имперского центра становился все более ощутимым, что обрекало на неудачи все последующие попытки инкорпорации Финляндии в единое имперское пространство.

Таким образом, попытки инкорпорации Финляндии в российское имперское пространство, проводимые посредством административно-бюрократических методов, потерпели полную неудачу.

При этом следует подчеркнуть, что использование термина «русификация» применительно к политике имперских властей в отношении Финляндии представляется совершенно неприемлемым, поскольку ими не только не предпринималось никаких попыток русифицировать финское население, но и не проводилось сколь-нибудь систематизированной и планомерной унификации княжества в социально-политическом или правовом отношении в рамках единого имперского пространства. Даже в периоды максимального усиления административного давления на Финляндию власть не предпринимала никаких попыток аккультурации местного населения с использованием традиционных рычагов осуществления этого процесса – языка и религии.

Правительственные меры были направлены лишь на то, чтобы обозначить имперское присутствие в крае посредством ряда символических маркеров (почта и пр.), утвердить верховенство императорской власти над местными органами управления и продемонстрировать тот факт, что финляндцы являются, в первую очередь, имперскими подданными, на которых распространяются наиболее важные общеимперские обязанности. Попытки выйти за границы данных целей носили эпизодический характер и вызывали резкое недовольство и сопротивление местного населения, вынуждавшие правительство отказываться от них, возвращаясь к статус-кво.

Империи было нечего предложить своей окраине, кроме административного давления и унификации. Финляндская государственность, созревшая в период пребывания в составе Российской Империи, в начале XX века была вполне готова к самостоятельному политическому существованию, начало которого зависело, в том числе, от внешнеполитических факторов и было лишь вопросом времени.

Библиографический список

1. *Бунге, Н. Х.* Загробные заметки // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX века). Москва: Лики России. 1999. С. 191–264.
2. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания. Москва: Мысль. 1990. 720 с.
3. *Востров, А. В.* Языковая ситуация в Финляндии в 1899–1918 гг.: финский, шведский и русский языки на рубеже эпох // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции (12–13 апреля 2016 г.). Санкт-Петербург: РХГА, 2017. 227 с.

4. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 843.
5. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178.
6. Дневник А. А. Киреева // ОР РГБ. Ф. 126. Т. 1. Д. 11.
7. К финляндскому «вопросу». Мнения Н. А. Манасейна и Э. В. Фриша по проекту финляндской кодификационной комиссии 1885–1887 гг. // Русская старина, 1907. № 9. (Т. 131.) С. 593–615.
8. Катков, М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885. Москва: Издание С. П. Катковой, 1898. 691 с.
9. Куропаткин, А. Н. Задачи русской армии. Т. 1. Задачи армии по объединению русского племени и выходу к морям: Каспийскому, Балтийскому и Черному. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразов и К°. 1910. 593 с.
10. Новикова, И. Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Московский общественный научный фонд. 2001. 513 с.
11. Полвинен, Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. Санкт-Петербург: Европейский дом. 1997. 318 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913 гг. (в 33 томах). СПб.-Петроград, 1885–1916: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Т. 20. Ч. 1. № 18772.
13. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 245.
14. Суни, Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Москва: Наука. 1982. 160 с.

Н. В. Подпрятков

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье исследуются взгляды, установки и решения российского императорского дома в период Первой мировой войны, регулировавшие национально-религиозную политику в западных губерниях страны и в армии. Целью статьи является анализ взглядов различных представителей царствующего дома Романовых на неправославные конфессии.

Актуальность исследования определяется тем, что вопросы религиозной политики в поликонфессиональных государствах в условиях войн и революций всегда были и будут предметом пристального изучения, так как во многом определяют дальнейшую судьбу самой страны и ее народов.

В статье на основе анализа большого массива материалов и литературы, архивных документов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, исследуются этапы политики по отношению к католикам и лютеранам в годы войны, раскрываются факторы, влиявшие на принятие тех или иных решений в области управления конфессиями и их представителями в вооруженных силах, проводится сравнительный анализ различий в подходах отдельных

представителей императорской семьи к национальной политике и их влияние на выработку общей позиции российского правительства.

Отстаивается тезис об относительной адекватности этноконфессиональной политики правительства условиям времени, что подтверждается успешностью привлечения католических и лютеранских священников для службы в армии и обеспечение их лояльности власти и режиму, не смотря на все превратности хода войны.

Ключевые слова. Романовы, национальная и религиозная политика, армия, католики, лютеране, Первая мировая война.

Национальная и религиозная политика не всегда различалась в дореволюционный период. Приоритетом для государства выступала именно религиозная составляющая. Особенно это касалось западных регионов страны, т. к. привисленские губернии (бывшее Царство Польское) были населены преимущественно католическим населением, поляки в XIX в. часто поднимали вооруженные мятежи, а за их выступлениями явно просматривался интерес Папы Римского и непосредственное участие в подстрекательстве поляков к противоправительственным действиям. Поэтому отношение к католикам было недоверчивое. А вот к лютеранам, немцам преимущественно, отношение до Первой мировой войны было достаточно ровным.

С 1896 г. Николаем II утверждаются штатные должности неправославного военного духовенства: военных капелланов и лютеранских проповедников. Таким образом, было учреждено 13 римско-католических капелланов

и столько же причетников при них. В 1907 г. была введена дополнительная штатная единица римско-католического капеллана для Санкт-Петербургского военного округа [8, с. 44; 19. с. 205–206].

В то же время на всю российскую армию учреждалось только 5 евангелическо-лютеранских проповедников и 5 причетников (в Виленском, Санкт-Петербургском, Кавказском военных округах) [19, с. 203–204].

Права и обязанности у католических и лютеранских священников были аналогичны православным батюшкам. Денежный оклад им был установлен в 366 руб. в год и еще 183 руб. столовых [19, там же].

Сводом военных постановлений солдаты неправославных исповеданий при принятии присяги на верность императору и отечеству давали клятву перед своими священнослужителями «при знаменах, под которыми они будут служить», и могли освобождаться в дни религиозных праздников своего вероисповедания от служебных занятий и от нарядов решением своих командиров [26, с. 6; 27, с. 177].

При этом к присяге могли приводить духовные лица того исповедания, к которому принадлежали новобранцы, или же командир части, если отсутствовало необходимое духовное лицо. При этом текст присяги для всех военнослужащих-христиан был одинаков [26, прил. к ст. 6, с. 54].

17 апреля 1905 г. принимается Указ «Об укреплении начал веротерпимости», расширявший права верующих неправославных исповеданий. Но в армии, как наиболее консервативном институте, оставались серьезные ограничения военнослужащих по вероисповедному признаку [4, с. 88; 20. с. 257–258].

В Уставе внутренней службы 1910 г. устанавливалось расписание табельных и праздничных дней для неправославных военнослужащих. Оно предусматривало, что, кроме общих для всей армии табельных и праздничных дней, командиры частей могли освобождать нижних чинов римско-католического и евангелическо-лютеранского вероисповеданий от службы для слушания богослужений в три дополнительных дня для каждой конфессии: дни Всех Святых, Беспорочного Зачатия и Тела Господня для католиков и дни реформации, Рождества Иоанна Крестителя и День всеобщего покаяния и молитвы для лютеран [6, с. 570; 21, с. 196].

В условиях религиозной полифонии Российского государства власть, с одной стороны, учитывала и обеспечивала возможность удовлетворения духовных потребностей представителей всех конфессий, а с другой стороны, принимала во внимание, что соседние страны использовали фактор наличия в России населения неправославного вероисповедания для антироссийской деятельности. Борясь и предупреждая такие тенденции, российские органы государственного и военного управления нередко вводили различного рода ограничения. Характерной особенностью Российской Империи было то, что ограничения возлагались не на народы, а на представителей религиозных конфессий, т. е. ограничения шли не по этническому, а по религиозному принципу.

25 ноября 1895 г. военный министр своим приказом № 538 установил ряд ограничений в назначении на определенные должности в армии для католиков. К католикам приказ относил не по этнической принадлежности,

а исключительно по конфессиональной (и поляков, и французов, и немцев, и даже армян-католиков).

Согласно этому приказу всех католиков нельзя было допускать на должности писарей во все штабы и управления, учреждения, учебные заведения и войсковые канцелярии в Виленском, Варшавском, Киевском и Одесском военных округах. Ограничения эти касались как собственно католиков, так и женатых на католичках [24, Л. 74, 75].

По предписанию военного ведомства солдат православного исповедания должно было быть в каждой части примерно 75 %, а всех остальных не более 25 %. За сохранением таких пропорций следили достаточно строго, так как это, по мысли Императора Николая II и военного министра В. А. Сухомлинова, обеспечивало бы национальный русский характер самой армии и выполнение ею функций по защите всего государства, а не интересов отдельных национальных меньшинств.

Так, Главный штаб военного министерства пояснял подчиненным командирам в 1912 г., что «военный министр... признал необходимым не допускать лиц римско-католического вероисповедания и женатых на католичках к поступлению в Интендантскую Академию, как это установлено и для Императорской Николаевской военной академии» [24, л. 5, 7, 53].

Т. е. в российских частях были ограничения на количество католиков, лютеран и др., но эти нормы оказались нарушенными в условиях войны.

Подходы царствующего Дома Романовых к национально-религиозному вопросу в годы Первой мировой войны можно разделить на два больших периода. Первый,

длившийся с 1 августа 1914 г. по 23 августа 1915 г., во время которого главную роль в национально-конфессиональных делах решала Ставка во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем, а также министерство иностранных дел во главе с С. Д. Сазоновым.

Именно Ставка предприняла первые практические шаги по разрешению польского вопроса. 1 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич обратился с воззванием «К полякам» [15, с. 641].

Генерал Н. Н. Янушкевич, начальник штаба Верховного главнокомандующего, считал необходимым в связи со вступлением российских войск в пределы Австро-Венгрии привлечь поляков на свою сторону обещаниями «прекрасного» будущего. Совет министров признал необходимым соблюдение свободы вероисповедания в Польше и сохранение государственного статуса русского языка, организацию местного самоуправления. МВД 13 ноября 1914 г. разработала проект возможных преобразований в вероисповедной области [1, с. 44]. Российская администрация в Царстве Польском, впрочем, далеко не разделяла подобную точку зрения [11].

Николай II, ознакомившись с мнением всех членов Совета Министров, передал их, в свою очередь, Великому Князю Николаю Николаевичу на его усмотрение. 2 декабря 1914 г. были удалены немцы из руководства Варшавским генерал-губернаторством. Инициатива эта исходила от Янушкевича [1, с. 49].

Очень скоро обнаружили существенные разногласия между Ставкой и Министерством иностранных дел по вопросу о дальнейшей судьбе Польши. Военное командование

ориентировалось на послевоенное решение польской проблемы [9, с. 214; 10, с. 4]. 22 ноября Н. Н. Янушкевич «доверительно» сообщил И. Л. Горемыкину заключение Верховного главнокомандующего: «Всесторонняя разработка вопроса явится задачей последующего, по завершении войны, времени и будет иметь законодательный характер» [18, с. 7].

Воззвание оказалось на руку Британии и Франции, которые сразу же постарались перевести польский вопрос в разряд международных, решаемых всем «мировым сообществом», а не только Россией [2, с. 25]. 14 сентября 1914 г. глава российского МИД С. Д. Сазонов принял участие в совещании в Петрограде, где присутствовали британский посол Дж. Бьюкенен и французский посол М. Палеолог. Поднимался на этом совещании и вопрос о послевоенной Польше.

18 февраля 1915 г. в соответствии с высочайшим указанием Совет министров разработал основы будущего политического устройства Польши, четко определившего, что «общими и едиными» для Российской Империи и Польши останутся армия и флот, международные сношения, финансы, пути сообщения, почта и телеграф, судопроизводство [18, с. 9].

Развернулась борьба между ведомствами за зоны ответственности. И здесь МИД выступил против Ставки и этнических формирований. С. Д. Сазонов считал, что «подобные формирования выходят за пределы узковоенных интересов, в корне затрагивая вопросы общегосударственной политики. Ведь этот шаг есть в существе не что иное, как установление принципа образования национальных войск. Разве допустимо, чтобы такая мера принималась без согласия Совета Министров» [11, с. 9].

После оставления русскими войсками Польши Янушкевич заявил МИДу 7 августа 1915 г. «Заявление Горемыкина [тогдашний председатель Совета Министров. – Авт.] об автономии Польши было сделано своевременно. Теперь пусть поляки выбирают между нами и немцами» [1, с. 61].

Т. о. МИД постоянно оглядывался на союзников по Антанте и готов был идти на уступки, в том числе и по польскому вопросу, т. е. согласен был на автономию и решение польских границ по международным договоренностям. Император же и Ставка, а также значительная часть Совета Министров (правительство) были против такого подхода.

Российские правящие круги до конца 1914 г. предпочитали сохранять осторожность и, учитывая затянувшийся характер войны, не спешили давать новые обещания как союзникам, так и своим польским подданным.

На собственно российских территориях, которым угрожала война, происходит изменение порядка управления, а также меняется и отношение к многочисленным нерусским народам прифронтовой полосы. Военное время обострило межнациональные и межконфессиональные противоречия, находившиеся до сих пор под контролем гражданских и полицейских властей. Теперь же многими вопросами напрямую занимались военные, старавшиеся контролировать действия местной власти. На территории Прибалтийских губерний военное положение было введено 20 июля 1914 г. [1, с. 84].

В ноябре 1914 г. к особоуполномоченному по гражданскому управлению Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний генерал-лейтенанту П. Курлову заявился депутат госдумы Я. Гольдман, заявивший, что немцы

враждебно относятся к русским, а Курляндский губернатор С. Д. Набоков в Митаве этому потворствует. Однако Курлов нашел, что фактами это заявление не подтверждается [13, с. 206, 209].

Сам Император Николай II в октябре 1914 г. распорядился выслать всех немцев из Петрограда, т. е. сам дал толчок процессам этнических чисток [1, с. 93].

Так, в октябре 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич предлагал поощрять денежными премиями тех, кто будет добровольно наблюдать за русскими подданными «неблагонадежных» национальностей [14, с. 35]. Впоследствии он предлагал выслать всех немцев-колонистов из прибалтийских губерний [1, с. 94].

Запрос в правительство о запрете травли немцев латышами в августе 1914 г. был отклонен, но в декабре 1914 г. уже сам Николай II приказал укротить печать в антинемецкой травле [1, с. 95].

Однако Николай Николаевич 26 декабря 1914 г. отдает приказ о высылке немцев из Польши и Прибалтики. В апреле 1915 г., когда немецкие войска вступили в Курляндию, генерал М. В. Алексеев, командующий Северо-Западным фронтом, приказал срочно выселить всех немцев [1, с. 103], а генерал Н. В. Рузский (командующий армией Северо-Западного фронта до марта 1915 г.) настаивал на выселении из Эстляндии и др. прибалтийских губерний всех пастырей (лютеран) [1, с. 105].

На 1915–1916 гг. была намечена реформа органов управления евангелически-лютеранских приходов с целью выдавить из этих органов прибалтийских немцев [1, с. 109].

Подталкиваемый антинемецкой истерией, захватившей практически все слои российского общества, Император создал специальный Особый комитет по борьбе с немецким засильем во главе с тов. минюста И. Е. Ильенко – орган, призванный проводить репрессивную политику в отношении этнических представителей народов, как российских подданных, так и иностранцев, чьи державы воевали против России.

На основании правила о стоверстной полосе вдоль линии фронта и морского побережья все земли, принадлежащие немцам, изымались. Всего было изъято свыше 2 500 000 десятин немецкой земли [16, с. 4].

А летом 1915 г., когда началось «Великое отступление», 23 июня Особое совещание при штабе главнокомандующего приняло постановление о «чистке» прифронтовых районов, по которому немцы-колонисты должны были выехать на восток за собственный счет. Из польских губерний тогда выселили порядка 400 тыс. немцев-колонистов, из Волынской губернии – 115 тыс. [3].

Необходимо учесть, что в момент событий 1915 г. усилилось давление национально-сепаратистских элит на Правительство, а также депутатов Думы, использовавших популизм для повышения своей значимости и авторитета и проталкивавших идеи создания этнических воинских формирований.

Латыши обвиняли немецкое население Прибалтики в предательстве и измене. Генерал-лейтенант П. Г. Курлов столкнулся с большим количеством ложных доносов, за которыми стояло стремление свести личные счеты и обиды, а не реальная измена. Всего только за апрель 1915 г., т. е.

во время ожесточенных боев в предместьях Риги, Курлову было подано от латышей 92 доноса по обвинению в шпионаже местных немцев [13, с. 207, 208, 210, 211].

Причины национальной напряженности в Прибалтийском крае, по мнению Курлова, были в том, что эстонцы и латыши были освобождены от крепостной зависимости без земли. В результате большинство землевладельцев в Прибалтике были этническими немцами, а латыши и эстонцы батраками.

В ходе нескольких аудиенций у председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера в феврале 1916 г. граф С. И. Велепольский пытался предложить ему свой взгляд на решение польской проблемы, но получил отказ: «Я ничего не переменю» – заявил Штюрмер [17, с. 36].

В самом Императорском Доме также не было единства по национальному вопросу. Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич вместе со своими женами выступали за предоставление Польше автономии. А вот Императрица Александра Федоровна придерживалась иной точки зрения. Уже 20 сентября 1914 г. она предостерегает супруга от предоставления Польше автономии: «Совершенно невысказано, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобное» [18, с. 6].

19 июля 1916 г. в письме супругу она пишет: «Штюрмер говорил со мной о польских делах; действительно, надо соблюдать величайшую осторожность...» Через два дня она вновь пишет, что «было бы разумнее несколько обождать, и ни в коем случае не следует идти на слишком большие уступки, иначе, когда настанет время нашего Бэби, ему трудно тогда придется» [18, с. 12].

В беседе с графом Велепольским в 1915 г. Императрица отметила, что если дать права Польше, то придется сделать то же самое в отношении Курляндии и других областей России [5, с. 66]. Т. е. для Александры Федоровны главным был вопрос территориальный, а не конфессиональный.

В начале октября 1914 г. Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич одобрил проект создания польских отрядов [10, с. 5]. Но процессом формирования занимались МВД и нацкомитет, а не армия.

Таким образом, Великий Князь стремился использовать все, что может привести к победе в войне, не всегда просчитывая политические последствия своих шагов.

Он часто шел на поводу у ряда своих помощников, в первую очередь начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича, ратовавших за создание отдельных этнических формирований. Так, например, произошло с латышскими стрелковыми батальонами, которые стали создаваться как вспомогательные дружины, аналогичные польским формированиям того периода времени, и создание которых активно лоббировало командование Северо-Западного фронта (генералы М. В. Алексеев и М. Д. Бонч-Бруевич).

Инициативу проявил депутат Государственной думы Я. Гольдман, предложивший формировать латышские части. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии М. В. Алексеев поддержал эту идею, и был создан организационный комитет по созданию латышских дружин [22, л. 1–1 об.].

Однако и у латышских формирований было много недоброжелателей. Против выступало МВД и администрации на местах, знавшие, что из себя представляют латыши

и понимавшие вектор их политической направленности. Так, генерал П. Г. Курлов не разрешал членам комитета собираться на заседания и высказывал свое мнение о латышских батальонах генералу Алексееву: «Считаю такое формирование с государственной точки зрения нежелательным и даже весьма опасным. По окончании войны, независимо от ее исхода, наличие таких национальных войск в стране, где разные части населения относятся друг к другу неприязненно, может иметь весьма серьезные последствия» [7, с. 51]. Лифляндский губернатор А. И. Келеповский также требовал разъяснений, на каком основании комитет проводит заседания и вербует добровольцев.

Императрица Александра Федоровна в своих письмах Николаю II в августе и в сентябре 1915 г. прямо предлагала супругу распустить латышские батальоны, а солдат раскидать по другим частям [7, с. 51].

Но Император не прислушался к ее советам, так как всех латышских юношей удалось мобилизовать, в отличие от поляков, в том числе и непризывного возраста. Их и решили направить в специальные этнические воинские части – латышские батальоны, в которых оказалась большая концентрация солдат и унтер-офицеров лютеран.

С началом войны штатные должности духовенства увеличились в связи с мобилизацией в армию населения. Теперь полагалось иметь по два представителя иноверческих духовных лиц на каждую армию. Так, согласно приказу № 76 Верховного главнокомандующего Николая Николаевича от 19 марта 1915 г., в каждой армии фронта устанавливались две должности представителей римско-католической церкви [25, л. 78]. Католические ксендзы

в армиях Юго-Западного фронта были введены приказом № 280 командующего в 1915 г. [23, л. 220].

Второй этап в национально-религиозной политике начался после отступления русских войск в 1915 г. 22 июля 1915 г. российские войска сдали неприятелю Варшаву, а 23 августа Николай II отстранил Великого Князя Николая Николаевича от верховного главнокомандования и принял эти функции на себя. В день отъезда в Ставку Император распорядился возбудить в правительстве вопрос об отмене существующих в армии ограничений для католиков (фактически – поляков). Соответствующее постановление Совета Министров было принято уже 8 сентября 1915 г. [18, с. 10].

С другой стороны, на Россию постоянно продолжали оказывать давление дипломатические корпуса Франции и Великобритании. Не желая упускать инициативу, С. Д. Сазонов летом 1916 г. выступил с предложением провозгласить автономию в Польше, не дожидаясь новых попыток вмешательства со стороны союзников. К этому побуждали и полученные Сазоновым сведения о готовности Центральных держав перейти в польском вопросе от слов к делу [1, с. 66].

Николай II колебался и, видимо, намеревался отложить решение вопроса до конца войны. Доклад С. Д. Сазонова Императору и начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексею состоялся 29 июня 1916 г. И Император, и его начальник штаба поддержали идею объявления автономии Польши [11, с. 14]. Однако 7 июля 1916 г. С. Д. Сазонов получил отставку, а российский МИД возглавил Б. В. Штюрмер, ярый противник польской автономии.

5 ноября 1916 г. в Варшаве и Люблине одновременно были опубликованы манифесты Австро-Венгрии и Германии, провозглашавших создание «Польского королевства» [11, с. 15]. В Германии все больше чувствовался недостаток людей, и командование возлагало особые надежды на проведение военного набора на оккупированных польских территориях. Предполагалось, что это может дать дополнительно до 1 млн солдат [5, с. 66].

Документы свидетельствуют, что царь летом 1916 г. не скупился на обещания представителям польской общественности. Так, принимая в конце июля 1916 г. в Ставке С. И. Велепольского, Николай II заверил его, что в ближайшее время появится «акт относительно Польши» [17, с. 44]. Через некоторое время добился аудиенции у Царя и В. Велепольский. Император выразил его проекту по польскому вопросу «полное сочувствие и одобрение» и предложил ознакомить с ним императрицу, добавив, что «она умная женщина, и он советуется с ней по всем вопросам» [18, с. 12].

Но лишь 12 декабря 1916 г. Император Николай II издал приказ по армии и флоту № 870, в котором одной из целей в войне объявлялось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [1, с. 74].

На встрече 23 декабря 1916 г. с графом С. И. Велепольским Николай II пояснил, что Польше будет дарован «собственный государственный строй со своими законодательными палатами и собственная армия», и разрешил опубликовать это заявление в печати [17, с. 44]. С этого момента начинается разворачивание польских батальонов в полки и дивизию.

При этом к концу 1916 г. было уже понятно, что только культурно-религиозной автономии явно недостаточно в условиях, когда противники в ноябре 1916 г. провозгласили акт о создании Польского королевства, а союзники России открыто высказывались за предоставление полякам независимости [12, с. 62]. Т. е. польская карта была проиграна вчистую.

Массового перехода поляков (католиков) на сторону немцев не было. Более того, основная часть польского населения ориентировалась на Россию. Генерал Э. Людендорф в своих воспоминаниях писал: «Я и раньше неоднократно задумывался над этим вопросом и в результате ходатайствовал об открытии набора в польские легионы. Правда, формирование их подвигалось очень туго. Состав польских частей, в который вошли преимущественно галицийцы, совершенно не изменился, т. к. русские поляки определенно держались в стороне» [5, с. 66–67].

Довольно-таки значительная часть бежала от немецкой оккупации в глубь страны. Вместе с ними выезжали и ксендзы. Например, ксендз Андрей Кошовский бежал из Седлеца и служил капелланом на Северо-Западном фронте. Также поступил ксендз Миодушевский, бежавший из оккупированного немцами Плоцка. А ксендз Владислав Венцлавский был отправлен епископом Цепляком в Туркестан для духовного окормления беженцев-католиков из западных губерний. А ксендз Жолудзевич проявил себя во время героической обороны Осовецкой крепости, впоследствии, после ее падения, перебрался через линию фронта и опять явился в военное министерство в Петрограде.

Т. о. отношение и Императора, и Императрицы к этническим формированиям было настороженным, тем более что их участники и так должны были отбывать воинскую повинность. А вот отношение Императорского Дома к представителям иных конфессий было вполне терпимым, каких-то ущемлений в годы войны не происходило, а по многим аспектам инославное и иноверческое духовенство получало значительные улучшения и послабления.

Однако на Императора оказывали воздействие многочисленные и разнообразные элитные круги, как военные, так и гражданские: Правительство (Совет Министров), придворные круги, в том числе и род Романовых, и политические настроения в обществе. Было и очень мощное воздействие со стороны представителей Антанты, в первую очередь Великобритании и Франции, преследовавших свои цели в войне.

И Николай II вынужден был прислушиваться к ним всем и пытаться лавировать между этими взглядами, стараясь не испортить отношения и в тоже время найти правильное решение – правильное для судеб страны, да еще и в условиях войны.

Все члены Дома Романовых выступали за «единую и неделимую» Россию, при этом, правда, не всегда правильно просчитывая последствия тех или иных действий, поступков и слов.

Библиографический список

1. *Бахтурина, А. Ю.* Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

2. *Война и Польша: (польский вопрос в русской и польской печати): [сборник статей] / предисл. и ред. Л. С. Козловского.* – М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914. 134 с.

3. *Вольныец, А.* «Отчего много у вас немцев?» / 20 февраля 2015. URL: <https://rusplt.ru/ww1/history/otchego-mnogo-u-vas-nemtsev-15716.html> (Доступ: 25.05.2021.)

4. *Дарчиева, С. В.* Вопросы вероисповедания и национальной культуры в работе северокавказских депутатов Государственной Думы Российской империи (1907–1917 гг.) // *Власть.* 2017. № 9. С. 87–92. С. 88.

5. *Добронравин, Н. А.* Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 3 (11). С. 60–73.

6. *Ивашко, М. И.* Межконфессиональный мир в армии и на флоте: исторический опыт // *Безопасность Евразии.* М., 2004. № 3 (17). С. 566–573.

7. *История латышских стрелков (1915–1920).* Рига: Зинатне, 1972. 788 с.

8. *Капков, К. Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века. Справочные материалы. М.: Летопись, 2008. 752 с.

9. *Колмагоров, К. Н.* Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Калининград, 2004.

10. *Копылов, Н. А.* Польские военные формирования в составе русской армии (1914–1916): военные и политические проблемы формирования и боевого применения. – Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой войне. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею Первой мировой войны. Калининград. 2014. URL: http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/08/ce8cb70113b56e8b256eb079c30f12256b0ec1a9.pdf (Доступ: 10.07.2015.)

11. *Крутиков, А. А. С. Д.* Сазонов и польский вопрос в Рос-

сийской империи в годы Первой мировой войны // Перспективы // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/s_d_sazonov_i_polskij_vopros_v_rossijskoj_imperii_v_gody_pervoj_mirovoj_vojny_2018-10-15.htm (Доступ: 16.05.2021.)

12. *Курганский, А. А.* Н. Н. Покровский и польский вопрос // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Балтийский федеральный университет. Калининград, 2017. № 10. С. 58–69.

13. *Курлов, П. Г.* Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. 302 с.

14. *Нелипович, С. Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.

15. Нива. 1914. № 33.

16. Нива. 1915. № 31.

17. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М.-Л.: Госиздат, 1926. 416 с.

18. *Позняк, С. В.* «Польский вопрос» во властных структурах Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны / Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/1543-polskij-vopros-vo-vlastnykh-strukturakh-rossijskoj-imperii-nakanune-i-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html> (Доступ: 16.05.2021.)

19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. XVI. Ч. 2.

20. ПСЗ РИ. Т. XXV (1905). Ч. 1.

21. ПСЗ РИ. Т. XXX (1910). Ч. 2.

22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324.

23. РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 267.

24. РГВИА. Ф. 3588. Оп. 1. Д. 13.

25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128. Д. 1368.

26. Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1907. Кн. VI. Ст. 6. С. 6.

27. Устав внутренней службы. 1910. СПб., 1910.

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА В БОЕВЫХ
ДЕЙСТВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
В 1914 ГОДУ: УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ В РАМКАХ
ПРОЕКТА БФУ ИМЕНИ И. КАНТА
«ДОРОГИ РУССКОГО СОЛДАТА»**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос увековечения памяти членов Российского Императорского Дома, участвовавших в боевых действиях Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии в 1914 году, в рамках проекта Балтийского федерального университета имени И. Канта «Дороги русского солдата».

Ключевые слова. Восточная Пруссия, Российский Императорский Дом, Первая мировая война, увековечение.

Проект Балтийского федерального университета имени И. Канта «Дороги русского солдата» появился два с половиной года назад и представляет собой установку информационных стендов в местах Калининградской области, связанных с российской военной историей. К настоящему моменту установлен 91 стенд в 74 точках 42 населенных пунктов на территории 13 муниципальных образований Калининградской области (то есть более

половины муниципалитетов региона). Тематика стендов на данный момент охватывает события с XIV по XX век. В некоторых точках стенды на местности установлены группами по две и больше, объединяющими стенды по разным эпохам или разным событиям. Отмечается значительный интерес к стендам общественности муниципалитетов, в которых они установлены, в сочетании с необычайно низким уровнем вандализма (за два с половиной года работы проекта ни один стенд не был разбит или похищен).

Одной из первых тем, освещенных в рамках проекта, оказалось участие в боевых действиях Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии представителей Российского Императорского Дома. Речь идет о троюродных братьях Императора Николая Второго – князьях Императорской крови Гаврииле, Олеге и Игоре Константиновичах. В ходе наступления русской 1-й армии после успешного Гумбинненского сражения Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, в котором служили братья, вступил в бой с противником под городом Тапиау (ныне Гвардейск) 26 августа 1914 года.

Как пишет в своих мемуарах «В Мраморном дворце» князь Гавриил Константинович: «Мы захватили с налету укрепленный лес и определили, что правый берег Деймы сильно укреплен и занят пехотой противника. Держали позицию до прихода пехоты. С темнотой полк отошел в направлении Велау. Дело было так: 4-й эскадрон подходил к лесу по полю, справа от нас шло шоссе, обсаженное деревьями, перед нами – небольшой лес, за лесом – спуск

к реке, через нее – мост. Совершенно неожиданно нас стали обстреливать с опушки леса. Мы сразу же повернули и полным ходом стали уходить. Наконец, мы остановились, спешились и рассыпались в цепь. В это время я остался командовать эскадром, потому что ротмистр Раевский уехал за приказами. Мы начали наступать на лес. Не помню, стреляли ли в это время или нет. Брат Игорь был со мной, но затем почему-то надо было отступать. Чтобы гусары не думали, что мы отступаем, брат Игорь и я за ним начали кричать: «Заманивай! Заманивай!» – вспомнив, что так делал Суворов, чтобы подбодрить свои войска. И это подействовало. Мы снова двинулись вперед. На опушке леса оказались свежие

*Епископ Черняховский и Славский Николай (в центре)
на церемонии освящения памятного знака и стенда по проекту
«Дороги русского солдата» под Гвардейском 11 ноября 2018 года*

окопы, оставленные неприятелем. Видимо, противник отступил к Тапиау» [1].

С помощью параллельного немецкого источника место боя (район загородного тапиауского ресторана «Вальдшлоссен» [2]) удалось установить с точностью до нескольких десятков метров. В течение лета и осени 2018 года велись переговоры и согласования, в итоге которых благодаря усилиям администрации Гвардейского городского округа и частного спонсора (Ф. А. Гущина из Москвы) здесь удалось установить не только информационный стенд, но и православный крест (в ознаменование духовного статуса Князя Игоря Константиновича, канонизированного в Русской Православной Церкви Заграницей) и памятный камень, место установки которых было вымощено тротуарной плиткой. Место памяти было торжественно открыто 11 ноября 2018 года (в день окончания Первой мировой войны) и освящено епископом Черняховским и Славским преосвященным Николаем. Почетный караул на мероприятии обеспечили чины Багратионовского военно-исторического клуба.

В настоящее время есть планы создания аналогичных мест памяти в поселке Гаврилово Озерского городского округа, где 11 сентября 1914 года князя Императорской Крови Гавриил и Игорь Константинович спаслись из болота под германским обстрелом, и на поле Каушенского боя 19 августа 1914 года (Гусевский и Неманский городские округа), где в составе Лейб-гвардии Конного полка сражались и были награждены Великий Князь Дмитрий

Павлович и Князь Императорской крови Иоанн Константинович.

В заключение своего краткого сообщения приглашаю участников круглого стола посетить памятный знак под Гвардейском, находящийся практически на маршруте за-втрашнего переезда из Калининграда в Черняховск.

Библиографический список

1. Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. – СПб, 1993. – С. 171–172.
2. *Адылов, А. А.* Тапиау – Гвардейск: европейская история российского города. – Калининград, 2020. – С. 299–300.

**ПЕРМСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ПРЕБЫВАНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ
НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ**

Аннотация. В статье показана работа, проводимая как энтузиастами-краеведами, так и государственными и муниципальными учреждениями по увековечению памяти Великого Князя Михаила Александровича в Перми.

Ключевые слова. Дом Романовых, Михаил Никитич Романов, Император Александр I, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Михаил Александрович, увековечение памяти, Пермь.

Представители Царствующего Дома Романовых неоднократно посещали пермскую землю, в том числе:

1601–1602 гг. Михаил Никитич Романов (дядя Царя Михаила Федоровича, первого Царя из Дома Романовых) был сослан в поселок Ныроб и погиб там.

1824 г. Император Александр I.

1837 г. Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Николаевич (сын Императора Николая I, будущий Император Александр II).

1914 г. с паломнической поездкой Великая Княгиня Елизавета Федоровна (урожденная Принцесса Гессенская, вдова московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, брата Императора Александра III).

1918 г. Великий Князь Михаил Александрович (брат Императора Николая II).

Именно с этой трагической страницей истории связана большая мемориальная работа последних лет.

Но если на протяжении предыдущих двух десятилетий этой работой занимались отдельные энтузиасты, то планомерная масштабная и систематическая деятельность началась, как это и бывает в истории, благодаря воле и последовательной позиции одного человека – Анны Витальевны Громовой.

Напомню фабулу драматических событий 1918 года. Великий Князь Михаил Александрович, арестованный 7 марта 1918 г. по решению Гатчинского совета рабочих и солдатских депутатов, вскоре, по постановлению Совета народных комиссаров, был выслан в Пермскую губернию.

17 марта 1918 г. поезд с Великим Князем и сопровождающими его лицами прибыл в Пермь. В мае 1918 г. он поселился в гостинице «Королёвские номера» на ул. Сибирской, 5.

Именно туда в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. явилась группа вооруженных пермских большевиков, которые силой забрали Михаила Александровича и его секретаря Н. Н. Жонсона из гостиницы, вывезли их в лесной массив за Мотовилихинским заводом и там расстреляли.

Убийство Великого Князя Михаила Александровича стало первым в череде бессудных расправ над представителями Дома Романовых.

Останки Великого Князя Михаила Александровича и расстрелянного вместе с ним штабс-капитана Н. Н. Жонсона не найдены до сих пор.

Сбор документов

Сбор документов, освещающих пермский период жизни и убийство в Перми Великого Князя Михаила Александровича, начался еще в середине 1960-х гг. в связи с подготовкой и изданием Пермским партархивом биографического справочника «Революционеры Прикамья». Среди документов, собранных при подготовке данного издания, были и свидетельства, связанные с драматическими страницами судьбы Великого Князя Михаила Александровича.

Современный этап проводимой в Пермском крае исследовательской работы по теме пермского периода жизни и убийства Великого Князя Михаила Александровича связан с деятельностью Пермского государственного архива социально-политической истории.

Отправной точкой для данной работы стало то, что в 2016 г. Следственным управлением Следственного комитета РФ по Пермскому краю начато выяснение обстоятельств убийства Великого Князя Михаила Александровича, проводимое в рамках расследования Следственным комитетом Российской Федерации уголовного дела

о гибели членов Российского Императорского Дома на Урале и в Петрограде в 1918–1919 гг., в котором убийство Великого Князя Михаила Александровича выделено в отдельный эпизод. С целью сбора документов по указанному направлению расследования Следственный комитет обратился за помощью к Агентству по делам архивов Пермского края. В августе 2016 г. Агентство организовало для содействия Следственному комитету специальную сначала внутриведомственную, а затем и межведомственную рабочую группу.

В процессе деятельности рабочей группы выяснилось, что именно в Пермском государственном архиве социально-политической истории находится основной массив документов по данной теме. И, таким образом, выявление документов, связанных с пребыванием в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в марте – июне 1918 г. и его убийством в ночь с 12 на 13 июня 1918 г., целенаправленно проводилось в нашем архиве в течение последних трех лет. За это время в ПермГАСПИ выявлено 278 документов, имеющих непосредственное отношение к пермскому периоду жизни Великого Князя Михаила Александровича и к участникам его расстрела. Многие из этих документов ранее никогда не публиковались.

ПермГАСПИ активно сотрудничает с федеральными архивами, в которых хранятся документы, отражающие историю жизни и деятельности Великого Князя Михаила Александровича: Государственным архивом Российской Федерации, Российским государственным архивом

социально-политической истории и Российским государственным военно-историческим архивом.

Весь последний период ПермГАСПИ активно пополняется новыми документами. Например, в августе 2017 года внучатый племянник секретаря Великого Князя Н. Н. Жонсона, живущий в Праге, гражданин Чехии в третьем поколении Владимир Быстров, передал в наш архив большой комплекс документов Николая Николаевича Жонсона.

Пополнение фондов архива документами, посвященными событиям и людям, связанным с судьбой Великого Князя Михаила Александровича, продолжается постоянно.

Поскольку ПермГАСПИ фактически стал центром хранения документальной информации о пермском периоде жизни Великого Князя Михаила Александровича и обстоятельствах его трагической гибели, сотрудники архива проводят большую работу как по использованию уже выявленных в его фондах документов по этой теме, так и по комплектованию архива новыми документами, связанными с данными событиями.

Публикация документов

Итогом работы по сбору документов, посвященных Великому Князю Михаилу Александровичу, стала публикация в 2018 году нашим архивом при поддержке Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества двухтомного издания «Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве

в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича». Его подготовка осуществлялась в рамках Программы мероприятий, посвященных 100-летию со дня гибели в окрестностях города Перми Великого Князя Михаила Александровича.

В сборнике 1152 страницы (том 1 – 496 с.; том 2 – 656 с.). В нем опубликован 601 документ (из них – 204 фотодокумента).

Редактор 1-го тома – Владимир Михайлович Хрусталеv, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Редактор 2-го тома – Людмила Анатольевна Лыкова, доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

Составители – Л. А. Лыкова, В. М. Хрусталеv, И. В. Папулов, заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата Пермского государственного архива социально-политической истории, Н. А. Зенкова, историк, директор книжного издательства «Пушка». Необходимо подчеркнуть, что публикация этого сборника была бы невозможна без инициативы, энергии и настойчивости, а также содержательных консультаций Анны Витальевны Громовой.

Сборник стал итогом исследовательской работы последних трех десятилетий. Больше половины документов в нем публикуются впервые. В ходе работы над сборником были установлены и документально подтверждены

существенные исторические обстоятельства рассматриваемых событий.

Электронная версия сборника документов размещена на портале «Великий Князь Михаил Александрович» на сайте ПермГАСПИ.

Исследование темы

Важным инструментом развития исследовательской работы является проведение научных симпозиумов по теме.

В настоящее время на базе ПермГАСПИ создана постоянная площадка для обсуждения темы трагической гибели Великого Князя Михаила Александровича. В ноябре 2016 г. в рамках ежегодных Ноябрьских историко-архивных чтений в ПермГАСПИ была организована работа круглого стола «Похищение и убийство в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича», для участия в котором были приглашены авторитетные специалисты по данной теме из Москвы и других регионов страны. Успешный опыт проведения круглого стола был учтен, и этот формат стал постоянно действующим. В рамках II Ноябрьских историко-архивных чтений в ПермГАСПИ в 2017 г. был проведен круглый стол «Великий Князь Михаил Александрович и Дом Романовых в истории Прикамья и России». В 2018 г. в рамках III Ноябрьских историко-архивных чтений в ПермГАСПИ состоялся круглый стол «Поиски места убийства и захоронения Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря Н. Н. Жонсона. Современная

ситуация», участниками которого стали специалисты по теме из Перми и других регионов.

Тема трагической гибели Великого Князя Михаила Александровича была представлена в 2017 г. на V Международном общественном форуме «Елисаветинское наследие сегодня», проведенном в Перми Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» по инициативе А. В. Громовой.

В 2018 г. в соответствии с Распоряжением губернатора Пермского края от 13.11.2017 № 257-р 11–13 июня 2018 г. в Перми были проведены мемориальные мероприятия, посвященные 100-летию со дня гибели Великого Князя Михаила Александровича. Организаторами мероприятий выступили Аппарат Правительства Пермского края, Пермская митрополия Русской Православной Церкви, Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». В эти дни в учреждениях образования и культуры проходили публичные лекции, работали передвижные выставки, посвященные этим событиям. В Перми состоялась презентация национального проекта «Императорский Маршрут», который реализуется Министерством культуры Российской Федерации совместно с Фондом «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». В историческом парке «Россия – моя история» была торжественно открыта выставка «Пермский пленник» на материалах Государственного исторического музея РФ.

13 июня 2018 г. в рамках мемориальных мероприятий, посвященных 100-летию со дня гибели Великого Князя Михаила Александровича, в Перми прошла Международная научно-практическая конференция «Пермская ссылка Великого Князя Михаила Александровича и его убийство в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.». Она стала центральным событием мемориальных мероприятий. В конференции приняли участие специалисты по теме из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, а также Франции, Швейцарии, Чехии, Таиланда, США, Великобритании, Канады, представители Русской Православной Церкви, Русской Православной Церкви За рубежом, представители Дома Романовых, представители семьи Жонсонов. Всего 315 участников. Конференция проводилась на базе Пермского государственного архива социально-политической истории по инициативе и в тесном партнерстве с Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом.

В 2019 г. в соответствии с Указом губернатора Пермского края от 10.06.2019 № 66 «О создании постоянно действующей общественно-государственной комиссии по увековечению в Пермском крае событий, связанных с историей Императорского дома Романовых» 13 июня 2019 г. в Перми прошли Первые ежегодные Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых». В Чтениях приняли участие 588 человек, среди которых были представители органов государственной власти, представители духовенства, общественные деятели, историки, архивисты, краеведы, журналисты,

музейные работники и т. д. Помимо представителей Пермского края в работе конференции приняли участие гости из г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Кировской, Свердловской и Омской областей. Автором концепции Чтений и инициатором их проведения является руководитель Наблюдательного совета Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества Анна Витальевна Громова. Чтения были организованы при содействии Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел» и проекта «Историческая память» партии «Единая Россия».

Важным инструментом исследовательской деятельности является публикация результатов научных мероприятий.

Материалы круглых столов, проведенных в рамках Ноябрьских чтений 2016 г., 2017 г. и 2018 г., были изданы в сборниках материалов Чтений.

По итогам Форума «Елисаветинское наследие сегодня», состоявшегося в 2017 г., был издан сборник материалов.

По итогам мемориальных мероприятий, проведенных в Перми в 2018 г., вышло из печати Мемориальное издание «100-летняя годовщина убийства Великого Князя Михаила Александровича», подготовленное ПермГАСПИ при поддержке А. В. Громовой в рамках возрождения традиции памятных изданий, посвященных историческим датам и событиям. В издании представлены материалы Международной научно-практической конференции «Пермская ссылка Великого Князя Михаила Александровича и его

убийство в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.», состоявшейся в г. Перми 13 июня 2018 г., и материалы о Мемориальных мероприятиях в 2018 г., посвященных 100-летию гибели в окрестностях города Перми Великого Князя Михаила Александровича, включающие фотопредставление каждого мероприятия.

Сборник материалов Первых ежегодных Пермских научно-образовательных чтений «История Императорского Дома Романовых» был издан в 2020 г. при координации А. В. Громовой.

20–23 августа 2020 г. были организованы Вторые ежегодные Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых», в ходе которых состоялась международная конференция «Ратный подвиг и подвиг милосердия представителей Императорского Дома Романовых», проходившая в зале заседаний Правительства Пермского края с аудиторией, присутствовавшей в онлайн-формате.

На конференции были представлены 33 доклада, с которыми выступили историки из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Брянска, Грозного, Омска, Орла. Для проведения конференции была установлена двусторонняя конференц-связь на 50 площадках: в библиотеках, музеях, архивах, образовательных учреждениях, общественных организациях, благочиниях Пермской епархии, включая 36 городов и районов Пермского края. Организована была также трансляция на youtube-канале. Только на двухсторонней связи слушателями докладов

конференции стали более 250 человек. И 674 просмотра на youtube-канале.

В рамках вторых Романовских чтений, по инициативе А. В. Громовой, и под эгидой Елисаветинско-Сергиевского прсветительского общества была организована акция «Белый цветок». Центральным событием благотворительной акции «Белый цветок» стала благотворительная ярмарка, прошедшая 21 августа в г. Перми, в театральном сквере у Пермского театра оперы и балета им. П. И. Чайковского. Участники акции приняли участие в сборе средств, приобретая цветы и предметы декоративно-прикладного искусства, книги, сувениры и многое другое.

23 августа 2020 г. состоялись торжества, посвященные памяти святых преподобномучеников Белогорских, и благотворительная акция «Белый цветок» на Белой горе». Мероприятия проходили в Белогорском Свято-Николаевском мужском монастыре.

В рамках мероприятий были подготовлены и экспонировались выставки «Традиции милосердия на Пермской земле: прошлое и современность», посвященной Благотворительной акции «Белый цветок», «Российский Императорский Дом и Пермь: Августейшие Гости» и «Священномученик Андроник (Никольский), Архиепископ Пермский и Кунгурский».

Кроме печатной формы публикации по «романовской теме» осуществляется подготовка электронных публикаций. Основной площадкой для публикации материалов о Великом Князе Михаиле Александровиче и более ши-

роко – о ДOME Романовых – является открытый на сайте ПермГАСПИ портал «Великий Князь Михаил Александрович», который включает восемь разделов. В них размещены: Перечень документов, связанных с пребыванием в г. Перми в 1918 г. Великого Князя Михаила Александровича и его убийством в ночь с 12 на 13 июня 1918 г., хранящихся в фондах ПермГАСПИ, в который включены 278 документов; библиографический список по теме из 322 наименований; электронная версия выставки документов «Пермский период жизни Великого Князя Михаила Александровича и его гибель в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.»; специально созданный для портала видеофильм «Виртуальная прогулка по Перми с Великим Князем Михаилом Александровичем». На портале имеется форма для обратной связи.

Увековечение памяти

В Пермском крае ведется большая работа по увековечению памяти о Великом Князе Михаиле Александровиче и ДOME Романовых.

Большой комплекс мероприятий проводится Пермской митрополией Русской Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Пермским и Кунгурским Мефодием.

Неподалеку от места предполагаемого убийства в 1998 г. построена часовня в честь Святого Благоверного князя Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича. Здесь же установлен Поклонный крест.

Ежегодно (с 2007 г.) проводится Покаянный Крестный ход в память Великого Князя Михаила Александровича от Пермского Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря до часовни в честь Святого Благоверного князя Михаила Тверского (всего около 6 километров). У стен часовни проводится панихида по убиенным Великому Князю Михаилу Александровичу и Н. Н. Жонсону.

Ежегодно на проходящей в Перми межрегиональной выставке-ярмарке «Православная Русь» проводятся круглые столы, посвященные памяти Великого Князя Михаила Александровича.

Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий поддерживает все начинания, направленные на увековечение памяти Великого Князя Михаила Александровича и представителей Дома Романовых. Координатором этой работы является эконо́м Пермской епархии схимонахиня Серафима (Кошеленко).

Органы власти Пермского края также в тесном сотрудничестве с Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом проводят активную работу по увековечению памяти Великого Князя Михаила Александровича.

В 2019 г. в соответствии с Указом губернатора Пермского края от 10.06.2019 № 66 «О создании постоянно действующей общественно-государственной комиссии по увековечению в Пермском крае событий, связанных с историей Императорского дома Романовых» была создана постоянно действующая общественно-государственная комиссия по увековечению в Пермском крае событий,

связанных с историей Императорского дома Романовых, под председательством Митрополита Пермского и Кунгурского Мефодия, Анны Витальевны Громовой, председателя Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», и руководителя Администрации губернатора Пермского края.

На здании бывшей гостиницы «Королёвские номера», где жили Великий Князь Михаил Александрович и его секретарь Н. Н. Жонсон накануне своей гибели, установлена мемориальная доска Великому Князю Михаилу Александровичу.

В 2018 г. при поддержке А. В. Громовой на здании бывшей гостиницы «Королёвские номера» рядом с мемориальной доской, посвященной Великому Князю Михаилу Александровичу, была установлена мемориальная доска секретарю Великому Князю Н. Н. Жонсону.

В последние два года проводится большая работа по музеефикации «Королёвских номеров». В перспективе здесь должен быть создан музейно-деловой центр, где будут размещаться музейные экспозиции и залы для проведения культурных и научных мероприятий.

Первые шаги в экспозиционной работе по теме уже сделаны. В частности, в 2017 г., к 99-й годовщине со дня гибели Великому Князю, ПермГАСПИ была подготовлена передвижная выставка архивных документов «Пермский период жизни Великому Князю Михаилу Александровича

и его гибель в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.». За прошедшее время выставка экспонировалась у часовни в честь Святого Благоверного князя Михаила Тверского, расположенной неподалеку от предполагаемого места убийства Великого Князя, для участников Крестного хода в память Великого Князя; в Музейно-выставочном центре монастыря Святых Царственных Страстотерпцев в урочище Ганина Яма (г. Екатеринбург); в Пермской духовной семинарии; Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете; на выставке «Православная Русь»; музеях Пермского края, в школах города Перми.

Помимо этого большой комплекс мероприятий реализуется Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом совместно с Пермской епархией Русской православной церкви и при поддержке Администрации губернатора Пермского края в память о пребывании на территории Пермского края Великой Княгини Елизаветы Федоровны:

– в 2013 г. состоялось открытие поликлиники – «Елизаветинская больница». Небесной покровительницей больницы является святая преподобномученица Елисавета – Великая Княгиня Елизавета Федоровна, посетившая Пермский край в 1914 г. и возносившая молитвы в соборе Успения Божией Матери, построенном на пожертвования горожан и благотворителей, на месте которого находится теперь здание больницы;

– в 2017 г. в сквере у «Елизаветинской больницы» был открыт памятник Великой Княгине Елизавете Федоровне;

– в 2019 г. в Храме Святителя Митрофана Воронежского был освящен первый в Пермской митрополии Елисаветинский придел;

– с 2014 г. Пермской Митрополией Русской православной церкви проводятся детско-юношеские Свято-Елисаветинские чтения «Белый ангел России».

29 ноября 2020 г. в зале заседаний Правительства Пермского края состоялся очередной VII Свято-Елисаветинский Форум «Белый Ангел России», посвященный Святой Преподобномученице Великой Княгине Елисавете Федоровне.

В рамках Елизаветинского Форума, по инициативе А. В. Громовой, в Перми была открыта выставка гравюр и литографий «Российский Императорский Дом. 300 лет истории» из фондов Калужского музея изобразительных искусств в Историческом парке «Россия – моя история».

У Пермского края большие планы в отношении работы по сохранению и популяризации темы Истории Дома Романовых. Мы уверены, что на основе заинтересованной позиции губернатора Пермского края Д. Н. Махонина, при объединении общих усилий организаций науки, образования, культуры и их координации и поддержке со стороны председателя Наблюдательного совета Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества Анны Витальевны Громовой все эти планы, несомненно, будут воплощены в жизнь.

Сессия II.

Пермь, 14–15 июня 2021 г.

Императорский Дом Романовых и включение новых земель и народов в культурно- цивилизационное пространство Российской Империи

**Приветственное слово
губернатора Пермского края
Д. Н. Махонина**

Добрый день, уважаемые коллеги!

Рад приветствовать вас в Пермском крае, на третьих Романовских чтениях и международной научно-практической конференции. Пермь стала одним из трех городов России вместе с Калининградом и Казанью, где этим летом проводится конференция.

Это неслучайно – история Дома Романовых неразрывно связана с нашим регионом. В Пермском крае мы ежегодно организуем ряд мероприятий, посвященных сохранению истории Царской Семьи: научно-практические конференции, детско-юношеские «Свято-Елисаветинские чтения», мероприятия, посвященные памяти Великого Князя Михаила Александровича. В прошлом году Прикамье стало одним из пяти регионов России, где прошла выставка редких гравюр и литографий, посвященная 300-летию Императорского Дома. Также наш регион вошел в федеральный проект «Императорский маршрут», который охватывает все важнейшие исторические точки, связанные с членами Царской Семьи.

Безусловно, одно из важнейших мероприятий – ежегодные Пермские научно-образовательные Чтения «История Императорского Дома Романовых». Это событие особенно значимое, потому что в рамках Чтений уделяется внимание не только изучению культурного и духовного

наследия Романовых, но и меценатству, помощи нуждающимся.

В прошлом году Пермский край присоединился к акции «Белый цветок» – это одна из форм Романовской благотворительности, которую удалось возродить в наши дни.

Убежден, что все мы делаем очень нужное и правильное дело по восстановлению памяти Дома Романовых, сохранению их культурного и духовного наследия. Эту работу мы ведем в тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью, общественными организациями и научным сообществом.

Отдельное спасибо за поддержку Анне Витальевне Громовой. Анна Витальевна уделяет большое внимание Пермскому краю, с каждым годом наше сотрудничество с Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом расширяется и крепнет.

Спасибо за внимание и желаю всем успешной работы.

*Дмитрий Николаевич Махонин,
губернатор Пермского края*

**Приветственное слово
Высокопреосвященнейшего Мефодия,
Митрополита Пермского и Кунгурского**

Уважаемые участники конференции, уважаемый Дмитрий Николаевич, уважаемая Анна Витальевна, я сердечно приветствую вас на третьих ежегодных научно-образовательных чтениях «История Императорского Дома Романовых», которые вновь объединили представителей власти, ученых, преподавателей ведущих вузов страны, работников архивов, общественных деятелей и людей доброй воли.

В этом году мы отмечаем значимую дату – 300-летие Российской Империи, которую провозгласил государь Петр I Великий. Становление Российской Империи положило начало двухсотлетнему периоду процветания нашего Отечества, как на международной арене, так и в направлении экономического, технического и культурного развития. За 200-летний период императорской власти в России произошло политическое расширение ее границ, в состав которой вошли Прибалтика, Правобережная Украина, Белоруссия, часть Польши, Бессарабия, Северный Кавказ, а с XIX века Финляндия, Закавказье, Казахстан, Средняя Азия и Памир.

Несомненно, все эти достижения и преобразования были связаны с деятельностью представителей царственного Дома Романовых, которые на протяжении веков не только создавали российскую государственность,

заботились о благе народа, вверенном их попечению Господом, но и своим личным примером явили образец нравственного достоинства, который в высшей степени проявился в христианском подвиге страсотерпчества, в лице Императора Николая II и его Семьи.

На протяжении столетий отличительной чертой в деятельности представителей Российского Императорского Дома Романовых была благотворительность. Традиции жертвования и служения ближним выразились в социальном обеспечении нуждающихся, были заложены системой Императорских Орденов, учрежденных Петром I, и приобрели небывалые масштабы в период деятельности Великой Княгини Елисаветы Федоровны.

Отрадно, что и сегодня дело милосердия Императорского Дома Романовых постепенно продолжает осуществляться на Пермской земле. В этом году при поддержке Администрации губернатора Пермского края в нашем регионе в рамках Романовских чтений вновь, уже во второй раз, пройдет благотворительная акция «Белый цветок», которая позволит приобщить традициям милосердия жителей Прикамья и привлечет к благотворительной деятельности молодое поколение волонтерского движения Пермского края.

Однако следует отметить, что, несмотря на инициативу проведения подобных мероприятий, в Прикамье до сегодняшнего дня остаются определенные трудности в реализации принципов милосердия и нравственного воспитания подрастающего поколения.

До сих пор в Перми и отдельных районах Пермского края со стороны руководства образовательных учреждений среднего звена мы встречаем не только равнодушие, а порой осознанное сопротивление, хотя это государственная программа, в проведении уроков по Основам православной культуры, через которые молодому человеку прививаются нравственные жизненные ориентиры, принципы сострадания и любви к ближнему. Все это не может не настораживать, потому что отсутствие этих ориентиров в сознании ребенка или подростка прямым образом влияет на его становление как личности, а в итоге и на становление общества, которое будут составлять последующие поколения наших сограждан.

Пермская земля неведомым нам промыслом Божиим особо связана с жизнью и подвигом представителей Императорского Дома. В пределах Пермского края пострадал дядя первого Царя из рода Романовых Михаила Федоровича – боярин Михаил Никитич Романов, здесь же, недалеко от Перми, был убит брат последнего Российского Императора Николая II, Великий Князь Михаил Александрович. На Пермской земле приняла мученическую кончину и преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Федоровна, родная сестра Императрицы Александры Федоровны. Как известно, Алапаевск, место, где пострадала преподобномученица, до 1924 года входил в состав Пермской губернии.

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, современник Императоров Николая I и Александра II, говорил: «Пророк, между судьбами Божиими

по всей земли отличая особенную судьбу помазанных своих (Царей), восклицал, что Бог не оставил человека обидеть их; Он отверзает небо и дает услышать оттоле Творческое слово... не прикасайтесь помазанным Моим...»

Однако события начала XX века показали, что люди не прислушались к словам святителя, не побоялись нарушить слово Божие, сказанное через пророка: «...не прикасайтесь помазанным Моим» (Пс. 104;15), не побоялись преступить черту, за которой все наше государство ждал хаос, погружение в гражданскую братоубийственную войну и духовное опустошение. Последствия этого всем нам хорошо известны.

Уважаемые участники конференции, я желаю всем нам плодотворной, вдумчивой работы. Пусть темы, которые будут сегодня озвучены, дадут нам не только новые знания, но и содействуют нашему назиданию, чтобы уроки, которые история преподносила нам на протяжении последних веков, стали для нас твердым основанием для нашей будущей жизни и деятельности.

Спасибо за внимание!

*Методий,
Митрополит Пермский и Кунгурский*

**Приветственное слово
председателя Наблюдательного совета Фонда
содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество» А. В. Громова**

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Дмитрий Николаевич, дорогой Сергей Васильевич, глубокоуважаемые отцы, коллеги, братья и сестры!

Поздравляю вас с замечательными праздниками, Днем России и Днем Вознесения Господня. Желаю всем успехов на просветительской ниве, потому что мы все так или иначе трудимся в этом направлении.

Хотела бы отдельно поблагодарить Администрацию губернатора Пермского края, которая сделала все возможное и невозможное для проведения наших мероприятий в эти дни, в том числе и акции «Белый цветок». Огромный вклад в проведение мероприятий внесла и Пермская митрополия, за что низкий поклон Владыке Мефодию и его соратникам – работали все епархиальные отделы, привлечены были практически все приходы, трудились и дети над подготовкой праздника, что было очень заметно. Пример проведенных нами мероприятий еще раз доказывает, что знаменитый тезис «Православие, самодержавие, народность» для России актуален всегда. Мы сейчас говорим по-другому – «Власть, общество и церковь» – но это та традиция, изучением которой мы занимаемся, и это та традиция, которая в нашей исторической памяти

всегда присутствует. И мне кажется, что как бы ни старались власти направить страну по созидательному пути, по пути сохранения традиционных ценностей – без Церкви это невозможно. Поэтому большую радость вызывает то, что в акции «Белый цветок» принимали участие представители всех религиозных конфессий.

Уже не первый год, проводя Романовские Чтения в Перми, мы радуемся тому, что история Императорского Дома Романовых изучается глубоко, на основании архивных документов, и активно идет процесс возвращения исторической правды. Тем не менее до сих пор памятники убийцам и преступникам (например, Хохрякову) и названные именами этих людей площади и улицы заставляют внутренне содрогаться. Считаю, что присутствие памятников одиозным личностям должно компенсироваться появлением памятников великим людям, которых мы называем настоящей совестью нации. Таким, каким являлся Федор Михайлович Достоевский. В этом году мы отмечаем 200 лет со дня рождения великого писателя, который являлся нравственным ориентиром для нескольких поколений россиян, несмотря на свое революционное прошлое и принадлежность к петрашевцам. Он был примером для Великих Князей из рода Романовых, его очень любил Великий Князь Константин Константинович, его произведения зачитывался Великий Князь Сергей Александрович, его роман «Бесы» вообще считался провидческим в великокняжеской среде, его любили, с ним советовались, и мне кажется, что для многих людей в мире Достоевский

и сейчас остается духовным маяком. Когда бы мы ни перечитывали Достоевского, перед нами опять встают вопросы о том, в чем смысл человеческой жизни и что необходимо для спасения или, наоборот, приводит к духовной смерти.

Я знаю, что есть инициативная группа, которая выступает за создание памятника Ф. М. Достоевскому и его установку в сквере у Пермской тюрьмы. Создание этого памятника, безусловно, станет важным событием для пермяков и всего Пермского края, для туристов и паломников на «Императорском маршруте».

Мы очень благодарны Дмитрию Николаевичу Махонину за то, что продвигается проект с музеефикацией «Королёвских номеров». Сейчас «Императорский маршрут» уже запущен в Пермском крае, по программе «Моя Россия» в этом году приедет 1000 детей, и мы им должны показать такие объекты, связанные с историей Перми, которые они больше нигде не увидят: рассказать им об истории Императорской России и о тех, кто создавал благосостояние этого края, о подвиге Веры новомучеников и исповедников Церкви русской, служении и гибели Великого Князя Михаила Александровича и его соратников. Необходимо знать эту историю без изъятий и купюр.

Благодаря инициативе начальника Регионального управления Федеральной службы исполнения наказаний Лымаря Дмитрия Анатольевича мы начали подготовку экспозиции в музее Пермского тюремного замка под рабочим названием «Музей тюремных благотворительных комитетов». Со времен Императора Александра I и до 1917 года

в России существовали тюремные благотворительные комитеты под покровительством Императорского Дома Романовых. Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Федоровна были попечителями семейств, ссылаемых в Сибирь, – они помогали несчастным женам и детям, которые шли, как правило, за своими мужьями и отцами в ссылку и на каторгу.

В таком музее можно рассказать и о Великом Князе Михаиле Александровиче, который три дня провел в больнице этой тюрьмы, и о Федоре Михайловиче Достоевском, и о многих других людях, для которых пребывание в Перми стало или поучительным жизненным уроком, или трагедией. Эту страницу истории Перми мы не можем просто так перелистнуть и забыть.

Я благодарю всех коллег-историков, которые здесь собрались, архивистов, общественных деятелей и подвижников за их исследовательскую работу. Без нее мы не могли бы двигаться вперед – имея твердые исторические основания, все мы переводим исторические знания в практическую плоскость. Я уверена, что на этом пути мы встретим поддержку Дмитрия Николаевича, благословление Владыки Мефодия, и при их помощи, думаю, ситуация изменится к лучшему уже в ближайшее время.

Дорогие коллеги, благодарю вас и желаю успешной работы нашей конференции. Давайте подумаем о теме конференции в следующем году – может быть, нам поднять пласт «Пермская благотворительность», в том числе и под покровительством Императорского Дома Романовых. Мне

кажется, что мы должны в Пермском крае обязательно рассказывать о той мощнейшей традиции благотворительности, которая существовала здесь веками.

*Анна Витальевна Громова,
председатель Наблюдательного совета Фонда содействия
возрождению традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»*

Доклады

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ РОМАНОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Аннотация. В докладе, приуроченном к 425-летию со дня рождения Царя Михаила Федоровича Романова, рассматриваются причины избрания его на царство, важнейшие вехи и итоги этого царствования.

Ключевые слова. Михаил Федорович Романов, Патриарх Филарет, Смутное время (смута), Земский Собор.

На пороге XVII в., в 1598 г., скончался последний русский Царь из Династии Рюриковичей Федор Иванович, сын Царя Ивана Грозного и Царицы Анастасии из рода Романовых. Он скончался, не оставив наследников. Еще ранее, в 1581 г., умер старший сын Ивана Грозного и Анастасии Иван Иванович. В 1591 г. погиб младший сын Царя Ивана Васильевича и Марии Нагой царевич Димитрий.

Династия Рюриковичей прервалась по мужской линии, наступил междинастический период 1598–1613 гг. Началось Смутное время, сопровождавшееся кровавой борьбой за власть, внутренней междоусобицей и военным вторжением соседей. Стране грозило насильственное присоединение к Речи Посполитой, ополячивание и окатоличивание.

В это время закончились неудачей попытки основать династии Царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, которые являлись изощренными политиками и были

избраны на трон. Потерпели крах и эгоистичные претензии обоих Лжедмитриев, назвавшихся именем царевича Дмитрия и поддержанных польскими войсками. Интервенция и затем неприкрытая агрессия поляков, захват русских земель поляками и шведами дискредитировали иноземных претендентов на наш престол – королевичей Владислава из Речи Посполитой и Карла-Филиппа из Швеции, которых пытались пригласить боярские группировки. В народе возникла надежда на прирожденного бесспорного Государя, состоящего в родстве с многовековой и законной Династией Рюриковичей.

Исторический выбор пал на Михаила Федоровича Романова, на род Романовых, ведь последний Царь из династии Рюриковичей был уже наполовину Романов!

Земский Собор для избрания Царя был созван предводителями ополчения уже в ноябре 1612 г., а в январе 1613 г. в Москве он начал свою историческую деятельность. На Собор съехались более 700 представителей примерно от 50 городов России, по 10 человек от каждого города. В состав Собора вошли Освященный Собор высшего духовенства, бояре (кроме изменников, выбитых с поляками из Кремля), дворяне, казаки и даже черносотенные крестьяне. То был один из самых представительных Соборов Русской Земли. Слово «демократия» не было известно и не употреблялось в то время, но, по сути, это была максимально возможная и разумная христианская демократия.

Представительность и задача Собора предопределили острое обсуждение многих кандидатур на престол. Вооруженные казаки, которых было очень много в освобожденной Москве, склонялись поддержать воеводу

Д. Т. Трубецкого или М. Ф. Романова, но кандидатура князя Трубецкого не находила поддержки дворян, без которых управлять Россией было невозможно. Бояре склонялись оказать поддержку шведу Карлу-Филиппу. Д. М. Пожарский все-таки уступал соперникам в родовитости, а В. В. Голицын был в польском плену. Кроме того, на Собор приходили письма от дворян, богатых купцов и из северных городов в поддержку Романова. Именно он оказывался кандидатом, которого поддерживали как казаки, так и дворяне. Деятельность Собора прерывалась двухнедельным всероссийским постом ради нахождения объединяющего и наилучшего решения; на местах высказывались о приемлемости кандидатуры Романова.

21 февраля 1613 г. в Успенском соборе Кремля Михаил Федорович Романов был наречен Царем и Великим Князем всея Руси. Страна начала присягать законному Царю. Однако в Москве его не было, он с матерью находился в Костроме. Собор отправил к вновь избранному Царю посольство во главе с архиепископом Феодоритом и боярином Ф. И. Шереметевым. Посольство отправилось сначала в Ярославль и только в пути повернуло на Кострому, очевидно, получив точные сведения о местонахождении Царя.

Знал ли Михаил о происходящем? Известно только, что инокиня Марфа высказывалась категорически против перспективы избрания на престол ее сына. 14 марта посольство добралось до Ипатьевского монастыря. С крестом, чудотворной иконой Пресвятой Богородицы и другими иконами послы пришли в монастырский храм, где архиепископ вручил старице Марфе и ее сыну «Писание

от Священного Собора», в котором говорилось об избрании Царем Михаила Федоровича Романова.

В ответ послы получили категорический отказ самого Михаила, поддержанный матерью-старницей. Действительно, как отдавать родного сына в Цари в такое время – на погибель?

Много часов послы со слезами умоляли Марфу; архиепископ подошел с чудотворным образом Богородицы. Это произвело впечатление, но старица и ее сын стояли на своем. Прозрение наступило после слов о том, что нет другого кандидата, объединившего всех, и, следовательно, отказ обернется очередными кровавыми междоусобицами. Выслушав это, старица надолго замолчала, а затем согласилась и со слезами молилась перед образом Богородицы, предавая свое чадо в Ее руки...

Царь добирался до своей столицы в четыре раза дольше, чем посольство до Ипатьевского монастыря. Молодой Михаил Федорович молился в святых местах в Ярославле и Ростове Великом, Переславле-Залесском и Троице-Сергиевом монастыре. Он осваивался и присматривался, знакомился с людьми и собирал сподвижников среди дворян, бояр и купцов. Ведь у него не было ничего, кроме законного права на престол, родственных связей, незапятнанного имени и богоугодной цели.

2 мая Царь, встречаемый москвичами с иконами и крестами, въехал в столицу. После молебна в Успенском соборе он поселился в нескольких сохранившихся комнатах разоренного Кремля, а его мать – в Вознесенском монастыре. Венчание на царство состоялось 11 июля в главном соборе России. На следующий день Царю исполнилось семнадцать

лет. Свое право на престол он всегда обосновывал близким родством с царской Династией Рюриковичей, а не избранием Земским Собором.

В духе XVI–XVII вв. было бы подвергнуть опале тех, кто поддерживал польских интервентов, Лжедмитрия II. Однако молодой Михаил Федорович не только не сделал этого, но и ввел людей с такой биографией в новое правительство. Вероятно, на это дальновидное решение навели размышления о драматичной судьбе его отца и доброжелательный, миролюбивый характер самого Государя. Он как бы протягивал руку ради прекращения кровавой смуты и ожидал в ответ отказ от заговоров. И царская рука не повисла в воздухе. Кто без греха? А восстанавливать государство разумнее сообща.

В первое десятилетие царствования непрерывно созывались Земские Соборы. Если Соборы 1598 и 1613 гг. являлись своего рода «парламентами», решавшими вопрос о власти, то теперь Соборы стали постоянным всероссийским совещательным органом власти. На них обсуждались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, хотя окончательные решения принимал Царь. Так что ответственные решения вырабатывались коллективно на благо государства.

Земские Соборы состояли из нескольких курий, объединявших бояр, православных первоиерархов, дворян, купцов, посадское население и иногда черносошных крестьян. Боярская Дума входила в Собор на правах одной из курий. Царь не только присутствовал на Соборах, но и обращался с речью к представителям сословий.

Для государственного управления по отраслям и решения важных конкретных задач восстанавливались приказы.

Постоянных приказов было более двадцати, и почти столько же создавалось при необходимости. Среди постоянных приказов выделялись: Разрядный (ведал назначениями на гражданские и военные должности), Посольский (ведал внешней политикой), Стрелецкий, Казачий и Пушкарский (занимались военным делом), Большая казна и Денежный двор (регулировали финансы), Поместный (в его ведении находились вопросы землевладения), Челобитный и др.

В первый год казна восстанавливалась добровольными народными пожертвованиями и займами. Во второй год стали собирать подати, но только с купцов; на третий год была воссоздана налоговая система для всех сословий.

После смуты существовала казенная монополия на продажу хмельных напитков, и государство увеличивало количество кабаков с целью воссоздания казны. В то же время массовое употребление хмельных напитков стремились ограничить четырьмя неделями в году в связи с всенародными религиозными праздниками. В остальное время чрезмерное распитие преследовалось суровыми денежными штрафами.

Между тем с конца 1613 г. казаки под предводительством атамана И. М. Заруцкого пытались возвести на русский престол малолетнего Ивана, сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Поначалу атамана поддерживали многие казаки. Однако под Воронежем верное Царю войско одержало верх над мятежниками, но те отступили в Астрахань, где намеревались создать свое государство и идти войной на Москву. Они были готовы признать покровительство мусульманской Персии (Ирана), но шах арестовал

их послов и передал России. В Астрахани Заруцкий разорял православные монастыри и не останавливался перед убийством священнослужителей. Казаки стали уходить из Астрахани к православному Царю.

При подходе царского войска в мае 1614 г. восстали и астраханцы. Самозванцам пришлось сбежать на реку Яик (Урал), а Астрахань приветствовала царское войско. Вскоре казаки выдали самозванцев. Изменник Заруцкий был посажен на кол, а виноватого только в своем происхождении пятилетнего «воренка Ивашку» повесили. Авантюристка Мнишек в 1615 г. умерла в «Маринкиной» башне в Коломне: возможно, от переживаний, бездействия и условий заточения. Запятнавших себя сотрудничеством с Заруцким казаков Царь простил и взял на государеву службу, чем упрочил свой авторитет в казачестве. Так устранилась угроза со стороны самозванцев.

Стремясь избежать войны на два фронта, в феврале 1617 г. Россия заключила Столбовский мирный договор со Швецией. По нему ставший Королем Карл-Филипп перестал претендовать на русский трон; мы теряли русское побережье Балтийского моря (Иван-город, Орешек и др.), однако возвратили Великий Новгород. Продолжая примирительную внутреннюю политику, Царь простил и городские власти, которые пытались отделиться от России.

В апреле 1617 г. войска Речи Посполитой во главе с королевичем Владиславом двинулись на Москву, причем Владислав рассылал грамоты, в которых обещал, что, став Царем, сохранит Православие и оставит всех в своих вотчинах и службе. В результате полякам был сдан Дорогобуж; Владислав сумел захватить Вязьму, которая вместе

с Можайском являлись основными опорными пунктами обороны нашей столицы. В этой опасной ситуации Царь Михаил Федорович приказал наказать кнутом, лишить имений и сослать воевод, сбежавших только от вида польских войск и уклонившихся от сражения.

Под Можайском и Калугой русские войска сражались энергично и успешно, заставив поляков отказаться от стремительного похода на Москву и зазимовать в Вязьме. Война стала затяжной, что давало время для укрепления русских войск. Решающие события развернулись в сентябре 1618 г., когда поляки подошли вплотную к Москве, а из Малороссии (Украины) пришел и соединился с поляками гетман Сагайдачный, звавший за собой и крымского хана. Сражаться с гетманом пришлось уже у стен подмосковного Донского монастыря. 9 сентября Царь Михаил Федорович заявил Земскому Собору, что решил сам руководить обороной столицы и не покинет ее.

Владислав и Сагайдачный готовились взорвать Арбатские ворота, проникнуть в Москву и овладеть городом. Этот секретный план стал известен москвичам, и в блестящей контратаке они отбросили врагов к Троице-Сергиеву монастырю. Тогда поляки пошли на штурм православного монастыря, но опять безуспешно.

1 декабря 1618 г. рядом с этим монастырем в селе Деулино было подписано русско-польское перемирие на 14 с половиной лет. По этому договору мы возвратили Вязьму, Козельск, Новгород Северский, Чернигов и Перемышль, оставив полякам Смоленск, Белую, Дорогобуж и Рославль. Королевич Владислав так и не отказался от претензий на русский престол, но отца русского Царя из плена отпустил.

Россия сохранила независимость и целостность, правда, не без потерь и компромиссов, и постепенно восстанавливала свои силы. В обществе происходило сплочение созидательных и патриотических сил под руководством разумного и реалистичного Царя, который добился самого важного условия возрождения России – возможности мирного народного труда и государственного строительства. Если освобождение Москвы в 1612 г. обеспечило окончание смуты, а избрание Царя Михаила Федоровича Романова поставило точку в истории смуты, то устранение угрозы самозванцев в 1614 г. и мирные договоры со шведами и поляками в 1617–1618 гг. закрепили восстановление российской государственности.

14 июня 1619 г. в Москву вернулся из польского плена отец Царя Филарет. Всего через десять дней он был поставлен Патриархом, а в 1622 г. получил титул Великого Государя, став соправителем страны.

В результате пожалований Царя Михаила Федоровича Русской Церкви было подчинено население более 40 городов с уездами, с правом взимания гражданских податей и светского суда. При этом Царь участвовал в решении важных церковных вопросов. Следует сказать, что волевой Патриарх и Государь Филарет настоял на немалом количестве опал. Однако после смерти отца в 1633 г. Михаил Федорович возвратил всех из ссылки.

Важнейшую роль в восстановлении нормальной государственной жизни и в возрождении России сыграло царское хозяйство, царский двор, т. е. казенный, или государственный, сектор экономики. Царская монополия на торговлю хлебом приносила огромный доход; большие

средства приобретались за счет царской монополии на торговлю икрой и шелком. Россия продавала хлеб Швеции и Дании, Англии и Голландии, Голштинии и Франции. В России было и развитое для того времени скотоводство.

Развитие промышленности поддерживалось, направлялось и инициировалось царским казенным хозяйством. Так, Пушечный двор отливал пушки и колокола, производил замки и подковы; в нем трудились примерно 100 специалистов и рабочих. В Оружейной палате, производившей огнестрельное и холодное оружие, трудились до 70 человек. До 100 станков использовалось в производстве тканей Хамовным двором. Производством занимались Золотая и Серебряная палаты, Бархатный и Монетный дворы. Печатный двор на десятке станков издавал богослужебные и светские книги тиражами до 1000 экземпляров, что соответствует или превышает тиражи научной литературы в начале XXI в. В 1630 г. государство начало добывать руду в Зауралье, росло казенное производство смолы, дегтя и других товаров, необходимых при строительстве. Россия строилась.

Из заграницы приглашались специалисты – металлурги, оружейники, каменщики, часовщики и многие другие, причем западные профессионалы использовались для обучения русских. Проводя политику протекционизма отечественным купцам и предпринимателям, Михаил Федорович разрешал создавать заводы и иностранцам, в том числе металлургические, стеклянный.

Используя опыт Царя Бориса Годунова, Царь Михаил продолжал отправлять молодых дворян на Запад (к англичанам, голландцам и немцам) для подготовки своих врачей. В 1620 г. создан особый приказ, разбиравший жалобы

и злоупотребления сильных мира сего. Земли, захваченные незаконно во время смуты, отбирались. За явную бесхозяйственность в пожалованных землях наказывали кнутом. Попадали под него и за горькое пьянство, а когда он не помогал, следовало пожизненное тюремное заключение, так что пьяные опасались выйти на улицу. Чтобы уменьшить количество пожаров, запретили табакокурение.

Дальновидным направлением политики Царя Михаила являлось освоение Урала и Сибири. Там возводились города, крепости; туда направляли служить, в том числе казаков. Известен указ Царя о направлении девушек в жены переселенцам, сложившиеся крестьянские семьи переселяли на плодородные земли.

Весной 1632 г. умер польский Король Сигизмунд III, Речь Посполитая осталась без главы государства. Патриарх Филарет и Царь Михаил Федорович решили, что настал благоприятный момент для военных действий. Были разосланы царские грамоты с перечислением нарушений поляками перемирия от 1 декабря 1618 г. Да и само перемирие заканчивалось к лету 1632 г. Война должна была продолжиться, и она продолжилась.

Русская армия под командованием опытного полководца М. Б. Шеина выступила против польских оккупантов 3 августа 1632 г. Были освобождены Дорогобуж, Белая, Невель, Рославль, Новгород Северский и осажден Смоленск.

Несмотря на многократное численное превосходство над польским гарнизоном Смоленска, старый Шеин не смог предпринять решительных прорывных действий для освобождения города. Зимой участились смертельные исходы от болезней, некоторые казаки и дворяне

предпочли уйти защищать свои земли от крымских татар. Русская армия таяла, а 25 августа 1633 г. к Смоленску подошла армия нового польского Короля Владислава. Хотя численное преимущество оставалось за нами, молодой Владислав энергичными военными действиями снял осаду Смоленска и удачно маневрировал. М. Б. Шеин запросил большое подкрепление, которое собрать не удалось, в том числе из-за восстания казаков в Рославле. Владислав нанес удар по Дорогобужу, где М. Б. Шеин оставил продовольственные запасы Русской армии; запасы были уничтожены.

1 октября умер Патриарх Филарет, являвшийся влиятельнейшим сторонником военных действий и покровителем М. Б. Шеина (они вместе были в польском плену, причем Шеина подвергли там пыткам). В январе 1634 г. Царь созвал Земский Собор, который высказался за создание армии под командованием Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского в подмогу Шеину, рассматривался вопрос о возможности перемирия с поляками.

И тут – 16 февраля – М. Б. Шеин сам заключил перемирие с Речью Посполитой на четыре месяца. Согласно подписанному договору о перемирии, русский командующий должен был преклонить колени перед польским Королем и приказать бросить русские знамена на землю; мы сдавали лучшее вооружение и уходили из-под Смоленска. Было сдано 229 орудий, 10 тысяч ружей, 4 тысячи алебард. Иностранных наемников перекупили поляки, а остатки разоруженной русской армии во главе с М. Б. Шеиным отступили к Москве. В начале марта его арестовали по указу Царя, обвинили в измене и казнили по приговору Боярской Думы.

Польская армия двинулась на Москву. Но под Белой воевода Ф. В. Волынский оказал героическое сопротивление, в бою был ранен сам Король Владислав. Наконец, турки закончили воевать с Персией и двинулись на Речь Посполитую с юга.

Создалась бесперспективная для сторон ситуация, которая в июне 1634 г. привела к заключению Поляновского русско-польского мирного договора. Польский Король отказался от претензий на русский престол и признал права Царя Михаила Федоровича. Однако русский Царь переставал именоваться Государем Смоленским и Черниговским, вновь отдавал освобожденные русские города, оккупированные Речью Посполитой по Деулинскому перемирию, и выплачивал контрибуцию.

Понятно, что такой мир был чреват очередной освободительной войной, но поведет ее уже сын Царя Михаила – Алексей Михайлович. Если закрыть глаза на жертвы и переживания современников, то в целом выходило, что за 20 тысяч рублей русские купили признание своей независимости. Начав войну, Россия определилась в стратегическом курсе на освобождение захваченных русских земель. Не начать войну – значило смириться с оккупацией на неопределенное время. Шанс на победу был, однако роковым оказалось назначение командующим М. Б. Шеина, хотя ранее он проявлял отчаянную решительность, смелость, защищая Смоленск от поляков.

В январе 1626 г. 60 знатных невест собрали в Кремле. Ночью Царь вместе с матерью обошел спальни невест и, к ревнивому удивлению всех, выбрал прислужницу одной из невест дворянку Е. Л. Стрешневу. Мать Царя была против, однако Михаил Федорович стоял на своем.

Венчание рабов Божиих Михаила и Евдокии совершил сам Патриарх Филарет в Успенском соборе Кремля в феврале 1626 г. Брак был удачным. Евдокия Лукьяновна подарила мужу десять детей, в том числе будущего Царя Алексея Михайловича в 1629 г.

Отметим скромный быт царской семьи. Царь занимал небольшие комнаты: спальню, образную (молельню) и приемную с тронном; у Царицы были маленькие спальня и приемная; каждому ребенку отводилось по одной комнате. Все – с самой элементарной мебелью, лавками. В то же время рядом, на Красной площади, возведен замечательный Казанский собор, на Никитской улице – храм Святой Троицы, на Покровке – храм свв. Космы и Дамиана, на Лубянке – храм Иоанна Предтечи и др.

В день своих именин, 12 июля 1645 г., государь отправился в церковь, где ему стало плохо. Предчувствуя кончину, вечером он простился с женой, благословил шестнадцатилетнего сына на царство. Ночью 13 июля Михаил Федорович исповедался, причастился и отошел ко Господу. Его жена Евдокия Лукьяновна не перенесла разлуку и уже 18 августа последовала за любимым мужем.

После смуты Царь Михаил Федорович регулярно созывал Земские Соборы и правил в совете с Русской Землей. В период плодотворного соправления с Патриархом и Государем Филаретом Соборы созывались уже реже. В целом видно, что укрепление царской власти сопровождалось менее регулярным созывом Соборов, а также и умалением роли Боярской Думы. Однако по важнейшим вопросам Соборы продолжали созываться.

Под давлением дворянства в царствование Михаила Федоровича продолжился процесс закрепощения крестьян: сыск беглых был увеличен до 10 лет. Одновременно царская власть стала инициатором и поддерживала крестьянское освоение Сибири, помогая переселенцам деньгами, семенами, скотом. Поддерживались казаки, купцы, промышленники, решившиеся осваивать Сибирь, вплоть до Тихого океана отправлялись исследовательские экспедиции. На это находились средства, поскольку приращение Сибири соответствовало стратегическим интересам страны и смягчало социальные противоречия в центральной России.

Во внешней политике удалось избежать войны с Крымским ханством и Турцией. В 1637 г. русское посольство в Крыму было безосновательно арестовано и подвергнуто пыткам. Бояре предложили начать войну. Но Царь не спешил воевать с ханством, являвшимся вассалом Турции. В июле 1639 г. царь созвал Земский Собор с целью получить совет по вопросу войны или мира с ханством. Собор посоветовал поступить с послами хана в Москве так, как поступили с русскими в ханстве, т. е. бить раздетых и морить голодом. В то же время Собор заявил о готовности воевать. Однако Государь поступил по-своему: послал хану подарки и письмо с заверением в любви. Русские послы были отпущены. Царь «подставил другую щеку», и этим скольким спас жизнь и сколько ресурсов для развития России сберег!

В том же 1637 г. донские казаки самовольно захватили турецкую крепость Азов из-за того, что там турки устроили рынок русских рабов, в которых обращали пленных,

и казнили турецкого посла. Получалось, что Россия стоит на пороге русско-турецкой войны, но одновременно взятие Азова открывало выход в Азовское, а затем и Черное моря. Царь послал в Азов оружие, боеприпасы, деньги. Однако Турция не спешила воевать с казаками и Россией, поскольку воевала с Персией. Только в 1641 г. большое турецкое войско штурмовало Азов. Казаки отбились и заставили турков отступить, однако сами понесли значительный урон и просили Царя о помощи.

Перед Москвой встал выбор: воевать с Османской империей или отказать казакам в помощи. В январе 1642 г. Царь созвал Земский Собор, который высказался за принятие Азова под руку московского Царя. Но дворянство призналось, что найдется мало желающих сражаться на Дону. Представители городов высказались за войну, но против своего участия хотя бы деньгами.

«Земско-соборная демократия» predeterminedила разумное решение Царя: вернуть туркам Азов. Страна еще не совсем окрепла и не была готова к крупной войне на южных окраинах. Казаки подчинились Царю. Геополитический и военный вектор «крепость Азов – Азовское море – Черное море» был продуманно отложен до лучших времен...

Приняв разоренную внутренней смутой и иностранным вторжением Россию, без постоянного правительства, постоянного войска и казны, Царь Михаил Федорович как в соправлении-симфонии с Патриархом и Государем Филаретом, так и в совете с Земским Собором восстановил управление страной, обеспечил мирную передышку, предпринял разумные меры по восстановлению и развитию экономики. Страна закрепила свою независимость.

В советской историографии считалось, что Царь Михаил Романов был глуп и несамостоятелен. В действительности Государь Михаил Федорович (в том числе до возвращения отца из плена и после его смерти) проводил разумную и взвешенную, осторожную и миролюбивую политику – политику государя-христианина, ответственного перед Богом за свою страну и народ. Его политика соответствовала интересам народа в целом. Михаил Федорович сделал то, что должен был сделать Царь, выполняя свою историческую миссию и закладывая фундамент под будущие достижения страны.

Библиографический список

1. *Белокуров, С. А.* Утверженная грамота [об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова]. – М., 1906.
2. *Забелин, И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., 1990.
3. История России. С древнейших времен до конца XVII века. Учебное пособие для вузов / под ред. А. Н. Сахарова и А. П. Новосельцева. – М., 1996.
4. *Ключевский, В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. – М., Минск, 2002.
5. *Костомаров, Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. – М., 1995.
6. *Платонов, С. Ф.* Лекции по русской истории. – СПб., 1997.
7. Первые Романовы / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. – М., 2000.
8. *Пушкарев, С. Г.* Обзор русской истории. – СПб., 1999.
9. Романовы: Исторические портреты. Кн. 1. – М., 1997.
10. *Скрынников, Р. Г.* Михаил Романов. – М., 2005.
11. *Соловьев, С. М.* Учебная книга русской истории. – М., 1996.
12. *Черепнин, Л. В.* Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. – М., 1978.

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Три столетия назад, 22 октября 1721 года (по Юлианскому календарю), в Троицком соборе на Троицкой площади в Санкт-Петербурге царь Петр I принял титул «Великого, Отца Отечества, Императора Всероссийского», Россия становилась империей. Это важное для российского государства событие произошло в День осеннего празднования Казанской иконы Божией Матери, который Петр I специально избрал для официального оглашения Ништадтского мира, ознаменовавшего победу России над Швецией в Северной войне. Дата объединила в себе большой церковный праздник, викториальный день и день рождения нового государства.

Ключевые слова. Российская Империя; Петр I; Казанская икона Божией Матери; Троицкий собор; титулование.

30 августа (по Юлианскому календарю) (12 сентября по Григорианскому) 1721 года в городе Ништадте (ныне Уусикаупунки в Финляндии) был заключен мирный договор между Россией и Швецией, ознаменовавший собой окончание Северной войны, продолжавшейся 21 год – с 1700-го по 1721-й. С российской стороны Ништадтский трактат о мире подписали «генерал-фельдцейгмейстер, президент Берг- и Мануфактур-коллегии, кавалер орденов св. Андрея и Белого Орла граф Яков-Даниель Брюс¹» и «Его

¹ Брюс Яков Вилимович (1669–1735).

Царского Величества канцелярии тайный советник г-н Гендрих-Иоган-Фридрих Остерман¹»; со шведской стороны – государственный и канцелярии советник граф Иоган Лилльенстедт² и «ландсгевдинг³ заводов медных и в лене Далерн⁴ благородный барон Отто-Рейнгольт Штремфелт⁵» [2, с. 118–131].

К России отошли Лифляндия (с Ригой), Эстляндия (с Ревелем и Нарвой), часть Карелии, Ингерманландия (Ижорская земля) и другие территории «в совершенное непрекословное вечное владение и собственность». Россия вернула выход в Балтийское море, утраченный в период Смутного времени, и те земли, на которых уже стоял и разрастался Петербург.

Триумфальное завершение этой военной кампании привело к изменению статуса государства. 22 октября 1721 года, в день объявления народу о победе в Северной войне, Петр I принял от сподвижников титул «Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского».

День 22 октября был выбран, естественно, неслучайно и имел прямое отношение к становлению династии Романовых и постепенному усилению российской государственности. В этот день в 1612 году силами народного ополчения был освобожден от интервентов Китай-город в Москве. Первый царь из династии Романовых Михаил Федорович объявил этот день осенним праздником Казанской иконы

¹ Остерман Андрей Иванович (1686–1747).

² Лилльенстедт (Лиллиенштедт) Йохан-Паулину (1655–1732) – шведский политический деятель, граф, поэт.

³ Губернатор, администратор, руководитель.

⁴ Единица административного деления Швеции.

⁵ Штремфелт (Стремфельд) Отто-Рейнхольд, барон (1679–1746) – шведский чиновник и политик.

Божией Матери, показав таким образом преемственность от Рюриковичей, ведь великий подвижник патриарх Гермоген рассказал об обретении в Казани этой иконы в годы правления Ивана IV Грозного в 1579 году. Царь Алексей Михайлович сделал праздник государственным. Представитель третьего поколения Романовых – царь Петр I Алексеевич выбрал именно этот день для торжественного объявления всему миру об окончании Северной войны и принятия титула Императора, Великого и Отца Отечества. С этого момента возникло новое государство – Российская империя со столицей в Санкт-Петербурге. 4 ноября мы отмечаем не только День народного единства и Казанской иконы Божией Матери, но и день рождения Российской Империи.

В честь заключения Ништадтского мира в 1721 году русские послы за границей организовали праздники с фейерверками в Дрездене, Амстердаме и Копенгагене. Празднества, посвященные славе русского оружия, продолжились в 1722 году в Москве.

По указанию Петра I были установлены Викториальные дни (от лат. victoria – победа), в которые отмечались годовщины одержанных им побед. Торжества по традиции были приурочены к церковному празднику. Однако на день заключения Ништадтского мира никакого церковного праздника не выпадало, и тогда Петр I сам его создал. Кроме того, он решил дать Петербургу, городу «искусственному», созданному по воле одного человека, самого государя, еще одного святого покровителя.

До этого святыми покровителями столицы Российской Империи считались, по выбору Петра Великого, апостолы

Петр, получивший ключи от Рая от Иисуса Христа, и Андрей Первозванный, который, согласно преданию, проповедовал Слово Божие на востоке и, возможно, доходил даже до Ладожского озера.

Но Петру Великому хотелось подарить основанному им городу русского покровителя. Им и стал князь Александр Невский, бивший шведов на невских берегах, также как это делал впоследствии и сам Петр I. Кроме того, Царю хотелось показать преемственность молодой династии Романовых от династии Рюриковичей, к которой принадлежал князь Александр Ярославич.

Поэтому Император решил освятить очередную – третью по счету – годовщину Ништадтского мира перенесением мощей Александра Невского из Владимира, где они в то время находились, в Петербург. Они были вывезены из владимирского Рождественского собора в августе 1723 года, привезены в Шлиссельбург и оставались там до 1724 года.

Принятие Петром I императорского титула имело большое политическое значение. По сути царский титул не отличался от императорского, ибо восходил к титулу «цесарь, кесарь», что в принципе означает то же самое. Традиционно титул «Царь» – один из славянских титулов монарха, аналог императора, неформально спорадически употреблялся правителями Руси с XI в., систематически со времен Ивана III. А в титуле Лже-Димитрия I указывалось «Цесарь».

Однако Петр сознательно пошел на принижение прежнего титулования, чтобы возвысить положение страны в мировой иерархии.

Повторной коронации быть не могло. Совместная

коронация Иоанна и Петра Алексеевичей прошла 25 июня 1682 года в Успенском соборе Московского Кремля.

В ходе Северной войны рождалась новая столица, менялась вся Россия, и торжественное преподнесение и принятие нового титула правителя проходило в Троицком соборе на первой в городе Троицкой площади в Санкт-Петербурге.

Петровский Троицкий собор, или, как его принято сейчас называть, Троице-Петровский собор, не сохранился до наших дней, здание перестраивалось и в конце концов было вовсе утрачено. Проведенные в 1990-х годах раскопки позволили определить месторасположение

*А. И. Шарлемань. Петр I объявляет Ништадтский мир
на Троицкой площади в С.-Петербурге.
Гравюра. Журнал «Нива». 1901, № 13.*

Троице-Петровского собора в северо-восточной части современной Троицкой площади на месте существующего жилого дома, тротуара перед ним и дороги, соединяющей ул. Куйбышева с Петровской набережной [4, с. 25–74]. В 2020 году на этом месте был установлен памятный знак первому собору Петербурга работы скульптора Павла Шевченко.

В Троицком соборе длительное время хранилась святыня Петербурга – Чудотворная Казанская икона Божией Матери. В течение первой половины XVIII столетия собор продолжал сохранять роль государственного храма. Считается, что в нем происходили коронации Екатерины I,

См. В. Чориковъ.

Печ. у Толста.

Рис. на кам. По Иванову.

Б. А. Чориков. Петр I принимает титул Императора Всероссийского. Литография. Из издания «Живописный Карамзин, или История в картинах». СПб., 1836.

Петра II и Анны Иоанновны [4, с. 25–74]. Утверждение крайне ошибочно. Все коронационные торжества проходили в Москве, в Кремле, в Успенском соборе. Хотя, безусловно, в общественном сознании жителей Петербурга Свято-Троицкий собор сохранял за собой роль мемориального храма, тесно связанного с основанием Петербурга и деятельностью Петра Великого [1, с. 131].

По поводу изменения титулатуры российского монарха был опубликован Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества [3, с. 444–446]. Титулы преподносились от лица духовной и светских властей, т. е. от Синода и Сената.

Документального изображения принятия Петром I императорского титула не существует. Однако в середине XIX в. в издании «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах» была опубликована гравюра Бориса Чорикова «Царь Петр I принимает титул: отца Отечества, всероссийского императора и великого, 1721» [5, л. 276]. Изображен Троицкий собор, архиереи и сподвижники Петра I, царская семья. Показано и то, чего не могло быть по определению, – новые инсигнии, появившиеся позже, – горностаевая императорская мантия и императорская корона. На самом деле все происходило иначе.

После литургии в Троицком соборе был зачитан трактат о вечном мире, заключенном со шведской короной. Затем архиепископ Псковский Феофан Прокопович в своем поучении пересказал все «дела и славные действия со всеми благодеяниями» Государя, из чего явственно следовало, что ему подобает иметь имя Отца Отечества, Императора

и Великого. После владыки выступил весь Сенат, от имени которого канцлер граф Гаврила Иванович Головкин произнес речь, в которой также было указано на «славные и мужественные воинские и политические дела», через которые были выведены «верные подданные из тьмы неведения на театр славы всего света...». Вследствие этого Сенат от имени всего народа молил царя принять титул Отца Отечества, Великого и Императора, добавляя, что императорский титул уже использовался по отношению к предшественникам Петра на протяжении нескольких сот лет и был дарован римским императором Максимилианом. Заканчивалась речь возгласом всех присутствующих в церкви и вне ее: «Виват, виват, виват, Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский». Далее шел барабанный бой, играли литавры, звучал салют в виде пушечной и мушкетной пальбы.

На все это Петр I ответил тремя фразами, которые по их значимости хочется привести полностью.

1. «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал».

2. «Надлежит Бога всею крепостию благодарить, однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с Монархией Греческою».

3. «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очми кладет, как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ» [3, с. 444–446].

Таким образом, новый император указал на то, что, во-первых, без Божией помощи не было бы победы. Во-вторых, изменил ориентиры в политике и культуре страны

с Византии (монархии Греческой) на образцы Римской Империи. В-третьих, указал о необходимости продолжения работы по защите Отечества и попечения о пользе и благе народном.

После благодарственного молебна и пушечной пальбы действие закончилось поздравлениями всей новой императорской фамилии. По поводу рождения новой страны были поздравления от иностранных послов, празднования с салютами, фейерверками, «балом и танцами», столом на 1000 человек, криками «Виват» и т. д.

Это событие повлекло за собой не только изменение титулатуры русского монарха, но и государственной символики, например, государственных регалий, церемониалов коронационных, траурных и прочих торжеств, церковного возгласения членов правящей фамилии. В государственной символике, например, в гербе, царская корона над двуглавым орлом была заменена короной имперской. Фраза «великий государь, царь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» менялась на «Мы, Петр Первый, император и самодержец Всероссийский». Это способствовало становлению отечественного самодержавия и абсолютизма.

Одновременно менялось и титулование членов семьи монарха. Для супруги императора вместо «государыня царица и великая княгиня» появилось «ее величество императрица». Дочери Петра стали цесаревнами, первым цесаревичем стал чином церковного возгласения 27 декабря 1761 года сын Петра III Павел Петрович, который по восшествии на престол упорядочил и регламентировал систему титулования членов Императорской фамилии.

Однако признание нового титула правителя страны и, следовательно, признание России империей в мире шло постепенно. Только после того, как императорский титул по отношению к нашему монарху был использован в дипломатической переписке, он постепенно закрепился за нашим правителем. Например, был использован шведским королем Фридрихом I в 1723 году, Великобритания и Австрия признали титул в 1742 году, а Речь Посполитая в 1764-м. А Российская Империя крепла и разрасталась.

В дальнейшем российские правители именовались императорами, однако персональное титулование «Отец Отечества и Великий» имеется только у Петра I. Попытки преподнести схожие персональные титулы Екатерине II и Александру I не имели успеха, и монархи от них отказались. В 1767 году Комиссия для составления нового Уложения присвоила Екатерине II титул «Великая, Премудрая и Мать Отечества». Императрица отказалась, ответив: «какая она Великая – это потомство будет судить, а Премудрой она себя не считает». В 1814 году Сенат преподнес Александру I титул «Благословенного, великодушного держав восстановителя». Внук последовал примеру бабушки.

Государство Российская Империя существовало два века, и все это время Санкт-Петербург представлял ее как столица на мировой арене. 1 сентября (14 сентября) 1917 года Российская империя перестала существовать и появилась Российская Республика.

Праздник сохранился до наших дней под названием «День воинской славы России – День народного единства (День согласия и примирения)». Он отмечается в нашей стране ежегодно 4 ноября, начиная с 2005 года [6]. У этого праздника много названий и долгая история.

Библиографический список

1. Антонов, В. В., Кобак, А. В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. – СПб. 1996, 1997. Т. 3. С. 131.
2. Под стягом России: Сборник архивных документов. – М.: Русская книга, 1992. С. 118–131.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 6. (1720–1722). № 3840. С. 444–446.
4. Сорокин, П. Е. Археологическое изучение Троице-Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. – СПб., 2003. Вып. 1. С. 25–74.
5. Чориков, Б. А. Рис. на камне. П. Иванов. Петр I принимает титул императора Всероссийского. Литография // Живописный Карамзин или история в картинках, издаваемая Андреем Прево. – СПб., 1836–1844. Гл. 139. Л. 276.
6. Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». Статья 1. Дни воинской славы России (в ред. Федерального закона от 10.07.2012 № 115-ФЗ).

**ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII –
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВВ.):
В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ**

Аннотация. В статье рассматривается одна из основных проблем эффективного менеджмента в управлении Российской Империей во втор. пол. XVIII – пер. чет. XIX вв. – вопрос баланса интересов между имперским центром и периферией, а также перераспределения полномочий между Санкт-Петербургом и регионами (наместничествами). Акцент сделан на эксперименте объединение нескольких губерний в наместничества (округа), то есть на процессе децентрализации управления при Екатерине II и Александре I.

Ключевые слова. Российская Империя, камерализм, модель эффективного управления, наместничества, коллежская система, губерния, децентрализация.

В институциональной истории Российской Империи с точки зрения эффективности ее управления можно выделить ряд проблемных вопросов. Среди них, прежде всего, соотношение власти Императора и Сената: императоры периодически ревизовали круг компетенций Сената «коллективным заместителем царя», по мысли Петра Ве-

ликого. Второй вопрос – это реализация на практике идей камерализма – эффективного менеджмента XVIII в., который актуализировал глобальную проблему: работала ли теория камерализма, разработанная на основе материала небольших немецких княжеств на необъятных просторах России? [2, с. 18–21]. Третий вопрос – это вопрос ревизии Петровского наследия, проблема эффективного коллежского управления. Почти каждое царствование XVIII в. начиналось с Манифеста о возвращении к Петровскому наследию, но каждый император понимал это возвращение по-своему. Возникает ощущение, что в середине «галантного века» половина коллегий либо была ликвидирована, либо просто не работала по факту [1, с. 91–147].

И последний проблемный вопрос – это соотношение центра и периферии, столицы и провинций, центра и регионов. Здесь акцентируется проблема: как верховная власть Российской Империи пыталась эффективно управлять регионами, каким образом пытались перераспределить власть между центром и регионами, достигнуть какого-то, скажем, эффективного баланса [5, с. 44–45, 102–103].

Нужно отметить, что эксперименты с региональной политикой начались еще с Петра I, вспомним его две региональные реформы 1708, 1719–1720-х гг. и всевозможные эксперименты и корректировки между этими реформами: создание долей как финансово-административных единиц в 1710 г. или же создание ландратов в 1713–1714 гг.

История создания ландратов на региональном уровне решает вопрос о соотношении теории и практики Петровского «регулярного государства» в пользу их нереализуемости на практике. Социальная утопия коллегиального

управления регионом дворянским коллективом отрицалась самой практикой и на деле превратилась в унтер-офицерское управление (как заместителей губернатора по отдельным вопросам на основе принципа единоначалия) [1, с. 91–147].

В следующий раз активно к проблеме поиска эффективной модели управления регионами обратилась Великая Екатерина II, исходя из ряда причин, таких как реакция на Пугачевское восстание (1773–1775) и на неработающую коллежскую систему, и руководствуясь социальными утопиями Просвещения. Все это приводит в 1775 г. к новому расчерчиванию Российской Империи на губернии и наместничества. «Учреждение для управления губерний Российской Империи» разделило Империю на губернии в 300–400 тысяч душ населения, но параллельно с этим шел процесс учреждения наместничеств.

И здесь часто возникает путаница: что такое наместничество и что такое губерния, потому что, в принципе, если исходить из лексического значения этих терминов, то это вещи разные, но для Екатерининского времени это вещи равнозначные, идентичные. Потому что губерния – это территориальный принцип организации власти, а наместничество – это сложный элемент эффективного управления, это делегирование власти, основанное не на территориальном принципе, а на принципе доверия власти к какому-то чиновнику, к конкретному лицу, наместнику, которые в России выполняли роль каких-нибудь европейских «вице-королей». То есть наместничество – это некий институт временной эффективной конфигурации регионов под те или иные нужды [3, с. 403–404].

Вот тоже некий хрестоматийный пример: Пензенская губерния с 1780-го по 1786 г. последовательно входила в три разных наместничества. В 1780 г. Пензенская губерния вместе с Владимирской и Тамбовской губерниями – под управлением графа Воронцова, потом Пензенская губерния и Казанская – под управлением, то есть наместничеством, князя Мещерского (1781 г.) и Пензенская губерния уже с Нижегородской губернией – под управлением наместника И. М. Ребиндера (1786 г.) [3, с. 405].

В подобном контексте возникает вопрос: что же такое наместничество при Екатерине Второй и для чего оно, собственно, вводилось?

Опыт применения принципов камерализма – теории и практики – и наука эффективного управления государства, основанная на всех экономических и политических достижениях XVII в., разработанные, в Германии и Швеции, которые заимствовал Петр I и реализовывал в России, – по-видимому, приводил верховную власть к мысли, что он не работал на гигантской территории.

По мысли Екатерины II, если Российскую Империю разделить на N-ое количество таких нормальных, небольших среднестатистических камералистских монархий Европы, но все это в контексте большой Империи, и перераспределить в регионы власть из центра, то это и есть эффективное управление. По определению одной из ведущих специалистов по данному вопросу Л. Ф. Писарьковой, это представляло собой «островную» или «федеративную» организацию управления [4, с. 16].

Тут нужно вспомнить один из проектов, который предлагался князем М. Н. Волконским в 1775 г. Екатерине II,

«О лучшем учреждении судебных мест». В нем он вообще предлагал упразднить все центральные коллегии, занимающиеся внутренними делами, и оставить исключительно коллегии Иностранных дел, Адмиралтейскую и Военную, которые занимались внешними делами. Функции же внутренних коллегий (Юстиц, Камер, Комерц-коллегии и других) должны быть делегированы в регионы, в наместничества как новые конфигурации объединенных губерний. Конечно, не совсем понятно, как бы это осуществлялось и работало, но посыл был такой [3, с. 399].

И второй пример реализации принципа наместничества в России – это деятельность Александра I в конце своего царствования. Одним из главных принципов нереализованного проекта графа Н. Н. Новосильцева, 1818–1820-е гг., «Уставная грамота Российской Империи», за основу которой была взята польская конституция, – это принцип федерализма. Российскую Империю предполагалось разделить на 10 наместничеств, то есть создать некую федерацию, и выстраивать в них новую администрацию («просвещенная бюрократия»), отличную от предыдущей, настроенную в соответствии с идеалами Просвещения и Реформ.

Как начало реализации этого проекта в 1819 г. было создано одно из наместничеств, а именно Центральное генерал-губернаторство, состоящее из пяти губерний (Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской) и просуществовавшее, в принципе, до смерти Императора Александра I в 1825 г. Во главе был поставлен А. Д. Балашов (1770–1837), военный и свитский генерал, бывший министр полиции. В нем постепенно стали создаваться новые органы управления, соответствующие конституции

Н. Н. Новосильцева, то есть губернский совет как правительство, который, вроде как, пишут, даже действовал в Рязанской губернии на уездном уровне. Но, естественно, смерть Александра I прекратила все эти эксперименты [2, с. 162–163].

В итоге можно констатировать, что ответ на вопрос «В чем виделась российским монархам идеальная модель управления, или почему российская имперская власть так спокойно раздавала регионам полномочия» представляется в следующем. Исходя из накопленного политического управленческого опыта, в основе которого лежали принципы камерализма, регулярного государства и социальных утопий Просвещения, идеал управления территориями в эпоху высокого Просвещения (то есть в эпоху Екатерины II и Александра I) виделся в Империи в совокупности наместничеств, этих «нормальных монархий камералистского типа» [3, с. 402–417], автономных крупных регионов из трех–пяти губерний, с вполне самодостаточной системой управления и создаваемой в них новой просвещенной администрацией.

Библиографический список

1. *Каменский, А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
2. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации. – Казань: «Ab imperio», 2017. – 630 с.
3. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 743 с.
4. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2014. – 448 с.
5. *Подвинцев, О. Б.* Империя и споры о ней. Пермь: Перм. Гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – 368 с.

А. В. Черных

Пермский федеральный исследовательский УрО РАН

А. В. Вострокнутов

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

ДОМ РОМАНОВЫХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Аннотация. В статье исследуются особенности проявления исторической памяти, связанной с представителями Династии Романовых в Пермском крае. Отмечается, что она имеет разное проявление: от фольклорных нарративов до возведения на средства крестьян бюстов, памятников, часовен, церквей в честь тех или иных личностей либо исторических событий. В качестве источников используются фольклорные тексты, прежде всего исторические предания, зафиксированные в Пермском крае, а также опубликованные источники. Среди изучаемых примеров исторические нарративы о Михаиле Никитиче Романове, Петре I, Елизавете II, Екатерине II. А также посвящение памятников, часовен, поклонных крестов, обелисков российским императорам в XIX – начале XX в. В исторических нарративах и установлении памятников проявляется важная закономерность народного исторического сознания – причастность к общероссийским личностям и событиям. Отраженные в исторических преданиях, не всегда основанные на реальных событиях, они связывают центр

¹ Статья подготовлена в рамках Проекта по развитию научных школ Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

и периферию, вписывают локальные истории мест и населенных пунктов в общероссийский контекст.

Ключевые слова. Предания, историческая память, Романовы, Пермское Прикамье.

Историческая память является одним из важных компонентов культуры. Исследователи неоднократно отмечали, что устная проза, хранящая исторические воспоминания, является популярным жанром фольклора и имеет важное значение как для изучения истории края, так и традиционной культуры народа [9, с. 5]. В устной форме, в многочисленных фольклорных текстах: исторических преданиях, исторических и лирических песнях, балладах, и текстах других жанров сохраняются в памяти и осмысливаются реальные исторические события, которые по-своему интерпретируются народным мировоззрением, а нередко фольклоризируются и мифологизируются. Другой формой исторической памяти является установление памятников, посвящение культовых объектов, установление празднеств и торжеств в честь исторических личностей и исторических событий.

Дом Романовых, династия российских царей и императоров, отдельные правители России и события, связанные с ними, также предстают в народной исторической памяти. В народной культуре Пермского края до настоящего времени Романовы представлены в исторических нарративах, связанных с периодом XVIII – начала XX в. Одни из сюжетов соотнесены с конкретными событиями, другие созданы на фольклорной основе и не имеют реального исторического события. Многолетние фольклорные и этнографические экспедиции в Пермском крае позволили собрать

разнообразный материал по изучаемой тематике, проанализировать его и представить его в настоящем исследовании.

Широко известна информация о том, кто из Дома Романовых реально бывал с визитами в Пермском Прикамье. Кроме боярина Михаила Романова, находившегося в ссылке в с. Ныроб Чердынского уезда в начале XVII в., уже в XIX в. с визитами на Пермской земле были в 1824 г. Император Александр I, в 1837 г. Цесаревич Александр Николаевич, в 1868 г. Великий Князь Владимир Александрович, в 1873 г. Великий Князь Алексей Александрович, в 1887 г. Великий Князь Михаил Николаевич с сыном Сергеем Михайловичем [3, с. 67–76]. В июле 1914 г. Пермь, Белогорский монастырь и город Верхотурье посетила во время своего паломничества на Урал Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Маршрут ее следования, а также его распорядок подробно освещался в печати [7, с. 413–414]. Однако список Романовых, сохранившихся в народной памяти и представленный в устных нарративах, избирателен и включает также тех личностей, которые реально не были в Пермском крае.

Михаил Никитич Романов
в народных исторических преданиях

Исторические предания, связанные со временем пребывания в селе Ныроб Михаила Никитича Романова, были записаны еще в начале XIX в. Василием Николаевичем Берхом, служившим советником в Пермской казенной палате и оставившим интересное историческое сочинение «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» [2]. Основным информатором В. Н. Берха о М. Н. Романове был ныробский столетний крестьянин Максим Денисович

Пономарев, с которым В. Н. Берх познакомился в Перми. М. Д. Пономарев, несмотря на почтенный возраст, сохранил хорошее здоровье и отличную память и выступил для исследователя не только информатором, но и проводником [2, с. 149]. Он сообщил о том, что ссыльный боярин был «...большого роста, весьма плотен телом и имел необыкновенную силу...» [2, с. 152]. Ныробцы передавали из поколение в поколение рассказ об этой силе М. Н. Романова, который, чтобы согреться на морозе, отшвырнул от себя сани, которые еле могли сдвинуть пять человек [2, с. 150]. Также сохранилось предание о том, что местные жители, узнав о том, что опальному боярину в качестве пищи дают только хлеб и воду, придумали помогать ему продуктами питания, привлекая детей, игравших возле его ямы-темницы. Дети во время игр передавали узнику продукты питания (квас, масло и т. д.) в «дудочках» (очевидно, имеются в виду полые стебли зонтичных растений). [2, с. 150–151]. Сохранили жители Ныроба и подробности смерти М. Н. Романова. По сведениям М. Д. Пономарева, он был специально умерен голодом, поскольку страже не терпелось побыстрее покинуть место ссылки. В. Н. Берх приводит в качестве комментария к этому рассказу сведения Г. Ф. Миллера об удушении Михаила Никитича. Сам Берх склоняется к версии об уморении голодом, поскольку убийство боярина через удушение непременно бы сохранило о себе память среди ныробцев [2, с. 151–152]. Таким образом, мы можем отметить, что исторические предания о первом представителе рода Романовых на Урале бережно сохранялись местными жителями, занимавшими и через двести лет в данном трагическом событии сторону «ныробского узника».

Село Романово. Исторические предания

Ярким примером конструирования народных исторических нарративов, связанных с династией Романовых, служит село Романово Усольского района. В силу своего названия, в народных представлениях оно должно было быть связано с российской правящей династией. Это отразилось в исторических преданиях, бытующих в селе. Название населенного пункта местные жители связывают с Михаилом Никитичем Романовым, который останавливался в этих местах по пути в ссылку в село Ныроб Чердынского края: «Здесь вокруг все названия не такие, не наши, ну они наши, но коми-пермяцкие: Яйва, Вогулка, Палашер. А здесь – Романово. Потому что останавливался здесь конвой с Михаилом Романовым» [10, с. 240].

Название речки Петровка в селе объясняют пребыванием здесь Императрицы Елизаветы Петровны. *«Вот речка Петровка и с. Романово. А потом, здесь источник святой воды давно был, в д. Малое Романово. И вот царице Елизавете Петровне, дочери Петра I, приснился сон, что где-то на Урале есть такая деревня Романово, связанная с их предком, и там есть святой источник, и его вода исцелит ее от тяжелого недуга, а болела она ногами (под старость совсем ходить не могла). И отправилась она искать это село, нашла – Романово, а на въезде в Романово речка была. «Это что за речка?» – спросила она. «Так, ручей, без названия...», – ответили местные. Пусть будет Петровка. Вот, видишь, Петровка у нас речка-то. А до источника надо было самой дойти, она ходить не могла, где на карачках ползла, где несли ее, и вот помолилась она на источнике, облилась святой водой и исцелилась. Обратно к дороге*

уже пешком шла»; «Сюда приезжала Елизавета лечиться. Она больная. И вот в Малом Романово там есть святой родничок. Вот на этом родничке она была, несколько раз привозили ее. Она вылечилась. Значит, что-то есть такое в природе, что человека ставит на ноги. Здесь даже в те времена, когда она была, ей дорогу делали, чтоб можно было проехать. Там где-то болота... ложили деревянные настилы» [10, с. 240].

Объяснение происхождения того или иного названия населенного пункта или природного объекта в контексте известной исторической личности в народной исторической прозе и народной этимологии – достаточно распространенное явление. В д. Аннинск Пермского района можно услышать предание, объясняющее происхождение названия: «*[Почему Анинское называется] – Так вот рассказывали, што будто бы это в честь царицы Анны, што она приезжала на Белу гору, и вот поэтому так» (д. Аннинск, 2020)*. Основание населенного пункта как Аннинского (Бабкинского) медеплавильного завода относится к 1758 г., поэтому под царицей Анной, скорее всего, следует иметь в виду Анну Иоанновну, хотя это и не уточняется в предании. Предания не всегда связываются с реальными историческими событиями и датами, это часто не так важно для фольклорного текста. В этом предании также смещены события, связанные с основанием населенного пункта и нахождением его рядом с Белой Горой, на которой только в конце XIX в. возникает Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь. Реальное посвящение названия в народной памяти заменено более известным историческим персонажем царствующего Дома.

Петр I в фольклорных текстах и исторических нарративах Прикамья

Среди российских императоров значительное число фольклорных текстов связано с Петром I. Он становится героем не только исторических преданий, но также сказок, анекдотов, легенд. Фольклорные тексты, в котором Петр I предстает сказочным персонажем, фиксировались и в Пермском крае. В сказке о разбойниках, записанной в Добрянском районе Пермского края, ординарец царя спасает Петра I от неминуемой гибели: *«Поехал царь Петр со своим ординарцем на охоту и затемняли. Ехали, ехали по лесу, ординарец говорит: «Сейчас я залезу на высокое дерево, посмотрю, где здесь жильё есть». Вот залез он на сосну, посмотрел во все стороны и увидел: в одной стороне огонек горит. Пошли они в ту сторону. Шли, шли и вдруг видят: стоит перед ними большой дом. Стали царь Петр и ординарец в ворота стучать. Выходит к ним хозяйка. Они просят: «пустите переночевать». Она говорит: «Некуда». «Да нам хоть где, хоть на вышку». А она: «Нечем кормить». Ординарец: «Как это нечем?». Ординарец полез в печку, по чугункам пошарил, нашел еду. Поели они, попили, ушли спать на вышку. Ординарец говорит: «Ложись, царь Петр, отдыхай, а я покараулю». И сел у потолочины. Через некоторое время слышит: собаки залаяли, стук, бряк, звон появился какой-то. Приехали разбойники, хозяйка их встречает и говорит: «У нас сегодня гости в доме, на вышке спят». Атаман говорит: «Сначала поедим, а потом разберемся». Вот они поели, попили, атаман говорит старшему сыну: «Сходи, Васька, на вышку, снеси им головы». Пошел Васька на вышку, стал подниматься по лестнице. Только голову высунул, ординарец ему башку шашкой*

и снес. Через некоторое время атаман говорит другому сыну: «Сходи, Ванька, на вышку, сними им головы». Пошел Ванька на вышку, и случилось с ним то же, что и с Васькой. Ординарец ему башку шапкой снес. Решил атаман сам пойти на вышку. Стал подниматься по лестнице, а там ординарец его уже поджидает и тоже снес ему башку. Наутро говорит ординарец царю Петру: «Смотри, царь Петр, какие тут гости были ночью». Сели на коней и поехали домой» (Добрянский район, с. Усть-Гаревая).

Петр Первый фигурирует и в преданиях, объясняющих те или иные обычаи народного календаря. Так, в праздновании Петрова дня (12 июля) достаточно типичным для Прикамья является обычай приготовления ухи, соотнесенный с библейскими представлениями об апостоле Петре как рыбаке. Однако в народных нарративах в некоторых случаях Петр I предстает тем, кто установил праздник: «Петров день – это праздник рыбака, так как Петр рыбак был, и Петр Первый разрешил в этот день ловить рыбу, и поэтому образовался праздник» (Суксунский район, с. Тис). Эпический герой в преданиях и других фольклорных текстах, безусловно, отличается от своего реального исторического прототипа, наделенный качествами отважности, чувства долга, близости простым людям.

Однако отношение и оценки Петра I отличаются в нарративах православного и старообрядческого населения. Оценки в старообрядческой среде соотнесены с сохранением памяти о гонениях на старообрядцев в этот период: «Гонение было при Петре Первом на старообрядческую веру» (Лысьвенский район, с. Кын).

Путешествие императрицы Екатерины по Сибирскому тракту

В селах и деревнях, расположенных по Сибирскому тракту в Пермском крае, неоднократно записывались исторические предания о путешествии по Сибирскому тракту императрицы Екатерины. В д. Казарме Кунгурского района рассказывали, что до недавнего времени в ней стояла баня, в которой во время своего путешествия по Сибирскому тракту мылась Екатерина. Почти во всех деревнях по государственной дороге, обсаженной березами, которые и сегодня во многих местах сохранились, рассказывают, что эти деревья были посажены императрицей или что деревья были высажены к ее приезду: *«По Сибирскому тракту эта же Катерина, первая или вторая, не знаю, вот, не доезжая Кунгура, там березы стоят до сих пор, вот она останавливалась тоже там и говорила, что на этом месте посадите березы, на той на другой стороне, и до сих пор они стоят. Но у нее же помощники ходили, конечно. Они до сих пор есть»* (с. Курашим Пермского района, 2003). Такие сюжеты с березами, посаженными по случаю ожидаемого приезда Екатерины, в некоторых случаях фиксировались и в населенных пунктах, отстоящих от тракта на некотором расстоянии. Так, в пос. Юг Пермского района было записано следующее предание: *«Это ждали Екатерину Вторую, что она поехала в Сибирь и что заедет в Юг, и тут вот на дамбе марафет наводили, все тут чисто было, красиво. Да, такие березы насадили... А она и не поехала»* (пос. Юг Пермского района, 2020).

С Екатериной Второй и ее путешествием связывают появление престольного праздника – Катерина, Катеринин день в селе Курашим Пермского района: *«А Катерина была в мой праздник. В Петербурге была Катерина первая,*

вторая, вот это одна, которая из них, это не помню уже, было, поехала на Дальний Восток, с Ленинграда и на Дальний Восток, и в аккурат на наши она, и в каждую деревню заезжала, и че ей надо, все она расписывала и все предлагала и то-другое, и вопшем, в нашем Курашиме она была, у ней был день рождения, и она свой день рождения, Катерина, отметила там. И с этого времени и началась у нас престольный праздник. 7 декабря. Да. Она Катерина, и так он осталось престольный праздник» (с. Курашим Пермского района, 2003).

Данное повествование о Екатерине хорошо соотносится с сюжетами о «странствующей императрице», распространенными по обширной территории России от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока [5, с. 4–7; 8, с. 70–77]. Конечно, императрица действительно путешествовала по России, ее посещения Крыма и Волги не могли пройти бесследно для народной памяти. Однако предания фиксируются и в тех районах, в которых никогда не проходили маршруты императорских путешествий Екатерины Второй. Именно в этот период Сибирский тракт – главная дорога России на пути из столиц в Сибирь – приобретает все большее значение в жизни страны. Именно эти факты и стали той основой, благодаря которой формировались народные исторические нарративы. В многочисленных мифологизированных преданиях о царствующих личностях, которые будто бы бывали в тех или иных местах, проявляется важная закономерность народного исторического сознания – быть причастным к общероссийским личностям и событиям. Отраженные в исторических преданиях, не всегда основанные на реальных событиях, они связывают центр и периферию, вписывают локальные истории мест и населенных пунктов в общероссийский контекст.

Памятники и часовни, связанные с Домом Романовых

Отражение исторических событий и реакция на них в глубине России и в народной среде несколько изменяется в XIX в., что связано с ростом национального самосознания, укреплением территории России, возросшей коммуникацией центр–периферия, быстрой передачей новостей между регионами. Благодаря этому стала более очевидной сопричастность к общенациональным историческим событиям. Для XIX в. в регионе более характерно отражение исторических событий в памятниках, других объектах, возводимых по различным случаям, в честь той или иной личности. Достаточно подробно и полно свод памятников, посвященный российским императорам, приведен в работе В. Весновского [4]. Остановимся лишь на некоторых событиях, отраженных в памятниках и других памятных объектах в Пермской губернии.

Особо жители Перми и губернии отметили деятельность императора Александра II. В. Весновский в 1915 г. отмечал: «Кажется, нет в губернии такого завода, где не красовался бы памятник Царю-Освободителю, Царю-Мученику» [4, с. 3]. Это не удивительно, поскольку именно с этим императором связано освобождение крестьян и заводского населения от крепостной зависимости, а также мученическая смерть императора. В Перми в 1863 г. был заложен и в 1869 г. освящен Воскресенский храм. Возводился он на средства крестьян в память об освобождении от крепостной зависимости [1, с. 53; 4, с. 4]. Помимо храма в Перми, в находящемся рядом Мотовилихинском заводе была построена часовня в виде столба, посвященная этому же событию [4, с. 10]. Кирпичный памятник Александру II

в честь освобождения крестьян был возведен в 1863 г. на площади около Михайло-Архангельской церкви в Очерском заводе. На соседнем заводе, Павловском, каменный памятник царю-освободителю был воздвигнут в 1887 г. [4, с. 36–37]. В деревне Пихтовка Чистопереволочной волости Оханского уезда, на базарной площади, освобождению крестьян был посвящен каменный памятник в виде четырехгранной пирамиды с иконами Божией Матери, Александра Невского и Кирилла и Мефодия, учителей словенских. Внизу, у пьедестала, помещено изображение Александра II. Памятник установлен в 1893 г. [4, с. 36]. По этому же поводу в д. Мокино была построена деревянная часовня, а в ограде Троицкой церкви села Нижние Муллы – каменная (1890 г.) [4, с. 7–8]. В Юго-Камском заводе был установлен бюст императора Александра II в память об освобождении крестьян. Бюст Александру II в 1912 г. был также установлен в Юговском заводе [4, с. 6]. В расположенном южнее Юго-Кнауфском заводе в память об освобождении крестьян от крепостной зависимости в 1886 г. была установлена каменная часовня. В 1913 г. здесь же был установлен памятник Александру II [4, с. 22]. В 1888 г. в с. Култаеве был установлен мраморный памятник Александру II [4, с. 7]. В заштатном городе Дедюхине находился еще один памятник Александру II [4, с. 13]. В память об Александре II в г. Осе была построена каменная часовня. Событие это состоялось в 1889 г. [4, с. 20]. Также бюст императора Александра II был установлен в 1913 г. в деревне Хмелевке [4, с. 8]. Освобождение крестьян от крепостной зависимости также было отмечено в селе Троельге Кунгурскогоезда установкой в 1913 г. памятника Александру II [4, с. 16].

Александр II погиб 1 марта 1881 г. в результате террористического акта. В селе Ильинском в память о царе-освободителе было решено построить каменную часовню, что и было осуществлено в 1885 г. Богослужения в данной часовне было решено проводить три раза в год: в день смерти Александра (1 марта), в день освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля) и в день тезоименинства императоров Александра II и Александра III (30 августа – перенесение мощей св. благоверного князя Александра Невского), когда служилась сначала панихида, а потом благодарственный молебен о здравии Царствующего дома [11, с. 74].

Как видим, памятники и часовни, возводимые по тому или иному случаю, становились не только материальными объектами в память о том или ином событии, но и формировали культурный ландшафт населенного пункта, включались в цикл календарных праздников и обрядов, становились центрами проведения торжеств, крестных ходов и молебнов.

Инициатива того или иного действия, связанного с Императорским Домом, часто исходила от местного сообщества, примеры тому можно увидеть в отражении и реакции в Пермской губернии на покушения на царя Александра II. 4 апреля 1866 г. в Санкт-Петербурге было совершено покушение на Александра II. Царь был спасен. По этому случаю в Кузьинском заводе Шуваловых-Голицыных было решено заказать две иконы Покрова Божией Матери: одну в храм, а другую в училище. Данное событие совершилось в день празднования Успения Пресвятой Богородицы (от времени покушения прошло уже более года, т. к. иконы писались в Москве). Празднование вышло

за границы храма и распространилось на весь заводской поселок, где звуковой эффект поддерживался стрельбой из пушек, а также ружей и пистолетов [6, с. 305–308]. 25 мая 1867 г. в Париже на Александра II было совершено еще одно неудачное покушение. Спасение царя было отмечено постройкой каменной часовни, возведенной в 1868 г. в Заиренской слободе Крестовоздвиженской волости Кунгурского уезда [4, с. 17]. В память о спасении императора в церкви Михаила Архангела села Сажинского Кунгурского уезда была украшена ризой почитаемая икона Божией Матери «Троеручица». Почитание этой иконы распространилось на прихожан соседних приходов [11, с. 77].

Таких примеров, связанных и с другими российскими императорами – Александром III, Николаем II, – достаточно много в Пермской губернии.

Сооружение памятников, крестов и часовен в память о тех или иных исторических событиях, значимых в местной истории или оцененных как важные для местного общества, являлось устойчивой традицией. В начале XX века комплекс таких памятников в Пермском Прикамье включал значительное число объектов.

Таким образом, в исторической памяти населения Пермского Прикамья сохраняется большой пласт сведений о представителях династии Романовых, начиная от ссыльного боярина М. Н. Романова до императора Николая II. Часть из исторических представлений и преданий имеет реальную основу и опирается на конкретные события, другие – фольклоризированы и мифологизированы. Все они явились важным фактором, отражающим не только историческое сознание народа, но и связывающим локальную историю с общероссийскими событиями и контекстом.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / составитель диакон Петр Ершов. – Пермь: Электро-типография В. А. Чердынцева, 1908. – 321 с.

2. *Берх, В. Н.* Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. – Пермь: Издательство «Литер-А», 2009. – 304 с.

3. *Верхоланцев, В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь: Издательство «Пушка», 1994. 256 с.

4. *Весновский, В.* Исторические памятники в Пермской губернии. – Пермь: Тип.-Лит. Губ. Правл., 1915. – 41 с.

5. *Виноградов, В. В., Громов, Д. В.* Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. – 2007. № 3. – С. 4–7.

6. Из Кусьи // Пермские епархиальные ведомости. – 1867. № 19. Отдел неофициальный. – С. 305–308.

7. К пребыванию в г. Перми и в Белогорском монастыре ее императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны // Пермские епархиальные ведомости. – 1914. №№ 21–22. Отдел неофициальный. – С. 413–414.

8. *Попова, Е. В.* Предания о путешествии императрицы Екатерины II в контексте исторической прозы в селениях на Сибирском тракте // Традиционная культура. 2013. №4 (52). С. 70–77.

9. *Приказчикова, Ю. В.* Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования. Ижевск: Уд. ИИЯЛ, 2009. 392 с.

10. *Фирсова, А. В.* «Смысл места»: фольклорные сюжеты в формировании культурного пространства с. Романово // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. («Строгановские чтения»). Пермь, 2004. С. 143–147.

11. *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Учебное пособие. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1999. – 164 с.

Л. А. Юзефович
писатель, г. Санкт-Петербург

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГОСУДАРЕЙ: ЛЕГЕНДЫ О ПОСМЕРТНОЙ СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА I И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Аннотация. Доклад посвящен легендам и мифам, возникшим вокруг Императора Александра I и Великого Князя Михаила Александровича об их жизни и судьбе после смерти.

Ключевые слова. Дом Романовых, Александр I, Великий Князь Михаил Александрович, мифология, Федор Кузьмич, Г. М. Семенов, барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг.

Я сейчас слушал замечательный доклад Александра Васильевича Черных о мифах и подумал, что все мы, в общем-то, живем в пространстве не только реальности, но и в пространстве мифологии. Она бывает разного рода, и я вспомнил странный миф, который был создан в советское время в связи не с Династией Романовых, а с декабристами. В Перми был такой краевед Шарц, который создал легенду о том, что, когда декабристов прогоняли через Пермь в Сибирь, они отдыхали на другом берегу Камы, где сейчас автомобильный мост. Там сохранилась сосна, под которой они якобы отдыхали, – Шарц опрашивал каких-то крестьян. Потом выяснилось, что все это абсолютно его собственный вымысел, но миф был принят на «ура», под этой сосной детей принимали в пионеры, пока не наступило разоблачение этого дела. Вообще, миф, в котором

мы все существуем, делает нашу жизнь менее однообразной. Даже к этому мифу о сосне, декабристах и приеме в пионеры по прошествии уже почти полувека я отношусь совсем не так, как тогда: он у меня вызывает чувство, близкое к умилению.

То, что я хотел рассказать, тоже, в общем, связано с мифами. В моем последнем романе («Филэллин») действует Александр I и фигурирует его визит в Пермь, но это только один эпизод. Я автор книги о бароне Унгерне, который верил в то, что Михаил Александрович жив, и на знамени его Азиатской дивизии, когда она выступила из Монголии в Советскую Россию, было написано «Михаил II» (первым был Михаил Федорович). Я заметил, что вроде бы нет ничего общего между Александром I, который просидел на троне почти четверть века, и Великим Князем Михаилом Александровичем, который был Государем, если можно так считать, один день. В их жизни нет ничего похожего, но удивительно похожи их посмертные судьбы, то есть те мифы, которые были о них созданы.

Александр I умер в Таганроге 19 ноября 1825 года. В это время следуют всем известные события: междуцарствие, восстание декабристов и так далее. Удивительное дело – эти рифмы, которые существуют в истории, на нас всегда сильно действуют, во всяком случае лично на меня. Известно, что Александр I был назван Екатериной в честь Александра Македонского. И он повторил его посмертную судьбу. Когда Александр Македонский умер от малярии, как считается, в Вавилоне, то диадохи – его полководцы – начали делить царство, и тело Александра лежало без погребения очень долго. А что происходит с телом Александра I, когда он умирает в Таганроге? До него никому нет дела.

Начинается известная история междоусобицы: Николай I и Константин Павлович, восстание декабристов, и тело Александра I лежит в Таганроге дольше двух месяцев. При этом его бальзамируют, бальзамирование проводит лейб-хирург Дмитрий Тарасов, который позднее написал об этом воспоминания, ему помогают ассистенты-шотландцы. Но все это делается в спешке, нет достаточных материалов, и бальзамирование проходит так, что у Александра I чернеют кисти рук и лицо. Два месяца тело лежит в Таганроге, потом, наконец, его отправляют в Петербург, и отпевание в Казанском соборе происходит через четыре месяца после его смерти, в марте 1826 года. По обычаю гроб на отпевании открывают. Гроб Александра I, в силу того что бальзамирование было проведено неудачно, остается закрытым. Его загадочная смерть на окраине империи, закрытый гроб на отпевании, слухи о том, что он хотел отречься от престола и вести дальше жизнь обычного человека, – все это порождает слухи о том, что он не умер, а жив, а вместо него похоронили какого-то солдата или лакея.

Знаменитый историограф, близкий к Царствующему Дому, Николай Шильдер, издавший четырехтомный труд «Император Александр Первый, его жизнь и царствование», приводит там несколько десятков версий о том, что стало с Александром I потом. В самых интересных, самых экзотичных из них где только его ни поселяют: он жил в Швейцарии, в домике в прекрасной долине; по одной из легенд, он уехал в Южную Америку, принимал участие в борьбе испанских колоний за освобождение и был близок к Боливару. Наконец, самая экзотическая история, но у ней тоже есть свои корни, поскольку все русские монархи, начиная с Екатерины II, объявлялись бурятскими буддистами

перерождениями Авалокитешвары Великого Милосердия. Екатерина II была перерождением женской ипостаси Авалокитешвары (она же японская богиня Каннон или китайская Гуаньинь), а все остальные – его мужской ипостаси. В конце XIX века в среде бурятского духовенства возникла легенда о том, что Александр I принял буддизм и окончил свои дни в тибетском монастыре. Мы понимаем всю недостоверность этой истории. Я разговаривал не так давно с одним специалистом по эпохе Александра I, и он мне сказал, что существует одно совершенно бесспорное доказательство того, что Александр I умер в Таганроге: о его смерти знало примерно сорок человек – те, кто был там. Предположить, что из этих сорока человек ни один до конца жизни никогда не проболтался, совершенно невозможно.

Теперь я перехожу к Михаилу Александровичу. Его смерть была загадочной, большевики сами же инспирировали слухи о том, что он жив и бежал. Я читал в советских газетах сообщения о том, что Великий Князь Михаил Александрович отплыл из Мурманска на английском миноносце в Англию. Где только его не «поселяли»: самые популярные места жительства Михаила Александровича – это Китай, где он якобы жил в Пекине, в доме заводчика Путилова, владельца знаменитого Путиловского завода; он жил в Шанхае, в Сиаме. Существует легенда, сближающая его посмертную судьбу с Александром I даже по буддийской линии. Был знаменитый донской белый атаман и писатель Петр Краснов, у него есть фантастический роман «За чертополохом». В этом романе Михаил Александрович тоже принимает буддизм и умирает в одном из тибетских монастырей. Туда к нему приходят белые офицеры, и поход Белой Армии, которая освобождает Россию

от большевиков, – собственно этому и посвящен роман, – начинается в Тибете. Реальный человек, не миф, который действительно верил, что Михаил Александрович жив и написал его имя на своем знамени, – это барон Унгерн. Он захватил Монголию и собирался свергнуть советскую власть походом через Сибирь в Москву. Барон Унгерн связан с буддизмом, в Бурятии и Монголии уверены, что он был буддист. Он жертвовал огромные деньги буддийским монастырям и проявлял огромный интерес к буддизму. То есть по этой линии есть странное сходство между Михаилом Александровичем и Александром I.

И еще: есть старец Федор Кузьмич, который никогда не объявлял, что он Александр I, но и не опровергал. И был в 20-х годах монах Белогорского монастыря Михаил Поздеев, потом он оттуда ушел, был клоуном в цирке, сменил множество профессий, имел сложные отношения с ГПУ; он тоже объявил себя в конце 20-х годов спасшимся Михаилом Александровичем. Интересно, что Федор Кузьмич и Михаил Поздеев эксплуатировали один и тот же мотив – мотив отказа от власти для того, чтобы принять духовный сан и стать монахом. Мне кажется, что здесь возвращение к той традиции, которая существовала у русских Государей до Петра I. Известно, что каждый из русских Государей, не только Романовы, перед смертью, чувствуя ее приближение, принимал иноческий чин. В этой ситуации Михаил Поздеев, странный человек, и старец Федор Кузьмич как будто бы возродили допетровскую традицию в ситуации XIX века, только переведя это из реальности на мифологический уровень.

Я хотел еще одну историю рассказать, касающуюся Михаила Александровича. Недавно один мой товарищ,

большой знаток Гражданской войны, прислал мне документ о единственном человеке, кто во время Гражданской войны «возложил на себя» имя Михаила Александровича. Мифов и разговоров о нем было очень много. Следователь Соколов, который изучал убийство Царской Семьи в Екатеринбурге, продолжил свою деятельность и в эмиграции, в Германии. У него был помощник – капитан Булыгин. Они допрашивали офицера немецкого происхождения Эриха Фрейберга, который жил в Германии и был представителем атамана Семенова. Он показал, что осенью 1918 года в Чите появился Великий Князь Михаил Александрович: «Я сам его видел, – пишет он, – только издали». Он был в черкеске, что очень понятно, потому что есть масса известных фотографий Михаила Александровича в черкеске. Но он не знал, что Михаил Александрович был очень высокого роста. Он сказал, что «это был человек среднего роста, похожий на Михаила Александровича».

Атаман Семенов приказал выделить для него экстренный поезд и два бронепоезда (в Сибири бронепоезда называли «броневиками»). Один – это известный семеновский бронепоезд «Грозный», другой – бронепоезд «Мститель», тоже известный семеновский бронепоезд. Один бронепоезд шел впереди, затем поезд из трех вагонов, где ехал этот «Михаил Александрович», и затем бронепоезд «Грозный» сзади. Они прибыли в Пекин, оттуда Великого Князя отправили в Шанхай. Дальше приводятся свидетельства разных офицеров, которые его видели в Шанхае, один с ним играл в лаун-теннис, другой называл, в каком отеле он жил, и так далее. Во всей этой истории я как человек, занимавшийся историей Гражданской войны в Забайкалье, видел несоответствия. Во-первых, вся история отнесена

к сентябрю-октябрю 1918 года, а эти знаменитые семеновские бронепоезда были построены позднее. Во-вторых, это время абсолютно мирное, никакого партизанского движения еще нет, только что генерал Пепеляев и Гайда – известные персонажи Гражданской войны – передали Читу Семенову, сам он ее взять не мог. Бронепоездов у него нет, ничего у него нет, но у него есть ощущение непрочности своего положения. И вот он что делает: не предъявляя практически Михаила Александровича никому, он как бы отправляет два бронепоезда для того, чтобы показать свою связь с Великим Князем, потому что другой свидетель (это реальная история), которого допрашивают тут же после этого, вносит уточнение, после чего я абсолютно в это верю, тем более что это был самый конец 1918 года. А что такое самый конец 1918 года? После того как Колчака провозгласили Верховным правителем России, атаман Семенов отказался его признать в этом качестве и выступил против него. Дело шло к войне, к вооруженному столкновению, атаман Семенов мечтал сам быть на месте Колчака. Вот в этой ситуации и возникают два бронепоезда, которые везут пустое место в Китай, в Харбин, и все время Семенов говорит о том, что у него есть связь с Михаилом Александровичем. Я думаю, хотя у меня нет никаких доказательств, что это связано с его мечтами о легитимизации собственной власти. Он хотел создать призрак Михаила Александровича для того, чтобы потом этот призрак благословил его на ту роль, которую сыграл Колчак. Недаром барон Унгерн позднее посылал своих эмиссаров в Китай искать там Великого Князя Михаила Александровича.

А самозванца Александра I никто никогда не создавал, и никто никогда его имя в политике не пытался использовать, потому что это другая система.

М. И. Дегтярева

Пермский Успенский женский монастырь,

Пермская епархия

**УЧАСТИЕ ВНУКА ГОСПОДАРЯ МОЛДАВИИ
АЛЕКСАНДРА СКАРЛАТОВИЧА СТУРДЗЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ВЕКТОРОВ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I¹**

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политическая деятельность консультанта и советника Александра I – А. С. Стурдзы и его вклад в формирование основ консервативного реформизма в России.

Ключевые слова. Консервативный реформизм, христианский взгляд на причины революции в Европе и подготовку отмены крепостного состояния в России, христианские основы внутренней и внешней политики.

Об А. С. Стурдзе до последних лет в России было известно не так много. (В последние двадцать лет он переживает повторное открытие.) Обычно о нем вспоминали как об одном из участников Библейского общества и личном консультанте Александра I в период разработки концепции Священного Союза. Но все же представления

¹ Данная статья была впервые опубликована в журнале «Вопросы философии» в 2013 г. (Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии, 2013. № 2). Повторная публикация оправдана стремлением автора дополнить представление участников Чтений о связях членов Российского Императорского Дома с представителями политической элиты Молдавии. В настоящем издании текст приводится в авторской редакции.

об этом политическом деятеле были довольно фрагментарны. Небольшая работа Н. Неводчикова [1] остается такой же библиографической редкостью, как и грека К. Ойкономоса [2], а наиболее значительные исследования принадлежат западным специалистам А. М. Мартину [3], Т. С. Проузису [4], С. Шеврас [5]. Пробел в отечественной историографии восполняет работа В. С. Парсамова [6].

Между тем А. С. Стурдза является одним из наиболее ярких политических идеологов периода правления Александра Благословенного – представителем русского «торизма» (т. е. умеренного консерватизма) и, кроме того, последовательным апологетом Православия, деятельным участником организации помощи Греции в период борьбы за национальную независимость, крупным церковным благотворителем.

I

Александр Стурдза происходил из аристократической семьи. Он родился в Яссах в 1791 г. Матушка его – Султана Мурузи – наполовину гречанка – была дочерью Константина Мурузи – господаря Молдавии, а отец принадлежал к одному из самых влиятельных греческих кланов.

Причиной переезда этой семьи в Россию стало преследование со стороны осман и казнь близких родственников, состоявших на государственной службе. Это существенно повлияло на мировоззрение А. С. Стурдзы уже в юности. Помощь Греции со стороны России он рассматривал как единственную возможность добиться ее освобождения.

Благодаря попечению отца, Александр Скарлатович получил более глубокое и систематическое образование, чем того требовали условия света. Кроме основных дисциплин,

греческого, молдавского и русского языков, детям преподавали французский, немецкий, латинский языки; немало времени уделялось изучению художественной культуры и философии. При этом его воспитание происходило под преобладающим влиянием греческого Православия. Дом его родителей был открытым. В юности на Александра оказали большое влияние Никифор Феотокис, обративший к Православию значительное число мусульман, и Евгений Булгарис – выдающийся богослов Новой Греции, преподаватель Афонской Академии.

В молодые годы А. Стурдза был и участником вечеров А. С. Шишкова. Ему, изучавшему церковно-славянский, импонировало осторожное отношение к инновациям в русской речи, однако типического единения с Шишковым не произошло, хотя их знакомство продолжалось годы. Стурдза не разделял консервативной бескомпромиссности Шишкова (в частности, не понимал, почему тот игнорирует греческое происхождение многих слов в русском языке). Куда ближе ему оказались Н. И. Гнедич и Н. М. Карамзин. С переводчиком «Илиады» его сближала любовь к греческому, а что касается Карамзина, созвучной оказалась идея русского историка о «синтетическом характере русской культуры», открытой для полезных заимствований и сохраняющей приверженность старине, а также политическая позиция Карамзина: преданность Царствующему Дому, гражданский долг, патриотизм и участие в преобразованиях под эгидой власти (т. е. легализм). Глубокий интерес к русской культуре послужил основой и для дружбы А. С. Стурдзы с Н. В. Гоголем, в последние годы обратившемся к Православию.

В 1809 г. Александр Скарлатович поступил на службу в Министерство иностранных дел, и вскоре его основательная подготовка обратила к нему внимание руководства. Он стал консультантом по делам Дунайского региона в Азиатском департаменте. По делам службы он близко сошелся с будущим президентом Греции Иоанном Каподистрией, покинувшим Ионические острова после их оккупации Францией и в том же году поступившим на службу в то же министерство. Служебное продвижение А. С. Стурдзы было многообещающим и подкреплялось успехом в высшем обществе его сестры – Роксандры Скарлатовны (будущей графини Эдлинг), до замужества – одной из близких фрейлин Императрицы Елизаветы Алексеевны.

II

Первые публицистические произведения А. С. Стурдзы относятся к периоду 1809–1810 гг., но его политическая концепция сложилась к 1815 г. К этому времени за плечами у Александра Скарлатовича была служба по дипломатическим поручениям в армии генерала П. В. Чичагова и участие в подготовке Венского Конгресса. Он был одним из вдохновителей и редакторов концепции Священного союза.

Центральным элементом в системе взглядов Стурдзы было христианство. (*Религию* он рассматривал в качестве «ядра» национальной идентичности, что отличало его позицию от взглядов Шишкова, отдававшего предпочтение языку, и немецких романтиков, для которых «фельк» (народный дух) – понятие в большей степени культурное, историческое, зато сближало его с британским политическим мыслителем Э. Берком [7, с. 362], считавшим дух

веры основой национального характера англичан.) Очевидно, на мировоззрение А. С. Стурдзы оказали влияние и идеи Ж. де Местра (которого Александр знал с детства, поскольку тот бывал гостем в доме его отца). Во всяком случае Стурдза достаточно точно воспроизводил взгляд сардинского мыслителя на причины Французской революции как следствие всей государственной политики XVIII в., связывая ее происхождение с *«изменой духу христианства»*. Он сожалел об ослаблении *«регулирующей функции Церкви»*, о пренебрежении управляющими христианским долгом в отношении подданных. По убеждению Стурдзы, революция стала закономерным следствием того, что *не были должным образом оценены и использованы стабилизирующие возможности Реформы* и напрасный страх перед преобразованиями сковал правительства пассивным ожиданием *«развязки»*.

Возвращение общества к нормальному состоянию, когда оно покоится на духовных основаниях, Стурдза трактовал следующим образом: *необходимо признать Реформу законным и отвечающим назначению христианского государства средством управления.*

Вот почему и в Священном союзе Стурдза желал видеть отнюдь не *«средство возвращения к Старому порядку»*, а орган международной политики новой Европы, достаточно реактивный и гибкий для того, чтобы обеспечить в странах-участницах *баланс между интересами подданных и авторитетом власти*. Ставка делалась *не на подавление, а на опережение кризиса и компромисс* для того, чтобы избежать повторного попадания в порочный круг *«революция – реакция»*.

В нашей отечественной исторической науке долгое время бытовало представление о том, что намерение сделать христианство основой послевоенной политики в Европе имело лишь риторический смысл и якобы не раскрывало истинных намерений учредителей Священного союза. О том, насколько искренними были устремления Стурдзы, можно судить по его отношению к политике австрийского Канцлера К. Меттерниха. Для Александра Скарлатовича она-то и была образцом злоупотребления властью, политической недалёковидности и негибкости. Он полагал, что *крайний консерватизм подрывает доверие к власти и ведёт к возвращению пороков прежней системы и комплекса проблем, однажды уже породивших революцию*. При этом Стурдза не стремился оказаться в ряду либералов. «Демаркационной линией» в этом случае был его *легализм* – приверженность порядку и ставка на реформы по инициативе и под руководством высшей государственной власти.

III

Расположение Александра I, казалось, обеспечивало прочное положение А. С. Стурдзы в свете, однако в 1817–1819 гг. жизнь Александра Скарлатовича существенно изменили события, едва не закончившиеся дуэлью с А. С. Пушкиным. В 1817 г. в преддверии чествования трехсотлетия Реформации в Германии начались студенческие волнения в университетах, вызвавшие обеспокоенность даже со стороны представителей либерального лагеря (Л. фон Штейна). И в этих обстоятельствах Стурдза, находясь за границей, выпустил предостерегающую Записку «О современном состоянии Германии» [8], в которой

предлагал поставить под контроль правительства ситуацию в учебных заведениях, ограничив право университетской автономии, и предложил ряд соответствующих мер: временное назначение профессоров, проверку лекционных курсов на предмет соответствия заявленным программам. Эта его работа всколыхнула волну недовольства со стороны студенчества и части интеллектуалов. Так, Стурдза, обеспокоенный тем, что студенческие волнения могут послужить общей дестабилизации положения в Европе и оправданию жестких ответных мер со стороны правительств, в общественном мнении угодил в разряд «ретроградов» и «душителей свободы». То есть Записка была воспринята общественностью именно как «проявление силовой политики».

После того как австрийский публицист А. фон Коцебу, выступивший с поддержкой русского курса, был убит на дуэли студентом Зандом, Стурдза, также получивший несколько вызовов на дуэль, вынужден был покинуть Европу. А в Петербурге его ждал «приговор» А. С. Пушкина:

*«Холоп венчанного солдата,
Благослови свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу».*

А строки другой пушкинской эпиграммы:

*«Вкруг я Стурдзы хожу, вкруг библического.
Я на Стурдзу гляжу монархического»*

вызывали вполне определенную ассоциацию: поэт будто описывал воображаемые туры вокруг «кандидата» для вызова на дуэль. Пушкин не имел представления о системе взглядов Стурдзы. Свой поспешный суд он вынес,

поддавшись настроению ближнего круга – друзей из числа будущих декабристов.

По меткому замечанию В. С. Парсамова, слава «реакционера и мракобеса, закрепившаяся за Стурдзой, не предшествовала пушкинской эпиграмме, а во многом следовала за ней» [6, с. 162].

IV

По законам общества, Петербург ожидал, что Стурдза бросит перчатку, но ему хватило выдержки удержаться от дуэли с Пушкиным, тем более что с оружием он обращался намного свободнее. Александр Скарлатович предпочел уйти в добровольную полу-отставку и заперся в своем белорусском имении в Устье.

Между тем ценивший его Александр I продолжал обращаться к нему как к своему консультанту. В 1819 г. Стурдза предложил вниманию Государя концепт государственного политического курса, изложив его в двух записках – «Обзорах».

Прежде всего, он постарался разрушить стереотип, согласно которому злоупотребления властью являются «атрибутом монархии, а гражданские добродетели – исключительно государств с республиканской формой правления». Стурдза отмечал: республиканская власть может опуститься до тирании, а монархия – допускать свободы. Он выступал против политических крайностей и выдвигал идеал социального равновесия, где несущими конструкциями и «полюсами взаимного сдерживания» являются *монархия и Церковь*. При этом Стурдза одним из первых в России открыто заявил о необходимости освобождения Церкви

от обер-прокурорского контроля и подчинения Ее собранию духовных лиц. Церковь в его модели идеального правления должна взять на себя функцию «посредника» между управляющими и управляемыми, а *«консолидация внутри общества должна осуществляться священником, а не констеблем»*.

Александр Скарлатович был и убежденным сторонником отмены крепостного права, хотя и с оговоркой о том, что власть должна сохранить за собой в этом вопросе законодательную инициативу. Насущность он понимал буквально и предлагал в качестве условия подготовки этой меры *«введение в России всесловного образования и проведение широкой катехизации (ре-христианизации) всего русского общества»*.

Что касается внешней политики, в «Обзорах», предназначенных вниманию Царя, Стурдза напоминал и о том, что Священный союз должен быть *«семьей государств»* и служить защите *«религии, морали и законов»*.

Таким образом, политическая концепция А. С. Стурдзы в целом отвечала скорее духу *консервативного реформизма*.

В царствование Александра I идеи А. С. Стурдзы были реализованы главным образом в сфере международной политики, а те, что касались внутренней, по большей части остались в проектах и лишь в правление Александра II обрели практические очертания.

V

Куда более плодотворной оказалась его деятельность, направленная на поддержку греческого национально-освободительного движения. Заручившись поддержкой

Государя, А. С. Стурдза организовал в Одессе издание греческой литературы, и благодаря этому Одесса стала центром греческой книжной культуры в России. В период греческого восстания Стурдза участвовал в организации гуманитарной помощи Греции, убедив Александра I в том, что это не нарушит принципа легитимизма. Книга Стурдзы «Греция в 1821–1822 гг.» имела широкий общественный резонанс не только в России, но и в Европе и напомнила о недавней вере в христианские основания международной политики. Таким образом, он способствовал разрешению греческого вопроса на уровне международной дипломатии.

А. Стурдза внес и весомый вклад в церковную жизнь. В период наибольшей активности ордена иезуитов в России он выступил в качестве православного апологета, выпустив книгу «О духе и доктрине Православной Церкви» (1816 г.) [9], вызвавшую в свете интерес к Православию. А в последние годы он был и усердным попечителем Одесского Михаило-Архангельского монастыря.

Что же касается завершения истории с А. С. Пушкиным, в 1823 г. в Одессе при близком знакомстве со Стурдзой Пушкин имел случай совершенно переменить свое мнение о нем. В письме к Вяземскому Пушкин отметил мимоходом: «Здесь Стурдза монархический. Я с ним не только приятель, но кое о чем говорим и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом» [10, с. 55]. Сам же Александр Скарлатович отмечал, что вызвал у поэта «сердечное участие к *христианскому пониманию свободы*» [11, кн. I, с. 55].

Не исключено, что поведение А. С. Стурдзы оказало влияние на формирование образа пушкинского Сильвио

из «Выстрела». Эмоциональный и страстный в молодости человек, Александр Скарлатович не только обуздал порыв негодования и по-христиански удержал руку от кровопролития, но и со временем простил нанесенное ему оскорбление и сумел донести свою позицию до поэта. Во всяком случае политические взгляды Пушкина претерпели заметную метаморфозу; в поздние годы Александр Сергеевич стал государственным и отдал должное и русской старине, и русскому «туризму».

Библиографический список

1. *Неводчиков, Н. В.* Краткое сведение о жизни и трудах А. С. Стурдзы. – Одесса, 1854.
2. *Oikonotos, K. Alexandros o Sturdzas. Viographikon shediasma.* – Athens, 1855.
3. *Martin, A. M.* Romantics, reformers, reactionaries. Russian conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. Northern Illinois University Press. – Debalb, 1997.
4. *Prousis, T. C.* Alexandr Sturdza: a Russian conservative response to the Greek revolution // East European Quarterly, XXVI. University of North Florida. № 3, September 1992.
5. *Chevras, S.* Alexandre Stourdza (1791–1854). Une intellectual orthodoxe face à l'Occident. – Geneve, 1999.
6. *Парсамов, В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза (из истории религиозных идей александровской эпохи). Пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004.
7. *Burke, E.* Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in certain societies in London relative to that event in a letter intended to have been sent to a gentelman in Paris. 1790 // The works of the right honourable Edmund Burke. – London, 1872. Vol. II.
8. *Stourdza, A. de.* Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne par M. de Stourdza, conseiller d'état de S. M. I. de toutes les Russes. Paris: a la librairie greque-latine-allemande, rue de Fosses-Montmartre, № 14. Novembre 1818.
9. *Stourdza, A.* Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe. – Weimar, 1816.
10. *Пушкин, А. С.* Письма / Под ред. И с прим. Б. Л. Модзалевского. – М.; Л., 1926. Т. I.
11. Арзамас. Сб. в 2-х кн. – М., 1994.

А. М. Ипатов

*Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина*

ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА II В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ОЦЕНКАХ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать позиции российской консервативной общественности по вопросу о присоединении к России территории Средней Азии в годы правления Александра II и перспективам ее интеграции в единое имперское пространство. Автор подчеркивает, что, несмотря на преобладание во внешнеполитических взглядах отечественных консерваторов западного, а также балканского вектора, со временем, особенно после разочарования в военном исходе Крымской войны 1853–1856 гг. и политических итогах русско-турецкой войны 1877–1878 гг., среди них появляются те, кто обращает свое внимание на проблемы Туркестана и высказывает собственные, оригинальные, суждения. Стоит, однако, отметить, что ориентализм, по сути, так и не стал заметным явлением в отечественной консервативной среде.

Ключевые слова. Средняя Азия, Александр II, политика, оценки, русские консерваторы.

Выход книги Э. Саида «Ориентализм» в свое время в значительной степени повлиял на всплеск на Западе интереса к Востоку, к истории, культуре, традициям, религии

и другим аспектам жизни и деятельности многочисленных, различных по ряду параметров народов, населявших широкие просторы Азии. Автор справедливо отмечает, что жители ряда государств Запада с удивлением открыли для себя этот мир. Однако едва ли можно согласиться с ним в том, что русские в меньшей степени, чем англичане и французы, имели опыт общения с Востоком [26, с. 8]. Да и в целом, даже после своего появления в нашей стране, упомянутая выше книга не произвела сильного эффекта как раз-таки потому, что многое из написанного в ней многие читатели прекрасно знали по истории как Российской Империи, так и Советского Союза. В их состав входили территории, которые в исторической ретроспективе, как, впрочем, и сейчас, по-разному именуется сторонниками отдельных политико-географических взглядов. Речь идет о территориях бывших советских республик – Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. В зависимости от тех или иных факторов для их обобщенного представления используют термины Средняя либо Центральная Азия. На сегодняшний день существует ряд исследований, раскрывающих эволюцию наименований этого региона, который в Российской Империи, отметим, называли чаще всего Туркестаном [6; 14; 15; 22; 27; 29]. В своем исследовании я буду использовать более привычные для отечественной исторической традиции наименования «Средняя Азия» и «Туркестан», хотя не берусь спорить о правомерности применения именно данных терминов по сравнению с другими, имеющимися на сегодняшний день.

Очевидно одно, что проблема вхождения в состав

Российской Империи обозначенных территорий, с одной стороны, детально исследована, с другой – в современных условиях пересмотра ряда устоявшихся клише, смены ориентиров в исторической науке, переосмысления опыта совместной истории на постсоветском пространстве возникает необходимость обращения к таким проблемам, ранее не получившим должного освещения, не воспринимавшимся как значимые. Думается, одной из них вполне можно считать проблему осмысления среднеазиатской политики Императора Александра II отечественными консервативными кругами. Прежде всего, отметим, что консерваторы в Российской Империи – это не какая-то организованная группа (как известно, политической партии в современном смысле слова они так и не создали), а представители политических, мировоззренческих взглядов, имевших как ряд общих установок, так и собственные нюансы в понимании того, чем является консерватизм. Вероятно, не будет ошибочным утверждение, что именно внешнеполитические взгляды российских консерваторов из их громадного творческого наследия на сегодняшний день наименее изученный аспект. В отечественной историографии значительно лучше исследовано их восприятие Запада, нежели Востока. Доктор философских наук В. В. Ванчугов справедливо отмечает, что «до середины XIX века такие понятия, как «Восток» и «восточный вопрос», в русской общественной мысли ассоциировались с Ближним Востоком, Кавказом, Средней Азией, с преобладанием мусульманской компоненты...» [4, с. 14]. Однако, учитывая внешнеполитические ориентиры Российской Империи первой половины и даже середины позапрошлого столетия, не будет ошибочным конста-

тировать, что именно поражение в Крымской войне (хотя отдельные сотрудники «Русского вестника», в частности М. И. Венюков, доказывали, что если бы Россия присоединила Среднюю Азию раньше, никакой Крымской войны бы не было, ибо англичане якобы побоялись бы за свои владения на Ближнем Востоке и Индию [5]), против «коллективного Запада», подтолкнуло имперское руководство к активизации собственной политики в южном и юго-восточном направлениях, то есть к освоению обширной территории Туркестана. На сегодня отсутствует единый подход к определению характера этой политики: спектр мнений дифференцируется от кровавого завоевания и жестокой эксплуатации до выполнения Российской Империей возложенной на нее цивилизаторской миссии, принесшей успокоение в прежде обуреваемый многочисленными усобицами край и способствовавшей резкому хозяйственному освоению Средней Азии и повышению качества жизни ее населения [1; 2; 7; 32; 34].

Возвращаясь к позиции отечественных консерваторов по среднеазиатскому вопросу, необходимо подчеркнуть, что спектр мнений здесь был довольно широким и единой оценки о полезности / вредности для империи новых территориальных присоединений не было. После первых успехов генерал-губернатора Туркестана и одновременно командующего войсками туркестанского военного округа К. П. фон Кауфмана (к слову, они являлись в значительной степени его личной инициативой, ибо, в отличие от остальной территории империи, именно в Туркестане генерал-губернаторы имели более широкие полномочия, нежели их коллеги из других губерний) в консервативной

прессе, а именно в журнале «Русский вестник», позднее и в «Историческом вестнике», газетах «Московские ведомости» и «Гражданин» начинают публиковаться материалы по среднеазиатской политике Александра II. Первые годы в данном отношении ознаменовались публикацией географического и этнокультурного обзора новых территорий [11; 25], описанием боевых действий русской армии против бухарцев, хивинцев, кокандцев [10; 12; 17; 19], позднее – туркмен. Иными словами, аналитические статьи, в которых бы давалась обобщенная оценка происходящим событиям, отсутствовали.

В то же время уже в ранних публикациях, еще до начала активной фазы расширения туркестанских владений, проводится мысль о том, что зависимость местных враждующих между собой мелких государств от России, их нападения на ее окраины с целью увода в плен подданных русского царя для продажи их на невольничьих рынках, перекрытие ими важных торговых путей дают Петербургу право присоединить их к территории империи [20, с. 713–714]. Вероятно, именно издание влиятельного публициста М. Н. Каткова «Русский вестник» более других уделяло внимание среднеазиатским вопросам. Неизменным лейтмотивом многочисленных статей разных авторов (в том числе далеко не консерваторов по своим идеологическим предпочтениям) журнала была мысль о том, что война против Хивы, Бухары и Коканда начата не Россией, а правителями этих стран, подстрекаемых Великобританией (в местах сражений найдены трупы англичан), что война в этом регионе ведется не так, как в европейских кампаниях, а с учетом местных природно-климатиче-

ских условий. Поэтому для реалистичной оценки боевых действий недостаточно знать лишь европейский опыт [13]. Несмотря на кардинальную разницу во взглядах и в мировоззрении в целом, во многом высказанные российскими консерваторами второй половины XIX столетия оценки оказались приемлемы для авторов публикаций в советском журнале «Борьба классов» 1930-х гг. В частности, ими подтверждалась подстрекательская роль англичан в ходе Кокандского восстания 1875–1876 гг. (на страницах «Русского вестника» об этом писал очевидец событий Н. П. Стрелюхов [28]), а также идея о том, что лишь завоевание этих территорий Российской Империей привело к успокоению в регионе и началу мирной жизни для рядовых жителей [21]. О междоусобных мотивах как причине туркменского похода М. Д. Скобелева (а именно о том, что хивинский хан, формально остававшийся правителем, подталкивал военно-политическое руководство Туркестана к нападению на враждебные ему племена туркмен) писал советский автор И. Рабинович [24, с. 2]. Вопреки подобным «совпадениям», в целом оценка публикаций отечественных консерваторов и советских авторов, безусловно, была различной. Хотя последние неоднократно признавали положительную роль Российской Империи в хозяйственном освоении края, прекращении междоусобных войн и включении Средней Азии в цивилизационные процессы [2]. Современные оценки западных исследователей и националистически настроенных местных деятелей, к сожалению, подчеркивают лишь отрицательные последствия российского «завоевания», как интерпретируется ими политика Российской Империи в данном регионе [7; 14; 15].

Заметка Д. И. Романовского в четвертом номере «Русского вестника» за 1868 г. дает представление о том, что даже в правительственных кругах действия М. Г. Черняева по завоеванию Ташкента вызвали неоднозначную реакцию, ибо многие остерегались реакции англичан, с середины XVIII столетия опасавшихся российского нападения на жемчужину Британской империи – Индию, в рамках выполнения якобы существовавшего политического «завещания» Петра I. Кроме того, она позволяет понять позицию отдельных консервативных кругов в России, боявшихся, что присоединение новых территорий приведет не к усилению, а к ослаблению государства, вынужденного тратить значительные средства на освоение обширного, но слаборазвитого региона, а также на укрепление новых границ [10]. В частности, данную точку зрения разделял авторитетный генерал Р. А. Фадеев. В «Записке об управлении азиатскими окраинами» он подчеркивал, что постоянное расширение территории страны за счет Средней Азии – тяжелейшее бремя, которое, впрочем, накладывается на Россию обстоятельствами. Генерал критикует отечественный подход к освоению новых территорий, считая, что необходимо взять на вооружение подход принципиальных врагов – британцев, которые больше выкачивают ресурсы, нежели вкладывают средства в освоение края и цивилизаторство [33, с. 473–510]. Однако большинство русских консерваторов поддерживали политику правительства по расширению туркестанских владений Российской Империи. В частности, известный историк-дипломат С. С. Татищев в биографии, посвященной Александру II, отмечал, что необходимость противодействия англичанам подталкивала российское

правительство к активным действиям в Средней Азии (в современной отечественной историографии значительное внимание британскому фактору среднеазиатской политики Александра II уделяет М. Ниязатов [18]). В отличие от британцев, российские военные и миссионеры способствовали прекращению междоусобиц, торговле людьми, началу хозяйственного освоения богатых территорий и мирной жизни представителей местных племен [31]. Правда, политика русификации, выражавшаяся в том, что отдельные миссионеры стремились обратить местных жителей в христиан, а в образовательных учреждениях вводилось обязательное изучение русского языка и расширялось изучение российских порядков в ущерб местным традициям, вызывало недовольство даже у таких сторонников интеграции среднеазиатских мусульман в Российскую Империю, как И. Гаспринский [1]. Возвращаясь к позиции С. С. Татищева, подчеркнем, что он отмечал «предательскую» позицию ряда либеральных и демократических изданий, критиковавших присоединение Средней Азии. По его мнению, нигде в мире не было столь натянутых отношений между дипломатами и публицистами, как в России, что подрывало могущество государства [30, с. 517–531]. Сходные суждения высказывал и издатель газеты «Гражданин», близкий к Императорской семье, князь В. П. Мецкерский. Он критиковал газету «Биржевые ведомости» за обвинения в адрес генерала М. Г. Черняева, подчеркивая громадные заслуги последнего перед государством в деле расширения туркестанских территорий [16, с. 212–221].

Своим мнением по отдельным аспектам политики Александра II в Средней Азии на страницах «Дневника пи-

сателя» поделился выдающийся отечественный писатель Ф. М. Достоевский. Касаясь взятия русскими войсками туркменского Геок-Тепе, он отмечал, что в обществе было немало недовольных активной завоевательной политикой в Средней Азии, якобы приносившей одни беды и убытки. Справедливости ради, Федор Михайлович подчеркивал, что подобное отношение характерно было в целом к азиатской территории страны, о которой у жителей европейской части знания были довольно отрывочны. Сам Достоевский положительно расценивал политику правительства, призывая: «Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его» [8, с. 798]. Оправдывал он свой лозунг тем, что русские – это не только европейцы, но и азиаты. Более того, великий писатель высказал предположение, которое впоследствии разовьют евразийцы, согласно которому именно азиатское направление может стать для России превалирующим. Он надеялся, что Азия может стать для России тем, чем Америка стала в свое время для Европы. Достоевский констатировал: «Со стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, – тотчас найдем что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями» [8, с. 803]. Сложно сказать, насколько был прав Федор Михайлович, однако его точка зрения отражает одно из мнений в консервативной среде по обозначенной проблеме.

Подводя итоги, стоит согласиться с выводом С. Н. Брежневой о том, что отечественная общественная мысль в отношении присоединения Средней Азии

к Российской Империи не была единой, а представляла собой целый спектр мнений [3, с. 30–31]. Добавим, что даже внутри консервативного лагеря были как противники (Р. А. Фадеев, журнал «Русский вестник» на раннем, либеральном этапе существования), так и активные сторонники расширения территории страны за счет территорий Туркестана. Различные позиции у консерваторов были и по вопросам дальнейшего освоения этого обширного края и интеграции его населения в единую «семью» подданных российского императора. А то, насколько непростой была эта интеграция, в своем исследовании продемонстрировали В. С. Дякин [9] и Р. Ю. Почекаев [23]. Остается констатировать, что обозначенная проблема требует дальнейшего скрупулезного анализа и новых исследовательских подходов.

Библиографический список

1. Абдирашидов, З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Ташкент: Akademnashr, 2011. – 384 с.

2. Аминов, А. М., Бабаходжаев, А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. – Ташкент: Узбекистан, 1966. – 212 с.

3. Брежнева, С. Н. Русская общественность о наступлении Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX века) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 1. Ч. 2. – С. 26–31.

4. Ванчугов, В. В. «Географические» предпочтения русской мысли в историко-философской ретроспекции // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. – 2015. – № 5. – С. 13–25.

5. Венюков, М. И. Очерк международных вопросов в Азии // Русский вестник – 1877. – № 128. – С. 511–559.

6. Горшенина, С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / пер. с франц.

М. Р. Майзульса. – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 119 с.

7. *Джераси, Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.

8. *Достоевский, Ф. М.* Дневник писателя. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.

9. *Дякин, В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – 1000 с.

10. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу, Д. И. Романовского // Русский вестник. – 1868. – № 76. – С. 152–174.

11. *Зайцев, В. Н.* Памирская страна – центр Туркестана: Историко-географический очерк. – Новый Маргелан: Типография Ферганского Областного Правления, 1903. – 81 с.

12. *Зиновьев, М. А.* Осада Ура-Тюбе и Джизага (Воспоминания об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области) // Русский вестник. – 1868. – № 74. – С. 128–182, 313–359.

13. *Зиновьев, М. А.* Осада Ура-Тюбе и Джизага (Воспоминания об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области) // Русский вестник. – 1868. – № 75. – С. 71–123.

14. Изучение 1916 года: деполитизация и гуманизация знаний о восстании в Центральной Азии. – Бишкек: Махprint, 2020. – 448 с.

15. История и историки Узбекистана в XX веке. – Ташкент: Navro'z, 2014. – 428 с.

16. *Мещерский, В. П.* За великую Россию. Против либерализма. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.

17. М-ев Н. От Ташкента до Каты-Кургана // Русский вестник. – 1870. – № 86. – С. 243–271.

18. *Ниязматов, М.* Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – 640 с.

19. Обзор «Земельные приобретения России в царствование императора Александра II с 1855 по 1881 г.», составил генерал-майор Генштаба Стрельбицкий // Исторический вестник. – 1881. – № 5. – С. 920–928.

20. О торговом значении Средней Азии в отношении к России // Русский вестник. – 1862. – № 41. – С. 706–736.

21. Павлов, С., Рабинович, М. Кокандское восстание (1875–1876 гг.) // Борьба классов. – 1936. – № 4. – С. 47–56.

22. Поляков, Л. В. К читателю // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. – 2015. – № 5. – С. 8–10.

23. Почекаев, Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дис. ... док. ист. наук, 07.00.02. – Оренбург, 2020. – 564 с.

24. Рабинович, И. Завоевание Туркмении царскими войсками (1883–1885 гг.) // Борьба классов. – 1936. – № 8. – С. 1–11.

25. Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Выпуск 1: География и статистика / под ред. Н. А. Маева. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1872. – 180 с.

26. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с.

27. Соколов, В. В. Туркестанский край в составе Российской Империи: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... док. ист. наук, 07.00.02. – М., 2002. – 527 с.

28. Стремоухов, Н. П. Поездка в Бухару (Извлечение из дневника) // Русский вестник. – 1875. – № 117. – С. 630–695.

29. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П. С. Бавина. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 287 с.

30. Татищев, С. С. Из прошлого русской дипломатии. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1890. – 567 с.

31. Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. – М.: АСТ, 2006. – 1005 с.

32. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова. – М.: Кучково поле, 2016. – 880 с.

33. Фадеев, Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.

34. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.

Г. Н. Плотникова

С. Н. Плотников

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

**ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС
В ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА II
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ КНЯГИНИ
Е. М. ЮРЬЕВСКОЙ)**

Аннотация. Анализируются малоизвестные широкому кругу читателей воспоминания княгини Е. М. Юрьевской, второй супруги Императора Александра II. Особое внимание в статье уделено характеристике княгиней отношения Царя-Освободителя к Восточному кризису и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Мемуары позволяют более отчетливо представить стремление Императора предотвратить военные действия на Балканах, переживания по поводу человеческих жертв, отношения с европейскими кабинетами.

Ключевые слова. Княгиня Е. М. Юрьевская, воспоминания, Император Александр II, русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Восточный вопрос занимал значительное место во внешней политике России в течение всего XIX века. Как известно, он включал не только спор между Российской и Османской империями по поводу выгодного режима проливов Босфор и Дарданеллы, но и регулярную поддержку россиянами православных балканских народов

в их борьбе за независимость против Порты. Очередное обострение данного вопроса, вызванное борьбой за независимость жителей Боснии, Герцеговины и Болгарии в 1875–1876 гг., закончилось русско-турецкой войной.

О восточном кризисе и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. существует обширная исследовательская литература. Данной теме посвящены труды Л. А. Богдановича [2], И. В. Преображенского [9], Н. И. Беляева [1], В. А. Золотарева и М. Н. Межевича [7], Н. И. Цимбаева [13], Е. В. Суминой [11], К. И. Дружинина [5] и др. Авторы подробно проанализировали военные действия, отношения местного населения к русской армии и русского общества к национально-освободительной войне балканских славянских народов. Однако историки лишь фрагментарно использовали источники личного происхождения современников событий и поэтому довольно косвенно освещали отношение к этим событиям главы государства Императора Александра II. Более полное представление об этом содержат дневники и воспоминания современников и участников событий: Д. А. Милютина [8], А. А. Редигера [10], М. А. Газенкампа [4], М. И. Епанчина [6], В. А. Сухомлинова [12], А. А. Брусилова [3] и др.

Однако отдельный интерес представляют малоизвестные широкой публике воспоминания его морганатической супруги княгини Е. М. Юрьевской (в девичестве Долгорукой), впервые опубликованные на русском языке в 2017 г. В них содержатся не только подробности частной жизни и личности Александра II, но и уникальные отрывки из его писем и дневников. Судя по воспоминаниям, Е. М. Юрьевская была не только любимой супругой,

но и единомышленником, доверенным лицом Александра II, с которой Император обсуждал вопросы государственной важности, включая дипломатические переговоры и внешнюю политику. Александр II регулярно писал супруге письма, в которых подробно освещал военные действия, делился своими переживаниями.

По мнению княгини, Император всегда с сочувствием и глубоким состраданием относился к православным славянским народам, боровшимся за независимость. Как известно, Александр II не хотел войны с Портой и пытался дипломатически урегулировать очередной Восточный кризис, разразившийся в 1875 г. Император признавался супруге в физическом и моральном отвращении к жестокостям войны. «Эти зрелища заставляют мое сердце сочиться кровью, и я едва сдерживаю слезы», – говорил он [14, с. 144].

Александр II призывал европейские страны обратить пристальное внимание на тяжелое положение угнетенных балканских народов с тем, чтобы оказать давление на Турцию и «заставить ее положить конец... ужасам» [14, с. 190]. По его инициативе с ноября 1876 по январь 1877 г. состоялось девять конференций европейских держав, на которых обсуждалось положение балканских народов и разрабатывались предложения Порте по урегулированию данного кризиса. Однако турки при постоянной поддержке английского правительства отказались идти на какие-либо уступки и предоставить восставшим народам требуемые гарантии. После этого российский Император возложил ответственность за предстоящую войну на турецкое правительство, усмотрев в его поведении вызов всей Европе. Согласно Е. М. Юрьевской, Император записал в дневнике:

«Да поможет нам Бог и да благословит Он наше оружие!.. Никому не понять... что творится у меня на душе в ожидании начала войны, которую я так стремился предотвратить» [14, с. 191]. Кроме того, по мнению княгини, Император не мог не считаться с мнением российской общественности, горячо сочувствовавшей славянским народам. Согласно Е. М. Юрьевской, ее супруг сильно переживал по поводу военных потерь. «Как кровоточит мое сердце! Я с трудом сдерживаю слезы», – восклицал он [14, с. 191].

Автор мемуаров упрекала российскую дипломатию в нерасторопности. По ее мнению, своей медлительностью дипломатия остановила победоносный порыв русских у стен Константинополя. Кроме того, в мемуарах значительное внимание уделено поведению английских дипломатов, которое целиком зависело от успехов и неудач России. В случае военных побед русских английский кабинет давил на Турцию с требованием заключить мир на любых условиях с тем, чтобы «воспрепятствовать их победоносному шествию» и, наоборот, как только русские терпели поражения, Англия подталкивала Турцию к упорному сопротивлению. В подтверждение этому Е. М. Юрьевская сообщает о переписке Александра II с военным поверенным в делах Англии Уэсли. Последний настаивал на заключении мирного договора России и Турции до начала 1878 г., обещая в противном случае выступить на стороне Порты. Что касается Австрии, то она, следуя дипломатической конвенции трех императоров, неукоснительно соблюдала нейтралитет, несмотря на попытки втянуть ее в войну с Россией. По мнению княгини, российский Император не стремился к аннексиям, а лишь хотел получить

от Турции гарантии обеспечения безопасности христианских народов, находящихся от нее в зависимости. Согласно Е. М. Юрьевской, Александр II вернулся с фронта 23 декабря 1877 г. сильно исхудавшим, осунувшимся, похожим на старика. Княгиня подробно осветила перипетии подписания Сан-Стефанского мирного договора, объясняя его, в частности, истощением казны и эпидемией тифа в армии. Уступки русской дипломатии во время заседаний Берлинского конгресса Е. М. Юрьевская возлагает на полномочных русских представителей, которые пугали Императора продолжением войны. По ее мнению, «каждая из уступок стоила Александру II большой моральной борьбы» [14, с. 196]. Определенную роль сыграла и позиция Бисмарка, который «мстил Александру II за поддержку Франции в Берлине в 1872 г.» [14, с. 197]. В итоге договоренности между графом П. Шуваловым и маркизом Солсбери отодвинули опасность русско-английской войны, но привели к резкому падению престижа России на международной арене. Результаты же Берлинского конгресса стали для Александра II глубоким разочарованием.

Таким образом, воспоминания Е. М. Юрьевской, второй супруги и своего рода доверенного лица Императора Александра II, являются уникальным и малоизвестным широкому кругу читателей историческим источником. Княгиня была в курсе всех важнейших проблем как внутренней, так и внешней политики. Император не только лично обсуждал с ней вопросы государственной важности, включая дипломатические переговоры, но и знакомил с записями в своих дневниках, регулярно писал ей письма. Воспоминания, в частности, позволяют рассматривать

очередной Восточный кризис и русско-турецкую войну 1877–1878 гг. как бы изнутри глазами Императора, более отчетливо представить его попытки дипломатически предотвратить военные действия, переживания по поводу человеческих жертв, неизбежных во время войны, отношения с европейскими правительствами.

Библиографический список

1. *Беляев, Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. – 512 с.
2. *Богданович, Л. А.* Двадцатипятилетие великой освободительной войны 1877–1902 гг. М., 1902. – 136 с.
3. *Брусилов, А. А.* Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. – 382 с.
4. *Газенкампф, М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. – 624 с.
5. *Дружинин, К. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История русской армии. М.; СПб., 2004. С. 353–668.
6. *Епанчин, М. И.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. – 576 с.
7. *Золотарев, В. А., Межевич, М. Н.* История нелегкой победы. М., 1979. – 80 с.
8. *Милютин, Д. А.* Дневник. В 3 т. Т. 2. М., 1949. – 292 с.
9. *Преображенский, И. В.* За братьев славян. По поводу 25-летия священной войны 1877–1878 гг. СПб., 1903. – 161 с.
10. *Редигер, А. А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М., 1999. – 576 с.
11. *Сумина, Е. В.* Общественное движение в России в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. – дисс. канд. ист. наук. М., 2006. – 221 с.
12. *Сухомлинов, В. А.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. – 624 с.
13. *Цимбаев, Н. И.* Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. – С. 154–189.
14. *Юрьевская, Е. М.* Александр II. Воспоминания. М, 2017. – 218 с.

Ф. И. Мелентьев

*Государственный архив Российской Федерации,
Международная лаборатория региональной истории
России Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

ПОЛЯКИ И ОСТЗЕЙСКИЕ НЕМЦЫ В ВОСПРИЯТИИ СТАРШИХ СЫНОВЕЙ АЛЕКСАНДРА II

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений Великих Князей Николая и Александра Александровичей о населении Российской Империи, в частности, о жителях Царства Польского и остзейских губерний. Анализируя неопубликованные архивные документы, автор приходит к выводу о том, что оценки и мнения старших сыновей Александра II были обусловлены негативными стереотипами, сложившимися в их сознании под влиянием социально-политической обстановки и ближайшего окружения.

Ключевые слова. Цесаревич Николай Александрович (1843–1865), Александр III, национальная политика.

Население Российской Империи в эпоху Великих реформ стало обращать на себя все более пристальное внимание высшего общества и правительственных кругов. Это было вызвано серьезными изменениями социальных отношений в стране, произошедшими в результате крестьянской реформы и других преобразований. Именно поэтому старшие сыновья Александра II Великие Князья Николай и Александр Александровичи, готовившиеся править

страной, должны были сформировать свои представления о населении Российской Империи.

Одной из специфических черт эпохи Великих реформ стал заметный рост национального самосознания в Российской Империи. Неудивительно, что это обстоятельство так или иначе сказывалось на восприятии наследниками престола населения имперских окраин и инородцев. Особое внимание Великих Князей Николая и Александра Александровичей привлекали остзейские немцы, к которым Александр II питал личную симпатию. С одной стороны, остзейские немцы были лояльны Российской Империи и монархии, но с другой – они не скрывали своего высокомерного отношения к русскому народу. С особой остротой вопрос о том, как относиться к остзейским немцам, встал в 1860-е – 1870-е годы, когда в полной мере проявились тенденции к созданию единой Германии, грозившей стать новым центром притяжения для прибалтийских немцев. Этот же вопрос встал и перед старшими сыновьями Александра II, с детских лет недолюбливавшими немцев [5, с. 272].

Великие Князья Николай и Александр Александровичи неоднократно бывали в Остзейском крае во время летнего отдыха, и им всегда оказывался самый теплый прием. В 1860 г. Александр II просил старшего сына передать генерал-губернатору края «Суворову мой поклон и при случае ему и всему дворянству мою благодарность за их радужный прием, я в нем был уверен, ибо я давно привык ценить их истинную рыцарскую преданность» [8, л. 24 об.]. Солидарный с отцом, цесаревич Николай Александрович писал Императрице Марии Александровне: «Не могу достаточно

похвалить чувства, с которыми нас приняли, и предупредительность, которую нам выказывают на каждом шагу. Отрадно найти здесь такую привязанность к нашей семье и началам, которые она олицетворяет» [6, л. 49; в подлиннике по-французски].

Тем не менее попечитель цесаревича Николая Александровича гр. С. Г. Строганов не разделял восторга своего воспитанника по поводу остзейского дворянства. «Когда ваше высочество будете императором... будете говорить иначе», – заметил он в 1861 г. в присутствии нижегородского губернского предводителя дворянства П. Д. Стремоухова [29, с. 572–573]. Неудивительно, что со временем цесаревич Николай Александрович в личных беседах стал более критично отзываться об остзейцах. Уже в 1862 г. наследник делился с кн. В. П. Мещерским своими взглядами на «немецкий вопрос»: «Немцы хорошие люди, – говорил он, – никто в этом не убедился более меня, в особенности нынешним летом в Либаве, но никто менее меня не партизан (сторонник. – Ф. М.) немецкого преобладания между русскими» [16, л. 60].

Однако цесаревич Николай Александрович не демонстрировал своего критического отношения к немцам ни во время визитов в немецкие колонии Поволжья [4, с. 74–77; 28], ни в остзейские губернии. Поэтому в «Очерке деятельности князя А. А. Суворова по управлению прибалтийскими губерниями» говорилось, что их посещение наследником «навсегда останется для местных жителей одним из самых светлых отрадных воспоминаний» [25, л. 19]. И действительно, как писала В. С. Ганенфельдт своей матери С. Н. Корсаковой по поводу смерти цесаревича Николая

Александровича в 1865 г., «Либава в большом горе, она с особенною любовью вспоминала двукратное пребывание здесь государя наследника» [24, л. 29]. Цесаревича Александра Александровича, напротив, считали предубежденным против немцев вообще и остзейцев в частности. Упомянув о нерасположении наследника к Пруссии, В. А. Астанков отмечает, что «цесаревич резко негативно относился и к немецкому меньшинству в прибалтийских губерниях России – интересуясь вопросом защиты там русских национальных интересов и православия» [2, с. 21–22].

Одним из тех, кто способствовал формированию таких взглядов, был К. П. Победоносцев, рекомендовавший цесаревичу Александру Александровичу запрещенные в России «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина, а также брошюру М. П. Погодина «Остзейский вопрос» [26, с. 6, 10]. При этом Константин Петрович в первую очередь обращал внимание наследника на религиозный конфликт, а не на национальную почву происходивших в Остзейском крае процессов. «Много говорили о Остзейском крае и о преследовании православных лютеранами», – писал в 1866 г. цесаревич Александр Александрович в дневнике о беседе, в которой принимал активное участие Победоносцев [11, с. 205]. Тем не менее наследник не видел большой разницы между немцами и протестантами и в 1869 г. с сочувствием писал в дневнике об архиепископе Платоне (Городецком), «который прежде был в Риге и из-за немцев пострадал и был переведен» [27, с. 550].

Кн. В. П. Мещерский и адъютант цесаревича П. А. Козлов также оказывали воздействие на мнение Великого Князя о прибалтийских немцах [23, с. 361–362; 11, с. 125].

К тому же не следует забывать и о влиянии цесаревны Марии Федоровны, неприязненно относившейся к немцам [19, с. 37]. Все это привело к тому, что у цесаревича сложился негативный стереотип о «поганой неметчине», как он писал своему брату Вел. Кн. Алексею Александровичу в 1871 г. [14, л. 7 об.] В свою очередь, это сказалось на восприятии цесаревичем и без того не симпатичного ему министра финансов М. Х. Рейтерна, о котором наследник отзывался в письме к своему дяде Вел. Кн. Михаилу Николаевичу в 1876 г.: «Колбасник немец» [21, с. 124].

Между тем не стоит излишне преувеличивать отрицательное отношение цесаревича Александра Александровича к остзейцам. Хотя наследника упрекали в неучтивости во время посещения Риги в 1867 г. [2, с. 22], судя по всему, он, как и во время путешествий по центральным губерниям, оказался нечутким к радушному приему, стесняясь публичности [12, л. 98 об.]. Однако поскольку в неучтивости обвиняли и цесаревну Марию Федоровну (как правило, приветливую по отношению к населению), это все же свидетельствует о небеспочвенности подобных обвинений. При этом, как вспоминал адъютант наследника гр. С. Д. Шереметев, «цесаревич слыл за лютого германофоба, хотя репутация эта была преувеличена. Она имела некоторое основание и подкреплялась явную враждебностью к немцам цесаревны» [22, с. 435]. Таким образом, если цесаревич Николай Александрович, критически относившийся к остзейским немцам, не демонстрировал этого публично, то более прямолинейный цесаревич Александр Александрович своим поведением подтверждал слухи о его неприязни к немцам.

Еще одной болезненной темой, связанной с «национальным вопросом», было отношение к полякам. Как известно, в XIX в. образ поляка в восприятии русского общественного мнения в значительной степени ассоциировался с образом врага. Неудивительно, что Польское восстание 1863–1864 гг. казалось подтверждением такой точки зрения. У Великих Князей Николая и Александра Александровичей стереотип поляка, враждебного России, сложился, вероятно, под впечатлением от беспокойной обстановки в Царстве Польском и от совершенного в 1862 г. покушения на их дядю – польского наместника Вел. Кн. Константина Николаевича, и в 1867 г. – на самого Александра II, а также под влиянием отца [20; 17, с. 41] и не без помощи С. М. Соловьева, который читал старшим сыновьям Александра II лекции о польской экспансии в XVII в. [9, л. 11–12 об., 32 об.–33].

Из путешествия по России в 1863 г. цесаревич Николай Александрович писал своему брату Вел. Кн. Владимиру Александровичу, что «на Волге ловят еще разных негодяев», называя среди них в первую очередь «поляков», а уже затем «возмутителей, разносителей нелепых прокламаций и т. д.» [7, л. 23 об.]. Не сочувствовал наследник и сосланным полякам. «Вчера привезли Фелинского с каноником Потоцким и поместили в каменном доме не очень далеко от нашего. Он спустил шторы, чтоб не видеть иллюминации и вообще не польские демонстрации Ярославля», – с иронией писал цесаревич Александру II 28 июня 1863 г. о ссыльном архиепископе Варшавском [13, л. 55].

Тем не менее общение с конкретными представителями польской нации носило более теплый характер. Подполковник Лесатович, встреченный цесаревичем Николаем

Александровичем и его спутниками в селе Девятины Олонечской губернии, оказался «поляк», «но милый, добрый и смешной челов[ек]» [10, л. 10 об.]. Директор харьковского ветеринарного училища тоже характеризовался наследником с помощью противительного союза: «Галицкий по́ляк, но, говорят, смирный» [15, л. 25 об.]. Таким образом, неприязненное отношение к полякам «вообще» уживалось в сознании цесаревича Николая Александровича с симпатией к некоторым конкретным полякам.

Характеризуя государственную деятельность цесаревича Александра Александровича, В. А. Астанков отмечает, что «в национальном вопросе позицию наследника определяла также нелюбовь к полякам» [3, с. 97]. Это чувство во многом было подкреплено покушением А. И. Березовского на Александра II в 1867 г. в Париже. Чудом не ставший императором (или жертвой) цесаревич Александр Александрович видел в обитателях французской столицы сочувственную среду для убийцы. «Париж особенно в настоящее время так переполнен всяким народом, – писал наследник кн. В. П. Мещерскому. – Одних поляков, скотов, до 25 000 человек». Великий Князь был убежден, что его отец должен был показать свое неудовольствие полякам. «Вы не можете себе представить, – продолжал цесаревич Александр Александрович, – как я был печален тем, что государь не переменил свой маршрут и все-таки отправляется в Варшаву, где встречается с императрицей. Жаль, очень жаль, что после этого печального происшествия государь даже не был хоть в одном русском городе, а прямо поехал в враждебную нам Польшу». Таким образом, одна из провинций Российской Империи в восприятии наследника

престола представляла недружественной страной, а ее население поголовно казалось врагами. При этом цесаревич Александр Александрович считал, что его чувства разделяют все русские люди. «Каждый русский еще больше возненавидит поляка после аттентата (покушения. – Ф. М.) парижского» [32, р. 109, 111].

Зная о предубеждении наследника по отношению к полякам, кн. Мещерский обращал его внимание на события в Северо-Западном крае [18, с. 359–360]. Цесаревич Александр Александрович во многом под влиянием своего confidenta поддерживал твердые и бескомпромиссные меры М. Н. Муравьева, подавившего восстание в Северо-Западном крае [22, с. 460, 464]. Кроме того, прямолинейный цесаревич Александр Александрович испытывал практически личную неприязнь к полякам. Так, в 1869 г. в письме к Вел. Кн. Михаилу Николаевичу наследник объяснял саботаж на одном из заводов тем, что производство возглавлял поляк. Упоминая о «казенной мастерской на Литейной», цесаревич с возмущением отмечал, что «этот завод стоит уже больше года и ничего не работает, и просто не хотят работать, потому что начальник его – поляк». Узнав, что развернуть производство цельнометаллических патронов на этом заводе будет возможно лишь через три года, Вел. Кн. Александр Александрович восклицал: «Вот тебе делай что-нибудь с такими людьми; что хочешь ты, чтобы пошло дело, когда везде вместо людей свиньи и даже хуже» [31, с. 14]. Таким образом, для цесаревича Александра Александровича было достаточно упоминания национальной принадлежности того или иного человека, чтобы определиться с отношением к нему.

Впоследствии, уже став Императором, Александр III говорил, «что был только один человек, который умел держать в руках поляков, – М. Н. Муравьев» [30, с. 369]. Мнение Императора не было отвлеченным воспоминанием о прошлом, а являлось своеобразным руководством к действию – ведь эти слова были сказаны при назначении И. В. Гурко варшавским генерал-губернатором. При этом, как отмечает С. В. Ананьев, «“муравьевская” модель русификации национальных окраин была взята за основу в годы правления Александра III, а Северо-Западный край еще долго ощущал последствия политики М. Н. Муравьева» [1, с. 94].

Итак, преставления Великих Князей Николая и Александра Александровичей об остзейских немцах и поляках были в целом обусловлены негативными стереотипами, сложившимися в их сознании под влиянием социально-политической обстановки и ближайшего окружения. Вместе с тем цесаревич Николай Александрович был корректнее в выражении своих чувств по отношению к обитателям национальных окраин Российской Империи, нежели его брат.

Библиографический список

1. *Ананьев, С. В.* Деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае, 1863–1865 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8.
2. *Астанков, В.* «Покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба...» Отношения России и Германии в оценках цесаревича Александра Александровича // Родина. 2015. № 2.
3. *Астанков, В. А.* Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.
4. *Венгер, Н. В.* Психология и метаморфозы русского национализма в деятельности К. П. Победоносцева // Вопросы германской истории. 2013. Вып. 39.
5. Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III / Публ. Д. Налепиной // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 5.

6. ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33.
7. ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 620.
8. ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13.
9. ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 48.
10. ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53.
11. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299.
12. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300.
13. ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814.
14. ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 30.
15. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549.
16. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817.
17. *Долбилов, М.* Александр II и русский национализм // Родина. 2014. № 4.
18. *Долбилов, М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
19. *Зайончковский, П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.
20. *Захарова, Л. Г.* Александр II и польский вопрос // *Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku.* Łódź, 1996.
21. «Любящий тебя племянник Саша...» Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2013. № 1.
22. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.
23. *Меицкерский, В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011.
24. ОР РГБ. Ф. 137. К. 82. Д. 1.
25. ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 701.
26. Письма Победоносцева к Александру III / С предисл. М. Н. Покровского. М., 1926.
27. Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича (Из его дневника за 1869 год) // Бабст И. К., Победоносцев К. П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб., 2010.
28. Сарептские истории. Свидетельства современников о визите цесаревича и об аудиенции у императрицы / Сост. А. В. Курышев. Волгоград, 2014.
29. *Стремоухов, П. Д.* Наследник цесаревич Николай Александрович в Нижнем Новгороде // Русская старина. 1899. № 3.
30. Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.
31. «Я положительно разочарован насчет Милютин и Баранцова...» Из переписки цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича // Родина. 2015. № 2.
32. Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Meshchersky (1839–1914) // *Oxford Slavonic Papers.* 1962. Vol. 10.

А. В. Громова

*Институт всеобщей истории РАН,
Фонд содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество»*

**ЛИЧНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ
О РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ПОЕЗДКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
С СЕМЬЕЙ ПО КАВКАЗУ
18 СЕНТЯБРЯ – 14 ОКТЯБРЯ 1888 ГОДА**

Аннотация. Автор рассматривает путешествие Императора Александра III с семьей в 1888 году на Кавказ как проявление внимания к стране, личное участие в государственных делах, ознакомление и инспекцию в деле освоения обширных российских территорий. Поездка явилась следствием необходимости продолжения формирования национальной, социальной и культурной общности в России, укрепления на Кавказе позиций христианства, поиска диалога и поддержки со стороны кавказских элит. В статье получили отражение такие сюжеты, как строительство Владикавказской железной дороги, закладка Царской семьей православных храмов, посещение достопримечательностей и объектов экономического и хозяйственного значения.

Ключевые слова. Российская Империя, Император Александр III, Царская семья на Кавказе, Владикавказская железная дорога, Новый Афон, Кавказский военно-исторический музей, кадастрофа в Борках.

В эту памятную поездку Императорская фамилия посетила Владикавказ, Екатеринодар, Новороссийск, Новый Афон, Батум, Боржоми, Тифлис, имения Цинандали, Баку, Караяз, Кутаиси, а затем вернулась в Батум. Через три дня после окончания путешествия – 17 (29) октября 1888 г. – произошло известное крушение Императорского поезда на станции Борки под Харьковом.

Отправиться в такую поездку для Императора Александра III было важным решением. Речь не шла о том, чтобы просто «проехаться» по красивым местам, полюбоваться природой и ознакомиться с местными традициями и кавказским гостеприимством. Хотя Государыня Мария Федоровна посещала этот край впервые, будучи, как она потом говорила, поражена его красотой. Одним из главных поводов стало дальнейшее осуществление важнейшего для России проекта – завершения грандиозного строительства Владикавказской железной дороги.

Для Государя Александра III поездка стала проявлением государственной воли и внимания к стране, личного участия в государственных делах, в устройении отдаленных частей Империи, ознакомлением, осматриванием и в некотором роде инспекцией в деле освоения обширных российских территорий, включая новые. Поездка показывала не только внимание Императора к своим подданным, но и проявляла его благотворительные цели и начинания, столь важные для дела попечительства о своем народе.

Путь пролегал по недавно построенной, но еще полностью по грандиозному проекту не законченной Владикавказской железной дороге (будущей Северо-Кавказской).

Эта дорога, писали в то время справочники, «до настоящего времени является единственной железнодорожной магистралью, связывающей Закавказье с Европейской Россией; отсюда и вытекает ее военное значение. Последнее больше в период с ноября по февраль, когда навигация на Черном море сильно затрудняется, а на Каспии – нередко прекращается» [9, с. 426, 427].

Владикавказская железная дорога создавалась по передовым технологиям и являлась частным акционерным обществом. Его устав был утвержден в 1872 году, хотя немалая часть магистрали достраивалась затем как раз после 1888 года (до 1900-х). К открытию движения 14 июля 1875 года была выстроена линия длиной 652 версты от Ростова-на-Дону до Владикавказа с 37 станциями, 4-мя основными и 3-мя оборотными паровозными депо, главными мастерскими в Ростове-на-Дону и разводным железнодорожным мостом для переправы через реку Дон [8, с. 39].

Император Александр III внимательно следил за устройством нового пути. В 1884 году высочайшим указом был утвержден новый устав общества. Предусматривалось сооружение важной железнодорожной линии Тихорецкая – Екатеринодар – Новороссийск. Одновременно с завершением строительства этой линии в 1888 году, перед поездкой Государя, были сданы в эксплуатацию первые три пристани в Новороссийском порту [22, с. 12]. Так появилась возможность для широких экспортных возможностей юга России со строительством крупнейшего в Европе хлебного элеватора и портовых коммуникаций.

Благодаря Владикавказской железной дороге в местах, через которые она проходила, развивалось профессиональное техническое образование, открывались народные училища, которые попадали под опеку железнодорожников. «Общество более всех железных дорог оплачивает служащих, широко заботится об укреплении их быта, отличается исключительными размерами расходов на воспитание и обучение детей их, тратя на эту отрасль ежегодно сотни тысяч рублей... На медицинскую часть Владикавказская железная дорога расходует больше всех дорог, имея даже санатории для служащих» [7, с. 490].

Велась подготовка кадров телеграфистов. Помогала дорога и развитию курортного дела. Благодаря чему будет выстроено большое здание курзала с прекрасно оборудованной сценой и с читальней. Открытие железнодорожной ветки от станции Минеральные Воды до Кисловодска способствовало значительному увеличению притока отдыхающих как в Кисловодск, так и в Пятигорск, Ессентуки и Железноводск [19, с. 65].

Император Александр III неспроста выбрал эту дорогу для поездки. Она символизировала собой государственные успехи России. И он хотел убедиться в этом лично. «Путешествие Государя и его семьи по Кавказу довершило нравственное покорение этого края, связав его с Россией узами самыми прочными из всех уз – сознанием общности Отечества, преданности к престолу... которое дало несомненное доказательство своего доверия, внимания и расположения всем народам Кавказа» [25, с. 26]. Эти строки принадлежат Василию Александровичу Потто (1836–1911), русскому военному историку, на тот момент полковнику (дослужился,

посмертно, до генерала от кавалерии), автору знаменитого многотомного исторического труда «Кавказская война» [24].

В. А. Потто хорошо разбирался в вопросах российской политики на Северном Кавказе. Он был современником и свидетелем многих описываемых им событий. И хотя Потто отражал официальную точку зрения власти, все же он был, в отличие от некоторых современников, близок к объективности. Его труд о путешествии Императорской семьи на Кавказ представляет немалое значение с точки зрения фактического материала и оценки им происходящего, будучи практически единичным среди литературы того времени, посвященной данным событиям.

Ему же принадлежат и следующие слова, оценивающие поездку Императора на Кавказ: «Там, где сотни лет господствовал необузданный произвол, царствуют ныне правда и милость. Там, где прозябали народы в бедности и невежестве, насаждены ныне блага просвещения, добытые тысячелетнею христианскою жизнью» [25, с. 99].

Политические мотивы поездки 1888 года также существовали. К ним мы можем отнести ряд важных обстоятельств и событий, произошедших к данному времени и могущих повлиять на решение Императора отправиться туда, где еще совсем недавно бушевала настоящая кровавая война, которая длилась почти столетие. Россия воевала с черкесами, победила последователей имама Шамиля в Чечне и Дагестане. После этого перестало существовать почти два десятка ханств, султанатов, союзов, уцмийств или майсумств.

Император Александр III планировал серьезное реформирование структуры управления в некоторых губерниях,

включая новые земли. Для этого он ранее дал указание организовать «сенаторские ревизии», целью которых стал сбор информации и сведений о жизни подданных в этих краях Империи. На это отпускались немалые средства. Ревизия и смена курса во внутренней политике стали началом реформ [2, с. 78]. И нужно было убедиться лично – как это могло бы происходить на местах, ознакомиться с патриархальными, родовыми традициями, которые способствовали многовековому самосохранению кавказских народов. Предполагалось личное знакомство Императора со здешними народными лидерами, что могло бы укрепить крепкую связь с теми, кого они представляли [3, с. 152–157].

Международная обстановка в Европе также давала о себе знать. К 1888 году прошло 10 лет со времени появления Берлинского трактата. Как известно, по нему к Российской Империи отходила часть Бессарабии, а в дополнение, на Кавказе – Карс, Батум и Ардаган. Город Батум был запланирован как пункт посещения во время путешествия 1888 года в качестве обязательного, ведь исполнялось десятилетие с момента его взятия русскими войсками в 1878 году. Ситуация с Крымом на тот момент стала спокойной, разногласия с Европой были урегулированы, особенно с Севастополем, который в обмен на Карс вернулся в Россию.

Император Александр III хоть и утверждал знаменитую формулу, что у России есть два союзника – «наша армия и флот», но при этом старался устраивать все мирным путем. Затихший Кавказ был крайне важен для страны. И Европа также соглашалась с расширением империи в этом регионе. Личное Царское присутствие здесь символизировало постановку твердой точки в конце длительной

и трудной истории кавказских завоеваний российского государства.

Следовало задуматься о методах формирования национальной, социальной и культурной общности в России. Укрепить на Кавказе позиции христианства. Найти общий язык и поддержку со стороны здешних элит. Выстроить военную систему, двинуть вперед экономические преобразования, включая доведение до конца работ по обустройству Владикавказской железной дороги [5, с. 160–161].

Ситуацию хорошо проясняют слова имама Шамиля, отдавшего более 40 лет своей жизни борьбе с Россией, сказанные им в калужской ссылке (после 1865 года), где он называл Россию неприступной крепостью, окруженной природными просторами и людскими ресурсами. Эти слова он передал через начальника Калужской губернии генерал-майора М. Н. Чичагова незадолго до своей кончины. По просьбе Шамиля губернатор в переводе с арабского телеграфировал Военному Министру Д. А. Милютину написанное имамом письмо: «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь служению белому Царю, благодеяниями которого он теперь пользуется» [5, с. 160–161].

Поездка Императора России знаменовала не столько уже свершенную победу христианства и «христианского правителя», сколько идею единения подданных Империи под эгидой главного, государствообразующего народа – русского – с сохранением традиций, свойственных коренным жителям кавказского региона, в духе высказывания историка-эмигранта С. С. Ольденбурга (родившегося как раз в 1888 году), когда он рассуждал о времени

правления Императора Александра III так: «...в правительственных сферах наблюдалось больше внутреннего единства путем утверждения первенства русских элементов страны» [21, с. 16].

Освещая поездку Государя и Августейшей семьи, В. А. Потто отмечал: «Событие имело для Кавказа слишком глубокий исторический смысл, как выражение идеи тесного слияния этого края с Русской империей, как живое свидетельство прочности водворенного мира в стране, где целые столетия люди не знали, что такое мир» [24, с. 2].

Началом пути на юг 14 сентября 1888 года стала станция Спала Царской охотничьей резиденции (ныне Польша), откуда Императорская семья отправилась на другую станцию – Олень. После этого все вместе они проследовали по Ивангородо-Домбровской железной дороге в сторону Дона. В группе находились старшие сыновья Императора – Николай и Георгий. Младшие дети в это же время направились в Крым, на отдых.

Следует сказать об организации охраны царского поезда. За год до этого был раскрыт заговор с целью убийства Императора, участником которого был А. И. Ульянов – старший брат В. И. Ульянова (Ленина). Не так давно был убит Император Александр II. По этой причине в начале реформ Императора Александра III появился самостоятельный институт государственной охраны. Складывающаяся система казалась достаточно жизнеспособной. Руководство охраны назначалось Государем и подчинялось только ему. Были также созданы специальные батальоны, которые обеспечивали безопасность Александра III во время поездок по стране [23, с. 82].

При Александре II был создан Собственный Его Императорского Величества железнодорожный полк – лейб-гвардейская часть, обеспечивавшая охраной все железнодорожные поездки Императорской фамилии, обслуживавшая и охранявшая Императорский поезд. Первоначально он назывался как 1-й Железнодорожный батальон (две строительные и две эксплуатационные роты). С 12 мая 1881 года он был передан в подчинение дворцовому коменданту для охраны Императорских поездов и путей следования Императорской фамилии по железным дорогам. Одновременно батальону была поручена постоянная охрана железнодорожных путей, соединяющих столицу с загородными Императорскими резиденциями. Информация о поездках Царя считалась секретной. Иногда на маршрут выходили одновременно два одинаковых внешне эшелона. Их именовали как Царский (литер А) и как свитский (литер Б). При этом составы иногда меняли местами.

Заведующий канцелярией Министерства Императорского Двора В. С. Кривенко вспоминал: «...полковник Альбертов¹ явился инициатором организации охраны царских поездов. Помню, когда мне случилось услышать предположение его о стягивании войск по линии дороги следования царя с таким расчетом, чтобы окараулена была фактически каждая сажень пути, то мне показалось это фарсом, но, к удивлению моему, альбертовский проект был одобрен, проведен в жизнь и осуществлялся вплоть до революции» [18, с. 150].

И хотя предстоящая катастрофа 17 октября 1888 года

¹ Полковник Л. М. Альбертов, на тот момент (1888 г.) командир охранного 1-го Железнодорожного батальона.

в Борках, когда поезд с семьей Императора потерпел крушение и сошел с рельс, убедительно показала, что главной проблемой являются не «политические злоумышленники, а затхлость, закоснелость внутренней организации, бесконтрольной, отжившей давно свое время» [18, с. 150–151], проекты полковника Л. М. Альбертова были приняты.

Местные кавказские администрации также (за несколько месяцев до приезда Императора) стали принимать особые меры безопасности. Например, в письме от 6 июня 1888 года начальник Терской области генерал-лейтенант А. М. Смекалов обязывал начальника Нальчикского округа А. Г. Вырубова усилить наблюдение за всеми, состоящими «под гласным и негласным надзором, равно, как и вообще, за такими, которые по своему образу жизни или же сношениями с подозрительными личностями, не представляющих достаточных ручательств своей благонадежностью обо всех в жизни и поведении лиц» [1, с. 133].

Генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков¹, как Главнначальствующий на Кавказе, скрывал точную дату прибытия Императора. Он лишь только позже скажет начальникам южных губерний России о «приближении счастливого события – Высочайшего посещения Кавказа». Он не хотел никаких событий, которые могли бы нарушить «стройный порядок, столь желательный и необходимый». Генерал считал полезным изложить для руководства «свод некоторых указаний для установления необходимого разнообразия, для соблюдения порядка, тишины, спокойствия

¹ Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893) – российский военный и государственный деятель, участвовал в Кавказских походах и в Крымской войне, генерал-губернатор Юго-Западного края, а затем Главнначальствующий на Кавказе (1882–1890).

и благочиния во всех случаях путешествия их Величеств» [4, с. 240–241].

В такой обстановке, скрытой от посторонних глаз, готовилось и начиналось путешествие Августейшей семьи. Но на самом деле, когда об этом стало известно, а также по прошествии времени эта поездка стала предметом огромного внимания. Участниками событий и свидетелями оставлены заметки и воспоминания. Среди них материалы современников – В. А. Потто, В. С. Кривенко, графа С. Д. Шереметева, И. И. Дмитренко, архимандрита Иерона, Цесаревича Николая Александровича. Периодическая печать разных уровней сообщала о происходящем. Среди газет и журналов – «Московский листок», «Правительственный вестник», «Северный Кавказ», «Кутаисские ведомости», «Батум», «Кавказ» и другие.

В Ростове-на-Дону Императорский поезд сделал первую остановку. Это произошло 17 сентября. Так как ранее, 1 января 1888 года, был обнародован Императорский указ о присоединении Ростовского уезда (с посадом Азов) и Таганрогского градоначальства к области Войска Донского, то данную остановку нельзя назвать случайной.

Собственно, отсчет осуществления кавказского путешествия Императорской семьи следует вести после того, как из Ростова-на-Дону Царский поезд отправился во Владикавказ. При этом нельзя было миновать Минеральные Воды и станцию Прохладную.

Так, 18 сентября 1888 года, в полдень, поезд остановился на станции Минеральные Воды. Государя Императора здесь встречал почетный караул. На железнодорожной платформе Государя ждал Главноначальствующий

генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков. Тут же выстроились атаманы Терского и Кубанского казачьих войск, начальник местных войск на Кавказе и многие другие уважаемые люди.

В. А. Потто писал: «Вокзал, обвитый дубовыми гирляндами, с павильоном, убранном бархатными портьерами, коврами и прекрасною мебелью, сделался неузнаваем. В нескольких стах шагах от него строились казаки для Царского смотра, а на дебаркадере уже стоял почетный караул от 2-го Кавказского резервного пехотного батальона, квартирующего в Пятигорске. И здесь-то, на станции Минеральных вод, в первый раз кавказское знамя преклонилось пред своим Государем. И Государь приветствовал кавказское войско в лице почетного караула... Обойдя почетный караул, Государь милостиво принял хлеб-соль, поднесенную ему на ценных блюдах представителями городов: Пятигорска, Георгиевска и Ставрополя» [25, с. 7–8].

Затем Царский поезд отошел со станции Минеральных Вод к павильону, устроенному на месте смотра, в нескольких саженьях от полотна железной дороги. Туда же, вслед за Государем, перешли все учебные заведения, и, пока войска строились для церемониального марша, тысяча детских голосов стройно запели:

Слава на небе солнцу высокому...

А потом:

Многие лета, многие лета.

Православный русский Царь!

Дружно, громко песня

эта пелась прадедами встарь [25, с. 7–8].

Но оставаться в Минеральных Водах Царская семья не планировала. После смотра, ровно в час дня, поезд двинулся дальше, проезжая станции Незлобную, Зольскую и Солдатскую.

На полпути от Минеральных Вод до Владикавказа поезд сделал остановку на станции Прохладная. И здесь Государя Александра III приветствовала большая депутация, собрались представители от жителей ближайших казачьих станиц Терского войска, а также и обитатели здешней немецкой колонии.

В два часа дня того же, весьма продолжительного дня, поезд тронулся дальше. К пяти часам вечера состав остановился на вокзале города Владикавказа.

Государя встречали помощник Главноначальствующего на Кавказе генерал-адъютант Сергей Александрович Шереметев, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Александр Михайлович Смекалов, военное начальство, городской голова с гласными городской думы, почетные горожане и просто жители города. Прямо с вокзала Император Александр III проследовал в городской кафедральный Спасо-Преображенский собор.

У В. А. Потто читаем: «При самом въезде в город, в нескольких десятках сажень от вокзала железной дороги, поднялись легкие, красивые триумфальные ворота, украшенные гербами Владикавказа... Кто умеет читать геральдику, тот прочтет по этим знакам: «Державная власть владеет Кавказом... Съезд в городе огромный» [25, с. 7–8].

Вечером состоялся торжественный обед.

Понедельник 19 сентября объявили праздничным днем. Прошел грандиозный смотр войск и парад. Затем прием делегаций, после чего состоялся Императорский завтрак, на котором присутствовали высшие военные чины. А после этого Государь награждал военнослужащих и гражданских лиц [13, с. 37].

К награждению местные власти готовились особо. Заведомо произвели подбор кандидатур, которые бы соответствовали требованиям для присвоения чина или награждения ценными подарками [5, с. 164]. Начальник Терской области генерал-лейтенант А. М. Смекалов 5 июля 1888 года сообщил об этом своим письмом, чтоб отобрали тех, кому «полагалось бы испросить Высочайшие награды». Добавлялся и критерий – следовало обращать внимание «не только на заслуги в прошлом и настоящем, но и на положение и авторитет этих лиц среди населения». И не забывать о важном – предусмотреть, какое впечатление произведет соответствующий выбор «на массу, особенно среди мусульман» [27, с. 35].

Торжественная встреча Государя и Государыни во Владикавказе предполагала также участие делегаций «от каждого из племени местного туземного населения области». Сформировать список приглашенных и установить норму их представительства обязал атаманов, начальников округов – сам начальник Терской области. К примеру, кабардинский народ и горские племена представлялись 15 почетными депутатами. От осетин было 12 представителей, от ингушей – 8, а от «кумык с аухивцами и салатовцами» – 9 депутатов. Были представлены все основные народности, включая кочевников

Кара-Ногайского приставства Кизлярского отдела и крещенных калмыков [5, с. 165].

Наиболее значительную делегацию представляли чеченцы («с аргунцами и ичкеринцами»). Знатных делегатов от них было 30 человек. Особо следует сказать, что при награждении Императором отобранных представителей народов были отмечены старшины различных чеченских сел. В первую очередь вручались золотые и серебряные медали «За усердие» для ношения их на груди и на шее на лентах различного достоинства [26, с. 10].

После этого Августейшие гости посетили Тенгинскую церковь Святых апостолов Петра и Павла и военный госпиталь.

После ужина представители от казачества, местных народов и сословий преподнесли Императорской семье многочисленные подарки. Причем каждому члену семьи – свои, особенные. Для Цесаревича Николая Александровича были сшиты разные виды формы казаков. Подарочное оружие поражало воображение своей красотой и мастерством изготовителей. Преподносились в подарок лошади, сбруи, кавказские сувениры и ювелирные изделия.

К вечеру на площади города, после обеда на 1400 персон, почти стихийно произошли народные гулянья. Императорская семья вышла к народу и была тесно окружена сотнями людей, желавшими потрогать Государя или сказать ему какие-то слова благодарности и приветствия, тем самым выразить свою огромную любовь.

Народные гулянья продолжились и на следующий день праздника. Казалось, что ему не будет конца. Завтрак с офицерами и делегацией во Владикавказе 20 сентября

включал окрошку (любимое блюдо Императора Александра III), суп по-американски, пирожки, котлеты холодные из севрюги, борделез, филе из фазанов совиный, вырезка говядины с пюре из шампиньонов, компот из груш на шампанском.

Однако почти к полночи, после молебна, Августейшая семья вернулась в поезд и направилась в Екатеринодар – в главный город Черноморского казачьего войска, а с 1860 года – Кубанского казачьего войска и Кубанской области.

Утром 21 сентября Царский поезд прибыл на станцию Невинномысская. Здесь брала свое начало Кубанская область. По выходе из вагона Государя встретил начальник Кубанской области наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Георгий Алексеевич Леонов.

Далее от станции Тихорецкая поезд направился по только что открытой Новороссийской железнодорожной ветке к Екатеринодару, куда прибыл уже 21 сентября в пятом часу пополудни.

На вокзале Екатеринодара, рядом с почетным караулом 3-го Пластунского батальона, выстроилось для встречи Государя все здешнее высшее военное и гражданское начальство. Вокруг ожидала встречи Императора многочисленная делегация горожан.

Царская чета отправилась с вокзала в Войсковой Александро-Невский собор. Открытую коляску для Августейших супругов запрягли парой вороных рысаков. За ними следовали наследник Цесаревич Николай Александрович и Великий Князь Георгий Александрович.

По этому случаю по пути следования была возведена Триумфальная арка, получившая в обиходе название

«Царские ворота». Ее построили в старомосковском стиле. Под образами святого Александра Невского и святой великомученицы Екатерины была помещена золоченая надпись: «Александр III. Да осенит Тебя, Великий Государь, Божию Благодатью Твой Ангел Хранитель».

Отстояв службу, Царская семья отправилась в дом наказного атамана Кубанского казачьего войска Г. А. Леонова. Здесь им были приготовлены комнаты для проживания.

22 сентября состоялся торжественный сбор войскового круга с представителями всех кубанских частей и станиц. Сбор посетил Император Александр III. После обеда Государь осмотрел Войсковой музей, Мариинский женский институт, войсковые женскую и мужские гимназии, женскую профессиональную школу, Войсковую оружейную мастерскую, Войсковую больницу и Фельдшерскую школу.

Днем в городе прошли народные гулянья. А вечером Царская семья отправилась в Новороссийск, куда прибыла 23 сентября. Участок Екатеринодар – Новороссийск был второй очередью только что открытой Новороссийской ветки Владикавказской железной дороги.

С железнодорожной станции гости и встречающие отправились в порт. В Новороссийской бухте была выстроена в боевой порядок эскадра Черноморского флота. «Государь Император на Императорском катере прошел вдоль линии судов; везде люди стояли на вантах и кричали «Ура»; музыка при проходе Императорского катера играла народный гимн» [16, с. 17]. Затем Император посетил павильон, построенный рядом с пристанью. По случаю визита высоких гостей в городе объявили праздник. Ночью Новороссийск был как никогда ярко освещен.

В девятом часу вечера Черноморская эскадра снялась с якоря и вышла в открытое море. Вслед за ней на крейсере «Москва» (разные источники называют его по-разному: пароход, судно или яхта, но чаще – крейсер, подразумевая, что это был военный пароход) вышла в море и Царская семья. В начале одиннадцатого «Москва» подошла к Новому Афону, где находился знаменитый уже тогда Новоафонский монастырь.

Игумен Новоафонской обители архимандрит Иерон оставил воспоминания об этих днях. Он писал: «С 20-го Сентября начался съезд светских властей в монастырь. В назначенный день прибытия Их Императорских Величеств, 24 сентября, мы все с напряженным вниманием устремили наши взоры туда, откуда должен был показаться Царский пароход; и вот мы увидели два парохода – крейсер «Москва» в сопровождении военного клипера «Память Меркурия». Монастырский колокол торжественно дал знать об этом, и все пришли в необычайное движение» [10, с. 268].

Император Александр III хорошо помнил о покровительстве его отца, Александра II, афонским монахам. В августе 1875 года, когда несколько монахов из русской Свято-Пантелеимоновой обители на Святой горе Афон в Греции прибыли в Абхазию, чтобы выбрать место для нового монастыря, он уже следил за развитием событий. Ранее этого монахи – отец Иероним и отец Макарий – обратились за поддержкой к графу Н. П. Игнатьеву, который обещал содействие в идее, чтобы «русской братии Пантелеимонова монастыря поселиться на Кавказе и основать там новую обитель». До переселения, 8 февраля 1875 года,

он писал наместнику Кавказа Великому Князю Михаилу Николаевичу: «Глубина православных убеждений, чистота и строгость жизни... нашей братии на Афоне служит, мне кажется, ручательством, что и на Кавказе иноки эти будут полезными и ревностными деятелями распространения православия и обрусения края» [17, с. 218].

Идея успешно осуществилась, и теперь сын зачинателя посетил обитель со своей Августейшей семьей. Архимандрит Иерон пишет: «Государь изволил проследовать пешком весь монастырский двор. Проходя двором монастырским ко Храму Покрова Божией Матери, я, архимандрит Иерон, спросил князя Дондукова-Корсакова, сопровождавшего Государя, «Куда из Храма Покрова Божией Матери изволит Государь пожаловать: на закладку собора или к древнему Храму Святого Апостола Симона Кананита?» Князь Дондуков-Корсаков говорит: «Я, получил вашу телеграмму в Новороссийске, но дороге к вам от Новороссийска доложил Государю, что у вас приготовлена закладка нового Собора»... Государь сказал: «Хорошо, – заложу»... Не доходя более чем 5 саж. до храма Покрова Божией Матери, Государь обнажил свою голову, набожно осенил себя крестным знаменем, милостиво приветствовал братию, стоявшую около храма и встретившую его низкими поклонами, – изволил вступить на паперть» [10, с. 269–270].

Идея заложения Государем первого камня в фундамент будущего собора имела свою историю. Ее описал архимандрит Иерон: «...в 1888 г. ждали на Кавказ Государя Императора с Августейшим его семейством... Готовились, посему, и мы... Вот мне и пришла в голову мысль: не удостоит ли Государь своими Царскими руками заложить наш

соборный храм, который со временем станем строить, в зависимости, т. е. от материальных средств обители? Я стал просить у старцев [монастыря св. Пантелеимона на Горе Афон в Греции] благословения на приведение моей мысли в осуществление... Старцы, хорошо зная, что у меня нет денег, необходимых на приведение моей затеи в исполнение, затруднились дать мне свое благословение на то, о чем я их – моих старо-афонских руководителей – просил. «А если Государь, – писали они мне, – спросит: есть ли деньги на постройку собора... и если узнает, что их нет в вашем распоряжении, то ведь, пожалуй, оскорбится... Рисковать, посему, нельзя». Но я снова стал просить старцев афонских о том же и том же, желая воспользоваться столь исключительным случаем. И старцы, наконец, дали свое согласие... Так как дотоле не было «ездовой» дороги снизу – от пристани вверх – к месту, где после был выстроен собор... то теперь усиленно стали ее устраивать, пока не прибыл высокий гость. Думали, что он едва ли согласится подниматься пешком к месту предполагавшейся закладки собора» [6, с. 643–644].

Так в день прибытия в монастырь Государя Александра III все-таки состоялась церемония закладки соборного храма Святого великомученика Пантелеимона. На этом месте водрузил крест, освященный епископом Геннадием, сам Государь. Крест из кипарисового дерева затем будет поставлен за престолом в алтаре собора. Император, а вслед за ним Императрица, Цесаревич и Великий Князь Георгий Александрович заложили первые кирпичи в фундамент храма. А после этого Император Александр III преподнес в дар монастырю музыкальные куранты [1, с. 133].

Во владениях монастыря Государь с Императрицей посетили и храм Апостола Симона Кананита, сооруженный в период расцвета Абхазского царства в X веке. По словам архимандрита Иерона, Император решил пойти туда пешком по сложной дороге. «Где дорога? – рассказывает архимандрит. – Я сказал: «Ваше Императорское Величество, благоволите поехать в экипаже». Государь ответил: «Государыня и другие пусть едут, а мы пойдем пешком». Я опять говорю: «Ваше Императорское Величество, дорога очень плохая и по ней невозможно идти Вашему Величеству». Когда же на вопрос Государя: «Да, вы по ней ходите?» я ответил: хожу, мне можно, но Вашему Величеству будет трудно, дорога крутая и каменистая», – Его Величество изволил сказать: «Ничего, пойдем». Мы пошли...» [10, с. 272].

Архимандрит Иерон вспоминал: «Выслушав ектению и приложась к Святому Кресту, осмотревши храм и древнюю живопись, Их Величества в сопровождении Их Высочеств и свиты изволили пойти на плотину¹. Взойдя на плотину, Их Величества прошли дальше, любуясь на природу» [10, с. 272–273]. От церкви Симона Кананита, обратно, Государь также прошел пешком, посему дорогу эту позднее стали именовать «Царской аллеей», и монахи вдоль нее высадили кипарисы.

Царская чета посетила монастырскую школу в Новом Афоне. Детский хор пел «Боже, Царя храни», по поводу чего Император, обратившись к иеромонаху Дорофею, сказал: «Благодарю вас, ваши ученики поют хорошо», а затем передал в дар школе 500 рублей [28, с. 12].

¹ Постройка уникальной бетонной плотины на р. Псырцха была завершена еще в декабре 1882 года.

Царская семья и вся свита записала свои имена в книге для памяти «в утешение братии нынешней и будущей». Сделано это было старинным гусиным пером.

Как пишет архимандрит Иерон: «Одна из дам из свиты Государыни говорит одному монаху нашему: «У вас Государь отдохнул. Всегда и везде пред Государем все на вытяжку, и Государю приходится несколько себя держать также, и Ему уж это надоело; а у вас просто, как будто по-семейному, что заметно Государю понравилось» [10, с. 277].

В память о приезде Императора и его семьи монахи построили на морском берегу часовню, установили у водопада мемориальную доску с надписью, позднее таких досок стало больше. Приделы собора Святого великомученика Пантелеимона освятили затем в честь святых покровителей представителей Августейшей семьи Императора Александра III, посетивших монастырь: святых Александра Невского, Марии Магдалины, Николая Чудотворца и Георгия Победоносца.

Интенсивный по содержанию день посещения Нового Афона закончился. К вечеру все поднялись на борт крейсера «Москва». Но до отправления было совершено одно важное деяние Августейшей четы для Ново-Афонской обители, совершенное через три часа после их возвращения на борт крейсера «Москва»: «...адъютант привез от Государыни Императрицы пакет с 5000 рублями на монастырские нужды» [6, с. 645].

Наконец, отчалили и пошли в сторону Батума.

На следующий день кавказская пресса сообщала: «25 сентября в 10 часов гром пушек дал знать батумцам, что счастье, которого они с нетерпением ждали, настало.

Императорский корабль прибыл. На нем находились Император Александр III, Императрица, Наследник Цесаревич, Великий князь Георгий Александрович и блестящая свита.

Вместе с Императором прибыли министр Императорского двора и уделов граф Воронцов-Дашков и Главнo-управляющий по Кавказу князь Дондуков-Корсаков.

Красочно был украшен батумский порт, на причал которого должны спуститься с корабля высокие гости.

Земля была устлана коврами. Гостей встретили хлебом и солью главные сановники города. Женщины преподнесли Императрице красивейший букет цветов.

После торжественной встречи Император со всей свитой и сопровождающими направились в церковь, где их встретил епископ Григорий. Здесь они присутствовали на церковной службе, а затем направились на площадь у бульвара, где намечалось построить новый собор во имя св. Александра Невского.

Император заложил первый камень в фундамент. То же сделали Императрица, Наследник Цесаревич и Великий князь Георгий Александрович. После этого прошла церковная служба...» [14, с. 3].

После этого был организован обед прямо на борту крейсера «Москва», на котором присутствовали чиновники гражданского и военного ведомств, а также духовенство. По окончании обеда Августейшая семья посетила военный госпиталь. Затем в городском саду посадили собственноручно несколько деревьев. Как указывала пресса, Император посадил магнолию, Императрица – аврокарию, Цесаревич Николай и Великий Князь Георгий

Александрович – гималайские кедры. По этому случаю городской сад Батума назвали потом «Александровским садом».

Посетили Михайловскую крепость, а затем по узкоколейке, на специальном железнодорожном составе приехали в артиллерийский городок. На этом морская часть путешествия была завершена. К вечеру 25 сентября Императорская семья переселилась из «Москвы» в поезд, чтобы отправиться в Тифлис.

Утро 26 сентября встретили на станции Михайлово. Здесь состоялся смотр войск. У входа в Боржомское ущелье, в долине, располагался военный лагерь, где и происходило событие. На смотр войск было привлечено 18 батальонов пехоты, 4 сотни всадников и 102 орудия [5, с. 168]. «В 8 часов утра, по условному сигналу, войска выступили из лагеря. Мерный гул идущей пехоты смешался с грохотом орудий, с топотом коней. Еще час – и неподвижная, стройная линия войск рельефно выделилась на ярком фоне зеленого луга. Впереди стояла пехота, за нею построилась полевая артиллерия, а еще далее, в третьей линии, стали казаки с конною батареею» [25, с. 103], – рассказывал В. А. Потто.

Меню состоявшего затем завтрака для начальников частей на станции Михайлово было простым: окрошка, суп графский, пирожное, осетрина холодная, куропатки с капустой, седло баранье с гарниром, груши в желе.

После этого Августейшая семья на экипажах отправилась в имение Великого Князя Михаила Николаевича – Боржоми. Слава о целебных источниках Грузии уже гремела в российских столицах. Именно Великий Князь Михаил Николаевич – родной брат Императора

Александра II – создал Особое управление минеральными водами Тифлисской губернии. Он старался доказать, что Боржоми может стать образцово-показательным курортом. Возглавлял ведомство его личный врач А. А. Реммерт, при котором курорт расцветал на глазах.

В. А. Потто описывал увиденное так: «С небольшим в полвека тому назад это поле было пограничным рубежом Российской Империи. Начинаящееся за ним Боржомское ущелье уже принадлежало туркам. Первобытная глушь широко раскрывала тогда перед путником свои мощные объятия, и с трепетом сердца пускался одиночный всадник через эти пустынные и дикие места... Но прошло полвека, и Боржом сделался «Перлом Кавказа». Среди утрюмых скал и диких лесов его появились дворцы и роскошные дачи, служащая убежищем городскому жителю, истомленному летним зноем благословенной Иверии» [25, с. 103].

По указу Великого Князя на левом берегу реки Боржомула был построен дворец в мавританском стиле, возведены и организованы гостиницы для приезжих гостей.

Великий Князь Михаил Николаевич принял Императора Александра III и его семью в своем дворце. Живописные окрестности поражали воображение. Не задержаться здесь на день было невозможно. Только 27 сентября вечером Царская семья вернулась на станцию Михайлово, чтобы ночью отправиться в путь. Их ждал Тифлис.

Царскую семью в Тифлисе встречал почетный караул, а вместе с ним и руководство города и губернии. Князь Багратион-Мухранский поднес Государю хлеб-соль от имени всего тифлисского дворянства. На что Государь сказал: «Благодарю вас, князь, я очень рад, что мне удалось

наконец побывать на Кавказе». Царскую семью разместили в роскошном дворце.

В Тифлисе Августейшая семья находилась три дня: с 28 по 30 сентября. Было много встреч. Император переговорил с послом персидского шаха. Особо встретился с экзархом Грузии, а также с католиком всех армян, православным духовенством, консулами и высшим руководством губернии и города.

Стоит отметить, что для полноты картины этой поездки необходимо иметь в виду дневники и письма всех членов Царской семьи. Младшие Августейшие дети в это время находились в Крыму и поддерживали переписку. Через эти исторические источники можно понять семейную духовную атмосферу и уточнить многие исторические события. Слухи о поездке Императорской семьи на Кавказ распространялись с огромной скоростью. В качестве примера процитируем весьма оригинальное письмо Великой Княжны Ксении Александровны (1875–1960) к наследнику Цесаревичу Николаю:

«28 сентября 1888 г. – Ливадия. Крым.

Мой дорогой Ники!

Очень, очень благодарю Тебя за твое прелестное интересное письмо. Я была чрезвычайно довольна им и очень обрадовалась! Я ужасно сожалею, что не с Вами и не вижу этих идеальных мест [которые] вы видите, и наслаждаетесь этой прелестью...

Как должно быть «все», что Вы видите идеально, особенно, во-первых, «виды», а потом все эти чудесные дикие места и казаки, все чудо!!! Я ужасно хотела бы это видеть.

Ксения» [11, с. 45–48].

На второй день пребывания в Тифлисе – 29 сентября – на Дидубском поле был произведен Высочайший смотр войск Тифлисского гарнизона, где участвовало 9 батальонов пехоты, 1 эскадрон, юнкерское училище и кадетский корпус. После чего Император с Императрицей посетили старейшую классическую гимназию имени Святой Нины, Закавказский девичий институт, где приняли участие в закладке нового учебного институтского здания.

Вечером в трехэтажном здании губернского предводителя дворянства Багратион-Мухранского был дан бал. Желающих попасть было много. Предварительно распространили приглашения с таким текстом: «Билет для входа на бал, устраиваемый дворянством Тифлисской губернии по случаю приезда Их Императорских Величеств... Начало бала в 9 часов вечера».

Современник описал событие в подробностях, рассказывая об обширном трехэтажном доме губернского предводителя дворянства князя Багратион-Мухранского: «Сегодня в этом доме тифлисское грузинское дворянство дает бал в честь Царственных гостей, и с минуты на минуту ожидают сюда прибытия Императорской Четы. Весь дом иллюминирован и представляет собою нечто в роде волшебного замка. Из широких, ярко освещенных сеней, разукрашенных тропическими растениями, пологая лестница, покрытая алым бархатом, ведет в аванзалу, убранную с восточною роскошью; на ступенях лестницы разместился почетный караул от грузинских князей и дворян. Это подъезд – Царский. Но почти с такою же роскошью убраны и другие... по которым сплошной вереницей поднимались в бельэтаж сотни приглашенных лиц. Через широкия

двери гости вступали в обширный и высокий зал, оклеенный дорогими золотистыми обоями с нежно розовыми и голубыми полосками; из залы налево двое дверей вели в апартаменты, приготовленные собственно для Царственных гостей; вправо – целая анфилада гостиных, убранных коврами, а дальше – столовые, уставленные дорогими закусками и винами. Вся прислуга одета в старинные, национальные грузинские костюмы. В 9 часов все комнаты были переполнены публикой, особенно непроницаемую стеною столпившейся в танцевальном зале, где изящество прихотливого Востока и тончайшее искусство Запада, смешавшись в туалетах дам и мужчин» [25, с. 134].

30 сентября Царская семья отправилась в Навтлуг. Посетили Надеждинскую общину сестер милосердия, Надеждинский детский приют, Надеждинский дом призрения бедных, военный госпиталь, военно-фельдшерскую школу.

После обеда встретились с учениками гимназий, посетили Кадетский корпус, а затем Император Александр III осмотрел Военно-исторический музей.

В 1885 году в Тифлисе при Военно-Историческом отделе Штаба Кавказского Военного округа создали Кавказский Военно-исторический музей. Музей, с народным названием «Храм Народной Славы», должен был отобразить наиболее важные страницы Кавказской войны. Александр III одобрил идею о создании музея и расходы на его устройство, выделив средства из сумм военного министерства. В том же, 1885 году началось строительство музейного здания. Автором проекта здания по образу выставочного Дворца в Риме (архитектор Пьячентини) стал известный тифлисский архитектор Альберт Зальцман.

В 1888 году строительство музея было уже завершено, но открытие состоится только в 1907 году. К приезду Александра III еще не все экспонаты были собраны. Половину здания наскоро подготовили для размещения уже готовых батальных полотен, портретов и других экспонатов. При входе были видны портреты во весь рост русских Императоров, от Петра Великого до Александра III. Рядом расположили масштабные полотна художников Ф. А. Рубо, И. К. Айвазовского и Н. С. Самокиша.

О посещении Императором музея подробно писала местная пресса:

«01.10.1888. Тифлис...

В 4 часа дня, Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица с Августейшими Детьми Наследником Цесаревичем и Великим Князем Георгием Александровичем изволили посетить наш военно-исторический музей или «Храм славы»... Фасад его грозно и вместе с тем внушительно украшают трофеи славных минувших дней – турецкие пушки, числом около ста... Весь фасад «Храма славы» убран зеленью, гирляндами громадных размеров и расцвечен большими флагами...

...У входа в «Храм славы» имели счастье встретить Их Императорских Величеств следующие лица: начальник военного инженерного управления ген.-лейт. Подымов, как председатель комиссии по сооружению «Храма славы», члены комиссии: ген.-лейт. Чернявский, д.с.с. М. К. Гакель, полковник Волков, полковник Потто и директор кавказского музея Г. И. Радде, архитектор А. Ф. Зальцман, строитель здания капитан Болгарский, а также художники Ф. А. Рубо, Л. Г. Лонго, Самокиш, Колчин и Шамшинов...

Государь Император изволил осматривать все картины и портреты».

После парадного ужина (меню: ботвинья, суп из черепахи, пирожки, котлеты из лосося холодные, индейки вырезка, суфле из гусиных печенок с трюфелем, жаркое куропатки, салат, цветная капуста, соус голландский, мороженое) Царская семья и гости переместились в загородный сад «Мутаид». Началось народное гулянье, прогремел фейерверк, «зажглась блестящая иллюминация» [25, с. 124].

Армянская газета «Мшак» освещала события в Грузии: «Много еще среди нас стариков, которые помнят печальные и ужасные события из прошлого Тифлиса. С востока не раз приходили властители, но жители бежали от них, спасая жизнь и покидая достояние. Теперь само население Кавказа стремится в Тифлис навстречу Северному властителю, несущему с собой свет, охрану спокойствия, мир и благоденствие. Счастлив Тифлис, удостоенный впервые видеть у себя русскую Императрицу, – и это небывалое до сих пор событие служит лучшим доказательством того, насколько Кавказ близок царскому сердцу» [20, с. 287].

На следующий день с утра по кахетинской дороге поехали в Цинандали. Сделали остановку между Тифлисом и Гамборами. Здесь Царскую семью ждал у деревни Уджарма завтрак. Остановились по пути в Гамборах.

Все время вдоль дорог от Телави до Цинандали стояли местные жители, радостно встречали Императорский экипаж, засыпая дорогу цветами. В Цинандали прибыли к шести часам вечера. Августейшие хозяева поместья впервые посетили перепланированный и перестроенный 20-комнатный дом. Как иронично заметила Императрица,

Государь стал кахетинским помещиком Александром Александровичем Романовым, который решил посетить свои владения.

В Цинандали Император Александр III указал построить дворец-музей выдающегося грузинского поэта Александра Чавчавадзе. 3 октября, к пяти часам вечера, прибыли в имение графа Сергея Дмитриевича Шереметева в Карданах.

Назавтра посетили село Сигнах, святыню Грузии – Бодбийскую обитель, где покоится просветительница Иверии – святая Нина. «Посещение Бодбийского монастыря Императорскою семьею оставило во всех грузинах чувство глубокого умиления и благодарности уже потому, что с равноапостольною Ниною соединяется в понятий каждого ни одна только святыня религиозная, но и гордость народная» [25, с. 166]. По указанию Александра III решено было начать восстановление монастыря. После этого вернулись в Цинандали.

5 октября – утром выехали в Телави и в Тионети – старинную столицу Кахетинского царства. Продолжили путь в Тионетский лагерь – участвовать в маневрах.

6 октября – после маневров был дан торжественный ужин, состоялись показательные военные выступления.

7 октября – поехали обратно в Тифлис. Остановку совершили у Сабадурского перевала. Приехали в Авчалы после шести вечера. Там, на железнодорожной станции, неподалеку от Тифлиса, пересели на поезд, чтобы отправиться в Баку.

Эта часть железной дороги (Тифлис – Баку) являлась продолжением уже построенной до этого линии Поти –

Тифлис. Первые составы прошли здесь в мае 1883 года. Данный отрезок железнодорожного пути решал важнейшие экономические задачи, он позволял совершать перевозку нефти и нефтепродуктов из Баку на Черноморском побережье, а затем – экспортировать добытое топливо через порты.

В два часа пополудни в субботу 8 октября 1888 года Императорская семья прибыла в Баку. На платформе вокзала их встречали вице-губернатор города, официальные лица и городской голова С. И. Деспот-Зенович с думскими деятелями. Станислав Иванович являлся неизменным председателем Бакинского округа Императорского Российского общества спасения на водах и был пожалован покровительницей этого общества Государыней Марией Федоровной золотым знаком общества.

Затем Царскую семью пригласили в собор Святителя Николая Чудотворца, где их встречал экзарх Грузии, высокопреосвященный Палладий. Он приветствовал Императора речью. Началась служба.

По окончании службы Августейшие гости переместились в губернаторский дом.

В этот же день Император с семьей посетил Мариинскую женскую гимназию. После теплой встречи ученицы подарили вышитую шелком скатерть с изображением герба города Баку – Государыне Императрице.

После этого гостей ждала другая женская гимназия, названная в честь Святой Нины. Здешние ученицы также поднесли в подарок Ее Величеству подушку. Другие дамы вручили Государыне три обитых малиновым бархатом с шелковой вышивкой кресла. Затем, уже ученицы приюта

Бакинского благотворительного общества, передали ей вышитое полотенце.

После трех часов пополудни назначена была церемония закладки собора Александра Невского. Сначала был организован Крестный ход. Сразу же по прибытии Августейшей семьи начался молебен, совершенный высокопреосвященным Палладием. Ему прислуживали местные архимандриты и священники. «Церемония прошла с необыкновенною торжественностью... Пели институтки, сливая детские голоса свои с звучным архиерейским хором... А кругом, под жгучими лучами солнца, стояла тысячная масса народа с обнаженными головами, как бы застывшая в немом благоговении. Когда окончилось молебствие, Их Величества собственноручно положили в небольшое углубление, сделанное в фундамент, несколько серебряных и золотых монет и прикрыли их сверху вызолоченною металлическою доскою с следующей надписью: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Кто примет одного из таких детей во имя мое, тот Меня примет. Благослови же, Господи, благословит дом сей, чтобы он был вечно пред лицом Твоим». Когда доска была вмазана, Государь, Императрица и Великие Князья положили в основание первые камни из эриванскаго прозрачнаго мрамора с золотыми надписями» [25, с. 132]. Все завершилось громогласным исполнением песнопения «Многая Лета».

Затем гости отправились в Сураханы, где осмотрели древности: так называемые вечные огни и храм огнепоклонников.

День 9 октября выпал на воскресенье. Утром Царская семья выехала в сторону Баилова мыса, где располагались

военные части. На площади у Морского собора состоялся смотр, затем – обход Государем всех полков и, наконец, – торжественный парад войск. За парадом последовал завтрак, на который пригласили высокопоставленных военных, начальствующих лиц, командиров отдельных частей и кавалеров ордена Святого Георгия.

В это время Императора ждали на известном заводе Нобеля. Государь с интересом посетил его. При входе госпожа Нобель, сестра известного хозяина, поднесла Ее Величеству букет цветов, как заметила пресса – «в изящном золоченном порт-букете, украшенном прозрачной эмалью и бриллиантами». Подарки также были вручены Цесаревичу Николаю (дубовый ларец, окованный железом). В ларце оказалось двадцать четыре хрустальных флакона с образцами нефти и вариантов продуктов, которые можно из нее произвести. Великий Князь Георгий Александрович получил керосиновый резервуар из серебра с изображением на нем государственного герба Российской Империи. За бокалом шампанского в павильоне Нобеля Император Александр III произнес тост за процветание нефтяного дела в России.

В тот же день успели съездить в Балаханы и посетить другие нефтяные промыслы. Причем некоторые нефтяные фонтаны буквально забили из-под земли прямо в присутствии Государя.

В доме губернатора под вечер состоялся торжественный ужин, на который вновь были приглашены городской голова и все военные и гражданские начальствующие лица.

После десяти часов вечера состоялся отъезд Царской семьи из Баку. Стало смеркаться. Но вдоль дороги, начиная

от дома губернатора до самого вокзала, стояло много собравшихся заранее людей, которые зажигали бенгальские огни. Сверкала иллюминация. Среди этой красоты Царский поезд тронулся. Путь из Баку лежал на станцию Караяз.

Наступило 10 октября. В половине десятого утра Императорский состав остановился на станции Елизаветпольской. И только в два часа дня прибыл в Караяз. На станции Императорскую семью встречали Великие Князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович. Как известно – рядом с Караязом располагались известные охотничьи угодья, принадлежавшие Великому Князю Михаилу Николаевичу. Весь день Августейшая чета провела с родственниками. Отдых прошел незаметно.

Наконец, 11 октября они отправились в Кутаиси. Императорский поезд прибыл в город 12 октября в четыре часа дня. Как всегда, их ждала теплая и торжественная встреча, хлеб-соль. Затем – посещение городского собора, Ольгинской женской гимназии, заведения Святой Нины и классической гимназии. 13 октября Августейшие гости навестили обитателей военного госпиталя и Гелатского монастыря. Как известно, обитель была основана Царем Грузии – Давидом. После Гелатского посетили Моцаметский монастырь. И в Кутаиси вернулись только к концу дня.

В восемь часов вечера в женской гимназии состоялся Императорский обед, после чего все его участники отправились в городской сад. Там были организованы народные гулянья. И опять поражал воображение роскошный фейерверк.

Только около полуночи Царская семья и сопровождающие лица смогли переехать на железнодорожный вокзал

города Кутаиси. Отсюда следовало отправляться в направлении Батума.

Вернуться в город Батум они смогли 14 октября.

Поезд уже тогда мог подойти прямо к батумской морской пристани. Это случилось в час дня. Заиграл оркестр. Под его звуки Императорская семья поднялась на борт крейсера «Москва». И когда уже отчалили от пристани, громыхнул орудийный салют.

Крейсер «Москва», в сопровождении кораблей прославленного Черноморского флота, взял курс на крымский Севастополь. Там Августейшая семья должна была пересечь в печально известный Царский поезд для возвращения в Санкт-Петербург.

В. А. Потто охарактеризовал отъезд Императорской семьи такими словами: «Сгладилась в море последняя черта, оставленная пароходом, увезшим Царскую семью от берегов Кавказа; но глубоко врезался след Царственного шествия в сердца многомиллионного населения нашей отдаленной окраины, и долго предметом бесед и разговоров для современников будет служить посещение Их Величеств уже потому, что некоторые места никогда до сих пор не посещались русскими Государями, а тем более русскими Императрицами» [25, с. 225].

Суть и итоги этой интересной, но и напряженной поездки сам Император выразил в своем рескрипте, который он подписал после возвращения на имя Главноначальствующего генерал-адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова: «Князь Александр Михайлович! Посещенный мною в этом году Кавказ произвел на меня самое отрадное впечатление. Убедясь в благоустройстве и процветании

вверенного вам края и удостоверюсь в постоянной заботе вашей о поддержании в войсках, увенчанной неувядаемою славой прежних войн, блестящего порядка и устройства, а в казаках – природной удали и лихости, составляющих лучшие качества этого войска, мне особенно приятно выразить вам искреннюю мою признательность за полезную деятельность вашу, вполне согласную с моими предначертаниями» [25, с. 227].

Так закончилось путешествие Августейшей семьи на Кавказ, ставшее важной вехой в истории России. Она еще раз показала выдающуюся роль Императора Александра III в умении понимать и управлять подданными ему народами, проживающими как на исторических, так и на благоприобретенных землях. Это было важно не только на текущий период, но и для будущего России. Он произвел немало впечатление на встречавшихся с ним людей всех сословий, чинов и званий. Показал свое понимание и сострадание по отношению к простым жителям России, к ветеранам Кавказской войны, инвалидам, больным. Вместе с Императрицей он проявлял искреннее милосердие, оказывал материальную благотворительную помощь. В процессе общения он показал свою сострадательность и мудрость, что вызывало восхищение в сердцах видевших его воочию простых людей. Визит Императора на Кавказ был не только путешествием, его целью было укрепление позиций Российской Империи внутри страны и на международной политической арене.

Последовавшие за этим трагические события 17 октября 1888 года, когда произошло крушение поезда, в котором находилась семья Государя, стали символическим

завершением этой длительной поездки на Кавказ и в Крым. Как писал в своих дневниках Великий Князь Константин Константинович: «Бог спас Государя от страшной опасности: на Курско-Харьковско-Азовской ж.д. паровоз и четыре вагона сошли с рельсов. Столовый вагон, в котором в это время завтракал Государь со своей семьей, разбит совершенно, но все остались каким-то чудом невредимы... из остальных сопровождавших 21 человек убит и 37 ранено... Страшно становится, когда подумаешь, что Государь, Государыня и все их дети могли погибнуть» [12].

Сам Император Александр III в ноябре 1888 года писал брату, Великому Князю Сергею Александровичу по поводу крушения: «Через что Господу удобно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость» [15, с. 58].

После таких потрясений и испытаний зачастую происходит обновление, вырабатывается дополнительная стойкость, приобретается особая мудрость. Этими качествами в полной мере и обладал Император Александр III.

Библиографический список

1. Абхазия. Новый путеводитель // Автор-составитель Д. М. Дасания. Сухум, 2010.
2. Андреев, А. А. Сенаторские ревизии как способ изучения провинции в поздней российской империи (на примере ревизий национальных окраин конца XIX – начала XX в.) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Оренбург, 2020.
3. Бекулов, Х. М. Эпизоды применения обычного права кабардинцев в разрешении конфликтов и споров в XIX веке // Российский электронный научный журнал. № 1 (31). 2019.
4. Бекулов, Х. М., Бекулова, И. Б. Дикие регименты: верность клятве перед преславным Кораном и отечеству Российскому // Российский электронный научный журнал. № 3 (33). 2019.
5. Бекулов, Х. М., Бекулова, И. Б. Поездка Александра III на Кавказ как новая веха интеграции горских народов в составе Российской Империи // Российский электронный научный журнал. № 4 (38). 2020.
6. Бронзов, А. А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Христианское чтение. № 5. 1913.
7. Вестник Владикавказской железной дороги. № 21. Ростов-на-Дону, 1913.
8. Вестник Владикавказской железной дороги. № 1. Ростов-на-Дону, 1914.
9. Владикавказская железная дорога // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 6. СПб., 1912.
10. Воспоминания архимандрита Иерона о посещении Государем Императором Александром III с Августейшей семьей монастыря Новый Афон в 1888 г. (Сообщено Батумским отделом Общества ревнителей исторического просвещения в память Императора Александра III) // Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. XI. СПб., 1906.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1273.

12. ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. 1-64. Дневники Великого князя Константина Константиновича. Запись 19 октября 1888 г.
13. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 84.
14. Иверия. 26 сентября. 1888.
15. Император Александр III. Коллекционер и меценат. М.: Российский фонд культуры. 2000.
16. Кавказский календарь на 1910 год. Том LXV. Часть 2. Тифлис, 1909.
17. Канадаев, И. Н. Очерки Закавказской жизни. Т. 1. М., 1902.
18. Кривенко, В. С. В Министерстве Двора: Воспоминания. СПб.: Нестор-история. 2006.
19. Липкович, А. Д. Проект века – Владикавказская железная дорога // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2011.
20. Мясников, А. Л. Александр III. М.: Молодая гвардия. 2016.
21. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939.
22. Очерки истории железнодорожного образования на Северном Кавказе (конец XIX – середина XX вв.) // В. Д. Верескун, В. А. Абраменко, М. Е. Шалак, А. В. Охотников; под ред. В. Д. Верескуна. Ростов-на-Дону: РГУПС. 2019.
23. Петрова, Е. А. Поездки императорских особ по регионам империи: историография вопроса // Актуальные исследования. 2020. № 8 (11).
24. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 томах. 2-е изд. СПб., 1887–1889.
25. Потто, В. А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. СПб., 1889.
26. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 195.
27. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 130.
28. ЦГАА. Ф. 11. Д. 50. Л. 12.

КРЫМСКОЕ ИМЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III В МАССАНДРЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрено Массандровское имение – одно из Крымских императорских имений. В данном кратком обзоре рассмотрен период с конца XIX в. по сей день. Рассматривается развитие имения при Воронцовых и дальнейшая его судьба. Переход в список императорских имений, послереволюционный и военный период, а также переход из государственной дачи в число музейных объектов. Завершается статья обзором реализуемых проектов и перспективами развития Дворца Александра III в Массандре как современного, активно развивающегося музея.

Ключевые слова. Крым, Романовы, музеи, история Императорских имений, Массандра.

«Массандра» – топоним, не имеющий точного перевода. В XIX в. он произносился как «Марсанда» по созвучию с другими южнобережными названиями. Ближе всего к толкованию названия «Массандра» определение «укрепленное место», «крепость».

Впервые в списках селений Массандра упоминается в XV в.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. Екатерина II передавала земли Южнобережья в частное владение. Первым владельцем Массандровских земель был французский принц Карл Нассау Зиген – командир черноморской гребной флотилии. Самый же известный из владельцев имения – Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), выдающийся государственный, военный, политический деятель. В Крыму М. С. Воронцов владел пятью имениями, главное располагалось в Алушке – центре светской и культурной жизни. Массандре отводилась скромная роль, она использовалась как экономическое имение, делившееся на Нижнюю, Среднюю и Верхнюю Массандру.

К Верхней Массандре с ее необычайно чистым воздухом, живописным рельефом, археологическими древностями и реликтовыми рощами все владельцы имения относились как к своеобразному ландшафтному заповеднику.

С 30-х гг. XIX в. на месте дворца стоял экономический дом М. С. Воронцова. Со временем на месте господского (экономического дома) в конце 1870-х гг. было решено построить дворец. Заложен дворец был в 1880 г., когда Массандрой владел граф Семен Михайлович Воронцов, сын Михаила Семеновича Воронцова. Затем он достраивался для Императора Александра III. Строительство дворца было завершено в царствование его сына – Николая II, в память об отце, сохранившем его название – Александровский дворец. Однако Романовы в этот дворец не переехали, он использовался для кратковременного отдыха после прогулок в горы, пикников, охоты.

Дворцовое здание и прилегающий луг расположены на относительно ровном месте. С двух сторон дворец обрамляют горы, с востока – скалистые уступы Никитского отрога, с севера – пологий склон хребта Ямалах-Сырт, покрытый хвойным лесом.

При сдаче дворца в эксплуатацию в 1902 г. придворцовая часть парка составляла 1,5 десятин земли (1,35 га) и была украшена большим количеством скульптур. Только перед западным фасадом дворца их насчитывалось более десяти. Часть из них была отлита из гипса, они представляли собой копии скульптур, расположенных в Императорском Берлинском музее изящных искусств, и доставлены морем через Одессу. Часть скульптур была выполнена непосредственно в Петербурге русскими мастерами. В общей сложности дворец и придворцовую территорию украшали 29 скульптурных изваяний и 6 декоративных ваз. В настоящее время сохранились только 6 скульптур: два Сфинкса, два Сатира и две Химеры.

В 1917 г. Указом Временного правительства Удельное имение Массандра было национализировано. В 1918 г., в период «первого большевизма», в Крыму бывшие удельные имения повторно подверглись национализации, в имения были назначены особые комиссары, созданы Союзы рабочих. Национализация удельных и частновладельческих имений была завершена на Южнобережье к середине марта 1918 г.

Начиная с середины 1920-х гг. Верхняя Массандра и дворец Александра III входили в экскурсионно-туристический

маршрут, разработанный для туристов СССР. В 1929 г. в Массандровском дворце был организован санаторий «Пролетарское здоровье». Все главные постройки Массандровского дворца были включены в состав санатория «Пролетарское здоровье»: дворец, здание электростанции, служебный двухэтажный дом, здание бывшей кухни, прачечная, две сторожки.

В период оккупации Крыма Массандра, получившая название государственного имения № 40, входила в состав Управления Гос. имениями Крыма. Гос. имение «Массандра» в тот период специализировалось на промышленном виноградарстве. В его состав входили все виноградники Гурзуфа, Массандры, Ай-Даниля.

С середины 1946 г. до лета 1948 г. в здании дворца функционировал институт вина и виноделия всесоюзного значения «Магарач». В 1946 г. был разработан генеральный план строительства «Большого Магарача» на придворцовой территории, однако данный проект не осуществился в связи со срочной организацией летом 1948 г. государственной дачи перед прибытием в Ялту на отдых главы советского государства – И. В. Сталина. Этап функционирования в Массандровском дворце и на прилегающей территории государственной дачи («Большой Сосновки») длился более 40 лет.

После смерти И. В. Сталина летом 1953 г. вышло Постановление секретариата ВЦСПС об организации на ЮБК в Ливадии, Массандре, Алушке санаториев ВЦСПС. От Министерства внутренних дел профсоюзам должны были перейти здания, сооружения, инвентарь и оборудо-

вание Массандровского дворца, где размещалась госдача. На базе Александровского дворца должен был функционировать неврологический санаторий «Массандра», несмотря на большую работу, проделанную по техническому переоснащению дворцового здания, санаторий открыт не был.

В 1991 г. постановлением Крымского правительства дворец получил статус музея и был передан в состав Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника, а с июня 1992 г. стал доступен для посещения.

Объект и поныне живет полноценной жизнью, развиваясь в русле современных музейных тенденций. Здесь проводятся многочисленные и разноплановые мероприятия, в числе которых научно-практические и яркие событийные.

Заслуживает внимания мощный научный проект, имеющий позитивные перспективы, – «Южный берег Крыма – территория всемирного наследия». Фонд имени Д. С. Лихачева в партнерстве с Государственным Эрмитажем, Министерством культуры Республики Крым и Алушкинским музеем-заповедником в апреле 2018 г. презентовали проект «Южный берег Крыма – территория всемирного наследия». В ходе экспедиции фотографов и экспертов, проходившей с 22 по 29 апреля 2018 г., состоялось комплексное обследование территории Южного берега, как объекта культурного и природного наследия, уникального культурного ландшафта, обладающего исключительной культурной ценностью не только для России, но и для мира.

Помимо этого знакового проекта на постоянной основе в музее проводятся научно-практические конференции

«Музеи в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности», традиционные научные чтения «Мир усадебной культуры» и «Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком» и другие научно-практические мероприятия. Особо хочу отметить проведение первой международной конференции «Воронцовы и Англия», состоявшейся в 2019 г. и привлечшей внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов в области сохранения культурного и исторического наследия.

Учитывая тесные архитектурные связи Массандровского дворца с французскими дворцами эпохи Возрождения, совместно с Ассоциацией исторических садов и парков, а также с Ассоциацией королевских садов долины рек Эйр и Луар, в 2020 г. был запланирован к проведению научно-практический симпозиум «Французские сезоны в Массандровском дворце», посвященный вопросам исторического паркостроения и обеспечения сохранности архитектурного наследия, но особенности эпидемиологической обстановки в стране и мире изменили планы, симпозиум перенесен на вторую половину 2021 года.

Совместно с администрацией города и учреждениями-партнерами на территории музея-заповедника проводятся массовые культурно-просветительские мероприятия. Так, в Воронцовском и Массандровском дворцах – в рамках всероссийских акций «Ночь музеев» и «Ночь искусств». Главным мероприятием в рамках акции «Ночь искусств», бесспорно, являются «Мистерии диабазового замка», на протяжении двух лет притягивающие живое

внимание гостей и жителей Крыма и являющиеся кульминацией празднования.

Возрождая традиции вечеров классической музыки, успешно осуществляется совместный с Крымской государственной филармонией проект «Под сенью Воронцовского платана», а в 2018 г. стартовал аналогичный проект «В Масандровском дворце чарующее музыки звучанье...»

Отдельно хочу отметить тенденции 2020 г. В этот непростой период, когда весь мир борется с пандемией, одной из основных задач учреждений сферы культуры является моральная и духовная поддержка людей. Этот сложный период заставил сферу культуры столкнуться с непредвиденными вызовами, но в то же время открыл новые, доселе неизведанные горизонты.

В первую очередь мы выстроили стратегию цифровых мероприятий. В процессе построения стратегии мы ориентировались на те существенные результаты научных исследований, которые уже имелись в архиве музея, но не были опубликованы. Именно эта информация и послужила базой для создания видеолекций и бесед. Также необходимо было предусмотреть и впоследствии внедрить более легкий для восприятия материал. В частности, альтернативой емким лекциям стали ежедневные эфиры в социальных сетях. Тут тематика уже выбиралась другая, которая может заинтересовать широкие слои общества, прямой эфир или видеоролик записывался в живописных локациях, а краткое время эфира обусловлено наиболее комфортным для восприятия информации периодом времени.

Возвращаясь к уже достигнутым результатам, отмечу, что наши мероприятия пользуются успехом не только у жителей нашей великой страны, но и вызывают живой интерес у представителей европейских стран. Так, представители Православного общества Франции были восхищены проектами и теперь являются нашими постоянными зрителями. Очень важно, что есть живой отклик у нашей, существенно расширившейся аудитории. Причем проявляется это не только позитивными смайликами в социальных сетях, но и полноценной обратной связью на официальном сайте. Наши зрители анализируют видеолекции, высказывают свои предложения по наполнению контента, задают вопросы. Это очень важный фактор, значит, эта тема интересна нашим виртуальным гостям, значит, мы выбрали верный вектор движения.

Библиографический список

1. *Калинин, Н. Н.* История имения «Массандра» / Н. Н. Калинин. Историческая справка. Текущий научный архив ГАУК РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник».
2. *Будзар, М.* Имена Ялты. XIX – нач. XX вв. / Марина Будзар, Галина Филатова. – Санкт-Петербург, 2014.
3. Образовательные рабочие экскурсии по Крыму. – Изд-е участников экскурсий, по материалам экскурсионного бюро объединенного рабочего клуба города Симферополя. – Симферополь, 1928.
4. *Плужник, И. В.* Массандровский дворец в 1940–50-х гг. / И. В. Плужник, Историческая справка. Текущий научный архив ГАУК РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник».
5. *Пальчикова, А. П.* Массандра. Дворец. Парк. Усадьба. – Симферополь: Сонат, 2003.

И. В. Зимин
Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет
имени академика И. П. Павлова

**АБАС-ТУМАНСКИЙ ЗАТВОРНИК:
НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ
ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Аннотация. Статья посвящена медицинским аспектам последних лет жизни Великого Князя Георгия Александровича. Подробно рассматривается практика лечения высокородных пациентов, особенности взаимоотношений придворных врачей и их пациентов.

Ключевые слова. Георгий Александрович, цесаревич, чахотка, туберкулез, врачи, диагноз, Абас-Туман.

Великий Князь Георгий Александрович, родился 27 апреля 1871 г. В детском возрасте его здоровье не вызывало каких-либо опасений. Серьезные проблемы появились только в 1890 г. после того, как наследник Николай Александрович и его младший брат Георгий отправились в кругосветное путешествие.

Сопровождал Великих Князей флотский доктор В. К. Рамбах. В августе 1890 г. братья Николай и Георгий Александровичи отбыли из Кронштадта на фрегате «Память Азова» в кругосветное путешествие. Туберкулез у Георгия Александровича был диагностирован консилиумом врачей в декабре 1890 г., и в январе 1891 г. его отправили в Европу на крейсере «Адмирал Корнилов».

В январе 1891 г. Александр III в письме к Наследнику упоминал, что «мы посылаем к Джоржи в Афины доктора Алышевского, который специалист по грудным болезням, и я давно знаю как отличного доктора. Нет, к сожалению, никакого сомнения, что лихорадка происходит от бронхита, который тянется уже давно, а при таких условиях ему даже и вернуться к нам нельзя будет теперь, а придется ждать до наступления теплой погоды. Все это далеко не весело, и делает эту зиму для нас без вас обоих еще грустнее и тяжелее! А теперь еще балы, обеды, вечера! Тоска!» [2, с. 382].

Естественно, эти события нашли отражения в дневниковых записях современников. Чиновник министерства иностранных дел В. Н. Ламздорф 16 января 1891 г. записал в дневнике: «Возвращение великого князя Георгия решено. Его Императорское Высочество вернется на «Адмирале Корнилове» в Грецию. Постоянная лихорадка, которую предпочитают называть «малярией», но которая, может быть, обусловлена легочным заболеванием, заставляет сильно беспокоиться о молодом человеке. Министр мне говорил, что Императрица показалась ему вчера крайне озабоченной. Наследник возвращается в Бомбей, чтобы проститься с братом и продолжать свое путешествие» [7, с. 8].

11 февраля 1891 г., после встречи с Георгием Александровичем, доктор В. Я. Алышевский констатировал у него «значительное поражение верхней доли правого легкого спереди и особенно сзади» [12, л. 17]. Тогда же под микроскопом были найдены «Коховские бациллы».

21 февраля Георгий прибыл в Афины, 10 марта он в Алжире, в мае 1891 г. в Палермо. После посещения из Италии:

«...должен отправиться в Крым великий князь Георгий в последних числах текущего месяца или в начале мая» [7, с. 93].

Состояние больного в то время было удовлетворительным, и доктор Алышевский в письме к Министру императорского двора И. И. Воронцову-Дашкову отмечал, что «предстоящее посещение Константинополя радует моего пациента. Он сильно озабочен мундиром» [16, л. 11].

1 июня 1891 г. Георгий Александрович прибыл в Севастополь, где его встречала Императрица Мария Федоровна и сестра Ксения Александровна. После непродолжительного пребывания в Ливадии в середине июня Георгий Александрович прибыл в Петергоф и затем, вместе с родителями, Михаилом Александровичем и Ксенией Александровной, отправился на яхте «Держава» сначала в финские шхеры, а затем в Копенгаген.

Эта поездка привела к резкому ухудшению состояния здоровья Великого Князя. Доктору Алышевскому было не просто с родителями своего царственного пациента, которые решительно не принимали поставленный диагноз. 15 июня 1891 г. А. А. Половцев пишет об этом: «При отъезде государь, провожая императрицу, настаивает на том, чтобы она не верила докторам. Доктор Алышевский, тотчас по прибытии в Крым сказал великому князю Михаилу Николаевичу, что у Григория Александровича категорическая чахотка. Что ему приносит пользу лишь горный воздух, что будь его пациент частным человеком, он бы никогда не допустил его возвратиться в Россию, а повез бы его в горы. То же самое Алышевский сказал императрице, которая жаловалась Михаилу Николаевичу на Алышевского за то, что он прямо ей в глаза назвал болезнь ее сына

чахоткою. В Алжире и Корсике здоровье Георгия Александровича поправилось, но тот час, по получении известия о нападении на цесаревича лихорадка возобновилась, а по прибытии в Крым усилилась» [11, с. 381].

Ученик С. П. Боткина, специалист по легочным заболеваниям В. Я. Алышевский, лечивший Императрицу Марию Александровну в 1870-х гг., подкреплял диагноз «категорическая чахотка» результатами лабораторных исследований, полученных в августе 1891 г. Так, в рапорте прозектора Мариинской больницы директору этой больницы В. Я. Алышевскому приводятся следующие данные: 6 августа 1891 г. лаборатория больницы получила два образца мокроты Георгия Александровича, которые были взяты еще 15 февраля 1891 г. После увеличения в них были обнаружены «множественные коховые палочки бугорчатки», и это «не подлежит ни малейшему сомнению» [15, л. 1–1 об.].

22 августа 1891 г. Георгий Александрович отбыл из Копенгагена в сопровождении доктора Алышевского и 31 августа прибыл в Абас-Туман, где ему предстояло провести последние годы жизни.

Последующие годы, начиная с конца 1891 г., Георгий Александрович почти постоянно жил в Абас-Тумане, изредка совершая длительные поездки по Средиземному морю и Кавказу. Однако состояние его здоровья, несмотря на все усилия врачей, продолжало ухудшаться, и весной 1892 г. у цесаревича было отмечено кровохарканье.

После этого медицинских данных о состоянии здоровья Великого Князя нет до 17 мая 1894 г. Видимо, это было связано с отсутствием практики ведения стандартных историй болезни среди высокородных пациентов.

К этому времени в Абас-Тумане для Георгия Александровича построили комфортабельный дом-дворец, с соответствующим штатом obsługi. Что было характерно для этого дома и что отмечали все приезжавшие в Абас-Туман, так это холод в помещениях дворца. Учитывая характер болезни, окна практически не закрывались, для того чтобы в помещении всегда был свежий целебный горный воздух. Гостям с непривычки приходилось и в помещении оставаться в верхней одежде.

В мае 1894 г. больного в Абас-Тумане посетил профессор Г. А. Захарьин. В результате был составлен план лечения больного, который Захарьин доложил Императрице Марии Федоровне. Захарьин отмечал, что болезнь «началась по времени плавания и пребывания на Мадере в 1889 г., несомненно же, что она существует ко времени плавания на «Памяти Азова» в 1890 г.» [12, л. 2]. Далее он пишет, что «первая зима в Абас-Тумане 1891 г. на 1892 г. очень поправили Великого Князя, хотя весной 1892 г. по весну 1893 г., не произошло значительного улучшения; за последний же год, с весны 1893 г. по весну 1894 г. в состоянии Великого князя значительно ухудшилось; кашель усилился, лихорадки бывали чаще и Великий Князь значительно похудел (кроме того в начале 1893 г. был кратковременный сухой плеврит на левой стороне). За время болезни, кроме больших приемов хинина и лечения мышьяком вначале (когда болезнь считали за малярию) и, по временам, средств против кашля и кровохарканья, не было никакого лечения» [12, л. 2].

В прогнозе заболевания Г. А. Захарьин жестко констатирует, что «надежды на выздоровление в полном смысле слова... ожидать, конечно, невозможно», однако он считал,

что при правильном образе жизни, возможно, здоровье поправится настолько, что останется только «незначительный кашель». Но сразу же Г. А. Захарьин оговаривается, что «поручиться за такой исход в виду укоренившейся болезни, обилия туберкулезных бактерий в мокроте... конечно, нельзя». В качестве лечения предлагался креозот, кумыс, тресковый жир. Кроме этого, Г. А. Захарьин составил примерное меню, с учетом характера болезни: утром – кофе с молоком (или шоколад), 1–2 яйца, хлеб с молоком, рюмка мадеры; 10 часов – кумыс или кефир, 1/2 литра (с гваяколом); 12 часов – завтрак: закуски, мясо, овощи, картофель, рис (ежедневно); 4 часа – кумыс или кефир с лекарством; 6–7 часов – обед из трех-четырех блюд. Рис ежедневно. Вместо воды пиво или вино.

В августе 1894 г. Георгий Александрович, после долгого перерыва, встречается с родителями в Беловеже, где 26 августа у него возобновляется кровохарканье. Тем не менее вместе с Царской семьей переезжает в Спалу и 21 сентября отправляется в Ливадию.

Поскольку в это время приближалась трагическая развязка болезни Александра III, то медики, находившиеся при царе, исследовали и состояние здоровья Георгия Александровича. В исследовании принимали участие немецкие терапевты. В. Н. Ламздорф в октябре 1894 г. записал в дневнике: «Что касается несчастного цесаревича, то он находится в печальном состоянии: профессор Лейден определил у него вторую стадию неизлечимого туберкулеза» [7, с. 84].

Отметим, что после смерти Александра III официальный статус Георгия Александровича изменился. Он был объявлен наследником-цесаревичем.

17 июля 1895 г. Георгий Александрович, после долгого перерыва, прибывает в Петербург для того, чтобы с матерью – Императрицей Марией Федоровной отправиться в традиционную для Царской семьи поездку в Данию. Вся семья радовалась приезду сына и брата. Георгий Александрович, несмотря на свое слабое здоровье, включился в традиционный круг дел Царской семьи, и 25 июля 1895 г. он присутствовал в Красном Селе на традиционных маневрах: «Аликс и все дамы с инвалидами семейства – Георгием и Юрием – смотрели с царского валика» [5, с. 90, 92].

Затем состоялся семейный визит в Данию, где у Георгия Александровича возобновилось кровохарканье. Муж Ксении Александровны, Великий Князь Александр Михайлович, 6 сентября 1895 г. писал: «...пребывание в Дании, к несчастью, нанесло ему вред. По-моему, никаких Лейденов не надо. Чигаев – отличный доктор, и надо ему вполне предоставить лечение Джоржи. Не надо забывать, что Лейден немец, да еще вдобавок жид, и ему решительно все равно, что будет с Джоржи» [8, с. 140].

Надо заметить, что Великий Князь Александр Михайлович был не одинок в этом мнении. В воспоминаниях лейб-медика Н. А. Вельяминова приводится любопытное рассуждение, которым с Вельяминовым поделился берлинский придворный терапевт Лейден в Ливадии в октябре 1894 г. во время болезни Александра III: «Как-то сказал мне, что хороший врач-практик должен уметь, особенно при лечении монархов, не только лечить, но и помочь больному умереть, а главное должен уметь держать себя с семьей так, чтобы и после смерти больного сохранить ее симпатии и доверие». Вельяминов отмечал, что Лейден

«обладал, кроме своих знаний, большой долей хитрости и практичности и житейской мудрости, как истый старый еврей» [3, с. 299]. Кроме этого, Лейден достаточно широко высказывал желание стать официально постоянным консультантом при русском дворе, т. к. «у нас нет выдающихся терапевтов». Поэтому позже, в 1895 г., когда Лейдена все-таки пригласили для консультации в Копенгаген, в связи с ухудшением здоровья Георгия Александровича, Вельяминов «использовал все свое влияние, чтобы предупредить его дальнейшие приглашения» [3, с. 300]. Однако ему это не удалось, и Лейдена еще раз приглашали для консультаций, уже в Абас-Туман, куда 7 сентября 1895 г., после резкого ухудшения здоровья, связанного с кровотечениями в Дании, прибыл Георгий Александрович.

11 сентября 1895 г. он писал старшему брату о своем здоровье из Абас-Тумана: «...тут как раз у меня началось это поганое кровохарканье и пришлось лечь; так как оно несколько раз повторилось, то я пролежал целых восемь дней. Конечно, я рад видеть родных после 4-х лет, но пользы это мне не принесло, т. к. те пять фунтов, которые я с трудом нажил в мае и июне, теперь с излишком потерял, а кроме того, и отдышка усилилась» [8, с. 140].

В связи с ухудшением здоровья цесаревича в Абас-Тумане провели несколько консультаций: 8, 12 и 14 ноября 1895 г. По сути, это была первая серьезная попытка, после исследования Г. А. Захарьина, силами медиков восстановить ход развития заболевания, для того чтобы наметить тактику последующего лечения, поскольку «правильная оценка настоящего положения представляется затруднительной».

8 ноября 1895 г. был проведен первый консилиум, в котором приняли участие: почетный лейб-медик доктор М. Шершевский; профессор Н. Симановский; главный врач Абастуманского госпиталя Д. Гопадзе и лечащий врач наследника А. Чигаев. Врачи констатировали: «Больной среднего роста, лицо очень бледное, слизистые оболочки резко бледны, склеры чисты, кисти верхних конечностей бледной, синевато-багровой окраски. Последние фаланги ручных пальцев булавовидно утолщены. Грудь узкая, плоская, левая подключичная впадина глубже правой» [18, л. 4].

По итогам исследования врачи констатировали, что состояние здоровья больного, хотя и медленно, но тем не менее прогрессивно ухудшается. Из истории болезни следует, что с весны 1892 г. кровохарканье становится чаще и вес тела, хотя и колебался в ту или другую сторону, но, в общем, за 3,5 года, т. е. с весны 1892 г. и по ноябрь 1895 г., вес с 164 фунтов падает до 146 фунтов. Кроме этого, отмечалось заметное и постоянное ухудшение общего состояния здоровья больного. Медики утверждали, что «оно не может быть поставлено на счет легочного процесса исключительно» [18, л. 7]. В заключении констатировалось, что одной из самых главных причин, обусловивших ухудшение, должны быть признаны нарушения «гигиенических условий»: частые переезды по железным дорогам и в экипаже (тряска, пыль), ружейная охота (отдача и, следовательно, ушиб правого легкого), неразборчивость в еде, в образе жизни. В качестве главного метода борьбы с развитием болезни медики поставили на первый план «климатическое лечение». Оно должно было включать в себя почти постоянное пребывание в Абас-Тумане (с июля по октябрь).

Постоянные морские прогулки на парусном судне при постоянной квартире на берегу. Кроме этого, медики запретили больному принимать душ, верховую и велосипедную езду, охоту, и вообще всякие физические усилия, которые могли бы спровоцировать кровохарканье. Медики указывали на возможность «внезапного, обильного кровотечения». Эти подготовленные врачами документы были представлены на рассмотрение Императрице Марии Федоровны.

16 апреля 1896 г. Николай II сообщает матери последние новости о болезни своего брата. Он пишет: «Вчера пришло очередное письмо от Чигаева, и из него я узнал, что Шершевский вызван для консультаций с французским доктором, о котором дядя Алексей отзывается хорошо» [1, с. 57]. Из этого фрагмента следует, что лечащий врач Цесаревича регулярно отчитывался лично перед Императором о состоянии здоровья его больного брата.

Цесаревич за годы проживания в Абас-Тумане устроил свою жизнь и в бытовом отношении. В архивных делах содержится опись за 7 декабря 1896 г., в которой перечислены 75 вещей, высланных фирмой Фаберже в Абас-Туман [14, л. 34]. Несмотря на свою оторванность от родных, Георгий Александрович внимательно следил за событиями, происходящими в Петербурге. После рождения второй дочери в Царской семье он пишет брату 2 июня 1897 г.: «...но прости меня, был слегка разочарован, узнав, что родился не сын, а дочь. Я уже готовился уходить в отставку, да не тут-то было» [8, с. 172]. Но несмотря на шаткое здоровье, возраст и привычки брали свое, и наследник в августе 1897 г. просит прислать в Абас-Туман велосипед, который все эти годы хранился в Гатчине [14, л. 124].

В свое последнее лето, незадолго до смерти, Георгий Александрович в письме к брату 15 июня 1899 г. констатировал продолжение ухудшения собственного здоровья: «Ходить пешком, например, я совсем не могу благодаря одышке, и это для меня огромное лишение... я не могу жаловаться на судьбу; осенью будет 8 лет, что я здесь, так что поневоле я свыкся и с жизнью этой, и с местом. Просто не верится, что уже столько лет я здесь живу» [8, с. 192]. Это последнее (из опубликованных. – И. З.) письмо Георгия Александровича. 28 июля 1899 г. он внезапно умер в Абас-Тумане.

Великий Князь Константин Константинович в дневнике 28 июля 1899 г. записал: «Государь, и его мать получили по две телеграммы: в одной было сказано, что цесаревич в Абас-Тумане поехал на велосипеде, причем у него пошла кровь горлом; его привезли домой в безнадежном положении; в другой говорилось о кончине. Многие возмущались, что чахоточному цесаревичу не препятствовали упражняться на велосипеде» [8, с. 192].

На следующий день в газетах был опубликован манифест, который породил много толков в великосветских кругах: «Отныне, доколе Господу не угодно благословить нас рождением сына, ближайшее право наследования Всероссийского Престола, на точном основании основного Государственного закона о престолонаследии, принадлежит Любезному Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу» [8, с. 193].

Этот текст по-разному оценивался современниками. Например, Великий Князь Константин Константинович в дневнике 29 июня 1899 г. отмечал, что «таким образом

исправлена ошибка, сделанная при вступлении на престол 21 октября 1894 г.: титулы наследника и цесаревича не дарованы старшему из великих князей за неимением у Государыни сына». Сестра Царя Ксения Александровна 2 июля 1899 г. в дневнике писала: «Вечером Сандро спрашивал Ники на счет Миши – оказывается, он не будет называться наследником цесаревичем, и в Манифесте только сказано, что он пользуется ближайшим правом на престол. Это только игра слов и, конечно, вызовет массу толков и недоумений» [8, с. 193].

Вскоре в Петербурге стали из первых рук известны подробности кончины Георгия Александровича. Был составлен протокол «Расследования обстоятельств, при которых последовала кончина Его Высочества произведенное прокурорским надзором Тифлисского Окружного Суда». 28 июня 1899 г. смерть Георгия Александровича была констатирована в 9 часов 35 минут утра. По рассказам очевидцев, 28 июня лечащий врач в 8.30 утра «по обыкновению явился» к Великому Князю осведомиться о его здоровье. Осмотрев пациента, он не нашел никаких признаков ухудшения его здоровья. После этого великий князь уехал на прогулку по шоссе «на трехколесном бензинном велосипеде». Через 20 минут врач услышал крики «Доктора, доктора!». Выскочив из дома, на шоссе, на расстоянии 1/2 версты, им был обнаружен Великий Князь, лежащий на левой стороне шоссе: «Лицо его было окровавлено. Во рту были сгустки крови. Он начал производить искусственное дыхание, вынул изо рта сгустки крови» [13, л. 9].

Через некоторое время доктор Айканов убедился, что Георгий Александрович умер. Позже были обнаружены

следы крови и кровяных сгустков на шоссе на протяжении почти 75 шагов. Были установлены свидетели смерти Великого Князя. Среди них наиболее показательны свидетельства одной крестьянки: «Она посторонилась... проехав вперед, причем ответив на ее приветствие. Не проехав и версты, она увидела, что Его Высочество уже возвращается назад, но очень тихим ходом. Вслед за тем Его Высочество изволил остановить велосипед и сойти с него. Из рта и из носа у Его Высочества шла кровь и тогда, когда Его высочество был на велосипеде и тогда, когда изволил сойти с него. На ее вопрос о самочувствии он ответил тихим шепотом – «Ничего». Однако не прошло и двух минут после этого как Его Высочество захрипел, глаза его закатились и лицо страшно почернело, и вслед за тем прекратилось дыхание» [13, л. 10].

Тело Георгия Александровича доставили в Петербург, и 12–14 июля 1899 г. состоялось прощание с Великим Князем в Петропавловском соборе, и затем похороны Георгия Александровича. Николай II в письме к жене писал: «...после четырехлетней разлуки увидеть брата в гробу – это чудовищно» [8, с. 194].

Оценки личности Георгия Александровича достаточно единодушны. Он мужественно встретил страшный диагноз и старался не доставлять беспокойства ни своей семье, ни медикам, которые пытались его лечить. В воспоминаниях П. Н. Милюкова отмечалось, что «Василий Осипович (В. О. Ключевский. – И. З.) был хорошо принят в царской семье и давал уроки чахоточному брату царя Георгию, которого держали в Абас-Тумане» [9, с. 216]. Георгий Александрович занимался не только русской историей. В описи

книг цесаревича, составленной после его смерти, называются книги сугубо специального характера. Например, только 23 книги связаны с военно-морским делом [14, л. 46]. С его именем связано появление астрономической лаборатории на юге России. В «Книге воспоминаний» Великого Князя Александра Михайловича отмечается, что «Георгий был самым одаренным из всех троих, но умер слишком молодым, чтобы успеть развить свои блестящие способности» [10, с. 284]. Спустя более чем полвека, в конце пятидесятых годов, младшая сестра Цесаревича, Великая Княгиня Ольга Александровна, которой на момент трагических событий в Абас-Тумане было 17 лет, вспоминала: «Жорж не должен был умереть. С самого начала доктора проявили свою некомпетентность. Они то и дело посылали его с одного курорта на другой. Они не желали признавать у него туберкулез. То и дело заявляли, что у Жоржи “слабая грудь”» [4, с. 235]. Для этого отрывка характерная временная аберрация. Как следует из приведенных документов, диагноз был поставлен своевременно, однако в то время надежных методов лечения туберкулеза не существовало. Действительно, медикам в упрек можно поставить, что диагноз был поставлен только тогда, когда болезнь приняла уже необратимый характер, и, видимо, замечание Великой Княгини о «слабой груди», имеет отношение к более раннему периоду времени.

Библиографический список

1. *Боханов, А.* Российский императорский дом. – М., 1992.
2. *Боханов, А.* Император Александр III. – М., 1998.
3. *Вельяминов, Н. А.* Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив. Вып. 5. – М., 1994.
4. *Воррес, Й.* Последняя великая княгиня. – М., 1998.
5. Дневник Императора Николая II. – М., 1991.
6. *К. Р.* Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М., 1998.
7. *Ламздорф, В. Н.* Дневник. 1891–1892. Academia, 1934.
8. *Мейлунас, А., Мироненко, С.* Николай и Александра. – М., 1998.
9. *Милюков, П. Н.* Воспоминания. Т. 1. – М., 1990.
10. Николай Второй. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994.
11. *Половцев, А. А.* Дневник Государственного секретаря. Т. 2. 1887–1892. – М., 1966.
12. РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 78.
13. РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 72.
14. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 14.
15. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 358.
16. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1276.
17. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1783.
18. РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 8.

**О РЕЗИДЕНЦИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ (1891–1918 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена Великому Князю Николаю Константиновичу – внуку Императора Николая I, старшему сыну Великому Князю Константину Николаевичу и Великой Княгини Александры Иосифовны. Автор рассказывает интересные факты о жизни Николая Константиновича, перечисляет фонды документов Национального архива Узбекистана, содержащие информацию о Великом Князе. В статье на основании архивных документов показана предпринимательская и благотворительная деятельность Романова в Туркестане. Особое внимание уделено резиденции Николая Константиновича в Ташкенте: показаны особенности оформления здания и прилегающего сада, подробно описано расположение залов и их внутреннее убранство. Автор статьи сообщает также о дальнейшей судьбе резиденции.

Ключевые слова. Великий Князь Николай Константинович, Туркестанский край, резиденция Великого Князя, ссылка Великого Князя Николая Константиновича, жизнь Великого Князя Николая Константиновича, деятельность Великого Князя Николая Константиновича.

Данное выступление посвящается внуку Императора Николая I – Николаю Константиновичу. Необычна и трагична судьба этого человека. В 1874 году по сфабрикованному обвинению полковник гвардии Великий Князь Николай был объявлен душевнобольным, лишен прав на фамильное состояние и всю оставшуюся жизнь находился в ссылке, под полицейским надзором. С 1881 года и до конца своих дней он прожил в Ташкенте.

Николай Константинович – старший сын Великого Князя Константина Николаевича (1827–1892 гг.) и Великой Княгини Александры Иосифовны (в прошлом принцесса Саксен-Альтенбургская) (1830–1911 гг.), правнук Императора Павла I, внук Императора Николая I и праправнук Императрицы Екатерины II [1, с. 4–14].

Великий Князь Николай Константинович родился в Санкт-Петербурге в 1850 г. Обучался он в Пажеском корпусе и в Академии Генштаба, которую закончил в 1872 г. Николай Константинович был первым из всех Романовых, закончивших высшее учебное заведение и получившим награду за успехи в обучении – серебряную медаль.

В 1871 году Николай познакомился с молодой, красивой американкой, танцовщицей Фанни Лир (Хэтти Блэкфорд), с которой у него начался бурный роман. В течение трех лет молодой князь тратил на содержание своей возлюбленной огромные состояния в России и в Европе. Влюбленный князь заказал известному итальянскому скульптору Томазо Солари статую Фанни Лир из мрамора – «Венера с яблоком» (1874 г.), которая раньше украшала Павловский дворец в Санкт-Петербурге, а позже была привезена в Ташкент. Ныне статуя хранится в музее искусств Узбекистана.

Родители, обеспокоенные поведением сына, находят предлог и отправляют Николая в Хивинский военный поход по завоеванию Туркестанского края. 14 апреля 1874 года произошло событие, оказавшее влияние на всю дальнейшую жизнь молодого князя Николая Константиновича: была обнаружена пропажа бриллиантов из иконы Владимирской Божией Матери, висевшей в одной из спален Мраморного дворца в Санкт-Петербурге. Великая Княгиня Александра Иосифовна была потрясена таким вандализмом и велела расследовать это происшествие. В результате следствия арестованную Фанни Лир выслали из России. А князю Николаю Константиновичу консилиум врачей дал заключение об отклонении от нормы психических и умственных способностей и признал его душевнобольным. Николая Константиновича увезли из Петербурга осенью 1874 года. До своего последнего места пребывания – Ташкента князь сменил около десяти мест заключения.

До приезда в Ташкент Великий Князь Николай Константинович в Оренбурге тайно венчался с дочерью обер-полицмейстера Надеждой Александровной Дрейер. Брак был немедленно признан недействительным, так как на него не было дано разрешение Императора. Особым указом Священного Синода брак был расторгнут, Николай Константинович лишен придворных и военных чинов, а также всех орденов. Ему было запрещено носить военный мундир, о чем он больше всего сожалел.

В Национальном архиве Узбекистана хранятся более десяти фондов о ссылке жизни Великого Князя Николая Константиновича в Туркестанском крае. Такие как: 1. Фонд № И-1 «Канцелярия Туркестанского Генерала –

губернатора в г. Ташкенте» (1851–1918 гг.); 2. Фонд № И-2 «Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе» (1899–1918 гг.); 3. Фонд № И-40 «Управление делами Великого князя Николая Константиновича Романова при Туркестанского Генерал-губернатора» (1873–1918 гг.); 4. Фонд № И-461 «Туркестанское районное охранное отделение» (1907–1917 гг.); 5. Фонд № И-462 «Полицейское управление русской части г. Ташкента» (1868–1917 гг.); 6. Фонд № И-606 «Коллекция автографов и документов, собранных великим князем Николаем Константиновичем Романовым» (1813–1872 гг.). Также встречаются документы о жизнедеятельности Николая Константиновича в Туркестанском крае в архивных фондах по учебным заведениям (гимназии, училище и др.), по промышленным предприятиям (масло и хлопзаводы) и др. различных фондах. Данные фонды в советском и постсоветском периодах остаются малоизученными.

Согласно архивным документам, Николай Константинович оказался прекрасным предпринимателем. Он одним из первых обратился к наиболее доходной тогда области промышленности в Туркестанском крае – строительству и эксплуатации хлопкоочистительных заводов. Великий Князь, имея приличный стартовый капитал, строил очистительные, маслобойные, мыловаренные, бумагоделательные и ткацкие фабрики, кинотеатры и магазины, строил жилые дома и сдавал их в аренду. Он оплачивал посадку дубовых парков и аллей.

Николай Константинович занимался и благотворительностью, помогал студентам, построил несколько домов для русских ветеранов-туркестанцев.

Он создал в городе Ташкенте базар возле железной дороги, фотографические ателье, бильярдные залы, мельницы. Его пекарня-булочная была достопримечательностью города – там выпекали даже французские булки.

Открыл Великий Князь в городе и кинематограф, назвав его «Хива», затем летний кинотеатр, гостиницу, больницу для бедных и богадельню. Первый фонтан в Туркестане был сооружен при дворце Великого Князя Николая Константиновича. Императорский дом Петербурга на содержание Николая Константиновича выделял по 200 тысяч рублей в год. На эти деньги он совершал экспедиции по изучению края в целях его преобразования. Князь Николай Константинович выступил инициатором строительства Ташкентской железной дороги. На свои деньги он нанимал дехкан для прокладки магистральных каналов и арыков. На обводненных участках сажал хлопок и зерновые, овощи, разбивал сады плодоносных деревьев.

В 1883 году он приступил к сооружению канала «Искандер-арык» (в честь Александра Македонского) протяженностью 50 км. Канал, построенный в 1885 году, оросил 4513 гектаров земель по правому берегу реки Чирчик. После проведения Искандер-арыка было основано селение Искандер.

В 1889–1890 годах в европейской части города Ташкента Николай Константинович купил участок земли и по проекту инженера В. С. Гейнцельмана недалеко от Белого дома, места пребывания генерал-губернатора, построил личную резиденцию. Его дворец напоминает средневековый замок. Дворец удивляет посетителей своей нарядностью, оригинальным обликом, теплыми тонами кирпичной

кладки и широкими зеркальными окнами, окруженный мраморными статуями и фонтаном. Вокруг дома Великий Князь приказал разбить парк, посадив саженцы редких деревьев. В одном углу парка он устроил зоосад, в другом – псарню, он был завзятым охотником. Ташкентский ботаник и фармацевт И. И. Краузе создал там уникальный сад, и позже в начале улицы резиденции был организован сквер для досуга.

К крыльцу замка, выходящему на Кауфманский проспект, шла от улицы кругообразная, широкая въездная аллея в виде крытого застекленного портика с колоннами. От улицы этот участок был отгорожен красивой, высокой кованной решеткой с двумя воротами: въездными и выездными. Между решеткой и въездной аллеей был разбит круглый, огороженный подстриженными растениями, в виде живой изгороди, цветник.

По обеим сторонам входной лестницы на мраморных цоколях лежали в натуральную величину бронзовые олени с громадными ветвистыми рогами. В левом крыле дворца располагались апартаменты Великого Князя, а в правом – апартаменты его жены. Входя через дубовые резные двухстворчатые широкие двери, расположенные в передней части дворца, посетитель попадал в круглый большой холл, отделанный темным деревом, с опускающимся на чугунной цепи замысловатой формы светильником. Далее из холла выходили три двери: прямо перед вошедшим, а также справа и слева. За левой дверью была круглая винтовая, узорчатая железная лестница, шедшая на второй этаж – в богатую, большую библиотеку и в бильярдную. Войдя в правую дверь, посетитель попадал в огромный зимний

сад. Здесь росли пальмы разных сортов, а также лимонные, апельсиновые, мандариновые и померанцевые деревья.

С левой стороны от входа в зимний сад был устроен японский сад с карликовыми фруктовыми деревьями; в этом саду журчали ручейки, через которые были переброшены красивые мостики с перилами в виде заборчиков и туннелей, где стояли крошечные домики и множество фигурок людей и животных в живописных позах. Также в саду были устроены беседки из тропических растений в цвету.

Проходя в левую дверь из холла, посетитель попадал в три зала, следовавших один за другим. В этих залах располагались мраморные статуи и картины из коллекции Великого Князя Николая Константиновича. Дверь напротив входа вела из холла в другие залы разной величины. В первой небольшой гостиной недалеко от громадного французского окна стояла очаровательная статуя Венеры, которая выглядела розово-прозрачной, когда освещалась падающими через окно солнечными лучами. В следующем зале в застекленных шкафах и витринах находились многочисленные экспонаты из коллекции Николая Константиновича – статуэтки, игрушки из слоновой кости, ордена, медали, кольца, браслеты, серебряные и золотые украшения и многие другие интересные вещи такого рода.

Следующий зал был оформлен в восточном стиле, с чудесными бухарскими, афганскими, туркменскими и персидскими коврами, с драгоценным оружием – огнестрельным и холодным. Низкие тахты были покрыты коврами и материями, расшитыми шелком, серебром и золотом. Также в этом зале находились картины известных мастеров живописи со сценами из жизни Азии.

Внутреннее убранство он выполнил с великокняжеской роскошью. Залы дворца украшали произведения искусства, приобретенные князем во время его поездок по Европе. Из Парижа выписал мебель, из Лиможа – фарфор, из Венеции – стекло и хрусталь, картины известных художников – из Италии, России и других стран.

Среди залов первого этажа была и столовая, вся отделанная деревом. Потолок по карнизам расписан золотом, тушью, малиновыми и зелеными надписями – молитвами из Корана. Большой, длинный обеденный стол, массивные стулья с высокими спинками, обтянутыми кожей, с богатыми резными ножками, спинками и подручниками. По стенам шкафы с массивным семейным серебром; блюдами, хрусталем и сервизами, заказанными на императорском фарфоровом заводе.

Николай Константинович в 1918 году передал дворец в дар городу Ташкенту с условием устройства во дворце музея. При советской власти во дворце был организован музей, как завещал [3, с. 82–94] Николай Константинович перед своей смертью. Сам князь умер в 14 января 1918 года от скоротечного воспаления легких [2, с. 110–111].

Коллекция картин европейской и русской живописи, собранная Великим Князем и привезенная им из Санкт-Петербурга, явилась основой для создания в 1919 году Музея искусств в Ташкенте (позже Государственный музей искусств Узбекистана), имеющего одну из самых богатых коллекций картин европейской живописи среди художественных музеев Средней Азии.

Позже, с 1940-х по 1970-е гг., в связи с переездом Музея искусств в новое здание, здесь располагался Республиканский дворец пионеров, музей антиквариата и ювелирного

искусства Узбекистана. В начале 1990-х годов здание использовалось в качестве Дома приемов Министерства иностранных дел Республики Узбекистан.

В настоящее время здание находится на балансе Министерства культуры Республики Узбекистан, как исторический архитектурный памятник. Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, Министерство культуры и ряд гуманитарных миссий планируют реконструкцию резиденции Великого Князя Николая Константиновича. В данное время известная немецкая компания «ATELIER-BRÜCKNER» ведет проектно-сметные документации по реконструкции здания.

Библиографический список

1. *Костецкий, В. А.* Великий князь Николай Константинович Романов //Альманах «Царственный отверженный, очарованный востоком». – Ташкент, 2014. – С. 4–14.

2. *Котюкова, Т. В.* «Гриппозное воспаление легких» (От чего умер «изгой» из рода Романовых) // Родина. – 2009. – № 10. – С. 110–111.

3. *Котюкова, Т. В., Махкамов, А. В.* «...Завещаю... все выше-означенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета»: документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни Великого князя Николая Константиновича Романова // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 82–94.

**ТАШКЕНТСКИЙ ДВОРЕЦ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
В АРХИВНЫХ ФОТОГРАФИЯХ
И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ
(ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ УЗБЕКИСТАНА)**

Аннотация. В статье на основании хранящихся в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана документов рассказывается об истории здания Дворца Великого Князя Николая Константиновича в Ташкенте. По архивным фотографиям и документальным кинофильмам прослеживаются изменения в предназначении, архитектурном и скульптурном оформлении здания. Автором исследуется вопрос о роли данного уникального памятника архитектуры и истории в развитии культуры в Узбекистане. В результате изучения архивных кинофотофонодокументов автор статьи делает вывод о том, что здание Дворца Великого Князя Николая Константиновича в Ташкенте во все исторические периоды успешно служило популяризации и развитию детского творчества, науки и искусства.

Ключевые слова. Дворец Великого Князя Николая Константиновича, Республиканский Дворец пионеров в Узбекистане, Великий Князь Николай Константинович,

архитектура, декоративная скульптура, Ташкент, детское творчество, развитие народного творчества.

В центре столицы Узбекистана стоит роскошное здание – Дворец Великого Князя Николая Константиновича. Это здание, являясь во все времена одним из главных достопримечательностей Ташкента, бесценный памятник истории и культуры и Узбекистана, и России, страниц совместной истории наших стран, страниц истории Дома Романовых и, в частности, биографии Великого Князя Николая Константиновича.

Вот уже третий век архитектуру Ташкента неизменно украшает Дворец Николая Константиновича. Архитектурные особенности здания во все времена привлекали жителей и гостей столицы Узбекистана. Причудливой формы архитектура с ажурными резными решетками, декоративные скульптуры собак и оленей в натуральную величину, необычной формы башни, окна и фонтаны – все это составляло архитектурный, скульптурный и ландшафтный ансамбль. Перед центральным входом была установлена большая статуя из белого мрамора Атланта, державшего на своих плечах земной шар.

Судьба здания необычайно интересна и содержательна. С Дворцом Великого Князя связано немало исторических событий. Все они запечатлены в собранных и хранящихся в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана фотографиях и документальных фильмах.

По документам архива мы видим, как менялось предназначение здания, равно как и его внешний облик.

Князь Николай Константинович завещал коллекцию

городу Ташкенту, а Дворец видел в будущем не иначе, как в качестве художественного музея. Завещание было исполнено, и с 1918 года до середины 1930-х годов здесь размещался Художественный музей. В здании хранились и выставлялись произведения искусства из коллекции, собранной князем со всего мира. Экспонаты сохранены до сегодняшнего дня, находятся в Государственном музее искусств Узбекистана, а книги – в Национальной библиотеке имени Навои.

В 1934 году музей был закрыт, экспонаты переданы в другие музеи и галереи, библиотеки, а в здании разместили Республиканский Дом пионеров.

Именно в этом качестве большую часть своей жизни и просуществовал Дворец Великого Князя. Здание превратилось в кузницу детского творчества. В здании широко развернули свою деятельность кружки изобразительного, драматического творчества, музыки, танцев, прикладного мастерства, радиолaborатория, скульптурная мастерская.

В здании Дворца размещалась собственная детская музыкальная школа, в которой обучали хоровому пению, игре на узбекских национальных и европейских музыкальных инструментах. В одном только отделении аккордеонистов занималось более 30 детей. При Доме пионеров был создан детский ансамбль песни и пляски. По архивным фотографиям мы видим, что внутреннее убранство Дворца в период занятий с детьми сохранилось.

На фотографиях мы видим, как пионеры готовились к Пушкинским дням. Необходимо отметить, что на стенах залов Дворца – картины, в помещениях – резные шкатулки.

Примечательно, что занятия кружка по резьбе по ганчу проводились в зале, где стены при Великом Князе оформлены были в восточном стиле.

Фотодокументы, запечатлевшие процесс проведения кружковых занятий с детьми, предоставляют одновременно возможность изучения особенностей отделки стен, окон, дверей и потолков Дворца, выбранный орнамент.

По кино- и фотодокументам мы видим, что не только само здание, а весь двор перед зданием был постоянно занят творчеством детей. Здесь проводил репетиции с детьми заслуженный артист Узбекской ССР, руководитель ансамбля юных дойристов Туйчи Иногамов.

Во дворе Дворца проводились занятия и авиамодельного спорта, шахматно-шашечной секции. На территории Дворца пионеров юными цветоводами была создана оранжерея, насчитывающая более 70 видов цветов.

В Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана хранится фотоальбом, рассказывающий о деятельности кружка юных зоологов при Дворце пионеров. Включенные в альбом фотографии также показывают, что архитектура здания была заботливо сохранена (*фото 1*).

Отдельный фильм рассказывает о творчестве знаменитого детского танцевального ансамбля «Юлдуз» под руководством известного хореографа Беллы Арутюновой.

Кружок художественной вышивки также осуществлял свою деятельность в залах Дворца, отделка которых была выполнена специально приглашенными Великим Князем народными мастерами из Бухары и Самарканда. Проведение занятий в художественной обстановке с расписанными

*Фото 1. Собрано 10,65 кг коконов с 2 г грены. 1955 г.,
г. Ташкент. Р-30. А-17. Кружок юных зоологов.*

Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана

стенами и потолком способствовало развитию вкуса, таланта и воображения у детей. Кинодокументы архива показывают, как в годы Второй мировой войны юные рукодельницы во дворе Дома пионеров вышивали кисеты, салфетки для раненых в госпиталях Ташкента.

Один из спецвыпусков хранящегося в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана киножурнала «Пионер» посвящен деятельности детской самодеятельной киностудии Дворца пионеров. Работа юных кинематографистов завоевала премию на Всесоюзном смотре любительских фильмов в 1959 году в Москве. Премия

присуждена за фильм «Наш дворец». Видно, с какой любовью и заботой относились пионеры к своему Дворцу (фото 2). Об этом свидетельствуют и организовываемые каждые пять лет юбилеи Дворца.

Для школьников Узбекистана, а также для детей дошкольного возраста во Дворце пионеров организовывались увлекательные экскурсии (фото 3), соревнования, выставки детского творчества, концерты, встречи с деятелями науки и искусства.

Республиканский Дворец пионеров посещали участники Всемирного фестиваля студентов и молодежи, участники декад культуры и искусства. В здании Дворца регулярно проводились творческие встречи, каждый четверг – литературные мероприятия.

В 1964 году проходила встреча с героями книг Георгия Свиридова «Ринг за колючей проволокой» и «Джексон остается в России» Сиднеем Львовичем Джексоном и бывшим узником Бухенвальда Андреем Андреевичем Борзенко.

Фото 2. Кинооператор любительской киностудии при Дворце пионеров им. Сталина Нина Ростовцева за съемкой нового фильма. 1958 г., г. Ташкент. Автор съемки – Р. Альбеков. 0-64480. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана

Документы показывают, что облик здания был несколько изменен при Республиканском Дворце пионеров. Вместо статуи Атланта поставили статую И. В. Сталина и пионеров (*фото 4*), позже Сталин был заменен В. И. Лениным. Однако эти изменения – всего лишь атрибутика того или иного исторического периода.

Архивные кино- и фотодокументы опровергают мнение о том, что декоративные скульптуры оленей и собак были снесены в период функционирования здания в качестве Дворца пионеров. Изучение хранящегося в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана собрания фотографий и документальных фильмов приводит к выводу, что в советский период были убраны только бронзовые фигуры собак, стоявшие по обеим сторонам

*Фото 3. Пионеры на экскурсии во Дворце пионеров им. Сталина.
1948 г., г. Ташкент. Автор съемки – В. Владимиров.
0-10374. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана*

*Фото 4. Дворец пионеров имени Сталина. 1960 г., г. Ташкент.
Автор съемки – Б. Фомичев.*

1-23411. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана

Фото 5. Дворец пионеров имени Сталина. 195[?], г. Ташкент.

1-51930. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана

фасада на верхнем этаже здания. Олени же с крупными ветвистыми рогами продолжали украшать здание и двор (фото 5). На фотографиях архива мы видим, какой интерес вызывали у детей декоративные скульптуры животных. Это также имело воспитательное значение. Следует отметить и тот факт, что ни одна из скульптур не пострадала.

Изучая архивные документы, можно сделать вывод, что, будучи Дворцом пионеров, Дворец Великого Князя Николая Константиновича жил яркой и плодотворной жизнью. Необходимо отметить, что именно в этом учреждении были воспитаны, обучены, открыты миру детские таланты в различных видах творчества.

Республиканский Дворец пионеров находился в здании до 1980-х годов. После закрытия Дворца пионеров в здании разместили Музей антикварного и ювелирного искусства, где хранились археологические ювелирные ценности республики: золото Кушанских царей и старинные ювелирные украшения.

С 1992 года в здании находился Дом приемов Министерства иностранных дел Республики Узбекистан.

В настоящее время Дворец Великого Князя Николая Константиновича реставрируется. Оптимизм вызывает исторически верное решение организовать в этом здании музей.

Таким образом, мы видим, что, как бы ни менялось предназначение и облик Дворца, он был сохранен и неизменно служил искусству, развитию творчества.

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Аннотация. В статье анализируется путешествие Цесаревича Николая Александровича, которое положило начало строительству Транссибирской железной дороги. На основе источников показаны населенные пункты и памятные места «Царского пути», которые совпали с будущей трассой Транссибирской железной дороги.

Ключевые слова. Транссибирская железная дорога, заграничное путешествие Цесаревича Николая Александровича, Николай II.

Большой «восточный тур» Цесаревича Николая Александровича (1868–1918) был логичным завершением его 13-летнего курса классического образования. Решение Государя Александра III (1845–1894) о заграничном путешествии наследника с Запада на Восток морским путем от Триеста до Владивостока предполагало посещение «чужеземных» стран Африки и Азии. Сибирская же часть пути являлась органическим продолжением этого маршрута с Востока на Запад, но уже по землям «нашей Азии». Общий план путешествия составлял воспитатель Цесаревича генерал Г. Г. Данилович, которому помогали адмирал И. А. Шестаков, географ А. И. Воейков и капитан 1-го

ранга Н. Н. Ломен, впоследствии исполнявший обязанности командира на фрегате «Память Азова». В частности, в обсуждении проекта путешествия по Египту деятельное участие принимал Великий Князь Сергей Александрович (1857–1905), только что вернувшийся с берегов Нила, а также русский посол в Турции и русский посланник в Греции. Примечательно, что все это путешествие вслед за его историографом князем Э. Э. Ухтомским (1861–1921) стали называть «Путешествием на Восток».

Наставник Цесаревича Николая граф, впоследствии генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович (1825–1906) в своих воспоминаниях-записках, которые хранятся в РГИА в Санкт-Петербурге, писал: «Для путешествия по Сибири от Владивостока до Уральска Наследник Цесаревич избрал главным направлением прежний большой Сибирский тракт. Те разъяснения, которые полезно было сделать для этой главнейшей части путешествия Государя Наследника Цесаревича, составлены по вопросам военным и историческим по указаниям Военного Министра, а по вопросам экономическим и административным – по указаниям Управляющего Делами Комитета Министров Тайного Советника Куломзина».

Исторические источники по данной теме хранятся главным образом в фондах ГА РФ, РГИА и РГАЭ, а также в РГИА Дальнего Востока и ряда краевых и областных архивов. Есть они в отделах письменных источников крупных библиотек, музеев, научных и общественных организаций (ОПИ РГБ, ГИМ, МАЭ РАН, РГО и др.).

Отметим некоторые архивные дела:

Контурные карты с нанесенным маршрутом путешествия Великого Князя Николая Александровича по Европе, Африке и Азии. С пометками Александра III. [1891 г.] (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1183. Л. 1–11).

Маршруты и программы путешествия Великого Князя Николая Александровича по Сибири и Дальнему Востоку. 1890–1891 гг. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1463. Л. 1–28).

Адрес Томской городской управы наследнику великому Князю Николаю Александровичу с просьбой о проведении Сибирской железной дороги через г. Томск. В папке. 1891 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1020. Л. 1–3).

Отчет о деятельности Министерства путей сообщения по строительству Сибирской железной дороги за время с 30 марта 1889 г. по 17 января 1892 г. В муаровой папке. 17 января 1892 г. (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 629. Л. 1–26).

Рескрипт Александра III Великому Князю Николаю Александровичу о назначении его председателем комитета Сибирской железной дороги. Приложена вырезка из газеты о решениях Особого совещания о постройке Сибирской железной дороги. 14 января 1893 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2).

Отчет комитета Сибирской железной дороги Александру III о своей деятельности за 1893 г. В кожаной папке на муаровой подкладке. 1894 г. (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 635. Л. 1–29).

Материалы о строительстве Сибирской железной дороги (отчет Комитета Сибирской железной дороги, графики работ, план трассы дороги, справки, записки и др.). 1893–1894 гг. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1–48).

Докладная записка Витте Николаю II о восстании в китайской провинции Гань-Су и о необходимости добиться от китайского правительства разрешения на прокладку железной дороги через Манчжурию. 3 октября 1893 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 688. Л. 1–2).

Фотоснимки торжественного открытия работ по сооружению Восточно-Китайской железной дороги. 16 августа 1897 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1024. Л. 1–5).

Существует с царских времен большая историография по этой теме. Среди опубликованных работ имеются небольшие брошюры:

Краткое описание пути следования Е. И. В. Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича по Амурской области в 1891 г. Б. м., 1892.

Краткое описание пути следования Е. И. В. Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича по Забайкальской области. Б. м., 1892.

Крылов А. А. Наследник Цесаревич Николай Александрович в Тобольске. Тобольск, 1891.

Лобов Н. Г. Посещение Оренбургского казачьего войска Августейшими особами. Составлено по поручению наказного атамана, генерал-лейтенанта Сухомлинова, к трехсотлетию царствующего дома Романовых. Оренбург: типо-литография Бреслина, 1913. 66 с.

От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича / Сост. Центр. стат. ком. Министерства внутренних дел. СПб., 1891. 461 с.

Посещение Забайкалья Его Императорским Высочеством наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем в 1891 году. СПб., 1892. 98 с.

Пребывание Его Императорского Высочества наследника Цесаревича Николая Александровича в Уральской области в 1891 году, и празднование Уральским казачьим войском его трехвековой службы царям и отечеству. Уральск. Войсковая тип., 1892. 73 с.

Среди работ нашего времени отметим:

Коптелов В. Т. Великий Сибирский путь от Александра III до Николая II: Исторический очерк. Тюмень: Мандр и К, 2003. 183 с.

Маршрут для цесаревича: Документы и материалы / Федеральная архивная служба. Рос. гос. исторический архив Дальнего Востока. Сост., автор введ. ст. и примеч. Троицкая Н. А. Владивосток: РГИА Дальнего Востока, 2001. 49 с.

Российский императорский Дом и Дальний Восток. Документы и материалы. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2007. 150 с.

Путешествие Цесаревича Николая Александровича в свое время широко освещалось в отечественной и зарубежной прессе. По материалам печатных публикаций писатель и журналист Василий Кривенко уже в 1891 г. издал небольшую книжку о первом этапе странствий. Вводной части программы была посвящена обстоятельная статья в «Морском сборнике». В 1894 г. ограниченным тиражом в Санкт-Петербурге вышел памятный альбом «Путешествие Великого Князя Николая Александровича по Востоку в 1890–91 гг.».

Официальный историограф путешествия князь Э. Э. Ухтомский – вел дневник, который лег в основу его

многотомного сочинения о путешествии. Цензурировал этот труд сам наследник Цесаревич. Князь Ухтомский высоким, торжественным и патриотическим слогом в своем парадном многотомном издании описал это путешествие, где многие сложности (по цензурным соображениям) были обойдены, о чем говорят архивные документы (включая неопубликованные дневники и письма Цесаревича Николая), писал:

«Русская Азия переживает в 1891 г. один из важнейших моментов своего развития в своей не избалованной радостями истории. Святая весть, что престолонаследник ошастливит личным посещением далекие и глухие окраины родной земли, становится лучезарной былью, полным глубокого смысла событием, зарей для необъятного края, ожидающего в течение столетий более прочного и братского общения с Россией. Кто может его закрепить разносторонне и теснее, как не первенец его Державного вождя, посланный своим царем-отцом взглянуть на свое наследие, передать сибирякам /.../ творческие мысли его о необходимости пробуждения восточных окраин, озарить тамошнюю тускло-однозначную жизнь от всего сердца идущим приветом и лаской? Факт августейшего проезда из Приморской области на Оренбург должен оставить неизгладимый след на поверхности местного строя и быта, доказав, во-первых, неразрывную духовную связь между туземным населением и правящим нами Императорским Домом, а кроме того, вынуждая столичные сферы иными глазами посмотреть на сравнительно обездоленный Крайний Восток, откуда мы вправе ожидать и, наверное, дождемся в непродолжительном времени мощного движения вперед по пути конечного утверждения русского

главенства в Азии». (Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. СПб.; Лейпциг, 1897. Т. 3.)

Князь Эспер Эсперович Ухтомский составил подробное описание стран «чужеземного востока», которые посетил Цесаревич, и его путешествия по ним, а также путь по просторам русской Азии. Этот обширный труд был напечатан в издательстве Ф. А. Брокгауза не только на русском языке, но и на английском, немецком и французском. Первый том под названием «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891» вышел в свет в 1893 году; второй и третий тома – в 1895 и 1897 годах уже под названием «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)».

Прекрасно изданные экземпляры этой книги Император Николай II подарил на память своим спутникам по путешествию. Получили его и все офицеры кораблей, сопровождавшие флагманский фрегат Цесаревича «Память Азова».

Грандиозное путешествие на Восток в 1890–1891 гг. совершил Цесаревич, когда ему исполнилось всего 22 года. Оно могло оказаться последним для него, так как в Японии на Николая было совершенно «покушение на убийство» (полицейским из охраны оцепления), и шрам от сабли на голове «самодержца» остался на всю жизнь.

Государь Александр III придавал этой поездке большое значение, рассматривая ее как важный этап в ознакомлении Цесаревича Николая Александровича со иностранными державами и со своей империей. Наследник получил

редкую возможность установить личные контакты с многими представителями правящих династий (Сиам, Китай и Япония), а также с элитой колониальной администрации в странах, зависимых от Британской короны, и тем самым укрепить международный престиж России. Высокого гостя за рубежом встречали по протоколу, соответствующему статусу главы государства. Это был очевидный успех отечественной дипломатии, стремившейся расширить сферу российского влияния на Востоке.

В 2020 году исполнилось 130 лет со дня начала grand tour Цесаревича, не имевшего среди других венценосных представителей монарших династий мира подобного аналога. Путешествие началось 23 октября 1890 года из Гатчины после молебна и проходило преимущественно по морям и океанам на фрегате «Память Азова» через многие страны мира, а завершилось оно 4 августа 1891 года пройденным сухопутным маршрутом по территории России от Владивостока до Санкт-Петербурга. За все время пути было преодолено 51 000 верст, из них: 15 000 – по железной дороге, 5 000 в экипаже, более 9 000 – по рекам, около 22 000 – по морям. Данное путешествие оказалось беспрецедентным по своей продолжительности и географическому охвату, а также имело свои большие позитивные последствия для поступательного развития Российской Империи.

С этого же памятного момента ведет свою историю длиннейшая в мире Транссибирская железная дорога, у истоков начала создания которой оказался Цесаревич Николай. Он во Владивостоке 19 мая 1891 года многозначительно и символично (как будущий самодержец и охранитель интересов державы), в торжественной обстановке,

лично участвовал в этом своеобразном ритуале открытия – откатил тачку с грунтом к месту закладки строительства трассы и по преданию забил «первый золотой костыль» в полотно основания этого пути, который еще при его жизни надежно связал Дальний Восток и Сибирь с Европейской частью Российской державы.

Как известно, Великий Князь Николай Александрович после проведения торжественных мероприятий во Владивостоке продолжил 21 мая 1891 года свой дальнейший обратный путь на запад не морем, а «на перекладных» и даже верхом на лошадях, а где-то пароходами по рекам и озерам, через всю необъятную Россию, так как железнодорожное сообщение достигало на тот момент в европейской части (на Востоке) только гор. Оренбурга. Попытаемся проследить этот величайший путь Цесаревича Николая через Дальний Восток и всю Сибирь, где позднее, практически по его стопам, прошла в основном за 10–11 лет Транссибирская железная дорога. В январе 1893 года Цесаревич возглавил Комитет Сибирской железной дороги, продолжал курировать это важное и судьбоносное для Российской державы дело почти всю свою жизнь. Мы попытаемся выяснить по архивным документам (в том числе по неопубликованным дневникам, личным письмам Цесаревича Николая) и печатным историческим источникам те основные населенные пункты и памятные места, где их маршруты совпали с будущей трассой Транссибирской ж. д. Попытаемся прояснить для составления программы (карты маршрута и дорожной карты) проекта «Царский путь» и поиска того, что, возможно, где-то еще сохранились от прежних времен или в какой-то степени остались лишь фрагменты

так называемых в научном мире «материальных памятников» той далекой от нас, но великой эпохи нашего славного и многострадального Отечества.

Мы разделяем концепцию выставки, проведенной в музее «Царицыно» еще в 2011 году, к 120-летию путешествия Цесаревича на Восток, где в путеводителе организаторы отмечали: *«Нашей задачей на выставке и в издании было показать на великолепном историческом материале, что такое Восток для России как часть Востока в эпоху правления Александра III. И предложить читателю и зрителю задуматься над «вечными» для нас вопросами – с кем и куда мы идем и что такое особый путь России?»* (См.: Панорама империй: Путешествие цесаревича Николая Александровича на Восток. 1890–1891. М.: ГМЗ «Царицыно», 2011. С. 3.)

После проведения замечательной выставки в одиннадцати залах музея «Царицыно» минуло 10 лет, за которые в нашей стране произошли большие перемены, стали более доступны бывшие «спецхраны» архивов, были проведены многие научные симпозиумы и конференции в разных регионах России, опубликованы сборники документов и т. п., что, в свою очередь, требует дальнейшего анализа, обобщения документальных фактов с целью продвижения знаний вперед. Задача исторической науки расширять кругозор российского общества, воспитывать в подрастающих поколениях подлинные чувства патриотизма и любви к Отечеству, вовлекать в оборот все новые пласты документальных источников, переосмысливать многие глобальные события прошлого, избавляться от политизированных штампов и навязанных ложных мифов большевиков.

Сохранились многие печатные исторические источники, архивные документы и иллюстративные материалы.

Из «Путешествия на Восток» Цесаревич Николай Александрович привез в столицу богатые и разнообразные уникальные коллекции, которые хранятся теперь во многих ведущих музеях России. Это особая тема. Необходимо уделить специальное внимание подаркам, преподнесенным Цесаревичу, и экзотическим предметам, привезенным им из путешествия и ныне хранящимся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; уникальным и великолепным костюмным комплексам народов Сибири конца XIX века из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) и т. д.

Вручение памятных даров (икон, блюд, изделий ремесла и народных промыслов, поздравительных адресов, стихов и музыкальных произведений и т. п.) являлось важной частью протокола официальных приемов монарших особ. «Сибирский отдел» выставки предметов, привезенных Цесаревичем Николаем Александровичем из этого путешествия (выставка была устроена в Эрмитаже в 1893 году), насчитывал более 600 подарков. Большая часть их, к сожалению, в наши времена оказалась утрачена.

Художник-акварелист Николай Николаевич Гриценко (1856–1900) создал живописную хронику путешествия из более чем 300 акварельных зарисовок – пейзажей и марин, в том числе Дальнего Востока и Сибири. Внес свою лепту в это дело и художник-иллюстратор Николай Николаевич Каразин (1842–1908), бывший боевой офицер, который хотя и не участвовал в этом морском походе,

но также принял участие в оформлении многотомного издания о путешествии, оставив множество акварелей и рисунков, особенно экзотических стран. Сохранилось в архивах большое количество разного рода фотоснимков (любительских и профессиональных), т. е. целая фотолетопись путешествия.

Путешествие для Цесаревича Николая Александровича и его спутников оказалось интересным и познавательным делом. Он видел грандиозный Суэцкий канал, вместе с принцем шведским Густавом и принцем греческим Георгом поднимался на пирамиду Хеопса, где они вместе снимались на память, восхищался Индией и экзотикой тропиков, побывал на Цейлоне, в Индонезии, Сиаме, Китае и Японии.

В первый же день пребывания во Владивостоке Цесаревич записал в дневнике свои наиболее яркие впечатления от увиденного:

«11 мая. Суббота. Когда я проснулся, то не без удовольствия заметил, что в море тумана нет, значит придем в назначенный срок. Было очень холодно и свежо, совершенно российский климат. Пройдя мыс Басаргина, увидели начало салюта с батарей расположенных по обеим сторонам пролива; берега крутые поросшие диким виноградом, на вид не особенно приветливые. В 10 1/2 [ч.] вошли в Золотой Рог и бросили якорь во Владивостоке. Приятно проплавав столько времени и побывавши в разных странах, неожиданно очутиться на родине, на берегу Тихого океана! На пристани уже была устроена встреча и стояли войска, но я не мог съехать из-за через чур большой повязки на голове. К завтраку приехали: бар. Корф, воен. губер[натор] Унтербергер, командир порта к[онтр-] а[дмирал] Ермолаев

и комендант крепости – Аккерман. Мне очень нравится вид на город с рейда, во многом он мне напоминает Севастополь с его многочисленными бухтами. Много каменных домов, хорошо расположенных; недурной сад командира над портом. Вообще видно, что хотя город и молодой все же он чист и отлично содержан. Вечером я был страшно обрадован телеграммой от дорогого Папа: я назначен шефом 1-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона. Странно, когда я был совсем маленьким, было моею мечтою иметь мундир одного из здешних стрелковых батальонов; в этом я даже завидовал д[яде] Алексею [Александровичу]. И вот эта мечта сбылась! Вечером Владивосток был прекрасно иллюминирован». (См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225.)

На следующий день, 12 мая, состоялась торжественная встреча Цесаревича во Владивостоке на Адмиральской пристани. Служба в Успенском соборе. Великий Князь Николай Александрович кратко отмечает в своем дневнике некоторые достопримечательности Владивостока: «Очень красивая арка, построенная в виде часовни, расположена была против пристани». И далее: «В соборе после краткого молебствия священник сказал доброе слово; затем мы отправились в дом губернатора, где происходило большое представление лиц». 13 мая, в понедельник, Цесаревич посещает здание Военного собрания и по дороге видит «кипучую работу по постройке первых двух верст Сибирской железной дор. ссыльнокаторжными». На следующий день, 14 мая, он производит смотр батарей Владивостокской крепости и казарм Сибирского флотского экипажа. В его дневнике появляется еще одна многозначительная поденная запись: «Вообще, насколько я познакомился

с защитой Владивостока она представляется в настоящее время довольно серьезною; но все это составляет половину того, что следует еще сделать». 15–16 мая Наследник Престола делает визит в залив Посъета и производит смотр войскам. 16-го же мая Цесаревич посетил пост Новгородский и отметил: «При входе в бухту первое, что заметили – это отлично сделанного двуглавого орла из мрамора и разноцветных камней на склоне горы. С пристани поехали в неоконченную еще часовню...»

Записи в дневнике Цесаревича за эти дни достаточно содержательны:

«17 мая. Пятница. При чудесной погоде в 10 ч. утра была закладка памятника адм. Геннадию Невельскому; после чего посетил гимназию и женскую школу. Оттуда отправился на парад, где участвовали: 1-й и 5-й Восточно-Сибирские и 2-й Западно-Сибирский Линейные батальоны, В[осточно-]С[ибирская] Саперная рота, и две роты Владивостокской крепостной артиллерии. Войска проходили два раза великолепно; поражался ростом людей в Западно-Сибир. бат. Офицеры и нижние чины выпрягли лошадей и провезли меня в коляске чрез весь свой лагерь. У пристани зашли во Владивостокский музей, существующий всего 7 лет. Вернувшись на фрегат, читал и укладывал последние вещи. В 10 час. поехали на раут в Морское Собрание; дом деревянный, но помещение прекрасное. Разговаривал до 11 ч. когда пошли к ужину; сидели в огромном красиво изукрашенном сарае. Общество довольно смешанное и кажется веселое, судя по рассказам в кают-компаниях. Вернулись на фрегат в полночь». (См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–224 об.)

На следующий день, 18 мая, еще одно событие, зафиксированное в его дневнике: *«В 10 час. отправился на берег к месту закладки нового большого дока. Я счастлив и польщен тем, что Папа повелел его назвать моим именем. После получения Стрелкового батальона – этот док будет служить для меня узами крепкой привязанности к Владивостоку, этому великому порту будущего!..»* (См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226.)

В честь посещения Цесаревичем Николаем этих мест Государем Императором Александром III был обнародован: «Именной Высочайший указ, данный Сенату о даровании милостей ссыльным в ознаменование посещения Сибири Его Императорским Высочеством, Государем наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем».

Кратко еще раз резюмируем, что Цесаревич Николай прибывает 11 мая 1891 года во Владивосток. Именно здесь начинается исполняться главная государственная задача деятельности во время путешествия Наследника Престола – начало строительства Великой Сибирской железной дороги. Торжественная закладка Уссурийского участка рельсового пути состоялась 19 мая 1891 года во Владивостоке при личном участии Цесаревича. Однако окончательный план постройки дороги был утвержден только 10 декабря 1892 года. Стоимость работ уже на тот момент исчислялась грандиозной по тем временам суммой – около 360 миллионов рублей золотом.

В январе 1893 года Цесаревич Николай Александрович возглавил Комитет Сибирской железной дороги. На этом поприще он добился определенных успехов. Позднее граф

С. Ю. Витте отмечал в своих воспоминаниях: «Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца» (Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 286).

Этот проект, если можно так сказать, был главным проектом к воплощению в реальность всей жизни Государя Николая II, как и его в целом проявления большого интереса и общего внимания к развитию Дальнего Востока и Сибири. Так, например, он являлся: Покровителем Русского морского дома в Нагасаки (10.03.1902); Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом, археологическом и этнографическом отношениях (13.12.1908). Он почетный член Томского университета (13.05.1891) и т. д.

Решение о строительстве первого участка железнодорожного пути от Владивостока до станции Графской длиной в 385 верст было принято еще 12 февраля 1891 года. «Великую и давно желанную новость о начале постройки Сибирской железной дороги», как писал Николай Александрович в дневнике, он узнал 19 апреля 1891 года, находясь в Японии, от инженера А. И. Урсаги.

Рескрипт Государя Александра III от 19 марта 1891 года на имя Цесаревича Николая повелевал: «...ныне

приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений». Император поручает объявить свою волю и лично возглавить это «истинно народное дело Цесаревичу», только что вновь вступившему на русскую землю во Владивостоке. Здесь он был призван осуществить главную государственную миссию своего путешествия – участвовать в закладке Великой Сибирской железной дороги. Однако окончательный план постройки Транссиба был утвержден только 10 декабря 1892 года.

В дневнике Цесаревича за 19 мая 1891 года читаем обширную запись:

«День был довольно холодный с свежим ветром. В 10 ч. отправился за город на Первую речку откуда проложен рельсовый путь во Владивосток в 2½ версты солдатами и каторжными в самый непродолжительный срок. После молебна провез тачку с землей; сев в вагон новой Уссурийской дороги, покатил во Владивосток. За поездом бежали все рабочие и китайцы также. Приехавши, на будущую станцию Муравьев-Амурский, вылез из вагона и после краткого молебствия поставил краеугольный камень на этом конечном пункте великой Сибирской железной дороги – события действительно великой важности. За завтраком у инженеров путей сообщения тут же в большой палатке я прочел рескрипт Папа по поводу закладки Сибирской дороги; кроме того, барон Корф сказал два очень подходящих слова! Оттуда поехал с Джорджи на выставку Сахалинских вещей – произведения острова и обитателей его каторжных. В числе весьма красивых и замечательно сделанных

предметов заслуживает особого внимания блюдо поднесенное мне – дерево и серебро и затем письменный стол. Видел также образцы добываемого там каменного угля и выделанного цемента. Вернувшись на фрегат, возился и разбираю подарки для офицеров эскадры. Это продолжалось до чаю с подписыванием фотографий. В 7 ч. у меня обедали: барон Корф, Унтербергер и Еромолаев с своими супругами; после чего мы съехали на берег на концерт любителей в Морском собрании. Он был очень недурен, а главное состоял из 4-х номеров, так что к 10 час. были уже на фрегате. Погода снова стала хмуриться. В кают-компании пробовали разные наливки и слегка закусывали». (См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226.)

В государственном архиве во Владивостоке сохранился редкий документ. Телеграмма Императора Александра III на имя Приамурского генерал-губернатора барона А. Н. Корфа по случаю закладки Уссурийской железнодорожной магистрали:

«20 мая 1891 г.

Душевно рад, что сближению далекой окраины с сердцем России положено начало и что исполнителем заветной моей мечты явился Наследник Цесаревич. Радуюсь со всеми вашими и молю Бога, чтобы благословил ваши труды.

Александр» (РГИА ДВ, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209. Л. 546).

В столичной газете «Правительственный вестник» 19 мая 1891 года еще раз сообщалось о начале грандиозного проекта во Владивостоке:

«Владивосток. 19 мая 1891 года. Ко времени церемонии из города прибыли паровоз и вагон, роскошно украшенные зеленью и флагами. В вагон после закладки сели:

Его Высочество, генерал-губернатор, военный губернатор, свита, все находящиеся в городе адмиралы и генералы, а также строитель дороги Урсати. Когда раздался свисток и поезд тронулся, местность огласилась восторженным «ура!» собравшегося народа и рабочих команд, бросившихся провожать поезд до города. Поезд шел медленно, окруженный бегущей толпой. Двух с половиной верстный путь оглашался кликами».

21 мая 1891 года Цесаревич покинул Владивосток, посетив по пути село Никольское (основанное в 1886 г., насчитывающее 329 дворов), где 22 мая произвел еще один смотр войскам гарнизона и казачьим частям. Впереди предстояло трудное, фактически по бездорожью, почти двухмесячное путешествие через Дальний Восток и Сибирь в Санкт-Петербург.

От Владивостока до села Никольское и далее до селения Камень-Рыболова идет почтовый тележный тракт, проложенный в 1871–1872 гг. Во время своего пути Цесаревич занимался делами благотворительности, о чем говорят отдельные архивные документы. Например, сохранилась:

Телеграмма из Камень-Рыболова пристава Гротус Примурскому генерал-губернатору Корфу о даре Цесаревича Николая Александровича:

30 мая 1891 г.

«Общество крестьян Спасского прихода приговором постановило на деньги, подаренные Его Высочеством, выписать для строящейся церкви колокол с надписью: «В память посещения наших сел Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем Великим

Князем Николаем Александровичем в мае месяце 1891 года». Испрашиваю разрешения

Пристав Гротус». (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1037.)

Цесаревич Николай Александрович в письме отцу Александру III, написанном на пароходе «Вестник» во время плавания по реке Шилка 11 июня 1891 года, подробно сообщал:

«Сегодня ровно месяц, что я в нашей дорогой России, тебе понятна мильи Папа та безграничная радость, которую я испытал 11 мая утром, когда «Память Азова» бросил якорь в Владивостоке. Трудно передать то чувство! Вид города напомнил мне отчасти Севастополь и Южную бухту; он гораздо больше, чем я думал и содержится отлично. Благодаря тем 10 дням, которые я провел там, я успел осмотреть его во всех подробностях. Также я объездил окрестности и побывал на батареях и в лагере линейных батальонов. Во все пребывание я жил на «Азове», так как это было во всех отношениях удобнее, и он так близко стоял у пристани. Одно, что было скучно, а мне даже неприятно это то, что приходилось всюду ездить с несносной повязкой и изображать по неволе старого генерала! – Переход в Посьет был последним на чудном «Азове», который я привык считать своим настоящим домом – и действительно жизнь моя на этом фрегате останется для меня на всю жизнь самым светлым и приятным воспоминанием из всего путешествия. Смотр 2-й В[осточно-] С[ибирской] стрелковой бригаде был первым, на котором я увидел наши войска после семи месячного отсутствия; но помимо этого вид батальонов привел меня в неописанный восторг. Достаточно сказать, что они сразу напомнили мне, кавказские

войска, и я вынес совершенно тоже отрадное впечатление как после смотра гренадерской дивизии в Тионетах! При этом батальоны сами заготовляют себе все и строят: казармы, хлебопекарни, проводят дороги, мосты, рубят лес – словом производят собственное хозяйство исключительно сами и на свои незначительные средства. Совершенно поэтому непонятно каким образом части эти успевают заниматься главным своим делом: строем, стрельбой и настоящей подготовкой к военному делу. Она поистине изумительна. К моей большой радости на Джорджи это тоже произвело сильное впечатление; он часто потом сравнивал английские войска, виденные нами в Индии и др. колониях, а также французские с нашими «чудо-богатырями» и поражался громадною разницею между ними! – Линейные батальоны во Владивостоке: 1-й дяди Алексея и 5-й Вост. Сиб. и 2-й Западно-Сиб. представились также в прекрасном виде – разумеется, все в боевом составе. Что за народ в Западно-Сибирском батальоне просто дивно; прямо годятся в твою роту Преображенского полка; они все уроженцы Томской губернии. Последние три дня происходили закладки последовательно: дока, памятника адмиралу Невельскому и Уссурийской железной дороги. Я, как и все другие, чувствовали какое-то лихорадочное настроение при всех этих торжествах, чего-то прочно созидающегося и благодарю Господа Бога и тебя, что удалось мне самому присутствовать при этих событиях! Канун отъезда из Владивостока 20-го мая я посвятил исключительно дорогой нашей эскадре; объехал все суда и простился с ними утром. Затем был огромный завтрак на «Владимир-Мономахе» от всей эскадры, за которым Дубасов сказал трогательную

прощальную речь от имени всех офицеров. На «Азове» был торжественный спуск моего флага и затем последний обед в милой кают-компании. На следующее утро я выехал с Джорджи из Владивостока; масса моряков и дам провожали меня верхом. В 10 вер. на остановке ожидали все офицеры с «Азова», выпили вместе по последнему стакану и я простился с ними и дорогим Джорджи и при этом разревелся как дитя! Мичм[ан] Менделеев, лейт[енанты] Яковлев и Кедров (с «Мономаха») проскакали 20 вер. до перепряжки. Вечером приехал в село Никольское, где и ночевал. На следующее утро 22 мая был смотр 1-й стрелковой бригаде; тут я увидел и свой чудный стрелковый батальон; смотр был такой же блестящий, как и в Новгородском посту! Мне успели сшить новый сюртук во Владивостоке; в нем я ходил до приезда в Хабаровку. – В тот же день поехал дальше и ночевал в своем вновь приготовленном доме в большой деревне переселенцев Черниговской губернии – Осиновка. Отраднo видеть, как богато живут эти крестьяне и как обустроились за четыре года, что переселились в Южно-Уссурийский край. 23-го мая ночевал в селе Спасском в таком же доме. Вообще я нахвалиться не могу распорядительностью барона Корфа и теми удобствами, которыми он обставил мою поездку по его краю. Я с ним очень подружился и искренно уважаю и люблю его – он такой честный, почтенный и глубоко преданный своему долгу человек! – 24 мая с трудом доехали до № 4 поста на р. Сунгача по весьма болотистой дороге вследствие проливных дождей; там, наконец, добрались до парохода и на след[ующий] день пошли вниз по реке. Погода была идеальная и плавание весьма симпатичное; разумеется, шли только днем, на ночь останавливались

в станицах. Название парохода «Ингода», места на нем не много, потому что он небольших размеров, но каюты уютные. На нем мы проплавали с 25–29 мая от начала до конца Усури. Со мной пошел на барже на буксире бригадный хор 1-й стрелковой бригады из Никольского. По вечерам они услаждали нас и казаков станиц своей отличной игрой; они играли самые трудные вещи напр. «Отелло» оп. Верди или Вагнера; замечательно, что в хоре ни одного вольно наемного или сверхсрочного, все молодежь 4-х летнего срока. Усурийские казаки мне очень понравились, все лезут из кожи показаться молодцами верхом с переименованием их из пешего полу батальона в конный дивизион. В каждой станице собиралось по 20–30 малолеток, на отцовских лошадях, и обязательно проделывали всю джигитовку, также лихо как Донские, Кубанские и Терские. Станичным и поселковым атаманам завели с прошлого года насеки, так что они представлялись на высоте своего достоинства. Как только официальная часть приема кончалась, я заставлял казаков и казачек петь или плясать «восьмерку», что доставляло большое удовольствие Влад. Григ. Басаргину. Таким образом, я посетил все станицы Усурийского войска, благодаря тому что они все расположены у самой реки в 50–60 верстах одна выше другой. 29-го мая пришли в Хабаровку вечером с чудной иллюминацией и фейерверком. Город не большой, но красиво расположен на высоком правом берегу Амура; бар. Корф называет ее «генеральской деревней», потому что все начальство округа находится там. На другой день после парада было открытие пам. гр. Муравьеву-Амурскому; молебен служил о. Александр Сизых, сопровождавший гр. Муравьева в его экспедициях; из присутствующих

также было несколько сподвижников того времени: отставной офицер Скобелев, топограф и 15 старых казаков и еще якут-проводник в шитом кафтане, подаренном ему покойным графом! Интересны были рассказы их о завоевании Амура. В тот же день я ходил вниз по этой реке до селения Вятское, где происходили забавные гонки Гиляков и Гольдов в своих шестивесельных лодках и байдарках. Все они православные и говорят по-русски; одеты весьма нарядно. Некоторые поднесли мне вещи собственного изделия. 31 мая ушел из Хабаровки на чудном большом пароходе «Муравьев-Амурский». Это лучший ходок из всех 43 пароходов Амурского товарищества, которое кончает свои дела в будущем году. Что за громадина Амур. Мы шли 10 дней вверх по нем и затем только вошли в Шилку, которая тоже не из маленьких. Сначала посетил по пути станции Амурского полу батальона, а затем за Благовещенском станции конного полка. Сотню полу батальона я видел в Екатерино-Никольской станции в своих громадных медвежьих папах, а конный полк в самом Благовещенске; оба в блестящем виде. Оттуда я пошел на другом пароходе, на ужасном уроде, пароход с колесом сзади. Многие казаки провожали берегом и делали чрезвычайно большие переходы верст 100 верхом через несколько станций! Прости меня дорогой Папа если пишу несколько, тороплюсь окончить, завтра уезжает фельдъегерь из Стретенска; пишу ночью, потому что стоим, а на ходу так трясет, что рябит в глазах. Лучше и подробнее расскажу на словах, когда вернусь к вам моим дорогим. Боже! Скоро ли настанет этот счастливейший день моей жизни? – Обнимаю крепко, крепко Тебя мой милый дорогой Папа, душку Мама, Георгия, Ксению, Мишу

и Ольгу. Сию минуту получил твою телеграмму о возвращении их из Крыма, как я счастлив, что бедный Георгий, наконец, добрался до дому! Господь да благословит тебя дорогой Папа!

Твой Ники». (См.: ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919.)

Цесаревич Николай Александрович продолжил свой путь через многие станицы, села и города, некоторые из которых у россиян на слуху, как, например: Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Сургут, Тобольск, Тюмень, Омск, Оренбург, Уральск, Самара, Пенза, Рязань, Москва, Красное Село.

Во время своего почти двухмесячного путешествия по Сибири Цесаревич Николай Александрович и его спутники преодолели 9834 версты. Весть о том, что наследник посетит «далекие и глухие окраины родной земли», воспринималась повсюду как событие чрезвычайной важности.

Этот маршрут мы с полным правом можем назвать – Царский путь.

После прибытия Цесаревича Николая Александровича в августе 1891 года в Санкт-Петербург он написал письмо своему другу Великому Князю Александру Михайловичу, в котором имеются такие строки: *«Я перед тобой страшно виноват за то, что не отвечал на все твои письма, но подумай сам, где мне было отыскать время в Сибири, когда каждый день был и без того переполнен до изнеможения. Несмотря на это я в таком восторге от всего, что видел, что только устно могу тебе передать мои впечатления об этой богатой и великолепной стране до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам русским! Нечего говорить о будущности*

Восточной Сибири и особенно Южно-Уссурийского края; я знаю, как ты всегда занимался им вместе с вопросом о росте непреступности Владивостока!» (См.: ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102.)

Уже в 1903 году по знаменитому и уникальному Транссибу было открыто регулярное железнодорожное сообщение с Владивостоком, а в 1916 году общая длина пути достигла 8,3 тысячи километров. *«Все, что слухом жило и чудилось где-то там, в сказочной области, на краю света, – ныне будет доступно и достижимо после переезда в несколько недель»*, – восторженно писал о начале строительства дороги князь Э. Э. Ухтомский в 1891 году.

Во второй половине XIX века стало ясно, что для успешного использования природных богатств Сибири и освоения этого края нужен современный транспорт. Так возникла идея строительства железнодорожной магистрали через всю Россию: от Москвы до Владивостока.

В начале 1890-го года Государь Александр III подписал указ «Об отчуждении земель для сооружения железнодорожного пути от города Владивостока до пристани Графской».

Общая стоимость строительства этого пути – всего Транссиба – с 1891 по 1916 год составила около полутора миллиардов рублей.

Движение поездов по Транссибу началось уже осенью 1901 года. Непрерывный рельсовый путь между Санкт-Петербургом и Владивостоком открылся три года спустя.

Продолжением Транссиба стала КВЖД – Китайская Восточная железная дорога, которая была построена в 1897–1901 гг. КВЖД, хоть и проходила по территории

Маньчжурии, принадлежала России и обслуживалась ее подданными.

Уникальная железная дорога Транссиб, мосты через широкие и бурные сибирские реки и тоннели, пробитые в горах для прокладки путей, – стали чудом инженерной техники. Во многом благодаря этим достижениям в 1900 году Россия получила 1589 наград на Всемирной выставке в Париже: 212 высших, 370 золотых медалей, 436 серебряных, 347 бронзовых медалей и 224 почетных отзыва. Атракцион на территории выставки, посвященный непосредственно Транссибу, удостоился Грант-при.

В 1904–1909 гг. в России вышли почтовые открытки, посвященные истории Транссибирской железной дороги.

И в наши дни Транссибирская магистраль остается одной из самых протяженных железных дорог в мире.

Стремительным экономическим взлетом страна отметила в 1913 году 300-летие Дома Романовых, который торжествовал свой триумф. Во времена Советского Союза еще долгие десятилетия будут братья за ориентир заветной цели – показатели этого предвоенного года Российской Империи.

**НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ В ОМСКЕ:
К 130-ЛЕТИЮ ВЫСОЧАЙШЕГО ВИЗИТА**

Аннотация. В статье рассмотрены торжественные мероприятия, посвященные визиту цесаревича Николая Александровича в Омск в 1891 г., проанализированы документы из архивных фондов Исторического архива Омской области, а также из отдела редкой книги Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, содержащие сведения о пребывании будущего Императора Николая II на омской земле.

Ключевые слова. Императорский Дом Романовых, Николай II, Западная Сибирь, Омск.

Летом 2021 г. исполняется 130 лет со дня визита в Омск Цесаревича Николая Александровича. Он посетил наш город в 1891 г. во время своего восточного путешествия: согласно установленной традиции все наследники российского престола должны были совершить морское или сухопутное турне, во время которого будущий правитель страны имел возможность приобрести необходимые навыки для управления государством, увидеть территорию подвластной ему империи и ее подданных, установить контакты с местной знатью, познакомиться с жизнью и обычаями других государств. Цесаревич Николай побывал в Омске в июле 1891 г. проездом, завершая кругосветное

путешествие на Восток и возвращаясь из Владивостока в Москву.

К встрече с царственным путешественником жители Омска готовились самым тщательным образом – для жителей провинции приезд Цесаревича являлся величайшим событием. Представителям местной власти – генерал-губернатору Степного Края, командующему войском Сибирского военного округа и войсковому наказному атаману Сибирского казачьего войска – необходимо было показать будущему государю императору административные достижения, военную силу и мощь вверенного им края, а также все лучшее, что имелось на территории региона, продемонстрировать верноподданнические чувства горожан, чувство единения народа и престола.

О том, как принимали Цесаревича Николая в различных уголках России, где ему случалось останавливаться, имеются многочисленные исторические источники личного происхождения (дневниковые записи, хроники, путевые заметки, записные книжки, воспоминания, оставленные очевидцами событий – учеными, военными, чиновниками, путешественниками и др.). Один из самых известных таких источников – путевые наблюдения Эспера Эсперовича Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891» [8], которые впоследствии были выпущены в свет в трех томах.

Содержательным документом, отражающим подробности визита Цесаревича в Омск, является мемуарный очерк Николая Алексеевича Симонова «Посещение Сибирского казачьего войска его императорским Высочеством

государем цесаревичем Николаем Александровичем», который был опубликован в 1901 г. в Москве типографией И. Н. Кушнеров и К° вместе с другими материалами исторического содержания под общим названием «Очерк службы № 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка» [7].

Анализируя очерк Н. А. Симонова «Посещение Сибирского казачьего войска его императорским Высочеством государем цесаревичем Николаем Александровичем», обратим внимание на его отличие от других подобных источников, целью которых было

запечатлеть обстоятельства пребывания Его Высочества в той или иной местности. Автор воспоминаний Н. А. Симонов являлся профессиональным военным – атаманом 1-го Военного отдела Сибирского казачьего войска, находящимся в звании генерал-лейтенанта. Профессиональная подготовка Н. А. Симонова, владение специфической терминологией позволили ему максимально точно, с детальными подробностями изложить особенности военного построения и смотра казачьего войска, которые

*Рис. 1. Цесаревич
Николай Александрович
в казачьем мундире*

были организованы во время встречи Цесаревича в Омске, поименно перечислить городскую военную элиту, присутствовавшую во время чествования наследника престола, охарактеризовать бытовые условия принимающей стороны, описать поведенческие реакции омичей во время торжественных мероприятий.

Отметим, что все встречи представителей Императорской фамилии, на территории какого региона они бы ни проходили, всегда имели четко продуманный сценарий, который готовился заблаговременно и самым обстоятельным образом. Если говорить о структуре запланированных мероприятий, то традиционная встреча члена Императорской фамилии включала в себя несколько обязательных элементов: церковное богослужение, военный парад или праздничное шествие, церемониал с участием административной элиты края (губернатора, чиновников, почетных горожан), посещение знаковых для региона учреждений (например, учебных заведений), торжественный обед или ужин и светские мероприятия развлекательного характера (театрализованные представления, концерт, бал, народные гуляния и т. п.), по окончании которых устраивался фейерверк. Омск исключением не был, и во время приема Цесаревича придерживался устоявшихся правил.

Н. А. Симонов подробно описывает подготовку омичей к встрече с Цесаревичем Николаем Александровичем и непосредственно саму встречу. По свидетельству автора, подготовка к приезду будущего императора велась с осени 1890 г., как только было получено известие о путешествии Николая Александровича, и вплоть до его прибытия в Омск в июле 1891 г. Чиновники и офицеры Сибирского

Рис. 2. Царские ворота. Почтовая карточка нач. XX в.

казацкого войска наряду с обычными горожанами, готовясь к этому знаменательному и нерядовому для региона событию, с усердием занимались благоустройством и приведением в благообразный вид улиц и домов станицы, старательно приводили в порядок здания, где планировались остановки и пребывание наследника. С особой щепетильностью подготавливалось Войсковое хозяйственное правление, которое должен был посетить высокий гость. Около здания, при выезде с Атамановской улицы, была воздвигнута арка «От Сибирских казаков». Арок, возведенных в честь приезда Высочайшего гостя, было несколько (автором данных проектов был омский архитектор и городской голова Эдуард Иванович Эзет).

Готовясь к торжественному принятию на омской земле высокого гостя, генералом от кавалерии бароном Александром Александровичем Таубе было подписано Приказание

на 11 и 12 июля 1891 г., которое предусматривало проведение репетиций всех запланированных программой и маршрутом мероприятий [3]. Так, за два дня до Августейшего визита прошло несколько прогонов, которые начались 11 июля с шести часов вечера и 12 июля с девяти часов утра [3]. Был разработан маршрут передвижения, посещения казачьих станиц для остановок царского кортежа, что нашло отражение в предписании «Порядок встречи и чествования Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича Николая Александровича во время путешествия по Степному генерал-губернаторству с 14 по 20 июля 1891 года» [2] и циркуляре «Приказание по случаю встречи и чествования Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича в г. Омске», подписанном генералом Таубе [5]. Все эти документы помогают восстановить детали омской части восточного путешествия будущего монарха и в настоящее время находятся на хранении в архивных фондах Исторического архива Омской области.

Отметим несколько пунктов из Приказания барона Таубе, на которое мы ссылались выше, в которых содержались прямые указания всем встречающим Цесаревича лицам:

- о приближении парохода к городу жители будут оповещены несколькими пушечными выстрелами;
- ко времени прихода парохода иметь вблизи пристани потребное число подвод для перевозки багажа в генерал-губернаторский дом;
- во время проезда Его высочества по городским улицам публика может располагаться по сторонам, отнюдь не заграждая собой пути следования;

– строжайше запрещается подавать просьбы при посещении Его высочества церковей, заведений и учреждений, а также выходить с прошениями на дорогу при проездах Его Высочества, а всего более бросать прошения в экипажи, а также запрещается нищенство на церковных папертях;

– улицы на пути следования Его Высочества должны быть поливаемы;

– все блюда, иконы, рукодельные и другие работы после поднесения должны препровождаться в генерал-губернаторский дом и сдаваться адъютанту [Таубе] сотнику Свистовскому;

– проезд в экипажах к генерал-губернаторскому дому воспрещается;

Рис. 3. Казачий конвой Сибирского казачьего войска для торжественной встречи Цесаревича Николая Александровича. Омск, 1891 г.

– на всех подъездах, где предположены остановки Его Высочества, иметь по одному георгиевскому кавалеру и несколько казаков для держания верхней одежды, по распоряжению полковников Симонова и Катанаева [5, л. 137] и др.

Для поддержания порядка в городе во время пребывания Его Императорского Высочества в распоряжение полицмейстера предоставлялось 40 нижних чинов местной артиллерийской команды и одна сотня льготных казаков [4]. Для встречи Цесаревича в Омске было собрано 14 конных сотен в составе трех полков под командованием атамана Н. А. Симонова.

Согласно свидетельству Н. А. Симонова, задолго до назначенного часа прибытия Цесаревича «народ толпой повалил на левый берег Оми», сюда же «прибыли городские депутации и высшие представители городского общества,

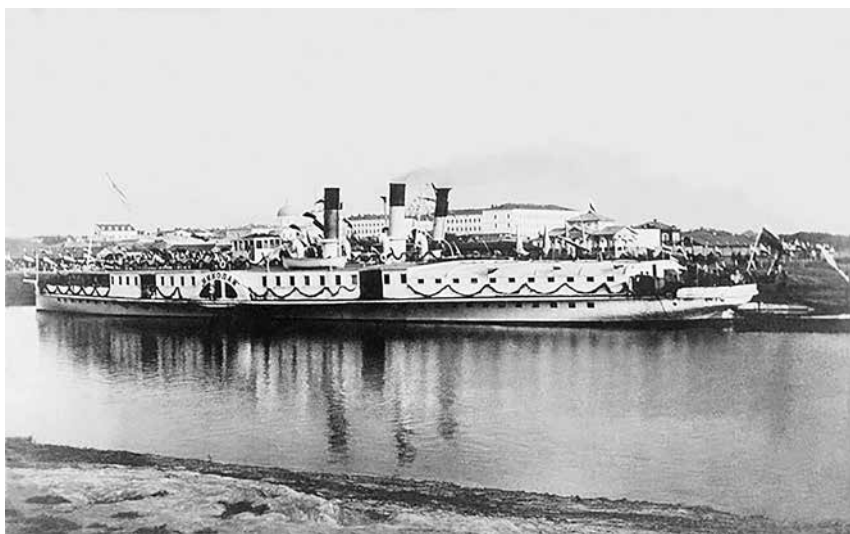

Рис. 4. Пароход «Николай», на котором прибыл в Омск Цесаревич Николай Александрович

которые разместились в красивом павильоне, выстроенном неподалеку от пристани. Прибыл генерал-губернатор с супругой, а ровно в 4 часа к пристани подошел пароход «Николай», куда сейчас же и перешел генерал от кавалерии барон Таубе.

Приняв почетный рапорт, Государь Цесаревич, сопровождаемый генерал-губернатором и лицами своей свиты, проследовал к павильону. Здесь Его Высочество, приняв хлеб-соль от горожан и Омской станицы... сделав общий поклон всем присутствующим, направился к экипажу [Симонов, с. 179]. От пристани экипаж с наследником под колокольный звон направился к Пророко-Ильинской церкви, где был отслужен молебен. После этого Цесаревич направился к генерал-губернаторскому дому, над которым уже развивался штандарт Его Высочества. У подъезда его ожидали «рота почетного караула со знаменем и хором музыки и начальники всех управлений и учреждений округа» [Симонов, с. 180]. Из войскового сквера звучали казачьи песни: «Хивинская», «Запорожская», «На смерть Ермака», «Атаман ты наш» и др. [7, с. 181].

В 7 часов вечера Цесаревич посетил женскую гимназию, «при которой собраны ученики и ученицы всех учебных заведений г. Омска, кроме кадетского корпуса. Здесь воспитанницы имели счастье преподнести Его Высочеству свои рукодельные работы» [2, л. 4 об.].

В этот же день, в 8 часов вечера, был назначен смотр казачьей бригаде, омскому батальону и трем ротам Сибирского кадетского корпуса. Парадом командовал атаман 2-го отдела генерал-майор Русинов. «К тому времени впереди войск собралась многотысячная толпа народа. Вся

интеллигенция Омска была здесь. За 5 минут до 8-ми перекаты «Ура!» возвестили о приближении экипажа Цесаревича». Вместе с Николаем Александровичем ехал генерал-губернатор Таубе. В 300 шагах от выстроившихся в ряды казаков Цесаревич сел на вороного коня, присланного урядником Чернигиным; за Цесаревичем пересели на лошадей командующий войсками и лица из свиты. Цесаревич был в мундире Лейб-гвардии Атаманского полка. «Здравствуйте, господа!» – обратился Цесаревич к кадетам и услышал сотни детских голосов: «Здравия желаем Вашему Императорскому Высочеству! Ура!» [7, с. 181]. Аналогичным образом приветствовались все казачьи войска после прохождения каждой сотни. По окончании смотра Цесаревич снова объехал войска и еще раз поблагодарил каждый полк. Оставшись довольным наружным видом казаков

*Рис. 5. Встреча Цесаревича Николая Александровича на пристани.
Омск, 14.07.1891 г.*

и их строевой подготовкой, наследник объявил об этом войсковому наказному атаману, а каждому казаку, участвовавшему в смотре, пожаловал чарку водки [7, с. 183].

Утро 15 июля началось для Цесаревича с Божественной литургии и торжественного молебна в Никольской церкви. К этому времени все знамена льготных полков и Тобольское знамя были перенесены из Войскового хозяйственного правления на Никольскую площадь. Знаменщиками были назначены заслуженные урядники, а ассистентами к ним – молодые представительные офицеры. По окончании богослужения все знамена были вынесены из церкви и отнесены в хозяйственное правление [5, л. 136–136 об.].

Чествования Цесаревича продолжились во время его встречи с казачьими делегациями. Николай Александрович принял поздравления и дары от представителей казачьих станиц. Остановимся на этих дарах поподробнее. Стоит отметить, что ни одно царское посещение провинциальных уголков империи не обходилось без подношений. Однако, кроме традиционных хлеба-соли и иконы на серебряном блюде, офицеры и чиновники Сибирского казачьего войска во главе с Войсковым наказным атаманом решили преподнести Его Высочеству два альбома – «фотографический альбом из природы и жизни Сибирского войска» и альбом акварельных рисунков из истории службы Сибирского войска, выполненных художником Николаем Каразиным. Жители Атбасара по инициативе казака С. Е. Белова ассигновали в распоряжение атамана 1-го отдела 2300 рублей, на которые были изготовлены две серебряные фигуры, сюжетно связанные с образом сибирского

казачества: конный казак на сторожевом посту и пеший казак со значком на обвале крепостной стены.

Далее Цесаревич проследовал по усыпанной цветами и декорированной красным сукном лестнице в помещение Войскового правления. У входа в выставочный зал Цесаревич был встречен председателем правления полковником Г. Е. Катанаевым, который доложил обо всем, что заслуживало внимания путешественника и что интересовало его. Для обзора были выставлены карты, планы войсковых земель, юртовых казачьих и офицерских участков. Некоторые карты были заранее изготовлены к приезду наследника престола (например, карта Горькой линии в масштабе 5 верст в дюйме, а также соответствующий футляр для нее) [6, л. 29]. Попутно отметим, что так называемая Горькая линия – это 576-километровая Тоболо-Ишимская линия,

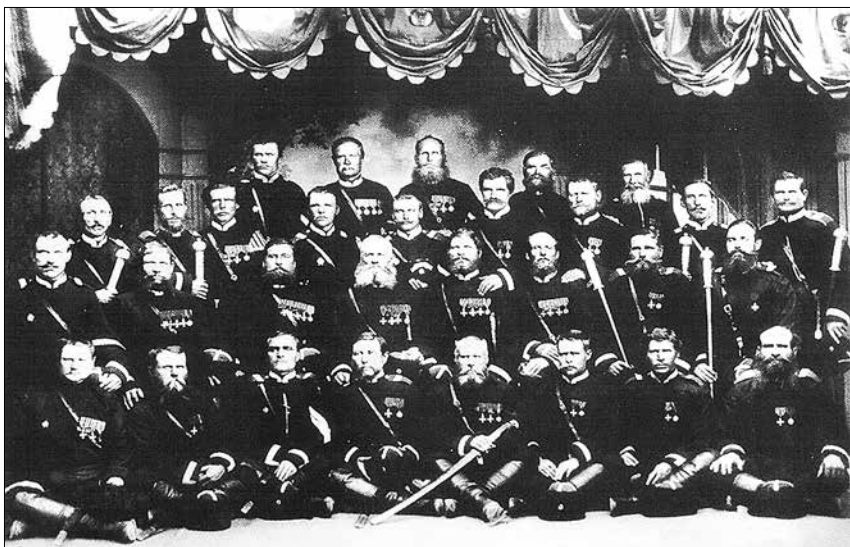

Рис. 6. Казачьи старшины, встречавшие Цесаревича Николая Александровича. Омск, 1891 г.

построенная в 1752 г. и называемая иначе Пресногорьковской (в Ишимской степи было много пресных и соленых озер, составляющих Камышловский лог – древнее русло впадающей в Иртыш реки Камышловки, которую также называли Горькой). В архивном фонде Сибирского казачьего войска имеются подробные инструкции, содержащие детальное описание того, каким, к примеру, должен быть футляр для хранения карты: «...внутренность футляра должна быть склеена лучшей шелковой матерью, застежки у футляра должны согласовываться со строгостью наружного рисунка на футляре... застежка должна быть серебряная вызолоченная, достаточно удобна и прочна, футляр должен быть оклеен самой лучшей кожей цвета бордо» и т. д. [6, л. 30].

Посвятив целый час знакомству с войском, Цесаревич отправился в столовую, где все было готово к завтраку... Все стены правления были убраны гирляндами зелени и увешаны портретами Высочайших особ и бывших Войсковых и наказных атаманов Сибирского войска. Главный, почетный стол был поставлен так, чтобы Его Высочество, сидя на одном конце под сенью войсковых знамен и своим портретом, пожалованным войску в 1881 г., мог видеть всех, участвующих в завтраке. За столом Августейшего Атамана всех казачьих войск сидели старшие представители Сибирского и Семиреченского войск и лица его свиты: князя Барятинский, Кочубей, Ухтомский, контр-адмирал Басаргин, штаб-ротмистр Волков и доктор медицины Фон-Ромбах. Первым тостом, восторженно встреченным долго не умолкавшим «ура», был тост Войскового атамана за Государя Императора и Государыню Императрицу, второй – за Государя Цесаревича и Августейшего Атамана всех

казацких войск, третий – «за Великого князя Владимира Александровича, несколько лет назад посетившего Сибирь и Сибирское казачье войско», четвертый – был провозглашен самим Цесаревичем, громко и отчетливо сказавшим: «Пью за славное Сибирское казачье войско и представителей родственного ему Семиреченского войска. Ура!» Последний, восторженно встреченный тост был за здоровье царственного путешественника. Довольный радушием приема, Николай Александрович долго беседовал с окружающими его представителями войска. После завтрака из зала наследник проследовал на балкон, где его появление было встречено дружными криками «Ура!» казаков и народа, находившихся на казачьей площади и в сквере [7, с. 181–182]. Для народа, наблюдавшего за смотром, этот парад символизировал могущество и власть монархии, победоносность самодержавия, сплоченность армии с Царем и народом.

С балкона Его Высочество проследовал в фотографический павильон, где фотограф И. Е. Кесслер сделал его снимки – портретный и групповой (со старшими представителями войска). Эти фотографии сохранились до сегодняшнего времени и являются знаковой иллюстрацией ушедшей эпохи.

В этот же день о восторженных чувствах Сибирских казаков по случаю пребывания в их среде Августейшего Атамана была по телеграфу отправлена депеша Государю Императору. На это донесение атаман Сибирского казачьего войска получил следующий ответ: «Императрица и Я искренне благодарим Сибирское и Семиреченское казачьи войска за выраженные чувства. Радуемся, что Атаман

Рис. 7. Цесаревич Николай Александрович среди воинских и казачьих чинов в г. Омске. Омск, 15 июля 1891 г.

лично мог видеть казаков и вполне уверены, что при случае они окажутся достойными своих славных предков» [7, с. 181–182]. 16 июля, перед тем как покинуть Омск, Николай Александрович принял участие в закладке и освящении Кафедрального собора в центре города, на строительство которого он выделил в 1898 г. из собственных средств 5000 рублей (отметим, что всего на сооружение и украшение храма было израсходовано 125 000 рублей). Так, заложив камень в основание Успенского кафедрального собора, Цесаревич Николай Александрович стал отцом-основателем уникального памятника отечественной истории и одной из главных омских святынь, уничтоженной во время

*Рис. 8. Фотоколлаж в память
о встрече Цесаревича
Николая Александровича на омской
земле. Омск, 1891 г.*

государственной анти-религиозной кампании (в 1935 г. храм был взорван) и восстановленной в начале 2000-х годов. Собор и по сей день украшает наш город. Таким образом, краткий визит Цесаревича, продлившийся всего три дня (с 14 по 16 июля), стал для омичей знаковым событием, отозвавшимся на долгие годы.

Все мероприятия, в которых принял участие Николай Александрович, носили показательный характер и были направлены на то, чтобы заслужить монаршее благоволение, поэтому они отчасти ретушировали действительность. Для омских властей необходимо было добиться такого результата, чтобы августейшая особа осталась довольна посещением города. И, похоже, им это удалось. Так, в дневнике Николая Александровича за 1891 г. о посещении Омска остались такие записи: приятно снова попасть к казакам; между ними множество Георгиевских кавалеров. Вообще, сибирские казаки выглядят молодцами и отлично одеты... Все части представились в отличном виде, особенно льготные казаки; лошади и снаряжение

безукоризненное...» [1, с. 23–24]. Драматических инцидентов (подобно случаю в японском городе Оцу) на омской земле не было, если не считать, что во время встречи Цесаревича с восторженными горожанками они выхватили из его рук носовой платок, о чем он упоминает в своем дневнике.

К слову, Омск Николай II посетил дважды. Первый раз, как мы уже писали выше, будучи престолонаследником, второй – после отречения от престола: омская станция «Любино», через которую проходила тюменская дорога, стала последней остановкой перед тем, как поезд с членами Царской семьи отправился в Екатеринбург – город, в котором Николай Александрович вместе с членами своей семьи и приближенными был расстрелян.

Посещение Омска в 1891 г. Цесаревичем Николаем, персонифицировавшим собой имперскую власть, наглядно свидетельствовало о единстве страны под скипетром Романовых, а сам прием высочайшего путешественника отличался пышностью и масштабностью от других аналогичных визитов особ Императорской фамилии на омскую землю. Династия Романовых демонстрировала заинтересованность в провинциальных окраинах, а те, в свою очередь, выражали свое почтение и подтверждали верность правящему монархическому режиму. Между тем градостроительные преобразования, связанные с подготовкой к визиту Цесаревича, имели не только символическое значение, поскольку они послужили изменению социокультурной среды и имели долгосрочную основу. И, что немаловажно, город благоустраивался и преображался при личном участии Цесаревича (например, в случае со строительством

Успенского кафедрального собора). Все это способствовало развитию региона и стимулировало руководство Омска поддерживать жизнеобеспечение города на должном уровне.

Библиографический список

1. Лосунов, А. М. Три счастливых дня // Омская Муза: журн. о культуре и искусстве. – 2016. – № 42. – С. 22–25.

2. Порядок встречи и чествования Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича Николая Александровича во время путешествия по Степному генерал-губернаторству с 14 по 20 июля 1891 года // Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–5 об.

3. Приказание генерал-от-кавалерии барона М. А. Таубе на 11 и 12 июля 1891 года // ГИАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 138.

4. Приказание Степного генерал-губернатора М. А. Таубе по случаю пребывания Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича в г. Омске. 14 июля 1891 года // ГИАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 139.

5. Приказание Степного генерал-губернатора М. А. Таубе по случаю пребывания Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича в г. Омске. 14 июля 1891 года // ГИАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 136–137.

6. Приложение «Подробности изготовления футляра на карту Горькой линии» к письму Войскового хозяйственного правления члену Комитета при Главном управлении казачьих войск полковнику Вологодскому от 14.02.1891 г. № 76 // ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1681. Л. 29–31 об.

7. Симонов, Н. А. Очерк службы № 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. – М.: Типолитография И. Н. Кушнеров и К., 1901. – 222 с.

8. Ухтомский, Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 3 т.]. – СПб.; Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1893–1897.

9. Чествование Его Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича // ГИАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3 об.

НИКОЛАЙ II И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ 1906 г.

Аннотация. В статье впервые в историографии рассматривается личное участие Императора Николая II в создании Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. на всех стадиях его истории – с октября 1905 по апрель 1906 г.

Ключевые слова. Царь, Император, Монарх, Основные государственные законы, проект, Государственная канцелярия, Совет министров, Особое совещание.

Основные государственные законы, утвержденные Николаем II 23 апреля 1906 г., подвели итог его предшествующей реформаторской деятельности и, как первая российская действующая конституция, создали юридические предпосылки для функционирования политического режима дуалистической монархии, существовавшей в России до Февральской революции 1917 г. Николай II хорошо понимал, что провозглашенное Манифестом 17 октября 1905 г. «обязательство проводить всякий законопроект через Госуд[арственную] думу, – писал он 19 октября 1905 г. матери, вдовствующей Императрице Марии Федоровне, – это, в сущности, и есть конституция» [9, с. 550]. Вопрос

о подготовке новых Основных законов Николай II, судя по всему, поднял 24 октября 1905 г., когда принимал государственного секретаря Ю. А. Икскуля-фон-Гильденбандта [2, с. 66], возглавлявшего Государственную канцелярию, которая ведала кодификацией и делопроизводством Государственного совета.

По своей должности Ю. А. Икскуль являлся непосредственным подчиненным председателя Государственного совета графа Д. М. Сольского и начальником – товарища (заместителя) государственного секретаря П. А. Харитонова. По заказу Николая II были составлены целых три проекта Основных законов, получившие, после делопроизводственной обработки, наименования «№ 1», «№ 2» и «№ 3». Первый проект, занявший лидирующее положение, составил Харитонов при участии своего давнего сослуживца по Государственной канцелярии сенатора Н. П. Гарина, второй – директор Александровского лицея А. П. Саломон, протеже Сольского, третий – начальник Военно-походной канцелярии царя флигель-адъютант капитан 1-го ранга граф А.Ф. Гейден при участии Саломона, друга графа.

Посредниками между Николаем II и П. А. Харитоновым стали дворцовый комендант генерал Д. Ф. Трепов и близкий к нему Н. П. Гарин. «В начале ноября 1905 г., – вспоминал Харитонов, – Н. П. Гарин (сенатор), по поручению Д. Ф. Трепова (дворцового тогда коменданта), обратился ко мне с вопросом – не возьмусь ли я пересмотреть Основные законы и составить новый их проект в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. Вместе с тем Н. П. Гарин заявил мне, что предлагаемый вопрос делается по высочайшему повелению» [8, с. 98–99]. Учитывая, что

Николай II принимал Д. Ф. Трепова 3, 4 и 5 ноября 1905 г. [2, с. 68–69], между тем как сенатором Н. П. Гарин был назначен 9 ноября того же года, можно утверждать, что его встреча с П. А. Харитоновым состоялась не ранее 9 ноября 1905 г. Во время перерыва проходившего 5 декабря 1905 г. в Царском Селе заседания Особого совещания под председательством Николая II для обсуждения проектов избирательных законов, делопроизводителем которого являлся П. А. Харитонов, Д. Ф. Трепов «объявил мне, – вспоминал сам Харитонов, – что государь император ожидает от меня проект Основных законов» [8, с. 98–99].

Дворцовый комендант передал харитоновский проект Николаю II 10 декабря, когда Монарх записал: «Вечером принял Трепова и много занимался». Очевидно, что предметом усиленных занятий Царя стали все три проекта Основных законов – П. А. Харитонова, А. П. Саломона и А. Ф. Гейдена. Если проект Саломона проводил либеральный идеал парламентарной монархии, в которой Монарх ограничен парламентом как в законодательстве, так и в управлении, проект Гейдена – консервативный идеал дуалистической монархии, в которой Монарх ограничен только в законодательстве, то проект Харитонова – проводил тот же идеал парламентарной монархии, но – не столь однозначно, как проект Саломона, и более тактично.

Николай II посвятил ознакомлению с проектами около недели, в связи с чем показательны его дневниковые записи: 12 декабря 1905 г. – «Занимался до 8 часов», 13 декабря – «Читал [вечером]», 15-го – «Вечером читал», 16-го – «Усиленно занимался до 8 часов», 17-го – «Занимался и читал до 8 часов» [2, с. 75, 76]. Близкий друг Царской

семьи флигель-адъютант Н. В. Саблин отмечал, что под глаголом «читать» Монарх подразумевал «чтение не романов или книг, а государственных дел» [10, с. 78], т. е. – работу с документами. «18 декабря 1905 г., – вспоминал П. А. Харитонов, – графом Д. М. Сольским получены были от государя императора три проекта Основных законов... <...> Все три проекта переданы были государем графу Д[митрию] М[артынови]чу для представления по ним его заключения» [8, с. 99]. При подготовке новых Основных законов в помощь Д. М. Сольскому, отягченному возрастом и болезнями, были приданы его ближайшие сотрудники по Государственной канцелярии. «В 6 ½, – записал Николай II 20 декабря 1905 г., – принял барона Иксуля» [2, с. 76]. Несомненно, во время этой аудиенции Царь уведомил Ю. А. Иксуля о передаче Сольскому трех проектов Основных законов и о предстоящем возложении на Ю. А. Иксуля и П. А. Харитонова, после апробации Д. М. Сольского, пересмотра, на базе проектов, прежних Основных законов, с тем чтобы «согласовать их с Манифестом 17 октября» [6, с. 124].

В конце декабря 1905 – начале января 1906 г. (П. А. Харитонов не помнил – когда точно) Д. М. Сольский представил Николаю II доклад, в котором испрашивал у него разрешения «обменяться мыслями» по проектам Основных законов с Ю. А. Иксулем, П. А. Харитоновым и «старшими членами» Государственной канцелярии (т. е. статс-секретарями Государственного совета), с «некоторыми общественными деятелями», а именно – с А. И. Гучковым и Д. Н. Шиповым (лидерами Партии октябристов, участвовавшими в декабре 1905 г. в заседаниях Особого совещания, обсуждавшего, под председательством Императора, проек-

ты избирательных законов), а также с А. П. Саломоном и помощником начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С. Е. Крыжановским (разработавшим проекты законовосветательной Государственной думы и избирательных законов), «с приглашением в совещание некоторых профессоров» – И. А. Ивановского (профессора по Кафедре государственного права Юридического факультета Петербургского университета) и В. И. Сергеевича (профессора по Кафедре истории русского права того же факультета) [8, с. 99]. Очевидно, что вопросы, затронутые в этом докладе, Николай II и Д. М. Сольский обсудили во время аудиенции, данной графу 9 января 1906 г. [2, с. 108].

Напоминая Николаю II 10 февраля 1906 г. о содержании их беседы, состоявшейся 9 января того же года, и подразумевая проект П. А. Харитонов, Д. М. Сольский сообщал: «Сообщенный мне Вашим Императорским Величеством проект Основных государственных законов, вместе с двумя другими по тому же предмету проектами, с Высочайшего Вашего Величества соизволения, был передан мною государственному секретарю и им обсужден совместно с товарищем государственного секретаря и старшими чинами Государственной канцелярии, при участии сенатора Гарина» [8, с. 157]. Подразумевая январский всеподданнейший доклад Сольского, П. А. Харитонов писал: «Какая последовала высочайшая резолюция на этом докладе – осталось неизвестным ни мне, ни государственному секретарю барону Ю. А. Иксулю, так как граф Д[митрий] М[артынович] доклад оставил у себя. Но вслед за тем последовало объявленное бароном Ю[лием]

А[лександрови]чем Иксулем распоряжение графа Д[митрия] М[артыновича] – рассмотреть проект № 1 в Советании, в составе товарища государственного секретаря (меня), статс-секретарей Государственного совета Д. А. Коптева, Н. Ф. Дерюжинского, барона Р. А. Дистерло, А. Г. Тимрота, А. И. Кобеляцкого и С. Ф. Раселли, помощника статс-секретаря Государственного совета А. Ф. Трепова, при участии сенатора Н. П. Гарина» [8, с. 99].

Общественные деятели (А. И. Гучков и Д. Н. Шипов) и профессиональные государствоведы (И. А. Ивановский и В. И. Сергеевич), а также бюрократы из других ведомств (А. П. Саломон и С. Е. Крыжановский) в список Николая II не попали и, следовательно, из 14-ти кандидатур, предложенных Д. М. Сольским, не прошли шесть (две пятых), т. е. меньшинство. Зато к Ю. А. Иксулю, П. А. Харитонову и шести статс-секретарям Государственного совета прибавились А. Ф. Трепов (единственный из помощников статс-секретарей) и Н. П. Гарин, младший брат и советник Д. Ф. Трепова, благодаря которому, скорее всего, они и попали в список. После происходившей 14–19 января 1906 г. переработки составленного П. А. Харитоновым проекта новых Основных законов высшими чинами Государственной канцелярии из его 65-ти статей харитоновскими оставались 56 (86,2 %) [7, с. 149–159]. Следовательно, так называемый проект Государственной канцелярии, как с этого времени стал называться проект Харитонова, фактически являлся редакцией данного проекта.

«Пересмотренный и измененный проект Основных законов, – вспоминал его автор, – был представлен бароном Ю[лием] А[лександрови]чем графу Д[митрию] М[артыно-

ви]чу 22 января 1906 г.» [8, с. 100]. Очевидно, что об итогах деятельности высших чинов Государственной канцелярии Ю. А. Иксуля и Д. М. Сольский доложили Николаю II 24 и 26 января. В первый из этих дней Царь написал: «Принял Иксуля и читал», во второй отметил, что «принял еще гр[афа] Сольского» [2, с. 111]. Председатель Государственного совета, как и в начале января 1906 г., хотел сохранить общее руководство над подготовкой новых Основных законов за собой, а потому 10 февраля представил Императору всеподданнейший доклад. Информировав о рассмотрении их проекта высшими чинами Государственной канцелярии, Д. М. Сольский далее сообщал: «Рассмотренный таким образом проект Основных законов, по важности его предмета, я признаю необходимым подвергнуть дальнейшему еще соображению в совершенно частного характера собрании под личным своим руководством». К участию в этом «собрании» Сольский предполагал привлечь Ю. А. Иксуля, П. А. Харитонову, статс-секретарей Государственного совета, а также, «для обмена мнений по настоящему делу», профессора И. А. Ивановского, А. П. Саломона и С. Е. Крыжановского [8, с. 157–158]. Таким образом, о приглашении А. Ф. Трепова и Н. П. Гарина, равно как А. И. Гучкова и Д. Н. Шипова, речь уже не шла, но самое главное – в списке Сольского отсутствовал председатель Совета министров граф С. Ю. Витте. Очевидно, желал забронировать либеральный характер новых Основных законов от покушений со стороны премьера, который к этому времени как либерал уже не котирировался.

Николай II написал на всеподданнейшем докладе Д. М. Сольского 11 февраля 1906 г.: «Представьте мне теперь же проект, изготовленный Государственною канцеля-

рию». Сольский представил его Императору 12 февраля, согласно «Памятной записке» П. А. Харитонова от того же числа, «лично от себя» [8, с. 100, 158]. С. Ю. Витте, подразумеваемая отношение Царя к проекту Государственной канцелярии, писал: «Конечно, государь сам эту работу не читал» [4, с. 462]. Однако мнение Витте опровергается дневниковыми записями Монарха, который 12 и 13 февраля написал ту же самую фразу: «Много читал». Необходимо напомнить, что глаголом «читал» Император обозначал в дневнике не чтение беллетристики, а именно работу с документами. То, что, вопреки мнению Витте, Николай II все-таки ознакомился с текстом проекта Государственной канцелярии, явствует и из его дневниковой записи от 15 февраля: «Успел до вечерней службы окончить все бумаги» [2, с. 114]. В это время председатель Совета министров попытался, и – не без успеха, перехватить у председателя Государственного совета непосредственное руководство подготовкой новых Основных законов.

Во всеподданнейшем докладе от 22 февраля 1906 г., представленном «по соглашению» с С. Ю. Витте, Д. М. Сольский обращался к Николаю II уже не от своего имени, а как выразитель точки зрения премьера: «Председатель Совета министров сообщил мне, что желательно было бы ныне же направить дело о пересмотре Законов Основных, дабы оно могло быть рассмотрено в Общем собрании Государственного совета в середине наступающего марта месяца» [8, с. 100]. Сам Витте по вопросу о подготовке новых Основных законов обратился к Императору со всеподданнейшим докладом 2 марта, причем обвинил Сольского и высших чинов Государственной канцелярии в излишнем либерализме [11,

с. 331]. Несомненно, для обсуждения дальнейшей судьбы проекта Государственной канцелярии в связи с докладом премьера в день его получения Николай II долго советовался с лицами из своего ближайшего окружения. «Вечером, – записал Царь 2 марта, – у меня были Трепов, Гейден и Орлов (В. Н., князь, помощник А. Ф. Гейдена. – С. К.) по вопросу об Основных законах. Разговорились до 12 часов [ночи]» [2, с. 117]. Через два дня, 4 марта, на докладе Витте Николай II написал: «Обсудить в Совете министров проект Основных законов при условии сохранения полной тайны» [11, с. 331]. Подразумеваемая всеподданнейший доклад Сольского от 22 февраля, П. А. Харитонов вспоминал: «Записка эта вернулась от государя 5 марта 1906 г. с надписью: “Я приказал председателю Совета министров рассмотреть проект Основных законов”» [8, с. 100].

Обсуждение проекта Государственной канцелярии происходило на заседаниях кабинета под председательством С. Ю. Витте 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 г., в результате чего появился проект Совета министров, который проводил идеал не парламентарной, а дуалистической монархии. Впрочем, сопоставление проектов Государственной канцелярии и Совета министров показывает, что из 70-ти статей проекта Совета министров после виттевской цензуры «харитоновскими» по своему происхождению оставались 47 (67,1 %) [5, с. 53–63], или две трети. В свою очередь, проект Совета министров рассматривался 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 г. в Особом совещании под председательством Николая II по пересмотру Основных государственных законов [1, с. 283–297]. На Особом совещании дуалистический характер новых Основных законов получил окончатель-

ное закрепление, хотя и после Особого совещания из 82-х статей проекта Совета министров «харитоновской» осталась 51 (62,2 %) и, следовательно, на три пятых он был генетически связан с проектом П. А. Харитонова.

Во время работы Особого совещания проект Совета министров 11 апреля 1906 г. появился на страницах органа Конституционно-демократической партии – газеты «Речь», а накануне, 9 и 10 апреля, и после этого, 12 апреля, проект и деятельность Особого совещания подверглись ожесточенной критике в передовицах «Речи», а также в статье, опубликованной в прокадетской газете «Право» 16 апреля. Кадетская критика проекта Совета министров привлекла внимание Николая II, а потому Царь поручил Д. Ф. Трепову обратиться к В. И. Ковалевскому, бывшему ближайшему сотруднику С. Ю. Витте по Министерству финансов, тесно связанному с деятелями либеральной оппозиции.

Дворцовый комендант передал В. И. Ковалевскому проект Совета министров и попросил его «обсудить этот проект и представить свои соображения». В. И. Ковалевский, очевидно – учитывая предпочтения Д. Ф. Трепова, а значит – и Николая II, организовал тайное совещание, участниками которого стали лидеры Кадетской партии – И. В. Гессен, Ф. А. Головин, П. Н. Милюков и С. А. Муромцев, а также – Н. И. Лазаревский и М. М. Ковалевский. Перечисленные лица составили для Трепова контрпроект Основных законов, который дворцовый комендант представил Императору 18 апреля [3, с. 116]. Главная идея оппозиционного контрпроекта состояла в необходимости переработки дуалистического проекта Совета министров в духе парламентаризма, т. е. возвращение к нача-

лам, на которых базировались проекты П. А. Харитонova и Государственной канцелярии. Между тем вечером 19 апреля официальный проект Основных законов, сообщил Харитонов, «был представлен государю при всеподданнейшей моей записке» [8, с. 100]. Под 19 апреля Николай II записал: «Вернулись домой к 12 час. [ночи.] Долго еще занимался» [2, с. 125]. Несомненно, что в это время Монарх занимался изучением проекта, полученного от Харитонova.

Вопрос о новых Основных законах затрагивался и 21 апреля, когда Царь отметил, что днем принял «графа Сольского, Горемыкина» [2, с. 126]. «22 апреля, – вспоминал П. А. Харитонов, – проект передан был государем вновь назначенному председателем Совета министров И. Л. Горемыкину с собственноручными Е[го] И[мператорского] В[еличества] исправлениями и повелением установить окончательную редакцию по Высочайшим отметкам при участии И. Я. Голубева, министра юстиции М. Г. Акимова, барона Икскуля и меня, с тем чтобы проект мог быть подписан 23 апреля. Исправления касались статьи о верховном управлении (ст[атья] 11), скрепы указов министрами (что Сов[ет] министров исключил), исключения статей об Опекунском совете и о заключении займов» [8, с. 100–101]. Таким образом, Николай II, принимая во внимание оппозиционный контрпроект и сужая собственные прерогативы, изменил редакцию статьи 11 о праве Монарха, в порядке верховного управления, издавать указы и повеления и внес опущенную по инициативе С. Ю. Витте статью из проекта Государственной канцелярии о контрасигнации министрами актов, исходящих от Императора. Кроме того, Царь удалил статью об особом порядке издания –

не через Государственную думу, а через Опекунский совет Ведомства учреждений Императрицы Марии – постановлений, относящихся до этого ведомства, и статью, обеспечивавшую за монархом исключительные права при заключении займов. Перечисленные изменения имели своей целью придание новым Основным законам более либерального оттенка и способствовали некоторому усилению парламентаристской тенденции, заложенной в них П. А. Харитоновым и почти искорененной С. Ю. Витте.

«В 4 часа 22 апреля, – подытоживал свои воспоминания П. А. Харитонов, – состоялось на квартире И. Л. Горемыкина совещание, окончившееся около 5 1/2 часов. В этот же день проект был перепечатан в исправленном виде и, по скрепе его графом Д. М. Сольским, доставлен мною в 11 часов вечера И. Л. Горемыкину и немедленно отправлен к государю» [8, с. 101]. Под 23 апреля, когда Николай II утвердил окончательную редакцию новых Основных законов, он записал, что вечером «много занимался» [2, с. 126]. Изучение процесса создания Основных законов 1906 г. показывает, что они были инициированы после появления Манифеста 17 октября 1905 г. непосредственно Царем, который с октября 1905 по апрель 1906 г., т. е. на всех этапах этого процесса, лично руководил осуществлением главной реформы своего царствования.

Библиографический список

1. Ганелин, Р. Ш. Часть 2. Царизм в 1905 г. Глава 5. Реформа Государственного совета и принятие Основных законов // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Отв. ред. В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1984. – С. 273–297.
2. Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. 1905–1918. В 2 ч. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – Ч. 1. 1905–1913. – 824 с.
3. Из архива С. Ю. Витте // Красный архив. – 1925. Т. 11–12. – С. 107–143.
4. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки / Публикация Б. В. Ананьица, Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, С. К. Лебедева и И. В. Лукоянова. В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 2. – 650 с.
5. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 4. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. – СПб.: Нестор – История, 2004. – С. 29–64.
6. Киреев, А. А. Дневник. 1905–1910. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 472 с.
7. Куликов, С. В. Незвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. – март 1906 г.) // Российская история XIX – XX вв. Государство и общество. События и люди. Сборник статей / Под ред. Р. Ш. Ганелина. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 102–159.
8. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Вводная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. – 1998. – Кн. 8. – С. 91–164.
9. Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / Составитель Е. А. Чиркова. – М.: Индрик, 2017. – 1056 с.
10. Саблин, Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». – СПб.: Петропавловск, 2008. – 381 с.
11. Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы / Под ред. Р. Ш. Ганелина. – Л.: Наука, 1990. – 480 с.

**«СВЕРГНУТЫЙ С ОЛИМПА»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
В ТУРКЕСТАНЕ**

Аннотация. Великий Князь Николай Константинович широко известен своими трудами по исследованию и благоустройству любимого им Туркестана, однако обстоятельство, некогда послужившее причиной его удаления из столицы (психическая болезнь, чье наличие было подтверждено лучшими специалистами империи), неизменно оставляло свой отпечаток и на его в целом полезной деятельности. Вместе с тем многие чиновники и предприниматели, окружавшие Великого Князя, пытались использовать сложившееся положение в свою пользу и способствовали систематическому нарушению ограничений, наложенных на больного. Вследствие этого возникали эксцессы, масштаб и подробности которых представлены в ряде документов: записке купца А. Е. Громова, докладной записке П. Е. Кеппена, а также воспоминаниях некоего лица, недолго служившего юрисконсультom у Великого Князя.

Ключевые слова. Туркестан, Ташкент, Великий Князь Николай Константинович, А. Е. Громов, П. Е. Кеппен, Голдная степь.

Сперва казалось, что судьба благоволит племяннику Александра II. Старший сын Великого Князя Константина Николаевича, в кругу семьи именуемый Николой, с отличием окончил Академию Генерального штаба, а затем продолжил традиционную для членов русского царствующего дома военную карьеру в лейб-гвардии Конном полку. Тучи начали сгущаться, когда Великий Князь познакомился с танцовщицей Фанни Лир. Бытует мнение, будто эта неподобающая связь стала причиной того, что Никола был отправлен на войну, в поход на Хиву в 1873 г. Там, в пустыне Кызыл-Кум, он едва не был убит, но ужасы войны не помешали ему проникнуться к Средней Азии самой трепетной любовью. Проблема в том, что увлечение Туркестаном никак не могло отменить его увлечения американской плясуньей, и заседания в Русском географическом обществе он чередовал с сомнительными утехами в компании женщины полусвета. Итогом любовной связи, которой августейшие родичи тщетно пытались воспрепятствовать, сделался скандал сколь отвратительный, столь и загадочный. В один злосчастный день мать Николы, Александра Иосифовна, обнаружила, что из оклада иконы, которой покойный Император Николай I благословил ее брак, были варварски выломаны бриллианты. Спустя короткое время камни были обнаружены в одном из ломбардов Петербурга, а все следы указывали во дворец. Следствие возглавил сам шеф жандармов граф П. А. Шувалов. Но несмотря ни на тяжесть предъявленных обвинений, ни на мольбы родственников облегчить свою судьбу покаянием, Великий Князь вины не признал. Чтобы избежать позора, на семейном совете Романовыми было принято решение назначить Николе

психиатрическое освидетельствование и, объявив сумасшедшим при любом результате такового, немедленно выслать из Петербурга. Так в судьбе Великого Князя наметился весьма нетипичный для отпрыска царствующего дома поворот. Как ни удивительно, выводы докторов подтвердили догадки и, вероятно надежды, родственников. Судя по данным многочисленных медицинских осмотров, предпринятых как по горячим следам, так и проводившимся регулярно в последующие годы крупнейшими специалистами в области психиатрии (П. Я. Розенбах, В. Н. Хардин, И. П. Мержевский), Великий Князь страдал формой помешательства, известного в те времена как «нравственное безумие» или, по определению В. Н. Сербского, «дегенеративным психозом с притуплением нравственного чувства» [1]. Болезнь не затрагивала умственных способностей, но делала его совершенно равнодушным к морально-этическим нормам. Это обстоятельство чрезвычайно важно в оценке положения и деятельности Николая Константиновича.

Однако несмотря на тяжкий недуг, то и дело ввергавший его в водоворот губительных страстей, Великий Князь имел одну глубокую и подлинную страсть, ставшую для него делом всей жизни. Туркестан, пленивший его еще на заре юности, до позорного изгнания, был для него маяком и путеводной звездой. Вот почему, сидя взаперти, не о любовнице-танцовщице грезил Великий Князь, а об экспедиции на Аму-Дарью. «И в самом деле, – рассуждал Великий Князь, покуда родственники решали его участь, – какое лечение может подействовать на меня благотворно (как бы оно хорошо придумано ни было), при постоянной мысли, что я всей душой был предан делу об Аму-Дарье, что я его

создал, можно сказать, не хвастаясь, и вдруг исполнение этой великой задачи досталось другому, который о ней, может быть, и не подумал. Есть тут и впрямь почему сойти с ума!» [2].

К счастью для всех, августейшим родичам хватило рассудительности, и в изучении столь полюбившегося края ему не препятствовали. Наконец, после долгих скитаний, в 1881 г., Николай Константинович получил разрешение отправиться на постоянное жительство в вождеденный Туркестан, однако он формально был поражен в правах, и статус его пребывания там был ограничен рядом положений высочайше одобренной инструкции.

Долгие годы он провел в трудах по благоустройству своей новой родины. Благодаря ему Ташкент обзавелся театром, синематографом, разнообразными заводами, мануфактурами и мастерскими, благотворительными учреждениями. Но самым главным делом его жизни стало орошение Голодной степи. На собственные средства князя был проложен Романовский канал, по берегам которого стали вырастать новые поселения. Великий Князь не гнушался компанией простых рабочих и, случалось, подолгу жил в голой степи возле арыков, наблюдая за проведением работ.

Со стороны казалось, будто Никола смирился со своим положением поднадзорного изгнанника, однако многочисленные документы свидетельствуют, что это далеко не так, и его роль в крае была куда более весомой, нежели роль августейшего благотворителя и мецената. Его цели и аппетиты простирались куда дальше, а неразборчивость в средствах к их достижению в итоге стала причиной временного удаления его с его новой родины – весной 1901 г.

Николай Константинович был выслан из Туркестана, где прожил последние 20 лет, в Тверь, а вскоре переведен в Крым и на три года посажен под неусыпный жандармский надзор. Как известно, основной причиной опалы стала противозаконная женитьба на 15-летней гимназистке Валерии Хмельницкой, однако, по всей вероятности, история с венчанием стала лишь последней каплей, т. к. к началу 1900-х гг. масса проступков Николы приблизилась к критической и наносила очевидный ущерб престижу династии. Ввиду психического состояния опального, ему никогда не жилось спокойно, но до поры до времени скандалы с участием Великого Князя или имели локальный характер, или не получали широкой огласки. Но в 1892 г. в Петербург спешно приехал бывший управляющий оросительными работами Великого Князя, ташкентский купец Александр Егорович Громов, с жалобой военному министру П. С. Ванновскому на злоупотребление и казнокрадство Николая Константиновича и местных властей [3; 9, с. 475].

Купец А. Е. Громов – фигура чрезвычайно колоритная. Начинал он в качестве приказчика знаменитого М. А. Хлудова, однако в 1873 г. он добровольцем в составе отряда русских войск отправляется в поход на Хиву. Здесь он занимается вопросами снабжения. Основной его задачей стало обеспечение войск вьючными верблюдами, причем с этой задачей он справился чрезвычайно успешно. Удалось ему отличиться и в бою: по официальной версии, он отразил удар, нанесенный туркменом князю Евгению Максимилиановичу Лейхтенбергскому в сражении под Чандыром. Любопытно, что Николай Константинович, также участник Хивинского похода, и в будущем наниматель Громова,

считал эту версию событий недостоверной. Так это или нет, но таланты Громова заметили и запомнили, и потому, когда М. Д. Скобелев спустя семь лет планировал свой поход против текинцев, именно Громова он пригласил для организации вьючных перевозок и не прогадал. Верблюды Громова сыграли не последнюю роль в успехе кампании. Изрядно разбогатев на военных заказах, Громов, однако, не сумел добиться каких-либо удовлетворительных результатов в торгово-промышленной сфере, вскоре разорился и в конце концов был посажен в долговую яму своим конкурентом С. К. Глинка-Янчевским (к слову, будущим главным редактором журнала «Земщина»). Разделавшись с Громовым, Янчевский затем продал его долговые обязательства Великому Князю, который, в свою очередь, выкупил имущество должника, а самого его вызволил из тюрьмы с тем, чтобы тот возглавил работы по сооружению Ханым-арыка. Казалось, что фортуна улыбается Громову, но очень скоро он понял, что работа на Великого Князя отнюдь не обещает быть легкой. В услужении у Великого Князя Громов пробыл недолго; что послужило тому виной – склочный нрав самого купца или же своеобразный управленческий стиль Николая Константиновича, с точностью сказать нельзя, однако позиция самого Громова по данному вопросу подробнейшим образом изложена в его жалобе военному министру. Поскольку жалоба опубликована [9], здесь мы опустим детали злослучений самого Громова в его нелегкой борьбе с конкурентами и остановимся на обвинениях в адрес Великого Князя.

Так, по словам Громова, он, как управляющий работами, регулярно получал жалобы рабочих на неуплату им

жалованья (или же ничтожность выплачиваемых средств в сравнении с объемом выполненных работ), умышленное неверное межевание участков при рытье арыков, но его попытки вступить за рабочих вызвали у князя только раздражение. Более того, князь незаконно собирал пошлины с плотов, проходивших через Бегавадские пороги, а также с погонщиков скота, переходивших по мосту через прорытый им арык. В окружении верных людей, в числе которых встречались даже беглые каторжники, Великий Князь чувствовал свою полную безнаказанность, тем более что чиновники местной администрации, в чьи обязанности входило контролировать действия августейшего изгнанника, были и сами давно им подкуплены и отстаивали его интересы.

Громов пытался было искать поддержки у Надежды Александровны, жены Николая Константиновича, однако и в ее лице он нашел лишь убежденного союзника опального Великого Князя. Не имея права самостоятельно распоряжаться денежными суммами, Великий Князь хранил огромные суммы на счетах своей супруги, употребляя их на подкуп нужных ему людей, включая чиновников канцелярии генерал-губернатора и блокируя отправку нежелательных для него сведений в Петербург.

Своими открытиями Громов поделился с Джизакским уездным начальником полковником Певцовым, чтобы тот сообщил об этом в Самарканд графу Ростовцеву, но до Самарканда Певцов не доехал – он скоропостижно скончался в дороге после завтрака с одним из приближенных Великого Князя.

Самому же Громову на основании закона об усилен-

ной охране было воспрещено пребывание в Туркестанском крае в течение пяти лет [4, л. 3].

Громов, еще будучи на службе у Великого Князя и чувствуя неминуемое приближение скорого разрыва, скопировал и нотариально заверил значительный объем финансовых и хозяйственных документов и, как только над ним начали сгущаться тучи, захватил все имеющиеся материалы и примчался в столицу.

Для самого жалобщика это ничем так и не завершилось – запрет на пребывание в Туркестане остался в силе, да и едва ли купец мог рассчитывать на триумф над Великим Князем, пусть и опальным [4, л. 4–5 об., 9–10 об.].

Что же касается двора, то там были шокированы полученными известиями, начались проверки. Разумеется, в столь щекотливом деле следовало соблюдать все предосторожности: скандал в Петербурге был никому не нужен. К проверке данных Громова был привлечен самый преданный слуга Константиновичей, управляющий двором Великой Княгини Александры Иосифовны Павел Егорович Кеппен («Палиголик»), который обнаружил, что жизнь Николы совершенно не соответствовала ни требованиям инструкции 1881 г., ни положению душевнобольного, и потому не без сожаления вынужден был констатировать, что «мрачная картина жизни великого князя в Туркестане, как она изображается в записке г. Громова, представляется весьма вероятной». Разумеется, Кеппен принимал во внимание предвзятость жалобщика и сумел опровергнуть ряд его утверждений, однако основные обвинения вполне подтвердились. Так, Кеппен установил, что в распоряжении Великого Князя действительно находятся

крупные суммы, ускользающие от контроля местной власти, причем большинство операций с этими суммами Николай Константинович производит лично: от мелких расходов до заключения условий и договоров с подрядчиками и с артелями рабочих. Вопреки требованиям инструкции, Великий Князь имеет обширные знакомства, и больше того, пользуется авторитетом среди местного населения, которое ведать не ведает о том, что, согласно воле Монарха, изгнанник – лицо неполноправное. Аналогичные ограничения должны были распространяться и на Надежду Александровну, но и она вольно распорядилась средствами, а также совершала нотариальные акты по приобретению и отчуждению имущества. Так, например, сделка с самим Громовым на сумму 23 000 рублей была оформлена нотариальным актом на имя Надежды Александровны.

В присылаемых князем финансовых отчетах Кеппеном были обнаружены масштабные несоответствия, свидетельствующие о том, что Николай Константинович и его приближенные, в том числе обидчик Громова Глинка-Янчевский, действительно уводили из-под носа у опеки значительные суммы.

Свои выводы Кеппен снабдил и рядом конкретных примеров. Так, в апреле 1889 г. по приказанию генерал-губернатора жителям Ниязбекской волости было уплачено из сумм Великого Князя 836 р. в качестве компенсации за незаконный сбор за пользование водой из Искандер-арыка; в мае были возвращены купцу Осипову 360 р. за отобранный у него скот, а малярному мастеру по жалобе на несправедливый расчет было уплачено 310 рублей.

Кеппен с прискорбием отметил, что подобные условия

лишь способствуют усилению болезненных проявлений Великого Князя, а также ведут «к ущербу достоинства императорского дома, к ослаблению авторитета русской власти в крае и к растлевающему соблазну туземного населения».

Рекомендации Кеппена сводились к следующему: сведения записки Громова негласно проверить на месте и поставить жизнь Великого Князя под контроль, согласно положениям инструкции [5; 9, с. 486–489].

Брат изгнанника, Великий Князь Константин Константинович, записал у себя в дневнике: «Я по указанию больного тифом Палиголика написал министру двора графу Воронцову-Дашкову о деле Николы. О нем доходят самые тревожные слухи из Туркестана. Тамошний генерал-губернатор барон Вревский сразу поставил себя в неправильные отношения к Николе, и, несмотря на существующую инструкцию и неоднократные указания, не проявляет разумной власти. Оттуда прибыл некто Громов и доставил записку о противозаконных поступках Николы, о каких-то его темных денежных оборотах, о несправедливостях и насилиях над подрядчиками и рабочими, трудящимися под его ведением по орошению Голодной степи, о неблагонадежном обществе окружающих Николу, из которых иные добились его расположения лестью, угождением его слабостям, даже стихами воспевающих его величие в ущерб правительству. Остается разобрать, где правда и где вымысел. – В Туркестан посылают Боронка для ревизии; вот Павел Егорович и надумал поручить этому генералу собрать сведения об истинном положении Николы. Мама сообщала эту мысль Государю, который ее одобрил» [6, л. 108–108 об.].

11 сентября 1892 г., перед отъездом А. Н. Боронка в Туркестан, Константин Константинович пожелал лично встретиться с генералом. В дневнике Великого Князя имеется соответствующая запись: «Познакомился у Павла Егоровича с генералом Баранком, которому поручается собрать точные сведения о действительном положении Николы в Туркестане. – Имя Баранка наводит ужас: в случае доносов он посылается для производства ревизий. Я слышал о нем, и мне было любопытно его увидеть» [6, л. 111 об.].

5 октября Алексей Никитич Боронок прибыл в Ташкент, но, едва успев приступить к ревизии, заболел кишечной болезнью, прервал свою работу и после операции, 27 октября 1892 г., скончался. В дневнике Константина Константиновича 29 октября сделана запись: «В Ташкенте умер генер[ал] Баронок. Ему поручили сделать расследование по делам Николы. – Кто же теперь его сделает?» [6, л. 134 об.].

Примечательно, что в деле, содержащем докладную записку П. Е. Кеппена, присутствуют также машинописные выписки из документов о противозаконной деятельности Николая Константиновича, собранных генералом незадолго до его кончины [5, л. 33–45 об.]. Проанализировав эти данные, 25 февраля 1893 г. Кеппен сделал дополнение к докладной записке, в котором уже без тени сомнения констатировал преступления Великого Князя: значительные нарушения в расчетах с рабочими, самовольные распоряжения и противодействие местным властям, насилие над местным населением и пренебрежение их имущественными правами, незаконные поборы, угрозы и т. д. [5, л. 46–47; 9, с. 491–493].

Нетрудно догадаться, что в Туркестане недолго искали объяснение внезапной смерти Боронка, так напоминающей кончину Певцова. Свидетельство тому находим в воспоминаниях еще одного участника событий, бывшего судебного следователя, недолго служившего у Великого Князя юрисконсультom. Его рукопись, озаглавленная «Олимпиец», хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Ф. Р-5881).

Склонный к графомании, излишнему философствованию, разоблачительству и собиранию явных сплетен, автор тем не менее детально описывает некоторые эпизоды, которые вполне подтверждаются и в других источниках. Так, например, история с маляром Кашиным, присутствующая в статье, упоминается и в докладе Кеппена [5]. Специфические вкусы и склонность Великого Князя нелюбезно отзываться о родственниках в присутствии прислуги впоследствии не раз были описаны в отчетах жандармского полковника Н. В. Васильева, чьему попечению был вверен быт опального в Балаклаве [1; 8]. Также из текста очевидно, что юрисконсульт и понятия не имел о душевной болезни Николая Константиновича и объяснял его поступки исключительно развращенностью, присущей «олимпийцам».

Совокупность сведений позволяет сделать вывод, что Николай Константинович вовсе не был изгнанником, а, вопреки указаниям своих августейших родственников, имел значительное финансовое и политическое влияние в Туркестане, которое местные чиновники не только не старались ослабить, но напротив, пытались с максимальной выгодой для себя воспользоваться этой фрондой

душевнобольного Великого Князя. Что же касается семьи Николы, то им приходилось долгие годы балансировать между защитой престижа династии от скандалов, ее подданных – от незаконных действий со стороны Великого Князя и его приспешников и, наконец, попытками не навредить своему больному родственнику, лишив его возможности заниматься любимым делом. Как показали дальнейшие события, соображения чести в итоге возобладали.

Библиографический список

1. Лаврёнова, А. М., Черниченко, М. Ю. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «Крымские каникулы» великого князя Николая Константиновича (1901–1904 годы) // Новый исторический вестник. № 1 (51). М., 2017. С. 116–151.

2. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2999. Л. 1–2об. «Из записок нравственно и нервно расстроенного человека». Записка великого князя Николая Константиновича. 1875 г.

3. ГА РФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–34 об.

4. ГА РФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1892 г. Оп. 128. Д. 44. Ч. 4.

5. ГА РФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–5.

6. ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 39.

7. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–15 об.

8. ГА РФ. Ф. 617. Оп. 1. Д. 6, 7.

9. Великий князь Николай Константинович. 1850–1918 гг.: биография и документы. Кн. 2: Переписка, дело Департамента полиции о надзоре и охране великого князя Николая Константиновича / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2018.

Протоиерей Алексей Марченко
Общецерковная аспирантура и докторантура
имени Святых Кирилла и Мефодия

ПЕРМСКИЕ СМЫШЛЯЕВЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЦАРСТВЕННОМУ ДОМУ РОМАНОВЫХ

Аннотация. Дмитрий Емельянович и Дмитрий Дмитриевич Смышляевы – выдающиеся деятели Пермского края XIX века, родовые корни которых уходят в жизнь духовенства и купечества старинного уездного города Соликамска. Отношения пермских Смышляевых к российскому Императорскому Дому Романовых имеют богатую историю. Особенно ярко они проявились в их коммерческой и общественной деятельности. Д. Е. Смышляев, находясь в должности Пермского городского головы, стал непосредственным организатором и участником визита Императора Александра I в Пермскую губернию в 1824 году. Его сыну – Д. Д. Смышляеву было суждено стать одним из сподвижников Великого Князя Сергея Александровича в создании Императорского Православного Палестинского общества и первым его уполномоченным в Перми и Иерусалиме.

Ключевые слова. Российская Империя, Императорский Дом, Пермская губерния, купец, общественный деятель, Императорское Православное Палестинское общество, Дмитрий Емельянович и Дмитрий Дмитриевич Смышляевы.

Пермские Смышляевы – выходцы из духовного и купеческого сословия уездного города Соликамска Пермской губернии. Самые знаменитые его представители – пермский купец первой гильдии Дмитрий Емельянович Смышляев (1779–1857), дважды избиравшийся Пермским городским головой, и пермский почетный гражданин Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893) – выдающийся общественный деятель Пермского края, известный как первый председатель Пермской губернской земской управы и первый уполномоченный Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме.

Особое место в биографии этих двух замечательных людей занимают их отношения с Императорским Домом Романовых, которому они честно служили всю свою жизнь.

Дмитрий Емельянович Смышляева купец, предприниматель, владелец канатной фабрики в Перми – в марте 1823 г. впервые был избран на трехлетний срок Пермским городским головой (1823–1826). Вместе с начальником Пермской губернии К. Я. Тюфяевым ему посчастливилось принимать в губернском городе Перми Императора Александра Павловича. Согласно определенному маршруту, Государь должен был проследовать из Оренбурга через Екатеринбург и Пермь в Вятку. Планировалось, что в Перми Государь будет находиться с 30 сентября по 3 октября 1824 г. Пермский историк А. А. Дмитриев считал: «Этот год будет вечно памятен Перми. С самого возникновения своего Пермь не видала еще у себя не только самого государя, но и никого из членов императорской фамилии» [4, с. 180–181].

Известие о прибытии в город Императора Александра I было встречено его жителями с величайшим восторгом.

Чтобы не ударить «в грязь лицом» и привести город к визиту монарха в благоустроенный вид, губернатору К. Я. Тюфяеву и городскому голове Д. Е. Смышляеву пришлось приложить много усилий. Несмотря на то, что городской голова Смышляев не был дворянином, губернатор Тюфяев возложил на него обязанность – занять место предводителя на период подготовки города к визиту Императора в Пермь [2, ф. 512, д. 337, л. 268].

Смышляев немедленно приступил к работе. Вместо прогнивших верстовых столбов, стоящих на въезде в город, в начале и в конце бульвара были поставлены заставы, увенчанные орлами. К приезду Государя была благоустроена самая зеленая улица города – Оханская.

30 сентября 1824 г. Император Александр I прибыл в Пермь. Многотысячная толпа народа встретила своего Царя громовым «ура». Летописец сообщает, что Император первым делом отправился в летний Спасо-Преображенский кафедральный собор, где его уже ожидал епископ Дионисий. Приложившись ко кресту и выслушав приветственные слова Преосвященного, Государь проследовал в собор для совершения молебна. *«Во время молебствия русский царь держал себя в высшей степени благоговейно: творил нередко крестное знамение и поклоны, не отвращал взора своего от алтаря даже на секунду»* [12, с. 24].

1 октября 1824 г. Александр I молился за литургией вновь в кафедральном соборе, которую совершал епископ Пермский и Екатеринбургский Дионисий (Цветаев) с пермским духовенством. Во время своего визита Император трижды принимал у себя епископа Дионисия и пожаловал его орденом св. Анны I степени, посетил находящегося

на покое престарелого епископа Иустина (Вишневого). Затем Александр I отправился в дом Казенной палаты – там ему был подготовлен «дворец». Когда на другой день, рано утром 1 октября, Император вышел на балкон, его ждал сюрприз: столпившиеся внизу пермские рыбаки поднесли ему живого осетра. До обеда проходила церемония приема депутатов от разных сословий города: духовенства, чиновников и купцов. Все это продолжалось около четырех часов. После торжественного обеда с губернатором Александр I в его сопровождении и под звон колоколов объехал центральные улицы города.

Второй день своего визита – 2 октября 1824 г. монарх посвятил обозрению казенных и общественных учреждений города: тюремный замок, военный госпиталь и Мотовилихинский завод. Когда Александр I осмотрел заводские корпуса, склады руды и угля, а также частные здания, то сказал фразу, оставшуюся в истории: «Верно, у берг-инспектора более денег, чем у меня: казенная фабрика покрыта тесом, а дом берг-инспектора – железом и выкрашен».

Кроме этого, Император Александр I посетил Егошихинское кладбище. По словам летописца: *«Из тюремного замка Государь отправился осматривать богадельню приказа общественного призрения»* [4, с. 188], которая была построена при Всехсвятском деревянном кладбищенском храме. Во время посещения кладбища и богадельни губернатор К. Я. Тюфяев и городской голова Д. Е. Смышляев сообщили ему о принятом решении строить на кладбище новый каменный храм. Пермский протоиерей Василий Удинцев свидетельствует, что Монарх назвал протекающий по кладбищу и впадающий в Егошиху ручей «Стиksom» [3, с. 29].

14 декабря 1824 г. в общественном доме под председательством Д. Е. Смышляева состоялось очередное собрание Пермской городской думы, на котором был поднят вопрос о строительстве каменной кладбищенской церкви. Пермское общество решило строить церковь большую, о трех приделах. Главный придел – во имя Живоначальной Троицы. Правый – в честь Сретения Господня – в память о посещении Перми Императором Александром. Левый – в честь благоверного князя Александра Невского – небесного покровителя монарха. Место для строительства было определено *«за городом по Сибирскому тракту, от города ко второй версте по правую сторону дороги, отступив не более двух сот сажень»* [2, ф. 512, д. 210, л. 130–130 об.].

Таким образом, новый большой храм на Егошихинском кладбище должен был стать благодарственной жертвой Триипостасному Богу (Троице) за радость встречи (Сретение) с Помазанником Божиим (Александром), ставшей для пермяков незабываемым событием.

В 1825 г. Император Александр скончался в Таганроге. В 1826 г. ушел с поста городского головы Дмитрий Емельянович Смышляев. Два этих политически важных обстоятельства значительно затруднили строительство новой церкви. Деньги, собранные с граждан по подписке на возведение новой церкви, были потрачены на другие городские нужды. Однако Дмитрий Емельянович Смышляев оказался верен купеческому слову, данному лично Императору Александру Павловичу. С большим трудом на собственные средства он завершил строительство храма на кладбище. Построенный по проекту архитектора И. И. Свизева новый каменный храм был наименован «Всехсвятским»,

Александровский предел в храме не был устроен, Средненский предел был устроен под колокольной, на хорах. В 1838 г. Епископ Пермский и Верхотурский Аркадий (Федоров) торжественно освятил Всехсвятскую церковь на Новом Егошихинском кладбище, ставшую одним из памятников императорского визита 1824 г.

Послужной список Д. Е. Смышляева говорит о том, что пермский купец пользовался высоким доверием Императора Николая I и принимал участие в развитии императорских фабрик. С 1832 по 1842 г. Дмитрий Емельянович являлся комиссионером Императорской Петергофской бумажной фабрики по продаже ее изделий в Пермской и Оренбургской губерниях «с освобождением от городских служб». В октябре 1844 г. он вновь стал комиссионером этой фабрики по сбыту ее продукции по всей Сибири. По ходатайству директора фабрики 11 апреля 1837 г. Д. Е. Смышляев был награжден Государем бриллиантовым перстнем с аметистом [2, ф. 512. д. 210. л. 275].

В 1839 г. по ходатайству директора Петергофской бумажной фабрики Д. Е. Смышляев был пожалован Императором золотыми часами с минутным циферблатом и цепочкой с ключиком [2, ф. 512. д. 210. л. 282]. В августе 1839 г. в Санкт-Петербурге состоялась мануфактурная выставка, в ходе которой высокую оценку получили изделия фабрики Дмитрия Емельяновича Смышляева. По докладу Государю министра финансов «о высоком достоинстве этих изделий» купец Д. Е. Смышляев императорским указом был награжден званием мануфактур-советника [2, ф. 512, д. 210, л. 281].

Во время путешествия Государя Наследника Великого

Князя Александра Николаевича (будущего Императора Александра II) через Пермскую губернию Д. Е. Смышляев стал организатором губернской выставки. Он лично руководил описанием доставленных на нее фабричных и заводских изделий, их приемом и размещением по каталогам. При посещении выставки Наследником Цесаревичем – 8 апреля 1837 г. Д. Е. Смышляев вместе с губернатором Г. К. Селастенником присутствовал среди почетных гостей [2, ф. 512, д. 210, л. 276].

Многотрудный земной путь Пермского почетного гражданина, коммерции-советника Дмитрия Емельяновича Смышляева завершился в 1857 г. Его тело было погребено в склепе под алтарем построенного им Всехсвятского храма.

В духе верности Царствующему Дому Романовых купец Дмитрий Емельянович Смышляев воспитывал своего сына – Дмитрия Дмитриевича Смышляева. Однако в его лояльности и приверженности монархии долгое время существовали сомнения.

Эпоха Императора Александра II и его реформ была неразрывно связана с активизацией общественной жизни и началом бурной деятельности провинциальной разночинской интеллигенции. Одним из ее ярких представителей в Перми стал Д. Д. Смышляев. Получив образование в Пермской мужской гимназии, Дмитрий Дмитриевич после смерти своего отца быстро ликвидировал коммерческие дела своего отца и занялся общественно-просветительской деятельностью. В 1859 г. он организовал кружок, который способствовал *«необыкновенному для Перми умственному оживлению и стремлению интеллигентных людей к полезной общественной деятельности»*. [4, с. 253–254]. Кружок

Смышляева в основном объединил местную прогрессивную педагогическую интеллигенцию. Дмитрий Дмитриевич нашел себе единомышленников среди преподавателей Пермской мужской гимназии и Пермской духовной семинарии. Его лучшим другом и соратником стал старший учитель истории Пермской гимназии, сын священника Пермской епархии, выпускник семинарии и Санкт-Петербургского педагогического университета Н. А. Фирсов. Кружок Д. Д. Смышляева носил ярко выраженную просветительскую направленность. Многие его члены были соавторами издаваемого Смышляевым научно-краеведческого журнала «Пермский сборник».

Основу кружка составляли гимназические преподаватели Д. П. Островский, А. А. Поимский, И. Я. Предтеченский, Е. П. Мухачев, А. Д. Крупенин. Однако самым деятельным его членом стал старший учитель математики и физики, выпускник Казанского университета, потомственный дворянин Андрей Александрович Залежский, чьи взгляды и убеждения выходили за рамки просветительских идей и приближались к революционным. Среди учащихся А. П. Залежский распространял и пропагандировал запрещенную цензурой поэзию А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова.

Другую группу либерально-просветительского кружка Д. Д. Смышляева составляли выходцы из духовного сословия, преподававшие в Пермской семинарии. Их неформальным лидером был 25-летний коллежский асессор Александр Иванович Иконников. Через него к кружку Д. Д. Смышляева присоединились молодые семинарские преподаватели. Членами кружка также стали Алексей

Никифорович Морегиревский – выпускник Московской духовной академии (1856), кандидат богословия, А. В. Стефановский, окончивший Санкт-Петербургскую Духовную академию, А. Г. Воскресенский, А. П. Орлов, И. Я. Попов.

Оценивая просветительскую деятельность Д. Д. Смышляева в дореформенный период, его библиограф, известный пермский историк А. А. Дмитриев дал емкую характеристику всем его начинаниям: *«В эпоху освобождения Дмитрий Дмитриевич не мог оставаться безучастным свидетелем реформ, увлекся модными тогда вопросами, просветительным и женским, ратовал в Перми об открытии воскресных школ и женской гимназии и т. п. Словом, в ту достопамятную эпоху был в пермском обществе самым передовым человеком»* [5, с. 34–35].

В конце 1860 – начале 1861 г. кружок Смышляева раскололся на две части по идеологическим соображениям. Дмитрий Дмитриевич со своими друзьями Е. П. Мухачевым, А. Д. Крупениным оставался на прогрессивных либеральных позициях [7, с. 74]. Он был убежденным противником крепостничества, сторонником освобождения крестьян, свободного развития промышленности, торговли, предпринимательской деятельности, поборником просвещения и народного образования. Смышляев видел главный и единственный способ изменения действительности в образовании, которое считал решающей силой общественного прогресса [13, с. 24].

Смышляеву были свойственны почтительное отношение к царской власти, надежда на развитие России путем реформ, устойчивое увлечение историей родного края и неутомимая общественная и культурная деятельность

[11, с. 219]. Манифест Императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости – 19 февраля 1861 года и в целом «эпоху освободительных реформ» *Дмитрий Дмитриевич встретил с невыразимо радостным чувством. Он был горячим и убежденным истолкователем ее значения...*», – писала племянница Д. Д. Смышляева Н. П. Солодовникова [18, с. 168].

Наиболее радикальная часть пермской разночинской интеллигенции, входившей в просветительский кружок Смышляева, образовала нелегальную революционную организацию. В нее вошли представители «церковно-семинарского» крыла кружка во главе с А. И. Иконниковым. Встав на радикальный путь, они приняли программу революционно-демократических преобразований, выработанную Н. Г. Чернышевским и его окружением. Прежде всего, А. И. Иконников и его друзья развернули конспиративную революционную агитацию среди студентов Пермской духовной семинарии. Зимой 1860 г. в семинарии сложился кружок – «Пермское тайное общество».

В 1861 г. Правительству удалось разоблачить деятельность революционеров. Однако изворотливому Иконникову удалось избежать заслуженного наказания и убедить начальника губернии в своей невиновности. Вину за распространение запрещенной литературы и прокламаций он иезуитски свалил на своего бывшего товарища по просветительскому кружку – Д. Д. Смышляева, к которому Пермский губернатор А. Г. Лашкарев испытывал крайнюю неприязнь. Н. П. Солодовникова пишет: *«Совершенно неожиданно для Дмитрия Дмитриевича среди пермского общества оказался у него недоброжелатель, постаравшийся*

бросить тень на его просветительные стремления. Смышляев был заподозрен в распространении “вредных идей” [18, с. 169].

Хотя Дмитрий Дмитриевич не входил в состав «Пермского тайного общества», по распоряжению губернатора за ним был установлен полицейский надзор, грозивший со временем вылиться в более крупные неприятности [14, ф. 1282, оп. 1, д. 9, л. 291–292; д. 263, л. 81–82, 110]. Н. П. Солодовникова считает, что именно это обстоятельство послужило главной причиной стремления Смышляева уехать за границу. В сложившейся ситуации Дмитрий Дмитриевич *«счел за лучшее на некоторое время покинуть Россию...»* [18, с. 169].

Только отъезд за границу спас Смышляева от ареста. В ходе работы следственной комиссии, которую возглавил по поручению Государя прибывший из Санкт-Петербурга жандармский подполковник Н. В. Мезенцев, против Смышляева были выдвинуты незаслуженные обвинения. Мезенцев доносил в Министерство внутренних дел: *«Сын почетного гражданина Д. Д. Смышляев... отличался всегда ультралиберальным образом своих мыслей и, быв человеком с большими денежными средствами, во время своих поездок за границу приобретал все издания Герцена и другие сочинения, направленные против России... Господин Смышляев есть самый вероятный источник, откуда сказанные сочинения проникли в Пермь»* [14, ф. 1282, оп. 1, д. 263, л. 81–82, 110, 272 об.].

Начальник губернии генерал А. Г. Лашкарев, хотя и не симпатизировал Смышляеву, убеждал следствие в том, что Дмитрий Дмитриевич не был столь радикален

в своих убеждениях, как считал Мезенцев. На следствии он полагал, что Смышляев *«был не чужд чтения и имени у себя сочинений Герцена»*, но отрицал возводимые на него наветы, *«чтобы он проявлял в обществе какие-либо противоправительственные идеи»* [14, ф. 1282, оп. 1, д. 263, л. 262–262 об.].

Либеральные реформы правительства Александра II затронули широкую сферу государственно-общественных отношений. В том числе они были направлены на усовершенствование системы государственного управления и повышение активности граждан в общественной жизни. Крупнейшим проектом в этой области стала земская реформа, которая предусматривала создание специальных органов самоуправления на местах в виде земских учреждений (земств).

В 1870 г. Д. Д. Смышляев был избран председателем губернской управы. Вернувшись из-за границы, он по-прежнему находился в поле зрения имперской политической полиции. Прежние подозрения в адрес Смышляева были сняты, и III отделение Собственной Его Величества канцелярии признало его *«вполне благонамеренным и благонадежным»* человеком. Однако полицейский надзор за Смышляевым продолжался и был снят только в 1873 г. [14, ф. 1282, оп. 1, д. 263, л. 262–262 об.].

Видный пост председателя Пермского губернского земства Дмитрий Дмитриевич сохранял за собой в течение 9 лет – трех созывов земства (июль 1870 – январь 1879 гг.).

О том, что Дмитрий Дмитриевич был горячим патриотом своей Родины и верным слугой Государя, говорят следующие факты. Огромное впечатление на него произвело

покушение Д. В. Каракозова на Императора Александра II 4 апреля 1866 г. Свое отношение к этому событию он выразил необычным способом – вернувшись из Санкт-Петербурга в Пермь, преподнес в подарок Пермской мужской гимназии портрет «царского спасителя» Осипа Комиссарова [7, с. 77].

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. возглавляемое Смышляевым Пермское губернское земство выступило в авангарде общественного почина оказания помощи многочисленным больным и раненым русским воинам, поддержки семьям нижних чинов, призванных в армию. 1 июня 1877 г. на IX чрезвычайной сессии Пермского губернского земского собрания Д. Д. Смышляевым был сделан доклад, который стал программным документом работы земства на период войны. Он начинался объяснением исторической миссии России в деле освобождения славян от турецко-османского рабства. Затем Смышляев призвал деятелей земства «не оставаться безучастными зрителями по отношению к происходящим событиям, а оказать реальную помощь русской армии и братьям-славянам, там самым выполнить свою священную обязанность. Губернское земское собрание одобрило доклад Д. Д. Смышляева и единодушно решило ассигновать на оборудование лазарета вместо предложенных 25 000 рублей значительно большую сумму – 40 000 рублей. Таким образом, Пермское земство принимало на себя обязательство оказать помощь армии в размере 65 000 рублей, не считая содержания раненых и больных в Александровской губернской больнице [21, с. 11].

Дмитрий Дмитриевич лично принял участие в патриотической акции, издав в 1878 г. в типографии Пермской

губернской земской управы «в пользу русского добровольного флота» книгу – «На пути к Синаю», содержащую две ранее неизданные главы своих путевых заметок во святую Землю в 1865 г. [17].

Известный русский поэт, публицист, общественный деятель, один из лидеров движения славянофилов Иван Аксаков написал Дмитрию Дмитриевичу из Москвы письмо, в котором дал высокую оценку его сочинению: *«Прежде всего я удивился роскошному изданию Вашей земской типографии. Положим. Бумага для Вашего издания могла быть выписана, но шрифт, но отчетливость и опрятность печати – всем этим не отличаются провинциальные издания. О внутренних достоинствах этого издания нечего и говорить. Ваши путевые заметки живы, в высшей степени интересны и имеют какой-то особый дельный характер. Лишнего нет ничего, есть сдержанность в выражении впечатлений, которая только усиливает внимание и возвышает достоинство заметок. Очень благодарю»* [18, с. 262]. Высоко оценил сочинение Д. Д. Смышляева чиновник Министерства финансов Василий Николаевич Хитрово, который также дал на нее похвальный отзыв.

21 мая 1882 г. в Санкт-Петербурге было открыто Православное Палестинское Общество (ППО). Согласно принятому уставу, Общество должно было содействовать русскому православному паломничеству, поддерживать православие в Святой Земле и на Ближнем Востоке, заниматься научным палестиноведением и распространением в России знаний по истории и культуре библейского региона. Все эти цели были тесно связаны с приоритетами российской внешней политики и духовными ценностями

Православной Российской Церкви [8, с. 27]. Общество должно было способствовать укреплению православной веры в русском обществе, российской государственности и авторитета России за рубежом [20, с. 57]. Создание Палестинского Общества нашло поддержку со стороны государства. Во главе вновь созданной православной общественной организации встал брат Императора Александра III – Великий Князь Сергей Александрович.

В число членов-учредителей Палестинского Общества вошел и почетный гражданин города Перми, пермский купец Дмитрий Дмитриевич Смышляев.

В письме к архимандриту Леониду (Кавелину) В. Н. Хитрово сообщал, что в список учредителей Палестинского общества, представленный для утверждения Великому Князю Сергию 22 апреля 1882 г., он лично включил Д. Д. Смышляева [6, с. 243–244].

После образования Православного Палестинского общества Д. Д. Смышляев стал первым жителем Пермской губернии, вступившим в его ряды. Активно включившись в его работу, Дмитрий Дмитриевич вел настолько энергичную пропаганду молодой общественной организации, что стал одним из наиболее известных ее представителей в масштабах всей страны [9].

В марте 1883 г. Смышляев был избран уполномоченным Общества по Пермской губернии. Таким образом, Пермская губерния стала первой губернией России, где имелся официальный представитель Православного Палестинского общества.

2 сентября 1884 г. Д. Д. Смышляев вошел в Совет Православного Палестинского общества с предложением –

разрешить в городах Российской Империи «учреждать отделы Общества, предоставляя им производить сборы пожертвований, принимать годовые взносы членов и содействовать к ознакомлению местного общества со Святой Землею и деятельностью Общества». Предложение пермского уполномоченного было встречено благосклонно. На заседании Совета ППО 22 ноября 1884 г. были выработаны правила учреждения и работы отделов, после чего через Обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева они были представлены на утверждение Государю. 2 марта 1885 г. Император Александр III утвердил составленный Советом ППО проект дополнительных статей к Уставу Общества, касающийся работы его отделов [6, с. 259].

В 1885 г. Д. Д. Смышляев решил совершить новое паломничество во Святую Землю. Однако Общество предложило Смышляеву продолжить свою деятельность в Иерусалиме. Сам Дмитрий Дмитриевич так вспоминал о замысле своего путешествия: *«В 1865 году я первый раз посетил Святую Землю. Ровно через двадцать лет мысли мои снова обратились к Востоку, и я задумал вторичное путешествие в Палестину... Но Провидению, устрояющему пути к нашему благу, помимо нашей воли и соображений, угодно было распорядиться иначе. Узнав о моем намерении, Палестинское общество воспользовалось случаем возложить на меня некоторые поручения в Иерусалиме, которых до сих пор не успело коснуться его деятельность...»*

Вскоре Смышляев был приглашен в Санкт-Петербург, откуда, получив указания, 8 сентября 1885 г. выехал в Москву. 10 октября он представлялся в селе Ильинском Великому Князю Сергею Александровичу [16, с. 33].

Дмитрий Дмитриевич с большим теплом вспоминал об этой встрече с Великим Князем Сергием Александровичем, открывая для нас многие ее важные подробности: *«Меня ввели в обширный кабинет, уставленный несколькими письменными столами. Через несколько минут вошел Великий князь, подал мне руку и указал на кресло у одного из столов, сам сел против. Просто и любезно, как обыкновенный образованный человек, без малейшего признака своего высокого положения, расспрашивал он меня о Перми, о моих занятиях, а затем перешел к делам Палестинского общества; высказал, что именно ему было бы желательно устроить на первый раз в Палестине, и чего до сих пор обществу, благодаря враждебности местных элементов, осуществить не удалось, и выразил надежду, что я сумею одолеть препятствия, встречаемые обществом в его намерениях»* [10].

Великий Князь Сергей Александрович и Дмитрий Дмитриевич взаимно остались довольны состоявшейся встречей. Смышляев охотно согласился выполнить поручение – отправиться в Иерусалим по делам Общества [1, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 18].

На протяжении четырех лет (1885–1889 гг.) Смышляев плодотворно трудился в должности уполномоченного ППО в Иерусалиме, построив два крупнейших русских подворья – Сергиевское и Александровское. Все это время он находился в фокусе внимания Великого Князя Сергия.

В 1888 г. председатель ППО Великий Князь Сергей Александрович издал на имя Обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева свой Рескрипт, в котором

лично просил Государя наградить Д. Д. Смышляева и дал замечательную характеристику его деятельности.

«Константин Петрович. В Сентябре текущего года Я намерен с Высочайшего Государя Императора соизволения предпринять путешествие по Святым Местам Сирии и Палестины с целью присутствовать при освящении церкви во имя Св. равноапостольной Марии Магдалины, построенной на средства Государя Императора и Его Братьев, близ Иерусалима в память в Бозе почившей Государыни Императрицы Марии Александровны, а также для обозрения в Сирии и Палестине учреждений состоящего под Моим председательством Православного Палестинского Общества. Ввиду этой поездки считаю долгом представить к наградам нескольких лиц, принимавших участие как в постройке вышеозначенного храма, так и в деятельности Православного Палестинского Общества в Св. Земле.

...Дмитрий Дмитриевич Смышляев до поступления на службу Палестинского Общества прослужил в должности Председателя Пермской Земской Управы три трехлетия. Его благотворная, неусыпная и совершенно бескорыстная деятельность в земстве пользовалась в Пермской губернии обширной известностью, и это заставило Меня, когда Я узнал, что Г. Смышляев решился, на склоне своих лет, поселиться у Гроба Господня, – предложить ему посвятить себя деятельности Палестинского Общества в Св. Земле. Смело могу сказать, что только с тех пор, а именно три года тому назад, когда Дмитрий Дмитриевич принял на себя звание Представителя Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, дело Общества стало на твердую ногу. В Иерусалиме чувствовался большой недостаток

в помещениях на Русских Постройках для большого прилива паломников, вождение паломников по Св. Местам было вполне беспорядочно и не были даже организованы, за малочисленностью персонала Духовной Миссии, столь необходимые для паломников духовные беседы; наконец, не существовало для русских богомольцев ни кухни, ни бани, ни прачечной. По почину Д. Д. Смышляева Палестинское Общество нашло возможным все эти недостатки устранить и, благодаря энергии и работе Д. Д., можно надеяться, что отныне паломники будут вполне обеспечены как в материальном, так и в нравственном отношении: начатая в прошлом году постройка странноприимного дома на 400 человек со всеми положенными учреждениями близится к концу и откроется к паломническому периоду будущего года; вождение по Св. Местам упорядочено и в связи с ежедневно установленными духовными беседами должно дать весьма благие результаты в нравственно-духовном отношении. Наряду с постройкою странноприимного дома Д. Д. Смышляев работает над постройкою сооружения над местом раскопок вблизи Храма Гроба Господня. Невзирая на свои преклонные годы, Д. Д. не останавливается перед, казалось бы, непосильным по его летам трудом и ведет дела сам, без помощников, с замечательным успехом и поразительным сбережением в расходах Общества. Как представитель Палестинского Общества в Иерусалиме Д. Д. немало оказал содействия в деле постройки церкви Св. Марии Магдалины. Высоко ценя почтенную, достойную уважения, вполне честную, бескорыстную деятельность Смышляева в Иерусалиме, Палестинское Общество нашло необходимым возвести его в прошлом году в звание своего Почетного члена.

Испрашивая ныне столь высокую награду Дмитрию Дмитриевичу, не сомневаюсь, что если Мое ходатайство заслужит Всемилостивейшее внимание, то Палестинское Общество примет эту Высочайшую Милость, как знак особого к Обществу Монаршего благоволения».

К Рескрипту был приложен Наградной лист, в котором говорилось, что «Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву, потомственному почетному гражданину православного вероисповедания, почетному члену и представителю Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, не имеющему наград и знаков отличия, испрашивается орден Св. Равноапостольного Владимира II-й степени» [1, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 292, л. 15–22 об.].

29 сентября 1888 г. Великий Князь Сергей Александрович со своей супругой Великой Княгиней Елизаветой Федоровной и братом Павлом Александровичем прибыли в Иерусалим. Основной их целью было участие в освящении – в праздник Покрова, 1 октября 1888 г. – храма св. Марии Магдалины в Гефсимании. В ходе поездки Великие Князья осмотрели строившиеся Сергиевское и Александровское подворья.

30 сентября 1888 г., накануне освящения храма Марфо-Мариинского храма в Гефсимании, Великий Князь Сергей Александрович вручил Д. Д. Смышляеву Высочайше пожалованную награду – орден Св. Владимира III степени.

После визита Великого Князя Сергея в Иерусалим Дмитрий Дмитриевич, хронически уставший и больной, принял решение покинуть Иерусалим и оставить должность уполномоченного ИППО. Великий князь Сергей с трудом согласился на его отставку и пытался вместе

с В. Н. Хитрово сохранить его для русского дела во Святой Земле.

6 июля 1889 г. Великий Князь Сергей Александрович почтил Д. Д. Смышляева необыкновенно милостивым рескриптом, подписанным собственной рукой. Великий Князь разрешил Дмитрию Дмитриевичу оставить Иерусалим при условии сохранения за ним звания Уполномоченного Палестинского Общества:

«Дмитрий Дмитриевич! С искренним сожалением из донесения Вашего от 7 июня с. г. узнал Я, что болезнь Ваша, не поддающаяся лечению ввиду климатических условий, побуждает Вас просить о сложении с Вас обязанностей Уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме.

Единственно эта причина заставляет меня согласиться на Вашу просьбу в надежде, что когда, с помощью Божиею, Ваши силы восстановятся, Вы не откажетесь в будущем принимать, в Святой ли Земле или в России, то деятельное участие, которым ознаменовались Ваши четырехлетние труды на пользу общего дорогого нам дела.

Поэтому прошу Вас сохранить звание Уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества, доверие которого Вы так вполне и блестяще оправдали, и считать Ваш отъезд из Иерусалима только как неограниченный сроком отпуск.

Мне приятно выразить Вам при этом случае мою глубокую признательность за Вашу самоотверженную деятельность, и я никогда не забуду, что Вам Императорское Православное Палестинского Общество обязано было возможностью поставить на твердое основание свою сложную

деятельность в Святой Земле. Остаюсь искренне к Вам расположенный и сердечно Вам благодарный Сергей» [15, с. 254; 18, с. 182].

Таким образом, жизнь и деятельность двух выдающихся сынов Пермского края – Дмитрия Емельяновича Смышляева и Дмитрия Дмитриевича Смышляева были тесно связаны с Императорском домом Романовых, которому они честно служили, выполняя свой долг перед Российским Государством и Православной Церковью.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 18, 292.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 512. Оп. 1. Д. 210, 337.
3. Голубцов, В. В. Пермский некрополь / Авт. вступ. ст. и прим. Л. С. Рафиенко. Пермь, 2002. С. 29; Гладышев В. Ф. Пермь старинное зеркало: История Перми в зеркале некрополя. Пермь, 2001.
4. Дмитриев, А. А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889.
5. Дмитриев, Д. Д. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902.
6. Дмитриевский, А. А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. М.; СПб., 2008.
7. Корчагин, П. А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь, 2009.
8. Лисовой, Н. Н. Д. Д. Смышляев и Императорское Православной Палестинское общество / От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Пермь, 2012.
9. Микитюк, В. Н. Светский актив Императорского Православного Палестинского общества в Пермской губернии. <https://www.ippo.ru/old/history/rs/ural/4/index.html>.
10. Пермские губернные ведомости. 1913. (12 марта).

11. *Плотникова, Г. Н. Д. Д.* Смышляев и его роль в культурной жизни Прикамья второй половины XIX века // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 4. Пермь, 2003.

12. *Прядильщиков, Ф. А.* Летопись губернского города Перми // Адрес-календарь и справочная книга Пермской губернии. Пермь, 1883.

13. *Рабинович, Я. Б. Д. Д.* Смышляев как общественный деятель и историк-краевед // Летописцы родного края: (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 9, 263.

15. Россия в Святой Земле. Архив Внешней политики Российской Империи МИД РФ / под ред. Н. Н. Лисового. Т. 1. М., 2000.

16. *Смышляев, Д. Д.* Воспоминания о Востоке // ПЕВ.1890. №2.

17. *Смышляев, Д. Д.* На пути к Синаю. Две главы из путевых заметок 1865 г. Пермь, 1878.

18. *Солодовникова, Н. П.* Дмитрий Дмитриевич Смышляев: Опыт биографического очерка // ПГВ. 1900. № 63–65, 67, 68, 71, 72, 75, 85, 87; Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 4. Пермь, 2012.

19. Письма Д. Д. Смышляева к Н. К. Чупину (1855–1881) / Публикация Л. С. Рафиенко // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3. Пермь, 2001.

20. *Устюгова, В. В. Д. Д.* Смышляев и Православное Палестинское Общество // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995.

21. *Шилов, А. В.* Балканский кризис, Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. и пермское общество // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 8. Пермь, 2018.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ В ПРИКАМЬЕ В XVII–XVIII ВВ.

Аннотация. В статье рассмотрены направления фискальной политики правительства Романовых на протяжении XVII–XVIII вв. Исследованы основные налоговые приоритеты, определены наиболее значимые налоги в истории Прикамья. На основе материалов XVII–XVIII вв. и анализа историографии сделан вывод, что российское государство в исследуемый период добилось значительных успехов во внешней и внутренней политике благодаря адаптации налоговой системы к экономической ситуации.

Ключевые слова. Прикамье, налоговая политика, Романовы, XVII в., XVIII в.

Существование и развитие государства немислимо без постоянного пополнения государственной казны. После социально-экономического и политического кризиса в период Смутного времени новая династия Романовых была вынуждена прибегать к различным способам пополнения государственного бюджета. При этом правительство Михаила Романова понимало, что репрессивные меры в сфере фискальной политики скорее могут причинить вред, чем принести пользу. Компромиссная политика первых десятилетий царствования Михаила Романова предполагала учет мнения различных сословий. Налоги позволяли новой династии активно осваивать окружающее пространство,

продвигаться в Сибирь и на другие окраинные территории, осуществлять внутреннюю и внешнюю политику. В XVIII в. в ходе Петровских реформ налоговая нагрузка увеличивается. Для активизации внешней политики потребовались дополнительные ресурсы. Отражением потребностей государства в финансах явилась активная фискальная политика, которая пока что недостаточно исследована на отдельных территориях Российского государства (например, в Прикамье). Поскольку детальное освещение темы с приведением подробных численных данных в рамках одной статьи невозможно, автор осуществляет общую характеристику фискальной политики правительства Романовых в Прикамье в указанный исторический период.

Анализ налоговой политики подразумевает характеристику различных видов денежных поступлений в центральные приказы (на протяжении почти всего XVII в. прикамские территории относились к Новгородской четверти, в XVIII в. платежи шли в несколько учреждений).

Разделение на окладные и неокладные сборы сложилось еще до XVII в. М. А. Мацук предлагает считать денежные поступления в казну в счет одного, «четвертного» сбора. «Он состоял из ряда налогов и сборов, однако суммарный оклад позволяет говорить об этой совокупности как об едином налоге» [5, с. 35]. Данные сборы направлялись в Четверти (конкретно в случае Прикамья – Новгородскую четвь, Большой приход и в приказ Казанского дворца). Это удобно для обобщения различных мелких сборов, но не всегда позволяет понять, что имеется в виду. В Прикамье население платило деньги за стрелецкие хлебные запасы. В качестве хлебных взносов стрелецкая подать появилась еще в XVI в.; но перевод хлеба

на регулярный денежный налог устанавливается только в XVII в. Раскладка платежей в совокупности составляла тягло. Тягло как экономическое явление также характеризует сборы с населения Прикамья. Для Прикамья податной единицей являлась «соха», которая включала тяглые дворы в городе и крестьянскую пашню в уезде. После указов 1630–1632 гг. «живущая четь» была введена в большинстве районов страны [2, с. 487–488]. Отдельно осуществлялась отдача на оброк различных угодий (мельницы, рыбные ловли и т. п.). Прямыми налогами были данные и оброчные деньги, а косвенными являлись таможенные и кабацкие сборы. Именно косвенные налоги составляли большую часть поступлений с территории Прикамья. У местного населения были также повинности, которые доставляли немало неудобств и хлопот (ямская, дорожная). К неокладным сборам в историографии традиционно относились различного рода мелкие сборы и пошлины (судебные, печатные, штрафы). Эту группу поступлений можно считать общей для северных земель с черносошным крестьянством.

Неокладные сборы составляли несколько сотен рублей в год с Чердынского и Соликамского уезда. Сюда входили всякие мелкие поступления в приказные избы. «Да неокладных доходов приказной избы сбору с судных дел пошлин и ездových денег и мировых гривен и поголовных и всякого мелкого збору и с купчих и с закладных записных и с судов и с павосков всякого лесу полесной пошлины 188 руб. 24 алтына 4 денги» [7, л. 64–64об.].

Из этих средств получали оплату за свой труд сотрудники приказной избы. У автора статьи имеется в распоряжении финансовая отчетность за отдельные периоды XVII в. На основе имеющихся фрагментарных данных можно

сделать осторожный вывод о наличии возможности у местного населения платить сборы в срок и почти бездоимочно. Часть хронологических периодов (в 1630–1660-е гг.) практически не задокументирована, но имеющаяся отчетность показывает почти полную собираемость налогов. Посмотрим на фрагменты отчетности XVII в.

После событий Смутного времени финансовая политика правительства Михаила Романова была направлена на оперативное пополнение государственной казны. В историографии представлены различные аспекты данной проблемы, по-разному оценивается размер налоговых поступлений и недоимки [6].

В центральной России, разоренной в ходе событий Смутного времени, налоги во многих населенных пунктах в значительной мере не собираются. В городе Торжке до начала Смуты кабацкая прибыль составляла 1200 руб. в год, а таможенная – 700 руб. По оценке Д. В. Лисейцева, в 1611–1612 и 1612–1613 гг. в Торжке собирали лишь по 463,30 руб. (450 руб. приходилось на долю питейных и таможенных денег) [4, с. 21–22].

Уже в первом известии о стрелецкой подати, относящемся к Новгородской чети (1615 г.), данный сбор появляется в определенном окладе, именно 150 руб. с сохи. В Чердыни было приказано уплатить «для дальняго провозу – для крестьянские легости» с 8 сох по полутора рубля за четь (хлеба), всего 1200 р. [1, с. 108–109]. В Устюжской чети (1616 г.) указывается только круглая сумма, которую предстоит распределять на сохи на месте (по распределению должно было приходиться на соху 160 руб.). В 1620 г. оклад Новгородской четверти «для крестьянския легкости» уже значительно понижается (до 90 руб.).

Применительно к Прикамью (Новгородская четверть, Чердынский и Соликамский уезды) анализ отчетности 1620-х гг. не позволяет делать выводы о существовании недоимочности. Правительство, не желая напрягать налогоплательщиков, даже снизило размер поступлений стрелецких денег (со 150 до 90 руб. с сохи).

В следующие периоды с поступлениями все более-менее стабильно (по данным фрагментарной отчетности 1630–1640-х гг.). Правительство, несмотря на налоговую реформу при Федоре Алексеевиче, получило денежные средства с прикамских территорий почти в полном объеме. Согласно счетному списку прихода и расхода денег в Соликамской приказной избе 1684–1686 гг., при воеводе Назарье Петровиче Мельницком «во 192 году генваря з 25 числа и во 193 и в нынешнем во 194 году февраля по 16 число... усольских всяких денежных доходов и с тем что принято у росписки по счетному списку у стольника и воеводы у князя Федора Борятинского в приходе 35 953 рублей 13 алтын 5 денег» [6, л. 14–14об.]¹.

В Чердынском уезде воевода Назарий Петрович поработал столь же эффективно. В счетном чердынском списке зафиксировано, что «в нынешнем во 194 году сентября с 1 числа да февраля по 16 число всяких денежных доходов в приходе 1638 рублей 9 алтын полтретьи денги. И всего при стольнике и воеводе при Назарье Петровиче Мелницком во 192 году генваря с 31 числа и во 193 год и в нынешнем во 194 годех февраля по 16 число, а с теми что у росписки по счетной росписи принято у стольника и воеводы князя Федора Юрьевича Борятинского в Чердыни в приходе 7581 рублей 9 алтын полтретьи денги» [7, л. 71–72об.]

¹ Все даты в материалах XVII в. указаны от сотворения мира. Начало нового года датируется 1 сентября. Например, февраль 193 г. – это 7193 – 5508 = 1685 год.

В местной канцелярии имелся и остаток собранных в прошлых годах средств. Иногда не добираются стрелецкие деньги и некоторые оброчные сборы, но в последующие годы недоимка постепенно бывает собрана.

Правительственная налоговая политика в исследуемый период претерпевала ряд изменений. На уровне учреждений происходила централизация сборов. Сами налоговые поступления стали более разнообразными, а поступление денежных средств в бюджет возросло на протяжении XVII в. В случае нехватки средств в центральных учреждениях правительство Романовых использовало чрезвычайные сборы.

Со второй половины XVII в. в Прикамье существует и Кунгурский уезд, который в XVIII в. обгоняет в экономическом отношении Чердынский и Соликамский уезды. Воеводская канцелярия в Соликамске с 1737 г. уже не является главной. Провинциальное управление сосредотачивается в Пермской канцелярии (Кунгур).

Далее можно переместиться в 1720–1730-е гг. XVIII в. Долгий реформаторский период с введением новых налогов и подушной подати подошел к концу. Новая налоговая система вместе с реформированными воеводскими учреждениями просуществует до 1770–1780 гг. XVIII столетия (автора интересует период до реформы административно-территориального деления Российской Империи при Екатерине II, поскольку источником выступают документы воеводских канцелярий Прикамья).

Активизация внешней политики повлекла за собой рост налоговых сборов и реформу армии. Отныне население платит подушную подать, но мелкие канцелярские сборы, многие из которых остались еще с XVI в., тоже исправно

фигурируют в отчетности воеводских канцелярий и наверняка расстраивают местных служащих своей множественностью и сложностью учета. С винной монополией и таможенными платежами все по-прежнему: они занимают самое большое место в бюджете канцелярии (до отмены таможенных сборов при Елизавете), а мелкие канцелярские сборы составляют в данной структуре незначительные суммы [8].

В ходе правления Елизаветы Петровны и Екатерины II канцелярские сборы постепенно отменяются из-за их малочисленности. Возможно, не последнюю роль тут сыграли сложности с их учетом и постепенное выбывание налогоплательщиков. Если предметно анализировать какой-нибудь объект налогообложения (например, мельницы), то останется только посочувствовать местным воеводам и чиновникам. Процесс учета был довольно трудоемким, а необходимость постоянно отчитываться перед вышестоящими инстанциями (казанскому губернатору и в другие учреждения) делала мелкий учет сложной задачей.

В Пермской провинциальной канцелярии, согласно настольному реестру 1780 г., общий приход составил 82 205,8675 руб. (не учтены соляная регалия и подушная подать, они собирались отдельно) [11]. К примеру, сборы с рыбных ловель в этом случае были менее 1 % от денежных средств, поступавших в распоряжение канцелярий [3, с. 632].

Следует отметить заметную тенденцию по сравнению с XVII в. – количество документации возрастает в разы. Многочисленные документы в канцелярии (рапорты, отписки, указы и т. п.) составляют папки с делами. Правительство Романовых хочет знать в деталях: какие налоги, в каком количестве, в какое время собираются.

Запрашиваются данные о недоимках, ценах на продовольствие для обеспечения штатных команд [9, л. 24]. При наличии недоимки по важным для государства поступлениям (подушная подать) правительство не стеснялось прибегать к различным репрессивным методам, в том числе и физическому насилию.

Реалии экономики того времени становятся все более разнообразными. В документации прослеживаются вексельные операции. Вместе с ними рядом существуют отданные на оброк угодья и мелкие медеплавильные предприятия. Известные крупные прикамские соляные промыслы соседствуют с разорившимися соликамскими династиями солепромышленников, которые из года в год оказываются должны казне.

Постепенно нарастает недоимка по ясаку, который собирается с манси. В XVII в. ясачное население еще платит соболиный ясак, к 1780 г. недоимка по нему исчисляется тысячами. Дело тут не только в выбивании пушного зверя, но и в сокращении числа налогоплательщиков в Прикамье. Даже лосиные кожи, которые канцелярия принимает вместо соболиных шкур, не компенсируют необходимый сбор (в 1730–1779 гг. накопилось более 4700 соболей в доимке) [10, л. 9об.–10об.].

В целом налоговая политика Романовых соответствует времени. Этот немного парадоксальный вывод связан с основным показателем: процентом недобора по основным налогам. Налоги собираются, казна получает деньги своевременно. Именно это и требуется государству. Часть устаревших сборов постепенно отменяется. Конечно, можно долго говорить о неэффективности отдельных категорий налогов (их десятки – валежный сбор, поступления

с домовых бань и т. п.), но свои деньги правительство Романовых с территории Прикамья так или иначе получало.

Российское государство в XVII–XVIII вв. добилось значительных успехов во внешней и внутренней политике в том числе благодаря изменению фискальных приоритетов и их адаптации к текущей экономической ситуации.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. – Санкт-Петербург: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – 30 см. Т. 3: 1613–1645. – 1836. – 496, 24, [4] с. № 72. С. 108–109. Приказано с Чердыни уплатить «для дальняго провозу – для крестьянские легости» с 8 сох по полутора рубля за четь (хлеба), всего 1200 р. А. А. Э. III. № 72.

2. *Веселовский, С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посешного обложения Московского государства. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Т. 2. – 442 с.

3. *Космовская, А. А.* Рыболовный промысел населения Прикамья и его учет в источниках 1720–1780 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3 (83). С. 626–635.

4. *Лисейцев, Д. В.* Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Федоровича (по материалам приказа Владимирской четверти) // Российская история. 2017. № 4. С. 17–35.

5. *Мацук, М. А.* Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век): [монография] / М. А. Мацук; Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории, 2007. – 216 с.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Соликамск. Д. 11.

7. РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 8.

8. РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 559.

9. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 28.

10. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 382.

11. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 415.

Круглый стол

**Дом Романовых:
пространство памяти**

ОБ «ОТКРЫТИЯХ» В ИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПО ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ССЫЛКИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА РОМАНОВЫХ. 1918–1919 ГОДЫ

Аннотация. В статье анализируются некоторые источниковедческие аспекты ряда следственных документов по делу о ссылке и убийстве членов Российского Императорского Дома.

Ключевые слова. Дом Романовых, Царская Семья, красный террор, следственные документы, Н. А. Соколов.

Выскажу некоторые методические и источниковедческие замечания на исследование известных документов по теме «Следствие по Делу об убийстве Царской Семьи, представителей Дома Романовых и лиц Их ближайшего окружения, разделивших с Ними трагическую участь».

Сюжет 1. В 1993 г. я подготовила к печати документы следователя по особо важным делам Омского Округного Суда Н. А. Соколова по Делу об убийстве Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Федоровны, Их Детей и верных слуг, погибших вместе с Ними.

Отбирая документы из тома следствия, я отложила некоторые из них в сторону, посчитав, что они малоинформативны. Среди них оказались следующие: Справка о том, что Н. А. Соколов получил 25 мая 1922 г. через князя

Справка: -

25 мая 1922 года в г. Париж Судебный Следователь по особо важным делам при Омском окружном Суде Н.А.Соколов получил через князя Юрия Алексеевича Ширинского-Шихматова книгу "Рабочая Революция на Урале", которая была получена названным лицом в г. Берлин.

Судебный Следователь

Н. Соколов

РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5. Л. 103.

Ю. А. Ширинского-Шихматова книгу «Рабочая революция на Урале»¹.

Протокол осмотра данной книги, где особо выделены страницы 3–26 с очерком П. Быкова «Последние дни последнего царя». Соколов перепечатал текст очерка и поместил его в Протокол, особо отметил «П. Быков, видимо, член Уральского областного совдепа в 1918 году». Соколов выделил в тексте очерка красным слово «сожжены». В следующем документе – «Постановление от 4 июня 1922 года» – Соколов отмечает «значение очерка для предмета настоящего дела» и постановляет признать книгу «вещественным по делу доказательством»².

¹ Полное название книги: Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург. 1921. См.: РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5. Л. 103.

² См. Л. 114.

ПРОТОКОЛЬ

о с м о т р а

вещественного доказательства.

1922 года июня 2-4 дня в г. Париж Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А.Соколовъ, въ порядкѣ 315-325 ст. ст. уст. угол. суд., производилъ осмотръ книги "Рабочая Революция на Урале" (л.д. 103 томъ II).

По осмотру найдено слѣдующее: -

Книга носитъ вышеприведенное заглавіе. Кроме того, на обложкѣ ея значится: "Государственное Издательство Уральское Областное Управление Екатеринбург 1921 г"

На лицевой сторонѣ внутренней обложки значится, что она подготовлена къ печати П.М.Быковым и Н.Г. Нипоркиным под общей редакцией Н.И. Николаева, а на обратной сторонѣ той же обложки, что она напечатана въ Екатеринбургской типографіи "Грани"

Книга представляетъ собой сборникъ разныхъ статей. Страницы 3-26 книги занимаютъ очерки П.Быкова "Последние дни последнего царя" Его содержаніе съ сохраненіемъ орфографіи представляется слѣдующимъ:

" Уральские рабочие горды не только своимъ активнымъ участіемъ въ пролетарской революціи, но и темъ, что на горахъ Урала, въ глубокихъ его недрахъ лежатъ ничтожные остатки тирана, заплатившего жизнь за вековой гнетъ и произволъ своихъ предковъ надъ русскимъ народомъ, надъ рабочими и крестьянскими обнищавшей и окровавленной страны.

Казнь Николая Романова и его семьи, совершенная рабочими Урала въ Екатеринбургѣ, для широкихъ массъ трудящихся прошла мало заметно. Уральские пролетарии въ дни казни бывшего царя были заняты организаціей обороны родного Урала.

В непрерывномъ грохоте битвъ, в течение трехъ лѣтъ потрясавшихъ еще не окрепшій организмъ Советской Россіи, не было времени остановиться на этомъ эпизодѣ рабочей революціи.

Теперь же, подводя четырехлѣтніе итоги борьбы уральскихъ рабочихъ за

И самым замечательным является вывод судебного следователя Соколова в документе «Постановление» от 10 июня 1922 г.¹ – «Основные факты, указанные Быковым и касающиеся исключительно самого факта убийства Царской Семьи, соответствуют фактам предварительного следствия».

Сразу встает проблема юридической оценки сделанного Соколовым вывода. Надо говорить о привлечении не только терминологических понятий, методик и методологий смежных с исторической наукой дисциплин, но и привлекать к изучению судебно-следственных документов специалистов юриспруденции.

Сегодня в новом расследовании обстоятельств убийства и сокрытия останков Царской Семьи этот документ в сопоставлении с другим документом – рукописный вариант статьи П. Быкова, который является одним из важнейших в доказательстве второго места сокрытия останков Царской Семьи и их верных людей. Новое прочтение черновика статьи П. Быкова явилось убедительным доказательством перевоза останков с Ганиной Ямы далее, в лес, и захоронение их. А не сожжение останков на Ганиной Яме, как заканчивается рассказ в очерке.

Сюжет 2. В этой связи появилась необходимость изучить Рукопись Воспоминаний П. Ермакова, которая полностью еще не была опубликована². 149 страниц рукописного текста!

Из рассказа Ермакова о проживании Царской Семьи в Тобольске для нас интерес представляют следующие

¹ См.: Л. 115.

² См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 434. Л. 1–149.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

1922 года іюня 4 дня Судебный Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ Окружномъ Судѣ Н.А.Сokolovъ, принявъ во вниманіе: -

1) что содержаніе очерка "Последние дни последнего царя" имѣеть значеніе для предмета настоящаго дѣла,

2) что принадлежность книги, въ коей помѣщенъ этотъ очеркъ, большевитскому источнику не представляетъ сомнѣній, во первыхъ, въ силу самаго содержанія очерка, а во вторыхъ, въ виду того, что авторъ его (Быковъ), видимо, былъ въ составѣ Уральскаго областного совдепа, какъ это видно изъ дѣла (л.д. 93 об. томъ 3), на основаніи 372 ст. уст. угол. суд.,
ПОСТАНОВИТЬ: - книгу "Рабочая революція на Уралѣ" признать вещественнымъ по дѣлу доказательствомъ.

Судебный Слѣдователь

Н. Сокolovъ

РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5. Л. 114.

листы архивного дела – 73–79. Здесь упоминается о той истории, которая стала знаком для руководства Советской республики¹. 27 декабря 1917 года в Благовещенской церкви дьякон Александр Евдокимов с ведома священника

¹ См.: Протокол № 59 заседания Совнаркома о переводе Николая в Петроград для предания суду. 29 января 1918 г. И Протокол № 66 заседания Совнаркома о подготовке следственного материала по делу Николая и его переводе из Тобольска. 20 февраля 1918 г. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 7. Л. 170а и Д. 8. Л. 204.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е .

1922 года июня 10 дня Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А.Соколовъ, рассмотрѣвъ предварительное слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ отрешагося отъ Престола ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Николая Александровича и ЕГО СЕМЬИ, нашла слѣдующее. -

25 мая сего года Судебнымъ Следователемъ была получена въ его распоряженіе книга "Рабочая Революція на Урале"

Она была осмотрѣна 2-4 июня сего года, при чемъ оказалось, что эта книга издана въ 1921 году въ г. Екатеринбургѣ органами, такъ называемой, совѣтской власти, и на обложкѣ ея значится: "Государственное Издательство Уральское Областное Управление Екатеринбург 1921 г."

Въ книгѣ оказалась статья, принадлежащая "П.Быкову" видимо, члену Уральского областного совдепа въ 1918 году, озаглавленная "Последние дни последнего царя"

Основные факты, указанные Быковымъ и касающіеся исключительно самого факта убійства Царской Семьи, соответствуютъ фактамъ предварительнаго слѣдствія.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что въ вышеуказанной статьѣ имѣются указанія, относящіяся также и къ убійству Великаго Князя Михаила Александровича, на основаніи 264 ст. уст. угол. суд., ПОСТАНОВИТЬ: обстоятельства, относящіяся къ убійству Великаго Князя Михаила Александровича, копіей сего постановленія и извлеченіемъ изъ акта осмотра названной книги отъ 2-4 июня сего года выдѣлить изъ настоящаго дѣла и приобщить къ дѣлу объ убійствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Судебный Следователь

Н. Соколовъ

бочему В.-Исетского завода - Петру Захаровичу Ермакову. Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было объявлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых - бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, "дядька" наследника и бывшая принцесса фрейлина, оставшиеся при семье, - около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном платье домашнем, т.к. спать всегда ложились позднее. Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны - все они должны умереть.

Неожиданное известие ошеломило осужденных и лишь бывший царь сказал вопросительно, - "так нас куда не повезут?"

Выстрелами из револьверов с осужденными было покончено.....

При расстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, в район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены.

XIII.

Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах.

О самом факте расстрела опубликовано было в местных газетах 23 июля.

В передовой статье "Уральского Рабочего" за этот день, тов. Сафаров, один из членов президиума Областного Совета, подписавшего

Алексея Васильева титуловал бывших царя и царицу Их Величествами, детей – Высочествами¹. История известна из публикаций. Для нас главное из воспоминаний Ермакова о тобольском периоде жизни Царской Семьи – события ноября и декабря 1917 г. Ермаков подчеркивает, что священнослужители устраивали колокольный звон после службы до тех пор, пока Семья не добралась до дома. Ермаков продолжает историю и упоминает, что в церковь была принесена чудотворная икона Божией Матери Абалакская, что у охраны и Тобольского Совета вызвало раздражение. Его рассказ о поступке священника Алексея Васильева и дьякона Александра Евдокимова и о реакции охраны и местной советской власти представляет интерес для понимания современной ситуации, связанной с проблемой «Отречение Императора Николая II».

Ермаков пишет, что в декабре 1917 г. в церкви дьякон провозгласил всей Царской Семье «Многолетие». Священнослужители были вызваны на допрос в местный Совет, где отрицали свою вину. Правящего епископа Гермогена Совет просил отправить священников под арест. Владыка Гермоген отправил их в Абалакский монастырь. Завязалась переписка Совета с епископом Гермогеном, который, ссылаясь на тексты Святых книг, заявлял, что по Священному писанию, Церковным Канонам, государственному праву и Каноническому праву, а также по историческим данным, находящиеся вне правления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана и соответствующих им титулов. Поэтому поступок священника

¹ См.: Газета «Тобольский рабочий». 1918. 6 января. № 1. С. 3.

Алексея Васильева и дьякона Евдокимова владыка Гермоген не считал проступком¹.

Для современной истории, связанной с исторической экспертизой следствия по идентификации останков, обнаруженных в 1991 году под Екатеринбургом, очень важным становится вопрос о юридической экспертизе архивных документов по истории «отречения» Императора Николая Александровича. Современное следствие должно провести не только генетические, судебно-медицинские, но и юридические государственно-правовые экспертизы. Точно так же требуется богословская экспертиза факта «отречения». Богословы должны представить на суд общественности историческую оценку произошедшим событиям 2 марта 1917 года.

Сюжет 3. В 1997 г. проходила выставка полученных от Правящего Князя Лихтенштейна Ханса Адама II документов следствия Соколова, приобретенных им для обмена с РФ на его фамильные документы, хранящиеся в Особом архиве РФ². Среди интереснейших документов был выложен в экспозиции документ из Музея современной истории, бывшего Музея революции. Это – «Расписка Я. Юровского и Г. Никулина о сдаче ими в Музей оружия, из которого они убивали императора Николая Александровича, Его Семью и Их приближенных».

Прошло много лет. И вот в руках документы Я. Юровского, которые выстроены в хронологии их написания. Каждый последующий документ Юровский отмечает

¹ См.: Л. 75–78.

² Выставка бала подготовлена ГА РФ, в который и поступили на государственное хранение документы следователя Н. А. Соколова.

фразой: «...ранее я говорил о местах захоронения тел...», «...в предыдущем рассказе указывал первое место захоронения и второе...» и т. д. Это позволило выстроить хронологию документов Юровского, подтвердить подлинность документов Юровского и достоверность рассказанных им фактов и событий.

В документе Юровского «Последний царь нашел свое место» (1922 г.) сказано, что «...ранее он указывал место первого и второго захоронения останков Царской Семьи». Какой же документ, на который ссылается в 1922 году Юровский? Это документ, который в историографии получил название «Записки» Юровского, вокруг которого и сегодня продолжается дискуссия на предмет, что этот документ – фальсификация, написанная академиком Покровским. Это неопровержимое доказательство – слова самого Я. Юровского об авторстве документа «Записки». И точно также в Расписке, данной директору Музея революции Мицкевичу, мы читаем приписку Юровского о том, что в 1922 г. им в ЦК партии были сданы его воспоминания о расстреле в Екатеринбурге Царской Семьи и Их приближенных¹. И еще, на документе Расписке – приписка Юровского: «Без разрешения ЦК ВКП/б для обозрения не выставлять. Я. Юровский. 13/III 27 г.»²

Почему такая приписка на документе Юровского от 1927 года? Приближался 1928 год – год 10-летия убийства Царской Семьи. Все, причастные к этому событию, хотели

¹ Речь идет о Воспоминаниях Юровского от 1922 года.

² На документе еще одна приписка Я. Юровского: «...подробности мною 22 г. переданы в ЦК партии. Я. Юровский». Подпись – автограф. Речь идет о Воспоминаниях Юровского «Последний царь нашел свое место».

Москва 13/II 28
В. Музей Революции

Директору Музея тов.

Мухомову!

Без разрешения ч.к. В.Р. и Ю.
Два экземпляра не высылать
авторитетно в. Кривошеин. 13/II 28.

Имел ввиду предложение
доставить в дар музею
Революции, в частности
для молодого поколения
вспомогательные документы
/ оружие казны Д. царя Николая
II его семьи, и остатки верхней
части до гроба гильдии / сшитого
несколько лет. передаю музею
два экземпляра находившихся
до сих пор у меня два револьве-
ра: один с системой Колет №
71905 с обоймой и семью патро-
нами. второй с системой Мау-
зер. за № 167177 с деревянным
кейсом - локтей и обоймой
патронов. Давать лишь

Копии того же по двум
револьвера, следующие:

Из кольта много был напав,
убит Николай, остальные
патроны одной миномет
на взрывной автомат. Кольет и

после чего задержанного мужа ушли
на допросившие дочери Николая,
которые были задержаны в
Африке из сплошной массы круп-
нейших бранных. И странную
офицерскую маскленку на Райгар-
ский помощник. израсходован
тоже целую неделю, натурно

1 причину странной офицерской
наилучше вернуть то стипендия или
и свободу владения оружием или
неудержной меркантильности вызванной
долгой возней с бранными
дочери / Б. Командой дома
освобождено мажорант в городе
Викториндере где содержится
Б. Марс Николай II с семьей в
1918 г. / До расстрела его в том
же году 16/III / Яков Михайлович
Юровский и помощник. Ком.
Григорий Петрович
Никитин. Свидетельствует
внешнегласное

Гл. Марс 1905 г. № партид.
150000 Красная армия. органы.

Я. Юровский

подписанной лично 22 г. передали в. ф. 12. партид. с. Марс.

Ген. В. К. № 1917 г. № 128185
Красноармейский боищацкий
Т. Юровский

20053/85

Воспоминания Юровского от 1922 года

написать воспоминания. По признанию чекиста М. Медведева (Кудрина), участники расстрела собирались и просили Ф. Голощекина испросить разрешение у И. Сталина. Сталин запретил публикацию воспоминаний об убийстве Царской Семьи¹. Почему? Вот вопрос, на который предстоит еще ответить. Советское руководство скрывало факт убийства всей Семьи, Их приближенных. В официальных объявлениях говорилось только о расстреле Царя Николая II. Нам известны документы – это телеграмма Уралоблсовета от 17 июля 1918 года, в которой сообщалось, что расстрелян царь Николай II, а семья эвакуирована в надежное место»².

В следственных документах Н. А. Соколова сохранилась переписка Миссии в Москве с МИД Германии о судьбе Царской Семьи. Переписка была с июня и продолжалась до августа месяца 1918 года³.

Запрет И. Сталина породил ситуацию, что трагическая история Семьи Императора Николая Александровича была закрыта. Сохранился документ – Рецензия А. Белобородова на брошюру Н. И. Николаева «Казнь царской семьи», отправленная в ответ на просьбу Отдела печати ЦК РКП/б.

Белобородов пишет: «Самый основной вопрос, который возникает, это нужно ли теперь писать о расстреле царской семьи, расстреле Михаила Романова в Перми и расстреле в Алапаевске Елизаветы Федоровны и великих

¹ В Журнале посещений И. В. Сталина есть отметка о визите Голощекина к Сталину именно в тот день, о котором говорят в своих воспоминаниях уральские чекисты – участники убийства Царской Семьи.

² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 8–9.

³ См.: Дело об убийстве Императора Николая II, Его Семьи и лиц Их окружения. Сост. Л. А. Лыкова. Т. II. М. 2015. С. 315, 319–325.

князей. Надо иметь в виду, что правительством официально было сообщено только о расстреле б. царя... Хотя в русской зарубежной печати и сообщалось о расстреле семьи Н. Романова, у нас было принято и не без основания на эти сообщения и «разоблачения» не реагировать. Едва ли есть основания теперь отступать от этой линии»¹.

Также была закрыта тема деятельности Императора Николая II и плодов ее. В учебниках истории оставались только рассказы о Петре I, Александре I – победителе Наполеона в Отечественной войне 1812 года и Александре II – освободителе крестьян, о реформе отмены крепостного права. О Николае II – крупницы, и те в негативном ключе!

Задача на сегодня для историков – восстановить справедливость! Показать плоды деятельности Императора Николая Александровича, благотворительность Царской Семьи, помощь раненым в госпиталях в годы Первой мировой войны. Раскрыть царившую в Семье атмосферу любви друг к другу в условиях ссылки в Тобольске и Екатеринбурге, которая должна стать примером семейных отношений в наше время.

Перестать повторять риторику и термины чекистов по отношению к Царской Семье, как, например, бывший царь, последний царь и т. д.

Сюжет 4. Какие выводы из данного источниковедческого анализа уже известных документов вытекают относительно изучения истории проживания в Перми, убий-

¹ См.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 1–2.

ства, сокрытия и поиска останков Великого Князя Михаила Александровича?

Еще в конце 90-х годов я впервые увидела документы из материалов Предварительного следствия судебного следователя по важнейшим делам Омского окружного суда Н. А. Соколова¹. В числе этих документов особое внимание привлекла телеграмма Быстрых, из Перми в Москву, Артузову, с рассказом Маркова о «захвате и расстреле б. Великого Князя Михаила Александровича». И фраза Быстрых в конце текста – «и запрос ВЦИКА о его расстреле наводит меня на мысль, что и президиум ВЦИК не уверен в этом». Я обратила внимание на дату документов – июнь 1921 года. Все это стало стимулом поиска новой информации о «старой» истории. Какие обстоятельства подвигли пермских чекистов и конкретно Маркова участвовать в переписке с ВЧК в июне 1921 года?

Еще ранее возник вопрос: а когда и как оказалось Дело Пермской ЧК внесенным в секретную опись № 3 фонда 588 в ЦПА при ЦК КПСС под заголовком «Материалы по делу о похищении бывшего великого князя М. Н. Романова² из-под ареста»?

Вот такие перспективы открываются в изучении архивных источников по теме наших научных исследований.

¹ Документы, содержащие обмен телеграммами Перми и Москвы в июне 1921 года о судьбе Великого Князя Михаила Александровича, были получены следователем Соколовым от председателя Высшего монархического совета И. Е. Маркова 21 июля 1922 года. См.: ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 4. Л. 38–41.

² Так в тексте.

Л. А. Лыкова

*Российский государственный архив
социально-политической истории*

А. Б. Мощанский

полковник полиции в отставке, г. Пермь

КАК БЫЛО РАСКРЫТО АЛАПАЕВСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. На основе архивных материалов рассказано об истинных обстоятельствах проведения предварительного следствия об убийстве членов Императорского дома Романовых в 1918 г. в Алапаевске и о том, кто на самом деле раскрыл это преступление.

Ключевые слова. Великие Князья, Князья Императорской крови; Дом Романовых, алапаевские узники, убийства, Верхне-Синячихинский завод, предварительное следствие, Алапаевский совет, Екатеринбургский окружной суд, милиция, член суда, судебный следователь.

Сегодня в кругах, интересующихся историей Отечества, наверное, трудно найти человека, не слышавшего об убийстве в ночь 18 июля 1918 г. в уральском городе Алапаевске высланных членов Императорского Дома Романовых: Великой Княгини Елизаветы Федоровна, Великого Князя Сергея Михайловича, Князей Императорской крови Иоанна Константиновича, Константина Константиновича (младшего) и Игоря Константиновича, сына Великого Князя Павла Александровича – князя Владимира Павловича Палей, а также управляющего делами Великого Князя Сергея Михайловича – Федора Семеновича Ремеза

и келейницы Великой Княгини Елизаветы Федоровны – сестры Марфо-Мариинской обители Варвары (Яковлевой). Их тела были найдены и опознаны, было произведено следствие, установлены виновные. В общественном сознании эти события обычно связываются с именем Судебного следователя Омского Округного суда по особо важным делам Н. А. Соколова, в феврале 1919 года принявшего к своему производству предварительное следствие. Однако любой исследователь, взявший на себя труд непосредственного знакомства с архивными документами, хранящимися в Государственном архиве Российской Федерации [2], может убедиться в несколько иной ситуации, связанной с организацией предварительного следствия и раскрытия преступления...

28 сентября 1918 года отряды Сибирской армии заняли Алапаевск. Командир батальона 18-го Петропавловского полка капитан Александр Александрович Куренков, занявший волостной центр – Верхне-Синячихинский завод, позднее писал [4]: *«Проверяя свой фронт, около 5 часов вечера, я вступил со своими конными разведчиками в Верхнюю Синячиху, где меня встретила депутация жителей этого завода, приведшая с собой нескольких чекистов местных и из г. Алапаевска, захваченных ими, когда последние пробовали бежать из этих мест. <...> После того, как я принял депутацию жителей завода, ко мне подошел глубокий старик в солдатской шинели, оказавшийся одним из последних дворцовых гренадеров Москвы. Как звали старика-гренадера, я не запомнил, но то, что он мне поведал, навсегда врезалось в мою память. Старик мне доложил, что был свидетелем убийства великих князей.*

<...> Поручив командиру 5-ой роты капитану Дорошенко выставить караул у шахты, я собрал представителей Верхне-Синячихинского завода в полковом штабе, сообщил им, что оставляю в заводе комендантом капитана Дорошенко и охрану, поручаю новому коменданту вести раскопки шахты и извлечение из нее убиенных великих князей». На самом деле комендантом военного гарнизона в Алапаевске стал командир 15-го Курганского Сибирского полка полковник Иннокентий Семенович Смолин, впоследствии оставивший свои воспоминания об этих событиях, которые были опубликованы в исследовании российского историка С. В. Фомина. В частности, И. С. Смолин написал [5, с. 7]: «Назначенное мною предварительное следствие скоро установило не только факт казни членов Царского Дома в Алапаевске, но и местонахождение их тел. Это оказалась одна из самых глубоких заброшенных шахт, если не ошибаюсь под № 7, верстах в 15 от Алапаевска». Поиски эти полковник возложил на вновь назначенного Начальника Милиции Алапаевского района штабс-капитана Анатолия Константиновича Шмакова. Штабс-капитан А. К. Шмаков организовал проведение дознания, розыски трупов, их опознание и осмотры.

Вот как это было [2, л. 8–17]: «Получив от Вас предписание постараться определить место казни б. Великих Князей, я комбинируя слухи, решил исследовать каменно-угольную шахту, запущенную с 1904 г. и находящуюся в 12 вер. от г. Алапаевска в вилке дорог: 1/ Верхотурского тракта и 2/ из Алапаевска в Верхне-Синячихинский дорог /неразб./ на урочище именуемом «Межевое». Результаты исследования оказались следующими:

7 Октября. Милиционер Тихон Павлов Мальшиков, которому я поручил вести расследование шахты, с своим помощником тоже милиционером – Федором Селюниным производил осмотр шахты. В помощь милиционерам было наряжено 6 человек рабочих из Нижне-Синячихинского завода. Производя очистку шахты от разного рода обломков и мусора, на глубине 6 арш. была обнаружена фуражка черного цвета с лаковым козырьком, лежавшая на первых палатах /перегородки/ которую опознали, как принадлежащую Великим Князьям. Далее были найдены ленты дамского фартука, завязанные узлами, которые висели на гвоздях обшивки на южной стенке шахты. Такое удачное начало подтвердило догадки и правильность избранного пути. Никаких вещественных доказательств в этот день не было более найдено. Все время работ было потрачено на извлечение из шахты жердей, деревянных столбов и проч., которыми она была завалена.

8 Октября. Те же милиционеры и наряд из 6-ти человек рабочих из того же завода, очищая шахту у восточной стенки /в машинном отделении/ около 12-ти час. дня нашли первый труп мужчины, заваленный обломками леса, сором и т. п... По документам, найденным при трупе, он оказался управляющим делами Великого Князя Сергея Михайловича – Федором Семеновичем Ремез. Во внутреннем левом кармане пиджака находился бумажник, в котором обнаружены следующие документы <...>

9 Октября. Продолжая отрывку шахты, около 12-ти час. дня <...> на глубине 16 арш. в ходовом отделении откопаны трупы 1/ мужчины 2/ женщины. Труп мужчины был одет в тройку темно-серого цвета. Голова повязана белым

батистовым платком. По найденным при нем документам он оказался б. Князем Владимиром Павловичем Палеем <...>

Труп женщины по документам и меткам на белье оказался фрейлиной Варварой Яковлевой <...>

10 Октября. Продолжая отрывку шахты, нашли трость орехового дерева светло-коричневого цвета и углубляясь далее извлекли труп мужского пола, который по найденным при нем документам оказался б. Великим Князем Игорем Константиновичем Романовым <...>

В 11 час. найден труп мужчины, который по меткам на белье оказался б. Великим Князем Константином Константиновичем <...> Около 3-х часов найден труп мужчины, который по метке на белье оказался б. Великим Князем Сергеем Михайловичем <...>

11 Октября около часу дня, найден труп, который по находившимся при нем документам оказался б. Великим Князем Иоанном Константиновичем <...>

Около двух час. дня открыт труп, который по меткам на белье и вещах оказался Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной <...>»

Продолжая действовать в рамках дознания, А. К. Шмаков попытался организовать вскрытие найденных тел через врача военно-санитарного поезда № 604 Клячкина. Медики успели произвести вскрытие только тела Ф. С. Ремеза, найденного первым. В процесс вмешался мало понимающий в уголовно-процессуальной процедуре полковник Смолин: «Не в меру усердные местные следственные власти решили соблюсти все следственные формальности и на этом основании подвергнуть все тела судебно-медицинскому вскрытию. К моменту моего прибытия туда

оказался уже вскрытым один из умученных – как значилось при найденном при нем документе – Ремиз. Вскрытие производилось в сторожке. По одним сведениям, это был лакей Великого князя Сергея Михайловича, по другим – доктор. Я приказал не производить дальнейшего вскрытия <...> Донеся по начальству об обнаружении мною в Алапаевске тел умученных Великих князей, я, впредь до прибытия из Омска или Екатеринбурга высших следственных властей приказал положить все тела в церкви, спешно изготовить цинковые гробы, сложить в церковной ограде каменный склеп и в нем намеревался совершить торжественное погребение мучеников. Но почему-то начальству (кстати сказать, не спешившему с командированием из центра следственных властей и, вообще, слабо реагировавшему на это событие) мое усердие не понравилось, и мне было приказано в суточный срок покинуть Алапаевск. Тем не менее это начатое мною дело было продолжено моим заместителем в Алапаевске Начальником дивизионной учебной команды капитаном Парфеновым, который не только совершил торжественное погребение Великих Князей при огромном стечении городского и сельского населения, но по моему поручению сфотографировал тела и все прочее, что имело отношение к этой страшной Алапаевской драме» [5, с. 8, 9]. Таким образом, военные власти не стали разбираться с юридическими тонкостями, проигнорировали организацию обязательных первоначальных следственных действий, предполагающих проведение осмотров, сбор вещественных доказательств и назначение судебно-медицинской экспертизы, уничтожили одежду мучеников и поспешили организовать траурные мероприятия.

«18-го Октября с/г. в 4 1/2 часа дня прах всех зверски замученных был положен в железные гроба в деревянных футлярах наглухо закрыты и перенесен в кладбищенскую церковь, где в присутствии 10 священников при двух диаконах была отслужена всенощная.

19-го Октября утром в 9 час. при многочисленном стечении народа, солдат учебного батальона, духовенства и представителей военной и гражданской властей гроб с телами б. Великих Князей был перенесен из кладбищенской церкви к Напольному училищу, где была отслужена лития. После этого процессия направилась в Троицкий Собор, в котором была отслужена обедня и прах был предан земле в наглухо замурованном склепе» [2, л. 16–17].

Информация о преступлении в Окружной суд действительно шла медленно: 6 октября 1918 г. Товарищу Прокурора Екатеринбургского Окружного суда Николаю Ивановичу Остроумову от командира 18-го Тобольского полка, участвовавшего во взятии Алапаевска, поступило сообщение о том, что, по имеющимся сведениям, алапаевские узники были живыми спущены за городом в шахту, которую взорвали при помощи гранат [6]. Остроумов изучил состояние дел и 10 октября за исходящим № 97 направил [2, л. 5] представление Прокурору Валериану Федоровичу Иорданскому. В результате чего на Члена того же суда Ивана Александровича Сергеева «*Постановлением Общего Собрания Отделений Суда от 11 октября 1918 г. возложено производство следствия по делу об убийстве в гор. Алапаевске бывших Великих Князей*» [2, л. 4; 2. Л. 7об.].

Однако И. А. Сергеев немедленно выехать в Алапаевск никак не мог. Именно в эти октябрьские дни в Екатеринбурге

до него впервые дошли материалы дознания, проведенного Екатеринбургским Уголовным розыском еще в конце лета, содержащие важнейшие сведения о свидетелях, подтверждавших сам факт события Екатеринбургского преступления. В частности, допрос охранника Дома особого назначения М. И. Летемина, который стал возможен только 18–19 октября. Завершив процессуальные действия, Сергеев выехал в Алапаевск.

На самом деле и Советская, и Сибирская власти стремились действовать «по закону», который основывался еще на основаниях законодательной и юридической практики Императорской России. Для обвинения того или иного лица в совершении преступления его вина должна была быть доказана объективными данными или свидетельскими показаниями. Этим и занималось предварительное следствие. Оперативная информация, полученная органами дознания, не являлась доказательной для суда, результаты обысков могли рассматриваться как косвенные доказательства, а указания тех или иных сторонних лиц на виновность подозреваемого могли быть оговором или заблуждением. Процесс раскрытия преступления разбивался на два этапа:

– производство неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, которые производил орган дознания. В данном случае это была Милиция Алапаевского района. Об обнаруженном преступлении и начатом дознании орган дознания должен был немедленно уведомить Прокурора. По выполнению этих неотложных следственных действий орган

дознания обязан был передать все материалы дознания Судебному следователю, который по отдельному поручению Прокурора Округного суда выносил соответствующее постановление и приступал к производству предварительного следствия;

– предварительное следствие – специальные, имеющие свои специфические, основанные на действующем Законе, процессуальные действия, производимые Судебным следователем, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в Суде в соответствии с Законом, в целях обеспечения максимальных гарантий установления истины и реализации прав участников процесса. Результатом деятельности Судебного следователя является доказательное предъявление обвинения лицу, обвиняемому в преступлении, и передача всех материалов по делу в Суд.

Таким образом, вмешательство военных властей в процедуру расследования убийства Великих князей в Алапаевске фактически приостановило раскрытие преступления, и Член Суда И. А. Сергеев оказался в ситуации, когда:

– первоначальные следственные действия были проведены только частично;

– должностное лицо, их организовавшее, – штабс-капитан А. К. Шмаков – был направлен в действующую армию, результаты дознания в суд не передал;

– вещественные доказательства оказались сожжены;

– виновность задержанных военными лиц доказана не была.

Для восстановления законной процедуры Иван Александрович должен был восстановить огрехи милицейского дознания и поздней осенью 1918 года оказался

на значительное время оторван от расследования убийства Царской Семьи в Екатеринбурге. 25 октября он произвел осмотр рудника и допросил [2, л. 35–37об.] первую свидетельницу по делу – Александру Сергеевну Кривову, которая служила «кухаркой при кухне того дома, где были поселены Великие Князья» и сообщила, что «часов около 12 дня; всех их было 6 человек; вооружены были револьверами и винтовками. С «большевиками» пришли четыре комиссара; из них я знаю по фамилии двоих: Щупова и Петра Старцева. Большевики и комиссары описывали все княжеские вещи, объявив, что повезут Князей на жительство в Синячихинский завод, отстоящий от Алапаевска верстах в 14-ти. Меня большевики очень торопили с обедом; обед я подала в 6 часов, и во время обеда большевики все торопили: «обедайте поскорее, в 11 час. ночи поедem в Синячиху». Я стала укладывать продукты, но большевики сказали мне, чтобы я отложила укладку и что я могу завтра привезти их в Синячиху <...> Утром я зашла к Михаилу Сергеевичу за табаком, но он сказал мне: «мне нельзя с Вами разговаривать, уходите, голубушка, домой; говорят, что Князей расстреляли». От Михаила Сергеевича я прошла в школу; на площадке лежали красноармейцы и сообщили мне, будто белогвардейцы ночью украли Князей и что одного бандита во время перестрелки убили и убитый лежит в хлеву. Окна в коридоре были разбиты брошенной бомбой. Впоследствии я слышала, что все это большевики проделали сами «для отвода глаз», а под видом убитого бандита притащили труп какого-то умершего австрийца».

26 октября Член Суда вскрыл склеп в Троицком соборе и «в присутствии нижепоименованных понятых, при Товарище Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда

А. Т. Кутузове, через младшего врача 20го Тюменского Сибирского Стрелкового полка М. П. Мультиановского, при ассистентах младшем враче военно-санитарного поезда № 604 М. В. Клячкине и враче Алапаевской заводской больницы К. М. Дубровиной производил судебно-медицинский осмотр и вскрытие трупов б. Великого Князя Сергея Михайловича, Князя Иоанна, Константина и Игоря Константиновича Романовых, б. В. Княгини Елизаветы Федоровны, графа Владимира Павловича Палей и монахини Варвары Яковлевой. Осмотр и вскрытие произведены под открытым небом, при пасмурной погоде, при температуре наружного воздуха в 2 градуса выше нуля по термометру Реомюра» [2, л. 38].

На этом Сергеев завершил первоначальные следственные действия, дал поручения Милиции о розыске выявленных возможных свидетелей и задержании лиц, возможно, причастных к совершенному преступлению. Затем вернулся в Екатеринбург, где на Михайловском кладбище предстояло произвести осмотр и *«разрытие могилы, обнаруженной чинами уголовного розыска по указанию свидетеля Антонова»* [1, л. 168–168об.], а также допросить вновь выявленных свидетелей по Екатеринбургскому преступлению.

В Алапаевск Иван Александрович вернулся через месяц, где благодаря деятельности Старшего Милиционера Тихона Павловича Мальщикова смог организовать эффективные розыскные мероприятия. Весьма примечательно содержание допроса [2, л. 57–60] в качестве свидетеля по делу самого Т. П. Мальщикова, который пояснил: *«3-го Октября я определился на службу старшим милиционером Алапаевской милиции. Начальник милиции штабс-капитан Шмаков отдал по милиции приказ о розыске тел*

убитых, Великих Князей, увезенных в ночь на 18-ое Июля сего года из Напольной школы, где они помещались, и с тех пор исчезнувших бесследно <...> Учитывая то обстоятельство, что, по слухам, Князей увезли по Синячихинской дороге, то прежде всего стал производить розыски в этом направлении и остановил свое внимание на старой заброшенной каменноугольной шахте, находящейся по Верхотурскому тракту верстах в 12 от Алапаевска, верстах в трех от В.-Синячихинского завода и саженьях в 15 вправо от тракта /считая направление от Алапаевска к Синячихе/. По прибытии на шахту я, на основании 258 ст. Уст. Уг. Судопроизв. в присутствии понятых произвел осмотр шахт при чем оказалось следующее: <...> Ствол шахты был завален вровень с поверхностью земли, но у западного края замечалась выемка, земля из которой разбросана на крышу ствола шахты. Насыпанный на потолке шахты слой земли оказался толщиной около 1/2 аршина; земля оказалась рыхлой, что указывало на то, что насыпана она была недавно. По снятии земли и раскрытии потолка, оказалось, что ствол шахты имеет в длину с запада на восток 4 с половиной аршина и в ширину с юга на север 3 аршина; у западной стенки шахты – ходовое отделение /бадейное/, у восточной – машинное отделение, а в середине – полати; оба отделения до самого верха сильно завалены разным хламом: обломками досок, бревен, огородных гнилых столбов и жердей. По очистке хлама, на глубине двух аршин от верхнего сруба в ходовом отделении найдены были зацепившиеся за гвозди обшивки изорванные, с завязанными узлами, белые ленты от женского полотняного фартука, с красной меткой около пояса «29». Далее, на глубине

четыре с половиной аршин на первых полатях, у северной стенки, найдена мужская фуражка из черного сукна с узорчатым черным шелковым околышем и лаковым козырьком. 8 Октября с теми же понятыми я продолжал очистку шахты от хлама и на глубине 2 с половиной сажень, в ходовом отделении, на ванкрутном пальце нашел белые с завязанными узлами ленты. По разборке хлама, в машинном отделении, у восточной стенки, на глубине 4 с половиной аршин, был обнаружен лежавший на правом боку труп мужчины средних лет, одетый в пиджак и брюки из темного трико <...>

Опись этим вещам и документам и осмотр их производил штабс-капитан Шмаков, сам же я их не осматривал. Трупы Князей, Княгини, Ф. С. Ремеза и монахини Варвары Яковлевой были перевезены в катаверную в городе Алапаевске и здесь были предъявлены служившей у Князей Александре Кривовой и проживавшим в соседстве с Князьями Павлу Яковлевичу Подкорытову и Ивану Гавриловичу Киселеву; по одежде и внешнему виду все трупы были опознаны именно за тех самых лиц, документы на имя которых были при каждом найдены. 18-го Октября, по приказанию Начальника Милиции, вся снятая с убитых одежда была предана сожжению, а 19-го Октября состоялось отпевание и затем торжественное погребение тел убитых в склепе, находящемся при Свято-Троицком Соборе гор. Алапаевска. Все составленные мною протоколы осмотра и очистки шахты я представил Начальнику Милиции Штабс-капитану Шмакову, а этот последний представил их, равно как и все вещи и документы, полковнику Смолину, командовавшему отрядом войск, оперировавших в районе Алапаевска.

Кроме поручения о розыске тел убитых Князей *никаких других поручений по расследованию преступления Начальник Милиции мне не давал и я, конечно, не имел права и не мог предпринимать никаких розысков без распоряжения и согласия своего начальства.*

Не слышал я, чтобы вообще по этому делу велись какие-либо розыски; Начальник Милиции Штабс-Капитан Шмаков ныне уже переведен в действующую армию и, насколько мне известно, он за все время службы своей в должности Начальника Алапаевской Милиции лишь снял показание с двух задержанных большевиков – Петра Старцева и Флегонта Кабакова и дознание увез с собой, отказавшись передать его при сдаче должности. Более по делу показать ничего не имею».

И Члену Суда Сергееву пришлось до конца 1918-го года оставаться в Алапаевске. С 11 по 29 декабря он провел более трех десятков допросов и очных ставок, в результате чего было вынесено «Постановление Члена Суда Сергеева от 28 декабря 1918 года о привлечении к следствию в качестве обвиняемых по 13 и 2 ч. 1453 ст. Уложения о наказаниях Алексея Александрова Смольникова, Василия Рябова, Николая Павлова Говырина, Петра Константинова Старцева, Петра Александрова Зырянова, Ефима Андреева Соловьева, Владимира Афанасьева Спиридонова, Ивана Павлова Абрамова, Михаила Иванова Постникова, Михаила Леонтьева Заякина, Василия Петрова Постникова, Евгения Леонтьева Середкина, Ивана Емельянова Черепанова, Петра Яковлева Кайгородова, Василия Павлова Говырина, Ивана Дмитриева Маслова» [2, л. 114–118]. Причем П. К. Старцев и Е. А. Соловьев были задержаны, допрошены, им было

предъявлено обвинение, и 29-го они были заключены под стражу в Екатеринбургскую Уездную тюрьму. Таким образом, с точки зрения уголовного процесса дело об убийстве Алапаевских узников было раскрыто и расследовано в установленный Законом срок, несмотря на имевшиеся организационные трудности. Дальнейшая работа по делу заключалась в розыске и задержании других обвиняемых, о чем Член Суда вынес соответствующее предписание *«Начальнику Милиции Алапаевского района о розыске лиц, причастных к следствию, от 21 Декабря 1918 г.»*. [2, л. 110–110об.]

Однако сам И. А. Сергеев в конце января 1919 г. получил Приказ генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса (от 23 января 1919 г. № 119) *«о передаче дела ему по повелению Верховного Правителя»* [2, л. 129]. Через два дня он вынес свое постановление о передаче дела [2, л. 130] и передал его. А в начале марта передал Н. А. Соколову всю оставшуюся переписку [2, л. 138–158]. Между тем Тихон Мальщикова, в соответствии с полученными от И. А. Сергеева указаниями, продолжил розыскные действия и задержал *«обвиняемого Ивана Павлова Абрамова»*, комиссара Делового Совета, члена Алапаевского Совдепа. Задержанного и материалы дознания он направил уже новому следователю.

Только 18 апреля 1919 года Соколов допросил И. П. Абрамова и вынес постановление [2, л. 180–185] *«о содержании его под стражей в Екатеринбургской уездной тюрьме»*. Следующее следственное действие Н. А. Соколова по этому делу состоялось более чем через месяц – 28 мая, когда он вынес Постановление *«об освобождении от задержания Александра Федорова Сафонова»* [2, л. 195], заведующего Алапаевской общественной лавкой, задержанного

в начале мая в ходе дознания Военно-следственной комиссии г. Алапаевска по факту организации распродажи вещей Великих Князей. Наконец, еще через два месяца – 30 июля 1919 г. в г. Ишиме генерал-лейтенант М. К. Дитерихс направил Соколову для приобщения к делу материалы «*подлинных актов дознания по делу об убийстве Великих Князей в г. Алапаевске, а также вещей убитых от 30 Июля 1919 года*» [2, л. 201–270об.], которые штабс-капитан А. К. Шмаков еще осенью 1918-го передал военной власти в лице полковника И. С. Смолина. На этом по «Алапаевскому делу» Судебным следователем Омского Округного суда по особо важным делам следственные мероприятия были приостановлены до июля 1922 года. Любой читатель, даже не юрист, может сделать выводы из написанного...

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1837. Оп. 4. Д. 1.
2. ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3.
3. ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 4. Д. 717.
4. Кур, А. А. Убийство Великих князей 18 июля 1918 г. // Еженед. «Знамя России» (Нью-Йорк, США). – 1961. – № 211.
5. Смолин, И. С. Алапаевская трагедия; убийство русских Великих князей большевиками. Рукопись. [Электронный ресурс] // Первопоходник (Лос-Анджелес, Калифорния, США). – 1972. – № 8. – Режим доступа: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/291251.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.05.2021).
6. Соловьев, В. Н. Пункт 10.2. Гибель членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в окрестностях Алапаевска 18 июля 1918 г. Рукопись // Проект Постановления о прекращении уголовного дела № 18/123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов». – 1999. Личный архив.

А. Б. Мощанский

полковник полиции в отставке, г. Пермь

Л. А. Лыкова

*Российский государственный архив
социально-политической истории*

ЧЛЕН ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА ИВАН СЕРГЕЕВ

Аннотация. На основе архивных материалов представлена биография члена Екатеринбургского Округного суда Ивана Александровича Сергеева, производившего предварительное следствие об убийстве членов Императорского Дома Романовых в 1918 г. в Екатеринбурге и Алапаевске.

Ключевые слова. Биография, член суда, Дом Романовых, убийства, предварительное следствие, Симбирская гимназия, Симбирский окружной суд, Екатеринбургский окружной суд, комитет общественной безопасности, судебный следователь.

Из архивных материалов дел предварительного расследования следует, что убийства членов Императорского Дома Романовых, совершенные летом 1918 г. в Екатеринбурге и Алапаевске, были раскрыты именно членом Екатеринбургского Округного суда Иваном Сергеевым. Между тем в 1919 г. на завершающем этапе следствия он был отстранен, дальнейшее производство по делу передано Судебному следователю Омского Округного суда по особо важным делам Н. А. Соколову. Ряд авторов (С. В. Борисова, Л. А. Лыкова, И. Ф. Макеева, Е. В. Шимонек) затрагивали проблему исследования биографии Сергеева, однако

в вопросах изучения личности этого незаурядного юриста остается еще много неизвестного. Исследования позволили узнать новое.

Иван Александрович Сергеев родился 6 августа 1872 г. в Симбирске, в православной семье фельдфебеля 4-й роты Симбирского Губернского батальона Александра Сергеевича и Натальи Яковлевны Сергеевых, о чем была сделана соответствующая запись [7; 8, л. 7] в метрической книге Тихвинской церкви. В семье были и другие дети, среди которых стал известен и его младший брат – Николай, родившийся в 1876 г. Александр Сергеевич при выходе со службы и переопределении в сословия записался как «временный купец». Дети военных могли претендовать на учебу в военной гимназии или городском училище. Однако в «Адрес-календаре лиц, служащих в Симбирской губернии» за 1875 г. нашлась запись о том, что в Губернской гимназии служит Старший фельдшер, Коллежский регистратор Агей Сергеевич Сергеев. Вероятно, поэтому Иван, а позднее и Николай попали на обучение с казенным обеспечением в Губернскую классическую гимназию, директором которой был Ф. М. Керенский, отец будущего главы Временного правительства, и которая выпустила таких своих выпускников, как: народоволец А. И. Ульянов, большевик В. И. Ульянов (Ленин), социал-демократы А. Ф. Аладьин, В. И. Ищерский, М. Д. Загряцков, прогрессист А. П. Толстой, кадеты П. П. Толстой, М. А. Малиновский и другие.

Иван был принят в гимназию в 1880 г., обучался 10 лет. В его аттестате зрелости имеется следующая запись [4, л. 18]: *«На основании наблюдений за время обучения в Симбирской гимназии поведение его было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также*

в исполнении письменных работ хорошее, прилежание усердное и любознательность по всем предметам удовлетворительная». Окончив полный восьмиклассный курс в 1890 г., он сразу поступил на Юридический факультет Императорского Московского университета. Младший из братьев Сергеевых – Николай с домашней подготовкой также поступил в 1-й гимназический класс в 1886 г. Окончил восьмиклассный курс в 1895 г. и поступил на Медицинский факультет Императорского Казанского университета. Иван Александрович Сергеев «по окончанию полного курса наук в ИМПЕРАТОРСКОМ Московском университете, по Юридическому факультету, с дипломом II-й степени, постановлением г. Старшего Председателя Казанской Судебной Палаты от 17 сентября 1894 года, состоявшегося по согласованию с г. Прокурором Палаты, определен в Гражданскую службу младшим кандидатом на должность Судебного ведомства при Симбирском Окружном Суде. Распоряжением г. Председателя Симбирского Окружного Суда от 24 сентября, состоявшегося по согласованию Прокурором Суда, командирован для занятий в камеру Судебного ведомства г. Симбирска. Таковым же распоряжением прокурора Суда от 31 декабря 1894 г. за № 84 поручено заниматься в камере прокурора Суда. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 27 мая 1895 г. за № 28 утвержден в чине Губернского Секретаря со старшинством с 17 сентября 1894 г.» [1, л. 1об.].

В Симбирском Окружном Суде Иван Сергеев прослужил почти четыре года. Работая в Гражданском отделении и в качестве секретаря при Прокуроре Суда, еще не принятый в судебное сообщество, начинающий юрист получил большой опыт судебной практики. После сдачи

соответствующего экзамена «Постановлением г. Старшего Председателя от 26 апреля 1896 г. за № 16, состоявшимся по согласованию с Прокурором Палаты, присвоено звание Старшего Кандидата на судебную должность с 20 апреля 1896 г. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 1-го августа за № 62, произведен за выслугу лет, в Коллежские Секретари, со старшинством с 17 сентября 1896. На основании именного ВЫСОЧАЙШЕГО Указа, от 26 февраля 1896 г. имеет серебряную медаль в память в Бозе почившего ИМПЕРАТОРА Александра III-го» [1, л. 2 об. – 3 об.]. С этого момента он стал иметь право самостоятельной юридической работы, и его начинают «обкачивать» на исполнении обязанностей по временно занятым должностям. «Журнальным постановлением Суда, от 23 мая 1897 года, поручено исправление должности Судебного Следователя 1 уч. Сенгилевского уезда, которую и исправлял по 30 июня 1897 г.» [1, л. 2 об. – 3 об.]. Затем следует исправление должностей: Судебного Следователя 2 уч. Симбирского уезда, 2 уч. Буинского уезда, 1 уч. Алатырского уезда, 1 уч. Сызраньского уезда. На деле – это новые производства предварительных следствий, подготовка их к передаче в суд. Кандидат в следователи неплохо справлялся со своими обязанностями, и ему определяют более ответственное исполнение службы – «Журнальным постановлением Суда от 2 мая поручено исправление должности Городского Судьи 2 уч. г. Сызрани, каковую исправлял с 25 июля по 28 августа» [1, л. 4 об.]. Наконец, на основании взыскательной оценки службы Иван Александрович Сергеев «Приказом по ведомству Министерства Юстиции, от 23 июля 1898 за № 37 причислен к Министерству Юстиции, с откомандированием к исправлению должности

Судебного Следователя 4 уч. Верхотурского Суда, округа Екатеринбургского Окружного Суда» [1. л. 4 об. – 5 об.]. Вновь «испеченный» молодой Судебный следователь направляется в Верхотурский уезд Пермской губернии, где работает сначала в 4-м участке (г. Верхотурье), затем в 5-м (Кушвинский завод).

При небольшом уровне зарплаты, затратах на канцелярию, находясь в постоянных переездах и разъездах, Иван Александрович не имел своего дома и не помышлял о помощи родителей, скромно проживающих в Симбирске. Оставалось только одно – своим добросовестным трудом строить карьеру и изменять ситуацию. Через непродолжительное время руководство Суда обратило внимание на молодого и способного следователя. При назначении на должность Судебного следователя Екатеринбургского Окружного суда 5-го участка Верхотурского уезда в Определении Общего собрания отделений Суда от 3 февраля 1900 г. было записано [3. л. 52]: *«Выслушав предложение председателя суда барона А. А. Медем – об избрании кандидата на должность суд. Следователя 5 участка Верхотурского уезда... находит справедливым перевести на этот участок, как находящийся сравнительно в лучших экономических и этнографических условиях, судебного следователя другого участка, находящегося в менее благоприятных условиях. На такой перевод... имеет право... Сергеев, как человек способный, трудолюбивый и отличающийся прекрасными нравственными качествами, а потому вполне заслуживающий перевода из заведываемого им ныне следственного участка с огромными разъездами и дурными путями сообщения».*

В следствии наиболее грамотный и положительно

зарекомендовавший себя работник становился Судебным следователем по важнейшим делам, которому поручалось ведение предварительного следствия по наиболее важным, трудным, многоэпизодным и межрайонным делам. К 1902 г. это место стало в Екатеринбургском округе вакантным. И 3 августа на Общем собрании отделений Екатеринбургский Окружной *«Суд остановил свой выбор на... титулярном советнике Сергееве, как вполне соответствующем обязанностям Судебного Следователя по важнейшим делам. Сергеев уже 4 года исполняет обязанности Судебного Следователя в самом бойком серьезном участке округа суда и успел заявить себя с самой лучшей стороны, как способный, трудолюбивый и энергичный судебный деятель, а потому назначение его на это место было бы весьма желательно для Суда»* [3, л. 73].

Вероятно, в эти же годы Иван Александрович поспособствовал переезду в губернию семье своего младшего брата. Николай *«был удостоен степени Лекаря с отличием, в чем имеет диплом от 30 ноября 1900 года за № 10565»* [2, л. 1 об.]. 24 июня 1901 г. его зачислили в запас чиновников Военно-медицинского ведомства по Ядринскому уезду Казанской губернии. *«Журналом, утвержденным за Министра Внутренних Дел Товарищем Министра 17 апреля 1904 года за № 606, определен Земским врачом Верхотурского уезда с правами государственной службы»* [2, л. 1 об.]. С переводом же старшего брата в Екатеринбург, младший перевелся в Красноуфимск, где продолжил службу сначала участковым врачом в с. Богородском, а затем в должности Врача Уездной земской управы. В 1911 г. был произведен в высший для штаб-лекаря чин – *«Надворный советник»* (7-й класс Табели о рангах).

Стоит отметить, что в Симбирской гимназии в одном классе с Николаем Сергеевым учился и Саша Наметкин. Это тот самый Судебный следователь Екатеринбургского Окружного Суда по важнейшим делам Александр Дмитриевич Наметкин, который начал следственное производство по делу об убийстве Царской Семьи. Научный сотрудник Ульяновского Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В. И. Ленина» С. В. Борисова сообщила, что, по данным Государственного архива Ульяновской области [5, л. 35; 6, л. 15 об., 87, 162; 9, л. 3–10, 14], Александр родился 6 марта 1875 г. в православной семье симбирского мещанина Дмитрия Яковлевича Наметкина. В 1885 г. он поступил в Губернскую гимназию. Окончил полный восьмиклассный курс. Выпускник 1895 г. Продолжил свое обучение в Императорском Казанском Университете, на Юридическом факультете, который окончил с дипломом II степени. В январе 1902 г. был определен младшим кандидатом Симбирского Окружного суда, исполнял должность помощника секретаря гражданского и уголовного отделений суда. В 1903 г. после успешно пройденных испытаний приказом Старшего Председателя Казанской Судебной Палаты утвержден старшим кандидатом. С 1903 г. по 1904 г. исправлял незанятые должности Судебного следователя в г. Симбирске, Симбирском, Алатырском уездах, а также Городского судьи г. Алатыря. В сентябре 1904 г. был официально «причислен к Министерству Юстиции» и назначен в Екатеринбургский Окружной суд Судебным следователем восьмого участка Верхотурского уезда. Он как бы копирует движение И. А. Сергеева по службе, который в марте 1905 г. переходит в Прокурорский надзор, становится Товарищем прокурора по второму участку

г. Екатеринбурга. Можно предположить, что земляки-симбирцы помогали друг другу и старались держаться поближе.

В надзоре наиболее грамотный и компетентный из Товарищей Прокурора становился «камерным», то есть находящимся в самом Суде и фактически – заместителем Прокурора Окружного Суда. В 1907 г. решением Общего собрания отделений Суда Иван Александрович Сергеев переводится на эту должность [10, с. 46]. Это было отнюдь не самое спокойное время службы. Из-за революционных волнений и вооруженных выступлений 1905–1908 годы стали самыми напряженными в работе Российских судов. Интересны статистические данные, собранные новосибирским историком Дмитрием Серовым [20]: *«По сведениям Министерства юстиции, в момент учреждения Екатеринбургского окружного суда в его штате состояло 22 следователя (включая одного следователя по важнейшим делам) в 1907 г. – 32 следователя (включая одного по важнейшим делам), в 1909 г. – 34 следователя (включая одного по важнейшим делам)... в 1907 г. в производство судебных следователей Екатеринбургского окружного суда поступило 5666 уголовных дел и еще 1585 дел прошлых лет не были завершены производством к 1 января 1907 г... Из упомянутых 5666 уголовных дел, возбужденных в Екатеринбургском судебном округе в 1907 г., 91 дело возникло по противоцерковным преступлениям, 52 дела – по государственным преступлениям, 90 дел – по преступлениям против интересов службы. В том же году в производство следователей Екатеринбургского окружного суда поступило 564 дела об убийствах (по этому показателю Екатеринбургский судебный округ уступал тогда соседним Пермскому и Уфимскому судебным округам, в которых таких дел*

было возбуждено соответственно 662 и 623)... По делам, расследовавшимся следователями Екатеринбургского окружного суда в 1907 г., в качестве обвиняемых было привлечено 2793 лица (по Пермскому и Уфимскому окружным судам данные показатели составили 2018 и 1564 лица)».

Несмотря на огромную нагрузку, камерный Товарищ Прокурора Суда работал во все свои возможности и уже через год получил рост по службе: «...приказом по гражданскому ведомству, от 4-го октября 1908 г. за № 66, назначен Членом Екатеринбургского Окружного Суда» [1, л. 6 об.]. На самом деле это назначение было скорее «реверансом» руководства Казанской Судебной Палаты: должность Прокурора оказалась вакантной, однако претендовать на нее не имеющий соответствующих связей в Палате Сергеев не мог. В то же время недавно назначенный Прокурором Пермского Окружного суда А. А. Гильков вынужден был согласиться на свой перевод в г. Екатеринбург в целях освобождения места сарапульскому Прокурору М. Г. Групильону [19, с. 438–453]. Утверждение в должности Члена Окружного Суда – это максимум карьерных мечтаний среднего судебного деятеля. Не многие в 36 лет могли похвастаться подобным. В этом качестве Сергеев продолжал честно служить в течение следующих десяти лет. Поощрения и награждения свидетельствуют о высокой оценке его труда: награжден орденом Св. Анны III степени, «25 апреля 1911 года за № 27, произведен за выслугу лет в Коллежские Советники, со старшинством с 17 сентября 1910 г. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован Орденом Св. Анны II-й степени (1 января 1913). На основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в 21-й день февраля 1913 года, предоставлено право

ношения ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной в память 300-летия Царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали. Согласно п. 1 отд. VIII закон 3-го июля 1908 назначено первая прибавка к содержанию из оклада 450 рублей в год с 4 октября 1913. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 30 марта 1915 года за № 16 произведен за выслугу лет, в Статские Советники, со старшинством с 17 сентября 1914» [1, л. 6 об. – 7об.].

Между тем постоянно занятый на службе Сергеев так и не нашел себе подходящую партию, оставался холост, изредка навещал брата и племянников. Сталкиваясь со сложными и трагическими судьбами жителей уральских заводов и одновременно имея тягу к созданию семьи, Иван принимает решение об усыновлении сироты: «*Определением Екатеринбургского Окружного Суда по гражданскому отделению 27 мая 1914 г. постановлено: усыновить коллежскому советнику Ивану Александровичу Сергееву сына крестьян Екатеринбургского уезда Полевской волости и завода Александра Матвеева и Татьяны Матвеевой Ромашовых, Александра, присвоив усыновленному фамилию Сергеев» [1, л. 2].* О его судьбе пока ничего не известно.

Февраль 1917 года судебные деятели Екатеринбургского Окружного суда встретили восторженно. Они одними из первых в Екатеринбурге направили верноподданническую телеграмму Временному правительству, которую подписали Председатель суда В. Н. Казем-Бек, Прокурор суда А. А. Гильков и Присяжный поверенный, общественный деятель Н. Ф. Магницкий [16, с. 64]. Вероятно, и Иван Александрович Сергеев также приветствовал приход к власти сына своего гимназического директора. Являясь активной и уважаемой в судебном сообществе фигурой,

он не мог оставаться в стороне от общественной жизни города и принял самое деятельное участие в формировании Комитета общественной безопасности (КОБ), председателем которого в Екатеринбурге стал лидер кадетской партии на Урале Л. А. Кроль. Управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка, член Екатеринбургского КОБ В. П. Аничков в своих воспоминаниях писал [11]: *«Наши левые коллеги по Исполнительной комиссии, рьяно ее посещавшие, стали постепенно охладевать к работам и кончили тем, что, являясь к началу заседания, демонстративно удалялись, как только председатель объявлял заседание открытым... Заседания же Комитета они посещали еще с месяц и кончили тем, что внесли проект слияния Комитета общественной безопасности с Советом рабочих и солдатских депутатов, предоставив Комитету очень малое количество мест, что делало наше пребывание там непродуктивным... я отказался выставить свою кандидатуру и избавился от тяготившей меня политической деятельности. В комиссию были избраны три социалиста и, кажется, два меньшевика. Это заставило Кроля, как кадета, уйти с председательского места, и председателем был избран И. С. Сергеев – член местного суда».*

Анализ публикаций екатеринбургской газеты «Зауральский край» за 1917 год показывает, что в апреле в Екатеринбурге состоялся Уездный съезд Комитетов Общественной безопасности, в Президиум которого «вошли: председатель гр. Архангельский (выбран единогласно), 2 товарища председателя: гр. Кореньков и Кудрявцев, 4 секретаря: гр. Котованов, Сергеев, Мокурин, Сорокин. Выборы президиума по желанию собрания производились открытой подачей голосов, но в отсутствие баллотируемых кандидатов» [13,

с. 3]. Почти одновременно в Екатеринбурге были произведены довыборы Гласных в Земское собрание, о чем газета сообщила [14, с. 3]: *«Обновление земства. Избраны новые следующие земские гласные: г. Гибалдин, Я. М. Захаров, Козочкин, Яговцев, Вяткин, Малянов, Пахтеев, Пентегов, Шершнев, Кореньков, Шелконодов, Сергеев, Бирюкова, Бедунов...»* На начало мая фамилия Кроль еще встречается в публикациях, а 25 мая в объявлении от имени Председателя Президиума КОБа уже стоит подпись Ивана Александровича Сергеева [15, с. 2]. В этом же номере газеты также сообщается [15, с. 3], что *«при Управлении милиции с 24 мая открываются курсы лекций для высшего административного персонала служащих при милиции. Первые лекции прочтет: А. Н. Бухман, И. А. Сергеев, И. Г. Упоров и А. Г. Хлопин»*. К июлю 1917 г. власть в городе постепенно полностью перешла в руки Советов, и роль КОБа сошла «на нет».

Примечательно, что через год после ухода Советской власти в Екатеринбурге вновь был создан орган самоуправления – Временный комитет Народной Власти. И опять в его состав от судебного сословия был делегирован И. А. Сергеев: *«Постановлением Общего Собрания Отделений Екатеринбургского Окружного Суда от 15/28 июля 1918 г. избран представителем Судейской корпорации в Совецание об образовании Временного комитета Народной Власти»* [1, л. 7 об.]. Комитет просуществовал всего неделю, с 25 по 31 июля 1918 года, его могильщиком стал все тот же Л. А. Кроль, позднее написавший [17, с. 72]: *«На следующий день я отправился к начальнику гарнизона полковнику Шереховскому... я предложил немедленно возстановить упраздненные большевиками городское и земское самоуправления, с предоставлением им всех присвоенных им по закону прав,*

ничего не говоря о Комитете Народной Власти: за исчезновением у него каких бы то ни было функций, он сам должен будет упраздниться». Взамен было создано Временное областное правительство Урала, которое с образованием Временного Всероссийского правительства передало ему все властные полномочия и прекратило свое существование. В результате этих перипетий к своему 46-му дню рождения Статский советник И. А. Сергеев оказался свободен от представительских обязанностей и смог вновь приступить к работе Члена Екатеринбургского Окружного суда, что оказалось весьма кстати: на него «Постановлением Общего Собрания Отделений Суда от 25/7 августа 1918 г. возложено производство предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя ИМПЕРАТОРА Николая II» [1, л. 7 об.].

Раскрытию содержания следственной работы И. А. Сергеева в Екатеринбурге и Алапаевске посвящены другие исследования автора [18]. Достаточно сказать, что к моменту передачи дел предварительного следствия И. А. Сергеевым и надзирающими Товарищами Прокурора были проведены все необходимые предварительные действия, осмотры и допросы свидетелей, исполнены экспертизы, на основании чего были сделаны соответствующие выводы о событиях, месте и составе преступлений, выявлен круг подозреваемых, ряд из которых был задержан, им было предъявлено обвинение и приняты решения об аресте. Однако в феврале 1918 г., несмотря на явно положительные результаты работы, генералом М. К. Дитерихсом, назначенным куратором следствия, труды Ивана Александровича Сергеева и его коллег были дезавуированы, был назначен новый следователь – Н. А. Соколов, дела

изъяты. В результате чего практическая работа затормозилась на два месяца, в ходе которых новый следователь ознакомился с материалами и описывал найденные вещи Царской Семьи, что, безусловно, является положительным моментом для исторических исследований, но отрицательно повлияло на результаты следствия: именно в тот день, когда Судебный следователь Омского Округного суда по особо важным делам вышел на ключевых свидетелей, могущих направить следствие к месту сокрытия трупов Царской Семьи, вышел приказ о немедленной эвакуации из Екатеринбурга. Останков не нашли...

В дальнейшем М. К. Дитерихс, стоящий на политизированной позиции, в своей книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», вышедшей в 1922 г., совершенно незаслуженно обвинил Ивана Александровича во множестве грехов и недостатков, обсуждение которых не является целью данной статьи. После чего имя Члена Екатеринбургского Округного суда Ивана Сергеева стало «притчей во языцах» и надолго вышло из исторического оборота.

Между тем И. А. Сергеев продолжил работу в суде. В июле 1918 г. вместе со всеми судебными деятелями эвакуировался в Семипалатинск, где следы его затерялись.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4369. Оп. 4. Д. 717.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 143. Оп. 1. Д. 1331.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 11. Оп. 11. Д. 653.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 730.

5. ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1001.
6. ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1009.
7. ГАУО. Ф.134. Оп. 10. Д. 11.
8. ГАУО. Ф. 454. Оп. 25. Д. 52.
9. ГАУО. Ф. 454. Оп. 32. Д. 45.
10. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1908 год. – Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1908.
11. *Аничков, В. П.* Екатеринбург–Владивосток (1917–1922) [Электронный ресурс]. – М.: Рус. путь, 1998. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/279197-ekaterinburg-vladivostok-1917-1922/toread/page-17>.
12. *Борисова, С. В.* Сергеев Иван Александрович // Выпускники и ученики Симбирской классической гимназии 1810–1918 гг. [Электронный ресурс] – Ульяновск: Государственный Историко-мемориальный Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», 2009. – CD-ROM.
13. Зауральский край – 1917. – 18 апр. (№ 84).
14. Зауральский край – 1917. – 21 апр. (№ 86).
15. Зауральский край – 1917. – 25 мая (№ 112).
16. *Константинов, С. И.* Властные и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. [Электронный ресурс] // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу», 2016. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlastnye-i-pravoohranitelnye-organy-ekaterinburga-v-1917-g/viewer>.
17. *Кроль, Л. А.* За три года (воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток: Своб. Россия, 1921.
18. *Лыкова, Л. А., Мощанский, А. Б.* Иван Сергеев и Царское дело. – Пермь: Тираж, 2020.
19. *Мохова, А. В., Мощанский, А. Б.* Михаил Павлович Группильон // Власть и Закон. Губернаторы и Прокуроры Пермского края. XVIII – начало XX в.: Сборник / Сост. Н. А. Зенкова, О. А. Мельчакова. – Пермь: Пушка, 2020.
20. *Серов, Д. О.* Судебные следователи Екатеринбургского окружного суда: организация и персональный состав (1874–1917) [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 4. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_14817.html.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ АЛАПАЕВСКИХ МУЧЕНИКОВ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается опыт работы по увековечению Алапаевских мучеников в отдельно взятом регионе России, где происходили события их земной жизни, и оцениваются перспективы продолжения этой работы.

Ключевые слова. Алапаевские мученики, канонизация, Восточная Пруссия, Первая мировая война, увековечение.

Одной из главнейших проблем церковной и патриотической работы в самом западном регионе России, безусловно, является слабая духовная укорененность православного населения на еще относительно недавно (по историческим меркам) немецкой земле. Огромное значение в этом смысле приобретают любые, даже самые незначительные, следы Православия в бывшей Восточной Пруссии, свидетельствующие о том, что эта земля исторически и духовно нам вовсе не чужая. И один из самых важных для нас видов таких следов – факты земной жизни святых угодников Божиих, связанные с нашим регионом.

Весьма значимым событием духовной жизни России почти три десятилетия назад стало установление церковного почитания преподобномучениц Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары [1], мученически пострадавших от безбожников в Алапаевске на Урале 5 (18) июля 1918 г., на другой день после убиения Царствен-

ных Стратотерпцев. К сожалению, тогда не был решен вопрос о прославлении всей группы Алапаевских мучеников, в которую, кроме названных угодниц Божиих, входят Великий Князь Сергей Михайлович, Князь императорской крови Иоанн Константинович, Князь императорской крови Константин Константинович, Князь императорской крови Игорь Константинович, князь Владимир Палей. Полностью же эта группа угодников Божиих была прославлена Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 г.

Чадами этой Церкви (в 2007 г., как известно, воссоединившейся с РПЦ Московского Патриархата) все Алапаевские мученики без изъятия почитаются как святые, им совершаются службы и пишутся святые иконы, в том числе и на территории России. Вопросом согласования месяцев слов после воссоединения РПЦ(з) с РПЦ МП занималась созданная при Священном Синоде специальная рабочая группа, последние сведения о работе которой в открытых источниках датируются 2015 г. [2].

Между тем двое из Алапаевских мучеников имеют особое духовное значение для Калининградской земли. Князь Иоанн Константинович сражался здесь в ходе Первой мировой войны в августе-сентябре 1914 г. в рядах Лейб-гвардии Конного полка, князь Игорь Константинович – в рядах Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Факты земной жизни этих угодников Божиих на земле бывшей Восточной Пруссии в настоящее время вызывают большой интерес православной и патриотической общественности региона.

На данный момент существует единственный пример увековечения памяти князя Игоря Константиновича на калининградской земле – в рамках проекта БФУ имени И. Канта «Дороги русского солдата». Этот проект появился два с половиной года назад и представляет собой установку информационных стендов в местах, связанных с россий-

ской военной историей. К настоящему моменту установлен 91 стенд в 74 точках 42 населенных пунктов на территории 13 муниципальных образований Калининградской области (то есть более половины муниципалитетов региона), их тематика их охватывает события с XIV по XX век. В некоторых точках стенды на местности установлены группами по два и более, объединяющими стенды по разным эпохам или разным событиям. Отмечается значительный интерес к стендам общественности муниципалитетов, в которых они установлены, в сочетании с необычайно низким уровнем вандализма (за два с половиной года работы проекта ни один стенд не был уничтожен или похищен).

И в самом начале проекта (в ноябре 2018 г.) на второй по счету его точке установка стенда оказалась сопряжена с созданием полноценного памятного знака. Речь идет о месте боя Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка

*Фото 1. Посещение памятного знака под Гвардейском делегацией
Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества
5 июня 2021 года*

под Тапиау (ныне Гвардейск) 26 августа 1914 г., в котором принимали участие члены Дома Романовых – троюродные братья Императора Николая Второго князья Гавриил, Олег и Игорь Константиновичи. Здесь, благодаря усилиям администрации Гвардейского городского округа и частного спонсора (Ф. А. Гущина из Москвы), появились не только информационный стенд, но и православный крест и памятный камень, место установки которых было вымощено тротуарной плиткой. Символика в виде православного креста связана с духовным статусом князя Игоря Константиновича, канонизированного в Русской Православной Церкви Заграницей, и по этой же причине имя князя на памятном знаке выделено особо. Место памяти было торжественно открыто 11 ноября 2018 г. (в день окончания Первой мировой войны) и освящено епископом Черняховским и Славским преосвященным Николаем, а 5 июня 2021 года его посетили участники Царских дней во главе с А. В. Громовой.

В настоящее время готовится создание аналогичного места памяти в поселке Гаврилово Озерского городского округа, где 11 сентября 1914 г. князья Гавриил и Игорь спаслись из болота под германским обстрелом. Проведена вся необходимая подготовительная работа, сформирован макет стенда, предположительно место памяти откроется 18 июля (в день убиения Алапаевских мучеников)¹.

В 2020 г. за счет средств Российского военно-исторического общества была осуществлена установка целых маршрутов стендов: поле сражения при Прейсиш-Эйлау (12 стендов), поле Фридландского сражения (10), поселок Дружба (6). Аналогичный маршрут предполагается создать и на поле Каушенского боя 19 августа 1914 г., где одной из упоминаемых фигур станет князь Иоанн Константинович, награжденный за участие в этом бою, и также

¹ Знак торжественно открыт 18 июля 2021 г.

впоследствии мученически пострадавший в Алапаевске и канонизированный¹.

Учитывая, что за более чем месяц Восточно-Прусской операции 1914 г. представители Дома Романовых (князь Иоанн Константинович в составе Лейб-гвардии Конного полка и князя Гавриил, Олег и Игорь Константиновичи в составе Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка) побывали в разных точках нынешней Калининградской области на территории примерно 10 ее нынешних муниципальных образований (от Краснознаменского городского округа на северо-востоке до, предположительно, Багратионовского на юго-западе), могут быть созданы и другие места их памяти – потенциал региона здесь достаточно велик. Однако для этого мы нуждаемся в помощи коллег из российских научных центров, так как доступная нам источниковая база чрезвычайно скудна.

Существует также большая нужда и в моральной поддержке, за которой мы обращаемся к Елисаветинско-Сергиевскому обществу.

Библиографический список

1. Деяние о канонизации митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского; 1848–1918), митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского; 1873–1922) и иже с ним убиенных архимандрита Сергия (Шеина; 1866–1922), Юрия Новицкого (1882–1922) и Иоанна Ковшарова (1878–1922), Великой Княгини Елизаветы (1864–1918) и инокини Варвары (1918) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/526284.html>

2. Святейший Патриарх Кирилл возглавил встречу рабочей группы по согласованию месяцесловов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://synod.com/synod/2015/20151015_mesyatseslov.html

¹ Маршрут из 9 стендов и памятный знак Великому Князю Дмитрию Павловичу и Князю императорской крови Иоанну Константиновичу торжественно открыт 19 августа 2021 г., в 107-ю годовщину Каушенского боя.

А. А. Жонсон
*внучатый племянник Н. Н. Жонсона,
секретаря Великого Князя Михаила Александровича
(г. Санкт-Петербург)*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Аннотация. В докладе рассказывается о памятных местах в Санкт-Петербурге и Гатчине, связанных с жизнью и деятельностью Великого Князя Михаила Александровича.

Ключевые слова. Дом Романовых, Великий Князь Михаил Александрович, Санкт-Петербург, Аничков дворец, Английская набережная, улица Миллионная, Гатчина.

Здравствуйте, уважаемые участники международной научной конференции! Я рад вас приветствовать из Санкт-Петербурга, родины Великого Князя Михаила Александровича и Николая Жонсона, его секретаря. От лица всех родственников Николая Жонсона, проживающих в России, за рубежом и от себя лично приветствую вас, историков и архивистов. Нам очень приятно, что память о невинно убиенных представителях Российского Императорского Дома и их верных друзьях и подданных, в том числе и о Николае Жонсоне, сохраняется в памяти людей, в истории России. Немалую роль в этом играют такие конференции, как ваша. Имена и великий подвиг всех друзей и приближенных Великого Князя Михаила, последовавших добровольно за ним в ссылку в Пермь и казненных по заведомо ложным обвинениям в 1918 году, достойны сохранения в нашей памяти и в памяти потомков.

Отрадно, что зарубежные и отечественные историки и архивисты имеют возможность поделиться своим богатым опытом, новыми открытиями и результатами своих

изысканий. Желаю всем участникам научной конференции успехов и эффективной, плодотворной работы.

За моей спиной – Аничков дворец, один из самых старых дворцов Санкт-Петербурга. Здесь, в этом дворце, 22 ноября (4 декабря по новому стилю) в 1878 году родился Великий Князь Михаил Александрович. Этот дворец – старейшее из сохранившихся зданий на Невском проспекте. В строительстве дворца принимали участие архитекторы Земцов и Растрелли, позднее зодчий Росси перепланировал некоторые интерьеры дворца.

А сейчас хочу предложить вам совершить вместе со мной небольшую прогулку по Санкт-Петербургу. Пройдемся по памятным местам. Мы находимся на Английской набережной перед дворцом Великого Князя Михаила Александровича. Дворец был реконструирован в 1913 году, а уже в 1914 году здесь располагался госпиталь для офицеров Русской Армии. Здание дворами выходит на Галерную улицу, дом 55. А это дворец Михаила Александровича со стороны Галерной улицы; буквально напротив, на месте этой школы, находилось Управление делами Великого Князя Михаила Александровича.

Большая Конюшенная. Этот двор – одно из памятных Романовских мест Санкт-Петербурга. Вы, конечно, узнали это здание, – тут находился магазин «Кодак» – любимое место фотолюбителей и профессиональных фотографов Петрограда. Совсем размещался находится ресторан «Медведь», где кипела жизнь с начала осени до конца весны. В этом ресторане Великий Князь Михаил Александрович встречался со своими друзьями во время обедов, в этом зале он проводил неофициальные и деловые встречи, заезжал на ужин после громких театральных и кинопремьер.

А сейчас мы на Миллионной улице, напротив дома 12. С исторической точки зрения это здание – одно из самых замечательных, знаменательных для истории России.

Именно здесь, на Миллионной улице, в доме 12, подписан последний Императорский документ – Манифест Михаила Александровича. Около 6 часов утра 28 февраля (13 марта) 1917 года Михаил Александрович и Николай Жонсон покинули Зимний дворец и направились на квартиру к князю Путятину. Можно представить, как Великий Князь Михаил Александрович и Николай Жонсон пробирались по ночной замершей заснеженной улице, как они поднимались по этим ступеням на третий этаж и долго ожидали, когда им откроют двери, и как были напуганы хозяева и прислуга в этой квартире ночным звонком в дверь. Что происходило здесь потом, я пересказывать не буду, вы знаете про это гораздо лучше, чем я.

А в субботу, 4 марта, Великий Князь Михаил Александрович в сопровождении Николая Жонсона отбыл под Петербург, в Гатчину. Сейчас мы в Гатчине, на улице Урицкого, бывшей Николаевской улице, где ранее располагался участок номер 28 и дом Великого Князя Михаила Александровича. Дом был куплен Великим Князем за 60 тысяч рублей у прежнего владельца – генерал-лейтенанта Константина Карловича Гернета. Участок при доме с несколькими одноэтажными флигелями был обширен и простирался от Николаевской улицы. Сейчас здесь многоэтажная застройка, единственное сохранившееся деревянное строение на бывшем участке Михаила Александровича – как раз это здание. Усадьба Великого Князя стала в Гатчине местом, где бывали многие известные в Гатчине и в России люди. Хозяева, особенно Наталья Сергеевна, были радушны и гостеприимны, в доме постоянно звучали музыка и песни.

И вот мы опять на набережной реки Фонтанки перед Аничковым мостом. Я от себя лично и от всех родственников Николая Жонсона еще раз хочу поблагодарить вас за вашу работу и желаю всем участникам конференции плодотворной и эффективной работы. Спасибо! До новых встреч!

О МЕСТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В ПЕРИОД ЕГО ПЕРМСКОЙ ССЫЛКИ

Аннотация. В статье излагаются результаты проведенного исследования по локализации места заключения Великого Князя Михаила Александровича в период его пермской ссылки – Тюремной Больницы.

Ключевые слова. Пермская губернская тюрьма, Тюремная Больница, Великий Князь Михаил Александрович, Пермская ссылка.

Буквально накануне нынешней конференции мы сделали, как нам кажется, небольшое открытие.

Часто в ходе данной конференции звучат слова о том, что все наши достижения в развитии Романовской темы – это прежде всего достижения Анны Витальевны Громовой: без нее не было бы ни Романовских Чтений, ни мемориализации целого ряда объектов, ни издания книг по теме. Во всяком случае в Пермском крае. И наше небольшое открытие является событием из этого же ряда.

Много лет пермские историки и архивисты изучают пермский период жизни Великого Князя Михаила Александровича. И как-то все успокоились на том, что в Перми есть объект, где Великий Князь провел последний период своей жизни, – это здание гостиницы «Королёвские номера». На этом здании размещены мемориальные доски,

у которых мы все были, а в ближайшее время, как мы надеемся, начнется музеефикация этого объекта. Другие места пребывания Великого Князя Михаила Александровича в Перми воспринимались достаточно умозрительно. Одно из этих мест – Меблированные комнаты при Благородном Собрании, другое – Губернская тюрьма. Оба они представлялись утраченными и недоступными.

Однако Анна Витальевна, со свойственной ей настойчивостью, предложила посетить и осмотреть вышеуказанные места. В прошлый ее визит в Пермь мы посетили здание бывшего Благородного Собрания. И хотя Меблированные комнаты как пристрой к нему все-таки были снесены, но здание Благородного Собрания стоит, там сейчас размещается Клуб ГУВД, в здании есть Музей ГУВД и есть стенд, посвященный Великому Князю Михаилу Александровичу.

После этого Анна Витальевна предложила разобраться с еще одним местом пребывания – с Губернской тюрьмой. Мне бы и в голову не пришло пытаться вторгнуться на территорию действующего объекта ФСИН, но, опираясь на настойчивость Анны Витальевны, мы с руководителем регионального управления ФСИН России генерал-майором Ю. А. Лымарем начали работу по определению здания, где в 1918-м году какое-то время провел Великий Князь Михаил Александрович.

Пользуясь случаем, хочу выразить большую благодарность Юрию Анатольевичу Лымарю и руководителю музея Следственного изолятора № 1 ГУФСИН Кокшаровой Людмиле Юрьевне, а также сотрудникам нашего архива, с которыми мы вместе в течение полугода собирали документы, способные пролить свет на эту страницу истории, и что-то из всего этого, как нам кажется, получилось.

Что же именно? Начнем с известных фактов. В Российском государственном архиве социально-политической истории хранится расписка исполкома Пермского Совета рабочих и солдатских депутатов представителям Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны о том, что в Пермь доставлены и приняты Великий Князь Михаил Александрович и сопровождающие его лица. Расписка датирована 17-м марта [1, л. 1–1 об.]. Таким образом, 17-го марта 1918 года Великий Князь Михаил Александрович точно уже находился в Перми.

Следующий известный документ – это Постановление Пермского губисполкома об аресте Великого Князя Михаила Александровича и заключении его в Тюремную Больницу. Параграф 4 в Постановлении гласит: «Заключить Романова в Тюремную Больницу, остальных в тюрьму под общий тюремный режим и информировать об этом Комиссариат Внутренних Дел» [4, л. 24]. Этот документ хранится в нашем архиве – в Пермском государственном архиве социально-политической истории.

Однако здесь возникает противоречие, поскольку этот документ датирован 25-м марта, в то же время в Государственном архиве Российской Федерации хранится телеграмма Великого Князя Михаила Александровича управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой об освобождении из-под ареста [2, л. 4.]. В телеграмме написано, что «Сегодня, 20-го марта, объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех в одиночное заключение в Пермскую тюремную больницу вопреки заявлению Урицкого о жительстве в Перми на свободе. Местная власть, не имея никаких директив центральной власти, затрудняется, как иначе поступить». Таким

образом, телеграмма Великого Князя в адрес Бонч-Бруевича датирована 20-м марта, то есть за пять дней до решения Пермского губисполкома. Соответственно, либо губисполком принял официальное решение задним числом, когда фактически оно уже было выполнено, либо принятое решение было положено на бумагу и выполнено только 25 марта 1918 года.

Информация вышеназванной телеграммы подтверждается телеграммой Великого Князя в адрес Луначарского, датированной 21-м марта, где он также пишет о том, что он сам и его спутники помещены в Тюремную Больницу [3, л. 14].

Ответ последовал через пять дней, то есть как раз 25-го марта: за подписью Бонч-Бруевича поступает телеграмма в адрес Пермского городского Совета рабочих и солдатских депутатов со следующим текстом: «В силу Постановления [имеется в виду Постановление Совнаркома, подписанное В. И. Лениным] Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти. Управделами Совнаркома Бонч-Бруевич» [2, л. 32]. И такая же телеграмма поступила в адрес самого Великого Князя [2, л. 33]. Эти телеграммы хранятся также в ГА РФ.

Что произошло дальше, достоверно сказать трудно, потому что собственное свидетельство Великого Князя – это письмо к Наталье Брасовой, опубликованное в рамках «Русского архива» и датированное 10-м апреля 1918 года, содержит следующий текст (опускаю вступление): «До сих пор, то есть до вчерашней ночи, мы сидели под арестом. Вчера утром нам было сказано, что нас выпустят, и мы провели томительный день в ожидании. Наконец в 11 часов вечера были освобождены, и мы немедленно

переехали в нанятые комнаты в “Королёвских номерах”». На самом деле толкование может быть двоякое: либо все-таки, несмотря на телеграмму Бонч-Бруевича, с 25-го марта и до 10-го апреля Великий Князь продолжал находиться в тюрьме, либо он был выпущен из тюрьмы, но находился под арестом, например, в тех же меблированных комнатах при Благородном Собрании. Этот вопрос, как нам представляется, требует дополнительного исследования.

Тем не менее, на основе процитированных мною документов, совершенно очевидно, что какое-то время Великий Князь находился в Тюремной Больнице. Это место до сих пор не было локализовано, мало того, существовало мнение, что здание Тюремной Больницы не сохранилось. Сложность проблемы заключается в том, что Пермская Губернская тюрьма за годы, прошедшие после революционных событий 1917–1918 гг., превратилась в сложный комплекс зданий, которые были надстроены вверх и в стороны, и теперь это своеобразный лабиринт, в котором очень трудно разобраться тому, кто там не проработал много лет. Ныне это учреждение называется «Пермский следственный изолятор № 1».

Для дальнейшего исследования нам пришлось также привлечь большой комплекс исторических документов. Прежде всего это Планы города Перми разных периодов. Как указано на Плане 1823-го года (Иллюстрация № 1) на этом месте уже стояла Губернская тюрьма: сначала – деревянное, а затем – каменное здание.

На более позднем Плане города, 1889-го года (Иллюстрация № 2), видно более детально: верхний прямоугольник с крестом – это, собственно, основное здание Тюрьмы, крестом отмечена церковь, которая входила в тюремный

комплекс. Ниже – пятиугольник неправильной формы – это территория Тюремной Больницы, включающая само здание больницы и двор с другими постройками.

На следующем подробном Плане города (Иллюстрация № 3) видно, что улица Вознесенская, начинающаяся от храма Вознесения, заканчивается у здания Тюрьмы. Линия улицы при этом продолжается рядом с основным зданием Тюрьмы, и, таким образом, улица проходит между основным зданием Тюрьмы и двором, где располагалась Тюремная Больница. Если посмотреть на этот детальный план внимательно, то становится ясно видно, что основное здание Тюрьмы, которое на плане изображено в виде каре, совпадает по ширине своего фасада с тюремным садом, который существует и сейчас, а здание больницы и прилегающий к нему больничный двор находятся рядом, через определенное пространство, которое является прямым продолжением улицы Вознесенской (ныне это улица Луначарского).

Теперь обратимся от Планов к фотографиям. На известных фото, сделанных до 1917-го года (они четко отличаются, потому что сразу после революционных событий, где-то в 1919-м году, главка над храмом была снесена), хорошо видно, что основное здание (здание храма) и по сторонам от него – два тюремных корпуса – это то каре, которое мы видим на Планах города. А вот дальше, справа, с высокими трубами, – это здание Тюремной Больницы (Иллюстрация № 4).

Если теперь посмотреть на следующее фото (Иллюстрация № 5), сделанное с другого ракурса, становится более четко видно расположение основного здания (высокое центральное), двух боковых корпусов и на переднем плане

справа – здание Тюремной Больницы. Между ними явно видно то самое расстояние, которое мы видели на карте, – продолжение Вознесенской улицы. Еще один снимок (Иллюстрация № 6) – это вид комплекса Тюрьмы сбоку и сзади. Здесь уже здание Тюремной Больницы (с высокими трубами) легко узнаваемо, оно на переднем плане, а за ним – основное здание Тюрьмы (вдалеке, с храмовой главой). Справа на фото – невысокое здание женского корпуса, который также находился на территории двора Тюремной Больницы.

Таким образом, локализовав здание Тюремной Больницы в его дореволюционном виде, мы попытались определить его местоположение сегодня. На современной спутниковой фотографии (Иллюстрация № 7) хорошо видно большое пространство слева, перечеркнутое диагональными линиями, – это тюремный сквер. Прямая линия ниже тюремного сквера – это улица Вознесенская, ныне – Луначарского. И мысленно можно прочертить улицу дальше того места, где она упирается в нынешний комплекс Следственного Изолятора № 1. На снимке все здания слиты воедино, то есть теперь это единый комплекс, но если прочертить прямую линию в створе улицы, можно отделить старое здание, в котором опознается каре, которое видно на старых фотографиях и Планах. Оно останется слева по фасаду, а справа окажется комплекс зданий, которые относятся к бывшему двору Тюремной Больницы. То есть на Схеме (Иллюстрация № 7) здания 1, 3, 6 и 4 – это старые здания Тюрьмы, а 2, 7, 5 и 8 – это то, что находится на территории бывшего двора Тюремной Больницы.

Таким образом, если следовать этой логике и тем фотографиям, которые были представлены выше, под цифрой

2 на Схеме значится здание, которое ранее было зданием Тюремной Больницы. Теперь оно надстроено на этаж, вокруг него появились пристройки, но и сейчас при непосредственном осмотре на территории следственного изолятора это здание опознается как здание бывшей Тюремной Больницы.

Таким образом, мы с полной уверенностью определили еще один мемориальный объект, где часть своего самого драматического периода жизни в Перми провел Великий Князь Михаил Александрович. Здесь мы также публикуем более детальные фотографии здания Тюремной Больницы, предоставленные нам Музеем СИЗО № 1 ГУФСИН (Иллюстрации № 8–13).

Я рад возможности на очередных Пермских Романовских Чтениях поделиться нашим небольшим открытием и еще раз подчеркнуть, что если бы не настойчивость Анны Витальевны Громовой, вряд ли бы мы открыли эту важную страницу нашей истории.

В подготовке данной статьи принимали участие сотрудники ПермГАСПИ: М. А. Старкова, С. В. Дагелине, Д. В. Смирнов, И. Ю. Федотова, И. В. Папулов, Е. О. Долгоаршинных.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 588. Оп. 3. Д. 4.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109.
3. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 125.
4. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 861.

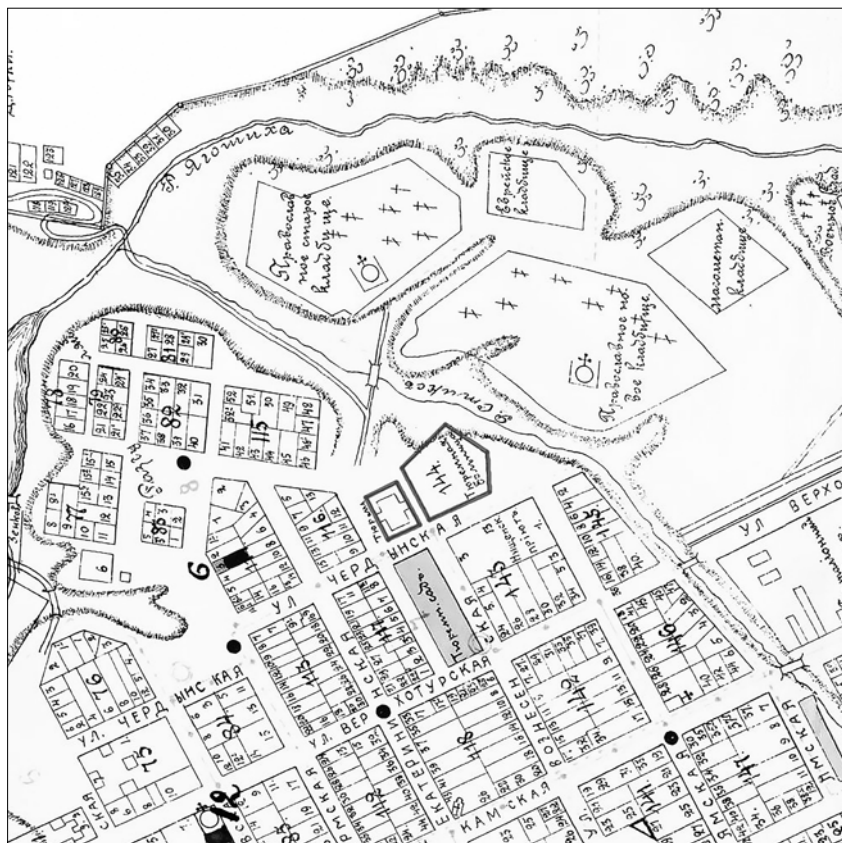

Иллюстрация № 3.
 Фрагмент плана города Перми 1908 г.
 ГАПК. Ф. 279. Оп. 2. Д. 832. Л. 1.

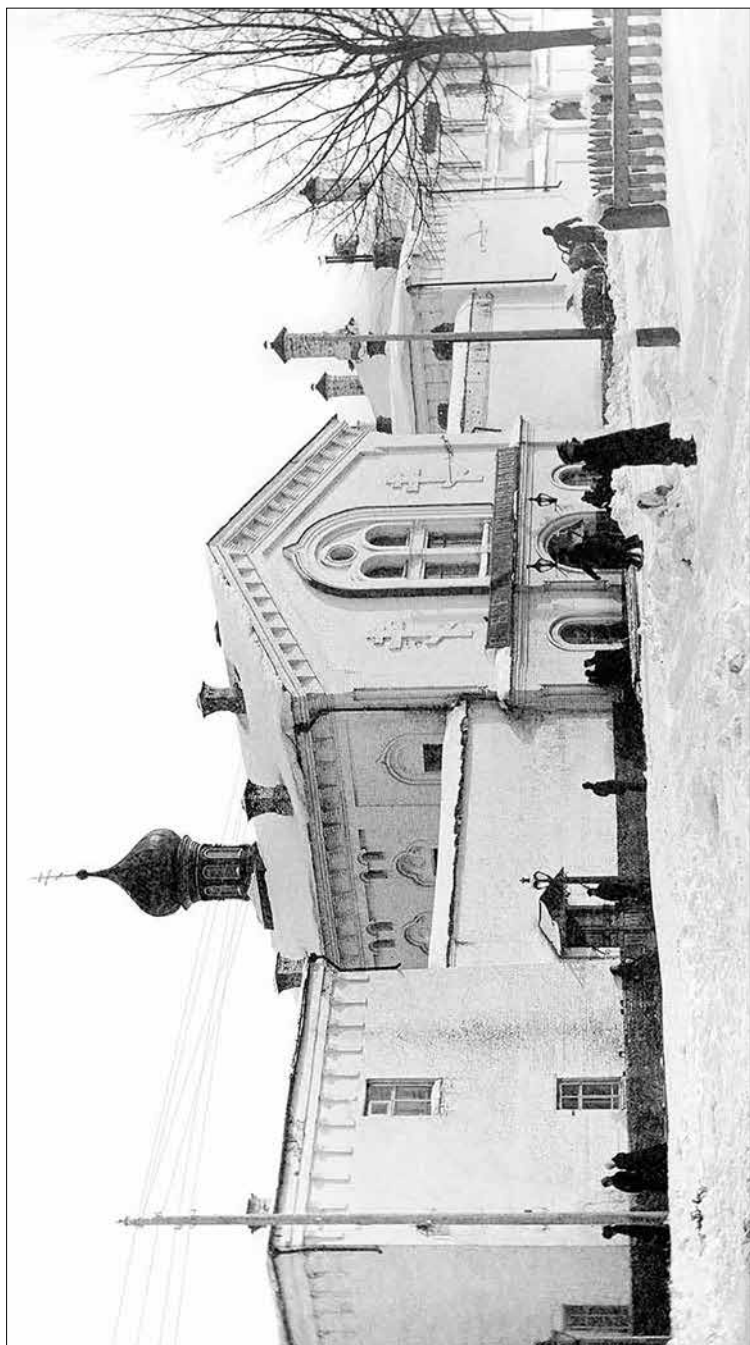

Иллюстрация № 4.

Фотография Пермской губернской тюрьмы. Вид со стороны улицы Чердынской
(ныне – ул. Клименко). Начало XX века.
ПермГАСПИ. ВПД

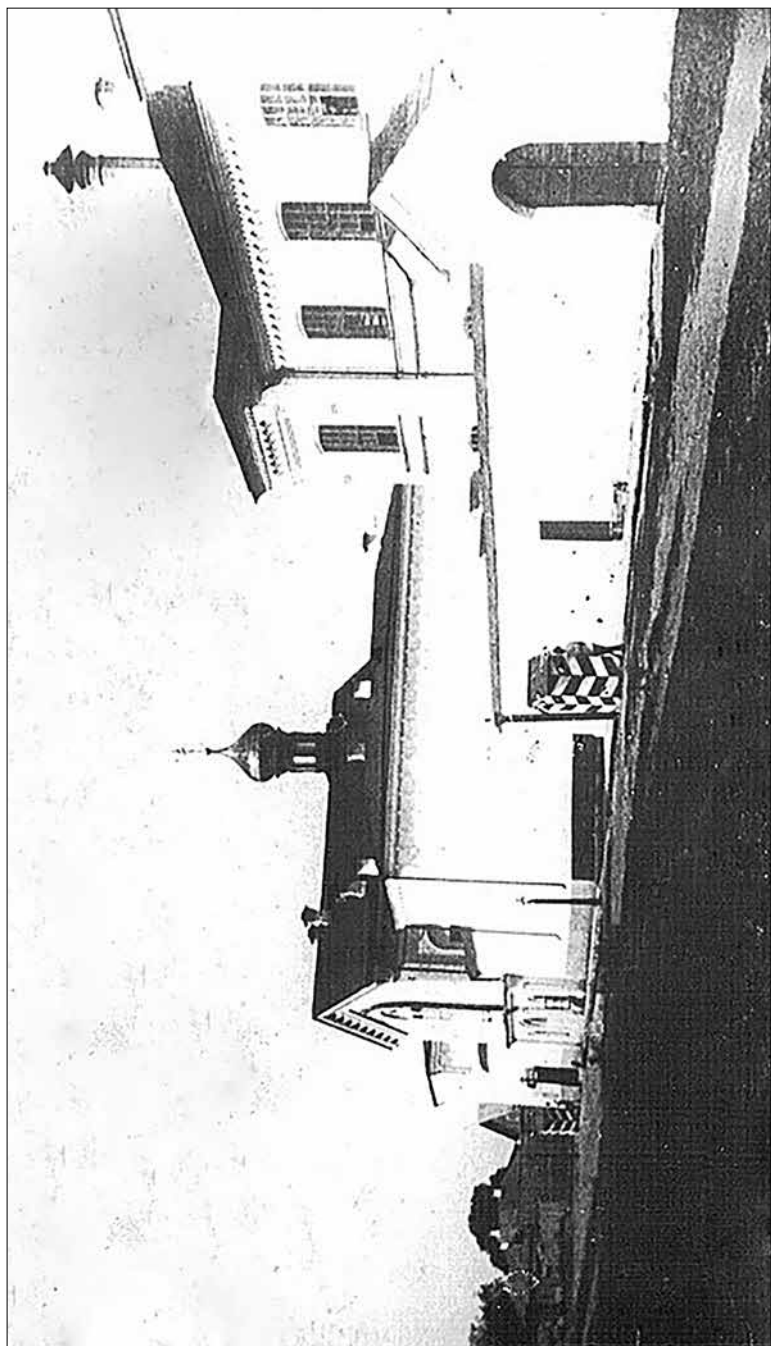

Иллюстрация № 5.

Фотография Пермской губернской тюрьмы. Вид со стороны улицы Чердынской
(ныне – ул. Клименко). Начало XX века.
ПермГАСПИ. Ф. 7331. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

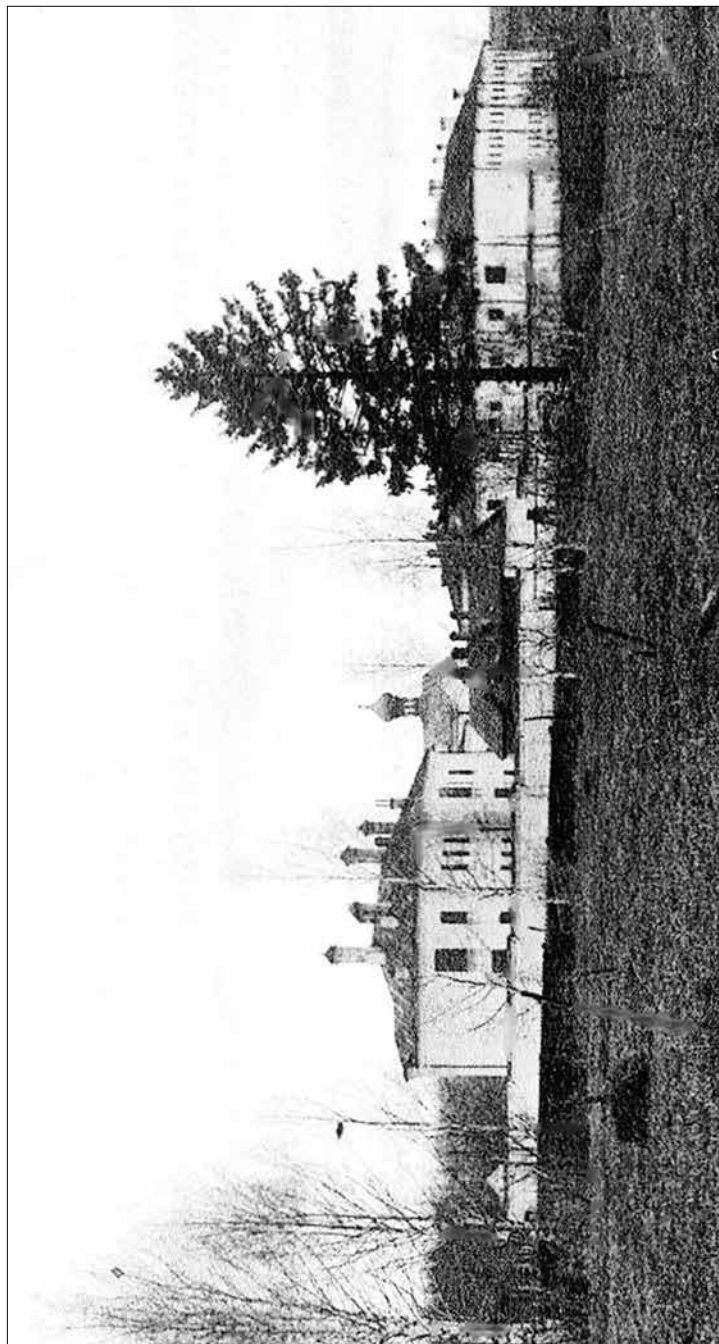

Иллюстрация № 6.

Фотография Пермской губернской тюрьмы. Вид со стороны улицы Большая Ямская (ныне – ул. Пушкина) ближе к долине реки Стикс. Начало XX века.

Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

1. Дежурная часть, сортировка (Бывшая церковь).
2. Медсанчасть (Больница). До 1919 г.
3. Следственная часть
4. Корпус № 1

5. Корпус № 5 / 7
6. Корпус № 2
7. Корпус № 3
8. Общежитие, жилой дом (Клименко, 24а)

Иллюстрация № 7.

Схема расположения зданий и сооружений ФКУС ИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю в городе Перми по адресу: ул. Клименко, 22. По спутниковому снимку. Электронный ресурс «Яндекс-Карты»

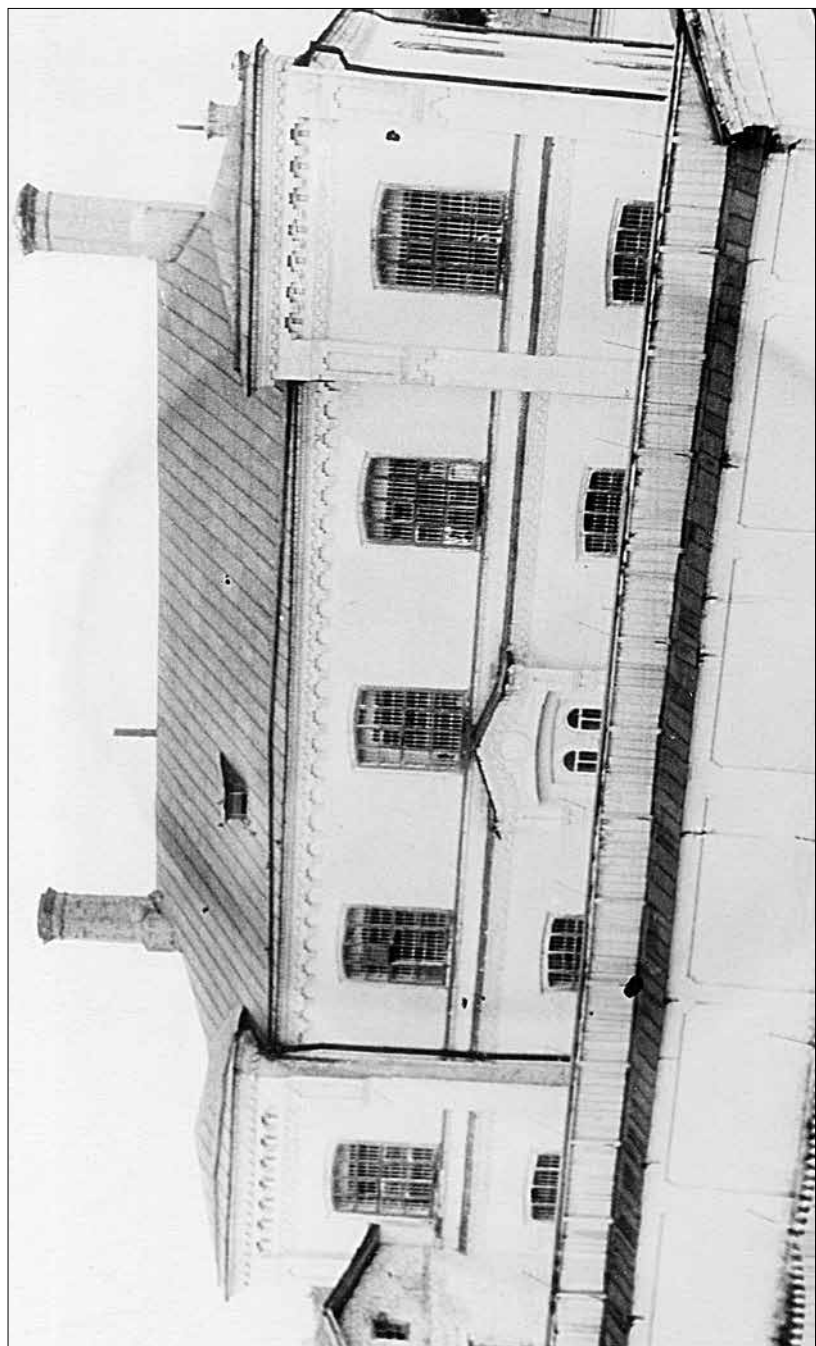

Иллюстрация № 8.

Фотография здания Пермской тюремной больницы. Фасадная часть со стороны улицы Чердынской (ныне – ул. Клименко). Снимок 1950-х гг.

Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

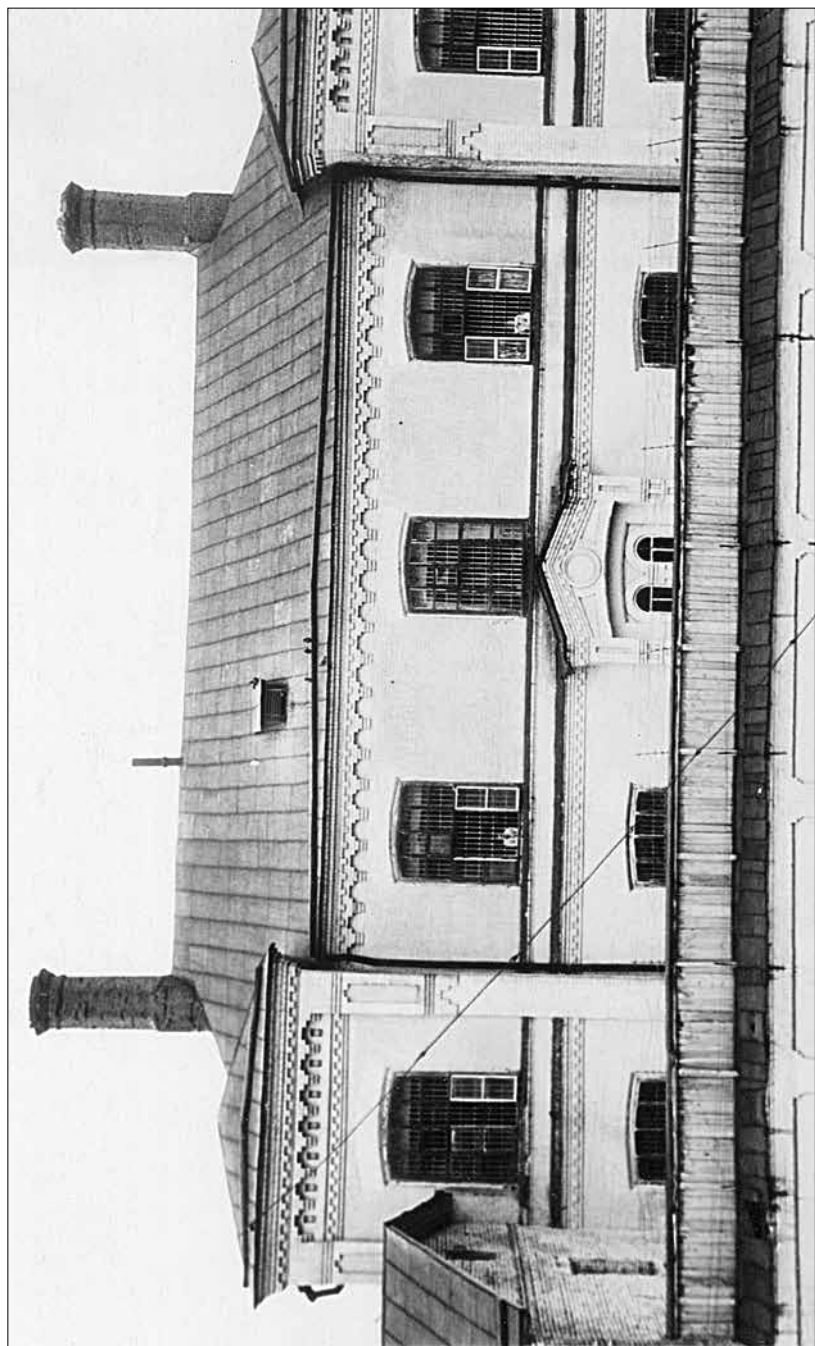

Иллюстрация № 9.

Фотография здания Пермской тюремной больницы. Фасадная часть со стороны улицы Чердынской (ныне – ул. Клименко). Снимок 1950-х гг.

Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

Иллюстрация № 10.

Фотография входа в здание Пермской тюремной больницы. Фасадная часть со стороны улицы Чердынской (ныне – ул. Клименко). Снимок 1950-х гг.

Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

Иллюстрация № 11.

Фотография коридора 1-го этажа в здании Пермской тюремной больницы. Снимок 1950-х гг.
Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

Иллюстрация № 12.

Фотография коридора 2-го этажа в здании Пермской тюремной больницы. Снимок 1950-х гг.
Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Пермскому краю

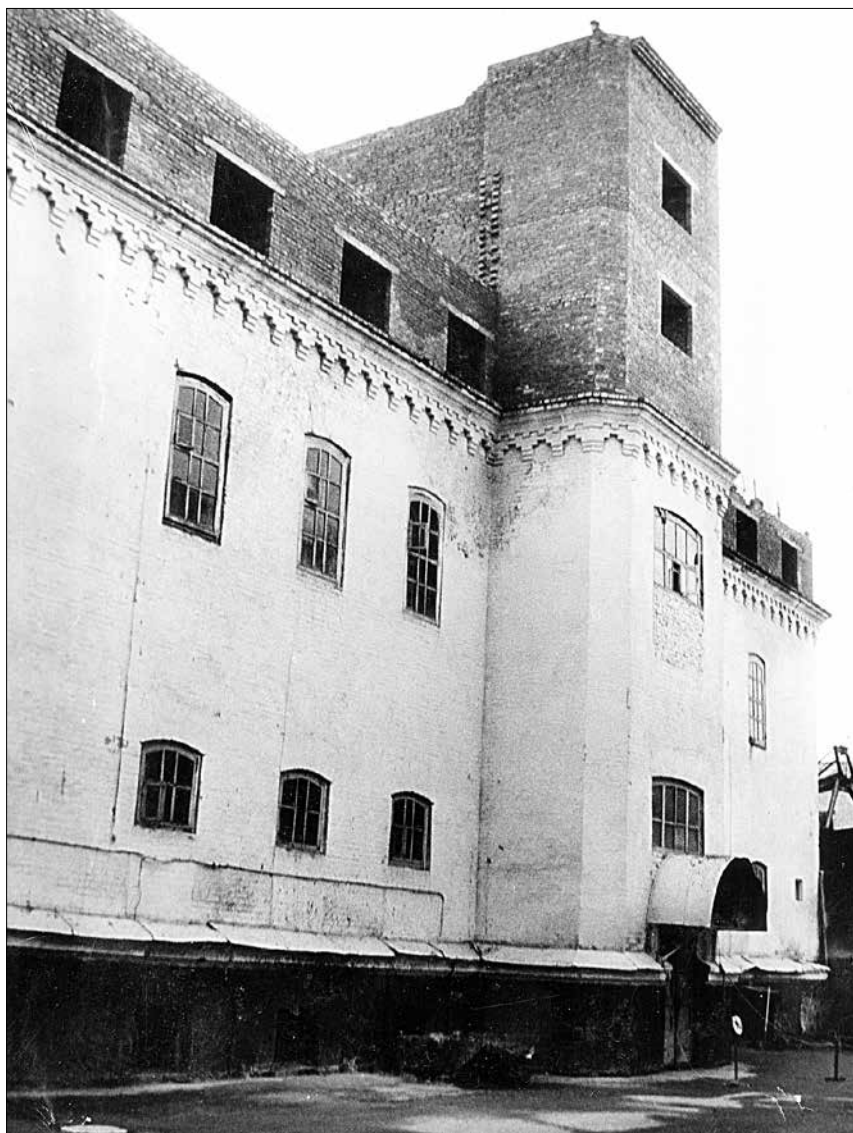

Иллюстрация № 13.

Фотография здания Пермской тюремной больницы, тыльная часть.

Вид со стороны двора и долины реки Стикс.

Здание в процессе перестройки. Снимок 1990-х гг.

*Фотография из архива Постоянно действующей экспозиции ФКУ СИЗО-1
ГУФСИН России по Пермскому краю*

Л. В. Перескоков

*Пермское краевое отделение Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры*

А. В. Перескокова

*Пермский государственный архив
социально-политической истории*

ДНЕВНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, 1892 Г.: МИР ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ДЕТСТВА

Аннотация. Личность человека формируется в детские годы. В этой связи важен анализ документов раннего периода жизни, которые помогут объяснить поступки героя уже в зрелые годы. В настоящем исследовании делается попытка заглянуть в детский мир Великого Князя Михаила Александровича по материалам его дневника 1892 года и писем отцу во время отъезда Императора.

Ключевые слова. Великий Князь Михаил Александрович, Царские дети, семья Александра III, Романовы.

Исследователи, занимающиеся изучением истории Династии Романовых, редко уделяют внимание детским и юношеским годам Великих Князей, особенно если это не будущий император. Так случилось и с Михаилом Александровичем¹, последним сыном Императора Александра III.

¹ Великий Князь Михаил Александрович родился 22 ноября 1878 г. в семье Цесаревича Александра Александровича (будущего Императора Александра III) и Великой Княгини Марии Федоровны (датской принцессы Марии-Софии-Фредерики Дагмар) в Аничковом дворце Санкт-Петербурга. Он был пятым, предпоследним ребенком у родителей. (Второй сын, Александр Александрович, умер в младенчестве.) Различия в возрасте между Михаилом и его здравствовавшими старшими братьями Николаем и Георгием составляли соответственно 10 и 7 лет, что было достаточно для разделения детей на старших и «маленьких». У Михаила не было общего детства с братьями, поэтому он больше общался с сестрами Ксенией, которая была старше его на 3 года, и Ольгой, младше на 3 ½ года.

Осенью 1878 г. семья наследника престола Александра Александровича, в ожидании родов, переехала в Аничков дворец Петербурга. По такому случаю 22 ноября¹ в столицу вернулся Император Александр II и его брат Великий Князь Михаил Николаевич. В тот же вечер пушечные выстрелы с Петропавловской крепости возвестили о рождении Великого Князя Михаила Александровича. Цесаревич Александр Александрович записал, в частности, в своем дневнике: «<...> И в ½ 10 ч. родился Михаил Александрович. Мини² и я были страшно счастливы и благодарили Господа за Его милость к нам и что Он благословил мою милую душку жену. Эта минута всегда торжественная и оставляет глубокое и сильное впечатление, и подобные минуты в жизни не забываются. Слава Богу, все шло отлично... Я счастлив! Очень счастлив!» [1]. Из этой записи видно, насколько желанным был новорожденный ребенок для Александра Александровича, и не случайно впоследствии он стал любимцем в семье.

Для монархии вопрос наследования престола имеет первостепенное значение. Поэтому уже в ранние годы среди Царских детей определяются роли, которые они будут исполнять на протяжении всей последующей жизни. Наследником престола являлся старший сын Николай, а все остальные дети должны были принять традиции престолонаследия. В этой связи о детских годах Михаила нам известно мало, в основном по воспоминаниям других членов его семьи.

¹ Все даты до 1918 г. указаны по юлианскому календарю, а с 26 января 1918 г. – по григорианскому.

² В близком семейном кругу Марию Федоровну, супругу Александра Александровича, звали Мини.

Вопрос осложняется еще и тем, что на сегодня известных источников детского и юношеского периода Михаила Александровича имеется крайне мало. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранятся детские дневники за несколько лет. Дневник Михаила Александровича за 1892 год¹ – наиболее полный, есть также его письма отцу Александру III² и письма старшему брату Николаю³, которые, однако, относятся в основном к более позднему периоду.

Михаилу Романову на момент написания дневника было тринадцать лет, но, будучи мальчиком высокого роста, он выглядел старше своих лет. Курс обучения Великих Князей и Княжон базировался на гимназической программе. Мальчикам в старших классах преподавались дополнительно военные дисциплины.

Итак, коротко о дневнике и письмах.

Дневник начинается с 01 января 1892 г.

«Утром я пошел гулять. В одиннадцать часов мы все пошли в Аничковскую церковь. После завтрака пошли в сад с гостями. Вечером играли в жгуты» [2].

Распорядок дня (понедельник – суббота) достаточно жестко установлен.

Подъем обычно происходил в 7.45, просыпался, судя по всему, Михаил сам.

Учеба продолжалась примерно с 8 часов утра до 1 часа дня. В учебный день предусматривалось по 5–6 уроков.

¹ ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.

² ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 900. Письма Великого князя Михаила Александровича к Императору Александру III, 1884–1892.

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Письма Великого князя Михаила Александровича к Императору Николаю II, 1882–1917.

Перед завтраком, который был обычно в 1 час, Михаил успевал погулять по саду минут 15–20. Но не надо думать, что до часа дня дети были голодные – примерно посредине между подъемом и завтраком пили чай или кофе (возможно, с выпечкой).

В период, когда Михаил жил в Аничковом дворце (до марта 1892 г.), на завтраках, кроме членов семьи, обычно присутствовал кто-нибудь из гостей. Так, 16 января 1892 года за завтраком был шведский наследный принц с адъютантами, князь Долгорукий, граф Воронцов, князь Шаховской.

«16 января. «Встал в 7 и 3/4. Было 5 уроков. Завтракали 1 час. Были шведский наследный принц и его адъютант, Долгорукий, граф Воронцов и князь Шехавской. 3 часа папа, Ники, мистер Heath, Беби и я работали в саду у нашего дома. После этого катался в манеже. Лег в 9 часов»¹ [3].

После завтрака Михаил обычно занимался различными практическими делами: часто столярничал, летом обязательно работал в саду, катался на велосипеде, на лодке или байдарке, ездил верхом, зимой чистил дорожки от снега, катался с братьями и сестрами с горки, катался на коньках. Дети любили просто гулять по паркам, посещали зверинец, имевшийся в Гатчинской резиденции Царя.

Михаил всегда был в компании с младшей сестрой Ольгой, которая была ему близка по возрасту. В дневнике Ольгу он называет Беби.

17.30 – 18.00 – обед.

После обеда обычно приезжали гости. Дети играли, танцевали, занимались гимнастикой, ставили пьесы, которые потом показывали взрослым.

¹ В цитатах сохраняется авторская орфография.

Ложился спать Михаил в 9 часов вечера. Перед сном давали молоко.

По воскресным дням вся Царская семья с утра ехала на службу в церковь. Там же был воскресный завтрак.

В воскресные и праздничные дни обычно приезжало много гостей. Дети развлекались играми, на Рождество ставились спектакли, на Пасху дети дарили подарки своим учителям, гувернерам и служащим дворца.

В связи с опасностью покушений и терактов Александр III принимает решение переехать со всей семьей в Гатчину. Император ранее часто и подолгу уже бывал в Гатчине, так что выбор не был случайным. Переезд из Аничкова дворца Санкт-Петербурга в Гатчинский дворец состоялся 12–13 марта 1892 г. Гатчина отныне и на последующие два с половиной года становится столицей Российской Империи.

С этого времени Александр Александрович смог больше внимания уделять детям. Сыновьям он передавал навыки владения оружием. Михаил теперь стал каждый вечер перед сном, в 8 часов, приходиться к отцу в халате и с оружием. Занятия длились один час.

Как известно, Великие Князья должны были вести дневники в обязательном порядке. Но так как Михаил Александрович был еще достаточно юн, ему, видимо, иногда просто не хотелось или он не успевал сделать записи в дневнике. В таком случае ему на помощь приходил кто-то из воспитателей. Так, видно, что периодически дневник заполняется другим человеком, судя по почерку – взрослым.

Иногда в дневнике сообщается, что Михаил убил ворону, галку или крота. Особенно доставалось воронам. И такие поступки не наказывались, так как о них он

упоминает в письмах своему Папа и Мама, а возможно, даже и поощрялись. Так, после очередного возвращения из поездки мама Михаила Мария Федоровна и старшая сестра Ксения Александровна подарили Михаилу, помимо прочего, настоящее ружье.

Царские дети росли в замкнутой среде императорского дворца. Чтобы хоть чуть-чуть приблизить их к реальной жизни, родители организовывали детям постоянные прогулки и маленькие путешествия, особенно частые в летний период.

Так, в начале мая месяца семья поехала морем на императорской яхте «Полярная Звезда» в Копенгаген на золотую свадьбу родителей Марии Федоровны короля Дании Христиана IX и его супруги королевы Луизы Гессен-Кассельской. Копенгаген – столица Дании, родины матери Михаила, Александры Федоровны (в девичестве Марии-Софии-Фредерики Дагмар).

«Была обедня. Кушали в 12 ч. Бегал по палубе, а иногда играл у Беби в каюте. Вчера Володя мне подарил маленький аппарат фотографический. Лег в 9 ч.» [4].

В Данию Царская семья ездила довольно часто. Надо сказать, что даже в это время обучение Михаила продолжалось – по утрам у него было по два урока. В Копенгагене много гуляли, катались на лодках.

«19 мая. Было 2 урока утром. 1 ч. был завтрак, а потом мы все дети поехали в Беренздорф, там пили чай. Потом поехали домой. 7 ч. был обед. Потом играли в саду. Лег в 9 ч.» [5].

Михаил не упоминает о посещении им каких-либо официальных мероприятий. Возможно, его туда не приглашали.

В конце мая по железной дороге семья переезжает в Берндорф¹ (Австрия). Уроки у Михаила продолжаются, по 1–2 занятия в день, кроме воскресенья. Часто в этот период упоминаются поездки и прогулки с дядей Вальдемаром (младшим братом Дагмары, матери Михаила Александровича Марии Федоровны). По воскресеньям всей семьей ездили в «русскую» церковь на службу, после которой был воскресный завтрак.

«24 мая. Поехали в нашу церковь. Потом был завтрак на яхте. 5 ч. был чай с детьми дяди Волдимара. 8 был обед» [6].

30 июня Михаил с родителями возвращается в Россию.

С 1 июля у Михаила начались каникулы, которые он проводит в Александрии (дворцово-парковый ансамбль в Петергофе). Стоит отметить, что, несмотря на каникулы, у него по утрам проходит по 1–2 урока.

В августе Михаил с родителями путешествует на «Полярной Звезде» в Бьерк (возможно, остров около Исландии). В конце месяца Царская семья возвращается в Гатчину.

С 1 сентября вновь начинается полноценный учебный год, в расписании мы видим по 5–6 уроков в день. Добавляется музыка и немецкий язык после завтрака.

С октября Александр III регулярно берет Михаила с собой на охоту на фазанов, барсуков и оленей.

«7 октября. Уроки все были. В 1 ч. кушали. В 3 ч. Папа и я поехали стрелять фазанов. Там были Галицин и Диз (?) с собаками. Папа убил 14 ф., а я 4 ф. После обеда Siosha работали что то для театра. Ура.» [7].

В начале ноября Михаил заболел, несколько дней не выходил из своей комнаты.

¹ Берндорф – австрийский муниципалитет в районе Баден, в Нижней Австрии. Колыбель промышленной империи Круппа в XIX веке, его иногда называли «Kruppstadt».

24 декабря – Рождественская елка, уроков больше нет.

По материалам дневника и писем Михаила Александровича можно сделать вывод семья Александра III была дружная, дети любили родителей и друг друга. Если кто-нибудь из братьев или сестер начинал хворать, то Михаил в своем дневнике обязательно уделит этому внимание и каждый день пишет о самочувствии больного до его выздоровления. Особенно теплые дружеские отношения у Михаила сложились с младшей сестрой Ольгой. В силу юного возраста их не часто брали на официальные мероприятия, и поэтому они много времени проводили вместе, гуляя и катаясь верхом по паркам дворца Гатчины. Михаил с сестрой часто играл в игры, свойственные девочкам. Ольга Александровна много позже вспоминала: «Довольно часто мы с Мишей стряпали сами, – и нам нравилось это дело» [8, с. 162–163].

В целом можно сказать, что в дневнике содержится достаточно однообразная информация, особенно в учебный период. К ведению дневника Михаил относился по-детски достаточно небрежно, фактически записывая лишь свой распорядок дня. Да и не было принято в дневниках Великих Князей выражать эмоции. Встречается много грамматических ошибок. В этих документах есть элемент официальности. Если сравнить дневник с письмами, которые Михаил в этот же период писал своим родителям, то дни, описанные в письмах, выглядят более насыщенно и эмоционально, нежели в дневнике, но какой-то новой информации также не несут.

Таким образом, формальный характер дневника Великого Князя Михаила Александровича не дает возможно-

сти использовать его как самостоятельный исторический источник. Но тем не менее дневник формирует представление о распорядке дня, увлечениях Великого Князя, его путешествиях с семьей. Он может быть использован как дополнительный источник для понимания личности Михаила Александровича.

Известный государственный и политический деятель граф Сергей Юльевич Витте, долгое время наблюдавший отношения в Царской семье, писал в своих воспоминаниях: *«Больше всех император Александр III любил своего сына Михаила Александровича... Михаил Александрович был, чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно...»* [9, с. 282–283].

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 181–182. Дневник Великого князя Александра Александровича, 25 августа 1875 – 2 марта 1880.
2. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 3. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
3. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 11. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
4. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 68. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
5. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 72об. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
6. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 75. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
7. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. Л. 143. Дневник Великого князя Михаила Александровича, 1892.
8. Ольга Александровна, великая княгиня. 25 глав моей жизни / сост. Л. А. Куликовская, П. Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; пер. с англ. Под ред. Л. Р. Харитоновой. – М.: Кучково поле, 2017.
9. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911. М., 1991.

Л. П. Маркова
Библиотека № 32 Просветительский центр
«Библиотека Духовного возрождения»
МБУК «Объединение муниципальных библиотек» г. Перми

**ДВА МИХАИЛА.
УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ
РОДА РОМАНОВЫХ НА ПЕРМСКОЙ ЗЕМЛЕ.
ПРОГРАММА «ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД»**

Аннотация. Увековечение памяти боярина Михаила Никитича Романова в пос. Ныроб Пермского края и Великого Князя Михаила Александровича в Перми. Программа библиотеки № 32 «Династия Романовых: пермский период».

Ключевые слова. Великий Князь Михаил Александрович, боярин Михаил Никитич Романов, увековечение памяти, начало XX века, начало XVII века, Пермь, пос. Ныроб Пермского края, программа «Династия Романовых: пермский период».

Пермский край обязан своему становлению и развитию царствующим представителям Дома Романовых. А также, к сожалению, исторически связан с трагическими страницами воцарения, гибели представителей династии Романовых.

Становлению города Перми способствовали Император Петр I, по Указу которого 4 (11) мая 1723 года был заложен Егошихинский медеплавильный завод, ставший основанием города. Указом Екатерины II в 1781 г. это поселение стало центром учрежденного Пермско-Тобольского

наместничества – губернским городом Пермь. К приезду Императора Александра I осенью 1824 года город Пермь был благоустроен, дома подновлены, на улицах появились тротуары. Были построены обелиски Казанской и Сибирской застав, а в городском саду и на берегу Камы сооружены ротонды. В честь пребывания Императора, надолго запомнившегося пермякам, новая городская больница получила название Александровской.

В Перми, несмотря на удаленность ее от центра, не раз бывали представители Царской династии. Через 12 лет после визита Императора Александра I Пермь посетил наследник престола, будущий Император Александр II со своим наставником, известным русским писателем В. А. Жуковским. Благодаря покровительству Императрицы Марии Федоровны в Перми открываются

Пермская Митрополия Русской Православной церкви
Администрация Чердынского района
МБУ «Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина»
МБУК «Объединение муниципальных библиотек» г. Перми
Библиотека № 32, Просветительский центр «Библиотека Духовного возрождения»

16, 18 сентября 2021 года

ДНИ ПАМЯТИ БОЯРИНА *Михаила Никитича Романова* *Романова* НЫРОБСКИЙ УЗНИК

По благословению Архиепископа Соликамского и Чусовского Зосима

ПЕРМЬ 16 сентября (четверг)

19.00 Литературно-музыкальная композиция «Гори свеча» посвященная памяти боярина Михаила Никитича Романова
Пермское трио: Ольга Морозова, Алевтина Куликова, Мария Тетюева.
Текст читает Александра Фомина. Партия фортепиано Вера Грицкая (Георгиевский зал Храма св. вмч. Георгия Победоносца, ул. 25 Октября, 105А)

НЫРОБ, ЧЕРДЫНЬ 18 сентября (суббота)

11.00 Крестный ход от Свято-Никольского храма до Часовни архистратига Михаила

11.30 Лития по Михаилу Никитичу Романову на месте его заточения и гибели - у ямы-часовни архистратига Михаила

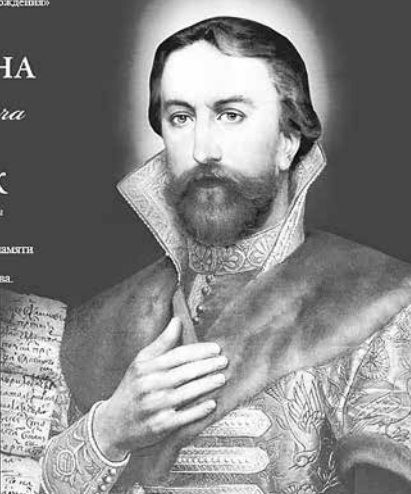
11.30 Выступление музыкального ансамбля «Kama-kantabele»
Руководитель Лариса Юркова, хормейстер Алевтина Куликова

12.00 Поминальная трапеза

12.30 Посещение «Центра памяти боярина Михаила Никитича Романова»

14.30 Экскурсия по городу Чердыль

Информация по телефонам: 8(342)207-50-52, 8(3420)2-88-32

Афиша Акции «Ныробский узник»

образовательные учреждения. В Перми XIX – нач. XX вв. бывали и другие представители Императорской семьи: Великие Князья – Владимир Александрович (1868 г.), Алексей Александрович (1873 г.), Михаил Николаевич со своим Августейшим сыном Сергеем Михайловичем, Константин Константинович (1909 г.), а также герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1845 г.), его сын герцог Николай Лейхтенбергский (1866 г.). В 1914 г. Пермь посетила Великая Княгиня Елизавета Федоровна, в ходе паломнической поездки по России. В 1917 г. через Пермь проследовал Император Николай II и его Семья, которых отправили в ссылку сначала в Тобольск, а затем в Екатеринбург. В своих дневниковых записях они оставили воспоминания о двухчасовой остановке под Кунгуром, во время которой они гуляли по цветущему лугу.

В конце XX в. Пермь посетили Великая Княгиня Мария Владимировна с Цесаревичем Георгием Михайловичем. В XXI в. неоднократно принимал участие в Романовских мероприятиях праправнук Императора Александра III Павел Эдуардович Куликовский-Романов с супругой Людмилой Анатольевной.

В 1918 г. в Екатеринбурге были расстреляны Император Николай II с Императрицей и детьми, в Алапаевске Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, князья Императорской крови братья Константиновичи. До 1921 г. Екатеринбург и Алапаевск входили в состав Пермской губернии. Пермская земля стала голгофой для нескольких представителей этого славного сначала боярского, а затем и Царского рода, с которым связано становление православно-монархической государственности в России, ее блистательный расцвет и трагический закат.

По странному и удивительному стечению обстоятельств, на Пермской земле были убиты первый и последние представители Династии Романовых и их приближенные, добровольно последовавшие за ними в ссылку.

К сожалению, до сегодняшнего дня в Перми пока нет музея, постоянно действующей экспозиции, отражающей связь Романовых с Пермским краем.

Создание такого музея в бывшей гостинице «Королёвские номера», где проживал Великий Князь Михаил Александрович в 1918 г., общественностью и властями обсуждается многие годы, и есть надежда, что в скором времени он откроет двери посетителям.

Муниципальная библиотека своей просветительской и издательской деятельностью, реализуя более 25 лет программу «Династия Романовых: пермский период», многие годы пытается восполнить этот пробел. Цель программы – популяризация страниц истории о роли Династии

*Организаторы и докладчики первой конференции «Ныробский узник».
2007 год*

Романовых в становлении и развитии города, истории посещения Перми Августейшими особами. А также восстановление исторической памяти, справедливости и покаянное переосмысление трагических событий, имеющих общероссийское историческое значение.

В программе уделяется внимание всем представителям Дома Романовых, сопричастным с историей Пермского края. За это время проведено около 150 просветительских мероприятий (акций, встреч, презентаций книг, вечеров, экскурсий по Романовским местам Перми, электронных презентаций, кинолекториев, спектаклей, фестивалей, выставок и др.). В том числе около 50 научно-практических конференций и круглых столов по романовской теме. Выпущено более 20 публикаций и 2 тематических сборников материалов: «Династия Романовых в культуре и искусстве России и Западной Европы. История и современность» (Материалы международной научно-практической конференции Пермь – Чердынь – Ныроб 17–19 сентября 2013 г. – Пермь: Изд-во «Литер-А», 2013. – 638 с.) и «Прикоснуться к истории. Романовские места в Перми: сборник краеведческих материалов» (сост. Л. П. Маркова. – Пермь, Издательство «Пушка», 2013. – 104 с.).

Мероприятия посетили более 16 000 горожан. Опыт работы по программе «Династия Романовых: пермский период» отражен в более чем 700 сюжетах и публикациях в СМИ.

Начало работы по программе в конце 1990-х гг. связано с именем Великой Княгини Елизаветы Федоровны. В школах, техникумах, библиотеках прошли встречи «Подвиг нравственности», беседы, многочисленные книжные выставки и просмотры, в том числе выездные, презентации книг, напр., «Лествица Великой Княгини Елизаветы Федоровны»

А. Я. Чадаевой (г. Москва), электронные презентации и др. Особый отклик получили театрализованные представления «Молитва за Россию» в исполнении студентов 3 курса Пермского краевого колледжа искусств и культуры, музыкальные представления «За Державу за Российскую» в исполнении известного исполнителя авторских песен Николая Червона, спектакли «Великой Княгине Елизавете Федоровне посвящается» (реж. В. В. Спиридонова) и др.

Наиболее содержательно и массово в 90-е гг. прошел кинолекторий, организованный библиотекой в киноцентре «Премьер» на основе документального фильма «Восхождение в безмолвие» о Великой Княгине Елизавете Федоровне. Фильм снят настоятелем Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря игуменом и режиссером Даниилом (Ишматовым) в православной киностудии «Пневматикон». Состоялись многократные просмотры и обсуждение фильма и духовного подвига Великой Княгини. В них принимала участие председатель «Пермской общественной организации Великой Княгини Елизаветы Федоровны» Мамаева Зоя Михайловна, пермские писатели, режиссеры. В рамках «Прикамского народного Собора памяти святых Кирилла и Мефодия» прошла секция «Жертвы или победители террора (к 90-летию мученического подвига Царской семьи и Пермских подвижников благочестия)» в Пермском Успенском женском монастыре. Монастырь в 1914 и 1918 гг. посетила Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Таким образом, через историю памятников архитектуры пермяки могли ознакомиться с историей пребывания Великой Княгини в Перми.

В рамках работы киноклуба библиотеки «Событие» в киносалоне «Премьер» с 2005 г. проходят Рождественская

и Пасхальная неделя православного кино, которые включают в себя фильмы романовской тематики. Например, в 2013 г. в кинотеатре «Кристалл» и киноцентре «Премьер» на Пасхальной неделе православного кино демонстрировались фильмы о представителях Дома Романовых. Впервые в кинотеатрах Перми были показаны документальные фильмы цикла «Николай II. Круг жизни». Его представил член творческой группы данного фильма, пермский режиссер Павел Анатольевич Печенкин, директор Госкиноцентра, президент международного кинофестиваля «Флаэртиана». В обсуждении приняли участие более 400 человек: известные пермские режиссеры, писатели, ученые, священники, общественные деятели, учащиеся и студенты, любители кино. Прошли презентации документальных фильмов пермских

*Место гробницы боярина Михаила Никитича Романова
в Богоявленском храме. п. Ныроб*

режиссеров: С. Тупиина «Два Михаила», А. Мингазовой «Царским путем», В. Кальпиди «Улицы Перми» и других.

Работая по программе «Династия Романовых: пермский период», библиотека иницирует и создает такую форму деятельности, как событийное краеведение. Привлекает внимание общественности, властей к незаслуженно забытым значимым событиям и именам.

Особое место в программе занимают два имени из Рода Романовых «Два Михаила»: боярин Михаил Никитич Романов и Великий Князь Михаил Александрович. Так сложилось, что Пермская земля стала сопричастна к историческим событиям, предшествующим восшествию Романовых на престол и гибели последних представителей правящей Династии.

В 1601 г. в деревне Ныробка (пос. Ныроб) был замучен дядя первого Царя из Династии Романовых – боярин Михаил Никитич Романов.

На Пермской земле разыгралась трагедия последней страницы истории царствовавшего в России Дома Романовых. В 1918 г. по решению Совнаркома в Пермь был сослан Великий Князь Михаил Александрович, которому была передана верховная власть манифестом отречения Николая II за себя и своего сына Алексея. В ночь с 12 на 13 июня Великий Князь Михаил Александрович и его секретарь Николай Жонсон были захвачены вооруженной группой революционных боевиков из Мотовилихи, вывезены по Соликамскому тракту и в шести верстах от пушечного завода расстреляны.

Несмотря на то, что гибель двух Михайлов разделяет 317 лет, в их судьбах много общего. Они оба получили достойное образование, готовящее их к государственной служ-

бе, обладали лучшими патриотическими и личностными качествами, оба верно, достойно и жертвенно служили Отчизне, оба были уважаемы и заслуженно любимы народом. Их обоих устранили из опасения, что они могут составить конкуренцию в захвате власти, хотя ни тот ни другой не стремились к этому, оба высланы из столицы в северные пермские земли, оба были убиты без суда и следствия. У обоих до сегодняшнего дня неизвестно точное место захоронения. Поиски останков Михаила Никитича и Михаила Александровича и сегодня ведутся в Москве и Перми.

И самое важное, в Пермском крае сложилась традиция общенародного почитания этих двух достойных представителей из Рода Романовых. С 2007 г. проводятся Покаянные крестные ходы к местам их гибели. 19 сентября Крестный ход традиционно идет от Свято-Никольского храма к Часовне архистратига Михаила, построенного

Участники Акции «Ныробский узник» у кандалов боярина Михаила Никитича Романова

над местом заточения боярина Михаила Никитича в пос. Ныроб, а 12 июня он идет от Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря до Часовни благ. Князя Михаила Тверского в г. Перми, построенной на месте предполагаемого убийства Великого Князя Михаила Александровича и его друга и секретаря Николая Жонсона. В эти дни служатся панихиды по безвинно убиенным на пермской земле представителям царского рода Романовых, демонстрируются документальные фильмы, проходят беседы, спектакли, концерты и пр.

Что касается Михаила Никитича, то уже в 1603 г., несмотря на опасность навлечь на себя новые репрессии, ныробчане соорудили над ямой Романова деревянную часовню во имя св. Архангела Михаила. Тысячи людей стекались в поселок Ныроб на место страданий Михаила Романова. За год их число достигало до 6 тысяч человек. В 1621 г. царь освободил ныробцев от повинностей и налогов. Ежегодно 6 сентября (в этот день православная церковь вспоминает Чудо св. Архистратига Михаила в Хонах) в часовне совершалась панихида по Михаилу Никитичу. В 1705 г. в Ныробе был выстроен большой каменный Никольский храм, а в 1736 г. Богоявленский храм над местом первого захоронения ныробского узника. Традиция массового поминовения боярина Михаила Никитича продолжилась и после революции, но в 1928 г. была запрещена советскими властями. В том же 1928 г. кандалы опального боярина, которые находились в Богоявленском храме, были перевезены в Чердынский краеведческий музей, которые по сей день являются одной из главных достопримечательностей.

Однако, несмотря на запрет властей поминовения боярина, память о Михаиле Никитиче у ныробцев и пермяков

десятилетиями сохранялась. По инициативе православных верующих в 2000 г. силами Бахаревского Серафимо-Алексеевского и Успенского женских монастырей был проведен Крестный ход Чердынь – Ныроб, в разные годы служились молебны. На рубеже XX–XXI веков Патриарх Московский и всея Руси Алексей II обращался в Министерство культуры России с просьбой о передаче реликвии церкви, но ответ министерства был отрицательным.

Возрождению традиции публичного и массового поминовения боярина Михаила Никитича Романова в Ныробе положила акция, которая прошла в год 400-летия его заточения и гибели. Одним из значительных мероприятий в 2001 г. явилась научно-практическая конференция «Российская государственность и культура на рубеже эпох». В этот же год был основан «Центр памяти М. Н. Романова», который возглавила Елена Николаевна Дьякова. По ее инициативе был создан исторический театр на ландшафте, участники которого неоднократно представляли зрителям исторические картины о набегах сибирских татар и о ныробском узнике.

В сентябре 2004 г. в Ныробе вновь состоялись дни памяти Михаила Никитича Романова. Прошли выступления местного исторического театра на ландшафте: Исторические сцены «Ныробский узник» и спектакль «Государева милость: праздник Великопермского воеводы». Зрителями театральных представлений были местные жители и пермские туристы, которые совершили путешествие по маршруту «Династия Романовых и Пермская провинция». В рамках праздника состоялся научно-практический семинар «Событийный туризм как направление формирования имиджа региона».

Традицию проведения ежегодных Дней памяти боярина Михаила Никитича предложила возобновить пермский краевед Клара Максимовна Соболева. Она обратилась с этим предложением к сотрудникам библиотеки № 32 Просветительского центра «Библиотека Духовного возрождения» Объединения муниципальных библиотек города Перми, которые уже около 10 лет работали по программе «Династия Романовых: пермский период». Таким образом, с 2007 г. инициатором и организатором ежегодного проведения Дней памяти боярина Михаила Никитича Романова «Ныробский узник» стала пермская библиотека Духовного возрождения. Сотрудники библиотеки Любовь Павловна Зырянова и Любовь Павловна Маркова организовали в 2007 г. научно-практическую конференцию «Династия Романовых и Пермская земля», которая прошла в Доме культуры «Ветлан» г. Чердыни. Ведущим конференции и экскурсоводом на протяжении всей поездки был кандидат исторических наук, директор Государственного общественно-политического архива Пермской области Михаил Геннадьевич Нечаев. На следующий день состоялись Литургия и Крестный ход от Никольского храма до ямы – места заточения Михаила Никитича, где настоятель Свято-Никольского храма иеромонах Варсонофий (Ширяев) провел панихиду.

В дальнейшем в числе постоянных организаторов Акции «Ныробский узник» также стали: Пермская епархия, администрация Чердынского района, Ныробского и Покчинского поселений, Чердынский краеведческий музей и др. Завязались партнерские отношения с филиалом Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых» в Москве, сотрудниками музея Романовых в Новоспасском монастыре в Москве и др.

Готовясь к празднованию 400-летия Дома Романовых, в 2012 г. в Ныробе над ямой Романова возведена новая каменная часовня во имя св. Архистратига Михаила по проекту Г. Н. Кацко, благоустроен Романовский сад. Также с 17 по 19 июня 2013 г. в Перми, Чердыни, Ныробе прошли масштабные мероприятия. Организаторами мероприятий выступили Министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Пермская епархия, библиотека № 32 ПЦ «Библиотека Духовного возрождения» МБУК «Объединение муниципальных библиотек» г. Перми, Пермская художественная галерея, Паломнический центр «Пермь Великая» при поддержке Администрации Чердынского района и Ныробского городского поселения, Чердынского краеведческого музея, Музея истории веры г. Чердыни. В рамках программы «Дни памяти Михаила Никитича Романова» прошла трехдневная научно-практическая конференция «Династия Романовых в истории России и Пермского края. История и современность» в г. Пермь и Чердынь. В ней приняли участие священнослужители, историки, краеведы, писатели, представители государственных и общественных организаций Пермского края, Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Екатеринбурга, Алапаевска, Калуги, с. Брасово Брянской области, Литвы и др. В ходе мероприятий состоялись панихида памяти боярина Михаила Никитича у ямы-часовни в пос. Ныроб, Литургия и Крестный ход к Яме-часовне им. св. Архистратига Михаила, фестиваль колокольного звона «Колокола памяти» при участии звонарей Пермского края, фольклорных и музыкальных коллективов, выступление театра на ландшафте. Были исполнены фрагменты оперы М. Глинки «Жизнь за царя»

в исполнении артистов Государственного академического театра оперы и балета г. Екатеринбурга и различные концертные выступления. Прошли выставки работ пермских художников «Романовы и Пермский край», выставка икон Иконописной мастерской «Добро» при Свято-Троицком Стефановом монастыре, экскурсии в «Центр памяти Михаила Никитича Романова» в пос. Ныроб, в музей «Истории православной веры», в Чердынский краеведческий музей. Также в июне 2013 г. пермяки совершили автопробег, посвященный 400-летию Дома Романовых. Он проходил по маршруту Пермь – Чердынь – Ныроб – Екатеринбург (Ганина Яма) – Пермь.

*Великий Князь
Михаил Александрович*

Таким образом, с 2007 г. по инициативе библиотеки № 32 и при поддержке многочисленных партнеров ежегодно проходят Дни памяти боярина Михаила Никитича Романова «Ныробский узник», объединяющие ученых, священнослужителей, экскурсоводов, краеведов и всех любителей истории. Проходят крестные ходы, панихиды, конференции, круглые столы, концерты, спектакли, художественные выставки (напр., «Ныробский узник» и «Князь

Михаил Тверской в Золотой орде» художника Н. П. Тюрина), проходят презентации книг (напр., «Ныробские древности» Г. Н. Чагина) и новых документальных фильмов по «романовской» теме.

В результате работы по теме было поднято из небытия еще одно историческое место, связанное с боярином Михаилом Никитичем. Это Введенская Северная пустынь на старой Бабиновской дороге (ныне Александровский район), возведенная в 1616 г. по указу первого Царя из Рода Романовых Михаила Федоровича на средства боярина Ивана Никитича. Пустынь построена на месте расставания Ивана и Михаила Никитичей по пути в северную ссылку. К сожалению, сейчас это памятное место находится в запустении. Еще одна проблема – запустение Богоявленского храма, где была расположена гробница боярина Михаила Никитича. Храм находится в разрушенном состоянии, а в советское время в нем находился Расчетно-кассовый центр, в стене которого была прорублена дверь. Причем таким образом, что каждый входящий попирает память боярина, вступая на место его бывшего захоронения. По-прежнему не найдены останки боярина Михаила Никитича в захоронениях Новоспасского монастыря в Москве.

Почитание памяти Великого Князя Михаила Александровича в Перми началось не сразу после его гибели, поскольку факты его убийства умалчивались и фальсифицировались властями. Расследовать и приоткрывать эту тему общественность начала в конце 80-х годов XX в. Скульптор Рудольф Веденеев на свои личные средства установил памятный деревянный крест на месте предполагаемой гибели Великого Князя и его секретаря Николая Жонсона (Брайана Джонсона). 15 января 1990 г. в газете «Вечерняя

Пермь» вышла публикация С. А. Торопова «Самосуд» о последних днях пребывания Великого Князя в Перми в 1918 г. В 1992 г. Краевой библиотекой им. М. Горького выпущен сборник «Самосуд» под редакцией Т. И. Быстрых. В 1996 г. издательством «Пушка» издана книга «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы». Пермским режиссером С. А. Тупицыным снят документальный фильм «Два Михаила – начало и конец династии», режиссер В. В. Кальпиди обратилась к этой теме в своем документальном фильме «Улицы Перми». В 1992 г. профессор из Вашингтона В. Г. Краснов установил на свои средства мемориальную доску на здании бывшей гостиницы «Королевские номера», которая была через год разбита. В 1998 г. установлена новая мемориальная доска на здании бывшей гостиницы «Королевские номера» (ул. Сибирская, 5), в память о пребывании Великого Князя Михаила Александровича в Перми. Автор работы – А. А. Уральский. На народные средства построена Часовня св. блгв. Князя Михаила Тверского на месте предполагаемого убийства Великого Князя и его секретаря Николая Жонсона. В ряду мероприятий «Романовские дни в Пермском крае» с 2007 г. Свято-Троицкий Стефанов мужской монастырь организует ежегодные Крестные ходы до часовни св. Михаила Тверского. Вместо ожидаемых 300 человек, в нем приняло участие более 1500 участников, что свидетельствует о возрастающем интересе жителей города к данной теме. По окончании Крестного хода впервые 12 июня 2007 г. состоялись исторические слушания и просмотр документального фильма. Несколько лет ВООПИК под председательством Л. В. Перескокова реализовывала программу «Святой Михаил», прошло пять научно-практических конференций в рамках

Романовских дней в Перми, по итогам которых выпущено 5 брошюр «Уральская Голгофа». С начала 90-х гг. общественниками предпринимались неоднократные попытки поиска останков Михаила Александровича Романова. С 2016 г. к архивной исследовательской деятельности подключились пермские архивы ПермГАСПИ и ГАПК. В результате этой кропотливой работы выпущен двухтомный сборник «Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х томах» (Под. ред. В. М. Хрусталева (Т. 1) и Л. А. Лыковой (Т. 2). – Пермь, 2018. Т. 1. – 496 с.; Т. 2. – 656 с.). Также ПермГАСПИ выпущено мемориальное издание «100-летняя годовщина убийства Великого Князя Михаила Александровича» (ред.: С. В. Неганов. – Пермь, Книжное издательство «Пушка», 2018. – 304 с., илл.).

С 2019 г. в Перми проводятся научно-образовательные Романовские чтения, материалы которых также публикуются ПермГАСПИ.

В программе «Династия Романовых: пермский период» Великому Князю Михаилу Александровичу библиотекой уделяется большое внимание. Он единственный из последних царствующих Романовых, кто не похоронен по христианскому обычаю. И чей гражданский вклад в развитие государственности России еще не изучен и не оценен по заслугам.

В рамках программы неоднократно проводились выставка одной картины члена Союза художников РФ Л. И. Перевалова «Памяти «Михаила Романова» и самодеятельного пермского художника Н. П. Тюрина «Убийство Великого Князя Михаила Александровича», организовывались многочисленные встречи с художниками, беседы

о персонажах картин. Прошли презентации книг о Великом Князе: «Михаил и Наталья» и «Последний царь» Д. Кроуфорда (Великобритания), «Икона Великого Князя» митрополита Митрофана (Баданина) (г. Мурманск), «Пермский крест» В. Краснова (США), «По Царскому следу» В. Ф. Гладышева (г. Пермь) и др.

В рамках Рождественской недели православного кино и работы киноклуба «Событие: духовные и нравственные ценности языком кинематографа» постоянно проходят кинолектории с демонстрацией фильмов о Великом Князе, напр., «Брат императора. Необъявленная казнь», реж. О. Рясков (г. Москва), «Дикая дивизия», реж. А. Денисов (г. Москва), и др.

Особым важным и проникновенным моментом в реализации данной программы явилось проведение в 1998, 2008 и 2013 г. Цикла мероприятий «Один день с Михаилом Романовым». Это своеобразный опыт создания виртуального музея. Первый цикл мероприятий прошел в рамках Покаянного крестного хода Пермь – Екатеринбург «Царский крест», проходившего месяц по благословению епископа

*Молебен у Часовни св. благ. князя
Михаила Тверского*

Пермского и Соликамского Иринарха. Сотрудниками библиотеки был проведен ряд встреч «Один день с Михаилом Романовым» по пути следования Крестного хода 12 июня – 16 июля из Перми в Екатеринбург (г. Суксун, г. Орда, пос. Звездный и в г.г. Ачит и Красноуфимск Свердловской области). В течение полутора месяцев группа колесила по пермским и свердловским городам, встретила Крестный ход в Храме на Крови, который шел пять недель. И каково же было наше удивление, когда на Царских днях ни о Великом Князе Михаиле Александровиче, ни о Крестном ходе не было сказано ни слова. Пермская инициатива не стала частью Общероссийских дней памяти. И эта проблема существует до сих пор.

С 2008 по 2013 г. библиотека провела цикл встреч «Один день с Великим Князем Михаилом Романовым» в исторических зданиях, которые он посещал, находясь в Перми в 1918 г., и с владельцами которых он дружил.

Это бывший дом заводчика Сергея Тупицына на ул. Екатерининской, 120; дом купца Алина на ул. Сибирской, 17; «Королёвские номера» на ул. Сибирской, 5 и другие – 10 зданий. Особая встреча в год 400-летия Дома Романовых прошла в бывшем здании Благородного собрания, в гостинице которого в 1918 г. был первоначально размещен Михаил Александрович. Здесь в 1913 г., в это же день, состоялось главное торжественное празднование 300-летия Дома Романовых.

Еще одна инициатива библиотеки – Фестивали колокольного звона «Колокола памяти», которые были проведены в 2008 г. (к 90-летию убийства Царской семьи) и 2013 г. (к 400-летию Дома Романовых). Фестивали прошли на Соборной площади возле Пермской государственной

художественной галереи. Приятно, что на нем присутствовали автор книг «Последний царь» и «Михаил и Наталья» Дональд Кроуфорд из Англии. А также члены Международной экспедиции по поиску останков Великого Князя Михаила Романова и его верного секретаря Николая Жонсона.

С 2012 г. сотрудники библиотеки принимают участие в работе Международной поисковой экспедиции по обретению останков Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря Николая Жонсона. Ведутся архивные

Акция «Служение Отечеству»

исследования, поиск карт начала XX в., обширная логистическая деятельность, привлекаются средства спонсоров и благотворителей. Наряду с российскими специалистами, в поисках принимает участие основатель и директор фонда «Search Foundation, Inc.» (США) историк Петр Сарандинаки, а также члены его команды – ученый-геофизик Кларк Давенпорт, полицейский Брук Шауб (США), широко известный в Америке журналист, писатель Стивен Джексон, основатель и собственник питомника собак со специализацией на поиске человеческих останков с большим сроком давности Микаэл Свинделлз из Англии, главный специалист РФ в области антропологической реконструкции, эксперт-криминалист Московского Бюро судебно-медицинской экспертизы, ведущий специалист в области идентификации личности по костным останкам Сергей Никитин и другие. В команде работают специалисты из США, Англии, Чехии, из городов Москва, Пермь, Екатеринбург, Ростов-на-Дону.

Ежегодно для подведения итогов поисковой работы библиотекой организуется Круглый стол «Пермская Голгофа», в котором принимают участие представители власти, ученые, священнослужители, историки, музейные и архивные работники, краеведы и все, кто интересуется романовской темой.

Новым историко-культурным событием для Перми стала Акция памяти «Служение Отечеству», посвященная дню рождения Великого Князя Михаила Александровича. Она впервые проведена библиотекой 4 декабря 2012 г. В ней приняли участие те, кому небезразлична история нашего города и края: краеведы, режиссеры, издатели, духовенство. Самое активное участие приняли студенты

Пермского строительного колледжа, учащиеся школы № 9. Тема гибели Романовых на Пермской земле волнует многих пермяков, поэтому все участники выступали с призывом о создании Музея Дома Романовых в бывшей гостинице «Королёвские номера». Представители молодого поколения провели флешмоб «Музею Дома Романовых – да!». В ходе акции студентами Пермского колледжа культуры и искусств был проведен блиц-опрос, в результате которого выяснилось, что 94 % респондентов поддерживают идею открытия Музея Дома Романовых в Перми. К памятной доске были возложены цветы. В память о том, чтобы уже никогда не забыть о тех страшных днях нашей истории и не повторить их вновь, были зажжены свечи памяти. После возложения цветов к памятной доске Великому Князю на здании бывшей гостиницы «Королёвские номера» мероприятия традиционно продолжаются в Центральной городской библиотеке им. А. Пушкина. Проходят выступления творческих коллективов (вокальный ансамбль «Хорус квартет», театральный коллектив «Вера» со спектаклем «Служение Отечеству», встреча с режиссерами, показ документальных фильмов и др.). За это время сложились партнерские отношения с Дворцом-музеем в Гатчине, краеведами бывшего Брасовского имения Великого Князя в Брянской области, сотрудниками Дворца Великого Князя на Английской набережной в Санкт-Петербурге, авторами книги о Великом Князе и др. В ходе исследовательской деятельности библиотеки удалось открыть неизвестные ранее материалы по приближенным Великого Князя Михаила Александровича – о его секретаре Николае Николаевиче Жонсоне и полковнике Петре Людвиговиче Знамеровском. Благодаря этому в 2018 г. приехали в Пермь родственники

Николая Жонсона из Санкт-Петербурга, Чехии, Таиланда и приняли участие в мероприятиях, посвященных 100-летию убийства Великого Князя Михаила Александровича и их родственника. Они привезли большой архивный материал и передали в архив и библиотеку. В своих выступлениях на конференции они продемонстрировали личные предметы Великого Князя, которые многие годы хранятся в их семейных архивах. Также они приняли участие в посадке памятных лип, высаженных на месте предполагаемого убийства Великого Князя и его секретаря. За два десятилетия пермяками сделано немало по увековечиванию памяти Великого Князя Михаила Александровича в Перми. Ожидают своей реализации проекты: открытие музея

*Члены Международной поисковой экспедиции по обретению останков
Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря
Николая Жонсона*

в бывшей гостинице «Королёвские номера» и установка памятника Великому Князю. Хотелось бы, чтоб поисковая деятельность увенчалась успехом, а для этого была создана государственная экспедиция с гарантированным финансированием для обретения останков Великого Князя и его верного друга Николая Жонсона. По сложившейся традиции цветы к мемориальным доскам на здании на ул. Сибирская, 5 возлагаются несколько раз в год: 12 июня, в день гибели Великого Князя и Николая Жонсона, 21 марта и 4 декабря, в дни их рождения. И еще 19 сентября.

Символично, что каждый год начало Акции «Ныробский узник», посвященной боярину Михаилу Никитичу, берет начало от бывшей гостиницы «Королёвские номера» в Перми, где провел свои последние дни Великий Князь Михаил Александрович в 1918 г. Традиционно возлагаются цветы к мемориальной доске Великому Князю, а вторая цветочная композиция отправляется с участниками Акции в Ныроб и возлагается кандалам боярина Михаила Никитича в Центре памяти боярина Михаила Никитича Романова. Так память пермяков соединила этих двух достойных представителей из Рода Романовых благодаря реализации программы «Династия Романовых: пермский период». Ведь у города есть своя память – город помнит всех, кто способствовал духовному возрождению и становлению города, всех тех, кто внес лепту в формирование его истории, его славы и беславия.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ
второго издания монографии Д. М. Софьина

**«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:
ПУТЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА»,
ПОДГОТОВЛЕННОГО К 130-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ НАЗНАЧЕНИЯ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
МОСКОВСКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ**

Дорогие друзья! Братья и сестры! Дорогая Анна Витальевна! Дорогой Сергей Васильевич!

Благодарю за оказанную честь представить второе издание моей монографии «Великий Князь Сергей Александрович: путь русского консерватора», исправленное и существенно дополненное. Выражаю сердечную признательность Елисаветинско-Сергиевскому просветительскому обществу и лично Анне Витальевне за помощь и поддержку в моих многолетних исследованиях и за прекрасное издание монографии, которое было выполнено силами общества. Также от всей души благодарю Маргариту Петровну Стегний, координировавшую подготовку издания, и присутствующую здесь Светлану Владимировну Бельчинкову, которая подобрала удивительные иллюстрации, многие из которых никогда ранее не публиковались и были впервые выявлены Светланой Владимировной.

Великий Князь Сергей Александрович родился в 1857 году в семье Императора Александра II и Императрицы

Марии Александровны. Первоначальное образование и воспитание он получил под руководством Анны Федоровны Тютчевой, испытав сильное влияние славянофильских идей. Основное воспитание было получено под руководством морского офицера Дмитрия Сергеевича Арсеньева. Любимой наукой Великого Князя стала история, которую ему преподавали корифеи русской исторической науки – Константин Николаевич Бестужев-Рюмин и Сергей Михайлович Соловьев. Увлечение историей осталось с Сергеем Александровичем на всю его жизнь. Энциклопедию права читал Великому Князю Константин Петрович Победоносцев, будущий обер-прокурор Святейшего Синода, с которым у Сергея Александровича установились тесные доверительные отношения также на всю жизнь. В тесных контактах с молодых лет Великий Князь находился с ведущими русскими писателями – Иваном Александровичем Гончаровым, Федором Михайловичем Достоевским, графом Львом Николаевичем Толстым.

В 1877 году Великий Князь достиг двадцатилетия – установленный для членов Российского Императорского Дома возраст совершеннолетия. Сергей Александрович принял династическую присягу и отправился на русско-турецкую войну, которая начиналась в эти же дни. За храбрость, проявленную во время боевых действий, Великий Князь был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Большое влияние на формирование взглядов Сергея Александровича оказал разгул революционного террора рубежа 70-х – 80-х годов XIX века.

В 1881 году Сергей Александрович совершил паломничество на Святую Землю и в следующем году возглавил учрежденное его братом, Императором Александром III, Православное Палестинское общество, вскоре получившее статус Императорского. В 1880-е годы Великий Князь служил в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка, сначала как командир батальона, затем уже в качестве командира полка.

В 1884 году Сергей Александрович женился на принцессе Елизавете Гессенской, ставшей в России Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. Брак был очень счастливым и гармоничным, супруги почти никогда не расставались, у них была общая спальня, что было характерно в то время далеко не для всех супружеских пар. Омрачало брак отсутствие детей: о невозможности иметь детей великокняжеская чета узнала приблизительно через пять лет после венчания. Однако, по-видимому, Елизавета Федоровна не теряла надежды и на рубеже XIX–XX веков несколько раз проходила лечебные курсы во Франценсбаде. В 1891 году, 130 лет назад, Великий Князь Сергей Александрович был назначен московским генерал-губернатором. Несмотря на традиционную московскую оппозиционность, Сергей Александрович сумел выстроить, за некоторыми исключениями, вполне конструктивные отношения с московским обществом и его самыми различными сегментами.

В первом издании моей монографии у меня присутствовала существенная ошибка, ныне исправленная. Прежде я указывал, что в подчинении московского генерал-

губернатора Великого Князя Сергея Александровича находилось несколько губерний, включая Московскую. Однако, уточнив и проверив информацию, считаю необходимым отметить, что специфика управления Первопрестольной заключалась в том, что в подчинении генерал-губернатора в тот период находилась только одна Московская губерния. Главным лицом этой губернии был генерал-губернатор, а его правой рукой – губернатор.

Вместе с тем, когда в 1896 году Великий Князь Сергей Александрович был назначен командующим войсками Московского военного округа, в его подчинении оказалась действительно очень большая территория в несколько губерний, но только в военном отношении, в административном плане ему по-прежнему подчинялась только одна Московская губерния.

В царствование своего племянника, Императора Николая II, Сергей Александрович стал его близким, доверенным советником, ряд ключевых министерских назначений состоялись по рекомендации московского генерал-губернатора. Как раз при Николае II Сергей Александрович стал командующим войсками Московского военного округа, и по оценкам начальника его штаба, генерала Соболева, Великий Князь оказался очень способным военачальником.

1 января 1905 года Сергей Александрович покинул пост московского генерал-губернатора, будучи не согласен с проведением в условиях русско-японской войны и внутреннего брожения либерального курса министра внутренних дел князя Святополк-Мирского. При этом

Великий Князь Сергей Александрович остался во главе войск Московского военного округа, получив статус главнокомандующего. Вскоре, в начале января 1905 года, вспыхнули массовые беспорядки. Сергей Александрович, используя свой опыт, рассудительность и способности, сумел в короткие сроки, уже к двадцатым числам января, нормализовать обстановку в Москве. Его убийство, произошедшее 4 февраля того же года, помешало закрепить достигнутые успехи.

Великий Князь Сергей Александрович, проводивший вместе с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной большую системную работу в деле благотворительности и милосердия, был очень популярен среди простых москвичей. На прощание с Великим Князем пришли сотни тысяч человек, прежде всего – простых московских рабочих и крестьян со всей губернии. На месте гибели Сергея Александровича был установлен памятный крест работы Виктора Михайловича Васнецова. В 1918 году в новых исторических условиях при инициативе и при личном участии Ленина крест был уничтожен. Но в 2017 году, к 160-летию со дня рождения Великого Князя Сергея Александровича, благодаря огромным усилиям Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества и лично Анны Витальевны крест-памятник был восстановлен. Мы собираем камни.

Спасибо за внимание.

Сессия III.

Казань, 22 июля 2021 г.

Российская Империя в сравнении с другими империями Востока и Запада

Приветственное слово
И. Х. Аюповой, министра культуры
Республики Татарстан

Добрый день, дорогие гости, коллеги. Я рада приветствовать участников третьей сессии международной научно-практической конференции «Под скипетром Романовых. К 300-летию провозглашения России Империей». Сегодня историки, архивисты, представители музейного, научного сообщества Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Перми, Калининграда, Воронежа, Республики Крым в своих докладах будут отражать очень важную тему благотворительности.

Благотворительность и милосердие имеют древние корни, организация помощи нуждающимся уходит в глубину веков. На древних надгробных камнях, найденных на территории современного Татарстана мы встречаем записи о великих деяниях тех или иных благотворителей. Благодаря систематической организации общественного призрения со времен Екатерины II, привлечению общественных сил и частной инициативы, личному участию членов дома Романовых, активному привлечению религиозных организаций страна была окутана сетью благотворительных организаций, действовавших в разных направлениях. В летопись благотворительности Казанского края и Закамья вошли имена талантливых предпринимателей разных поколений.

Сегодня в мире, который охвачен тенденцией разобщенности, важно осознавать значимость объединяющих факторов. Вчера мы всем миром освящали нашу святыню, символ нашей земли – собор Казанской иконы Божией Матери. Позавчера мы всем миром праздновали Курбан Байрам.

Недавно я поймала себя на мысли, когда в храме увидела представителей мусульманского духовенства, что, наверное, нигде в мире больше такое невозможно, кроме как на нашей земле, кроме как в России. И это умение выстраивать диалог, умение слышать друг друга и искать общее – это очень важная компетенция, которая сегодня необходима всему миру.

Мне очень хочется, чтобы наше поколение вошло в историю, как поколение созидателей, как поколение, которое транслирует истинные ценности, которое не нарушает преемственность.

В этом плане у Татарстана богатый опыт сохранения и возрождения памятников культуры – это Болгар, Свияжск. Минтимер Шарипович в своем выступлении упомянул, как мы собирали средства на возрождение Кул Шариф и реставрацию Благовещенского собора – это был первый, в нашей новейшей истории Татарстана факт, когда люди абсолютно безвозмездно жертвовали на возрождение памятников.

И сегодня мы говорим о благотворителях, миссионерах – тех, кто искренне, бескорыстно посвятил свою жизнь распространению духовных ценностей. Это те люди, которые делятся верой, делятся своими убеждениями, и мне кажется, что мы должны научиться отдавать, жертвовать во всех смыслах этого слова. И нам крайне важно сохранять память об этом.

Большое всем спасибо!

*Ирада Хафизьяновна Аюпова,
министр культуры Республики Татарстан*

**Приветственное слово
Высокопреосвященнейшего Кирилла,
Митрополита Казанского и Татарстанского**

Дорогая Анна Витальевна, дорогая Ирада Хафизьянова, отец Леонид, все участники нашего сегодняшнего доброго собрания. Действительно, сегодня после освящения собора, после наших великих праздников такая благодать снизошла: мы так давно ждали дождичка, и вот: дождичек в четверг – святое дело. И для нас, конечно, этот день, осененный явлением Богоматери, – он для всякого человека, гражданина нашей великой страны всегда был очень близким и трогательным. И вчерашнее освящение собора – это очень яркое событие возвращения к тому славному настоящему, подлинному, что не теряется, не смывается никакими ветрами никаких перестроек, перемен, к тому, что остается вечным в жизни человека.

Знаете, я со слезами на глазах пришел, посмотрел на эту карту: это наша великая страна. Сколького мы лишились, сколько потеряно людей, связей; сколько сегодня напряжения из-за того, что все это собранное, которое было собрано воедино не потому, что хотелось завоевать весь мир, а потому что тяготели люди друг к другу, и это создало огромную, мощную, очень сильную страну, которую невозможно разрушить никакими внешними нападками. А вот изнутри... Мы видим сегодня, что изнутри можно разрушить любой, даже самый крепкий организм.

И вот вчера Святейший Патриарх очень интересно сказал в беседе с нашим Президентом Рустамом Нургалиевичем, что опыт Татарстана надо транслировать на страну, потому что здесь действительно очень ярко вырисовывает-

ся ответственность за мир, за наше совместное существование, и мы в какой-то мере имеем здесь своего рода идеологический осколок нашей Российской Империи, где все выстроено, где есть стержень, где есть понимание государственности, где есть внимание и забота по отношению к каждому самому дальнему уголку республики, где есть стремление к тому, чтобы быть крепче, сильнее, где желание сохранить самую малую... даже одно село какое-нибудь... Вот есть Татарстан, есть одно село какое-нибудь, в котором есть какая-то своя традиция, – даже ее находят и стараются укрепить, чтобы она не растворилась в этом мире.

Поэтому мы очень рады, Анна Витальевна, что Вы выбрали одним из мест проведения этой конференции именно Казань, очень хотелось бы, чтобы Ваше энергичное, сильное и действенное слово и все, как вы делаете в разных местах... Как Вы смогли зажечь Пермь, которую зажечь, казалось бы, невозможно. Как Вы вошли энергично и активно в жизнь области, в которой погибла Елизавета Федоровна, и мученики Алапаевские, и наши страсготерпцы... И чтобы с этой энергией, с этой любовью к своему делу Вы смогли пройти... Чтобы было не только три правительства участников, а все остальные 82 или сколько еще... Потому что это наша страна, и ее надо крепить, чтобы как в гербе Российской Империи – там была такая цепь с гербами княжеств и ханств, которые входили в нее... Чтобы такая же цепь была вокруг этой карты, в центре которой – Елисаветинско-Сергиевское общество.

Кирилл,

Митрополит Казанский и Татарстанский

**Приветственное слово А. О. Чубарьяна,
научного руководителя Института всеобщей
истории Российской академии наук, президента
Государственного академического университета
гуманитарных наук, сопредседателя Российского
исторического общества**

Уважаемые участники и организаторы Конференции,
дорогие друзья и коллеги!

Рад приветствовать участников Конференции, посвященной 300-летию провозглашения России империей!

Сегодня, на основе научных исследований происхождения, создания и функционирования Российской империи, мы должны подвести итоги ее деятельности. Надо сказать, что сейчас мы часто сталкиваемся с попытками отождествлять империю российскую с другими империями, применяя термин колониализма к некоторым территориям, которые входили в состав Российской империи. Конечно, методологически и фактически это не соответствует действительности. Российская империя имела свои особенности и специфику. Уверен, на сегодняшней Конференции мы услышим множество интересных докладов.

Желаю всем участникам успешной и плодотворной работы!

Благодарю за внимание!

*Александр Оганович Чубарьян,
научный руководитель Института всеобщей истории РАН,
президент Государственного академического
университета гуманитарных наук,
сопредседатель Российского исторического общества,
академик РАН*

**Приветственное слово
председателя Наблюдательного совета Фонда
содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество» А. В. Громовой**

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Вчера мы с вами присутствовали при историческом событии – освящении возрожденного собора Казанской иконы Божией Матери. Убранство храма – чистый образец классицизма. Стилистика интерьеров очень близка дворцовым церквям в Павловске, Петергофе и в Царском Селе. Собор воссоздан с такой любовью, тщательностью и научной достоверностью, что, когда смотришь на это чудо, понимаешь, что в этом есть любовь. Если бы территория, присоединенная к России еще при Иване Грозном, не стала неотъемлемой и органичной частью России по традициям и культуре, никогда бы с такой любовью не восстановили православную святыню на татарской земле.

Наша конференция разделена на три сессии – первая сессия прошла в Балтийском университете имени Канта в Калининграде. Для «Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества» было большой честью подписать соглашение с университетом о научном сотрудничестве при разработке темы Императорской России. Вторая двухдневная сессия конференции состоялась в дни памяти Великого Князя Михаила Александровича в Перми – в соответствии с заданной тематикой «На просторах Импе-

рии», мы говорили о различных регионах, краях и областях – землях, которые в разное время вошли в состав Российской Империи.

Сегодня в Казани мы обсуждаем наиболее актуальную и сложную из всех предшествующих тем нашей конференции – «Российская Империя в сравнении с другими Империями Востока и Запада». Мы понимаем, что подходы и позиции имперской политики России по отношению к присоединенным территориям радикально отличались от колониальной политики Запада.

Мне хотелось бы пожелать нам научных свершений, интересных и новых впечатлений, творческих размышлений над темой. Надеюсь, что наша дискуссия побудит к новым исследованиям молодых ученых – сотрудников казанского приволжского университета, студентов и аспирантов.

Очень важно, чтобы многогранная история Императорской России находила отражение в научных исследованиях, в курсовых и дипломных работах наших учащихся. Коллектив и руководство Института Всеобщей истории РАН, с которым Казанский университет связывают длительные научные связи, будет всемерно содействовать научным трудам по данной тематике. Надеюсь, что мы останемся полезными друг другу и наше сотрудничество успешно продолжится в дальнейшем.

*Анна Витальевна Громова,
председатель Наблюдательного совета Фонда содействия
возрождению традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»*

**Приветственное слово Р. М. Валеева,
заместителя директора по научной деятельности
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального
университета, заведующего кафедрой
всемирного культурного наследия,
вице-президента Национального комитета ИКОМОС**

Добрый день, уважаемые коллеги. Здесь Владыка уже сказал, что Господь и Аллах услышал наши молитвы, и благословенный дождь как раз завершает ту жару, которую мы с вами претерпели. Для нас это в последние годы не очень «знаковое» явление.

Позвольте поприветствовать вас от имени Казанского федерального университета, института международных отношений. Наш институт вобрал в себя и имеет потенциал, прежде всего, знаменитой исторической школы, востоковедческой, лингвистической, культурологической, и благодаря такому многокомплексному сочетанию нам удастся заниматься теми вопросами, которые являются актуальными не только для региона Волго-Уралья, Волго-Камья, но в целом для России и мира. Свидетельством этого является включение наших объектов – Казанского Кремля, Болгарского историко-археологического комплекса, Успенского собора и монастыря острова-града Свияжска в список всемирного культурного наследия, и в этом как раз активное участие принимали ученые Казанского федерального университета совместно с учеными Академии Наук Республики Татарстан.

На самом деле тема, которую мы сегодня рассматриваем, весьма актуальна и для нас: здесь речь идет ведь не только о 300-летней истории; по сути, предпосылки появления Российской Империи – тот процесс, когда происходило движение с Запада на Восток, – это те предпосылки, которые привели к становлению Российской Империи. Появление Царства, появление Империи – это те знаковые этапы, продолжающие традицию, которая здесь была еще начиная с XIII до XV века, – Золотоордынская империя.

Многие историки, наверное, знают, что упоминание о первом императоре в западно-европейской историографии как раз связано с Золотоордынским периодом. Ну, а соответственно, уже в период Московского Царства, вроде, империи не было, но термин «Император» начинает появляться; здесь будет соответствующий доклад нашего коллеги на эту тему.

Есть много других вопросов, которые будут рассматриваться в рамках сегодняшней нашей конференции. И, наверное, очень знаменательно, что удалось объединить под скипетром Романовых все империи, потому что речь идет не только о Российской Империи, но и о тех империях, которые были определяющими. У нас говорят, что империя существует недолго, но представьте: некоторые империи существовали не только 300 лет, а значительно дольше, если мы вспомним Римскую Империю. И с этой точки зрения эти исторические процессы и тенденции являются весьма интересными.

В последние годы мы с Российским историческим обществом активно занимаемся засечными линиями России – это объекты культурного наследия, которые, собственно,

и привели к созданию самой Российской Империи. Этот социокультурный феномен больше рассматривали как военно-оборонительный, но это не только военно-оборонительный, здесь не только кремли, здесь и засечные линии, которые, по сути, и привели к тому, что Россия от Москвы двинулась и дошла до Дальнего Востока. А если брать юг – это Кушка, то есть территория Таджикистана. Вот этот процесс во многом связан именно с засечными линиями. В настоящее время готовится большая книга – атлас засечных линий. В России это свидетельство того, как империи создаются и что из этого получается.

Еще одна тема, которую я хотел бы затронуть, – в настоящее время в Китае проходит 44-я сессия Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО. Мы достаточно активно работали с экспертами ИКОМОС – это международная организация, которая занимается охраной памятников и достопримечательных мест, и свидетельство общения с экспертами ЮНЕСКО как раз позволило выйти на доказательство того, что Казанский Кремль и Болгаро-Свияжск имеют не только российское, не только татарстанское значение, но и мировое. И отрадно, что как раз 30 июля состоится символическая передача от Китая России, в данном случае Казани, Татарстану, ключа на проведение 45-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО в городе Казани. Это произойдет на следующий год, будем надеяться, что к этому времени, если Владыка и наш муфтий помолются, это будет проходить не онлайн, а по-настоящему. К нам приедут более трех тысяч экспертов, это огромная команда. Мне приходилось принимать участие, я знаю, как это проходит, насколько активно они работают. И как

раз свидетельство того, что 50-летие принятия конвенции об охране всемирного культурного наследия будет отмечаться в России, в Татарстане, в Казани.

Я желаю, чтобы тот дух, который здесь закладывается нашими приветствиями, участием Митрополита, продолжился в выступлениях, в докладах, которых в программе достаточно много представлено.

***Валеев Рафаэль Миргасимович,**
доктор исторических наук, профессор,
заместитель директора по научной деятельности
института международных отношений Казанского
(Приволжского) федерального университета,
заведующий кафедрой всемирного культурного наследия,
вице-президент Национального комитета ИКОМОС*

Доклады

**РОССИЯ – НЕ ЕВРОПА?
(ПОПЫТКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

Аннотация. В записи доклада анализируются причины экономического отставания царской России от Запада и пути преодоления этого отставания, анализируется роль демократических свобод в сползании страны к революционной катастрофе 1917 года.

Ключевые слова. Россия и Европа, Александр II, Александр III, Николай II, Манифест 17 октября 1905 года, буржуазно-демократические свободы в царской России, дореволюционная партийная система.

Тема огромная, поэтому буду как бы пунктиром идти. Сама проблема, является ли Россия Европой, – вечная проблема. И эта проблема порождена тем, что Россия определенным образом отстает от Запада. Это отставание вызвано географическим, геополитическим положением нашей страны, то есть Россия относится ко второму эшелону буржуазного развития. К первому эшелону относятся страны и города, расположенные на морях, где кипела торговля, кипели рынки, и причем страны по сравнению с нами с небольшой территорией. То есть эти буржуазно-рыночные отношения могли распространиться на целую страну: мы видим буржуазное развитие в итальянских городах, в немецких городах, Голландии, Англии – это те страны

и города, которые расположены на морях, ведут торговлю, и та же Франция, у которой с двух сторон – море.

Россия – совсем другое: огромнейшая территория, только Петр Великий прорвался к морю Балтийскому, а на Черном ему закрепиться не удалось, это только Екатерина Великая смогла. И даже когда у нас создавались, в том числе на Волге, компании, где было много, даже тысячи наемных рабочих-бурлаков, все равно эти зачатки рыночно-буржуазных отношений не могли пронизать столь огромную территорию. И от этого мы никуда не денемся – от географического положения России. Но как бы мы ни относились к капитализму, – скажем, Фридрих Энгельс в работе «О положении рабочего класса в Англии» объективно показывает, какой ужас представлял собой капитализм в Англии в середине XIX века; это действительно так, но современные заводы, порожденные бурным буржуазным развитием, делали современную технику, а современная техника – это современное вооружение!.. В результате мы столкнулись с тем, что в Крымскую войну наши корабли не обладали такими возможностями, как английские и французские, пушки, ружья – все намного хуже, многократно хуже.

Значит, хочешь – не хочешь, нравится капитализм – не нравится, а развивать его приходится, чтобы страна не превратилась во второстепенную и зависимую. Отсюда (если сформулировать отличие от Запада) у нас значительно бóльшую роль играло государство, руководители страны, которые понимали, что такое развитие необходимо. И принципиально важный фактор заключался в том, что рыночно-буржуазные отношения могут успешно развивать только свободные люди. Поэтому совершенно

необходимой оказалась после Крымской войны реформа 1861 года – освобождение крестьянства. И так, 1861 год, затем года три страна «переваривала» свершившееся, и с 1864-го года начинается достаточно быстрое развитие, которое продолжалось вплоть до Первой мировой войны. Почему? – потому что среди 20-ти миллионов освобожденных крестьян оказались и выделились сотни тысяч оборотистых и умелых, трудолюбивых и трезвых крестьян, которые, получив свободу, стали заниматься торговлей, строили мануфактуры, заводики и даже миллионерами становились.

У нас, как и на Западе, успешное развитие капитализма было связано со свободными людьми. И здесь можно сказать, что сейчас нам сложнее, чем тогда, при Императоре Александре II, потому что сейчас нет такого количества крестьян, которые могли бы влиться в это развитие, – трудовое крестьянство во многом уничтожено в сталинскую коллективизацию. А тогда это крестьянство было. И бурное развитие капитализма в конечном счете вывело и закрепило страну на десятилетия на втором месте, потом – на первом месте при Николае II в 1910-х годах по темпам развития, в том числе промышленного. А по валу мы были на пятом месте и в 1916-м году вышли на четвертое, обогнав Францию! То есть, если брать экономическую составляющую, то мы вполне конкурентоспособны с Западом.

Здесь также большую роль сыграли два преобразования, заимствованные из западного опыта. Это судебная реформа 1864 года – создание независимого всесословного суда. Термин «гласность» не Горбачев придумал,

этот термин стал широко употребляться при Александре II. Император и другие руководители страны понимали, что бурное развитие рыночных отношений приведет к многочисленным конфликтам, спорам. Как это решать в интересах экономики, в интересах страны? Нужен объективный суд, независимый от администраций, независимый ни от губернаторов, ни даже от самого царя. Такой суд удалось создать; были отдельные нарушения, но в целом суд работал и был уничтожен только в 1917-м году Лениным.

Теперь о преобразовании, которое произведено в самом конце XIX века, о введении золотого рубля. Это замыслил еще Александр III, а воплотили в жизнь Николай II и С. Ю. Витте. Александр III ни разу не воевал, даже малой войны ни с кем не было, и скопились большие золотовалютные запасы; в результате рубль стали свободно обменивать в Госбанке на золото, рубль охотно принимался во всех странах, он был признан мировой валютой наравне с долларом и фунтом стерлингов. То есть в финансовой сфере Россия была абсолютно конкурентоспособна.

Эти две выдающиеся реформы – судебная (независимый суд) и «золотой рубль» – обеспечили то, что внутренний российский капитал не бежал на Запад, поскольку был защищен: собственность не могли отобрать, даже если капиталист скажет что-то критическое про царя, а царю не понравится; собственность оставалась у капиталиста, даже если его дело процветает, – собственность начальники не отбирали, чтобы поделить среди своих. А западный капитал, поскольку собственность защищена и привлекателен «золотой рубль», пошел в большом количестве в Россию. То есть настолько, что, если брать крупную

промышленность, то до 40 % этой промышленности создана на западный капитал. И хорошо: самые современные заводы, самые современные технологии, рабочие места. Тут мы были вполне конкурентоспособны.

Плюс огромное железнодорожное строительство, инициированное Александром III и продолжившееся в еще больших масштабах при Николае II. Фантастическое железное строительство: в среднем 2,5 тысячи км в год, в отдельные годы – 5 тысяч км в год – это даже представить трудно, какими темпами и без использования подневольного труда заключенных! И в этом мы были конкурентоспособны с Западом, имели блестящие перспективы.

Однако памятуя, чем все закончилось – катастрофой 1917-го года, следует сказать и об отрицательных факторах, которые, собственно, и обернулись этой катастрофой. У нас была широко распространена точка зрения, особенно в советское время, но распространена и сейчас, что главная причина революций – аграрный, земельный вопрос. Действительно, он не был решен при Империи. П. А. Столыпин его вполне успешно решал, но решить не успел. В своих книгах я высказываю мнение, что главный вопрос был не аграрный. Разве в советское время решили аграрную проблему? – ведь не решили, по крайней мере, плодотворно не решили. И сейчас этот вопрос не решен, он конца, но до решения еще много потрудиться придется. То есть вопрос аграрный не решен, а Держава стоит.

Думаю, что главное, на чем мы споткнулись тогда, – это одна из принципиальных составляющих буржуазной демократии – свобода слова и свобода печати. В 1856-м году, при Александре II, ослабили цензуру, разрешили критиковать

правительство, обсуждать тот же аграрный вопрос и так далее, потому что требовалось выработать грандиозную реформу по отмене крепостного права. А обсуждать было негде: парламента не было, партий нет, в печати нельзя; решили: давайте обсуждать грядущую реформу в печати, в журналах и газетах, отдельных изданиях. Вполне логично, но вот что получилось в условиях России, при нашем менталитете, при склонности русских к перехлестам, русские все-таки максималисты, эмоциональные люди. Получился с 1857-го года поток критических публикаций, который продолжался аж до 1917-го года – шестьдесят лет. Когда готовил одну из моих монографий, то читал и проглядывал популярные журналы, толстые журналы (месяц за месяцем, год за годом) – издавались интересные журналы, нередко с талантливыми публикациями, направленными на преодоление имеющихся недостатков и пороков, при этом общая направленность публикаций критическая. То, что были большие достижения, считалось едва ли не само собой разумеющимся, а о плохом, о том, что следует изменить, чего не должно быть, – очень много, даже в церковной печати. И в художественной литературе, в том числе классической, возьмем, скажем, «Воскресение» Л. Н. Толстого – это тоже критическая литература. А к чему это привело? Ведь революции начинаются не на улицах, они начинаются в головах и сердцах людей. Привело к тому, что буквально гимназисты знали-считали, что министры никуда не годятся, правительство следует менять, царя менять. Некоторая цензура до Манифеста Николая II от 17 октября 1905 года существовала, царя напрямую критиковать запрещалось, но можно было показать, написать, что так жить дальше

нельзя, власть никуда не годится. Вместо слова «царь» употреблялось слово «власть», и это публиковали.

Этот поток критической, критиканской, самоедской литературы (как публицистической, так и художественной), мне кажется, сыграл роковую роль в русской истории. Конечно, свобода слова, свобода печати – необходимы. Я, как преподаватель и ученый, сам в ней нуждаюсь, заинтересован в ней, чтобы писать и проговаривать правду. Одновременно, когда анализирую произошедшее, понимаю, что с этим был такой перехлест, который обернулся своего рода революцией в умах, во всяком случае в образованном обществе, а затем благодаря интеллигенции революционные настроения сложились в общественное мнение, которое вывело многих людей на улицы. Свобода слова в России сыграла дурную роль, поскольку до таких перехлестов доходило: в ноябре 1916 года выходит лидер конституционных демократов Милюков на трибуну Государственной Думы и начинает клеветать на Императрицу, на премьер-министра; самая грубая клевета из вражеских германских источников – и что? И ничего, причем во время войны. Его даже не отстранили хотя бы от одного заседания Думы, значит, говори, выступай дальше, страна слушает... Вот что происходило, какой был перехлест со свободой слова в России.

В связи с темой свободы слова скажу и о партиях. Это тоже необходимая составляющая буржуазной демократии, только очень уж быстро у нас все происходило. А к чему привел такой темп? Если брать партии левые, то они были под запретом до Манифеста 17 октября 1905 года. Что же такое партия нелегальная? – ни нормального

съезда, ни нормальной партийной дискуссии, ни нормальных внутрипартийных выборов. Ленин зачастую кооптировал своих сторонников в ЦК партии просто собственным решением, без всяких выборов. И как может быть иначе, если партия в России запрещена, если съезд приходится проводить за границей?

Если брать партии, образованные после Манифеста 17 октября 1905 года, они оформились моментально. Но как может партия образоваться моментально? Они образовывались вокруг известных людей: Милюков – известный историк, Гучков – тоже известная увлекающаяся фигура... А вокруг популярных людей какие партии образовались? – вождистские. Раз все очень быстро, то создаются во многом вождистские партии, что сыграло огромную роль в Февральской революции 1917 года. Кто принимал быстрые партийные решения? – принимали эти самые вожди: тот же Гучков, Милюков. Если провести съезд октябристов и начать выяснять их позицию, то вполне возможно, что они не поддержали бы революционного Гучкова. Но он решал – не вся партия; Милюков решал – не вся партия.

Еще в январе 1917 года обедали английский посол Бьюкенен и Милюков, обсуждали ситуацию в России. Бьюкенен спросил:

– Чего же вы, русские либералы, хотите?

– Ну как же чего?! – воскликнул Милюков. – Мы хотим конституционной монархии. Мы хотим, чтобы парламент получил право формировать правительство, чтобы мы управляли Россией.

– Послушайте, – сказал посол, – у вас же ничего не было

еще 20 лет назад. Но сейчас у вас есть свободная печать, есть Государственная Дума, есть свобода политических партий. Ну, потерпите вы еще 10 лет, и получите вы право формировать правительство.

На что Милюков воскликнул:

– Русские либералы не могут ждать 10 лет!

– Моя страна ждала 800 лет! – ответил Бьюкенен.

Россия в созидании капиталистической экономики и соответствующей ей политической системы догоняет Запад. Поэтому понятно стремление нагнать быстро, даже перегнать, и некоторые предпосылки для этого были. Однако поспешили-оступились в 1917-м, после чего во многом потеряли XX век. И сегодня решаем в том числе те задачи и проблемы, которые не решили сто лет назад.

Выводы: все-таки Россия – в полной мере не Европа и не Азия, и не Евразия. Россия – это Россия! Это целый континент, целый материк, и мы никогда не будем жить, как живут в той же Великобритании или во Франции. Вздумали быть впереди планеты всей: построить социализм-коммунизм – не получилось, значит, никуда нам от этой самой буржуазно-рыночной экономики не деться. Необходимо учитывать и использовать западный опыт, но приспособляя его к нашей культуре и вере, к нашим традициям и менталитету, к нашей огромной разнообразной территории и разнообразному климату, к большому населению России.

**РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИМПЕРИИ:
«РЕГУЛЯРНОЕ ГОСУДАРСТВО» ПЕТРА ВЕЛИКОГО
КАК «ХРИСТИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация. В статье с позиции культурно-исторического подхода поставлен проблемный вопрос о (не) возможности синтеза органической религиозной цивилизации и раннемодерной концепции «регулярного» государства. На российском материале показано, как православный монолит средневековой Московии с его типом благочестия и двоевластием царя-патриарха под воздействием реформ Петра Великого и архиепископа Феофана (Прокоповича) превращался в «христианское государство», как одну из ипостасей «регулярного» («правильного», по Т. Гоббсу) государства и империи за счет перераспределения юрисдикции церкви и государства относительно общества. Идеино непротиворечивая для просвещенного монарха и теоретиков начала XVIII в. модель «христианское государство» регулярной раннемодерной империи просуществовала до середины 1750-х гг. и в силу внутренних противоречий на практике вынуждена была смениться более рациональной версией политической теологии.

Ключевые слова. «Христианское государство», «регулярное» (правильное) государство, империя, деизм, конфессионализация православия, дисциплинаризация, Петр Великий, Томас Гоббс, архиепископ Феофан (Прокопович).

Проблемная интерпретация социальной утопии Петра Великого на предмет построения логичной, внутренне непротиворечивой схемы требует учета немаловажного нюанса. Очевидно, что он создавал «регулярное» («правильное» – по Т. Гоббсу) государство, военно-полицейское или военно-бюрократическое государство – империю, в основе которого лежит «общее благо». Но при этом забывают, что, прежде всего, в рамках тотально религиозного общества он строил «христианское государство», а в речах императора Петра Великого и архиепископа Феофана (Прокоповича) религиозной риторики было не меньше, чем светской.

Концепт «христианское государство» был сформулирован в рамках деистического христианства XVII в. с его идеей самоустранившегося («спящего») Бога и принципом предустановленной гармонии (Г. В. Лейбниц). Он подразумевал присвоение функций церковного института государством по мере его внутренней христианизации. Вот как писал о соотношении церковного и государственного институтов сам Т. Гоббс (1588–1679):

«Я определяю церковь как общество людей, исповедующих христианскую религию и объединенных в лице одного суверена, по приказанию которого они обязаны собраться и без разрешения которого они не должны собираться» [1, с. 502].

«Регулярное» государство Петра Великого создавалось как христианское и осмыслялось в религиозных категориях. Для его христианизации необходимо было реализовать в массах новый тип рационального («нормального» или «регулярного») благочестия, который предписывался Духовным регламентом. «Проповедали

бы праведники твердо, с доводом Священного писания, о покаянии, о исправлении жития, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностях всякого чина. Истребляли б суеверие, вкореняли б в сердца людей страх Божий. Словом рещи: испытывали б от Священного Писания, что есть воля Божия, угодная и совершенная, и то б говорили» – предписывается в означенном документе [2, с. 323].

Предыдущий вариант «московитского», традиционного благочестия связывался с суевериями и церковно-государственным двоевластием и подлежал искоренению.

О поэтапной деинституциализации русской церкви говорят следующие факты: отказ от выборов патриарха (1700) и дальнейшее введение коллегиального (синодального) управления церковным институтом; нежелание иметь в новой столице (с 1712), Санкт-Петербурге, архиерея, достаточно было и архимандрита Троицкого, впоследствии Александро-Невского монастыря; присвоение сферы наследственного, брачного права, образования государственной власти; передача кадровой политики и архиерейских назначений государству.

В символическом плане отрицание и преодоление самостоятельности института церкви шло в рамках кощунственно-пародийных ритуалов Всешутейшего и всепьянейшего собора. По словам Э. Зицера «этот процесс превращения придворной партии Нарышкиных в новую церковь (церковь-государство. – А. М.) обожествленного Отца Отечества хорошо описан на примере Всешутейшего собора Преображенного царства» [3, с. 184].

Создавая Рай на земле, столицу в ингерманландских болотах – «царствующий град Санкт-Петербурх» – город Святого апостола Петра – как центр «христианского» государства, то есть Новый Рим, Петр Великий апеллировал к Риму архаичному, языческому или первохристианскому, отрицая Второй (Константинополь) и Третий (Москва) Рим. В его причастности к идеалу, к образцу не должно было быть посредников и интерпретаторов.

Принимая титул «Отца отечества» (а так же Императора и Великого) в рамках деистической парадигмы (как наместник Бога на земле), он воскрешал завет христианского народа (страны, государства) с Богом, минуя посредничество церкви. Осуществлялось это в рамках актуальной тогда в протестантских странах теологии завета (covenant theology) [4, с. 30], которое подтверждается и использованием ветхозаветной, библейской риторики, и ветхозаветным типом благочестия (карающего, но справедливого Бога), соответствующего деизму (мейстат Христа равен мейстату Петра Великого).

В пользу идеи «христианского государства» – то, что Петр Великий строил империю в России именно как христианский монолит (органическая религиозная цивилизация [5, с. 180–222]), – говорят следующие факты. Во-первых, все религиозные дела (любой христианской конфессии и нехристианской религии (мусульманских и буддийских институтов тогда не было) были подчинены с 1720 г. Святейшему Синоду, который, например, повелел закрыть иудейскую школу, запретил иудеям Смоленска торговать по воскресеньям и судил лютеранского пастора [6, с. 110]. Во-вторых, активная миссионерская политика

Петра Великого на Средней и Нижней Волге и в Сибири свидетельствует о том, что политической «регулярности», однородности регионов должна соответствовать и религиозная монолитность – в виде модернизированного православного христианства [7, с. 213–214].

Эта политика была унаследована его преемниками и своего пика достигла при Елизавете Петровне – крещением мусульман Поволжья и закрытием армяно-григорианской церкви (!). Переосмыслена она была только в 1756–1764 гг. в связи с новой интерпретацией концепта «христианское государство» [8].

Средством достижения социальной утопии «христианского государства» и нового благочестия была дисциплинаризация клира (духовенства) и мирян (населения) и исключение из общества Российской Империи всех неподдающихся этому процессу (старообрядцев, сектантов, нехристиан). Создание образовательной системы для духовенства и новый рациональный тип благочестия, внушавшийся посредством специально созданных пособий [9, с. 34–42], были следствием процесса конфессионализации, затронувшего Россию с середины XVII в. и шедшего всю первую половину XVIII в.

Помимо внешней конфессионализации – разделение на никониан и раскольников с дроблением последних на согласия, толки и псевдохристианские секты – можно выделить и т.н. внутреннюю конфессионализацию, то есть появление новых религиозных практик и типа благочестия в официальном новообрядном православии, разделении на сторонников реформ Петра Великого в церкви и противников, малороссов и великороссов. Появившаяся

в результате внутренней конфессионализации оппозиция стала известна под именем старомосковской или старорусской партии, имела великорусскую идентичность, симпатизировала старым обрядам [10, 11].

«Христианское государство» путем присвоения функций церкви подразумевает и создание, теоретизацию «христианской политики» (негатив от присвоения патриархом Никоном государственных функций), то есть проведение внутренней и внешней политики, исходя из христианской риторики [1, с. 453–459].

Основываясь на протестантских ветхозаветных идеалах, Петр Великий, по-видимому, выступал за некую христианскую внеконфессиональность (тип благочестия был подобен пуританизму северных протестантских народов). Именно в этом контексте нужно рассматривать послабление для межконфессиональных браков 1702 г., фактически санкционированного для разрешения русским женщинам выходить замуж за пленных шведов.

Таким образом, одной из главных составляющих создававшейся петровской идеологии (мировоззрения) регулярного государства (империи) являлась теория «христианского государства» как принципа сакрализации института государства за счет десакрализации и деинституциализации церкви.

Проповедуемая то в ветхозаветных категориях, то в терминах немецкой юридической школы (мейстат) харизма Петра Великого с ее внеюридической властью (Э. Зицер [3, с. 180–183]) в рамках договорного государства «общего блага» была главным залогом этого присвоения и перераспределения.

Такой вариант политической теологии был направлен на ассимиляцию, поглощение церкви государственным институтом и превращение ее в инфраструктуру империи без собственной эклезииологии, собственной иерархии, собственного мистицизма и собственной миссии, которая заключается в спасении людей. Подобный вектор, правда, без должной харизмы монарха, сохранялся до середины царствования Елизаветы Петровны (1741–1761).

Библиографический список

1. Гоббс, Т. Левиафан. М., 2016. 672 с.
2. Духовный регламент // Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. С. 310–331.
3. Зицер, Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. 240 с.
4. Филиппов, А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Гоббс Т. Левиафан. М., 2016. С. 5–45.
5. Беллингтон, Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры: в 2 т.: М., 2011. Т. 1. 750 с.
6. Смолич, И. К. История русской церкви. 1700–1917: в 2 ч.: Ч. 1. 799 с.
7. Смолич, И. К. История русской церкви. 1700–1917: в 2 ч.: Ч. 2. 798 с.
8. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть 2. От «современного государства» к «современной империи» // *Ab imperio*. 2015. № 1. С. 387–447.
9. Цыпин В., протоиерей. История русской православной церкви. Синодальный и новейший период. 1700–2005. М., 2010. 816 с.
10. Хондзинский, П. В. «Поле» конфессионализации: опыт приложения теории к русской духовной традиции // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. История. История Русской православной церкви. 2015. Вып. 2 (63). С. 9–17.
11. Хондзинский, П. В. «Ныне все мы болеем теологией...»: из истории русского богословия предсинодальной эпохи. М., 2013. 482 с.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II И МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения между Российской и Османской империей в период правления Екатерины II и реакция представителей мусульман Внутренней России к этим процессам. Политика российских властей по отношению к исламу в этот период носила веротерпимый и дальновидный характер.

Ключевые слова. Ислам, мусульмане России, веротерпимость, халиф, конфессиональная политика.

Важнейшим направлением внешней политики России, начиная с последней четверти XVII века, с момента вступления в «Священную лигу», становится решение задачи выхода на Причерноморье, с дальнейшим строительством портов и крепостей, развитие военного и коммерческого мореплавания. Попытки активизации военных действий во время правлений Петра I и Анны Ивановны в этом направлении не привели к разрешению данной проблемы. Поэтому в 1760–1790-е гг. решение этих задач становится ведущей во внешней политике Екатерины II.

Еще одним важным аспектом отношений с Османской империей и Крымским ханством в 1760-е гг., было наличие во внутренних губерниях многочисленного мусульманского населения. Взаимоотношение государства и мусульманской общины в первой половине XVIII века характеризовалось ущемлением прав последней, что приводило

к серьезным волнениям и восстаниям в среде российских мусульман.

Два крупных выступления по времени совпали с военными кампаниями России против Османской империи (восстания в 1704–1711-е гг. и Прутский поход 1711 г.; 1735–1740 гг. и русско-турецкая война), хотя их причины не были напрямую связаны с ходом военных действий. Подобные совпадения использовались для ведения антироссийской пропаганды среди выходцев Поволжья и Приуралья в учебных заведениях Северного Кавказа и Средней Азии проосманскими мусульманскими проповедниками [5, с. 526].

Правление Екатерины II (1762–1796 гг.) связано с улучшением правового положения мусульман Среднего Поволжья и Урала (Внутренней России). Согласно указу Сената от 6 апреля 1764 была прекращена деятельность Новокрещеной конторы, главного орудия христианизации инородческого населения указанного региона. В своем «Наказе», подготовленном для деятельности Уложенной комиссии, Императрица выступила с инициативой введения в стране принципа веротерпимости: «Ст. 494. В том великом государстве, распространяющем свое владение над (с)толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер» [7, с. 275].

Уже в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. выходит указ Синода от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех исповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальникам» [8, с. 775], что, несомненно, было попыткой привлечения мусульманского сообщества к общероссийским проблемам. С другой стороны, в 1770-е г. неоднократно подтверждались постановления прежнего

законодательства о наказаниях за обращение в ислам [9, с. 134].

Благодаря участию в Семилетней войне (1756–1763 гг.), Российской Империи удалось отбить притязания Прусского королевства в центральной части Германии и на Балтике. Воспользовавшись относительным спокойствием в западном направлении, Россия вновь принялась за разрешение задачи выхода к южным морям, так как этот фактор серьезно сдерживал экономическое развитие черноземных и южных губерний. При несовершенстве гужевого транспорта, сухопутные пути через Польшу и Австрию не могли заменить морские коммуникации, да и коалиционные соглашения в реалиях XVIII века были очень ненадежны. Не имея возможности торговать через Черное море, дворяне, купцы, промышленники не спешили развивать торговлю, ремесла и сельское хозяйство в южных регионах страны.

Эти притязания официального Петербурга в отношении Османской империи и ее союзницы Крымского ханства были поддержаны Англией, чье правительство не считало конкурентом Россию в области морской торговли и военно-морского флота. Как утверждал английский посол в Петербурге лорд Каткерт в 1770 г.: «Она должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае ее успеха это лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха – мы утратим лишь то, что не могли иметь» [13, с. 42–43].

Франция, потерпевшая поражение в Семилетней войне и потерявшая ряд стратегически важных направлений во внешней торговле (Индия, Канада), стремилась упрочить свое положение в Ближневосточном и Североафриканском регионах, поддерживая военно-политические амбиции османского султана. Эти стремления официального Версаля объективно приводили к враждебным отношениям к России, и французские послы в Петербурге получа-

ли рекомендации от короля, направленные на дальнейшее ухудшение отношений между царским правительством и Портой, а также «ослаблять Россию изнутри, возбуждая в ней беспорядки» [12, с. 61].

Попытки вовлечения Османской империи в новую войну против Российской Империи были отсрочены российским посланником в Стамбуле Алексеем Михайловичем Обресковым, за что получил благодарность от Императрицы Екатерины II, которая написала на донесении посла: «Ревность, искусство и усердие Обрескова довольно похвалить не можно» [14, с. 31–33]. Но старания пусть и опытного, искусственного в интригах посла оказались тщетны, русско-османские взаимоотношения стремительно ухудшались.

Активизировали свои действия крымские мурзы и беи, начавшие совершать серьезные набеги на южные рубежи России. Австрия была недовольна усилением притязаний Петербурга в Речи Посполитой и для ослабления влияния пророссийских сил стремилась вовлечь Порту в этот регион. Ситуация накалилась настолько, что османским властям нужен был малейший повод для объявления войны. После выступления гайдамаков в районе Дубоссар и Балты, которые находились под контролем крымского хана, 25 ноября 1768 г. султан Мустафа III объявил России войну.

Начальный период боевых действий был не совсем удачным для российских войск. Осенью 1768 г. войска крымского хана сильно опустошили приграничные земли, перелом в пользу России происходит в 1770 г., когда войска под командованием Потемкина и Румянцева нанесли ряд серьезных поражений османским войскам.

Интересные сведения о настроениях казанских татар, служивших в российской армии, содержатся в записках османского сановника Мухаммеда Неджати-эфенди: «В числе гяурского войска, назначенного быть при нас во время

пути, находилось несколько казанских татар. Они так описывали свое положение. «Гяуры», рассказывали они, отобрав нас, в виде вспомогательного войска от Казанской губернии, пять-шесть тысяч человек и присоединив к своему войску, послали против Крыма. Но муллы наши дали всем нам такое наставление: «Когда вы, пойдя против мусульман, очутитесь супротив их, то держите свои ружья кверху, а в случае коли удастся убежать – переходите на сторону исламскую: это спасительно, потому что, оставшись в этой военной службе, вы все равно не можете опять ни разу увидеть нас: вы останетесь в гяурских крепостях, вас не приведут в эту губернию; так уж вы подумайте лучше о том, каким бы путем уйти на сторону исламскую». Сказав это, они (муллы) благословили нас, и мы пошли, усвоив себе такого рода правило» [2, с. 199].

Подобные настроения нашли свое выражение в активной поддержке мусульманского населения движения Е. Пугачева в 1773–1775 гг. Татары и башкиры выступали за разрешение политических (равные права для всех подданных императора), социальных (в восстании в основном приняло участие беднейшее крестьянство), идеологических проблем. С другой стороны, в ходе этих событий проявились социальные различия среди мусульманского населения региона.

Представители татарского дворянства, часть крупного и среднего купечества, а также верхушка мусульманского духовенства придерживались лояльного отношения к официальным властям.

События восстания Е. И. Пугачева также нашли отражение в записках Мухаммеда Неджати-эфенди, вот как он описывает события 1774 г.: «Бугачур, идя против Казани, послал казанским мурзам такую бумагу: «Если москвы потребуют от вас войск на меня, то вы не давайте: я,

когда возьму Казань, освобожу вас, выведя в страны исламские. Если же вы дадите войско, то я потом истреблю вас». Бумаги-то его пришли; но начальствующий гяур явился с войском в Казань, силою набрал оттуда войска и пошел против Бугачура; он был разбит; московское войско бежало; другие погибли. Вышеозначенный Бугачур пришел и взял крепость Казань; множество мурз убил, а селения их сжег» [3, с. 144–145].

Летом 1774 г., в разгар восстания Е. И. Пугачева, в местечке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 гг. По условиям мира Россия получала свободу мореплавания на Черном море. Русские купеческие корабли имели право свободного прохода через Дарданеллы и Босфор. Некоторые статьи договора создавали благоприятные условия для проникновения России на Балканы [4, с. 124]. Наиболее важным пунктом по мусульманскому вопросу было зафиксированное в артикуле III договора 1774 г. признание Россией, первой среди великих европейских держав того времени, права духовной власти султанов династии Османов как «верховных калифов магометанского закона» [6, с. 81]. Начинается правовая разработка правового статуса Таврических (Крымских) мусульман в отношении Российской Империи. Таврический суннитский муфтият (духовное правление) был сохранен, его служители получали российское казенное содержание. По указу от 16 октября 1783 г. выплата «надлежащего содержания» также гарантировалась низшим категориям мусульманских духовных лиц Крыма, служившим в мечетях и исламских учебных заведениях. В ответ на подобные материальные затраты имперские власти рассчитывали на проявление необходимой политической лояльности со стороны этой группы населения Тавриды [1, с. 30].

Одновременно продолжается смягчение политики по отношению к мусульманскому населению Внутренней России. Начинается строительство и открытие новых мечетей в населенных пунктах Среднего Поволжья, в Оренбурге и Троицке, несмотря на некоторое противодействие со стороны официальных властей. С другой стороны, в Приуралье местные власти сами изыскивали средства и способы для строительства мечетей.

Таким образом, в 1780-е гг. ведется двойственная политика, с одной стороны, препятствуют влиянию ислама в обжитых регионах Внутренней России, с другой, создают положительный имидж властям, пропагандируя мусульманскую веру, как средство привлечения «туземных» народов Азии в российское подданство.

При этом мусульманское духовенство из Поволжья и Приуралья теряет свое независимое по отношению к официальным властям состояние и постепенно оказывается под контролем государственных институтов. Начиная с первой половины 1780-х гг. часть мусульманского духовенства начинает получать государственное жалованье [10, с. 160–161]. С изданием указа от 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими», имперские власти получают действенный механизм для контроля над их назначением и деятельностью [10, с. 1107].

При определении на должность того или иного духовного лица, муллы проверялись на «благонадежность», а затем подлежали утверждению генерал-губернатором [10, с. 1107]. Учрежденное по образцу Таврического муфтията Оренбургское магометанское духовное собрание, в ведении которого находилось мусульманское духовенство,

становилось одним из отделений имперского бюрократического аппарата, со всеми свойственными ему атрибутами.

Первым муфтием был избран лояльно настроенный к российским властям Мухамеджан Хусаинов. С момента основания в его штате были секретарь, канцелярские и прочие служители, получавшие казенное жалованье за выполнение соответствующих функций [11, с. 20–21]. Представители мусульманского духовенства, заседавшие в собрании, должны были меняться каждые три года. Отличие Духовного собрания от других государственных учреждений состояло в том, что по указу 1792 г. пятница была объявлена для него днем, свободным «от присутствия», так как «по магометанскому закону пятничный день есть праздничный» [11, с. 341].

Необходимо заметить, что все эти мероприятия имперских властей проводились в период нового обострения взаимоотношений с Османской империей, которые вылились в новую войну 1787–1791 гг. Реальное улучшение положения мусульман Внутренней России в конфессионально-правовом отношении, в сочетании с отменой ограничений на ведение торговли и уравниванием прав татарских мурз с российским дворянством, не привели к появлению в данном регионе нового очага напряженности, как это было во время предыдущих конфликтов между Россией и Османской империей в XVIII веке.

Конфессиональная политика Екатерины II оказалась стратегически верной и прагматичной. Пойдя на признание свободы совести у иноверцев-мусульман, власти получили вместо готового к мятежам и дезертирству народа, лояльно настроенных поданных, а мусульманское духовенство постепенно превращается в верного сторонника официальных властей.

Библиографический список

1. Арапов, Д. Ю. Исламская политика Екатерины Великой // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2014. № 5. С. 25–37.
2. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. / Вступ. ст., пер. и коммент. В. Д. Смирнова // Русская старина. 1894. № 3.
3. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. / Вступ. ст., пер. и коммент. В. Д. Смирнова // Русская старина. 1894. № 5.
4. История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона.) – М.: Академический проект; Парадигма, 2018. – 293 с.
5. История татар. Том V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – 1032 с. + 80 с. цв. вкл.
6. Кучук-Кайнарджийский мир // Под стягом России. Сб. архивных документов. М., 1992. С. 78–93.
7. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. 18.
8. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. 19.
9. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. 20.
10. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. 22.
11. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. 23.
12. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 14. СПб., 1874.
13. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 19. СПб., 1876.
14. Рескрипты Екатерины II от 21 и 24 июня 1762 г. // Сборник Русского Исторического Общества. Т. 48. СПб., 1885.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В НОВОМ СВЕТЕ: СПЕЦИФИКА ЕЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономической системы, сложившейся в российских колониях на Аляске и Алеутских островах в 1766–1867 гг. Эта система в специфическом варианте воспроизводила строй, существовавший в метрополии, который можно охарактеризовать как политарный. В свою очередь, колониальный политаризм, возникший в Русской Америке, более всего напоминал социально-экономическую систему, доминирующую в испанских колониях в Новом Свете.

Ключевые слова. Российская Империя, политаризм, русская колонизация, Аляска, Российско-Американская кампания, Испанская Америка.

Определение характера и специфики европейской колонизации XV–XIX вв. является одним из важнейших теоретических вопросов, поскольку она оказала колоссальное воздействие на формирование современного мира. Очевидно, что на возникновение и эволюцию каждого конкретного колониационного процесса оказывал влияние целый ряд основополагающих факторов. Среди них следует назвать социально-экономическое состояние метрополии, откуда осуществлялась колонизация, социальный и демографический состав колонизаторов, своеобразие природной среды

и туземного населения колонизируемой территории, которые зачастую обуславливали хозяйственную ориентацию колоний. Последняя зависела также от международной обстановки, деятельности представителей других держав, а равным образом от включения колоний в структуру международных экономических связей. Нельзя сбрасывать со счетов и субъективный фактор – воздействие личностных качеств (воли, решительности, компетенции) конкретной исторической личности, занимавшей в тот или иной период высшее место в управленческой структуре колонии или метрополии.

Однако характер любого типа колонизации обусловлен не только спецификой контактов с туземцами или климатическими особенностями осваиваемых территорий (хотя их роль может быть чрезвычайно велика). Важнейшим фактором выступает уровень и особенности социально-экономических отношений, складывающихся в колониях того или иного государства, которые оно стремится воспроизвести на колонизируемых землях. В свою очередь, система социально-экономических отношений зависит от доминирования той или иной формы собственности на основные средства производства, а нередко и на рабочую силу.

Если подойти к нашей проблеме с этой точки зрения, то прежде всего необходимо выяснить природу социально-экономического строя, который господствовал в России со второй половины XVIII в. и до 1867 г., когда она имела свои колонии в Америке. В советский период, а порой и сейчас [8, с. 200, 203, 231, 249, 251] отечественные историки рассматривали этот строй как один из вариантов феодализма («феодално-крепостническая система»).

Но подобная трактовка представляется ошибочной. Разумеется, в России присутствовали элементы феодальных отношений, но сам по себе феодальный уклад не являлся основным, поскольку был «встроен» в господствующий государственный уклад в виде подуклада (его частичное усиление и юридическое оформление произошло при Екатерине II). Дело в том, что испокон веков на Руси, а затем в Российской Империи почти до конца ее истории доминировал так называемый «политаризм» [4, с. 44–67]. Этот термин произошел от греческого слова *полития* (πολιτεία), т. е. *государство* [17]. Политаризм – это общественный строй, основанный на верховной частной собственности государства на основные средства производства и личность работника. В нашей историографии эта система обычно известна как «азиатский способ производства», о котором в свое время упоминал Карл Маркс [7, с. 353–354]. Важно отметить, что в политарном обществе наряду с доминирующим государственным укладом могут существовать и другие формы социально-экономических отношений в виде рабовладельческого, феодального или капиталистического подукладов. Собственно, вся российская история может служить хорошей иллюстрацией этого тезиса.

Учитывая господство в стране политаризма, совершенно неудивительно, что у истоков Русской Америки стояло государство, так как именно оно в 1719–1743 гг. организовало несколько экспедиций в бассейне Тихого океана с целью изучить, а по возможности и присоединить к России новые земли к востоку от Камчатки. Наибольший успех в географических изысканиях сопутствовал второй Камчатской экспедиции во главе с командором Витусом

Берингом и его заместителем капитаном Алексеем Чириковым. В 1741 г. они отправились в плавание на двух пакетботах с Камчатки через Тихий океан и смогли открыть острова и берега Юго-Восточной и Южной Аляски, а также цепь Алеутских и Командорских островов. Однако расходы царской казны на эту экспедицию были столь велики, что правительство на несколько десятилетий отказалось от активного участия в дальнейшем освоении открытых на востоке земель. Инициатива перешла от государства к многочисленным купеческим компаниям, которые стали снаряжать суда и нанимать промышленников для добычи пушнины на Алеутских островах, протянувшихся от Аляски до Камчатки. Со своей стороны государство санкционировало выход каждого судна в море и обычно направляло на него одного или нескольких казаков, которые должны были собирать с местных жителей – алеутов – ясак (дань пушниной) в царскую казну, как это происходило в Сибири. Кроме того, русские выменивали у алеутов меха, а со временем стали формировать из них байдарочные флотилии для добычи самого ценного пушного зверя – калана [4, с. 92–151].

Начало официального присоединения к Российской Империи территорий в Западном полушарии было положено указом Екатерины II от 2 марта 1766 г., согласно которому шесть ближайших к Камчатке Алеутских островов вошли в состав российского государства [10, с. 603–604]. Заявка на новое расширение территории империи в Новом Свете последовала только спустя почти 20 лет в указе Екатерины II от 8 августа 1785 г. Адмиралтейств-коллегии об организации исследовательской экспедиции

во главе с капитаном Джозефом Биллингсом. В указе ему предписывалось исследовать восточные Алеутские острова, полуостров Аляску, остров Кадьяк и прочие американские земли до мыса Св. Ильи (в этом районе побывал командор Беринг в 1741 г.), причем вновь открытые территории следовало присоединить к российской державе [16, с. 206].

К этому времени русские уже полностью подчинили себе Алеутские острова, а в 1784 г. известный купец Григорий Шелихов основал на большом острове Кадьяк у берегов Южной Аляски первое постоянное русское поселение в Америке [18, с. 38–51]. Местные эскимосы после недолгого отчаянного сопротивления были покорены компанией Шелихова, и русские начали рекрутировать их в промысловые байдарочные флотилии, как ранее алеутов. Вскоре новые укрепленные и неукрепленные фактории возникли на побережье материка и островах Южной и Юго-Восточной Аляски. К концу 1790-х гг. глава крупнейшей компании наследников Шелихова (ум. в 1795) Александр Баранов установил здесь фактически торгово-промысловую монополию. Логическим завершением этого процесса стало образование в 1799 г. под эгидой государства единой монопольной Российско-Американской компании (РАК), которой было поручено управление заокеанскими владениями империи вплоть до 1867 г., когда Аляска была продана США.

Согласно дарованным РАК в 1799 г. привилегиям, предоставляемая ей территория включала в себя Алеутские и Курильские острова, а также охватывала материковое побережье с прилегающими островами от Берингова пролива на севере до 55° с.ш. на юге: именно на этой параллели

к американскому побережью подошел пакетбот капитана Чирикова в 1741 г. [11, с. 703]. Окончательно границы российских владений были оформлены конвенцией с Великобританией в 1825 г. [13, с. 72–74].

Основой хозяйства Русской Америки на протяжении всей ее истории была добыча ценной пушнины, поэтому с экономической точки зрения российская колонизация носила ярко выраженный торгово-промысловый характер, причем специфика заключалась в ее морской ориентации, так как главными промысловыми животными были каланы и морские котики, а сами колонии находились за океаном, и большинство русских поселений располагалось на морском берегу. Развивать на Аляске и Алеутских островах сельское хозяйство было невозможно из-за достаточно сурового арктического и субарктического климата: в Русской Америке получило распространение лишь огородничество, да и то в незначительных масштабах. Правда, в 1812–1841 гг. РАК принадлежал маленький анклав в Калифорнии – Форт-Росс с прилегающими районами, где относительно успешно развивалось хлебопашество и садоводство. Но компании пришлось отказаться от него ввиду отсутствия государственной поддержки и ряда проблем экономического и политического плана [15].

Теперь обратимся к нашему главному вопросу: к какому типу относилась российская колонизация Америки? В историографии достаточно распространенной является точка зрения, что она была капиталистической, так как освоением Алеутских островов и Аляски занимались представители купеческого капитала, объединенные затем в Российско-Американскую компанию [1, с. 182, 188;

6, с. 50–52; 9, с. 14; 20, с. 33–35; 19, с. 232–234 и др.]. На самом деле картина была иной. Элементы капиталистических отношений – вольный наем русских промышленников, а также вознаграждение за труд на промыслах зависящих от РАК туземцев сочетались с долговой кабалой (для туземцев нередко в принудительной форме), приводившей в конце концов к внеэкономическому принуждению к труду, что несвойственно капитализму. Это дополнялось усилением монополистических тенденций, завершившихся образованием РАК. Монополия и капитализм – вещи несовместимые, так как последний всегда базируется на рыночной конкурентной экономике свободных самостоятельных собственников средств производства и капитала. Следовательно, российская колонизация не могла быть капиталистической из-за отсутствия личной свободы основной массы работников, а это были зависимые от компании туземцы (алеуты, южные эскимосы и индейцы денаина), преобладания внеэкономического принуждения к труду и тотальной монополии РАК. Другими словами, в колониях отсутствовал рынок труда и капитала. Правда, имел место свободный товарообмен РАК с независимыми аляскинскими племенами, но он играл второстепенную роль в экономике Русской Америки [4, с. 511–512].

Здесь можно добавить, что в колониях на протяжении нескольких десятилетий существовал институт каюрства, в который трансформировалось патриархальное рабство, распространенное среди туземцев Аляски. Бывшие туземные рабы и преступники, а также часть туземного населения превратились фактически в рабов-каюров, принадлежавших компании Шелихова, а затем РАК. И хотя в начале

1820-х гг. каюство было упразднено, государство в 1821 г. утвердило новый устав компании, в котором юридически оформлялся обязательный труд зависимых туземцев в пользу РАК, что опять-таки несвойственно капитализму [12, с. 851]. Неслучайно позднее правительственный ревизор Сергей Костливецов писал в своем официальном отчете: «Служба Алеут Компании заменяет исполнение других государственных повинностей» [14, с. 50]. Другими словами, считалось, что, работая на РАК, туземцы фактически служили государству.

Все это свидетельствовало о формировании в российских колониях так называемого «колониального политаризма», тем более что с 1818 г. власть в Русской Америке перешла в руки морских офицеров, положив тем самым начало преобразованию Российско-Американской компании в административный придаток государственного аппарата. Этот процесс завершился в 1840-х гг., когда большую часть директоров РАК в Петербурге составили адмиралы и генералы, а не купцы и предприниматели. Таким образом, господствующий в метрополии, был в конечном итоге воспроизведен в ее американских колониях, хотя, конечно, имел свою неповторимую специфику.

Если сопоставлять российскую колонизацию с другими аналогичными процессами в Новом Свете, то по своим характеристикам она больше всего напоминала французскую колонизацию Канады и испанскую колонизацию Мексики и Перу. С французской колонизацией ее сближал ряд аспектов, в частности, добыча пушнины как ведущей отрасли колониального хозяйства, что предопределяло быстрое продвижение добытчиков пушнины на новые

территории вслед за истребляемым зверем. Верховным собственником земель Новой Франции считался король, а верховным собственником Русской Америки – император, также олицетворявший государство. Причем французское правительство с 1620-х гг. и до середины XVII в. стремилось осуществлять колониальные захваты и освоение новых земель руками торговых монопольных компаний (среди акционеров которых видное место занимала высшая бюрократия) [2, с. 46, 49, 83–89, 96–97, 208–221]. Подобным образом поступил Император Павел I, узаконив монопольную Российско-Американскую компанию в 1799 г. Как и представители предпринимательских кругов России XVIII в., французская буржуазия XVII в. была несамостоятельна, слаба, зависима от государства и в основном обслуживала его интересы. Колонизация далекой Канады казалась ей малопривлекательным и рискованным предприятием. Поэтому французское государство было основной силой, направлявшей и осуществлявшей колонизацию Нового Света, причем по мере эволюции колоний процесс огосударствления их управления только нарастал, и в 1660-х гг. Канада была передана непосредственно в руки королевского губернатора с чрезвычайно широкими полномочиями [2, с. 125–126, 148–150]. Сходный процесс имел место и в Русской Америке, когда власть в колониях перешла к морским офицерам в 1818 г.

Однако имели место и отличия между французским и русским вариантом освоения Нового Света. Российская колонизация Америки началась позднее, чем французская, она имела иные направления экспансии и специфику в виде доминирующего морского зверобойного промысла.

Во французской Канаде, в отличие от русской Аляски, не наблюдалось тотальной монополии одной компании. Но главное заключалось в том, что экономика Русской Америки опиралась на принудительный труд местных туземцев, в то время как французы сами добывали меха или выменивали их у индейцев. Соответственно, иными были господствующие производственные отношения и взаимодействие с местным населением как главным добытчиком пушнины: в одном случае оно оставалось свободным, лишь втягиваясь во французскую трансконтинентальную «пушную империю», а в другом оно порабощалось и вынуждено было трудиться на промыслах РАК.

Наибольшее сходство с русской колонизацией Нового Света демонстрировала испанская колонизация. Назовем наиболее яркие параллели. Подобно тому, как в Испанской Америке индейцы платили в королевскую казну подушную подать – *трибута*, так и в Русской Америке алеуты сдавали ясак в знак признания над собой власти русского царя (правда, взимание ясака проводилось нерегулярно и к середине 1790-х гг. прекратилось вовсе). Институт *энкомьенды*, характерный в основном для раннего периода существования испанских колоний, в Русской Америке принял специфическую юридически не зафиксированную форму, проявившуюся в эксплуатации труда каюров и частично заложников-аманатов. Гораздо шире на протяжении значительной части истории Русской Америки использовался принудительный «наем» алеутов и южных эскимосов для работ на морских промыслах – полный аналог испанской системы *репартимьенто*, сменившей схожий институт «коатекиль» в империи ацтеков и «мита» в государстве

инков. Разница заключалась лишь в том, что в испанских колониях этот «наем» индейцев для работ на рудниках, ткацких мастерских и т. п. осуществляла непосредственно королевская власть и ее представители, тогда как в Русской Америке – Российско-Американская компания (за спиной которой, впрочем, стояло государство). Плата за труд «наемных» туземных работников во владениях обеих колониальных держав была обычно номинальной: цены на товары, которыми выплачивалось вознаграждение, формировались административным путем и были сильно завышены. Имели место в Русской Америке и насильственные переселения больших групп туземцев по аналогии с испанской системой *редукций*, представлявших собой общины, искусственно созданные колониальными властями для лучшего контроля и более успешной эксплуатации коренного населения. Подобные параллели можно легко продолжить [5]. Суть же заключается в том, что и в Испанской, и в Русской Америке сложились две конкретные разновидности колониального политаризма [3].

Вместе с тем нельзя не указать на отличия между испанской и русской колонизацией. Разница заключалась в том, что *экономика испанских колоний базировалась на земледелии, скотоводстве и добыче полезных ископаемых; королевская власть осуществляла контроль над своими колониальными территориями и населением напрямую через вице-королей и губернаторов, в то время как Русской Америкой управляла Российско-Американская компания, а основу экономики составлял пушной промысел. Если испанцы беспрепятственно селились за океаном, то российские колонии до 1835 г. официально вообще не имели*

постоянного русского населения, поскольку все нанятые компанией работники обязаны были возвращаться в Россию по истечении их трудовых контрактов. Кроме того, в Испанской Америке роль католической церкви была исключительно велика (особенно в Парагвае и Калифорнии), тогда как в русских колониях представители православной церкви целиком зависели от РАК. Наконец, процесс институционализации политаризма на Аляске происходил значительно позже, когда колониальная империя Испании в Новом Свете находилась в процессе окончательного разложения и упадка. Впрочем, такая же судьба ожидала в 1860-х гг. и Русскую Америку перед лицом динамично развивающегося капитализма в мире и в самой Российской Империи в пореформенный период.

Библиографический список

1. Агранат, Г. А. Об освоении русскими Аляски // Летопись Севера. М.: Мысль, 1971. Т. V. С. 180–193.
2. Акимов, Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб.: Изд-во ВИРД, 1999.
3. Гринев, А. В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 52–64.
4. Гринев, А. В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М.: Academia, 2016.
5. Истомин, А. А. Америка Испанская и Русская // Латинская Америка. 1987. № 6. С. 59–60.
6. Ляпунова, Р. Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.
7. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том III. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.

8. *Моисеев, В. В.* История России. С древнейших времен до наших дней: учебник для вузов / В. В. Моисеев. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019.

9. *Небратенко, Г. Г., Литвинова, Ю. И.* Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14.

10. ПСЗРИ. Т. XVII. № 12589. С. 603–604.

11. ПСЗРИ. Т. XXV. № 19030. С. 699–704.

12. ПСЗРИ. Т. XXXVII. № 28756. С. 842–854.

13. ПСЗРИ. Т. XLI. № 30233. С. 72–74.

14. Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: В тип. Деп-та внешней торговли, 1863.

15. Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / Сост. и подгот. А. А. Истомина, Дж. Р. Гибсона, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2005, 2012.

16. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Сост.: Т. С. Федорова (отв. сост.), Л. В. Глазунова, Г. Н. Федорова. Отв. ред. Р. В. Макарова. Глав. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1989.

17. *Семенов, Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

18. *Шелихов, Г. И.* Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред., с предисл. и прим. Б. П. Полевого. Хабаровск, 1971.

19. *Crowell, A. W.* Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. N. Y. and London: Plenum Press, 1997.

20. *Gibson, J. R.* Russian Expansion in Siberia and America: Critical Contrasts // Russia's American Colony / Ed. by S.F. Starr. Durham, 1987. P. 32–40.

Г. Ф. Мратхузина,

Д. В. Бобков

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИНДИЯ В СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ РУБЕЖА XIX–XX СТОЛЕТИЙ: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТАКТОВ

Аннотация. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения, на наш взгляд. Многие современные аналитики склонны рассматривать существующую геополитику в регионе Центральной Азии как новый сценарий «Большой игры», восходящей истоками к двустороннему англо-российскому соперничеству образца XIX века. Нынешняя «игра» отличается другой конфигурацией игроков, мы видим здесь ряд великих держав и их альянсы, соперничающие или даже противостоящие друг другу. Они связаны между собой в сферах, где обнаруживают общие выгоды и интересы.

Изменения геополитической картины мира привели в конце прошлого столетия к формированию кардинально новой геополитической ситуации в регионе Центральной Азии. В настоящее время в активной стадии находятся процессы трансформации Центральной Азии из периферийного региона в регион, в котором все настойчивее пересекаются интересы крупных держав и секторов международной жизни. Дальнейшее усиление стратегического соперничества, элементы которого уже проявляются

сегодня в регионе, рождает новые противоречия, но уже не на идеологической, а на геополитической и геоэкономической основе.

Ключевые слова. Индия в стратегии Российской и Британской империй, новые условия рубежа XIX–XX столетий, факторы трансформации контактов.

Между Британией и Россией постоянные дипломатические связи были установлены при Иване Грозном, поначалу развиваясь достаточно взаимовыгодно с наличием общих врагов в лице католического мира и протестантских государств Европы.

Однако после расширения пространства Российской и Британской империй, особенно после захвата англичанами Индии, отношения стали натянутыми. Британия стала проводить политику сдерживания России, вследствие чего относительно короткие времена союзнических отношений сменялись длительными холодными войнами.

Индия наряду с Китаем остается нашим главным внешнеполитическим партнером, составляя стратегический треугольник на Востоке. И, конечно, с учетом БРИКС как основного геополитического ответа Западу.

Около четырех веков русско-британские отношения представляли собой отношения двух крупнейших геополитических игроков. Во второй половине прошлого века внешняя политика Великобритании, после распада Британской империи и Советского Союза, стала практически полностью следовать в фарватере внешнеполитического

курса США. В нынешнем веке несмотря на то, что США оттеснили Великобританию от мирового лидерства, Соединенное Королевство продолжает вести геополитическую игру против Российской Федерации.

Современное положение Центрально-Азиатского региона для мировой политики далеко не однозначно: с одной стороны, страны региона отличаются нестабильностью, например, Афганистан и некоторые среднеазиатские республики бывшего Советского Союза; с другой – Центральная Азия в стратегическом отношении. Владея ситуацией на горных перевалах, можно было контролировать события в прилегающих странах как перекрестке трансконтинентальных коммуникаций. Это пути, соединяющие преимущественно с Пакистаном и Индией как важное геополитическое звено.

XIX век для территории Центральной Азии оказался периодом жесткого соперничества крупнейших колониальных держав, и именно англо-русское противостояние определило судьбу региона, для которого оно закончилось определением четких границ, лишением относительной политической самостоятельности и изменением экономических приоритетов.

Последние десятилетия характеризуются оживлением теоретико-концептуальных и конкретно-исторических исследований международных отношений в Центральной Азии в XIX – начале XX веков, что позволяет раскрыть характер англо-русских отношений в Центрально-Азиатском регионе; выявить мотивы и цели политики Российской и Британской империй в регионе в рассматриваемый

период; представить природу, место и роль российско-британских отношений; понять так называемый феномен «русской угрозы», культивирующийся в английской историографии в рамках концепции «большой игры» как комплекса межгосударственных противоречий и соперничества в регионе, *прежде всего, в отношении Индии.*

Выражение The Great (Grand) Game впервые использовал офицер на службе Ост-Индской компании Артур Конолли на полях копии письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 году. В широкий оборот термин был введен родившимся в Бомбее британским новеллистом Редьярдом Кипплингом в романе «Ким» (1901), который становится первым англичанином с Нобелевской премией по литературе и самым молодым нобелевским лауреатом по литературе за всю историю премии.

XIX – начало XX веков связаны с существенными коррективами в системе взаимных отношений России, Великобритании и стран Азии. Термин английской историографии «большая игра» сегодня не в ходу, но сама «игра» как комплекс межгосударственных противоречий, борьба и соперничество в том же регионе – не только продолжается, но с распадом СССР стала активнее и жестче. Дипломатические амбиции, соперничество претензий, ревность и реванш – движущие силы продолжающейся «большой игры». Россия стремится строить отношения с Индией на новой, прагматической основе и исходит из необходимости считаться с новыми реалиями.

Среди классифицируемых источников опубликованного документального комплекса – законодательные акты, договоры, отчеты и протоколы, в целом официальное делопроизводство. Огромный массив делопроизводственной документации содержит ценные сведения об истоках российско-британских отношений, сравнительного анализа и критики, обобщения сведений, уточнений для установления правдивости событий и фактов. Даны портреты политических и общественных деятелей, известных востоковедов и путешественников исследуемой нами эпохи [1; 2].

Но накоплено огромное количество служебных бумаг ведомств и организаций, различного рода архивных материалов. Комплекс сохранившегося делопроизводства составляет оригинальный особый пласт первоисточников и требует публикации.

Большинство документов и комментариев открывают неизвестные и малоизвестные факты. Уже опубликованные документы проливают свет на методы британского и российского проникновения в Центральную Азию.

В настоящее время разнообразный историографический комплекс по теме стал объектом изучения, особое внимание обращается на преемственность мыслей и углубление знаний об англо-русском соперничестве конца XVIII – начала XX веков.

Современными российскими авторами анализируется динамика российско-британских отношений, параллельно рассматривается их зарождение и глубокие перемены в сфере обоюдного соперничества. Длительный

период времени позволил проследить эволюцию этих отношений, определить характер и особенности взаимного влияния [3; 4].

Изучение англо-русского соперничества дает возможность проследить параллели в политических, национально-этнических и военных коллизиях, которые тогда складывались и в зарубежных исследованиях. Сходность ситуации прослеживается по вовлеченности в события практически всех непосредственных субъектов в регионе и направляющей руки доминирующей державы. Тогда эту роль осуществляла Британская империя, которая несколько столетий фактически правила миром [5; 6].

По мере вовлечения Центрально-Азиатского ареала в сферу жизненных интересов России и Англии их отношения прошли несколько этапов.

Конец XVIII – начало XIX веков – период масштабных политико-дипломатических, торгово-экономических связей государств и народов Запада и Востока, приведший к попыткам переписать политическую карту Центральной Азии. XIX век начался в политической жизни Европы ростом влияния наполеоновской Франции. Его войны обозначали целую эпоху в истории континента, в Париже перекраивали карту Европы. Англо-французское соперничество, принимавшее форму политических маневров, экономической блокады, дипломатических схваток, определяло международную ситуацию в мире. Обе державы старались заручиться союзом с самой крупной империей Европы – Россией. Российско-британские отношения в этот период отличались

жестким противостоянием, что было связано в значительной мере и с их притязаниями на Востоке.

К этому времени Британия практически полностью овладела полуостровом. Но мы уточняем, что первыми из европейцев Индостан открыли португальцы на побережье Аравийского моря – это теперь знаменитое место духовного поиска Гоа; Малабар – здесь на самой южной оконечности полуострова высадились голландцы (кстати, в Казани имеется одноименный ресторан); французы освоили Западную Бенгалию, но на смену им пришли англичане, создав самую крупную колонию короны – Британскую Индию.

Россия же смогла укрепиться в Афганистане, начиная с миссии Виткевича, но затем и потеряв его. А уж с Индией планы вообще тогда не сработали, провальным оказался поход русских казаков на север Индии Императора Павла по причине его убийства в 1801 г.

Период XIX века оказался достаточно напряженным и драматичным для взаимоотношений двух великих держав. Именно в азиатских странах столкнулись колониальные интересы и стремления этих двух «гигантов». Именно в Центрально-Азиатском регионе англо-русское соперничество проявило свои разнообразные формы: и дипломатическую борьбу, и экономическое проникновение, и вооруженные столкновения, и идеологическое противостояние. Весь XIX век Британия пыталась не допустить ослабления своих позиций, в частности, в ответ на мнимую «русскую угрозу» Индии.

Как раз два последних десятилетия XIX века говорят об официальной позиции России о характерных особенностях взаимодействия с Англией. Конечно, позднее добавились экономические задачи поиска новых рынков сырья и сбыта для растущей российской промышленности. Но конкретно именно политические стратегические мотивы продвижения русской власти на азиатские земли давали возможность решать так называемый Восточный вопрос.

Внешнеполитические программы Великобритании и России не позволили им втянуться в крупномасштабные вооруженные действия, и 1890-е гг. стали периодом значительной стабилизации отношений Великобритании и России, феномен «русской угрозы» Индии в официальных внешнеполитических кругах России и Англии становится несбыточной идеей.

Державы вполне изучили политические, военные, экономические и дипломатические возможности друг друга. Их силы были таковы, что любое серьезное столкновение могло привести к непредсказуемым последствиям. Однако ничего подобного не произошло. Нежелание держав решать вопросы силовыми методами привело к тому, что практически все основные вопросы, стоявшие перед ними в Центральной Азии, были решены самым благоприятным образом. К тому же перед Первой мировой войной Россия и Великобритания теперь уже как союзники вступают в Антанту для противодействия Тройственному союзу.

Что касается российско-индийских отношений, то конец XIX – начало XX веков заняли особое место. Понятно,

политическая ситуация на Индостане не дала возможности установить межгосударственные отношения, в восточной политике российских правящих кругов Индия играла лишь подчиненную русско-английским отношениям роль. Хотя уже в 1900 г. в Бомбее (сейчас вернули добританское название – Мумбаи) было открыто первое российское консульское учреждение как раз по итогам путешествия Николая II Романова по Азии, в том числе Индии, с посещением Золотого храма в Амритсаре, где до сих пор хранится запись в книге памяти его рукой.

Но даже тогда российско-индийские отношения строились не на официальной основе, и это обстоятельство, с одной стороны, придавало им непосредственность и гуманизм, с другой – лишало их системности и регулярности. Однако связи народов России и Индии имели тенденцию к устойчивости – создались необходимые предпосылки взаимовыгодных экономических связей, налаживался культурный и научный обмен.

Второе российское консульство будет открыто в Калькутте, но в 1911 г. из нее столица будет перенесена в Дели. И стабильные дипломатические отношения будут установлены только 13 апреля 1947 г. уже с независимой Индией. Напомним интересный факт, что первым премьером независимой Индии стал знаменитый лидер первой индийской политической партии «Индийский Национальный Конгресс» Джавахарлал Неру, а первым послом в Советском Союзе – его родная сестра Виджая Неру, которую так и не признает Сталин.

В заключение уточним, что дипломатические отношения России и Индии имеют почти 75-летнюю историю и юбилей состоится в нынешнем, 2022-м, году. 1 ноября 2021 г. состоялось и пятилетие Центра изучения Индии ИМО КФУ, и юбилейные мероприятия согласованы и с Посольством Индии в Москве, и с Домом дружбы в Казани.

Подводя итог, добавим, что проведенный нами анализ поставленной проблемы обозначенного периода связан, прежде всего, с тем, что нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

1. Русско-индийские отношения в XIX в.: Сборник архивных документов и материалов / Сост. А. А. Вигасин, В. Г. Воловников, Л. В. Митрохин, А. В. Райков; РАН, Институт востоковедения, Российский государственный военно-исторический архив. – М.: Восточная литература, 1997. – 445 с.
2. Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов / сост.: Т. Н. Загородникова, П. М. Шаститко. – М.: Издательство: Восточная литература, 1999. – 527 с.
3. *Мратхузина, Г. Ф., Нигматуллин, Р. Ш.* Отечественная историография проблемы «русской угрозы» Индии в контексте англо-российских отношений // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 47–49.
4. *Мратхузина, Г. Ф., Нигматуллин, Р. Ш.* Проблема «русской угрозы» Индии в контексте англо-российских отношений (к вопросу об источниковой базе) // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 50–52.
5. *Hopkirk, P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. – London: Oxford University Press, 2001. – 562 p. (Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром / Питер Хопкирк. – М.: Рипол классик, 2004. – 640 с.).
6. *Seeley, J. R.* British Empire: Divide and Conquer. – Toronto: University of Toronto Press, 2017. 301 p. (Сили Дж. Р. Британская империя: Разделяй и властвуй! / Джон Роберт Сили. – М.: Алгоритм, 2013. – 256 с.).

**ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ
МИХАИЛОМ СЕМЕНОВИЧЕМ ВОРОНЦОВЫМ
В ПЕРИОД ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА
В НОВОРОССИИ И НАМЕСТНИЧЕСТВА
НА КАВКАЗЕ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием культурной и экономической сфер Юга России, а также Кавказа, в период руководства М. С. Воронцова, как важные факторы, оказавшие существенное влияние на дальнейшее развитие вверенных ему территорий и вероятность использования некоторых элементов колониальной политики, для достижения результатов.

Ключевые слова. История Крыма, История Кавказа, Воронцов, Воронцов и Крым, Культурное Развитие Региона, Экономика Крыма, Экономика Кавказа.

К началу XIX века обширное хозяйство Воронцовых находилось в различных экономических районах: в центрально-промышленном; в центрально-черноземном и в Поволжье; на северо-западе и в районе Карелии, в Петербургской, Новгородской губерниях, на севере – в Вологодской губернии и на северном Кавказе в районе

Георгиевска. К этим владениям М. С. Воронцов присоединяет также земли в Могилевской губернии, полученные им в наследство от тетки Екатерины Романовны Дашковой, и земли на Украине, полученные в приданое его женой.

Разнообразное географическое положение давало прекрасную возможность использовать природные богатства в своих целях. Юг давал обилие хлеба и сельскохозяйственных продуктов, в Карелии были лесопильные заводы, в северных районах – льняные фабрики и т. д.

Но основной доход Воронцовым приносил оброк с крепостных – более 800 тысяч рублей ассигнациями с 80 тысяч крепостных, работавших на семью в 40-х годах XIX века.

В 1815 году он приобретает первые земельные участки в Массандре, в 1821-м у директора Никитского сада Стевена покупает имения Мартьян и Ай-Даниль. В сентябре – ноябре 1822 года Воронцов лично предпринял поездку в Крым. Видя, какие огромные возможности таит в себе этот богатый, но мало освоенный край, он добивается своего назначения на пост генерал-губернатора Новороссии.

Ничто не было обделено вниманием генерал-губернатора М. С. Воронцова в области развития вверенного ему юга России. Административно Таврическая губерния входила в состав Новороссийского края, а географически Крым и Одесса были составными частями одного региона – Северного Причерноморья, что определило общность их политического, культурного и экономического развития, наличие разнообразных регулярных внутренних связей.

Новороссия воспринималась как единый географический, политический и хозяйственный регион, частью которого был Крым.

Став с 28 июля 1823 года генерал-губернатором Новороссии, Воронцов расширяет свои Крымские владения, и в 30-х годах ему уже принадлежат земли в Массандре, Алушке, Мартьяне, Гурзуфе, Ай-Даниле, Ак-Мечети, Коккозе, Новом Мисхоре и на Яйле.

Как один из передовых помещиков своего времени, учитывая экономическую обстановку страны, Воронцов развивает активную предпринимательскую деятельность на юге Украины и в Крыму. Плодородные украинские земли он засеивает пшеницей. Особое внимание Воронцов уделял использованию крымских имений, на которые еще при покупке возлагались большие надежды. Воронцов понимал, что будущее Южного берега Крыма связано с виноделием. Именно Воронцову Крым обязан титулом одного из главных поставщиков лучших русских вин XIX века. Заботясь о качестве производимого вина, выписывал виноградные лозы из-за границы, которые дарил всем желающим, но с тем условием, что владелец земель займется виноделием.

Для транспортировки грузов генерал-губернатор Новороссии добивается разрешения на строительство южно-бережной дороги. В 20-х – 30-х годах в тяжелейших горных условиях прокладывается первая шоссейная дорога, соединившая Южный берег с Симферополем и Севастополем. Эта дорога имела большое стратегическое значение. Благодаря ей Южный берег оказался связанным с центральной

Россией, что оказало плодотворное влияние на быстрое развитие экономики края.

В 20-х годах постоянным местом жительства Воронцовых становится Одесса.

К приезду М. С. Воронцова Одесса была большим интернациональным городом, в котором проживали люди разных национальностей. Это обстоятельство требовало от генерал-губернатора большой дипломатичности и умения проводить хорошо продуманную социальную политику. Будучи прагматичным политиком, Михаил Воронцов стремился в первую очередь осуществить проекты, от которых зависело культурное и экономическое процветание края.

Глубокое и разностороннее образование Воронцова, его заботливое отношение к развитию науки и образования во многом способствовали успешному решению различных проблем Новороссийского края. Свою задачу генерал-губернатор в первую очередь видел в том, чтобы с помощью правительства оказать практическую помощь местным властям в открытии школ, библиотек, музеев, организации научных обществ и исследовательских экспедиций, изданий различной печатной продукции.

В Одессе в 1828 году было открыто училище восточных языков, вошедшее в 1838 году в Ришельевский лицей как отделение восточных языков, в 1865 году лицей был преобразован в Новороссийский университет. Также по распоряжению Михаила Семеновича в Бессарабской области в 1827 году основываются училища: в Измаиле,

Аккермане, Бендерах, Кишиневе и др. средства на их содержание поступали из доходов Бессарабии. Для развития торгового флота в 1834 году в прибрежных городах при содействии генерал-губернатора основываются общества вольных матросов (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии). В этом же году в Херсоне было открыто училище торгового мореплавания, а в Николаеве – матросское приходское училище. Воронцов старался создавать учебные заведения определенной профессиональной ориентации, исходя из потребностей края.

Стремясь осуществить проекты социального характера, в 1831–1833 гг., при активном участии своей супруги, Михаил Семенович добивается разрешения на создание Одесского женского благотворительного общества, на попечении которого находились сироты, потерявшие родителей во время эпидемии и голода. В Доме призрения сирот, дети изучали закон Божий и ремесла, необходимые в будущем. В 1833 году в Керчи был основан Институт для девиц, а в 1843-м – Училище для глухонемых в Одессе.

На тот период в Новороссии существовали библиотеки, предназначавшиеся в основном для специалистов. Заботясь о процветании края, в 30-х годах открывается Одесская городская публичная библиотека, для которой был выделен дом в лучшей части города, на Приморском бульваре. Сам генерал-губернатор дарит библиотеке множество книг. Перед отъездом на Кавказ генерал-губернатор передает библиотеке более 300 томов, а к концу 50-х годов библиотека насчитывала свыше 6000 сочинений, или

15 000 томов. Также библиотеки были основаны в Керчи и Кишиневе.

До назначения Михаила Семеновича на пост генерал-губернатора в Одессе существовала единственная газета для иностранных неготиантов на французском языке, которая не удовлетворяла не только самих неготиантов, но и практически не была известна в крае. В 1828 году М. С. Воронцов начал курировать выпуск новой газеты на русском и французском языках. С редакцией газеты постоянно сотрудничали известные археологи, чиновники, бывшие при генерал-губернаторе, поставляли официальные сведения, собираемые ими во время служебных поездок, а частные лица делились своим опытом ведения хозяйства. «Одесский вестник» получает широкую известность в Новороссии и становится настольным изданием просвещенных жителей края. В газету входили интереснейшие материалы обо всех происшествиях в России, известия о распоряжениях правительства, статьи о народонаселении, промышленности, просвещении, метеорологических наблюдениях и т. д. Из сообщений, данных в газете, можно было судить не только о жизни края, но и проследить хронике жизни и деятельности самого графа Воронцова.

Общественная и культурная жизнь Одессы складывалась по европейским стандартам, а главное место в ней занимала итальянская опера. Оперный театр создавался по образу и подобию оперных театров Европы XVIII века. Оперный театр в Одессе существовал с 1810 года и был гордостью горожан. Михаил Воронцов, получивший европейское

образование, воспитанный отцом – ценителем итальянской оперы, также считал итальянскую оперу необходимой частью процветающего европейского города. Именно во времена губернаторства графа Воронцова итальянская опера в Одессе переживала свои «золотые годы». В 1839 году репертуар только итальянской оперы в Одессе состоял из 21 оперы, среди которых значились произведения Россини, Доницетти и других выдающихся композиторов, что, безусловно, говорит о высоком уровне мастерства труппы.

Желая увековечить память выдающихся деятелей, вскоре после своего назначения на пост генерал-губернатора, по указанию графа Воронцова был воздвигнут памятник герцогу Эммануилу де Ришелье, управляющему Новороссийским краем с 1803 по 1814 год, положившему начало благосостоянию Одессы. В 1844 году по приказанию графа установлен памятник знаменитому герою Кавказа – майору Гулякову.

Как следует из воспоминаний современников, в системе органов государственной власти России первой половины столетия отсутствовала специализированная структура, курировавшая памятники истории и культуры. Единственный существовавший на то время музей – Феодосийский – представлял собой небольшое хранилище древностей из окрестностей Феодосии, Керчи, Судака, Тамани, образовавшийся в результате случайных покупок экспонатов у местного населения и даров.

В 1825 году Воронцов, заботясь о культурно-историческом наследии края, добился разрешения на учреждение

Одесского и Керченского музеев древностей. Директором обоих музеев был назначен чиновник особых поручений канцелярии генерал-губернатора И. П. Бларамберг. По представлению графа Кабинет Министров утвердил правило, согласно которому предстояло функционировать Одесскому и Керченскому музеям. Перед музеем ставились две основные задачи: исследования памятников и организация их охраны.

В окружении Михаила Семеновича оказалось немало людей, которым была небезразлична судьба реликвий прошлого. Под началом графа служили выдающиеся представители южнорусской интеллигенции: И. П. Бларамберг, И. А. Стемпковский, А. А. Скальковский и др. Столь блистательный подбор сотрудников не случаен. По-английски основательный и рациональный генерал-губернатор, понимая масштаб задач по освоению юга России, формировал свой аппарат из образованных, широко мыслящих и творческих людей. В первую очередь следует упомянуть известного археолога И. А. Стемпковского. С 1815 по 1818 год он находился на службе в составе российского оккупационного корпуса во Франции и имел возможность заниматься в Парижской Академии надписей и словесности, что способствовало его увлечению древней историей. В 1823 году Стемпковский представил графу Воронцову записку под названием «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». С целью консолидации деятельности интеллигенции по изучению, популяризации и охране древностей, Стемпковский выдвинул идею

об учреждении в Новороссии научного общества, а также инициировал создание Одесского и Керченского музеев. Михаил Воронцов с пониманием воспринял предложения археолога и способствовал воплощению их в жизнь.

В 1839 году при содействии М. С. Воронцова было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД). Согласно уставу целями общества были сбор, описание и хранение всех остатков древности, открывающихся в Южной России или имеющих к ней отношение; занятие поисками и объяснением документов и актов, относящихся к истории края; критические исследования работ древних писателей о его местности и достопримечательностях и поиск их следов в настоящем времени.

Меры, принятые графом М. С. Воронцовым в сфере сохранения историко-культурного наследия, способствовали становлению и развитию музейного дела в Крыму, поддержанию от разрушения некоторых памятников путем проведения их своевременного ремонта, а также увековечиванию в памятниках исторических событий, произошедших на полуострове.

Успехи в культурной и экономической сферах Юга России в период правления генерал-губернатора М. С. Воронцова оказали существенное влияние на дальнейшее развитие полуострова.

Следует отметить, что в период кавказского наместничества Воронцов предпринимал подобную социальную политику. Наместник открывал новые учебные заведения, в том числе специальные училища для мусульман.

В 1848 году в Тифлисе открылась первая публичная библиотека, в 1850 году – Кавказское общество сельского хозяйства, в 1851 году – Кавказский отдел Императорского русского географического общества. Воронцов привез на Кавказ итальянскую оперу и представления акробатов, французских актрис и английских жокеев.

Тифлис и другие города наместничества превратились в огромные строительные площадки. Благоустроивались центральные улицы, росли новые предместья. Столица наместничества приобрела европейский лоск, но сохранила восточный колорит. Ему удавалось быть популярным, даже оставаясь жестким руководителем. Железную руку самодержавия он облачил в английскую лайковую перчатку, как говорили о нем современники.

В заключение моего сообщения необходимо отметить, что подобная стратегия взаимодействия с местным населением позволяла добиваться успеха в переговорах, решении сложных вопросов и острых социальных проблем. Вероятно, как одна из моделей, взятых на вооружение Воронцовым, была и модель колониальной политики, осуществлявшейся Уорреном Гастингсом, первым английским генерал-губернатором Индии, свободно говорившем на хинди и с большим вниманием относившимся к индийской культуре. И, как показала деятельность Воронцова, данная модель являлась одной из самых успешных.

Библиографический список

1. *Волошин, М. П.* Алушкинский парк / М. П. Волошин. – Симферополь: Крымиздат, 1961.
2. *Воронцовский дворец. Образ и время: Сборник докладов / сост. Г. Г. Филатова.* – Симферополь: Н. Ореанда, 2009.
3. *Галиченко, А. А.* Алушка. Дворец и парк: Альбом / А. А. Галиченко, А. П. Царин. – Киев: Мистецтво, 1992.
4. *Колесников, А. И.* Архитектура парков Кавказа и Крыма / А. И. Колесников. – М.: Государственное архитектурное издательство, 1949.
5. *Марков, Е.* Очерки Крыма / Евгений Марков. – М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1902.
6. *Пальчикова, А. П.* Алушка: Путеводитель / А. П. Пальчикова. – 5-е изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1979.
7. *Тимофеев, Л. Н.* Алушкинский дворец-музей: Путеводитель / Л. Н. Тимофеев, А. П. Царин. – Симферополь: Таврия, 1981.
8. *Урушадзе, А.* Михаил Воронцов: Англоман в Тифлисе [Электронный ресурс] / Амиран Урушадзе: COLTA SPECIALS ОСТРОВА ИМПЕРИИ, 2018. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/specials/17578-mihail-vorontsov-angloman-v-tiflise>.

**ТРИ ИМПЕРИИ
В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ:
РОССИЯ, БРИТАНИЯ И ИРАН В 1913–1914 ГОДАХ**

Аннотация. Статья посвящена международной ситуации на Среднем Востоке, в Иране Каджаров, накануне Первой мировой войны. Представлен обзор ключевых внешнеполитических целей, которые ставили перед собой три империи – Россия, Британия и Персия – в регионе и в отношениях друг с другом. Отмечены главные противоречия, осложнявшие взаимодействие между этими государствами, показано нарастание кризисных явлений накануне и в годы Великой войны, а также радикальное изменение международной ситуации в регионе в результате революции в России.

Ключевые слова. Британия, Иран, Россия, Дж. Бьюкенен, Эд. Грей, С. Д. Сазонов, Каджары, англо-русское соглашение 1907 г.

Известно, что предвоенные годы характеризовались обострением международной обстановки на Среднем Востоке. Старые противоречия между Россией и Британией, которые обе державы тщились разрешить, подписав известную конвенцию 1907 г., вновь дали о себе знать. К тому же добавились новые существенные факторы,

из которых наиболее значимыми были активизация Германии на Ближнем и Среднем Востоке и подъем национально-конституционного движения в Иране Каджаров. Здесь хотелось бы широкими мазками изобразить, какие цели ставили перед собой три империи – Российская, Британская и Персидская – непосредственно перед войной и после того, как она началась, какие задачи стремились решить и с какими сложностями сталкивались на пути к их разрешению. Речь, естественно, будет идти преимущественно о регионе Среднего Востока, хотя с неизбежностью так или иначе будет затронут общеисторический контекст.

Российская Империя

В годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой, российское взаимодействие с Британией по персидскому вопросу было обусловлено наложением двух ключевых факторов. С одной стороны, министр иностранных дел С. Д. Сазонов желал дальнейшего укрепления отношений, вплоть до заключения полноценного союза, перед лицом германской угрозы. Как он писал послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу: «...всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как и существование морского змия, превратится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии будет окончательно устранена... Является ли это химерой? Нет!...» [4, с. 361–362].

Однако заключению такого союза (как и вообще укреплению взаимопонимания) серьезно препятствовал второй фактор – реализация целей и задач империи непосредственно в Персии. Раздел страны на сферы влияния в соответствии с соглашением 1907 г., с одной стороны, несколько умерил аппетиты России на Среднем Востоке, но с другой – проникновение в Северную Персию – экономическое, военно-политическое и проч. – стало еще более интенсивным. Российское влияние и присутствие манифестировались в разных формах: Персидская казачья бригада, наличие войск России в ряде городов на севере страны, концессии, Учетно-ссудный банк, скупка земель, практика покровительства иранским подданным и т. д. Все эти и иные методы должны были служить средствами дальнейшего укрепления позиций России, что встречало противодействие Британии.

Как писал Сазонов, «Россия желает большего простора и свободы действий в Северной Персии. У нее там тысячи подданных, либо покровительствуемых, торговля всецело в ее руках, и по своему географическому положению Северная Персия естественно тяготеет к России». Впрочем, министр полагал, что и Великобритания вольна действовать свободно в своей сфере. «У России нет желания аннексировать какую-либо часть Персии или создавать трудности персидскому правительству и все, чего она просит, – чтобы правительство Его Величества не пыталось осуществлять своего рода инквизиторский контроль над ее действиями» [6, р. 362].

Имелось понимание, что пришло время изменить договоренность, достигнутую в 1907 г., относительно нейтральной зоны. Сазонов отмечал, что было ошибкой со стороны обоих правительств создавать столь обширную нейтральную зону, и эта ошибка была следствием взаимных подозрений, с которыми стороны относились друг к другу в то время. Теперь же, когда этих подозрений более нет, эту ошибку следует исправить. Сазонов не призывал к формальному пересмотру соглашения 1907 г., но предложил просто изменить статью, относящуюся к нейтральной зоне, посредством обмена нотами. Министр не возражал против расширения британской сферы влияния, признавая, что она очень мала, в сравнении с российской [6, р. 362].

Но были и более амбициозные и далеко идущие цели. Из «Записки», составленной в министерстве иностранных дел в начале 1914 г., можно составить представление, чего добивалось русское правительство в этот период времени: «В персидских делах мы равным образом могли бы добиться от англичан некоторых услуг. Например, они могли бы дать нам обязательство не препятствовать образованию фактически автономного Азербайджана ... под нашим протекторатом с присоединением к Азербайджану принадлежавших некогда России Гиляна, Мазандерана и Астрабада.

Затем англичане могли бы обязаться дать согласие на наиболее восточное направление Трансперсидской дороги в пределах зоны, отведенной англичанам по соглашению 1907 г.

В-третьих, с англичан следовало бы взять обязательство помочь нам добиться усиления до нужных размеров

штата персидской казачьей бригады в видах постепенной замены ею руководимой шведами жандармерии.

В-четвертых, можно было бы потребовать от англичан коммерческий выход к Персидскому заливу» [1, с. 501].

Как видим, накануне Великой войны империя смотрела в будущее с оптимизмом и была нацелена на дальнейшую экспансию.

Британская Империя

Основные озабоченности британской стороны в предвоенное время в отношении персидского вопроса были связаны с расхождением между озвученными в преамбуле англо-русского соглашения принципами, касающимися Ирана (в первую очередь – это тезис об уважении его независимости и территориальной целостности), и реальной политической практикой России. Глава Форин Офис сэр Эдуард Грей, будучи заинтересован в сохранении англо-русской антанты перед лицом германской угрозы, тем не менее был серьезно зависим от британского общественного мнения, значительная часть которого с большим скепсисом относилась к России и политике министра на этом направлении.

Российские подходы к персидскому вопросу вызывали серьезную озабоченность в Лондоне. Как писал в годовом отчете за 1913 г. посол в Петербурге Дж. Бьюкенен, «русские консулы спокойно продолжают превращать [Иранский] Азербайджан в автономную провинцию, в большей степени ожидающую распоряжений из Петербурга, нежели

из Тегерана. Когда же этот процесс завершится, они попытаются, если только не будет заключено некое соглашение относительно нейтральной зоны, распространить российское влияние далее на юг. Тогда возникнет конфликт интересов, который потребует пересмотра соглашения 1907 г. Рано или поздно это должно случиться, это лишь вопрос времени» [6, р. 360].

Грей также был весьма обеспокоен российской активностью, в частности – в нейтральной сфере. Весной 1914 г. он писал Бьюкенену: «Очевидно, что русские будут действовать в нейтральной сфере путем расширения российского покровительства таким образом, что сделает продолжение существования нейтральной сферы выгодным для них и невыгодным для нас. Слабость нашего положения в Персии состоит в том, что русские готовы оккупировать Персию, а мы нет. Мы хотим, чтобы Персия была нейтральным буферным государством, они же хотят разделить ее. Но если бы идея англо-русского соглашения состояла в разделе Персии, то мы должны были бы претендовать на южную часть, как и на то, что включило бы в себя территорию, составляющую в настоящий момент нейтральную сферу» [7, р. 776]. В результате своих рассуждений Грей приходил к неутешительным выводам. «Таким образом... что до Персии, мы бы хотели получить практически всю нейтральную сферу, притом, что нам нечего уступить там России... Итак, по всем фронтам мы чего-то хотим, и нам нечего предложить взамен. Именно поэтому сложно понять, как мы могли бы заключить выгодную сделку.

Твердое соглашение по Трансперсидской железной дороге и о маршруте до Индии могло бы стать подходящим *quid pro quo* для России. Но мне было бы сложно добиться этого в Комитете обороны, и я подвергнусь критике со стороны Индийского правительства...» [7, р. 777]. Хорошо видно, что к моменту начала войны, когда будущие союзники должны были проявить единство, между ними в Иране сложилась очень сложная, патовая ситуация, обусловленная различными трактовками конвенции 1907 г. и несовпадающими целями. На повестке дня стоял вопрос пересмотра соглашения. Собственно, как известно, оно и будет пересмотрено в начале 1915 г.: одним из условий договоренности между союзниками было то, что после войны нейтральная зона также войдет в сферу влияния Британии, а Россия получит вождеденные Проливы [5, с. 428–435]. Вопрос о том, как изменилось бы положение северных провинций Ирана в случае, если бы Россия осталась в числе союзных держав, остается открытым...

Государство Каджаров

Наконец, государство Каджаров, которое, стоит напомнить, официально также было империей. Позиция иранских властей в целом была вполне понятна и обуславливалась стремлением избавиться от внешнего давления либо во всяком случае его минимизировать. В июне 1914 г., незадолго до коронации молодого Султан Ахмад-шаха (что подразумевало упразднение режима регентства), тегеранское правительство передало новому российскому посланнику

И. Я. Коростовцу меморандум, в котором был изложен ряд требований. Предполагалось разрешить имевшиеся между сторонами противоречия и недоразумения и начать новое правление с чистого листа. В числе требований шахского правительства были следующие: отмена взимания малиата и других налогов при участии русских агентов, упразднение русского землевладения, как незаконного, смещение *de facto* губернатора Иранского Азербайджана Самад-хана Шоджа-уд-Доулэ (он был российским протеже) и замена его наследником престола, эвакуация русских войск из северной Персии, прекращение противодействия России организации повсеместно шведской жандармерии [2, л. 88]. Как видим, список этот был весьма обширным. Надо подчеркнуть, что основные претензии были предъявлены России.

Очевидно, что подобные намерения не могли быть реализованы, поскольку имевшиеся между Россией и Ираном противоречия не являлись результатом недоразумения либо недопонимания, но были вполне объективны и отражали принципиально разные подходы России и Ирана друг к другу и к существованию их взаимоотношений. Было ясно, что на путях дипломатических разрешить существующие противоречия невозможно. Неудивительно, что германская пропаганда, широко распространившаяся в Иране в годы Первой мировой войны, пала на благодатную почву. В условиях развернувшейся агитации, военных поражений России на европейском театре и проч., а также роста прогерманских настроений в иранском обществе,

союзницы по Антанте стремились гарантировать свои позиции на Среднем Востоке. В октябре 1915 г. Сазонов имел беседу с иранским посланником в Петербурге:

«Вследствие упорных слухов о состоявшемся будто бы соглашении между Персией, Турцией и Германией я дал понять персидскому посланнику, что в случае, если б что-либо подобное случилось, самое существование Персии было бы поставлено на карту, ибо англо-русский договор, в основании коего до сих пор лежал принцип поддержания неприкосновенности и независимости этой страны, не замедлил бы тотчас превратиться в соглашение, которое имело бы целью сокрушение этой державы» [3, л. 117]. В условиях мировой войны министр иностранных дел Российской империи позволил себе обойтись без приличествующего ситуации политеса и прямо изложить позицию Петербурга персидскому дипломату. Казалось, у Иранского государства нет никаких шансов избавиться от навязанной русско-британской опеки.

* * *

Из вышеизложенного хорошо видно, насколько сложными и проблематичными были взаимоотношения трех империй накануне и в начале Великой войны, как не просто было им приходиться к каким-то соглашениям и компромиссам, даже когда на более глобальном уровне у них была общая цель – как в случае России и Британии. Если российское правительство в целом смотрело в будущее вполне уверенно и оптимистично, а у высших чиновников

империи можно обнаружить идеи дальнейшей экспансии на южном направлении, для чего, как видно, война создавала окно возможностей, то Британия смотрела на ситуацию на Среднем Востоке с тревогой и озабоченностью. Что же до Ирана Каджаров, то, будучи в тех исторических обстоятельствах скорее не субъектом, а объектом политики великих держав, он был вынужден следовать в их фарватере, несмотря на то, что, сохранив формальный суверенитет, пытался проводить собственную политику.

Рассмотренная ситуация, помимо значимости для конкретно-исторических исследований, истории международных отношений, содержит еще один важный урок. А именно – предостережение от исторического детерминизма. Все описанные выше обстоятельства радикально изменились в 1917 г. Коллапс России привел к тому, что русские войска вскоре покинули Иран, а после аннулирования большевиками всех т. н. неравноправных договоров имперской России все влияние, все материальные ресурсы и богатства России в Иране оказались утрачены. Казалось, пробил звездный час Британии – и она действительно смогла заполнить тот военно-политический вакуум, что возник в северной части Персии после ухода России. Более того, англичанам удалось навязать правительству Ирана в 1919 г. договор, фактически ставивший страну в зависимость от Великобритании. Однако наступали новые времена, и человек, служивший в созданной русскими Персидской казачьей бригаде, смог захватить власть в Иране и основать, под именем Реза-шаха Пехлеви, одну из самых успешных –

пусть и недолговечных – династий в истории страны. Возможно ли было представить подобное развитие в начале XX века, когда, по словам одного британского автора, прогресс России был неостановим, а Иран был игрушкой в руках Петербурга и Лондона? Едва ли. И это в очередной раз говорит о том, сколь важно проявлять осторожность в прогнозах и как легко могут перемениться казавшиеся незыблемыми устои.

Библиографический список

1. Записка, составленная в министерстве иностранных дел. 20 февраля (5 марта) 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Серия 3. 1914–1917. Т. 1. М.-Л., 1931. № 384.

2. Коростовец. Мемуары. «Персидские арабески». Персия 1914–1915 г. 2-й вариант // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 340. Описание 839. Дело 13.

3. Министр иностранных дел – и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике Его Императорского Величества на Кавказе. Петроград, 16 октября 1915 г. № 5378. Телеграмма. Шифром // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Персидский стол. Описание 489. Дело 5926. 1910–1917. Русская политика в Персии.

4. Сазонов – Бенкендорфу, 6 (19) февраля 1914 г. Письмо // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Серия 3. 1914–1917. Т. 1. М.-Л., 1931. № 289.

5. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.

6. Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914. Ed. Dominic Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172.

7. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Private. London, March 18, 1914 // British Documents on the origins of the War, 1898–1914. Vol. X. Part II. London, 1938. № 535.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА Е. Ф. ШМУРЛО

Аннотация. В статье проанализированы конструкты имперской идеи в научном творчестве историка, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Евгения Францевича Шмурло (1853–1934). Делается попытка рассмотреть взгляды ученого на феномен контактов между Россией и миром Востока посредством анализа его экспедиций по Азиатской России с конца 1870-х гг. по начало 1910-х гг. Обращение к размышлениям Шмурло об азиатских окраинах еще раз продемонстрировало, сколь сложным и многообразным было построение ориенталистского и имперского дискурсов в России, сколь много противоречивых концептов вплеталось в этот процесс.

Ключевые слова. Е. Ф. Шмурло, колонизация, цивилизаторская миссия, Русское географическое общество, Азиатская Россия.

Размышления о феномене империи и имперской экспансии занимали важное место в российской интеллектуальной культуре. Стремительное продвижение в Центральной Азии и на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. вывело изучение Азиатской России

в круг важнейших задач для отечественной науки. Большой круг ученых желал выразить свои мысли о российском присутствии на Востоке, пусть даже он не был предметом их прямых исследовательских интересов. Среди таковых был именитый историк, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Евгений Францевич Шмурло (1853–1934). Он известен как крупнейший исследователь российско-итальянских связей и Петровской эпохи [3; 5]. В то же время гораздо менее известны его работы, посвященные освоению Сибири, российско-китайским отношениям, колонизации Степного края. Внимание Шмурло к ориенталистской тематике во многом проистекало из личных мотивов и ощущений. Мало кто из российских ученых-историков в течение жизни ездил так много и так часто. География этих поездок была необъятной: от жаркой Испании до заснеженных вершин Алтая. Вполне права Валентина Юрьевна Волошина, указавшая, что, хотя о Шмурло в наши дни написано уже немало, роль путешествий в его жизни и научном творчестве осмыслена еще недостаточно [1, с. 11].

Весной 1878 г. Шмурло завершил обучение на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Уехав на летние каникулы в родной Челябинск, он вместе со своим братом Геннадием (1869–1926) предпринял первое большое путешествие в Тургайскую степь. От Челябинска они выдвинулись на юг, в Троицк, а оттуда намеревались проехать по так называемой «Казачьей

линии». Шмурло не просто путешествовал, наслаждаясь степной природой и верховой ездой, он вел путевые заметки этнографического и топографического характера, составлял, в частности, словарь местных слов. «Казачья линия» представилась ему культурной границей между русскими поселениями и степными кочевниками. Путешествие ознаменовало собой первое близкое знакомство с бытом и культурой степных кочевников, с хозяйственным укладом края. Табуны лошадей и верблюды, кумыс и киргизский чай, пестрые юрты в бескрайних степных просторах создавали красочную картину ранее малознакомого мира.

Летом 1886 г. Евгений Францевич совершил очередное путешествие в Тургайскую степь, но уже по несколько иному маршруту [12]. Теперь его вел выраженный научный интерес, связанный с желанием понять особенности заселения и колонизации края. Шмурло иронизировал над тем, что значительная часть русского общества совсем не интересовалась проблемами азиатских окраин, и сетовал, например, что колонизация Тургайской степи совершенно не осмыслена, хотя опыт ее крайне важен и поучителен [12, с. 1]. В чем же, с точки зрения Шмурло, состоял смысл колонизации бескрайних и суровых степей, в том числе создания там новых городов? В привнесении культуры «господствующей народности», а также в развитии земледелия, промышленности и торговли в противовес кочевому скотоводству. Таковую колонизацию он считал общеимперским проектом, который вмещал в себя как государственные, так и частные инициативы, втягивал выходцев

из разных регионов. Отчет о летней поездке 1886 г. в Тургайскую степь впервые дает наглядное представление о взглядах Шмурло не просто на азиатские окраины империи, но на Восток как некую культурно-историческую общность. Он убежден в фатальной исторической связи России с ним, и эта мысль будет пронизывать его научное творчество на протяжении всей жизни. Мир Востока у Шмурло никак не дифференцирован, его культурно-исторические границы не определены. Тем не менее, рассуждая об азиатских началах, он в первую очередь имеет в виду евразийских степных кочевников. Евгений Францевич убеждал читателя: «В наших отношениях к Востоку есть что-то неизбежное, роковое. В течение тысячи лет мы только и знали, что старались отчураться, уйти от него, в результате только теснее сближались, шли по направлению к нему» [12, с. 2]. Он замечал, что по мере продвижения на Восток взаимоотношения между ним и Россией становились все более связанными, но оттого более сложными.

Летом 1896 г. Шмурло совершил путешествие на юго-восток Семипалатинской области, в предгорья Алтая. Поддержку этому предприятию оказывал Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в Омске. Путешествие 1896 г. послужило основой для научных сочинений Шмурло о специфике русской колонизации [14; 15; 16]. По собственному признанию ученого, важнейшим движущим мотивом его путешествия было изучение хозяйственного быта старообрядческого населения [2, д. 40, л. 25 об.]. Шмурло не считал себя профессиональным этнографом

и географом и намеревался лишь наметить основополагающие черты колонизации края. Шмурло называл колонизацию одним из главнейших элементов для понимания всего русского прошлого. В этих суждениях он был, конечно, не оригинален, если вспомнить идеи В. О. Ключевского и некоторых его учеников. Не менее важно иметь в виду большое воздействие на историческую науку того времени постулатов географического детерминизма.

Безусловно, рассуждения Шмурло подкреплялись недавним завоеванием Средней Азии и активизацией российской внешней политики на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Оттого ученый, например, восторгался строительством Транссибирской железной дороги. Он постоянно указывал на незавершенность колониационного процесса, что явно должно было подчеркнуть не только научную, но и общественную значимость феномена. В. В. Суворов обратил внимание на примечательный факт сотрудничества Шмурло с газетой «Санкт-Петербургские ведомости», для которой с 1897 по 1903 г. тот написал ряд статей о русском присутствии на Востоке [10, с. 3]. Редактором газеты был князь Э. Э. Ухтомский (1861–1921), влиятельный общественный деятель и горячий пропагандист усиления русского влияния в Азии. «Восточничество», одним из негласных идеологов которого он являлся, критиковало европейскую цивилизацию. Его апологеты ощущали притягательную силу в Азии. Они выступали категорически против военного экспансионизма, но были убеждены, что Россия должна энергичнее и сильнее

втягиваться в азиатские дела. Им грезилось даже, что царь должен исполнить миссию по объединению России и Китая и стать своего рода новым ханом [11, с. 72]. Взгляды Ухтомского радикальным образом отличались от взглядов Шмурло. Тем не менее и князя, и профессора роднила общая мысль о необходимости деятельной азиатской политики, пусть и продвигаемой совершенно разными способами. На рубеже XIX–XX вв. Шмурло не без пафоса заявлял: «В настоящую минуту мы стоим у ворот Кореи, на побережье Порт-Артура, дошли до Памира, и кто может сказать, что это последняя наша стоянка?» [16, с. 5]. Несбыточность этих ожиданий вскоре, после катастрофы Русско-японской войны, паразит многих представителей российского общества. Увы, известные источники молчат о том, как отреагировал на эти события профессор Шмурло.

Евгений Францевич критиковал западных авторов, у которых сильно убеждение в существовании «завоевательных инстинктов русского государства» и «ненасытной жажде русского правительства к расширению своих пределов» [16, с. 4]. Отсутствие экспансионизма в европейском понимании выразилось для ученого, как ни парадоксально, в движении на Восток. Оно было не равно европейским колониальным захватам, которые выходили за пределы естественных природных границ. Русские переселенцы выступают у Шмурло как агенты цивилизации. Одновременно представители коренного населения характеризуются как нецивилизованные дикари. Преображение азиатских окраин в глазах Шмурло должно быть связано

с переустройством их хозяйственного быта. В то же время подобные воззрения разделялись далеко не всеми представителями образованного общества. Обратим внимание на примечательный факт. В августе 1898 г. Шмурло послал на имя генерал-лейтенанта Ю. А. Шмидта (1844–1910), председателя Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и редактора его «Записок», свою статью «Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе» [2, д. 31, л. 81, 84]. Первые ее части были наполнены не только восторженными рассуждениями об исторической обусловленности российского продвижения в Азии, но и высказываниями о дикости степных кочевников, а соответственно, доказательствами необходимости цивилизовать их. Очерк был принят к публикации, однако снабжен следующей ремаркой: «Печатаемая статья уважаемого профессора и высоко ценя ее достоинства, Распорядительный Комитет, однако, не может согласиться с основными положениями автора, изложенными в настоящей главе» [16, с. 4]. Эта маленькая пометка еще раз показывает, что российский имперский дискурс имел очень много проявлений, был наполнен различными, порой запутанными, конкурирующими идейными конструктами, что довольно сильно отличало его от аналогичных европейских явлений. Подобные примеры очень важны, чтобы понять реальные «имперские практики на местах» [6, с. 14].

И все же Шмурло не закрывал глаза на неприглядные стороны взаимоотношений переселенцев и местного населения, не рисовал идиллической картины. Он явно

не одобрял произвольной конфискации земель у «киргизов» и отстаивал необходимость справедливого земельного размежевания. Шмурло не стеснялся говорить о неспособности и нежелании многих колонистов вести эффективную хозяйственную деятельность, ведь для ученого кажется крайне важным не только подчинять земли, но осваивать их. Хотя он заметил, к примеру, усложнение земельных отношений и обострение имущественных споров, но не оценил в должной мере их последствия. Современные исследователи вполне оправданно подчеркивают, что «появление на азиатских окраинах обедневших крестьян, вытолкнутых из Европейской России преимущественно социально-экономическими причинами, никак не могло работать на создание положительного имиджа русских» [8, с. 184].

Под пером Шмурло, при всей критичности к коренному населению и его традиционному укладу, местные жители не изображаются как враги. Хотя говорил он порой с позиций имперского национализма, все же расовых предрассудков был лишен. Шмурло всячески выступал за нормализацию отношений и прекращение распрей между поселенцами и коренными жителями. В воззрениях ученого жила идея цивилизационной миссии, которая уподоблялась не столько практикам современных ему колониальных империй, сколько классическим взглядам просветителей XVIII в. Это не удивительно, если вспомнить как о большом профессиональном интересе Шмурло к творчеству Вольтера, так и о том, что европейская цивилизаторская идея также изначально подпитывалась наследием просветителей.

В силу того не стоит удивляться появлению на страницах путевых отчетов Евгения Францевича «благородных дикарей». Одним из таких является «киргиз Урусбай», встретившийся во время летнего путешествия 1896 г. Его образ представлен в позитивных тонах, причем особо отмечается, что «закваска русского быта коснулась его довольно глубоко» [14, с. 5]. Урусбай предстает как крепкий хозяйственник и трудолюбивый человек. Примечательно, что его быт описан Шмурло с нескрываемой симпатией: и чистая юрта из белой кошмы, и низкий круглый столик, уставленный блюдами с разнообразными ягодами. Историк явно сочувствует Урусбаю, поскольку русские колонисты незаконно захватили часть его земель.

Если внимательно проанализировать различные тексты Шмурло об Азиатской России, то из них явственно вытекает вывод, что безоглядным экспансионистом ученого все же назвать нельзя. Победный пафос продвижения на Востоке не заслонял для него текущих социальных и политических проблем, интерес к азиатским окраинам не затмевал многочисленных трудностей, все острее ощущавшихся в Европейской России. Так, совершая путешествие по Волге и Каме в 1888 г., он описывал запустение старых русских городов, неустроенность и нужду. Шмурло неустанно размышлял, как богата была здесь прежняя жизнь и как бедна и скудна она ныне. Вот, к примеру, показательная зарисовка, сделанная во время плавания по Каме: «Так почему ж она, точно клад заколдованный, не дается нам в руки? Прошли столетия, а изменилось

ли что в ее жизни? <...> По-прежнему на целые версты ни кола, ни двора, по-прежнему одно ее дикое, нерукотворное величие, по-прежнему густы и угрюмы ее крутые берега, покрытые темною елью. <...> Пустынная река! Прошли столетия, как мы овладели тобою, но владеем номинально; мы чужды твоих богатств, мы не умеем ими пользоваться. В руках американца и даже западноевропейца Кама представляла бы совсем иное... Отчего?» [13, с. 114–115].

Хотя Шмурло пытался найти разнообразные оправдания печальному настоящему, мысль об имперском перенапряжении невольно проскальзывает в его суждениях. Пусть и робко, но он критикует сверхцентрализацию и патернализм государства, которые ведут к подавлению частных инициатив или же приводят к пристальному контролю над ними. Отчасти такое положение вещей он оправдывает географическим фактором, а именно – обширными и слабозаселенными территориями, управление которыми требует огромных ресурсов. В Европе при высокой плотности населения, относительно благоприятных природных условиях и высоком уровне развития путей сообщения не было высокой нужды в государственном контроле и покровительстве, что открывало дорогу частным инициативам и самоуправлению. Российская специфика рисуется Шмурло совсем иной: «У нас не то: без царя не было обеспечения, русский человек во всем полагался на него, жил царским захребетником, царскою думою, и мысль от долгого бездействия оказалась неспособной к самостоятельному мышлению» [13, с. 115–116]. В конечном счете Шмурло

не дал конкретных ответов на им же поставленные вопросы. Он только очертил проблемы, которые увидел своими глазами, попытался проникнуть в их исторические истоки, но осторожно дошел на этой дороге лишь до половины пути. Как поддерживать имперскую мощь, но при этом в равной мере развивать разные регионы страны? Шмурло сам отчасти понимал возникшие перед ним противоречия.

Размышления об империи, имперской политике и российском присутствии в Азии вновь возникнут в творчестве Шмурло уже в годы эмиграции. Они найдут отражение в первую очередь в его учебных нарративах [4]. Если сравнить эти тексты и отдельные научные работы Шмурло с дореволюционными публикациями, то можно увидеть идейное постоянство. Ни Первая мировая война, ни революция 1917 г., ни Гражданская междоусобица в России, ни массовая эмиграция не смогли поколебать его историческую концепцию. Такое явление было довольно нетипичным для эмигрантской интеллектуальной среды, отмеченной повышенной рефлексией о судьбах России, причинах революции и гибели империи. Те же евразийцы, с лидерами которых Шмурло познакомился в Праге, пытались сконструировать совершенно новый образ исторических взаимоотношений России и Востока.

К сожалению, о политических пристрастиях Евгения Францевича, помимо стойкого антибольшевизма на закате жизни, известно крайне мало. Имперские взгляды ученого отнюдь не означали его принадлежности к консервативному, монархическому лагерю. Шмурло не занимал какого-то

особого места в имперской пропаганде, не был в числе активных и публичных поборников продвижения России на Восток и господства над Азией, но и своих взглядов никогда не скрывал. Его позиция кажется довольно типичной и неоригинальной, наполненной широко распространенными идейными конструктами: экспансионизм, культурное превосходство, цивилизаторская миссия. Тем не менее обращение к размышлениям Шмурло об азиатских окраинах России, несомненно, важно. Это еще раз показывает, сколь сложным и многообразным было построение имперских дискурсов в Российской Империи, сколь много противоречивых концептов вплеталось в этот процесс. Осознание этих особенностей является чрезвычайно интересной задачей, чтобы продвинуться дальше к специфике понимания взаимоотношений России и Востока в эпоху колониализма, которые очень сильно отличались от европейских аналогов. Как верно сказал Н. Найт, «хотя ориенталистский дискурс со всей очевидностью присутствует в русской культуре, его не стоит рассматривать в той тоталитарной манере, которую предлагает [Эдвард] Саид» [7, с. 335]. Так же в случае со Шмурло. Мы видим историка польско-литовского происхождения, который выступает как русский националист. Он восхищается колонистами Степного края и предгорий Алтая, но критикует их за захваты земель коренного населения. Он называет «киргизов» дикарями и варварами, но при этом избегает каких-либо расистских утверждений. Он всей душой любит Европу, но при этом восстает против попыток демонизации России и русских.

Библиографический список

1. *Волошина, В. Ю.* Жизнь в путешествии: Е. Ф. Шмурло // Люди и судьбы Русского зарубежья: сборник статей / Отв. ред. А. Б. Ефимов, Е. М. Миронова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 11–31.
2. Исторический архив Омской области. Ф. 86. Оп. 1. Д. 31, 40.
3. *Ковалев, М. В.* Петровская эпоха в научном наследии Е. Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. Вып. 5. С. 39–53.
4. *Ковалев, М. В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000732-4-1/> (дата обращения: 08.02.2021).
5. *Ковалев, М. В.* Евгений Францевич Шмурло: русская италиянистика в эмиграции // Новая и Новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.
6. *Мирзеханов, В. С.* XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
7. *Найт, Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–344.
8. *Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
9. *Саханев, В. В.* Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937.
10. *Суворов, В. В.* Е. Ф. Шмурло о культурно-исторических задачах России на Востоке // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 5. С. 1–7.
11. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

12. Шмурло, Е. Ф. Новый город в Тургайской степи (из летних наблюдений) // Северный вестник. 1887. № 4. С. 1–30.

13. Шмурло, Е. Ф. Волгой и Камой (Путевые впечатления) // Русское богатство. 1889. № 10. С. 87–118.

14. Шмурло, Е. Ф. Описание пути между Алтайскою станицею и Кош-Агачем в Южном Урале // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1898. Т. XXIII. С. 1–54.

15. Шмурло, Е. Ф. Горные проходы в Южном Алтайском хребте // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Т. 34. Вып. 5. С. 590–601.

16. Шмурло, Е. Ф. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1899. Т. XXV. С. 1–64.

А. М. Ипатов
*Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ / ГЕРМАНИЕЙ В 1850–1880-Е ГГ.

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации взаимоотношений между Российской Империей и Пруссией, а позднее Германией в 1850–1880-х гг. Анализируются причины, конкретные проявления и последствия данных метаморфоз не только для дальнейшей политики и международного положения обеих держав, но и в целом для европейской дипломатической арены. Автор подчеркивает, что династические связи и так называемое консервативное согласие, долгое время оказывавшие существенное влияние на взаимодействия Петербурга и Берлина, впоследствии уступили место системе превалирования национальных интересов во внешнеполитической стратегии обеих империй. Ответом на Realpolitik германского канцлера О. Бисмарка стало казавшееся в прежние времена невысказанным сближение самодержавной России с республиканской Францией.

Ключевые слова. Россия, Пруссия, Германия, взаимоотношения, трансформация, Бисмарк, Горчаков, династические связи.

История российско-германских отношений за многовековой период насчитывает немало различных сюжетов, как тесного сотрудничества, так и ожесточенного противостояния. Казалось бы, XX столетие, с его кровопролитными мировыми войнами, в ходе которых армии Германии и Российской Империи / СССР столкнулись в битве не на жизнь, но на смерть, а также довольно агрессивная по отношению к нашему государству позиция современной ФРГ (к тому же одного из влиятельнейших членов НАТО) должны создавать иллюзию о перманентных национальных противоречиях между русскими и немцами. Действительность, однако, более противоречива и разнообразна. Можно с уверенностью заявлять, что между Москвой и Берлином были не только кровавые вооруженные столкновения, унесшие жизни миллионов людей с обеих сторон, но и периоды плодотворного сотрудничества, в ходе которых оба государства получали от него весомые преимущества.

Все вышесказанное справедливо отнести к 1850–1880-м гг. В рамках этого относительно короткого исторического периода происходит существенная трансформация во взаимоотношениях Пруссии / Германии и России. Чтобы лучше понять ее причины, необходимо обратиться к более раннему времени, а именно к эпохе Наполеоновских войн. Именно совместная борьба против великого французского императора и полководца сблизила Россию и Пруссию. В ходе заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. удалось освободить ряд государств от французской

оккупации, в числе которых была и Пруссия. Ее будущий король, а впоследствии первый кайзер единой Германии Вильгельм I, участвовавший в сражениях против французов в юном возрасте, впоследствии неоднократно будет подчеркивать, что Пруссия своим существованием обязана России. Правда, был в его биографии период, когда, будучи принцем, во многом под влиянием своей супруги, он активно критиковал курс на следование в фарватере российской внешней политики, особенно ожесточенно – после заключенного под дипломатическим давлением Петербурга Ольмюцкого соглашения 1850 г., признававшего за Австрией лидерство в германском мире (Пруссии же пришлось принять второстепенную роль) [21, с. 57–60].

Образование в 1815 г. в ходе Венского конгресса Священного союза (Россия, Пруссия, Австрия; ряд инициатив поддерживала Англия, но официально себя рамками договора не связывала) на консервативной основе еще более укрепило взаимоотношения между Романовыми и Гогенцоллернами. Вышедшая замуж в 1817 г. за брата российского Императора Александра I Николая прусская принцесса Фредерика Шарлотта Вильгельмина приходилась родной сестрой прусскому наследнику Фридриху Вильгельму IV и уже упоминаемому Вильгельму I. После смерти бездетного Александра I и отказа от престола его брата Константина трон унаследовал именно Николай I, что означало установление династических связей между Петербургом и Берлином.

Однако они не всегда приводили к конструктивному диалогу. Это объяснялось тем, что либеральные

и интеллигентские круги Прусского королевства выступали за сотрудничество с Англией, к России же относились свысока, нередко выражая откровенно русофобские взгляды. Лишь консерваторы, по большей части представлявшие юнкерство, активно выступали за союз с могущественной восточной соседкой. Особенно активны были в этом отношении братья Людвиг и Леопольд фон Герлахи [12, с. 160–193]. Кроме того, к середине 1850-х гг. все больший вес в политических кругах Пруссии набирал человек, в дальнейшем признанный одним из выдающихся государственных деятелей XIX столетия, – Отто фон Бисмарк. Библиография, посвященная различным аспектам его жизни и деятельности, поистине огромна. При этом ежегодно появляются новые исследования, нередко вводящие в научный оборот ранее не опубликованные документы и материалы. В 1851–1859 гг. Бисмарк был прусским представителем в общегерманском Союзном сейме (который действовал, несмотря на то, что единого государства на тот момент не было) во Франкфурте-на-Майне, где он постепенно пришел к выводу о том, что ставка на союз с Австрией крайне невыгодна Пруссии, ибо оставляет ее в тени позиции Вены. Более того, прусский дипломат начинает отстаивать точку зрения о необходимости сближения с Россией, что сулит большие выгоды. Именно данное убеждение способствовало тому, что Бисмарк был одним из активнейших сторонников нейтралитета (причем благожелательного России, в отличие от австрийской позиции) в годы Крымской войны 1853–1856 гг. К слову, во франкфуртском «лисятнике»

(как сам он его именовал) ему довелось познакомиться с российским дипломатом, впоследствии министром иностранных дел и канцлером, А. М. Горчаковым. Их дипломатическое противостояние нашло отражение даже в художественной литературе, став основной канвой знаменитой «Битвы железных канцлеров» В. С. Пикуля [15]. Вопреки существующему мнению о том, что германский политик считал своего российского коллегу и визави своим учителем в дипломатическом искусстве, оценки Бисмарка в адрес Горчакова были довольно жесткие и нередко носили уничижительный характер [9].

Тем не менее, благожелательный для России нейтралитет, занятый Фридрихом Вильгельмом IV в 1851–1854 гг., не остался незамеченным в Петербурге. Новый российский император, Александр II, довольно тепло относился к своим дядям по материнской линии. Иными словами, политические (предательская позиция Австрии, отплатившей «черной неблагодарностью» за спасение династии Габсбургов в ходе подавления российскими войсками под командованием И. Ф. Паскевича венгерского восстания в 1848–1849 гг.) и династические обстоятельства привели к тому, что в спорах между Пруссией и Австрией за лидерство в германском мире Российская Империя отныне твердо поддерживала именно королевство Гогенцоллернов [5, с. 15]. Несмотря на поражение в Крымской войне, в Берлине Россию продолжали считать великой державой (кроме того, несмотря на враждебность Англии, Австрии и Франции, они понимали необходимость сохранения

России как великой державы в рамках «баланса сил», о чем подробно писал А. Дж. П. Тэйлор [20]), голос которой имел решающее значение во взаимоотношениях между различными немецкими государствами. Кроме того, наличие общей проблемы, а именно – периодически возникающего польского вопроса (напомним, что по итогам разделов Польши в конце XVIII столетия ее территория была разделена между Россией, Пруссией и Австрией) – способствовало тесному сотрудничеству между Петербургом и Берлином. Причем в прусской столице не возникало никаких сомнений, а тем более – возражений, по поводу своего положения «младшего партнера», ибо вооруженные силы двух стран, даже после поражения России в Крымской войне, были несопоставимы.

В рамках укрепления двухсторонних отношений в 1859 г. на пост посланника в Петербурге был отправлен О. фон Бисмарк, сам, впрочем, бывший не в восторге от подобной перспективы. Однако за то время, что он представлял свое государство в российской столице, ему удалось существенно продвинуться в возложенных на него задачах. Благо, Александр II и министр иностранных дел А. М. Горчаков также были заинтересованы в союзе с Пруссией для успешного выхода из международной изоляции.

О пребывании Бисмарка на посту прусского посланника написано довольно много, стоит отметить хотя бы монографии В. С. Дударева [10] и Р. И. Иванякова [11]. Подчеркнем лишь, что в 1859–1862 гг. уровень взаимного доверия между правящими дворами России и Пруссии был весьма

высок, что подтверждают письма самого главы прусского посольства [2] и его помощника К. фон Шлецера [22]. Сотрудничество нашло отражение в заключении так называемой конвенции Альвенслебена (по фамилии прусского генерал-адъютанта Г. фон Альвенслебена) после подавления польского восстания 1863 г., в ходе которого лишь Берлин, непосредственно заинтересованный в прекращении беспорядков, поддержал действия Петербурга, в то время как другие государства выражали дипломатический протест против действий русской армии [16].

Период 1864–1871 гг., известный в немецкой истории как эпоха войн за объединение Германии «сверху», был временем взаимовыгодного сотрудничества Гогенцоллернов и Романовых. Первым необходимо было из множества относительно небольших государств создать единую Германию, вторым – решить проблему с отменой нейтрализации Черного моря. На активном сотрудничестве двух стран настаивали определенные круги, как в Пруссии, так и в России, хотя были и противники. О позиции России в этот период детальные исследования опубликовали Л. К. Роотс [17], Л. И. Нарочницкая [13], С. В. Оболенская [14], Л. Г. Шнеерсон [23]. В свою очередь, В. С. Дударев провел масштабное исследование о роли России в представлениях О. фон Бисмарка в это время [8].

Итогом взаимовыгодной поддержки обеими странами друг друга стала отмена в октябре 1870 г., после ноты А. М. Горчакова, положений Парижского трактата 1856 г., касавшихся запрета России строить укрепления

на Черноморском побережье и иметь там военно-морской флот, а для Берлина – провозглашение в Версальском дворце в январе 1871 г. создания Германской Империи. Правда, уже к концу франко-прусской, или, как верно отмечают отечественные историки Н. А. Власов и А. В. Бодров, франко-германской войны 1870–1871 гг. [3], отдельные лица среди политической элиты Российской Империи (в первую очередь ставший канцлером А. М. Горчаков) стали настойчиво воспринимать стремление прежних «послушных» пруссаков к дальнейшей экспансии. В свою очередь, создателю Второго рейха, О. фон Бисмарку, пришлось приложить немало усилий, чтобы остудить пыл германских военных под руководством Г. фон Мольтке, «отца современной войны», по определению Н. А. Власова [4].

Период 1871–1878 гг. характеризуется трансформацией ролей в российско-германских отношениях: если ранее Пруссия в значительной степени зависела от позиции Петербурга, то теперь в Берлине начали активно проявлять признаки лидерства и стремление освободиться из-под «опеки» России. К сожалению, подобная смена господствующих настроений в правящих кругах Германии оказалась недооценена политической элитой нашего государства. Как современниками, так и исследователями, и отечественными, и зарубежными, отмечалось, что российский канцлер А. М. Горчаков продолжал несколько свысока и снисходительно общаться с германским коллегой, что вызывало неприятие у последнего. Итогом этого стала, по сути, второстепенная роль России в Союзе трех императоров, ибо

О. Бисмарк умело играл на противоречиях между Петербургом и Веной, избрав для себя выгодную роль третьей стороны. Вопреки декларируемым лозунгам борьбы за консервативные ценности, это международная коалиция оказалась нежизнеспособной в силу того, что национальные интересы превалировали над политическими доктринами, о чем убедительно писал С. Д. Сказкин [19].

В общественных кругах Германии тех лет сложилось устойчивое клише, которое активно транслировал сам «железный канцлер», что вина в охлаждении российско-германских отношений лежит на Петербурге, а именно на А. М. Горчакове, который, якобы из-за своего тщеславия, позволил себе подчеркнуть в 1875 г., что именно вмешательство России позволило предотвратить военный кризис, грозивший новой франко-германской войной [1, с. 219–238]. Данная проблема требует скрупулезного и длительного исследования, поэтому не будем останавливаться на ней подробно. Стоит лишь отметить, что сам А. М. Горчаков к этому времени вернулся вновь к давно вынашиваемой им идее сближения с Францией.

Итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а особенно – Берлинского конгресса, проходившего в германской столице с 13 июня по 13 июля 1878 г., едва ли не диаметрально противоположно были оценены в России и Германии. Как известно, в том числе с подачи российской стороны, председателем конгресса был избран О. фон Бисмарк, еще до начала заседаний отведший себе скромную роль «честного маклера». Обо всех перипетиях общественных

и историографических дискуссий писать здесь нет возможности [7; 18], однако отметим, что в России именно «железного канцлера» едва ли не официально обвинили в дипломатическом поражении. В связи с этим необходимо отметить появление крайне любопытного исследования Н. А. Власова «Россия глазами Бисмарка» [6]. В нем автор делает попытку развенчать ряд имеющих место стереотипов о некоем «русофильстве» германского политика, о котором любят к месту и не к месту рассуждать в современном медийном пространстве, когда речь заходит о том, что после его отставки политическое руководство Германии повело страну не в том направлении.

Итогом общественного недовольства в обеих странах стала так называемая «газетная война» 1878–1881 гг., приостановить которую сумело лишь возобновление Союза трех императоров. Берлинский конгресс 1878 г. стал неким «отрезвляющим» событием для отечественной дипломатии, пришедшей к осознанию того, что в Берлине больше не согласны с положением «младшего партнера». В Германии же рост национализма, пангерманизма, развитие шовинистических идей подталкивало общественное мнение и значительную часть военной элиты к развязыванию международных конфликтов. Партии «войны» в этот период, как в Российской, так и в Германской Империях, стремились разжечь вооруженное столкновение, однако мудрость правителей и государственных деятелей уберегла от необдуманных поступков. Тем не менее весь период 1880-х гг. в российско-германских отношениях

характеризовался стремлением продолжать сотрудничество, однако не в ущерб собственным национальным интересам. О династических связях и консервативном единстве речи больше не шло: по сути, Александр III проводил ту же Realpolitik, что и О. фон Бисмарк, но с учетом российских реалий. Отставка «железного канцлера» в марте 1890 г. со всех государственных постов и начало личного управления внешней политикой Второго рейха Вильгельмом II вызвали настороженность в российских правящих кругах. Лично не испытывавший симпатий к уволенному германскому канцлеру российский Император тем не менее ценил его как человека, с которым можно вести диалог и который четко знает положение внутри своей страны и на международной арене. Спустя 24 года после этого агрессивная политика Германской Империи, стремившейся занять «место под солнцем», привела к развязыванию Первой мировой войны, в которую Россия, вопреки своему желанию, оказалась втянута посредством союзнических обязательств и геополитического статуса. Обе империи, и Романовых, и Гогенцоллернов, канули в Лету. Однако ряд зародышей этой трагедии был заложен еще в 1871–1890 гг., что еще раз убедительно подчеркивает необходимость дальнейшего скрупулезного анализа российско-германских отношений этого периода.

Библиографический список

1. *Бисмарк, Отто фон*. Воспоминания, мемуары: В 2 т. Т. 2. – М.: АСТ; Минск: Харвест. – 2002. – 560 с.
2. *Бисмарк, Отто фон*. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга, 1859–1862 гг. / пер. с нем. и коммент. В. С. Дударева. – СПб.: Алетейя, 2013. – 332 с.
3. *Бодров, А. В.* Железо и кровь. Франко-германская война / А. В. Бодров, Н. А. Власов. – СПб.: Евразия, 2019. – 544 с.
4. *Власов, Н. А.* Гельмут фон Мольтке: отец современной войны. – СПб.: Наука, 2018. – 237 с.
5. *Власов, Н. А.* Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. – СПб.: Наука, 2018. – 207 с.
6. *Власов, Н. А.* Россия глазами Бисмарка. – СПб.: Евразия, 2021. – 288 с.
7. *Дегоев, В. В.* Россия и Бисмарк // Звезда. – 2001. – № 7. – С. 128–155.
8. *Дударев, В. С.* Бисмарк и Россия. 1851–1871. – СПб.: Алетейя, 2021. – 680 с.
9. *Дударев, В. С.* «Лис в деревянных башмаках»: Бисмарк о Горчакове // Родина. – 2009. – № 8. – С. 92–94.
10. *Дударев, В. С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? – СПб.: Алетейя, 2013. – 304 с.
11. *Иваняков, Р. И.* Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862): монография. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН, 2008. – 220 с.
12. *Имангалиев, Р. Н.* Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII – середине XIX веков. – Казань: Яналиф, 2001. – 223 с.
13. *Нарочницкая, Л. И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». – М.: Госполитиздат, 1960. – 287 с.
14. *Оболенская, С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. – М.: Наука, 1977. – 336 с.

15. *Пикуль, В. С.* Битва железных канцлеров (Два романа из истории русской дипломатии). – Л.: Лениздат, 1978. – С. 333–573.
16. *Ревуненков, В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1957. – 358 с.
17. *Роотс, Л. К.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863–1864 годах. – Таллинн: Эстгосиздат, 1957. – 241 с.
18. *Рыбаченок, И. С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и Новейшая история. – 2018. – № 3. – С. 142–168.
19. *Сказкин, С. Д.* Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е гг. XIX столетия. – М.: Наука, 1974. – 271 с.
20. *Тэйлор, А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 644 с.
21. *Утин, Е. И.* Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. – М.: Книжный клуб Книговек, 2020. – 320 с.
22. *Шлецер, Курд фон.* Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга, 1857–1862 гг. / пер. с нем. и коммент В. С. Дударева. – СПб.: Алетейя, 2019. – 584 с.
23. *Шнеерсон, Л. М.* Франко-прусская война и Россия: Из истории рус.-прусс. и рус.-франц. отношений в 1867–1871 гг. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 304 с.

С. В. Старцева

*Фонд содействия возрождению
традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»*

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
«ИМПЕРАТОРСКИЙ МАРШРУТ».
О 300-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье рассказывается о национальном проекте «Императорский маршрут» и о вкладе Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» в его создание и развитие.

Ключевые слова. Проект «Императорский маршрут», Дом Романовых, Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, концептуальные маршруты.

Проект «Императорский маршрут», который создан Фондом «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» и реализуется в практической плоскости с 2018 года, сегодня объединяет 22 региона. Это Брянская, Воронежская, Калужская, Кировская, Костромская, Калининградская, Московская, Новгородская, Омская, Орловская, Псковская, Новосибирская, Свердловская, Томская, Тюменская, Тульская области, Пермский и Ставропольский края, Республики Татарстан и Крым, Санкт-Петербург

и Москва. По маршрутной сети Проекта проехало более 9 тыс. туристов в составе организованных школьных групп и большое количество индивидуальных туристов, численность которых мы определяем по количеству посетителей в созданных Фондом ЕСПО музеях.

Анна Громова, председатель Наблюдательного Совета Фонда ЕСПО, отмечает: *«Национальный историко-культурный туристический проект «Императорский маршрут» дает возможность по-новому взглянуть на нашу историю и приобщить подрастающее поколение к непрерывной цепи исторических событий в России. Мы хотим сохранить память о 300-летней истории Императорской России, которая славна своими воинскими подвигами, научными достижениями, успехами в развитии культуры. На «Императорском маршруте» каждый сможет для себя найти тот сюжет, который будет ему любопытен, который станет для него стимулом, чтобы жить и трудиться на благо своего Отечества».*

Очевидно, что 300-летняя история Императорского Дома Романовых огромна. И перед Фондом ЕСПО стоят задачи, какие использовать инструменты, чтобы приобщить потенциальных туристов к познанию непрерывной истории страны, как пробудить желание слушать, как сделать так, чтобы участники маршрута всех возрастов запомнили, а потом смогли применить в своей жизни полученные исторические и культурные знания.

Ведущую роль в координации и стандартизации на Императорском маршруте играет Фонд ЕСПО. Созда-

ваемые музеи, передвижные выставки, проводимые конференции и другие мероприятия, в которых участвуют представители культуры и туризма регионов-участников Проекта, являются действенным механизмом подачи непрерывности истории. А принимаемые Фондом решения – основой для разработки практических рекомендаций на национальном уровне.

Роль внутреннего туризма в обществе становится все более значимой, а это обуславливает необходимость трансформирования уже известных форм туризма. Поэтому буквально несколько недель назад задан старт на создание концептуальных маршрутов, через совместный Проект Корпорации «Туризм.РФ» и Агентства Стратегических Инициатив – «Открой свою Россию». В свою очередь, вице-премьер Дмитрий Чернышенко на пресс-конференции, посвященной старту вышеназванного проекта, заявил: «Нам нужны брендированные, интересные маршруты, которые позволят лучше узнавать территорию и историю нашей страны. Мне кажется, что в случае с «Императорским маршрутом» – это уже готовый концептуальный туристический маршрут, который кроме всего вышесказанного способствует развитию инициатив местных жителей, которые становятся соавторами турмаршрутов, построенных на смыслах и людях. Например, в начале июля этого года в Музее памяти представителей Российского Императорского Дома «Напольная школа в городе Алапаевске», а этот музей создавался при участии Фонда ЕСПО, по инициативе местных сотрудников была подготовлена

экскурсия с элементами театрализации, на которой в рамках «Императорского маршрута» побывали представители Управления Российских железных дорог и выразили свои впечатления в книге отзывов: *«Восторг и эмоции! Спасибо за возможность прикоснуться к истории России. Благодарим за интересно представленный исторический материал об Императорской семье»*. И таких примеров успешных местных инициатив на «Императорском маршруте» – множество.

Проектируя маршрутную сеть, Фонд ЕСПО, совместно с регионами, ведет два трека: один через смысл территории и второй через личность и связанные с ней территории.

Конечно, особое место на «Императорском маршруте» занимают две личности: это первый и последний императоры России, Петр I и Николай II. Практически в каждом из 22 регионов-участников Проекта можно дать материал о том, как эти императоры, лично или опосредованно, повлияли на развитие территории.

Событийные даты давно и прочно вошли в индустрию туризма, стали такой отраслевой характеристикой. Событийных дат очень много в истории Императорского Дома Романовых. Они помогают рассказывать о 300-летней истории Императорской России и мотивировать людей в путешествия. Причем для «Императорского маршрута» это не только даты, связанные с личной жизнью одного из Императоров или членов их семьи, но и даты, связанные с глобальными событиями страны. Например, юбилей Транссибирской магистрали и открытие самого крупного

вокзала Европы, открытие Университета и присоединение новых территорий, строительство Храма Христа Спасителя, появление миссии России на Святой Земле, победы и поражения в сражениях, становление таких обществ, как Императорское женское патриотическое общество и Российское общество Красного Креста.

В 2022 году юбилей – 350 лет со дня рождения Императора Петра I. Вся страна будет отмечать. Планы грандиозные: это торжественные, памятно-мемориальные мероприятия, церковные, научные, издательские и информационные проекты. Особое внимание уделено культурно-просветительским мероприятиям для детей и молодежи: предусмотрены экскурсионные программы, тематические уроки, интерактивные занятия, исторические конкурсы, театрализованные представления, акции в формате Дней единых действий. Отдельно хочу отметить, что будет оказана государственная поддержка по созданию и популяризации туристических маршрутов в городах и населенных пунктах, связанных с жизнью и деятельностью Петра I.

И, конечно, на «Императорском маршруте» мы предложим уникальные программы с целью сохранения и популяризации наследия Императора Петра Первого. В петровское время было основано более 50 больших и малых городов. Среди них участники Проекта «Императорский маршрут»: Санкт-Петербург, Омск, Екатеринбург, а многие более старые русские города изменили свой характер благодаря деятельности Петра Великого: например,

Воронеж. И теперь мы называем этот город петровским, поскольку его историческая самоидентификация связана с фигурой Петра I. Всего в России насчитывается более 120 населенных пунктов, связанных с деятельностью Петра Великого, и среди них опять же есть участники Проекта «Императорский маршрут»: Брянск, Калининград, Московская область, Москва, Орловская область, Пермь, Псков, Тула и, конечно, Казань.

В заключение хочу привести пример того, как древний знак власти стал современным сувениром и интерактивной составляющей в туристическом продукте Республики Татарстан. Это тугра (от османского слова *tuğra*) – красочная композиция с декоративным написанием имени собственного, построенным по определенным законам с помощью букв арабского алфавита. Когда-то она была личной печатью и подписью властителей, а сейчас их выполняют в виде картин, на красивом фоне из бархата, кожи, металла. Получается отличный сувенир: картина-тугра. А попытки туристов воспроизвести что-то похожее вызывают неподдельный интерес.

Погружая в небольшую историю о тугре – туризм приобщает к большой истории России.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

**ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ В ПЕРМСКУЮ
ГУБЕРНИЮ В 1914 Г.:
ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА**

Аннотация. Впервые публикуется подборка документов из фондов Государственного архива Пермского края, освещающих деятельность Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны и пермских властей по организации и проведению паломнической поездки Великой Княгини Елизаветы Федоровны в Пермскую губернию в 1914 г.

Ключевые слова. Дом Романовых, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Двор Великой Княгини Елизаветы Федоровны, паломничество, Пермская губерния, Пермь, Белогорский монастырь, Государственный архив Пермского края.

В Государственном архиве Пермского края, в фонде канцелярии пермского губернатора, отложились документы, освещающие подготовку визита в Пермскую губернию в 1914 г. представительницы Российского Императорского Дома, Великой Княгини Елизаветы Федоровны¹.

Принцесса Елизавета Гессенская родилась в 1864 г. в Дармштадте в семье Принца Людвига Гессенского и Принцессы Алисы Гессенской, рожденной Принцессы Великобританской, дочери знаменитой Королевы Виктории. В 1877 г. отец Елизаветы занял трон Великого Герцогства Гессенского и Прирейнского под именем Людвига IV. В следующем году Великая Герцогиня Алиса скончалась, и воспитание детей в значительной степени взяла на себя бабушка-королева.

В 19-летнем возрасте Принцесса Елизавета обвенчалась с Великим Князем Сергеем Александровичем, братом

¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514.

царствовавшего в то время Императора Александра III, и получила в России имя Великой Княгини Елизаветы Федоровны. В 1891 г. Елизавета Федоровна перешла из лютеранства в православие. В том же году ее муж был назначен московским генерал-губернатором, и Великая Княгиня стала посвящать много сил благотворительной деятельности.

В 1894 г. младшая сестра Елизаветы Федоровны, Принцесса Алиса Гессенская, обвенчалась с только что вступившим на Всероссийский Престол Императором Николаем II, племянником Великого Князя Сергея Александровича, и стала Императрицей Александрой Федоровной.

В 1905 г. Великий Князь Сергей Александрович был убит вследствие террористического акта. Великая Княгиня Елизавета Федоровна возглавила Императорское Православное Палестинское общество, первым председателем которого был ее муж, а в 1908 г. организовала в Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия и стала ее настоятельницей¹.

Великая Княгиня часто совершала паломнические поездки. Одной из них стало пребывание летом 1914 г. в Пермской губернии. Вместе с Елизаветой Федоровной на Урал

¹ Подробнее о Великой Княгине Елизавете Федоровне см.: Миллер Л. П. Святая мученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Франкфурт-на-Майне, 1988; Вяткин В. В. Христовой Церкви цвет благоуханный: жизнеописание преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2001; Лисовой Н. Н. «Президенты Палестины» (Памяти первых Председателей Императорского Православного Палестинского общества Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны) // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2002. С. 103–131; Кучмаева И. К. Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Федоровны. М., 2004; Кучмаева И. К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2008; Москва – Святая Земля Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Федоровны: каталог выставки / авт.-сост. А. В. Громова, Л. В. Шумская, К. П. Ковалев-Случевский, Г. М. Маневич. М., 2016; Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна: московский период: XVI–XVIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013–2015 гг.: избр. ст. / отв. ред. А. В. Громова. М., 2017; Гришин Д. Б. Елизавета Федоровна. М., 2018; Громова А. В. Преемственность и новаторство в благотворительной деятельности Великой княгини Елизаветы Федоровны // Российская благотворительность под покровительством Императорского Дома Романовых: каталог выставки. Ч. I. Милосердие и просвещение. М., 2019. С. 119–133.

приехала ее старшая сестра, Принцесса Виктория Баттенбергская, с дочерью, Принцессой Луизой Баттенбергской. Августейших особ сопровождали исполняющий обязанности заведующего Двором Великой Княгини гофмейстер Высочайшего Двора А. П. Корнилов, состоящий при Великой Княгине и исполняющий обязанности управляющего Конторой ее Двора отставной генерал-майор, в должности егермейстера А. А. Зуров, три сестры Марфо-Мариинской обители, включая казначею обители В. С. Гордееву, а также фрейлина Принцессы Виктории Нона Керр. Внешняя сторона визита к настоящему времени достаточно подробно описана в литературе рядом авторов, начиная с публикаций игумена Серафима (Кузнецова) в журнале «Голос долга» в 1914–1915 гг.¹ Закулисная сторона подготовки визита известна в гораздо меньшей степени. Публикуемая подборка документов, освящающая деятельность Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны и пермских властей по поводу подготовки визита, включает в себя:

1) отношения Конторы Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Департамента полиции пермскому губернатору И. Ф. Кошко о предстоящем визите Великой Княгини и ее сестры, Принцессы Виктории Баттенбергской, в г. Пермь и Пермскую губернию и о маршруте поездки, секретные отношения губернатора кунгурскому и осинскому уездным исправникам по вопросу посещения представительницей Дома Романовых Белогорского монастыря, необходимости принятия в этой связи охранных мер и приведения в порядок дороги, ведущей от станции Ергач к монастырю (№№ 1–4);

2) переписку пермского губернатора с екатеринбургскими купцами братьями Злоказовыми по вопросу предоставления автомобиля для предстоящей встречи Великой

¹ Серафим, игумен. Августейшая Паломница Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна в Пермской губернии // Голос долга. 1914. № 8. С. 521–537; № 9. С. 610–629; № 10–11. С. 701–713; 1915. № 2. С. 103–115; Серафим, игумен. Путешествие Их Высочеств Принцесс Баттенбергских по Пермской губернии // Голос долга. 1915. № 1. С. 37–48.

Княгини Елизаветы Федоровны на станции Ергач для последующей поездки в Белогорский монастырь (№№ 5–7);

3) отношение епископа Пермского и Соликамского Палладия пермскому губернатору по вопросу о встрече на пристани Елово Великой Княгини Елизаветы Федоровны для предполагаемого совершения там молебна и распоряжение губернатора осинскому уездному исправнику о принятии мер к обеспечению порядка (№№ 8–9);

4) отношение Пермского губернского жандармского управления губернатору И. Ф. Кошко и распоряжение губернатора полицмейстерам и уездным исправникам о расследованиях в случае их возникновения слухов и заявлений о «могущих быть выступлениях преступного характера» в связи с посещением Пермской губернии августейшими особами (№№ 10–11);

5) телеграмма правителя канцелярии пермского губернатора кунгурскому уездному исправнику о необходимости совместной поездки губернатора и исправника в с. Елово для встречи Великой Княгини Елизаветы Федоровны и телеграмма пермского губернатора главноуправляющему именными князя С. С. Абамелек-Лазарева в Чермозский завод с просьбой о предоставлении парохода для этой поездки (№№ 12–13);

6) телеграммы и письмо по вопросу о необходимости закрытия 10–11 июля 1914 г. винных лавок в с. Елово Осинского уезда по причине «ожидаемого в этой местности большого скопления народа» ввиду прибытия Великой Княгини Елизаветы Федоровны (№№ 14–16);

7) телеграфная переписка руководителей Пермской губернии о маршруте следования Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Принцесс Баттенбергских по Пермской губернии (№№ 17–22);

8) текст приветственной речи, сказанной 13 июля 1914 г. на торжественном обеде председателем Кунгурского уездного съезда Н. Э. Штанге по случаю приезда в г. Кунгур Принцессы Виктории Баттенбергской

с дочерью, и сопроводительное письмо председателя Пермской уездной земской управы А. В. Перевощикова губернатору И. Ф. Кошко (№ 23);

9) телеграмма пермского губернатора о запрете Великой Княгиней Елизаветой Федоровной торжественных встреч ввиду «печального времени» кануна Первой мировой войны и распоряжение губернатора относительно появления в периодической печати информации об обеде Великой Княгини (№№ 24–27);

10) служебная переписка пермского губернатора и его канцелярии с Конторой Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны, управлением Пермской железной дороги, председателями уездных земских управ и полицейскими чинами по вопросу получения подарков от Великой Княгини (№№ 28–33).

Документы публикуются впервые. Текст передан в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации при сохранении написания строчных букв, как в оригинале. В квадратных скобках раскрыты сокращения, за исключением общеупотребительных, а также приведены отсутствующие в документах, но необходимые по смыслу слова. Переданы подчеркивания в тексте. При подготовке комментариев использовались такие дореволюционные справочные издания, как «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи», «Придворный календарь», «Вся Москва» и «Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии» за 1914–1915 гг.

Подготовка документов к публикации, вступительная статья и комментарии М. В. Софьиной, Д. М. Софьина и О. Д. Затопляевой; набор текстов документов – В. А. Шустовой, О. Д. Затопляевой, Д. М. Софьина и М. В. Софьиной.

№ 1

Письмо секретаря Великой Княгини Елизаветы Федоровны В. Е. Пигарева пермскому губернатору И. Ф. Кошко о намерении Великой Княгини совершить паломническую поездку в Пермскую губернию

Временно Управляющий Конторою Двора
Ее Императорского Высочества
Великой Княгини Елисаветы Феодоровны¹.

23 Мая 1914 г.

№ 431

Его Превосх[одитель]ству И. Ф. КОШКО²

Милостивый государь, Иван Францевич.

За отсутствием Исп[олняющего] об[язанности] Заведывающего Двором ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Гофмейстера А. П. Корнилова³ из Москвы, в ответ на Ваше письмо от 12 сего Мая имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА предполагает прибыть в Пермь 13 Июля рано утром на пароходе «Межень» и остаться в пределах Пермской губернии до 15 Июля 10 ч. вечера.

Сообщая о сем, имею честь добавить, что ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволит следовать частным образом на богомолье, ввиду чего ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ было бы желательно, чтобы официальных встреч не делалось, и никто не беспокоился встречей ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА на пристани. Ваше Превосходительство же ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ будет рада видеть запросто во время Своего пребывания в Перми.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Ваш покорный слуга В. Пигарев⁴

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

¹ Великая Княгиня Елизавета Федоровна, рожденная Принцесса Гессенская, вдова московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, сестра Императрицы Александры Федоровны, председательница Императорского Православного Палестинского общества, основательница и настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве.

² И. Ф. Кошко, пермский губернатор.

³ А. П. Корнилов, гофмейстер Высочайшего Двора, исполняющий обязанности заведующего Двором Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

⁴ В. Е. Пигарев, в звании камер-юнкера, секретарь Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Слова «Ваш покорный слуга В. Пигарев» написаны от руки. На документе значится резолюция «К сведению. 28 Мая» и проставлен номер «381».

**Письма пермского губернатора И. Ф. Кошко
кунгурскому и осинскому уездным исправникам
о необходимости принятия соответствующих мер в связи
с прибытием Великой Княгини Елизаветы Федоровны
в Пермскую губернию**

Сов[ершенно] секретно.

П[ермский] Г[убернатор]
25 Мая 1914.
№ 426.

Е[го] В[ысоко]Б[лагородию] С. Г. Ширяеву¹.

М[илостивый] Г[осударь], Сергей Георгиевич.

По имеющимся у меня частным сведениям, 13 Июля сего года Белогорский Монастырь² предполагает посетить ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня Елисавета Феодоровна.

В виду сего поручаю Вам озаботиться, чтобы дорога от ст[анции] «Ергач»³ до Белогорского монастыря была приведена *к этому времени* в образцовое состояние. Вместе с тем выяснить, нельзя ли будет проехать этот путь на автомобиле (который в Перми найдется), если даже в это время будет не совсем хорошая погода. Затем войти в обсуждение вопроса о мерах охраны, а главным образом о том, как бы, елико возможно, торжественнее обставить проезд ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА. Для этого Вы можете посоветоваться с некоторыми заслуживающими доверия местными представителями.

Свои соображения по этому поводу прошу представить мне в непродолжительном времени именованным письмом.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении⁴

Сов[ершенно] секр[етно]
№ 427.

Е[го] В[ысоко]Б[лагородию] Л. Н. Шаншиеву⁵
М[илостивый] Г[осударь] Лев Николаевич.
То же⁶

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 2–3об. Подлинник. Рукопись.

¹ С. Г. Ширяев, кунгурский уездный исправник.

² Белогорский Свято-Николаевский мужской миссионерский монастырь Пермской епархии, основанный в конце XIX в. Монастырь находился на территории Кунгурского уезда.

³ Ергач, поселок при железнодорожной станции в Кунгурском уезде, ныне поселок в Кунгурском районе, административный центр Ергачинского сельского поселения.

⁴ Подпись отсутствует.

⁵ Л. Н. Шаншиев, осинский уездный исправник.

⁶ Имеется в виду идентичный № 426 текст. Документ представляет собой черновик для составления отношений пермского губернатора И. Ф. Кошко к кунгурскому и осинскому уездным исправникам.

Письмо и. о. управляющего Конторой Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны А. А. Зурова пермскому губернатору И. Ф. Кошко о маршруте поездки Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Принцессы Виктории Баттенбергской по Пермской губернии

Копия.

Состоящий при Великой Княгине ЕЛИСАВЕТЕ ФЕОДОРОВНЕ
по Управлению Конторою Двора
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

19 Июня 1914 г.

№ 518.

г. Москва.

Его Превосходительству, И. Ф. КОШКО.

Милостивый Государь, Иван Францевич.

Препровождая при сем маршрут поездки по Пермской губернии Великой Княгини ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ и Принцессы Баттенбергской, уведомляю Ваше Превосходительство, что предполагавшаяся поездка Принцессы Баттенбергской¹ с Дочерью² в Белогорский монастырь отменена. В упомянутый монастырь поедут ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ, вдова Шталмейстера Гордеева³, я, 2 сестры Марфо-Мариинской обители и один человек прислуги. Прошу приказать приготовить на ст[анции] Ергач для ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ три экипажа. Принцесса Баттенбергская во время пребывания в Перми будет жить на пароходе «Межень» и сделает прогулку по городу и посетит завод Мотовилиху⁴. Время отправления

¹ Принцесса Виктория Баттенбергская, рожденная Принцесса Гессенская, жена Принца Людвиг Баттенбергского, адмирала, первого морского лорда британского Адмиралтейства, сестра Императрицы Александры Федоровны и Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

² Принцесса Луиза Баттенбергская, дочь Принца Людвиг и Принцессы Виктории Баттенбергских, впоследствии Королева Шведская, жена Короля Швеции Густава VI Адольфа.

³ В. С. Гордеева, рожденная Ушакова, сестра и казначея Марфо-Мариинской обители милосердия, вдова Н. Н. Гордеева, в должности шталмейстера, курского губернатора, до замужества была фрейлиной Высочайшего Двора, впоследствии стала преемницей Великой Княгини Елизаветы Федоровны на посту настоятельницы Марфо-Мариинской обители.

⁴ Мотовилихинский завод в Пермском уезде, ныне Мотовилихинский район города Перми.

в Усольские солеварни может быть изменено по желанию Принцессы. Подробное расписание пребывания Принцессы Баттенбергской в Перми будет установлено по прибытии в Пермь и личных переговоров с Вами. В поездках Принцессу Баттенбергскую будут сопровождать Ее дочь, Фрейлина¹ и Гофмейстер Корнилов.

В Верхотурье² ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ остановится в женском монастыре³. Прошу приказать приготовить в Верхотурье к приезду ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ 3 экипажа. Принцесса будет иметь пребывание в Верхотурье в вагоне и совершит прогулку в экипаже по окрестностям.

В Гороблагодатской⁴ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ отслушает всенощную в одной из ближайших церквей. Выбор церкви поручен Епископу Екатеринбургскому⁵. Прошу приказать приготовить в Гороблагодатской 4 экипажа.

В Алапаевске⁶ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ посетит К. В. Рукавишникову⁷.

В Екатеринбурге⁸ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ будет у вечерни в женском монастыре⁹, а Принцесса Баттенбергская посетит гранильную фабрику¹⁰. Прошу приказать приготовить в Екатеринбурге к приезду 5 экипажей.

Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА просит Ваше Превосходительство не беспокоиться ехать в Верхотурье, Гороблагодатскую, Алапаевск и Екатеринбург.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности¹¹.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 33–33об. Копия. Машинопись.

¹ Нона Керр, фрейлина Принцессы Виктории Баттенбергской.

² Верхотурье, уездный город Пермской губернии, ныне административный центр городского округа в Свердловской области.

³ Верхотурский Свято-Покровский женский монастырь.

⁴ Гороблагодатская, железнодорожная станция в Гороблагодатском горном округе Верхотурского уезда Пермской губернии, ныне станция в городе Кушва Свердловской области.

⁵ Серафим (Голубятников), епископ Екатеринбургский и Ирбитский.

⁶ Алапаевск, заштатный город в Верхотурском уезде Пермской губернии, ныне в составе Свердловской области.

⁷ К. В. Рукавишников, московский и уральский предприниматель и благотворитель, в прошлом московский городской голова в период пребывания мужа Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Александровича, в должности московского генерал-губернатора, совладелец Алапаевских заводов, в 1906 г. передавший свой пай сыну, Н. К. Рукавишникову.

⁸ Екатеринбург, уездный город Пермской губернии, ныне административный центр Свердловской области.

⁹ Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь.

¹⁰ Императорская Екатеринбургская гранильная фабрика, подведомственная Кабинету Его Величества.

¹¹ Подпись отсутствует. Имеется в виду А. А. Зуров, отставной генерал-майор, в должности егермейстера, состоящий при Великой Княгине Елизавете Федоровне, и. о. управляющего Конторой Ее Двора.

№ 4

**Сопроводительное письмо вр. и. д. директора
Департамента полиции А. Т. Васильева пермскому
губернатору И. Ф. Кошко к измененному маршруту
поездок Принцессы Виктории Баттенбергской
по Пермской губернии**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.
По 9 Делопроизводству

4 Июля 1914 г.
№ 173787

Срочно.
Секретно.

Пермскому Губернатору.

В дополнение к письму Товарища Министра Внутренних Дел Командующего Отдельным Корпусом Жандармов¹ от 30 минувшего Июня за № 173578, Департамент Полиции имеет честь препроводить при сем Вашему Превосходительству измененный маршрут поездок Принцессы Виктории Баттенбергской по Пермской губернии с 12 по 18 текущего Июля включительно.

За Директора [подпись] Васильев²
За Заведывающего Делопроизводством [подпись] Зайцев³

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 28. Подлинник. Машинопись.

¹ В. Ф. Джунковский, Свиты Его Величества генерал-майор, товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным Корпусом жандармов, в прошлом адъютант Великого Князя Сергея Александровича.

² А. Т. Васильев, вице-директор Департамента полиции, впоследствии директор.

³ В. Д. Зайцев, делопроизводитель Департамента полиции. На документе стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 9. ИЮЛ. 1914», проставлен номер «2174» и наложена резолюция: «К 8/VII 14».

**Письмо пермского губернатора И. Ф. Кошко
екатеринбургскому промышленнику Н. Ф. Злоказову
с просьбой предоставить автомобиль для путешествия
Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Пермский Губернатор.

Его Высоководию,
Н. Ф. Злоказову¹

Милостивый Государь,
Николай Федорович.

Как-то в бытность мою в Екатеринбурге Вы любезно предлагали мне для поездки свой автомобиль. Ныне как раз у меня встречается в этом нужда. В июле месяце в губернию прибывает Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, и мне весьма хочется предоставить ей для поездки автомобиль. Поедет она на Белую гору со ст[анции] «Ергач» Пермской железной дороги 13 июля, к каковому времени там должен быть и автомобиль.

В виду сего, пользуясь Вашей любезностью, я позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, не найдете ли Вы возможным предоставить в мое распоряжение на некоторое время свой автомобиль. В случае Вашего благожелательного отношения к этому, не откажите мне сообщить, как будет отправлен автомобиль на «Ергач», т.е. сами ли Вы его отправите туда по железной дороге или же мне нужно будет прислать к Вам своего человека для этого.

Прошу принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и преданности.

(подп[исано]) И. Кошко

18 июня 1914 года.
№ 14716
На конверт.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 4–4об. Копия. Машинопись.

¹ Н. Ф. Злоказов, промышленник, совладелец товарищества «Ф. А. Злоказов и сыновья», гласный Екатеринбургской городской думы.

№ 6

**Письмо екатеринбургского промышленника
С. Ф. Злоказова пермскому губернатору И. Ф. Кошко
о согласии предоставить автомобиль
для Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Сергей Федорович
ЗЛОКАЗОВ¹

26 июня 1914 г.

Глубокоуважаемый
Иван Францевич.

Письмо Ваше, адресованное на имя моего брата, я прочел, так как брат в настоящее время находится на Кавказе.

Согласно Вашему желанию, автомобиль будет доставлен на ст[анцию] Ергач, а также и опытный шофер, к 12^м июля; только, во избежание недоразумения, я очень просил бы Вас сделать нужные распоряжения на железной дороге на ст[анции] Екатеринбург и по линии, чтобы платформа прошла безостановочно, иначе может произойти задержка.

Задержка в ответе на Ваше письмо произошла потому, что я тоже был в отъезде, и я очень прошу Вас извинить меня.

Свидетельствуя Вам свое глубочайшее уважение, имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

С. Злоказов

[Резолюция на 1-м листе в левом верхнем углу:]
Канц[елярия].

Благодарить, но теперь все изменилось,
и в Ергаче автомобиль не понадобится.

27 Июня

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 5–5об. Подлинник. Рукопись.

¹ С. Ф. Злоказов, промышленник, совладелец товарищества «Ф. А. Злоказов и сыновья», гласный Екатеринбургской городской думы, биржевой старшина Екатеринбургского биржевого комитета, председатель исполнительного комитета Екатеринбургского благотворительного общества, брат Н. Ф. Злоказова.

**Письмо пермского губернатора И. Ф. Кошко
екатеринбургскому промышленнику С. Ф. Злоказову
с извещением, что автомобиль Великой Княгине Елизавете
Федоровне не понадобится**

П[ермский] Г[убернатор]
3 июля 1914 г.
№ 16236

Его Высокород[ию]
С. Ф. Злоказову.

Милостивый Государь,
Сергей Федорович!

Выражая *Вам* искреннюю благодарность за *любезное* обещание *Ваше* доставить к 12 июля на железнодорожную станцию Ергач автомобиль, имею честь сообщить Вам, *М[илостивый] Г[осударь]*, что теперь обстоятельства изменились, и надобность в автомобиле миновала, а поэтому прошу доставкой его не беспокоиться.

Прошу принять уверение в моем к Вам уважении и искр[енней] преданности.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 6. Подлинник. Рукопись.

Письмо епископа Пермского и Соликамского Палладия пермскому губернатору И. Ф. Кошко о месте совершения молебна Святой Ольге в присутствии Великой Княгини Елизаветы Федоровны

Епископ Пермский и Соликамский
20524¹

Его Превосходительству,
Господину Пермскому Губернатору,
Действительному Статскому Советнику
Ивану Францевичу Кошко.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Иван Францевич.

Состоящий при ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ФЕОДОРОВНЕ по управлению Конторою Двора ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА² письмом от 21 Июня сего года за № 528 сообщил мне, что ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА выезжает³ на пароходе «Межень» из Николо-Березова⁴ 10 Июля в 10 час. вечера по Петербургскому времени⁵ и что ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО желала бы 11 Июня⁶ отслужить молебен Св[ятой] Ольге⁷, и при этом просил меня сообщить, где удобнее было отслужить этот молебен поблизости какой-либо пристани и о выбранном мною месте для молебна сообщить Вашему Превосходительству.

Сообщая об изложенном, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что совершение молебна мною предположено вблизи пристани «Елово»⁸, о чем мною сообщено телеграммой в Контору Двора ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ в город Москву.

¹ Номер проставлен при получении письма.

² Имеется в виду А. А. Зуров.

³ Подчеркнуто при прочтении.

⁴ Николо-Березово (Николо-Березовка), село в Бирском уезде Уфимской губернии, ныне село Николо-Березовка, административный центр Краснокамского района Республики Башкортостан.

⁵ Подчеркнуто при прочтении.

⁶ Так в тексте. Правильно – «11 Июля».

⁷ Святая Равноапостольная Княгиня Ольга, Великая Княгиня Киевская, жена Великого Князя Игоря Рюриковича, правительница Руси в годы малолетства своего сына, Великого Князя Святослава Игоревича.

⁸ Елово, село, волостной центр в Осинском уезде Пермской губернии, ныне административный центр Еловского района Пермского края.

Призывая на Вас и дела Ваши Божие благословение, с истинным почетом и совершенною преданностию имею честь быть
Вашего Превосходительства,
Милостивого Государя,
покорнейший слуга
*Палладий, Епископ Пермский*¹

Июля 1 дня 1914 года
№ 13631.

[Резолюция на 1-м листе в левом верхнем углу:]

Канц[елярия].

Сообщить Исправнику², и нельзя ли мне будет получить «Вятку»³
для следования туда.

2 Июля⁴.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 11–11об. Подлинник. Машинопись.

¹ Палладий (Добронравов), епископ Пермский и Соликамский, впоследствии епископ Саратовский и Царицынский.

² Имеется в виду осинский уездный исправник Л. Н. Шаншиев, поскольку село Елово находилось на территории Осинского уезда.

³ Имеется в виду пароход «Вятка».

⁴ На документе стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 3. ИЮЛ. 1914».

№ 9

Письмо пермского губернатора И. Ф. Кошко осинскому уездному исправнику Л. Н. Шаншиеву о необходимости принятия мер к обеспечению порядка в Елово в связи с прибытием Великой Княгини Елизаветы Федоровны

П[ермский] Г[убернатор]
По Канц[елярии]
3 июля 1914 г.
№ 16237.

Срочное.

Осинскому Уездному Исправнику.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА, следуя в гор. Пермь на казенном пароходе «Межень», выедет 10 июля, в 10 ч. вечера по Петербургскому времени, из Николо-Березова, а на другой день, 11 июля, выразила желание отслужить молебен в какой-либо местности вблизи пристани. По соглашению с Его Преосвященством, Преосвященнейшим Палладием, совершение молебна предложено вблизи пристани «Елово».

Давая об этом знать, предписываю Вашему Высокоблагородию лично быть в означенное время на пристани «Елово» и принять меры к обеспечению там полного порядка.

Губернатор (подп[исано]) И. Кошко
Правитель Канцелярии (скр[епил]) В. Иванов¹

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 12–12об. Заверенная копия. Машинопись.

¹ В. Т. Иванов, правитель Канцелярии пермского губернатора.

№ 10

**Письмо вр. и. д. начальника Пермского губернского
жандармского управления подполковника
А. Н. Турчанинова пермскому губернатору И. Ф. Кошко
о необходимости расследования слухов и заявлений
о «могущих быть выступлениях преступного характера»
в связи с приездом в Пермскую губернию Великой
Княгини Елизаветы Федоровны**

НАЧАЛЬНИК ПЕРМСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

3 июля 1914 г.
№ 7941.
г. Пермь.

ГОСПОДИНУ ПЕРМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

Секретно.

Предстоящее посещение Пермской губернии ВЫСОЧАЙШИМИ ОСОБАМИ как событие исключительное может породить слухи и заявления о могущих быть выступлениях преступного характера. Слухи эти и заявления в большинстве случаев нелепые, тем не менее, заявители не довольствуются сообщением лицам местной администрации, но и доводят до сведения высокопоставленных лиц в С.-Петербурге, откуда следуют запросы о принятых мерах.

Допуская возможность появления подобных слухов и заявлений как до прибытия ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ так равно и во время ИХ пребывания, покорнейше прошу Ваше Превосходительство о распоряжении чинам подведомственной Вам городской и уездной полиции в случае возникновения подобных слухов и заявлений производить немедленные расследования, каковые направлять мне.

Подполковник [подпись] Турчанинов¹.

[Резолюция на 1-м листе в левом верхнем углу:]

Дать распор[яжение] в соотв[етствующие] уезды и города
5/VII 14

¹ А. Н. Турчанинов, подполковник, помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Пермском, Соликамском и Чердынском уездах.

О[рдовский]-Т[анаевский]¹

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 16–16об. Подлинник. Машинопись.

№ 11

Циркулярное письмо временно управляющего Пермской губернией Н. А. Ордовского-Танаевского полицмейстерам и уездным исправникам Пермской губернии с распоряжением расследовать «слухи и заявления о могущих быть выступлениях преступного характера» в связи с прибытием Великой Княгини Елизаветы Федоровны

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
ПЕРМСКИЙ ГУБЕРНАТОР. ПО КАНЦЕЛЯРИИ.

5 июля 1914 г.
№ 495.

Циркулярно.
Срочно.
Совершенно секретно.

Полицмейстерам и Уездным Исправникам Пермской губернии.

Предстоящее посещение Пермской губернии ВЫСОЧАЙШИМИ Особами как событие исключительное может породить слухи и заявления о могущих быть выступлениях преступного характера. Слухи эти в большинстве случаев, конечно, бывают ни на чем не основаны, совершенно нелепые, тем не менее, заявители не довольствуются сообщением о них местным властям, а доводят обыкновенно об этом до сведения центральных органов, откуда поступают запросы о принятых мерах.

Допуская возможность появления подобных слухов и заявлений как

¹ Н. А. Ордовский-Танаевский, управляющий Пермской казенной палатой, в отсутствие губернатора И. Ф. Кошко и вице-губернатора В. И. Европеуса временно управлял Пермской губернией, впоследствии тобольский губернатор, в эмиграции архимандрит Никон, позже схиархимандрит Никодим. На документе стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 5. ИЮЛ. 1914» и от руки написан номер: «442». В левом нижнем углу 1-го листа приписка: «Было доложено г[осподину] Губ[ернато]ру 8 Июля».

до прибытия ВЫСОЧАЙШИХ Особ, так равно и во время их пребывания, предписываю Полицмейстерам и Исправникам в случае возникновения подобных слухов и заявлений немедленно производить по этому поводу расследования и направлять затем таковые Начальнику Пермского Губернского Жандармского Управления¹ и доносить мне.

За Губернатора [подпись] Ордовский-Танаевский
Правитель Канцелярии [подпись] *В. Иванов*

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 17–17об. Подлинник. Машинопись.

№ 12

Телеграмма В. Т. Иванова, правителя Канцелярии пермского губернатора, кунгурскому уездному исправнику С. Г. Ширяеву о необходимости встречи и сопровождения пермского вице-губернатора В. И. Европеуса, занимавшегося организационными мероприятиями в связи с приездом Великой Княгини Елизаветы Федоровны

[в] КУНГУР²
Исправнику

Губернатор сегодня ночным выезжает в Ергач. Встретьте [в] Ергаче [и] сопровождайте в Белогорье³. Прикажите Помощнику⁴ встретить [и] сопровождать Вице-Губернатора⁵, приезжающего [в] Кунгур [из] Екатеринбурга. Пусть Горбко ему доложит все намеченное [и] также просьбу Губернатора быть в Перми непременно девятого, чтобы ехать [в] Елово встречать ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ.

Правитель Канцелярии (подп[исано]) Иванов
Отправ[лено] 6 Июля 1914

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 19. Телеграфный бланк. Машинопись.

¹ Е. П. Флоринский, полковник, начальник Пермского губернского жандармского управления.

² Кунгур, уездный город Пермской губернии, ныне город краевого значения в Пермском крае.

³ Имеется в виду Белогорский монастырь.

⁴ Н. Ф. Горбко, помощник кунгурского уездного исправника.

⁵ В. И. Европеус, пермский вице-губернатор.

№ 13

**Телеграмма пермского губернатора И. Ф. Кошко
главноуправляющему имениями князя С. С. Абамелек-
Лазарева Н. Н. Курмакову с просьбой предоставить
пароход для встречи Великой Княгини
Елизаветы Федоровны**

Чермоз¹

Николаю Николаевичу Курмакову².

Убедительно прошу не отказать [в] любезности предоставить пароход Абамелек-Лазарева³ девятого июля [в] мое распоряжение для поездки в Елово [на] встречу ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ.

Губернатор /Кошко/

Отправлено 6 Июля 1914 г.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 20. Копия. Машинопись.

№ 14

**Телеграмма земского начальника 9-го участка Осинского
уезда Н. Н. Кузнецова пермскому губернатору
с ходатайством о закрытии пивных лавок в Елово в связи
с приездом Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Пермь

Господину Губернатору

Из Елова № 74

Принята 8/VII 1914 г.

Ходатайствую [перед] Вашим Превосходительством [о] закрытии казенных пивных лавок [в] Елове десятого [и] одиннадцатого сего июля.

Земский начальник *Кузнецов*⁴

[Резолюция в правом нижнем углу:]

К[анцелярия].

Закрывать.

9/VII 14

О[рдовский]-Т[анаевский]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 36. Подлинник. Рукопись на телеграфном бланке.

¹ Чермозский завод в Соликамском уезде Пермской губернии, принадлежавший князю С. С. Абамелек-Лазареву, ныне город Чермоз в Ильинском районе Пермского края.

² Н. Н. Курмаков, главноуправляющий имениями князя С. С. Абамелек-Лазарева.

³ Князь С. С. Абамелек-Лазарев, шталмейстер Высочайшего Двора, член Горного совета, землевладелец и промышленник.

⁴ Н. Н. Кузнецов, земский начальник 9-го участка Осинского уезда.

№ 15

**Телеграмма управляющего Пермской губернией
Н. А. Ордовского-Танаевского осинскому уездному
исправнику Л. Н. Шаншиеву с распоряжением временно
закрыть в Елове винные лавки в связи с приездом Великой
Княгини Елизаветы Федоровны**

Оса¹. Исп[равни]ку.

Закройте [в] Елове десятого [и] одиннадцатого винные лавки.

Управ[ляющий] губ[ернией] Ордовский.

9 Июля 1914.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 36об. Подлинник. Рукопись.

№ 16

**Письмо управляющего Пермской губернией
Н. А. Ордовского-Танаевского управляющему акцизными
сборами Пермской губернии И. К. Шереметевскому
о своем распоряжении закрыть казенные винные лавки
в Елове в связи с прибытием Великой Княгини
Елизаветы Федоровны**

П[ермский] Г[убернатор]

9 Июля 1914.

№ 16876.

Г[осподи]ну Управ[ляющему] Акц[изными] сборами Перм[ской]
губ[ернии]²

На пути следования в гор. Пермь Ее Им[ператорское] В[ысочество]
Вел[икая] Кн[ягиня] Ели[за]вета Феодоровна будет иметь остановку
в с. Елове Осинского уезда, где будет отслужен молебен.

Ввиду ожидаемого в этой местности большого скопления народа
я в интересах поддержания обществ[енного] порядка сделал распоряже-
ние о закрытии в Елове 10 и 11 сего Июля казенных винных лавок.

Об изложенном и[мею] ч[есть] сообщить Вашему Пр[евосходи-
тельству]ву для сведения.

За Губ[ернато]ра Ордовский.

Прав[итель] К[анцелярии] В. Иванов

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 34–35. Подлинник. Рукопись.

¹ Оса, уездный город Пермской губернии, ныне районный центр в Пермском крае.

² И. К. Шереметевский, управляющий акцизными сборами Пермской губернии.

№ 17

**Телеграмма пермского вице-губернатора В. И. Европеуса
временно управляющему Пермской губернией
Н. А. Ордовскому-Танаевскому о ходе поездки
августейших особ**

Телеграф
В Перми
Из Осы
№ 471

Телеграмма
Срочно
Пермь
Губернатору

Принята 11/VII 1914 г.
от Осы за № 71/879

Из Елова Великая Княгиня выехала [в] четыре [часа] дня, еду следом
Лазаревым¹, все благополучно.
Европеус

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 41. Подлинник. Рукопись на телеграфном бланке.

¹ Имеется в виду пароход, предоставленный пермскому вице-губернатору В. И. Европеусу прикамским горнозаводчиком князем С. С. Абамелек-Лазаревым.

**Телеграмма пермского вице-губернатора В. И. Европеуса
временно управляющему Пермской
губернией Н. А. Ордовскому-Танаевскому
о ходе поездки августейших особ**

Телеграф
В Перми Из Оханска¹
№ 249

Телеграмма
Пермь
Губернатору

Принята 12/VII 1914 г.
от Ох[а]н[ска] № 12/974

Остановливались [в] Осе, с парохода не выходили, в Пермь придут аккуратно [по] расписанию, излишнее время выстаивают в разных местах по личному желанию Ее Высочества, на пароходе Лазарева иду все время за ними, на остановках захожу [на] Межень², все программы, составленные мною [для] поездки Принцесс³ по Уралу, Ее Высочеством и принцессами одобрены [с] самым незначительным изменением, не нарушающим общего расписания. Программы поездки Принцесс [по] Уралу передал правителю Канцелярии [для] доклада Вам, пока едем совершенно благополучно, никаких замешательств.

Европеус⁴

[На 1-м листе в правом верхнем углу резолюция:]

Получена
12/VII – 14 г.
в 6 часов утра
Орд[овский]-Т[анаевский]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 39–40. Подлинник. Рукопись на телеграфном бланке.

¹ Оханск, уездный город Пермской губернии, ныне районный центр в Пермском крае.

² Пароход «Межень», на котором совершали путешествие Великая Княгиня Елизавета Федоровна и сопровождавшие ее лица.

³ Имеются в виду сестра Великой Княгини Елизаветы Федоровны Принцесса Виктория Баттенбергская и ее дочь, Принцесса Луиза Баттенбергская.

⁴ Имеется в виду пермский вице-губернатор В. И. Европеус.

№ 19

**Телеграмма пермского губернатора И. Ф. Кошко
временно управляющему Пермской губернией
Н. А. Ордовскому-Танаевскому с распоряжением
подготовить парадные комнаты
для Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Телеграф
В ПЕРМ[Ь] [ИЗ] ВЕРХОТУРЬЯ

Телеграмма.
ПЕРМЬ ГУБЕРНАТОРУ¹

Принята 17/VII 1914 г.
от Ек[а]т[ерин]б[урга]

18 [ИЮЛЯ] КНЯГИНЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ [С] ПРИНЦЕССОЙ
ИЗ КУШВЫ² [В] ПЕРМЬ, УЕЗЖАЕТ ВОЗВРАЩАЮЩЕЙСЯ МЕЖЕНЬЮ³
ДОМОЙ, ПРИГОТОВЬТЕ [ДЛЯ] ПРЕБЫВАНИЯ ДО ПРИБЫТИЯ ПА-
РОХОДА ПАРАДНЫЕ КОМНАТЫ [НА СТАНЦИИ] ПЕРМЬ ПЕРВАЯ⁴.
ГУБЕРНАТОР КОШКО

[Помета на 1-м листе в правом нижнем углу:]
К[анцелярия].

Сообщено по телефону Нач[альнику] Дороги⁵, который принял
на себя устройство помещения в парад[ных] комнатах.

17/VII 14

О[рдовский]-Т[анаевский]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 59. Подлинник. Телеграфная лента на бланке.

¹ Телеграмма была отправлена пермским губернатором И. Ф. Кошко, сопровождавшим Великую Княгиню Елизавету Федоровну в ее поездке по территории Пермской губернии, остававшемуся в Перми и временно управлявшему Пермской губернией Н. А. Ордовскому-Танаевскому.

² Кушвинский казенный завод в Верхотурском уезде Пермской губернии, ныне город Кушва в Свердловской области.

³ Имеется в виду казенный пароход «Межень».

⁴ Железнодорожная станция Пермь I.

⁵ А. Н. Тихомиров, начальник Пермской железной дороги.

№ 20

**Телеграмма помощника начальника Казанского
округа путей сообщения М. Ф. Войткевича пермскому
губернатору о времени прибытия парохода «Межень»
для Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Телеграф
В ПЕРМЬ [ИЗ] КАЗАНИ¹

Телеграмма.
ПЕРМЬ ГОСПОДИНУ ГУБЕРНАТОРУ

Принята 18/VII 1914 г.
от К[аза]н[и] № 57/170

ПРОСЬБА СООБЩИТЬ СОПРОВОЖДАЮЩЕМУ ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ ЕЛИСАВЕТУ ФЕДОРОВНУ ГЕНЕРАЛУ ЗУРОВУ, ЧТО ПАРОХОД МЕЖЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТОГО УТРОМ ВЫХОДИТ ИЗ ЧИСТОПОЛЯ² [В] ПЕРМЬ, КУДА ДОЛЖЕН ПРИЙТИ ДВАДЦАТОГО, УХОД ЧАСТИ КОМАНДЫ ВСЛЕДСТВИЕ МОБИЛИЗАЦИИ³ МОЖЕТ ЗАДЕРЖАТЬ ПРИХОД ДО УТРА ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ИЮЛЯ. ЗАВЕДУЮЩИЙ ОКРУГОМ ПУТЕЙ ВОИТКЕВИЧ⁴

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 65. Подлинник. Телеграфная лента на бланке.

¹ Казань, губернский город Российской Империи, ныне административный центр Республики Татарстан Российской Федерации.

² Чистополь, уездный город Казанской губернии, ныне районный центр в Республике Татарстан.

³ 17 июля 1914 г. в России была объявлена всеобщая мобилизация ввиду угрозы войны.

⁴ М. Ф. Войткевич, помощник начальника Казанского округа путей сообщения.

№ 21

**Телеграмма временно управляющего Пермской губернией
Н. А. Ордовского-Танаевского пермскому губернатору
И. Ф. Кошко о времени прибытии парохода «Межень»
для Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

КУШВА
Губернатору

Заведующий Округом путей Воиткевич телеграфирует, просьба сообщить сопровождающему Великую Княгиню ЕЛИСАВЕТУ ФЕОДОРОВ-НУ Генералу Зурову, что пароход Межень восемнадцатого утром выходит из Чистополя в Пермь, куда должен прийти двадцатого, уход части команды вследствие мобилизации может задержать приход до утра двадцать первого июля.

/Подписал/ Ордовский.

Отправлена 18 июля 1914 года.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 65об. Копия. Машинопись.

**Телеграмма начальника Пермской железной дороги
А. Н. Тихомирова начальникам железнодорожных станций
Кунгур и Пермь II о дополнительном поезде
для Принцессы Виктории Баттенбергской**

Пермская железная дорога.

№ 1524

Телеграф в Перми I

11/VII [1914 г.]

От Кунгура до Перми II¹, Пермь I, адрес 53. Копия Пермскому Губернатору.

На 13 Июля от Кунгура до Перми 2 назначается дополнительный пассажирский поезд № 7 бис, которым в частичное изменение моей почтовой телеграммы от 9 сего Июля № 1701 проследует ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО Принцесса Виктория Феодоровна Баттенбергская и лица сопровождающие.

Расписание п[оезда] № 7 бис следующее: [из] Кунгура отправляется [в] 8 час. вечера, раз[ъезд] № 55 прослед[ует] [в] 8 час. 14 м[инут], Ергач [в] 8 час. 28 м., раз[ъезд] № 54 [в] 8 час. 44 м., [в] Кукуштан² приб[удет] [в] 8 ч. 57 м., набор воды, отправляется в 9 ч. 04 м., раз[ъезд] № 53 [в] 9 ч. 21 м., Мулянка³ [в] 9 ч. [число неразборчиво] м., раз[ъезд] № 52 [в] 9 ч. 45 м., раз[ъезд] № 51 [в] 10 ч. 00 м., в Пермь приб[ытие] [в] 10 ч. 10 м. вечера. Скрещ[ение] п[оезда] № 4 до 2 дает указания относительно задержки товарных поездов для обгона и скрещения с п[оездом] № 7 бис порядок обслуживания поезда согласно указанным данным [в] почтовой телеграмме № 1701. Состав поезда от головы: вагон 2 класса, вагон-салон С[еверо]-Западн[ой] дороги и служебный вагон Пермской дороги № 2. Подробные указания относительно формирования означенного поезда в Кунгуре и постановки сих вагонов в п[оезде] № 4 на ст[анции] Пермь II преподаны нач[альникам] сих станций телеграммой № 1412. В получении настоящей телеграммы станции должны обменяться квитанциями применительно ст[атьи] 11 пар[аграфа] 94 Положения № 1⁴.

Тихомиров

№ 1445

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 42. Подлинник. Рукопись на бланке.

¹ Железнодорожная станция Пермь II.

² Кукуштан, железнодорожная станция и поселок, ныне административный центр одноименного сельского поселения.

³ Мулянка, железнодорожная станция и поселок, ныне в составе Пермского района.

⁴ Имеется в виду Положение о движении поездов.

№ 23

**Текст речи председателя Кунгурского уездного съезда
Н. Э. Штанге по случаю пребывания в Кунгуре Принцессы
Виктории Баттенбергской и ее дочери, Принцессы
Луизы Баттенбергской, с сопроводительным письмом
председателя Кунгурской уездной земской управы
А. В. Перовощикова пермскому губернатору И. Ф. Кошко**

ЗЕМСТВО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Кунгурской УЕЗДНОЙ УПРАВЫ.

20 Июля 1914 г.

№ 4570

г. Кунгур.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
Ивану Францевичу КОШКО,
Господину Пермскому Губернатору.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,
Многоуважаемый Иван Францевич!

Вследствие личного предложения ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА при этом имею честь препроводить печатный экземпляр речи, сказанной 13 сего июля на обеде в земском доме Председателем Съезда Н. Э. Штанге¹ на немецком языке, и переведенную на русский.

Покорнейше прошу принять ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО уверение в совершенном уважении и преданности всегда готового к услугам [подпись] А. В. Перовощиков²

[Речь]

Любознательность ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА³ дала нам редко счастливый случай видеть Вас и Вашу дочь в нашем глухом углу.

Мы сожалеем, что могли так мало показать достойного Вашего внимания и прямо горюем, что, не владея языками, не могли хорошо ознакомиться Вас с особенностями нашего края.

¹ Н. Э. Штанге, председатель Кунгурского уездного съезда.

² А. В. Перовощиков, председатель Кунгурской уездной земской управы. На сопроводительном письме стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 23. ИЮЛ. 1914», указан номер «23737» и значитесь резолюция: «К сведению. 22 Июля».

³ Имеется в виду Принцесса Виктория Баттенбергская.

Но доброта ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА и грациозная приветливость молодой принцессы нас настолько зачаровали, что мы берем на себя смелость просить Вас разрешить нам поставить портреты ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА и Вашей дочери в этом доме как дорогое воспоминание Вашего пребывания в нашем городе.

Милостивые Государыни и Милостивые Государи, я поднимаю бокал за здоровье наших высоких и дорогих гостей.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 83–84. Подлинник. Машинопись.

№ 24

Телеграмма пермского губернатора И. Ф. Кошко временно управляющему Пермской губернией Н. А. Ордовскому-Танаевскому о запрещении Великой Княгиней Елизаветой Федоровной устраивать торжественные встречи в связи с угрозой начала войны

Телеграф
В ПЕРМ[Ь] [ИЗ] ВЕРХОТУРЬЯ

Телеграмма.
ПЕРМ[Ь] ГУБЕРНАТОРУ

Принята 17/VII 1914 г.
от Ек[а]т[ерин]б[урга] № 88/313

КНЯГИНЯ [В]ВИДУ ПЕЧАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ¹ ВОСПРЕЩАЕТ
ВСЯКИЕ ВСТРЕЧИ И СБОРИЩА ПУБЛИКИ. ГУБЕРНАТОР КОШКО
[Резолюция в правом нижнем углу:]

К[анцелярия]

Свед[ений] о визите Вел[икой] Княгини не разглашать, Полицмей-
ст[ера]² предупредить.

17/VII 14

О[рдовский]-Г[анаевский]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 60. Подлинник. Машинописный экземпляр на бланке.

¹ В этот день, 17 июля 1914 г., Россия объявила всеобщую мобилизацию. Спустя два дня, 19 июля, Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война.

² Н. Н. Церешкевич, пермский полицмейстер.

№ 25

**Записка пермского губернатора в Канцелярию
с распоряжением проинформировать соответствующих
лиц о нежелании Великой Княгини Елизаветы Федоровны
распространения информации об ее обеде**

Пермский Губернатор.

Записка.

Канц[елярия].

В[еликая] Княгиня не желает, чтобы печатали об ее обеде сегодня.

Написать наблюдающим и Перфильеву¹.

19 Июля

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 73. Подлинник. Рукопись.

№ 26

**Письмо пермского губернатора редактору газеты
«Пермские губернские ведомости» А. И. Перфильеву
о желании Великой Княгини Елизаветы Федоровны
не публиковать информацию об ее обеде**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

ПЕРМСКИЙ ГУБЕРНАТОР. ПО КАНЦЕЛЯРИИ.

19 июля 1914 г.

№ 17840.

В[есьма] срочно.

Редактору Пермских Губернских Ведомостей А. И. Перфильеву.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА категорически заявила о своем нежелании, чтобы в периодической печати были какие-либо заметки о сегодняшнем ЕЕ обеде на вокзале в Перми².

О таком желании ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА сообщаю Вашему Высокоблагородию.

Губернатор³

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 74. Отпуск. Машинопись.

¹ А. И. Перфильев, советник Пермского губернского правления, редактор газеты «Пермские губернские ведомости».

² Слова «на вокзале в Перми» написаны от руки поверх зачеркнутых слов «в моем доме».

³ Подпись отсутствует.

№ 27

**Письмо пермского губернатора вице-губернатору
В. И. Европеусу с распоряжением принять меры
для исполнения желания Великой Княгини Елизаветы
Федоровны не публиковать информацию об ее обеде**

19 июля [191]4

№ 17841.

В[есьма] срочно.

Наблюдающему за печатью Господину Пермскому Вице-Губернатору.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня ЕЛИСА-
ВЕТА ФЕОДОРОВНА категорически заявила о своем нежелании, чтобы
в периодической печати были какие-либо заметки о сегодняшнем ЕЕ обеде
на вокзале в Перми¹.

Об изложенном сообщаю Вашему Высокоблагородию для принятия
соответствующих мер к выполнению желания ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА.

Губернатор²

Правитель Канцелярии³

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 75. Отпуск. Машинопись.

№ 28

**Сопроводительные письма пермского губернатора
председателям Кунгурской и Осинской уездных земских
управ к подаркам, пожалованным Великой Княгиней
Елизаветой Федоровной**

№ 17521.

Е[го] В[ысоко]Б[лагородию]

А. В. Перовошикову.

М[илостивый] Г[осударь], Александр Васильевич.

По повелению Ее Императорского Высочества Великой Княги-
ни Елисаветы Феодоровны имею честь препроводить при сем Вашему

¹ Как и в предыдущем документе, слова «на вокзале в Перми» написаны от руки поверх зачеркнутых слов «в моем доме».

² Подпись отсутствует.

³ Подпись отсутствует.

Высокоблагородию Высокомилостивый подарок, пожалованный Вам лично портрет Ее Императорского Высочества с собственноручною надписью.

Прошу принять уверение в совершенном к Вам уважении и преданности¹.

№ 17522

Е[го] В[ысоко]Б[лагородию]

П. Н. Горшкову².

М[илостивый] Г[осударь],

Павел Никитич.

То же³

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 58–58об. Подлинник. Рукопись.

№ 29

Сопроводительные письма пермского губернатора екатеринбургскому полицмейстеру Г. И. Рупинскому и и. о. екатеринбургского уездного исправника А. Т. Казачихину к подаркам, пожалованным Великой Княгиней Елизаветой Федоровной

П[ермский] Г[убернатор]

Е[го] В[ысоко]Б[лагородию],

Г. И. Рупинскому⁴.

М[илостивый] Г[осударь],

Генрих Иванович.

По повелению ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ при сем препровождаю Вашему Высокоблагородию лично пожалованный Вам ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ золотой жетон с инициалами ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении (подп[исано]) И. Кошко.

¹ Подпись отсутствует.

² П. Н. Горшков, председатель Осинской уездной земской управы.

³ Имеется в виду идентичный № 17521 текст. Документ представляет собой черновик сопроводительных писем пермского губернатора председателям Кунгурской и Осинской уездных земских управ.

⁴ Г. И. Рупинский, екатеринбургский полицмейстер.

19 июля 1914 года.

№ 17805.

№ 17806

То же.

И[сполняющему] об[язанности] Екат[еринбургского] У[ездного] Исп[равни]ка, кол[лежскому] секр[етарю] А. Т. Казачихину¹.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 72. Заверенная копия. Машинопись.

№ 30

Сопроводительное письмо и. о. управляющего Конторой Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны А. А. Зурова в Канцелярию пермского губернатора к свидетельствам на подарки Великой Княгини Елизаветы Федоровны, пожалованным чинам полиции Пермской губернии

КОНТОРА

ДВОРА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ.

13 Августа 1914 г.

№ 719.

г. Москва.

В Канцелярию Пермского Губернатора.

Контора Двора ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, препроводящая при сем 6 свидетельств с № 703 по № 708 включительно на подарки, пожалованные Великою Княгинею ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ чинам полиции Пермской губернии во время поездки по Волге и Уралу в Июле мес[яце] сего года, имеет честь просить выдать означенные свидетельства по принадлежности.

Состоящий при ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ,

в д[олжности] Егермейстера [подпись] Зуров

Секретарь [подпись] А. Малеинов²

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 87. Подлинник. Машинопись.

¹ А. Т. Казачихин, помощник екатеринбургского уездного исправника.

² А. А. Малеинов, секретарь и бухгалтер Конторы Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны. На документе стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 19 АВГ. 1914», надписаны номер «27016» и резолюция: «19/VIII раз[ослать] полиц[ейским]».

Сопроводительные письма и. д. пермского вице-губернатора В. И. Европеуса уездным исправникам и екатеринбургскому полицмейстеру к свидетельствам на подарки Великой Княгини Елизаветы Федоровны

П[ермский] Г[убернатор]
21 августа 1914 г.

№ 21224.

Осинскому Уездному Исправнику титулярному советнику
Л. Н. Шаншиеву.

При этом препровождаю В[ашему] В[ысоко]Б[лагородию] свидетельство за № 704, выданное Конторою Двора Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны на пожалованный Вам Ее Высочеством золотой жетон с вензелевым изображением Ее Имени и сапфирами.

И[справляющий] д[олжность] Губ[ернато]ра В. Европеус¹.

Прав[итель] Канц[елярии] В. Иванов.

№ 21225.

Кунгур[скому] У[ездному] Испр[авнику] тит[улярному] сов[етнику]
С. Г. Ширяеву.

То же со свид[етельством] за № 705.

№ 21226.

Верхотур[скому] У[ездному] И[справнику] кол[лежскому] сов[етнику]
Л. И. Гомолицкому².

То же со свид[етельством] за № 706.

№ 21228.

Екатер[инбургскому] Пол[ицмейсте]ру тит[улярному] сов[етнику]
Г. И. Рупинскому.

То же со свид[етельством] за № 707.

№ 21227.

И[сполняющему] об[язанности] Екатер[инбургского] У[ездного]
И[справника] кол[лежскому] секр[етарю] А. Т. Казачихину.

То же со свид[етельством] за № 708.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 88–88об. Подлинник. Рукопись.

¹ Пермский вице-губернатор В. И. Европеус в то время исправлял губернаторскую должность в связи с отставкой И. Ф. Кошко до прибытия нового начальника губернии, которым был назначен М. А. Лозина-Лозинский.

² Л. И. Гомолицкий, верхотурский уездный исправник.

**Сопроводительное письмо вр. и. д. начальника Пермской
железной дороги С. Я. Хмельницкого пермскому
вице-губернатору В. И. Европеусу к свидетельству
на подарок, пожалованный Великой Княгине
Елизавете Федоровне И. Г. Васильеву**

М[инистерство] П[утей] С[ообщения]
УПРАВЛЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.
По Сл[ужбе] Движения.
Канцелярия.

Сент[ября] 1 дня 1914 г.
№ 27792
г. Пермь.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Пермскому Вице-Губернатору
В. И. ЕВРОПЕУСУ.

Препровождая при сем свидетельство за № 718 на подарок, пожалованный Великой Княгиней ЕЛИСАВЕТОЙ ФЕОДОРОВНОЙ Пермскому мещанину Ивану Георгиевичу Васильеву, имею честь просить распоряжения ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА о выдаче прилагаемого свидетельства по принадлежности под расписку и о высылке таковой в Канцелярию Управления дороги.

За Начальника дороги [подпись] Хмельницкий¹
Начальник Службы Движения и Телеграфа [подпись] Р. Вильчинский²

[Резолюция слева:]

Г[убернское] Прав[ление] 2/IX
Выдать Васил[ьеву] под расп[иску]³

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 90. Подлинник. Машинопись.

¹ С. Я. Хмельницкий, начальник службы движения и телеграфа Управления Пермской железной дороги, временно исполнял обязанности начальника железной дороги на правах его 4-го заместителя.

² Р.-Н. З. Вильчинский, помощник начальника службы движения и телеграфа Управления Пермской железной дороги, временно исполнял обязанности начальника службы, поскольку его начальник временно руководил железной дорогой.

³ На документе написан номер «28936» и стоит штамп: «КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА. 3. СЕН. 1914».

№ 33

**Сопроводительное письмо В. Т. Иванова, правителя
Канцелярии пермского губернатора, в Канцелярию
Управления Пермской железной дороги к расписке
И. Г. Васильева в получении свидетельства на подарок
Великой Княгини Елизаветы Федоровны**

Канцелярия Пермского Губернатора
5 сент[ября] 1914
№ 22969

В Канцелярию Управления
Пермской железной дороги.

Вследствие отношения Управления железной дороги от 1 сего сентября за № 27792 на имя Г[осподина] Пермского Вице-Губернатора, К[анцелярия] Г[убернатора] имеет честь препроводить в Канцелярию Управления железной дороги расписку мещанина Ивана Георгиевича Васильева в получении свидетельства за № 718 на пожалованный ему Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной подарок.

Правитель Канц[елярии] В. Иванов
Пом[ощник] Прав[ителя] Яковкин¹

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 514. Л. 91. Подлинник. Рукопись.

¹ М. Г. Яковкин, младший помощник правителя Канцелярии пермского губернатора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адылов Альберт Алимович, ведущий специалист Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград)

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (г. Москва)

Балинченко Александр Петрович, директор Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника (г. Алушка, Республика Крым)

Бобков Дмитрий Вячеславович, старший преподаватель кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения Высшей школы международных отношений и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Верховская Светлана Ароновна, заведующий отделом по научно-просветительской работе Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника (г. Алушка, Республика Крым)

Вострокнутов Артём Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь)

Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург)

Громова Анна Витальевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, председатель Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» (г. Москва)

Дегтярева Мария Игоревна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, Пермский Успенский женский монастырь (г. Пермь)

Елизарова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области (г. Омск)

Жонсон Андрей Александрович, внучатый племянник Н. Н. Жонсона, секретаря Великого Князя Михаила Александровича (г. Санкт-Петербург)

Завьялова Оксана Олеговна, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Зимин Игорь Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова (г. Санкт-Петербург)

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

Каштанова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва)

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва)

Космовская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной

фармацевтической академии, научный сотрудник Пермского государственного института культуры (г. Пермь)

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Лаврёнова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации (г. Москва)

Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор Николо-Угрешской духовной семинарии (г. Москва)

Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва)

Логунова Марина Олеговна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург)

Лыкова Людмила Анатольевна, доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва)

Маркова Любовь Павловна, руководитель библиотеки № 32 Просветительский центр «Библиотека Духовного возрождения» МБУК «Объединение муниципальных библиотек» г. Перми

Марченко Алексей Николаевич, протоиерей, доктор исторических наук, доктор церковной истории, заведующий отделением докторантуры Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени Святых Кирилла и Мефодия (г. Москва)

Махкамов Алиджан Вахобович, заместитель директора по основным вопросам Национального архива Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Международной лаборатории региональной истории России Высшей школы экономики, главный специалист Государственного архива Российской Федерации (г. Москва)

Михайлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Мощанский Александр Борисович, полковник полиции в отставке (г. Пермь)

Мратхузина Гузель Фердинандовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения Высшей школы международных отношений и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Неганов Сергей Васильевич, директор Пермского государственного архива социально-политической истории (г. Пермь)

Перескоков Лев Валентинович, заместитель председателя Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г. Пермь)

Перескокова Анна Викторовна, заместитель начальника отдела запросов Пермского государственного архива социально-политической истории (г. Пермь)

Плотников Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь)

Плотникова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь)

Подпрятков Николай Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь)

Софьин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Пермского отделения Императорского Православного Палестинского Общества (г. Пермь)

Софьина Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры, заместитель начальника отдела научно-публикаторской деятельности Пермского государственного архива социально-политической истории (г. Пермь)

Старцева Сусанна Викторовна, руководитель региональных программ Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» (г. Москва)

Сулейманова Зульфия Минмировна, заведующая отделом научно-справочного аппарата и методической работы Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград)

Тухватулин Айрат Халитович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Хитров Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Калининградского государственного технического университета (г. Калининград)

Хрусталёв Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации (г. Москва)

Черных Александр Васильевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор исторических наук, заведующий сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской Академии наук (г. Пермь)

Юзефович Леонид Абрамович, писатель, лауреат премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер», кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕССИЯ I. Калининград, 4 июня 2021 г. «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПРОЕКЦИЯ НА ЗАПАД»

- Приветственное слово заместителя полномочного
представителя Президента Российской Федерации
в Северо-Западном федеральном округе **Р. В. Балашова** ... 6
- Приветственное слово министра по культуре и туризму
Калининградской области **А. В. Ермака**..... 8
- Приветственное слово ректора
Балтийского федерального университета им. И. Канта
А. А. Федорова 12
- Приветственное слово председателя Наблюдательного
совета Фонда содействия возрождению традиций
милосердия и благотворительности «Елисаветинско-
Сергиевское просветительское общество» **А. В. Громовой**.. 14

ДОКЛАДЫ

- Лавров В. М.** Петр Великий: личность и деяния. 18
- Анисимов М. Ю.** Восточная Пруссия во внешней
политике Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)..... 25
- Хитров А. А.** Императрица Елизавета Петровна
и ее время в исторической памяти калининградцев 40
- Каштанова О. С.** Цесаревич Константин
Павлович и польский вопрос в 1815–1830 гг. 54
- Тесля А. А.** «Польский вопрос» в публицистике
А. И. Герцена 1850-х годов
и проблематика национального: заметки к теме. 66
- Завьялова О. О.** «Для блага Финляндии»: власть
и интеллектуалы о преобразованиях
в Великом княжестве Финляндском во второй
половине 1850-х годов 78
- Крот М. Н.** «Укрепить государственную связь между
великим княжеством и империей...»: попытки
инкорпорации Финляндии в Российское
имперское пространство в конце XIX – начале XX вв. 91

- Подпрятков Н. В.** Императорский Дом Романовых
и этнорелигиозная политика в западных
губерниях России в годы Первой мировой войны. 107
- Адылов А. А.** Представители Российского Императорского
Дома в боевых действиях Первой мировой войны
на территории Восточной Пруссии в 1914 г.:
увековечение памяти в рамках проекта БФУ
имени И. Канта «Дороги русского солдата». 126
- Неганов С. В.** Пермский опыт организации
практической деятельности по увековечению памяти
о пребывании представителей Дома Романовых
на территории Пермского края 131

СЕССИЯ II. Пермь, 14–15 июня 2021 г.
**«ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ
И ВКЛЮЧЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ И НАРОДОВ
В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»**

- Приветственное слово губернатора Пермского края
Д. Н. Махонина 150
- Приветственное слово **Митрополита Пермского
и Кунгурского Мефодия** 152
- Приветственное слово председателя Наблюдательного
совета Фонда содействия возрождению традиций
милосердия и благотворительности «Елисаветинско-
Сергиевское просветительское общество» **А. В. Громовой**. . 156

ДОКЛАДЫ

- Лавров В. М.** Михаил Федорович
Романов – основатель Династии Романовых. 162
- Логунова М. О.** Рождение Российской Империи 179
- Михайлов А. Ю.** Центр и периферия Империи Романовых
(вторая половина XVIII — первая четверть XIX вв.):
в поисках идеальной модели управления регионами 190
- Черных А. В., Вострокнутов А. В.**
Дом Романовых в исторической памяти народов
Пермского края 196

Юзефович Л. А. Исчезновение государей: Легенды о посмертной судьбе Александра I и Великого Князя Михаила Александровича	211
Дегтярева М. И. Участие внука господаря Молдавии Александра Скарлатовича Стурдзы в формировании основных векторов политики Российской Империи в царствование Александра I	218
Ипатов А. М. Политика Александра II в Средней Азии в оценках русских консерваторов	229
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Восточный вопрос в правление Александра II (по воспоминаниям княгини Е. М. Юрьевской)	241
Мелентьев Ф. И. Поляки и остзейские немцы в восприятии старших сыновей Александра II	247
Громова А. В. Личное попечение о Российской Империи. Поездка Императора Александра III с семьей по Кавказу 18 сентября – 14 октября 1888 года	257
Балинченко А. П. Крымское имение Александра III в Массандре. История и современность	297
Зимин И. В. Абас-Туманский затворник: Наследник Цесаревич Георгий Александрович	305
Махкамов А. В. О резиденции Великого Князя Николая Константиновича в городе Ташкенте (1891–1918 гг.)	320
Сулейманова З. М. Ташкентский дворец Великого Князя Николая Константиновича в архивных фотографиях и документальных фильмах (по документам Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана)	329
Хрусталёв В. М. Начало строительства Транссибирской железной дороги	338
Елизарова Н. В. Наследник Цесаревич Николай Александрович в Омске: к 130-летию Высочайшего визита	365
Куликов С. В. Николай II и его роль в создании основных государственных законов 1906 г.	383

Лаврёнова А. М. «Свергнутый с Олимпа»: деятельность Великого Князя Николая Константиновича в Туркестане.	396
Протоиерей Алексей Марченко Пермские Смышляевы и их отношение к Царственному Дому Романовых	409
Космовская А. А. Налоговая политика Романовых в Прикамье в XVII–XVIII вв.	432

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ДОМ РОМАНОВЫХ: ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ»

Лыкова Л. А. Об «открытиях» в известных документах по истории Уральской ссылки Царской Семьи и представителей Императорского Дома Романовых. 1918–1919 годы.	442
Лыкова Л. А., Мощанский А. Б. Как было раскрыто алапаевское преступление.	457
Мощанский А. Б., Лыкова Л. А. Член Екатеринбургского окружного суда Иван Сергеев	473
Адылов А. А. Увековечение памяти Алапаевских мучеников в Калининградской области: опыт и перспективы.	488
Жонсон А. А. Санкт-Петербург Великого Князя Михаила Александровича.	493
Неганов С. В. О месте заключения Великого Князя Михаила Александровича в период его Пермской ссылки	496
Перескоков Л. В., Перескокова А. В. Дневник Великого Князя Михаила Александровича, 1892 г.: мир великокняжеского детства	517
Маркова Л. П. Два Михаила. Увековечение памяти Рода Романовых на Пермской земле. Программа «Династия Романовых: пермский период».	526
Презентация второго издания монографии Д. М. Софьина «Великий Князь Сергей Александрович: путь русского консерватора», подготовленного к 130-летию со дня назначения Великого Князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором	550

СЕССИЯ III. Казань, 22 июля 2021 г.
«РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРАВНЕНИИ
С ДРУГИМИ ИМПЕРИЯМИ ВОСТОКА И ЗАПАДА»

- Приветственное слово министра культуры Республики Татарстан **И. Х. Аюповой** 556
- Приветственное слово **Митрополита Казанского и Татарстанского Кирилла** 558
- Приветственное слово научного руководителя Института всеобщей истории РАН, президента Государственного академического университета гуманитарных наук, сопредседателя Российского исторического общества **А. О. Чубарьяна** 560
- Приветственное слово председателя Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» **А. В. Громовой**. . 561
- Приветственное слово заместителя директора по научной деятельности Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, заведующего кафедрой всемирного культурного наследия, вице-президента Национального комитета ИКОМОС **Р. М. Валеева** 563

ДОКЛАДЫ

- Лавров В. М.** Россия – не Европа? (Попытка демократической модернизации в Российской Империи). 568
- Михайлов А. Ю.** Религиозное измерение империи: «Регулярное государство» Петра Великого как «Христианское государство» (постановка проблемы). . . 577
- Тухватулин А. Х.** Русско-турецкие отношения эпохи Екатерины II и мусульманское сообщество внутренней России. 584
- Гринёв А. В.** Российская Империя в Новом Свете: специфика ее колониальных владений 593

Мратхузина Г. Ф., Бобков Д. В. Индия в стратегии Российской и Британской империй в новых условиях рубежа XIX–XX столетий: факторы трансформации контактов	606
Верховская С. А. Элементы английской колониальной политики, применяемые Михаилом Семеновичем Воронцовым в период генерал-губернаторства в Новороссии и наместничества на Кавказе	616
Ларин А. Б. Три империи в преддверии Великой войны: Россия, Британия и Иран в 1913–1914 годах	627
Ковалев М. В. Имперская идея в творчестве историка Е. Ф. Шмурло	638
Ипатов А. М. Трансформация взаимоотношений между Россией и Пруссией / Германией в 1850–1880-е гг.	652
Старцева С. В. Национальный Проект «Императорский маршрут». О 300-летней истории Императорской России	665

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Паломничество Великой Княгини Елизаветы Федоровны в Пермскую губернию в 1914 г.: документы из фонда канцелярии пермского губернатора <i>Публ. Софьиной М. В., Софьина Д. М., Затопляевой О. Д.</i>	672
Сведения об авторах	708

Научное издание

Сборник

**Под скипетром Романовых.
К 300-летию провозглашения России Империей**
(4 июня 2021 г., 14–15 июня 2021 г., 22 июля 2021 г.)

Под редакцией *А. В. Громовой, С. В. Неганова*

Компьютерная верстка: *Орлова Л.*
Корректор *Качалова Т.*

Подписано в печать 30.05.2022 г. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага ВХИ. Гарнитура MinionPro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 369.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru